КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

СОБСТВЕННЫЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЙ

Собственный Его Императорского Величества Конвой

Москва
Берлин
2020

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)6
С55

Собственный Его Императорского Величества Конвой /
С55 сост. Н. В. Галушкин. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – 685 с.

ISBN 978-5-4499-0382-2

Эта книга вышла в свет в 1961 г. в Сан-Франциско к 150-летнему юбилею Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Офицеры Конвоя с первых дней грозных событий 1917 года вели свои личные записи, фиксируя в них последовательно и точно все то, чему каждый из них был свидетелем и участником, в зависимости от места службы (Царское Село, Могилев, Киев). Эти записи совместно с другими историческими документами были собраны и бережно сохранены командиром Дивизиона полковником К. Ф. Зерщиковым. Предлагаемый вниманию читателей «Краткий Очерк», составленный на основании этих записей, разделен на несколько отдельных глав. В них прослеживается подробная история создания Императорского Конвоя, рассказывается о годах его службы при Высочайшем Дворе вплоть до последних дней пребывания Конвоя в Царском Селе и в Ставке.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)6

ISBN 978-5-4499-0382-2

С разрешения и одобрения Командира Дивизиона
Полковника А. И. Рогожина
составил
помощник Командира
Полковник Н. В. Галушкин

Вместо предисловия

Живых не много остается
Нас, офицеров Царских дней,
Все тише сердце наше бьется...
Н. Михайлов

Но пока сердце, безгранично преданное родной Части, еще бьется, считаю своим священным долгом все касающиеся нашей истории документы, бережно хранимые гг. офицерами Конвоя Его Величества, в виде «Краткого Очерка», передать тем, кто после нашей смерти будет иметь честь служить под нашими Славою увенчанными Штандартами.

А также и тем, в ком бьется русское сердце и для кого память о Царственных Мучениках и прошлое нашей Великой Родины – России святы.

В 1899 году, по указанию Командира Конвоя, Свиты Его Величества генерал-майора В. А. Шереметева, полковником С. И. Петиным написана и, по распоряжению Командующего Императорскою Главною Квартирой, напечатана история Конвоя Его Величества.

С первых же дней грозных событий 1917 года, офицеры Конвоя вели свои личные записи, отмечая в таковых последовательно и точно все то, чему каждый в отдельности из них был свидетелем и участником, в зависимости от места службы (Царское Село, Могилев, Киев).

Записи эти, совместно с другими историческими документами, были собраны и хранимы командиром Дивизиона полковником К. Ф. Зерщиковым.

Полковник Зерщиков, дабы претворить в жизнь пламенное желание всех г.г. офицеров Дивизиона увековечить наше Прошлое – особенно службу в годы Русского лихолетия, особым добавлением к истории Конвоя Его Величества, – со

свойственной ему энергией, приступил к выполнению этой цели. К глубокому нашему горю, К. Ф. Зерщиков не успел закончить своей работы. Приняв, со всеми чинами Дивизиона, активное участие в боевой службе Русского Корпуса во время Второй мировой войны, после ранения и тяжелой болезни, он скончался в «Белом Русском Лагере» – Келлерберге. Почти все, с таким трудом им созданное, погибло в боевой обстановке.

Но не погибло среди нас, офицеров Дивизиона, а живо и всегда будет жить чувство, что «героев тень, ковавших вековую Славу, следит за нами по пятам!..».

С Божьей помощью и благодаря содействию командира Дивизиона полковника А. И. Рогожина и всех моих сослуживцев, к кому я обращался за необходимыми сведениями, задачу, взятую на себя К. Ф. Зерщиковым, я выполнил – как смог! Но, при современных условиях, когда некоторые события из нашей жизни восстановлены по памяти сослуживцев, писать и создать «Полную Историю» родной Части, конечно, я не мог, на что, совершенно естественно, и не претендую.

Это только – «Краткий Очерк» о том, как наши предки и мы сами жили и служили.

Своему труду я отдал то, что имею – свое сердце, вполне отдавая себе отчет в том, что мною, как строевым офицером, допущены ошибки «литературного характера», которые, однако, не имеют никакой связи с изложенными историческими фактами.

В составлении этого труда принимали участие не только чины настоящего состава Дивизиона, но также и старые Конвойцы.

Все получаемые сведения мною строго сверялись, систематизировались и складывались в одно целое, результатом чего и является этот «Краткий Очерк».

В нем все изложено так, как оно было и есть, о чем свидетельствуют личные воспоминания гг. офицеров и казаков,

приложенные документы и копии писем Императорской Семьи, подтверждающие нашу преданность Престолу и Родине.

Очерк мною разделен на несколько отдельных глав: I, II и III – сведения о службе в Императорском Конвое Черноморских казаков, Горцев Кавказа и казаков Линейцев.

Дальнейшие главы посвящены постепенному разворачиванию Собственного Его Императорского Величества Конвоя в 4-х-сотенный состав Гвардейских Кавказских Казаков.

Годы Русского лихолетия, война с предателями России, как в самой России, так и вне ее и, «наперекор стихиям черным», существование нашей Части, до настоящих дней, составляют содержание последующих глав.

Одно сознание, что родная сестра нашего Государя-мученика, Государыня и Великая княгиня Ольга Александровна, была так высокомилостива ко мне, обязывает меня начать свой «Очерк» словами Ее Императорского Высочества:

> «Я знаю, что вы трудитесь над краткой историей Конвоя. Милый Зерщиков начал писать свои записки, а вы теперь кончите эту работу. Пишите. Спрашивайте, что хотите, всегда буду рада помочь»[1].

Полковник Н. Галушкин

---

[1] Письмо Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны 9-го мая 1959 года.

Героев тень, ковавших вековую славу,
следит за нами по пятам!

1811 1961

Родному Дивизиону к 150-летнему юбилею Собственного
Его Императорского Величества Конвоя
в день Св. Иерофея
1961 года
С. Ш. А.

Часть первая

Его Императорское Величество Государь
Император Николай II Александрович
Державный Шеф Л.-Гв. 1, 2-й Кубанских
и Л.-Гв. 3 и 4-й Терских казачьих сотен Собственного
Его Императорского Величества Конвоя
Изволил числиться в Собственном Конвое с 6-го мая 1868 года.
Мученически убиенный в ночь с 16 на 17 июля 1918 года
в Екатеринбурге.

БЫВШИЕ ШЕФЫ
Собственного Его Императорского Величества Конвоя

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР II НИКОЛАЕВИЧ
Изволил числиться в Собственном Конвое
с 13-го июня 1861 г. по 1-го марта 1881 г.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР III АЛЕКСАНДРОВИЧ
Изволил числиться в Собственном Конвое
с 29-го мая 1859 г. по 20 октября 1894 г.

Изволит числиться в Дивизионе Конвоя
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВИЧ
с 13-го ноября 1954 г.

ЧИСЛИЛИСЬ ПО СПИСКАМ:
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
Л.-Гв. в Черноморском Казачьем Дивизионе
с 8-го сентября 1843 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ
В Собственном Его Императорского Величества Конвое
с 20-го января 1863 года.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
Петр Романович Князь БАГРАТИОН
с 26-го апреля 1856 года.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
Дмитрий Иванович СКОБЕЛЕВ
с 28-го сентября 1858 года.

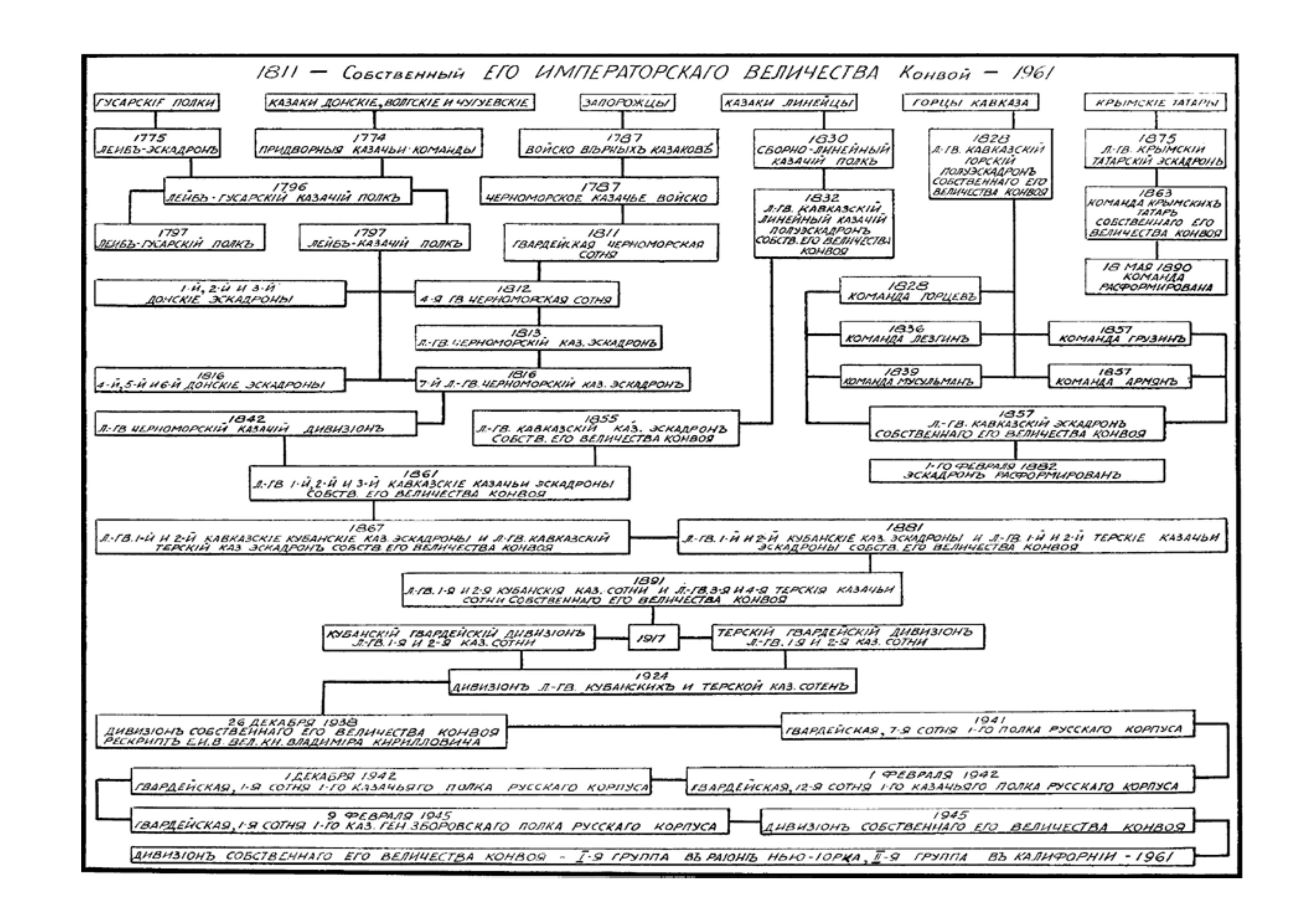
ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ, ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ
Сергей Алексеевич ШЕРЕМЕТЕВ
с 8-го марта 1864 года.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ, ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ
Петр Александрович ЧЕРЕВИН
с 24-го мая 1869 года.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
Модест Александрович ИВАШКИН-ПОТАПОВ
с 13-го августа 1878 года.

СВИТЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
Владимир Алексеевич ШЕРЕМЕТЕВ
с 30-го апреля 1887 года.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
Виктор Эрастович ЗБОРОВСКІЙ
с 4-го октября 1912 года.

1811 — Собственный ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой — 1961
ГУСАРСКІЕ ПОЛКИ
КАЗАКИ ДОНСКІЕ, ВОЛГСКІЕ И ЧУГУЕВСКІЕ
ЗАПОРОЖЦЫ
КАЗАКИ ЛИНЕЙЦЫ
ГОРЦЫ КАВКАЗА
КРЫМСКІЕ ТАТАРЫ
1775 ЛЕЙБЪ-ЭСКАДРОНЪ
1774 ПРИДВОРНЫЯ КАЗАЧЬИ КОМАНДЫ
1787 ВОЙСКО ВѢРНЫХЪ КАЗАКОВЪ
1830 СБОРНО-ЛИНЕЙНЫЙ КАЗАЧІЙ ПОЛКЪ
1828 Л.-ГВ. КАВКАЗСКІЙ ГОРСКІЙ ПОЛУЭСКАДРОНЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1875 Л.-ГВ. КРЫМСКІЙ ТАТАРСКІЙ ЭСКАДРОНЪ
1796 ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКІЙ КАЗАЧІЙ ПОЛКЪ
1787 ЧЕРНОМОРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО
1832 Л.-ГВ. КАВКАЗСКІЙ ЛИНЕЙНЫЙ КАЗАЧІЙ ПОЛУЭСКАДРОНЪ СОБСТВ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1863 КОМАНДА КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1797 ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКІЙ ПОЛКЪ
1797 ЛЕЙБЪ-КАЗАЧІЙ ПОЛКЪ
1811 ГВАРДЕЙСКАЯ ЧЕРНОМОРСКАЯ СОТНЯ
18 МАЯ 1890 КОМАНДА РАСФОРМИРОВАНА
1-Й, 2-Й И 3-Й ДОНСКІЕ ЭСКАДРОНЫ
1812 4-Я ГВ. ЧЕРНОМОРСКАЯ СОТНЯ
1828 КОМАНДА ГОРЦЕВЪ
1813 Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКІЙ КАЗ. ЭСКАДРОНЪ
1836 КОМАНДА ЛЕЗГИНЪ
1857 КОМАНДА ГРУЗИНЪ
1816 4-Й, 5-Й И 6-Й ДОНСКІЕ ЭСКАДРОНЫ
1816 7-Й Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКІЙ КАЗ. ЭСКАДРОНЪ
1839 КОМАНДА МУСУЛЬМАНЪ
1857 КОМАНДА АРМЯНЪ
1842 Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКІЙ КАЗАЧІЙ ДИВИЗІОНЪ
1855 Л.-ГВ. КАВКАЗСКІЙ КАЗ. ЭСКАДРОНЪ СОБСТВ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1857 Л.-ГВ. КАВКАЗСКІЙ ЭСКАДРОНЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1-ГО ФЕВРАЛЯ 1882 ЭСКАДРОНЪ РАСФОРМИРОВАНЪ
1861 Л.-ГВ. 1-Й, 2-Й И 3-Й КАВКАЗСКІЕ КАЗАЧЬИ ЭСКАДРОНЫ СОБСТВ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1867 Л.-ГВ. 1-Й И 2-Й КАВКАЗСКІЕ КУБАНСКІЕ КАЗ. ЭСКАДРОНЫ И Л.-ГВ. КАВКАЗСКІЙ ТЕРСКІЙ КАЗ. ЭСКАДРОНЪ СОБСТВ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1881 Л.-ГВ. 1-Й И 2-Й КУБАНСКІЕ КАЗ. ЭСКАДРОНЫ И Л.-ГВ. 1-Й И 2-Й ТЕРСКІЕ КАЗАЧЬИ ЭСКАДРОНЫ СОБСТВ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1891 Л.-ГВ. 1-Я И 2-Я КУБАНСКІЯ КАЗ. СОТНИ И Л.-ГВ. 3-Я И 4-Я ТЕРСКІЯ КАЗАЧЬИ СОТНИ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
КУБАНСКІЙ ГВАРДЕЙСКІЙ ДИВИЗІОНЪ Л.-ГВ. 1-Я И 2-Я КАЗ. СОТНИ
1917
ТЕРСКІЙ ГВАРДЕЙСКІЙ ДИВИЗІОНЪ Л.-ГВ. 1-Я И 2-Я КАЗ. СОТНИ
1924 ДИВИЗІОНЪ Л.-ГВ. КУБАНСКИХЪ И ТЕРСКОЙ КАЗ. СОТЕНЪ
26 ДЕКАБРЯ 1938 ДИВИЗІОНЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ РЕСКРИПТЪ Е.И.В. ВЕЛ. КН. ВЛАДИМІРА КИРИЛЛОВИЧА
1941 ГВАРДЕЙСКАЯ, 7-Я СОТНЯ 1-ГО ПОЛКА РУССКАГО КОРПУСА
1 ДЕКАБРЯ 1942 ГВАРДЕЙСКАЯ, 1-Я СОТНЯ 1-ГО КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА РУССКАГО КОРПУСА
1 ФЕВРАЛЯ 1942 ГВАРДЕЙСКАЯ, 12-Я СОТНЯ 1-ГО КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА РУССКАГО КОРПУСА
9 ФЕВРАЛЯ 1945 ГВАРДЕЙСКАЯ, 1-Я СОТНЯ 1-ГО КАЗ. ГЕН. ЗБОРОВСКАГО ПОЛКА РУССКАГО КОРПУСА
1945 ДИВИЗІОНЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
ДИВИЗІОНЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ - I-Я ГРУППА ВЪ РАЙОНѢ НЬЮ-ІОРКА, II-Я ГРУППА ВЪ КАЛИФОРНІИ - 1961

Глава первая. Черноморцы

I. 1811–1861

По Высочайшему повелению, днем старшинства всего Императорского Конвоя считается дата основания Гвардейской Черноморской казачьей сотни, 18-го мая 1811 года.

Но уже в 1775 году, в Истории Русской Армии упоминается о Конвое Императрицы Екатерины Великой.

В 1774 году, по предложению князя Потемкина-Таврического, были сформированы из казаков знатнейших фамилий две команды – Донская и Чугуевская, каждая численностью в 65 человек.

Команды эти в 1775 году были командированы в Москву на торжество празднования мира при Кучук-Кайнарджи. По прибытии в Москву, казачьи команды, с выбранным из гусарских полков Лейб-эскадроном, составили Собственный Ее Величества Конвой.

По окончании Московских торжеств, Конвой Императрицы не был расформирован, а переведен на постоянное квартирование в С.-Петербург[2].

В 1776 году утверждены штаты этих команд «для конвоирования Императрицы Екатерины II-й, во время проездов Ее из С.-Петербурга в Царское Село, а во время нахождения Ее Величества в Царском Селе, для содержания караулов и разъездов».

В ноябре 1796 года, по вступлении на Престол Государя Императора Павла I-го, Донская и Чугуевская «Придворные команды», а также Гатчинские эскадроны, из так называемого «Гатчинского гарнизона», вошли в состав вновь учрежденного

---

[2] С. Петин. С. Е. В. К. – «Журнал поход, канц. графа Потемкина 1775. № 921». Чугуевская каз. команда состояла из Чугуевских и Волжских казаков.

Лейб-Гусарского-Казачьего полка, который Высочайше повелено «считать на том же основании, как Конная Гвардия».

В Высочайшем приказе от 25 января 1797 года, по случаю предстоящей коронации Императора Павла I-го, сказано:

> «завтрашнего числа, в десятом часу, быть готовому артиллерийскому батальону и выступить в Москву. После завтра Лейб-Гусарскому и Лейб-Казачьему полкам, в том же часу, оставляя из Лейб-Гусарского полка число, нужное для Конвоя Его Величества».

Приказ этот говорит о раздвоении Лейб-Гусарского-Казачьего полка, на Лейб-Гусарский и Лейб-Казачий, которые, хотя и продолжали нести службу Высочайшей охраны, но уже не составляли Собственного Императорского Конвоя. По штату 1798 года Л.-Гв. Казачий полк состоял из двух эскадронов. В следующем году, Высочайше повелено иметь 3 эскадрона. В 1811 году – 4 эскадрона, для чего была сформирована Гвардейская Черноморская казачья сотня.

По поводу сформирования Гвардейской Черноморской казачьей сотни, Военный Министр сообщил 18-го мая 1811 года, Херсонскому военному губернатору, следующее Высочайшее повеление:[3]

> «Его Императорское Величество, в изъявление Монаршего Своего благоволения к Войску Черноморскому, за отличные подвиги их против врагов Отечества нашего, во многих случаях оказанные, желает иметь при себе, в числе Гвардии своей, конных сотню казаков от Войска Черноморского из лучших людей, под командою из их же войска одного штаб-офицера и потребного числа офицеров из отличнейших людей; команда сия будет здесь пользоваться всеми теми пра-

---

[3] Предписание Воен. Министра 18 мая 1811 г. № 1314. Арх. Г. Упр. К. В. № 6.

вами и преимуществами, какими пользуется и вся прочая Гвардия.

Во исполнение сего Монаршего соизволения, покорнейше прошу ваше Сиятельство, объявить Войску таковую к нему Монаршую милость, уведомить, кто командовать тою сотнею назначен уже, находящийся ныне здесь (т. е. в С.-Петербурге), войсковой полковник Бурсак 2-й, коего с сим же к Вашему Сиятельству препровождаю. Покорнейше прошу отправить его в войско для выбора *лучших людей* с исправною сбруею и с ним же послать одного казака в образцовой обмундировке, предписать атаману того войска, чтобы выбор сей сотни казаков и офицеров сделан был возможно поспешнее.»[4]

Черноморское Казачье Войско, в то время, когда ему было оказано Высочайшее Благоволение, «за отличные его подвиги», находилось на Кубани.

В 1787 году, из бывшего Запорожского Казачьего Войска, было сформировано «Войско Верных Казаков». За отличие в войну с Турцией в 1787–1791 годах, особенно на Черном море, Войско получило наименование «Черноморского». 30 июня 1792 года, Черноморскому Войску, Императрицей Екатериной Великой, была пожалована на «вечное владение», земля

---

[4] Полковникъ Афанасий Феодорович Бурсак 2-й, первый командир, природный казак Черноморского казачьего Войска, был одним из выдающихся офицеров Русской Армии. До основания Гвардейской Черноморской каз. сотни, А. Ф. Бурсак, с 26 декабря 1807 года, состоял адъютантом военного министра графа Аракчеева. 17-го февраля 1810 года произведен в «Войсковые Полковники», с определением к Военному Министру Барклаю-де-Толли, при котором находился до дня основания Гвардейской Черноморской Казачьей Сотни и назначения быть ее командиром. – С. Петин «Гг. офицеры Черноморской Гвардии».

на Кубани, куда Черноморцы, во главе со своим Кошевым Атаманом Захаром Чепига, были переселены.

Высочайшая грамота, пожалованная Черноморцам, гласить[5]:

> «Верного Нашего Войска Черноморского Кошевому Атаману, старшинам и всему Войску Нашего Императорского Величества милостивое слово.
>
> Усердная и ревностная Войска Черноморского Нам служба, доказанная в течение благополучно оконченной с Портою отоманскою войны, храбрыми и мужественными на суше и водах подвигами, ненарушимая верность, строгое повиновение начальству и похвальное поведение от самого того времени, как сие Войско, по воле Нашей, покойным генерал-фельдмаршалом князем Григорием Александровичем Потемкиным-Таврическим, учреждено, приобрели особливое Наше внимание и милость. Мы потому, желая воздать заслугам Войска Черноморского утверждением всегдашнего его благосостояния и доставлением способов к благополучному пребыванию, всемилостивейше пожаловали оному в вечное владение состоящий в области Таврической остров Фанагорию со всей землей, лежащей на правой стороне реки Кубани, от устья ее к Усть-Лабинскому редуту, так, чтобы с одной стороны река Кубань, с другой же Азовское море до Ейского городка служили границею Войсковой земли. С прочих же сторон разграничение указали Мы делать генерал-губернатору Кавказскому и губернаторам Екатеринославскому и Таврическому через землемеров, с депутатами от В. Донского.
>
> Все стоящие на упомянутой Нами пожалованной земле всякого рода угодья, на водах же рыбные ловли, остаются в точном и полном владении и распоряжении

---

[5] Высочайшая грамота хранится при Войсковых Регалиях.

Войска Черноморского, исключая только мест для крепости на острове Фанагории и для другой, при реке Кубани, с подлежащим для каждой выгоном, которая для вящей Войску, и особливо на случай военной безопасности, сооружены быть имеют.

Войску Черноморскому предлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских.

На производство жалованья Кошевому Атаману и Войсковым Старшинам по приложенной росписи, на употребляемые к содержанию стражи отряды и прочие по Войску нужные расходы, повелели Мы отпускать из казны Нашей по 20.000 рублей в год.

Желаем Мы, чтоб земское управление сего Войска, для лучшего порядка и благоустройства, соображаемо было с изданными от Нас учреждениями о управлении губерний.

Мы предоставляем Правительству Войсковому расправу и наказание впадающих в погрешности в Войске, но важных преступников повелеваем, для осуждения по законам, отсылать к губернатору Таврическому. Мы всемилостивейше позволяем Войску Черноморскому пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на Войсковых землях.

Всемилостивейше жалуем Войску Черноморскому знамя Войсковое и литавры, подтверждая также употребление и тех знамен, булавы, перначей и Войсковой печати, которые оному от покойного генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, по воле Нашей, доставлены[6].

---

[6] Несмотря на особый титул всесильного правителя юга России: «Ее И. В. Самодержицы Всероссийской ген.-аншеф, главнокомандующий сухопутными Е. В. войсками в Крыму и в южных Российской Империи губерниях расположенными, флотами, плавающими на Черном, Азовском и Каспийском морях, всею легкою конницею, Донским Войском и всеми иррегулярными, Государственной Военной

Мы надеемся, что Войско Черноморское, соответствуя Монаршему Нашему о нем попечению, потщится не только бдительным охранением границ соблюсти имя храбрых воинов, но и всемерно употребить старание заслужит звание добрых и полезных граждан внутренним благоустройством и распространением семейственного жития».

(Далее в этом историческом документе следует указание о том, сколько положено в год жалованья: Кошевому Атаману, Войсковому Судье, Войсковому Писарю, Куренным Атаманам, Пушкарю, Довбашу «и другим чинам Войска).

Подлинный документ подписан собственною рукою Государыни Императрицы:

«Екатерина II».

Согласно Высочайшего повеления Государя Императора Александра I, из этих Черноморцев сформированная Гвардейская сотня, под командою Войскового полковника Бурсака 2-го, в составе: штаб-офицер 1, обер-офицеров 3, урядников 14, казаков 100, лошадей строевых 118, столько же «подъемных», 27-го февраля 1812 года прибыла в С.-Петербург и была зачислена Л.-Гв. в Казачий полк 4-м эскадроном.

Форму обмундирования Черноморцы имели покроем и цветом одинаковую с Донскими эскадронами полка, но при полукафтане и кафтане, кроме обыкновенных рукавов, имели

Коллегии Вице-Президент, Екатеринославский, Астраханский и Саратовский генерал-губернатор, Е. В. Генерал-Адъютант, Действ. Камергер, Кавалергардского корпуса поручик, Л.-Гв. Преображенского полка подполковник, Новотроицкого Кирасирского полка шеф, над всеми войсками Генерал-Инспектор и Кавалер Светлейший Князь», Запорожцы зачислили в свое Войско Григория Александровича Потемкина-Таврического под именем казака – «Грицко Нечесы». Потемкин, любя казаков, часто сам себя называл этим именем.

еще и другие, закинутые за спину: при полукафтане – алые, а при кафтане – синие.

Разница еще заключалась в том, что у Донских эскадронов полка воротники и обшлага были из алого и синего сукна (по цвету полукафтана и кафтана), крыльца у трубачей синие, чепраки и подушки на седлах у всех чинов алые, с белою обшивкою, а у Черноморцев: воротники и обшивка черные (у казаков плисовые, офицеров – бархатные), с белой выпушкой. Крыльца у трубачей алые; чепраки синие, а подушки алые с обшивкою из желтого басона[7].

Через 18 дней после своего прибытия в С.-Петербург, Черноморцы вновь выступили в поход.

Наполеон со своими полчищами двинулся на Русскую землю, и Россия вступила в Великую Отечественную Войну.

16-го марта 1812 года, Император Александр I произвел смотр всем полкам Гвардии, после чего Л.-Гв. Казачий полк, в составе трех эскадронов Донцов и одного Черноморского, выступил на Вильно, получив назначение быть в авангарде 3-го корпуса генерала Тучкова, находившегося у города Троки.

Из авангарда полк был выдвинут к реке Неман, где вступил в бой с войсками маршала Даву.

14-го июня, эскадроны полка атаковали французских гусар. Взятые казаками в плен семь неприятельских гусар были первые французские пленные в Отечественной Войне.

16-го июня, при переправе через реку Вилию, несколько французских конно-егерских эскадронов отрезали находившуюся сзади всех Черноморскую сотню и хотели ее окружить, но стремительной атакой Лейб-эскадрона казаков и полуэскадрона Лейб-Улан, Черноморцы были выручены и, в свою очередь, атаковали егерей. Все шесть эскадронов французской конницы были разбиты и более ста неприятельских кавалеристов взято в плен.

---

[7] Из воспоминаний генерала Н. И. Лукашева.

В последующих боях, Черноморские казаки особенно отличились у дер. Деюны, сдержав натиск неприятельской кавалерии, и дер. Свече, отбросив авангард французов. Прикрывая отступление нашей первой армии, они принимали участие в боях у Витебска. В этих боях были ранены сотник Мазуренко и вахмистр Завадовский.

За мужество и храбрость, проявленную в арриергардных боях, при отходе Русской Армии к Смоленску, командир Гвардейской Черноморской сотни полковник Бурсак 2-й был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и удостоен Высочайшего благоволения. Хорунжий Матешевский получил орден Св. Анны 3-й степени. Вахмистра: Николай Завадовский – первый офицерский чин, Степан Белый – «знак отличия военного ордена».

С первых же дней Отечественной Войны, в ежедневных боях, Лейб-Казаки и Черноморцы проявили бесчисленное множество подвигов, но их атака 7-го августа, совместно с Мариупольскими гусарами, при защите Смоленска, когда были уничтожены два французских пехотных полка у Валупиной горы, и беззаветная храбрость, оказанная 26-го августа, в знаменитом Бородинском сражении, занесены на почетные страницы Русской военной истории.

В самый критический момент Бородинской битвы, первый Кавалерийский Корпус Уварова нанес сильный удар французам на их левый фланг и тыл. Первая атака, остановившая зарвавшегося противника, выпала на долю полков Л.-Гв. Гусарского и Л.-Гв. Казачьего, причем два взвода Черноморцев, под командою сотника Безкровного, врубились во французскую батарею и, захватив два орудия, взяли в плен одного кавалерийского полковника, одного офицера и девять солдат артиллеристов. В этой атаке, под сотником Безкровным был убит картечью конь, а сам он контужен в левую ногу.

После Бородинского сражения, Черноморцы с исключительной выдержкой и стойкостью сдерживали натиск врага,

когда 28-го августа была выслана в цепь вся Гвардейская Черноморская сотня.

В период временного пребывания в Москве Наполеона, Черноморцы имели особую задачу, находясь в партизанском отряде. В октябре 6-го числа, при Тарутино, Черноморцы атаковали части корпуса Мюрата, взяв действующую французскую батарею. За бой у Тарутино полковник Бурсак был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, и раненый в руку сотник Завадовский орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом[8].

28 октября Лейб-Казаки и Черноморцы приняли участие в разгроме корпуса вице-короля на р. Вопи и в преследовании неприятеля из пределов России. В половине ноября состоялась злополучная для армии Наполеона переправа через Березину.

Находясь постоянно в авангарде нашей армии, Черноморцы подошли к городу Юрбургу. Город был занят сильным отрядом противника. Полковник Бурсак, не ожидая подхода главных сил нашего авангарда, немедленно атаковал французов и занял город.

В декабре Черноморцы, открыв движение корпуса маршала Макдональда, разбили его передовой отряд, захватив с собою корпусный магазин с провиантом, причем особенно отличился своей доблестью сотник Безкровный.

Прибывший в Вильно Император Александр I отдал приказ Главнокомандующему Русской Армии вступить в пределы Пруссии.

1-го января 1813 года, после торжественного молебна, Русская Армия двинулась через Неман на город Плоцк.

---

[8] Сотник Николай Степанович Завадовский, младший офицер Гвардейской Черноморской сотни, за боевые отличия, из вахмистров произведен в офицеры. В 1828 году – генерал. С 1830 года по 1842 год – Атаман Черноморского Войска.

Предстоящая в 1813 году кампания, для Л.-Гв. Казачьего полка, совершилась при обстоятельствах, нисколько не похожих на те условия, при которых полк воевал в минувшем 1812 году.

Полк получил лестное назначение состоять в Конвое Его Величества. Эту почетную службу Донцы и Черноморцы несли с честью в 1813 и 1814 годах, следуя всюду за Государем.

12-го апреля 1813 года, Император Александр I торжественно вступил в город Дрезден. Л.-Гв. Казачий полк составлял Императорский Конвой.

В Дрездене Черноморцы были осчастливлены Высочайшею наградою, за «их усердную боевую службу»[9]. Управляющему Военным Министерством генерал-лейтенанту князю Горчакову был отдан следующий указ:

> «В награду отличной службы, состоявшей в числе Гвардии Черноморской казачьей сотне и во изъявление благоволения Нашего к Войску казачьему Черноморскому, повелеваем содержать оную во всем на положении Лейб-Казачьего полка, оставив Черноморцам их историческую форму в настоящем виде. Служащих же ныне в Черноморской сотне офицеров и командира оной переименовать в чины противу Лейб-Казачьего полка.
>
> Город Дрезден.
> Апреля 25 дня
> 1813 года.
>
> Александр».

На основании Высочайшего Указа, изданного Государем Императором Александром I в городе Дрездене 25-го апреля 1813 года, Гвардейская Черноморская сотня была переименована Лейб-Гвардии в Черноморский эскадрон.

---

[9] С. Петин. Дело Ком. об устр. Чернм. В. № 50.

14-го августа в сражении у Дрездена и 17–18-го в победоносной для Русской Гвардии Кульмской битве Л.-Гв. Казачий полк был в Конвое Государя Императора и непосредственного участия в бою не принимал, но Черноморского казачьего эскадрона поручики Безкровный и Завадовский, согласно их просьбе, с особого разрешения Государя Императора, были в Кульмском бою прикомандированы к 4-му Черноморскому казачьему полку, входившему в состав конного корпуса генерала графа Платова.

Государь Император Александр I, осматривая поле Кульмского сражения, нашел поручика Безкровного, тяжелораненого в бок неприятельской картечью, и, Его личным распоряжением, герою Л.-Гв. Черноморского казачьего эскадрона была оказана срочная медицинская помощь[10].

Будучи младшим офицером Черноморской Гвардии, А. Д. Безкровный был награжден золотою саблею с надписью: «за храбрость» и орденом Св. Владимира 4-го класса. В дальнейшей своей боевой службе – бриллиантовым перстнем «стоимостью в 1000 рублей», 5000 рублей деньгами и орденом Св. Анны. Вернувшись на Кубань, Безкровный, в чине полковника, назначается Командующим Войсками Черноморской Линии, а 27-го сентября 1827 года, по Высочайшему Указу, Войсковым Атаманом Черноморского Казачьего Войска.

В 1827 году началась новая война с Турцией и Персией. Горцы, поддерживаемые турками, усилили свою враждебную деятельность, вторгаясь в пределы Черноморских казаков.

С началом войны на Атамана Безкровного было возложено командование Таманским отрядом, главной задачей которого

---

[10] Поручик Алексей Данилович Безкровный, начав службу рядовым казаком в 1800 году, так же, как и его сослуживец Л.-Гв. по Черноморскому эскадрону, Н. С. Завадовский, кончил ее, как Атаман Черноморского Войска – каковым он был с 1827 по 1830 гг., в чине генерал-майора.

было обеспечение операции русских войск против турецкой крепости Анапы. Активно выполняя возложенную на него задачу, Атаман со своими Черноморцами участвовал в осаде и штурме крепости. За отличную храбрость и умелое руководство войсками, А. Д. Безкровный был произведен в чин генерал-майора и награжден орденом Св. Георгия 4-го класса.

Атаман Безкровный, благодаря своему мужеству и исключительной храбрости, высоко поднял престиж Черноморского Войска в глазах храброго противника – за кубанских горцев.

Имя Войскового (с 2-го октября 1827 года, Наказного) Атамана Безкровного достойно чтится в Кубанском Казачьем Войске, один из полков которого именуется: «1-й Таманский генерала Безкровного полк»[11].

После Кульмского боя и разгрома войск Макдональда при Кацбахе, 4-го октября (17 н. ст.) произошла знаменитая «битва народов» под Лейпцигом, – битва, во время которой Лейб-Казаки и Черноморцы своею доблестью и беззаветной храбростью покрыли себя неувядаемой славой.

В бою под Лейпцигом русские колонны первыми двинулись вперед на Вахау и Клеберг, выбили оттуда французов и завладели их позицией. Но дальнейшее продвижение русских войск было остановлено жестоким огнем французских батарей.

Перейдя в контратаку, французы вновь завладели Вахау и Клебергом. Наполеон, сосредоточив главные свои силы против нашего центра, открыл по нему сильный огонь всей своей артиллерией.

За центром же наших войск, на горе у деревни Госсы, находился Император Александр I с двумя союзными Мо-

---

[11] «Казак» – Информационный Листок Кубанской канцелярии № 103. 1957 год. «А. Д. Безкровный» – ст. генерала В. Науменко.

нархами. Вблизи Государя был Его Конвой, Л.-Гв. Казачий полк – Донцы и Черноморцы.

Развивая свой успех, Наполеон двинул к Вахау кавалерийский корпус Латур-Мабура, всю свою конную гвардию и 60 орудий. Кавалерийская атака была поручена Мюрату, и вся масса французской конницы должна была обрушиться на наш центр.

Русская пехота мужественно встретила врага, свернувшись в каре. Атакующие встречены картечью и штыками, но массы французских кирасир и драгун не останавливаются...

Каре пехоты смяты, наша легкая гвардейская кавалерийская дивизия, не успевшая еще развернуться, была сама атакована.

Французская конница шла неудержимым потоком: на ее пути все было смято и уничтожено, и наш боевой центр прорван.

Наполеон торжествовал и уже послал в Лейпциг королю Саксонскому поздравление, не сомневаясь в окончательной победе[12].

Прорвав центр, атакующие летели прямо на дер. Госсу, у которой на возвышении, за плотиной, находился Император Александр I со Своей Свитой и Конвоем. Вблизи, кроме четырех эскадронов Л.-Гв. Казачьего полка, не было других войск.

Неприятель мчался прямо на Свиту Государя...

В этот критический момент боя, Император Александр I, сохранив полное самообладание, приказал: графу Орлову-Денисову скакать к Барклаю-де-Толли, с повелением немедленно к отступившему центру выдвинуть тяжелую конницу,

---

[12] Лейпцигское сражение – «Битва народов» – длилось 4 дня. В нем принимало участие до полумиллиона человек и было убито и ранено более 100.000. В бою лично принимали участие Император Александр I и Наполеон, присутствовали: император Австрийский Франц и короли Прусский и Саксонский (С. Ф. Платонов. Р. ист.)

а начальнику резервной артиллерии генералу Сухозанету, подтянуть все батареи – обратился к единственной Своей охране, Лейб-Казакам и Черноморцам.

– «Позвать полковника Ефремова!» – услышали казаки Государевы слова. Полковник Ефремов, за отсутствием командира Л.-Гв. Казачьего полка, стоял перед полком. Он поскакал на холм и остановился перед Государем.

Государь Император Александр I повелел полку идти вперед через плотину и атаковать неприятельскую кавалерию во фланг.

Выслушав Царское приказание, полковник Ефремов быстро повернул назад. «Полк!» скомандовал он на скаку: «отделениями, по четыре направо, заезжай! За мной!» И, не ожидая, пока тронется полк, понесся в сторону неприятеля.

«Не отставай от командира!» раздалось в рядах полка, и казаки бросились в атаку. Путь полку пересекал топкий болотистый ручей, который обскакать было нельзя.

Эскадроны рассыпались по берегу и, кто где стоял, так и ринулись вперед: кто пробирался плотиной, кто плыл, где поглубже, или, забравшись в тину, барахтался в ней. Преодолев препятствие, и скрыв свое движение тянувшейся со стороны противника возвышенностью, полк приблизился к французам.

Неприятельская кавалерия, не подозревая удара, неслась вперед. Один из французских кирасирских полков пересекал дорогу Л.-Гв. Казачьему полку. «Эскадрон!» громко скомандовал полковник Ефремов. «Эскадрон!» повторил он: «благословляю!..»

Ефремов высоко поднял свою обнаженную саблю и сделал ею в воздухе крестное знамение. Казаки, взяв наперевес свои длинные пики, с гиком ринулись на латников и врубились в их ряды, атаковав фланг французского кирасирского полка.

Пораженная этим неожиданным ударом, неприятельская кавалерия заколебалась; первые ряды ее смяты и рассеяны, остальные остановились и, атакованные одновременно с фронта русской конницей, а с другого фланга прусскими кирасирским и драгунским полками, повернули назад. Разбитая французская кавалерия, преследуемая огнем, с противоположных берегов озера и ручья у деревни Госсы, 112-ти орудиями ген. Сухозанета, в беспорядке отступила за свои пехотные колонны[13].

Когда, по сигналу своих трубачей, собрались все четыре эскадрона Л.-Гв. Казачьего полка, только что совершившего геройский подвиг, то строй полка был неузнаваем. В окровавленных мундирах, в грязи с ног до головы, многие без киверов, со сломанными пиками, с лошадьми без всадников – полк был величественно воински красив и горд сознанием того, что доблестью своей спас жизнь Государя Императора Александра I и честь Русской Армии[14].

Желая воздать полку Свое Царское благоволение и удостовериться в его потерях, Император Александр I приказал полку пройти мимо Него и...

«Восторгом горя, пред глазами Царя,
Не спеша, в окровавленном строе,
Боль от ран заглушив, лишь ряды сократив,
Прошли Лейпцигской битвы герои...»[15]

На высоком холме выделялась величавая фигура Императора, окруженная большой Свитой.

Остановив полк, полковник Ефремов поскакал на холм. Эскадроны полка развернулись в длинную линию.

---

[13] «Разведчик». 1892 год.

[14] История Л.-Гв. Каз. полка, стр. 290. С. Петин – История Конвоя, стр. 24.

[15] Стихотв. Н. Чеботарева.

Государь Император, приняв рапорт от полковника Ефремова, осенил Себя крестным знамением. Вместе с Государем, набожно крестились Донцы и Черноморцы. Ефремов вернулся к полку, получив из рук Его Величества Орден Св. Георгия 3-й степени.

Когда смолкло казачье «ура», вызванное появлением перед полком нового Георгиевского кавалера, полковник Ефремов произнес:

> «Казаки! Государь благодарит всех вас за ваш нынешний славный подвиг. Сказал Он мне, что вами всеми доволен в душе Своей и в сердце. Благодарит Он Бога, что вы из страшного смертного боя возвратились с маловажной потерей; молит, чтобы вы и в будущих ваших подвигах были так же счастливы, как и сегодня!»[16]

Кроме полковника Ефремова, в тот же день полк украсился Георгиевскими кавалерами, в числе коих был доблестный командир Л.-Гв. Черноморского казачьего эскадрона, полковник Бурсак.

Все офицеры полка, согласно Высочайшего повеления, получили небывалую в Русской Армии награду: «по их желанию и выбору».

Офицеры Л.-Гв. Черноморского казачьего эскадрона: ротмистр Ляшенко, поручики – Безкровный, раненый в грудь навылет, и Матешевский, за атаку под Лейпцигом в день 4/17 октября, были награждены орденом Св. Владимира 4-й степени. Многим казакам полка были пожалованы «знаки отличия военного ордена».

После Лейпцига, русские войска подошли 24-го октября к Франкфурту на Майне, и в тот же день состоялся торжественный въезд в город Русского Императора.

---

[16] История Л.-Гв. Казачьего полка, стр. 292.

Начатые с Наполеоном переговоры о мире не дали удовлетворительных результатов, и Император Александр I приказал Своей армии вступить в пределы Франции.

В конце ноября союзные армии направились к Рейну.

Государь выехал из Франкфурта в Карлсруэ правым берегом Рейна; левая сторона реки находилась под наблюдением французских войск, и поэтому, для охраны и конвоирования Императорского поезда, вдоль всей дороги стояли посты от всех четырех эскадронов Л.-Гв. Казачьего полка.

20-го декабря союзные войска в разных местах перешли Рейн. Русская Гвардия перешла его на новый год, в присутствии Государя Императора Александра I.

13-го марта 1814 года авангард наших войск выбил из Фершампенуаза неприятельские корпуса Мортье и Мармона.

К вечеру Государь, в сопровождении Своего Конвоя, прибыл в м. Фершампенуаз. Кругом была полная тишина, и бой прекратился. Государь осматривал окрестности. Императорская Свита сошла с лошадей. Конвой получил приказание расседлывать. Неожиданно раздались ружейные выстрелы в том направлении, где несколько часов назад победоносно прошли наши войска.

Император Александр I лично выехал на окраину Фершампенуаза и увидел несколько французских пехотных колонн.

По тревоге казаки Конвоя прискакали к Государю.

Отдав приказание выдвинуть к Фершампенуазу нашу пехоту и артиллерию, Император Александр I, так же как и в Лейпцигском сражении, обратился к Своему Конвою и повелел атаковать неприятеля.

Залпы и штыки встретили Л.-Гв. Казачий полк, но казаки, своей лихой атакой, смяли французов, и неприятель положил оружие. Задние колонны противника, пытаясь прорваться, были поражены огнем нашей артиллерии и остановлены

атакой гусар. Разбитый противник оказался французской дивизией генерала Пакто, предполагавшего в Фершампенуазе соединиться с войсками императора Наполеона.

Прусский король, узнав о новом подвиге Л.-Гв. Казачьего полка, пожаловал полку награды. Командир Л.-Гв. Черноморского казачьего эскадрона, полковник Бурсак 2-й, получил высокий боевой орден «за военные заслуги» (Pour le mérite).

14-го марта, Император Александр I, конвоируемый Л.-Гв. Казачьим полком, выступил из Фершампенуаза. 17-го марта, сквозь дым гремевшей канонады, показались вершины парижских зданий.

Через день явилась к Русскому Императору депутация города Парижа, заявившая о сдаче столицы Франции.

Утром 19-го марта, Государь со Свитой и Своим Конвоем двинулся к Парижу. По пути Его следования выстроилась русская гвардия, восторженным «ура» встречавшая своего Монарха.

Торжественное вступление победоносных русских войск в Париж открывал Конвой Государя, за которым следовала легкая гвардейская кавалерийская дивизия, а за нею, в некотором расстоянии, Император Александр I, во главе остальных частей русской гвардии.

За русскими войсками шли австрийцы, пруссаки и баденцы.

На Елисейских полях войска остановились, и в обратном порядке прошли церемониальным маршем перед Русским Императором.

По окончании смотра, Л.-Гв. Казачий полк стал биваком на Елисейских полях, выставив караул в дом, занимаемый Государем, и в соседние части города Парижа.

По заключении мира 18-го мая, Император Александр I произвел смотр всему Гвардейскому Корпусу и объявил ему о возвращении в Россию. Лейб-Гвардии Казачий полк, в со-

ставе трех Донских и одного Черноморского эскадронов, выступил из Парижа 21-го мая и прибыл в С.-Петербург 25-го октября.

1-го июня 1815 года, в связи с бегством Наполеона с острова Эльбы, по повелению Государя, полк был вновь направлен к западной границе Русской Империи. Дойдя до Вильно, полк получил приказание вернуться в Петербург, в виду наступившего изменения в политической обстановке и окончательного поражения императора Франции Наполеона I-го.

В ознаменование славных подвигов Донцов и Черноморцев Л.-Гв. Казачьего полка, в Отечественную войну и в кампании 1813-го года, полку были пожалованы Георгиевские серебряные трубы, при следующем Высочайшем Указе, от 15-го июня 1813-го года:

> «Его Императорское Величество, во изъявление Монаршего благоволения к службе Л.-Гв. Казачьего полка и причисленному к оному Л.-Гв. Черноморскому эскадрону, неоднократно оказавшим отличие противу неприятеля в минувшую кампанию, всемилостивейше жалуем им серебряные трубы»[17].

В марте 1817 года, Император Александр I повелел изготовить грамоту на пожалование Л.-Гв. Казачьему полку Георгиевского Штандарта с надписью:

> «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года и за подвиг при Лейпциге в 4-й день октября 1813 года».

По неизвестной причине, эта Высочайшая награда полку не была осуществлена при жизни Монарха.

---

[17] Пол. Соб. Зак. т. XXXII № 25401. Всех труб – 22. Петин. Стр. 31.

В мае 1821 года, Л.-Гв. Казачий полк, в составе Гвардейского Корпуса, выступил в поход к западной границе России, вследствие вспыхнувшей революции в Италии. 7-й Черноморский эскадрон оставался всю зиму в Минской губернии и только весною 1822 года вернулся в Петербург в свой полк.

19-го ноября 1825 года, Россия потеряла Императора Александра I Благословенного. Тело почившего Монарха находилось в Таганрогском соборе до 20-го декабря. По маршруту, для следования в Петербург, ночлеги назначались в селах, имеющих церкви.

6-го марта 1826 года, Донские и Черноморский эскадроны Л.-Гв. Казачьего полка в полном составе принимали участие при встрече тела в Бозе почившего Императора Александра I и 14-го числа в торжественных похоронах Монарха, с Именем которого был связан их исторический подвиг под Лейпцигом.

Одним из первых распоряжений вступившего на Престол Императора Николая Павловича было исполнение воли почившего Монарха о пожаловании Л.-Гв. Казачьему полку Георгиевского Штандарта. Высочайшей грамоты полк удостоился 19-го марта. В этот день, ровно 12 лет тому назад, полк, во главе Русской Императорской армии, вступил в Париж.

В манеже Инженерного Замка, 28-го марта, Штандарт был освящен и торжественно вручен полку.

4-го марта 1816 года Высочайше повелено:

> «Л.-Гв. Казачьему полку состоять из шести эскадронов Войска Донского и одного эскадрона Войска Черноморского, который считать седьмым».

Государь Император Николай I, для облегчения службы Л.-Гв. Казачьему полку, 23-го августа 1826 года Высочайше повелеть соизволил:

«Сформировать из Черноморского Казачьего Войска один Гвардейский полуэскадрон, на том самом основании, как состоит 7-й Черноморский эскадрон, и чтобы по сформировании сего полуэскадрона ежегодно приходил в Петербург взвод на смену одного из взводов в эскадроне состоящих, который отправится на Родину.»[18]

7-го апреля 1828-го года, Черноморцы выступили к границам Турции. 31-го июля у мест. Сатуново, эскадроны Л.-Гв. Казачьего полка перешли Дунай, вступив в пределы Турецкой Империи. В Бабадаге, 7-й Черноморский эскадрон остался в конвое, при штабе Гвардейского Корпуса. С прибытием Великого Князя Михаила Павловича, Черноморцы присоединились к полку.

От Кюстенджи, где войска наши расположились лагерем, Главнокомандующий приказал полку следовать форсированным маршем к Варне, в распоряжение командира осадного корпуса. 7-й Черноморский эскадрон был назначен в отряд генерал-адъютанта Бистрома I-го, действовавший с южной стороны крепости. Эскадрон принимал участие во всех боевых действиях отряда генерала Бистрома, включительно до 29-го сентября, когда турки, понеся поражение, оставили крепость Варну.

В боях под Варною пал смертью храбрых доблестный корнет Котляревский. Наиболее отличившиеся Черноморцы награждены: корнет Миргородский – орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, унтер-офицер Шевченко – чином корнета.

По окончании войны с Турцией, Л.-Гв. Казачий полк стал на зимние квартиры в Волынской губернии.

---

[18] Высочайший Указ 26 августа 1826 года. Куб. Архив. Д. – 7/16.9.1826 год.

В 1829 году, Черноморский эскадрон нес трудную службу на кордонной линии по границе Подольской и Херсонской губерний, для охраны края от чумной заразы. В ноябре 3 эскадрона Донцов и 7-й Черноморский получили распоряжение прибыть в Петербург, но на походе были остановлены и по Высочайшему повелению командированы в город Тирасполь, на кордоны по реке Днестру, вследствие появления чумы в Бессарабской области.

В 1830 году, сдав кордоны армейской пехоте, эскадроны были отозваны в Петербург.

Отдых продолжался недолго, ибо Л.-Гв. Казачий полк был направлен в Царство Польское, для действий против польских мятежников. Л.-Гв. 7-й Черноморский эскадрон следовал с полком на Вильно и Белосток, к местечку Тыкачино, из которого, по приказанию Великого Князя Михаила Павловича, вернулся в Белосток, для охраны Императорской Главной Квартиры.

Находясь в Белостоке, Черноморцы, помимо охраны Главной Квартиры, вели борьбу с появившимися в Белостокской области мятежниками. В бою с ними, 26-го июля 1831 года, был убит поручик Шепель.

Из Белостока Черноморцы были откомандированы к войскам генерала Крейца под Варшаву, где и присоединились к Донским эскадронам своего полка.

25-го августа, в день штурма Варшавы, собравшиеся эскадроны Л.-Гв. Казачьего полка находились в прикрытии наших батарей. По взятии Варшавы, полк вошел в столицу Польши.

По окончании военных действий в Царстве Польском, Л.-Гв. Казачий полк был расквартирован в районе Режицы, куда и прибыл 24-го ноября[19].

---

[19] Арх. Чер. В. 1831 год, № 704.

За отличия в Польскую кампанию 1831 года, юнкера эскадрона: Григорий Лавровский, Александр Рашпиль, Мелентий Жвачка, Аркадий Виташевский и Иосиф Котляревский произведены в корнеты.

Все чины эскадрона получили знаки отличия польского ордена «за военное достоинство» и медали за штурм Варшавы[20].

7-го февраля Черноморцы с двумя Донскими эскадронами выступили из Режицы и ровно через месяц прибыли в Петербург, удостоившись за отличный порядок Высочайшего благоволения. С 1832 года для Черноморцев наступил долгий период мирной жизни.

1-го июля 1842 года, по Высочайше утвержденному положению о Черноморском Казачьем Войске, определено иметь Гвардейский Казачий Дивизион, которому числиться в составе Гвардейского Корпуса[21].

Дивизион комплектовался офицерами Черноморского Казачьего Войска, не менее 3-х лет прослужившими в армейских строевых частях. Никто из «посторонних», т. е. не казаков-Черноморцев, в Дивизион не допускался. Казаки выбирались в гвардию «лучшие в целом войске, по поведению, виду и службе».

Согласно этому новому положению о Войске Черноморском, в том же 1842 году 7-й эскадрон был откомандирован от Лейб-Казачьего полка и развернут в самостоятельный Л.-Гв. Черноморский казачий дивизион[22].

В 1848 году Дивизион выступил в поход к Брест-Литовску и далее в Варшаву.

---

[20] На Кубани, в гор. Екатеринодаре, одни из главных улиц названы по фамилиям заслуженных Черноморцев: Бурсаковская, Рашпилевская, Котляревская и т. д.

[21] Архив быв. Черноморского каз. войска 1848 г. №№ 72 и 78.

[22] По штату Дивизиону положено иметь: штаб-офицер 1, об.-оф. 14, унтер-оф. 36 (в том числе 4 юнкера), трубачей 6, пр. и каз. 320.

8-го мая 1849 года, Государь Император изволил произвести смотр Донской и Черноморской Гвардии на Мокотовском поле, после чего полуэскадрон Черноморцев, под командой штабс-ротмистра Жилинского, был отправлен по железной дороге в город Краков, для конвоирования по Галиции Главнокомандующего действующей армией, генерал-фельдмаршала князя Варшавского. Полуэскадрон стал на постах по станциям почтового тракта между Краковом и местечком Дукло.

Государь Император, охраняемый Черноморцами от станции до станции, прибыл в Дукло одновременно с князем Варшавским. При обратном проезде Государя, Черноморские посты соединялись и следовали до Кракова. По окончании своей командировки, полуэскадрон 16-го июня прибыл в Варшаву, где находился весь Дивизион[23].

В Царстве Польском Л.-Гв. Черноморский казачий Дивизион оставался до поздней осени. В начале ноября 1-й эскадрон отбыл в С.-Петербург, а 2-й был командирован в Черноморию.

Черноморское Казачье Войско ожидало прибытия в Войско Государя Наследника Цесаревича. К июлю 2-й эскадрон прибыл в Екатеринодар, для конвоирования Его Императорского Высочества и подкрепления кордонной линии. Казаки были расставлены «при станциях, в приличных местах, развернутым фронтом, лицом к границе и неприятелю, т. е. к Кубани»[24].

Конвой разделялся на четыре равные части и следовал впереди, по сторонам и сзади экипажа Государя Наследника Цесаревича. В наиболее опасных местах Конвой усиливался

---

[23] В полуэскадроне состояло: об.-оф. 6, унт.-оф. 18, тр. – 3, каз. 160. Воспоминания ген. Г. Г. Рубашевского, в то время юнкера 2 эскад.

[24] Инструкция ротм. Лавровскому, при предписании Чер. Атамана № 2829.

казачьей артиллерией. 16-го сентября Наследник Цесаревич прибыл в Екатеринодар и на другой день принял почетных представителей Черноморского Казачьего Войска, которых от Имени Государя Императора благодарил за верную службу. После молебна в Войсковом Соборе, Его Императорское Высочество, в мундире Л.-Гв. Черноморского Дивизиона, произвел смотр выстроенным на площади войскам, на правом фланге которых находился 2-й Гвардейский эскадрон.

Государь Наследник Цесаревич лично командовал парадом.

В 1854 году Черноморцы были командированы в Эстляндию, на охрану побережья С.-Петербургской губернии, получив за примерную службу Высочайшую благодарность.

II

В форме Черноморцев, присвоенной им при их формировании в 1811 году, произошли значительные перемены. Вместо старого мундира, в 1840 году Высочайше утверждена следующая новая форма:

1. Для офицеров – шапка из алого сукна, верх шапки круглый, стеганый на вате, обложен вокруг серебряной широкой тесьмой и переложен четырьмя полосками серебряной же узкой тесьмы; околыш из черного косматого курпея; подбородник черной шелковой тесьмы; такая же и при вицмундире.

Мундир – темно-синего сукна кафтан, без воротника, с откидными рукавами; вокруг и на карманах обложен серебряной широкой тесьмой; застегивается крючками, от пояса на 1 ½ вершка; обшлага на рукавах из черного бархата, с серебряными петлицами; подкладка под мундиром из темно-синего стамеда, а в рукавах шелковая, алого цвета.

Нагрудный патронник на мундире – черный бархатный, с такими же донышками и карманом внизу; обложен вокруг в один ряд, а сверху карманов в два ряда широкой серебряной тесьмой; патронники внизу и низ кармана – узкой тесьмой; напатронники, для 10 патронов, из карельской березы,

в серебряной оправе, с такими же прикрепленными к кафтану цепочками. По этому же образцу и на вицмундире, только без карманчиков.

Эполеты – серебряные, чешуйчатые, с таким же полем, подбитые алым сукном, а на пуговицах гвардейский герб; под эполетами погоны на гусарский манер.

Пояс – из серебряной тесьмы, шириной ¾ вершка, подшитый алым сафьяном с серебряной пряжкой, наконечником и гайкой; такой же и при вицмундире.

Ахалук (бешмет) – алый суконный, длиной до полуляжки, с обыкновенными гвардейскими петлицами на воротнике и обшлагах; застегивается крючками до пояса; обложен до конца пол узкой серебряной тесьмой, подбит красным стамедом, а с вицмундиром черный, шелковый.

Вицмундир – кафтан темно-синего сукна, с таким же воротником, который, как и борт до пояса, застегивается крючками; покрой этого кафтана в спинке и фалдах на черкесский манер, и на тот же манер прямые рукава.

Шаровары – темно-синего сукна, с кожаными стременками и с серебряным широким галуном по бокам, в два ряда, с просветом, а к вицмундирам – темно-синего сукна, без галунов.

Сапоги – без шпор, которые заменяются казачьей плетью.

Перчатки – без изменения, по-прежнему.

Кинжал – черкесский, в серебряной оправе; носится на поясе, на красном сафьяновом ремне, шириной ¾ вершка, обложенном по краям узкой серебряной тесьмой; такой же и при вицмундире.

Пистолет, чушка для вкладывания пистолета, чехол пистолетный, шнур пистолетный, шашка и темляк – без изменения.

Шинель – из серого сукна; покроя обыкновенного офицерского, с серебряными пуговицами с гербом; малый воротник, алый суконный, с подкладкой серого сукна, и

большой, начиная от нижнего края малого, вниз, длиной один аршин.

На всех вещах тесьма широкая, шириной ¾ вершка, а узкая 5/16 вершка.

Портупея – обыкновенной серебряной портупейной тесьмы, шириной 3/16 вершка, подшитая красным сафьяном, с серебряным прибором; носится через плечо; такая же и при вицмундире.

Вицмундир и назначенные к нему принадлежности составляют одежду вседневной, обыкновенной офицерской формы во всех тех случаях, в каких употребляется вицмундир в полках, имеющих его. А присоединение к вицмундиру пистолета со шнуром составляет офицерскую полную походную форму и такую, когда г.г. офицеры употребляют при вицмундире шарф.

Парадная форма, без пистолета и шнура к нему принадлежащего, составляет праздничную офицерскую форму.

2. Для казаков (рядовых): шапка – из алого сукна; верх круглый, стеганый на вате, обложен вокруг гвардейским оранжевым басоном, с двумя, через верх, накрест полосами, гвардейского же оранжевого басона; околыш из черного косматого курпея; подбородник черной шелковой тесьмы.

Мундир – темно-синего сукна кафтан, без воротника, с откидными рукавами, но там, где у г.г. офицеров обшит галуном, казакам положен гвардейский оранжевый басон, имеющий просветы: посредине черный, а по краям алый; обшлага на рукавах из черного плиса, с гвардейскими петлицами.

Нагрудный патронник на мундире – черный, плисовый, с такими же донышками и карманчиком внизу оных; патронник, карманчики и донышки луженые, на гарусных оранжевых шнурах, продетых в такой же шнурок, прикрепленный к кафтану.

Погоны – на гусарский манер, из гарусного оранжевого шнура, которыми пристегиваются на оловянную пуговицу с гербом закидные рукава.

Пояс – из красной юфты, шириной в $^7/_8$ вершка, обшит по краям гвардейским оранжевым басоном, с железными двойной и малой пряжками, наконечником и гайками.

Ахалук – алого сукна до полуляжки, короче кафтана на 4 вершка, с обыкновенными гвардейскими, на воротнике и обшлагах, петлицами; обложен до конца пол гвардейским басоном, имеющим алые просветы.

Шаровары – темно-синего сукна, с кожаными стременками, обложены по бокам, в два ряда, гвардейским басоном, имеющим просветы: посередине черный, а по краям алый.

Сапоги – без изменения, но без шпор.

Патронташ – из черной юфтовой кожи и такой же крышкой на 24 патрона, на белом лосином ремне.

Кинжал – с белой костяной рукояткой; ножны в черной кожаной оправе; носится на поясе, на красном юфтовом ремне, обшитом по краям басоном, как и пояс.

Пистолет, чушка для вкладывания пистолета, чехол пистолета, шнур пистолетный, ружье, погонный ремень к ружью, чехол на ружье, шашка и темляк – без изменения.

Портупея – два портупейных, из красной юфты, ремня, шириной $^7/_8$ вершка, пришиты к поясу.

Мешочек для пуль – из красной юфты, крышка обложена басоном; носится на поясе.

Плеть – кавказская казачья, плетеная из сыромятной кожи.

Шинель – из серого армейского сукна, с таким же застегнутым крючками воротником, с холщовой подкладкой оплечья и в рукавах; погоны и клапаны застегиваются оловянными пуговицами с гербами.

3. Для унтер-офицеров, обмундирование и вооружение одинаковое с рядовыми, с тою только разницей, что шапка обложена не басоном, а широким галуном вокруг и накрест

узким серебряным галуном. На мундире обшлага, а у ахалука воротник и обшлага, обложены серебряным галуном.

4. Для трубачей: шапка, мундир и ахалук – по образцу для казаков. На мундире и ахалуке выкладки: у мундира на груди, на рукавах (на всю длину) и вокруг обшлагов. У ахалука – вокруг воротника, по борту, до конца пол и на рукавах. Плечевые клапаны у рукавов синие, с подкладкой из алого сукна, обшитые вокруг и вкось в четыре ряда трубаческой формы широким гвардейским басоном[25].

В 1856 году Л.-Гв. Черноморский казачий Дивизион находился в Москве, в отряде войск гвардии и гренадер, собранных там на время Священного Коронования Императора Александра II.

Коронационные торжества имели для Черноморцев исключительное историческое значение. Находясь в составе гвардейского корпуса, Черноморцы отличною службой своею всегда удостаивались благоволений наших Государей. В виду этого, а также принимая во внимание, что добытые соединенной храбростью славных представителей Донской и Черноморской гвардии Георгиевский Штандарт и Георгиевские серебряные трубы, при разворачивании Черноморцев в самостоятельную войсковую часть, остались Л.-Гв. в Казачьем полку, перед Коронационными торжествами гвардейское начальство ходатайствовало перед Государем Императором о пожаловании Черноморцам Георгиевского Штандарта и новых Георгиевских серебряных труб – «За их боевую и постоянную усердную службу и преданность Престолу».

На письменном докладе военного министра Государь Император Александр II Николаевич, 28-го августа 1856 года, собственноручно изволил начертать карандашом:

[25] С. Петин. Черноморцы.

«В приказ на 30 августа внести пожалование Штандарта Л.-Гв. Черноморскому казачьему дивизиону, в память подвигов Л.-Гв. Казачьего полка, составу которого принадлежал»[26].

Полотно Штандарта было изготовлено из желтого штофа, посередине вышит выпукло, блестками и битью, Российский Государственный Герб, а по углам на алом поле, в венках, вензелевое изображение Имени Государя Императора.

Вокруг полотнища Штандарта – надпись:

«За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году и за подвиг, оказанный в сражении под Лейпцигом 4-го октября 1813 года».

На нагрудном щите орла – алое поле с серебряным изображением Св. Георгия Победоносца. Кругом полотнища серебряная густая бахрома. Древко Штандарта деревянное, зеленое с серебряными полосами вдоль, заканчивающееся вверху серебряным шаром и двуглавым орлом на нем, держащим Георгиевский Крест 3-й степени. Под полотнищем Штандарта, согласно Высочайшего Указа 25-го июня 1838 года, помещена круглая скоба, медно-позолоченная, прикрепленная наглухо с надписью:

«1811 года

Гвардейская Черноморская сотня.

За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года и за подвиг, оказанный в сражении под Лейпцигом 4 октября 1813 года.

1856 Л.-Гв. Черноморского казачьего дивизиона».

---

[26] Архив Главного Управления Казачьих Войск. Собственноручная резолюция Императора Александра II.

О пожаловании Штандарта Высочайшая грамота гласит:

> «Нашему Л.-Гв. Черноморскому казачьему дивизиону. В ознаменование особого Монаршего благоволения Нашего Л.-Гв. К Черноморскому казачьему дивизиону всемилостивейше пожаловали Мы дивизиону сему приказом 30 августа 1856 года Георгиевский Штандарт. Повелеваем Штандарт сей употреблять на службу Нам и Отечеству с верностью и усердием, Российскому воинству свойственными.
>
> Александр».

Торжественное пожалование Штандарта происходило в Георгиевском зале Зимнего Дворца. В прибивке полотнища Штандарта участвовали Государь Император, Наследник Цесаревич и Члены Императорского Дома. Государь Сам привязал Георгиевскую ленту, отрезал концы и, разделив их на несколько кусков, один оставил Себе, заметив: «Это старому Атаману»[27].

Такие же кусочки ленты от Георгиевского Штандарта были даны Государем Императором Александром II Николаевичем Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Александровичу и присутствовавшим господам офицерам Л.-Гв. Черноморского Казачьего Дивизиона: полковнику Виташевскому, Лавровскому, штабс-ротмистру Голубу и поручику Рубашевскому.

Передавая офицерам-Черноморцам драгоценные обрезки Георгиевской ленты Штандарта, Государь Император изволил выразить пожелание «заслужить им Георгиевские кресты».

(Но служить Государю и Родине нашим Черноморцам пришлось уже под другим именем).

---

[27], Воспоминание Г. Г. Рубашевского о службе Л.-Гв. в Черноморском Дивизионе.

В 1857 году, Л.-Гв. Черноморскому Казачьему Дивизиону Высочайше пожалованы новые Георгиевские серебряные трубы, т. к. старые, полученные ими в 1819 году, когда они составляли 7-й эскадрон Л.-Гв. Казачьего полка, остались в полку.

Пожалование труб последовало 28 февраля 1857 года, при следующем указе:

> «Государь Император, во изъявление Монаршего Благоволения к службе Гвардейской Черноморской сотни, которая участвовала в Отечественной войне 1812–1814 гг. в составе Л.-Гв. Казачьего полка и оказала неоднократно отличные подвиги против неприятеля, всемилостивейше пожаловать соизволил образованному из сей сотни Л.-Гв. Черноморскому казачьему дивизиону Георгиевские серебряные трубы с надписью: «Л.-Гв. Черноморскому казачьему дивизиону, за отличие, оказанное Гвардейской Черноморской сотней против неприятеля в 1813 году, в составе Л.-Гв. Казачьего полка», при чем Собственною Его Величества рукою было начертано: «По новому штату положено не три, а четыре трубача на эскадрон, следовательно лишних не будет: поэтому дать Л.-Гв. Черноморскому дивизиону 9 новых труб с предполагаемой надписью»[28].

По донесению командира 1-го эскадрона, полковника Виташевского, Черноморцами трубы были получены 27-го октября 1859 года[29].

По Высочайшему повелению, в феврале 1861 года, Л.-Гв. Черноморский казачий дивизион соединен Л.-Гв. с Кавказ-

---

[28] Арх. Г. У. К. В. Дело № 1. Инсп. Отдел № 25-1857 год. (4 трубы на каждый эскадрон и 1 труба – штаб-трубачу).

[29] С. Петин. «О Георгиевском Штандарте и Георгиевских трубах Л.-Гв. Черноморского казачьего Дивизиона».

ским казачьим эскадроном Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

Из офицеров Черноморского Дивизиона были переведены в Конвой: полковник Лавровский, штабс-ротмистр Рубашевский, поручик Шкуропатский, поручик Торагчев, корнет Зарецкий и корнет Скакун. Остальные офицеры были зачислены в полки вновь образованного Кубанского Казачьего Войска, с сохранением своего гвардейского мундира[30].

Глава вторая. Горцы (1828–1882 гг.)

В Царствование Императора Николая Павловича, был сформирован из высших представителей Кавказских горцев полуэскадрон, предназначенный для конвойной службы при Высочайшем Дворе. Часть эта названа Л.-Гв. Кавказским Горским полуэскадроном, и начало ее существования относится к 1828 году[31].

Взвод горцев, под командою ротмистра Султана-Азамат Гирея (потомка Крымских ханов), прибыл в Петербург в мае 1829 года, в составе 3-х обер-офицеров, 1 эффендия, 6 юнкеров (унтер-офицеров), 40 оруженосцев и 23-х служителей, при 49 строевых и 30 заводных лошадях. Горский взвод был сформирован «из разных тамошних народов». В нем находились князья и уздени Большой и Малой Кабарды, Чеченские, Кумыкские мурзы и уздени ногайцев Тохтамышевских, Саблинских и народов Джамбулуковского, Едисанского, Караногайского и Туркменского.

Полтора месяца горцы отдыхали и знакомились с Петербургом, а затем приступили к строевым занятиям «на их манер»[32].

---

[30] Высочайший Указ 30 апреля 1861 года.

[31] Высочайшее повеление 18 сентября 1828 года. Предписание к-щему 1 рез. кав. кор. генерал-адъютанту Левашеву.

[32] Дело И. Г. Кв. № 1. 1829 год. С. Петин.

По Высочайшему повелению, взвод горцев находился в ведении шефа жандармов и Командующего Императорской Главной Квартирой, генерал-адъютанта Бенкендорфа. 30 апреля 1830 года утвержден штат Л.-Гв. Кавказского Горского полуэскадрона.

По приказанию Государя Императора, трубачи полуэскадрона должны были во всех действиях войск находиться при Его Величестве. Трубачи избирались из полков легкой гвардейской кавалерийской дивизии, совершенно опытные в своей службе и отличного поведения. Эти трубачи, кроме кавалерийских сигналов, обязаны были знать и все пехотные и артиллерийские сигналы.

Обмундирование офицеров полуэскадрона составляли: шапка черного барашка с синим верхом, обшитым серебряным галуном и схваченным наверху серебряной шишкой, башлык желтого сукна и расшитая серебром синяя черкеска с черным бешметом и алая с белым бешметом; синие шаровары с широкими серебряными лампасами. Кроме национальной обуви, состоявшей из чувяк с ноговицами, были обыкновенные сапоги. Из верхнего обмундирования полагалась бурка и общего покроя шинель. Вооружение состояло из стального шлема, панциря, жирницы, отвертки и порохового рога.

Собственное оружие офицеры имели: пистолет, лук со стрелами и колчаном, саблю, шашку и кинжал. Обмундирование и вооружение юнкеров и оруженосцев было одинаковое с офицерами и отличалось лишь качеством материала и сравнительной скромностью украшений.

Трубачи полуэскадрона имели также черкесскую форму, но обшитую трубаческим желтым басоном[33].

---

[33] Описание формы Л.-Гв. Кавказского Горского полуэскадрона, см. Приложение. Четвертая часть книги.

Дабы дать горцам Кавказа необходимое образование, согласно заявленному ими желанию, Высочайше повелено определить их в Дворянский полк. Но горцам, несмотря на все данные им привилегии, не особенно нравилось пребывание в Дворянском полку и, спустя некоторое время, от них начали поступать заявления с просьбами увольнения обратно во взвод или на родину, а из Дворянского полка – жалобы на горцев «за их беспокойный характер» и просьба об откомандировании из полка.

Государь Император не изъявил на это Своего согласия, т. к. по собственному выражению Его Величества, «беспокойный характер» есть не преступление, а только нравственный недостаток»[34].

Горцы, оценив такое великодушие Государя Императора, просили о зачислении в военно-учебные заведения их детей и родственников, в результате чего было принято 40 малолетних горцев княжеских фамилий и определено в Дворянский полк, в Александровский, Павловский и 2-ой Кадетский Корпус.

Поступившим в учебные заведения горцам-воспитанникам была присвоена черкесская форма: папаха черная с белым верхом и с серебряной на нем пуговкой. Светло-голубая черкеска с напатронниками и карманами из черного бархата. Карельской березы 16 патронников, в оправе из белой кости. Бешмет – белый. На воротнике бешмета петлицы корпуса. Шаровары синего сукна и шаровары черного демикадона – летние. Пояс красного сафьяна со стальным прибором. На черкеске погоны по цвету Корпуса.

С 1830–1840 гг. в Кадетских Корпусах воспитывалось 315 горцев.

Помимо молодых горцев, учившихся в Кадетских Корпусах, офицеры и оруженосцы Л.-Гв. Кавказского полуэскадрона, по собственному желанию, изучали русский язык, под

[34] Д. И. Г. Кв. № 11. 1829 год. С. Петин, стр. 59.

руководством избранного университетом кандидата, господина Грацилевского.

Свободно объясняясь на персидском языке и хорошо зная арабский язык, Грацилевский составил и перевел для горцев на русский язык черкесский алфавит.

Занятия начались с 1-го сентября 1829 года, по окончании лагерных красносельских сборов.

Молодые горцы, по окончании военно-учебных заведений, прикомандировывались Л.-Гв. к Кавказскому эскадрону Конвоя Его Величества. С прикомандированием молодых горцев, окончивших образование в корпусах, к полуэскадрону, Высочайше утверждено следующее положение:

> «Юнкеров Кавказского Горского полуэскадрона, производимых в офицеры, зачислять на основании существующего правила, т. е. по кавалерии, с жалованием по чинам и с разрешением проживать в семействах, где они влиянием своим будут небесполезны; вместе с тем, производства в полуэскадроне уменьшить, так как горцы и мусульмане, учащиеся в корпусах, дадут офицеров, более соответствующих видам Правительства».

В виду особого состава Л.-Гв. Кавказского Горского полуэскадрона, он был разделен на отдельные группы. Обычаи каждого племени были приняты во внимание.

Кроме горской аристократии, в полуэскадрон, без согласия его чинов, не допускались представители «других наций и народов».

В декабре 1830 года, Горский полуэскадрон, совместно с Гвардейским жандармским полуэскадроном и обозом Императорской Главной Квартиры, выступил в город Вильно. Прибыв в Вильно, полуэскадрон присоединился к штабу Гвардейского Корпуса, выступившего в поход против польских мятежников.

В ночь на 23 апреля, у дер. Глинки, горцы Конвоя Его Величества разбили роту польской пехоты. 1-го мая, у села Верпента, они блестяще атаковали отряд польских партизан. В этой атаке командир полуэскадрона Хан Гирей получил два ранения в левый бок и в левую руку, а его ординарец убит.

Выхватив из боя раненого своего командира и убитого юнкера, горцы с ожесточением врубились в мятежников и, загнав их в болото, полностью уничтожили. По этому поводу генерал Бенкендорф обратился к эффендию полуэскадрона Магомету Хутову с письмом следующего содержания:

> «Замечено, что горцы, в самом жару дела, внимая единой пылкости их нрава, не щадили жизни мятежников ни в коем случае, что Вам, как общему их наставнику, поручаю я внушить горцам, что сколько неустрашимость и рвение нужны против неприятеля сражающегося, столько необходимо в победителе великодушие и милосердие к человеку обезоруженному и просящему помилования.
>
> А как соединенные эти качества составляют полное достоинство воина, то желал бы я, чтобы горцы, отличаясь природною их храбростью, равномерно известны бы были и великодушием к побежденному»[35].

16-го июня 1831-го года, в сражении при Ковно, горцы, совместно с 3-мя эскадронами Лейб-Казаков, атаковали неприятельскую пехоту. Горцами было взято в плен 2 польских офицера и 40 солдат. Сам Хан Гирей, несмотря на новое ранение пикою в грудь, несколько раз вступал в рукопашный бой, преследуя польских мятежников.

---

[35] С. Петин. – Д. И. Гл. Кв. № 6 – 1831 г. Предписание ген. Бенкендорфа.

Боевые действия горцев Конвоя Его Величества описывает флигель-адъютант полковник Орлов, в своем донесении генералу Бенкендорфу:

> «Приятнейшею обязанностью поставляю донести Вашему Высокопревосходительству, что состоящие при отряде барона Остен-Сакена горцы Л.-Гв. Кавказского Горского полуэскадрона, в сражении 1-го мая при Верпенте, 17-го при Райгороде, 7-го июня на Панарских высотах и 16-го июня при Ковно, показали примеры блистательной храбрости, в особенности же отличились в последнем деле, где вместе с 3-мя эскадронами Лейб-казаков, состоявших под моей командою, врубились в ряды неприятельской пехоты, занимавшей город. С свойственной им смелостью, горцы бросились в жарчайший огонь, поселяя своим появлением ужас в войсках мятежников. Приписывая это как врожденному их мужеству, так в особенности распорядительности храброго и благоразумного Хан Гирея, покрывшего себя 3-мя славными ранами, осмеливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство обратить на достойного офицера этого и на подчиненных его Ваше внимание, и не отказать довести об отличной службе их до сведения Его Императорского Величества».

За оказанное мужество в означенных делах, поручик Хан Гирей награжден чином штабс-ротмистра, 5 юнкеров и 3 оруженосца получили золотые медали на георгиевской ленте, с надписью «за храбрость», для ношения на шее, 6 юнкеров – «знаки отличия военного ордена, и 2 оруженосца произведены в юнкера.

3-го октября штабс-ротмистр Хан Гирей, с командою горцев, прибыл в Варшаву.

Из Варшавы Л.-Гв. Кавказский Горский полуэскадрон выступил походом в Петербург. В день прибытия в столицу,

28 февраля 1832 года, горцам произведен Высочайший смотр. Государь Император милостиво благодарил горцев «за их удаль, молодецкий вид и порядок».

За войну с польскими мятежниками Горский полуэскадрон Конвоя получил 53 знака отличия польского ордена «за военное достоинство», из коих 42 знака выданы горцам, а остальные трубачам, фельдшеру и находившимся при полуэскадроне чинам линейных казачьих полков.

По числу 3-х трубачей, полуэскадрону пожалованы серебряные трубы с надписью: «1830 год»[36].

С возвращением в Петербург, чины Кавказского полуэскадрона усиленно занялись своей строевой подготовкой, а в свободное от службы время – изучением русского языка.

Из горцев, учащихся в кадетских корпусах и Дворянском полку, был сформирован (на время лагерных сборов) особый взвод в 12 рядов при 2-х офицерах и 2-х юнкерах от Горского полуэскадрона Конвоя Его Величества.

В ноябре прибыла с Кавказа новая команда горцев на смену чинам полуэскадрона, закончившим срок своей службы в Конвое.

Отправляя на родину горцев, бывших чинов Конвоя, генерал Бенкендорф в письме командиру отдельного Кавказского Корпуса генералу барону Розену сообщал:

> «Раздражительный горский народ, враждующий с русскими, не может познать истинной причины беспрерывной вражды и удостовериться в желании Российского Государя Императора не уничтожать свободу горцев, а напротив того – даровать благоденствие, каким пользуются и другие Его подданные. Чтобы внушить предварительно хотя некоторым из горцев эти

---

[36] Всего в Конвое 12 серебряных Георгиевских труб: 9 пожалованы Черноморцам и 3 – Горцам.

благородные виды, должно стараться приготовить их в положение, в котором спокойствие души дает возможность человеку выслушать и вникнуть в то, что ему объясняют.

На этом-то основании сформирован был Л.-Гв. Кавказский Горский полуэскадрон и, чтобы более доказать горцам желание Государя Императора прекратить вражду, назначен в Собственный Его Величества Конвой.

Местному начальству предоставить выбор фамилий, наиболее имеющих влияние на туземцев, и только тех, которых для благосостояния края необходимо ближе познакомить с видами нашего правительства.

Детей мусульман, предназначенных для образования, избирать вообще из среды всех племен, обитающих на северном и южном склонах Кавказа и даже из самых гор, чтобы благие намерения Государя Императора равносильно действовали на все племена, а самые жители, еще не вполне знакомые с русскими и не понимающие видов правительства, постепенно, собственным опытам познали их. На северном склоне выбор делать из княжеских и знатнейших дворянских фамилий, на южном – из детей ханов, знатных беков, заслуженных агаларов и др. почетных лиц, преданность которых правительству полезна будет влиянием их на прочих жителей»[37].

На основании сего распоряжения, 12 июня 1836 года, приняты на службу в Кавказский Горский полуэскадрон лезгины Джарской области. (Край, занимаемый Джаро-Белоконской областью, составлял некогда лучшую часть Кахетии, под названием «Кухети», и обитаем был грузинами. Страною завладели Аварские лезгины, поработили природных жителей и насильственно заставили их принять мусульманство).

---

[37] «Русский Инвалид» 1831 года. С. Петин.

Для команды лезгин была установлена следующая форма:

Шапка – национальная, меховая, с алым верхом.

Башлык – желтого черкесского сукна, с серебряной шишкой на конце, обшитый по борту и швам серебряным с черною полоской галуном.

Бешметы (ахалуки) – к алому мундиру синий, а к синему – алый.

Ахалуки обшиты серебряным галуном.

Мундиры (чухи) – алого сукна с желтой подкладкой и светло-синего сукна с алой подкладкой. Мундиры обшиты кругом и по борту серебряными галунами, узкими и широкими.

Эполеты – кавалерийского образца.

Шаровары – широкие зеленого цвета.

Сапоги – национальные, особого типа, с острыми носками: к алому мундиру – желтого сафьяна, к синему – белой кожи.

Собственное оружие: пистолет, ружье с белым ремнем в черном бурочном чехле, шашка и кинжал.

Кроме лезгин, в команду их допущены были в 1839 году кейсерухцы – отдаленнейший народ, живший на границе с Персией и изъявивший покорность России. Кейсерухцы не оставлялись на службе в Петербурге более одного года, исключая желающих служить определенный в Конвое срок.

При отправлении лезгин из Грузии, местному начальству было приказано, чтобы каждый всадник имел, кроме оружия, седло с прибором и тремя покрывалами, пояс и поясную шашечную портупею с серебряными наборами, пороховой рог, жирницу и отвертку. Все эти вещи, исключая седел и покрывал, допускались разнообразные, так как принадлежали к вооружению, составлявшему собственность лезгин.

Посылая первую смену лезгин, кавказское начальство уведомило, что в состав ее выбраны «люди красивой наружности, хорошо одетые, отлично вооруженные и на прекрасных лошадях; все происходят из самых знатных фамилий Джарской области».

Команда лезгин в составе: одного офицера, поручика Магомет-Али-Кара-Али-Оглы, 2 юнкеров и 12 оруженосцев, под командою состоявшего при генерале Бенкендорфе поручика князя Андроникова, выступила из Тифлиса в апреле 1840 года и через пять месяцев прибыла в Петербург.

В Петербурге лезгины были помещены отдельно от горцев, но подчинены командиру Горского полуэскадрона.

В 1837 году, по Высочайшему повелению, выехал на Кавказ командир Л.-Гв. Кавказского Горского полуэскадрона полковник Хан Гирей, в сопровождении 4-х особо знатных горцев, для исполнения особо важного поручения.

Это была депутация от Государя Императора ко всем горцам Кавказа. Цель ее состояла в том, чтобы убедить горские племена принести Его Величеству изъявления покорности и внушить им необходимость испросить себе постоянное управление. В инструкции полковнику Хан Гирею сообщено, что, по Адрианопольскому мирному договору, признаны права России над Кавказскими горскими племенами, а потому Государь Император, одинаково заботясь о всех Своих подданных, приказывает местному начальству склонить горцев, мерами кротости, к добровольной покорности.

Хан Гирею было поручено «разъяснить горцам о силе и могуществе России, о невозможности противостоять ей и необходимости покорения».

Государь Император Николай I считал политику местного кавказского начальства в отношении горцев неправильной.

О своем желании склонить горцев к покорности России не силою оружия, а «мерами кротости», Государь, вернувшись с Кавказа, писал генералу Бенкендорфу:

> «Я много толковал об этом с Вельяминовым, стараясь внушить ему, что хочу не победы, а спокойствия; и что и для личной его славы и для интересов России, надо стараться приголубить горцев и привязать их рус-

ской державе. Я сам тут же написал Вельяминову новую инструкцию и приказал учредить в разных местах школы для детей горцев, как вернейшее средство к их обрусению и к смягчению их нравов»[38].

В результате пребывания полковника Хан Гирея на Кавказе, кавказское начальство донесло о большом количестве желающих горцев быть принятыми на службу Л.-Гв. в Кавказский Горский полуэскадрон. Но в пополнении полуэскадрона произошли значительные перемены. Причина тому следующая.

В действующей армии, находившейся в то время в Польше, в 1837 году был сформирован Кавказский Горский полк. Граф Паскевич-Эриванский, находясь в Петербурге, доложил Его Величеству о пользе, какая последовала бы от укомплектования Л.-Гв. Кавказского Горского полуэскадрона людьми Горского полка, прослужившими некоторое время в действующей армии. Горцы охотнее бы поступали в полк, узнав, что только из полка возможен перевод в Собственный Его Величества Конвой, который, таким образом, станет пополняться людьми, предварительно испытанными в полку. Государь Император повелел: «Одну половину горцев Конвоя комплектовать людьми из Горского полка, другую пополнять на прежнем основании».

В 1839 году Государь признал полезным иметь в Своем Конвое команду из находившегося в действующей армии Конно-Мусульманского полка. Третью часть этого полка составляли армяне, а кроме них, в полку был «целый взвод турок ахалцыхских во всем их наряде».

Мусульмане прибыли в лагерь под Красное Село, под командою поручика Султан-Алиаскар-Бек-Гасан-Бек-Оглы, в составе 2-х обер-офицеров, 4-х векилей и 24-х всадников.

---

[38] Выписка из письма Императора Николая I. Статья Н. Тальберг «Из исторической копилки». Журнал «Наши Вести» № 103/2240.

Мусульманам было присвоено обмундирование, вооружение и снаряжение по образцу лезгин, с некоторою переменою в цвете мундиров. А именно: белый мундир с голубой подкладкой и светло-синий мундир с желтой подкладкой. Бешметы оба желтые. Шаровары – к первому мундиру голубые и ко второму светло-синия. Остальное все то же, что и у лезгин.

Срок службы мусульман в Конвое определен 4-летний, по примеру горцев и лезгин. При этом установлено: смену одной половины команды производить через каждые два года; комплектовать команду из Конно-Мусульманского полка; прослуживших в Конвое положенный срок производить, по удостоению, в офицеры и, с зачислением по кавалерии, отправлять на службу в Грузию.

С возвращением войск из Красного Села в Петербург, взвод мусульман был помещен в казарме-доме Л.-Гв. Кавказского Горского полуэскадрона.

Помещение азиатских команд Собственного Его Величества Конвоя было обставлено с большим комфортом:

> «У каждого горца имелась своя кроват с ночным столиком и плевательницей. Мягкая, обшитая кожей мебель, половина которой из дорогого красного дерева, ломберные столики, устилавшие пол ковры, «10-тирублевые» шторы на окнах – все это далеко не напоминало казарм. На лестницах, по ступенькам которых вились схваченные металлическими прутьями ковровые дорожки, висели «сторублевые фонари с механикой» и не менее дорогие фонари «с цепочками». Чистота и порядок в помещениях поддерживались инвалидами и собственными служителями из азиатцев»[39].

По желанию горцев, Государь Император разрешил в помещении их устроить учебный класс. Особый преподава-

[39] С. Петинъ. Дело И. Г. К. № 28 – 1839 год.

тель занимался с юнкерами полуэскадрона ежедневно с десяти часов утра до трех часов дня. Предметы преподавания были: русское чтение и письмо, грамматика, арифметика, география и история[40].

Для офицеров Л.-Гв. Кавказского Горского полуэскадрона установлен порядок ношения формы, применяясь к форме офицеров 1-й бригады Гвардейской Кирасирской дивизии.

КИРАСИРЫ	ГОРЦЫ:
1. Алый мундир и ботфорты.	1. Алая черкеска, сапоги и шапки.
2. Алый мундир и башмаки.	2. Алая черкеска и чувяки.
3. Колеты и шарфы.	3. Алый мундир, шлем и панцырь.
4. Кирасы.	4. Шлем, панцырь, сверху алый мундир.

В 1857 году, Высочайше повелено:

> «Сформировать, для службы в Конвое, команду грузин из молодых людей знатнейших дворянских и княжеских фамилий, православного исповедания, из Тифлисской и Кутаисской губерний. Команду считать первым взводом Л.-Гв. Кавказского эскадрона. Остальные взводы составят последовательно горцы, лезгины и мусульмане, по 10 рядов, при 20 юнкерах на эскадрон. Командование последним поручать старшему офицеру, по удостоению командира Конвоя».

Кавказское начальство нашло неудобным соединение всех 4-х команд в один эскадрон и ходатайствовало о том, чтобы грузины составляли в Конвое отдельную команду, на основании следующего:

---

[40] Конвой из горцев, кроме политического значения, имел и воспитательное.

«Грузинское дворянство, гордящееся древностью и знатностью своего происхождения, не может быть поставлено наравне с другими представителями кавказского населения. Слить в одно эти разнородные элементы, чуждые друг другу и по вере и по обычаям, значило бы затронуть самые чувствительные стороны национальных предубеждений. Подобная мера была бы противна нашим собственным политическим видам».

Но Государь Император не нашел возможным удовлетворить это ходатайство, положив следующую резолюцию:

«Ничего не может быть почетнее для предполагаемой команды грузин, как назначение ее быть в голове эскадрона. Грузины никоим образом не будут в столкновении с другими командами Л.-Гв. Кавказского эскадрона, кроме строя, в котором они должны составлять первый взвод эскадрона. Командир этого взвода будет постоянно офицер из их среды, подчиненный только командиру Конвоя, флигель-адъютанту».

Кроме грузин, в первый взвод были допущены имеретины, мингрельцы и гурийцы. Грузинский взвод был сформирован не сразу, а по частям, по мере выбора «лучших из желающих».

В том же 1857 году, кавказским начальством возбужден вопрос о принятии в первый взвод знатнейших армян.

«Народ этот, подобно грузинам, принадлежит к древнейшим христианам и составляет значительную часть Закавказского населения, имея весьма важное значение в крае. В среде армян, всегда отличавшихся непоколебимой преданностью Российскому Престолу, есть древние фамилии почетной аристократии».

Так хлопотал князь Барятинский, и Государь Император изволил разрешить службу знатных закавказских армян в Своем Конвое, но не более $^1/_5$ части 1-го взвода.

Грузинам была присвоена особая форма: шапка – национальная черного меха с малиновым верхом. Фуражка – малиновая; околыш и выпушка по верхнему кругу, зеленые. Чухи (мундир) – малинового бархата. Вицмундир – зеленого сукна. Ахалуки (бешмет) – из шелковой материи. К парадному мундиру зеленый, а к вицмундиру малиновый.

С 1869 года, юнкера и векили Л.-Гв. Кавказского эскадрона, по прослужении 2-х лет, стали производиться в офицеры, но не иначе, как по экзамену, установленному для вольноопределяющихся. Те же, кто не могли выдержать экзамен, выпускались, через четыре года службы в Конвое, прапорщиками милиции.

Во время войны 1877–1878 гг. Кавказский эскадрон оставался на службе в Петербурге. В это время в эскадроне, с производством в офицеры чинов его, не хватало большого числа всадников. Для пополнения убыли эскадрона, Государь Император приказал собрать на Кавказе молодых людей, но не отправлять их в Петербург, а оставить их в распоряжении Главнокомандующего Кавказской армии, на службе в Кубанской области.

По окончании войны с Турцией, чины Кавказского эскадрона, находившиеся в Кубанской области, под командою войскового старшины Завгородного, выступив походным порядком из города Майкопа, прибыли в Петербург 5-го мая и уже 11-го мая, совместно с казачьим эскадроном Конвоя Его Величества, приняли участие в весеннем параде войск Гвардии и Петербургского военного округа.

«Восточный» Конвой всегда пользовался милостивым вниманием Государя Императора. По Высочайшей воле он был учрежден с тою целью, чтобы показать народам Кавказа,

что Русское Правительство стремится к благосостоянию их, а не к угнетению. И дабы горцам доказать Царское доверие, представители их были зачислены в Императорский Конвой. Горцам была пожалована нарядная форма и весьма значительное жалованье. Выслужившие свой срок службы в Конвое горцы производились в корнеты по армейской кавалерии, со всеми преимуществами, дарованными им за службу при Высочайшем Дворе.

Командируя произведенных горцев на Кавказ, генерал Бенкендорф (их прямой начальник) в письме к командиру отдельного Кавказского корпуса, генералу барону Розену, сообщал:

> «При отправлении теперь вновь произведенных офицеров, каждый из них просил службы на Кавказе, чтобы усердием иметь возможность оказать свою благодарность; каждый из них давал обещание служить и умереть за Государя. Явную недоверчивость в этом случае считаю я совершенно вредною, тем более, что они, сколько известно, в данных один раз обещаниях непоколебимы, и что недоверчивость эта может послужить лишь к уменьшению их уважения к русским. Я полагал бы, напротив того, показывать горцам всю возможную доверенность употреблением беспрерывно на службу по разным случаям, награждая того, кто будет иметь средства на самом деле оправдать данное им обещание. Я видел их с удовольствием слушающих о нашем к ним доброжелательстве, видел удивление в познании того, чего они на Кавказе, враждуя с нами, не постигали.»
>
> «Чтобы воспользоваться таким приготовлением умов служащих горцев в Конвое, которые отправляются на Кавказ, получив различные награды, я полагаю весьма полезным тотчас же по прибытии отпустить их в дома, где они, прежде завлечения мнением и суждениями своих соотечественников, рассказывать будут все,

что старался я внушить им во время 4-х-летнего служения в Петербурге»[41].

С основания Л.-Гв. Кавказского Горского полуэскадрона, по получении соответствующего образования, были произведены в офицеры 472 горца, из коих находились на службе в армейских частях 6 штаб-офицеров и 1 генерал.

В 1882 году на Кавказе не было уже непокорных горцев. Наиболее непримиримые переселились в Турцию[42]. Остальные признали власть Русского Правительства.

Усмиренный Кавказ быстро заселялся казачьими станицами.

Естественно, что и Кавказский эскадрон Конвоя утратил свое прежнее значение – проводника мирных идей среди горских народов Кавказа.

1-го февраля 1882 года, Высочайше повелено Л.-Гв. Кавказский Горский эскадрон расформировать. Офицеры эскадрона произведены в следующие чины, получив пожизненную пенсию в размере 1200 рублей в год.

Несмотря на искреннее желание Государя Императора Николая I водворить порядок и спокойствие среди воинственных горских племен «дружелюбием и снисхождением», Кавказ был покорен только силою русского оружия.

Среди горцев, в особенности в Чечне и Дагестане, при содействии турецкого правительства, начал сильно распространяться мюридизм, заключающийся в беспощадной священной войне с «неверными», т. е. «врагами» не мусульманами.

[41] Д. И. Г. К. № 88. Письмо ген. Бенкендорфа № 2109.

[42] С разрешения Императора Александра II, 200.000 черкесов-кара-булаков покинули Кавказ и переселились в Турцию.

С 1819 года мюридизм стал успешно развиваться под водительством Кази-Муллы, объявившего себя Имамом, т. е. духовным вождем всех мусульман. Он привлек к себе много сторонников, и имя его было чрезвычайно популярно среди горцев. В 1832 году Кази-Мулла был окружен русскими войсками и в Гимрах, при попытке прорваться во время штурма этого укрепления, был убит.

После него, короткое время был Имамом Гамзат-Бек, павший от рук убийцы, и Имамом Чечни и Дагестана стал Шамиль, родившийся в 1797 году в Гимрах.

Сделавшись Имамом, Шамиль помирил враждовавших между собою горцев и собрал десятки тысяч отчаянных храбрецов мюридов, давших обет посвятить все свои силы и жизнь «Газавату». Война между горцами и русскими отличалась невероятным упорством и стоила огромных жертв. Обе стороны были достойны друг друга. Русская Кавказская армия прославилась своей доблестью, ее противник – горцы – храбростью и упорством в бою. Первое чувствительное поражение было нанесено Шамилю в 1839 году, когда, несмотря на упорное сопротивление горцев, русскими был взят аул Ахульго, причем был захвачен в плен один из сыновей Шамиля; ему же самому удалось прорваться и бежать.

6-го июня 1845 года, после ожесточенного боя, была взята сильно укрепленная и неприступная резиденция Шамиля, аул Дарго. Шамиль ушел в Кабарду.

В дальнейшей борьбе Шамиль нес поражение за поражением. Ряды его приверженцев таяли, и многие горские племена перешли на русскую сторону.

В 1859 году был взят аул Ведено. Шамиль, с остатками горцев, укрепился на горе Гуниб.

25-го августа, после отчаянного сопротивления горцев, пал последний оплот Шамиля – аул Гуниб, в котором он с 600 мюридами, оставшимися ему верными, сражался до конца с геройскими, как и его горцы, Кавказскими войсками.

С взятием Гуниба закончилось покорение Восточного Кавказа, и, в дальнейшем, понадобилось еще пять лет для покорения Западного Кавказа, когда и была закончена многолетняя Кавказская война.

Сдавшемуся князю Барятинскому Шамилю, по Высочайшему повелению, в знак уважения к его храбрости, было возвращено оружие.

В память доблести всех Кавказских героев, в городе Тифлисе был учрежден военный музей – «Храм Славы». В нем было собрано много батальных картин лучших русских художников, посвященных Богатырям Кавказа: Ермолову, Воронцову, Барятинскому, Котляревскому, Слепцову, Мадатову и героям офицерам, солдатам и казакам; Кази-Мулле, Шамилю и его храбрым мюридам и всем кавказцам, покрытым ореолом славы, чести, доблести и благородства[43].

Вождь горцев Имам Шамиль, с семьей, родственниками и слугами, был отправлен в Калугу, где свободно жил, без каких-либо моральных унижений, в предоставленной ему обстановке.

На его содержание Русское Правительство ассигновало 20.000 рублей. Сам Император часто навещал Шамиля и подолгу с ним беседовал. Шамиль искренне жалел о войне с русскими и завещал горцам всегда быть верными России.

14-го февраля 1865 года Шамиль из Калуги писал князю Барятинскому, по случаю окончательного покорения Кавказа:

> «...от души радуюсь великому событию, которое принесет для Кавказа полное спокойствие и счастье...» («Рус. Старина», 1880 год. Том 27, стр. 808).

Тот же Шамиль, на призыв из Константинополя возобновить борьбу против русских, ответил:

---

[43] Из статьи Ген. Штаба Генерал-Майора В. Г. Науменко – «Покорение Восточного Кавказа». Журнал «Наши Вести» № 159. 1955 г.

«Глуп тот человек, который при сиянии солнца зажигает свечу, чтобы ему было еще светлее. Государь дает мне много очень ясного света. Зачем же я стану зажигать свечу?..»

Те западно-европейские государства, которые поддерживали Шамиля в его борьбе против русских и обещали ему корону «Королевства Кавказского», бросили его и его семью, после падения Гуниба. Многие кавказские племена последовали их примеру.

И только Русский Царь и победитель Шамиля князь Барятинский приняли великодушное, воистину достойное участие в этом благородном и исключительно одаренном человеке и в судьбе его семьи.

Особенно трогательна сердечная дружба, которая была заключена между побежденным Имамом Шамилем и его победителем князем Барятинским. Дружба эта сохранилась нерушимой до самой смерти Шамиля.

Чувствуя приближение своей смерти, Шамиль, с разрешения Государя Императора Александра II, оставил Россию и уехал в Мекку. Умер Шамиль в Медине в 1871 году[44].

Прошли годы. Забыты были вражда и войны на Кавказе. Почти 70 лет народы Кавказа жили в мире и дружбе с своими победителями, перенимая взаимно друг у друга лучшие стороны каждого, как-то: одежду – черкеска стала законной формой Кубанских и Терских казаков, адаты куначества (кровная дружба) и пр. С другой стороны, Горцы принимали от Русских культурный уклад жизни, просвещение и образование. Горцы пользовались правами наравне с Кавказскими казаками. Как у одних, так и у других был один и тот же земельный надел. Надел этот колебался, в зависимости от

[44] Сведения взяты из статьи полковника Н. Г. Бигаева «Проблема Национал-Сепаратизма в России».

местности и качества земли, в среднем от 7 до 14-ти десятин. Горцы, храня свой уклад жизни и обычаи, были совершенно свободны в пользовании родным языком и в исповедовании своей религии. Кроме этой свободы, им Высочайше было даровано право иметь свои суды – «по шариату» (законы, основанные на мусульманской религии). Все проступки горцев против Российских законов могли быть судимы этими судами (исключение – уголовные дела).

Дабы предоставить народам С. Кавказа полную свободу, они были освобождены от отбывания воинской повинности[45].

Но, помня завет Шамиля быть всегда верными России и желая это доказать на деле, в Русско-Японскую войну, горцы добровольно сформировали Терско-Кубанский конный полк. В 1-ю же Великую войну, на основании единодушного постановления Съезда представителей всех народов и племен Северного Кавказа, горцами была создана Кавказская конная туземная дивизия, в составе шести полков.

По личному желанию Государя Императора Николая II Александровича, командование этой дивизией принял Брат Его Величества Великий Князь Михаил Александрович.

В борьбе с большевиками горцы приняли самое активное участие. В состав Вооруженных Сил Юга России они входили целыми бригадами и дивизиями, как Черкесская дивизия и Кабардинская бригада (одно время – дивизия).

Вторая Мировая война принесла горцам много надежд, но еще больше горя, унижения и страдания.

В 1945 году они вместе с казаками были преданы на расправу большевикам. Их вождь, доблестный генерал Султан Келеч Гирей, погиб в Москве лютою смертью, вместе со своими кунаками, казачьими боевыми генералами.

---

[45] В последние годы, в мирное время, в состав 3-й Кавказской казачьей дивизии входили единственные воинские части горцев: Осетинский конный дивизион и Дагестанский конный полк.

По приказу палача Сталина, после жестокостей и избиения, были высланы в Сибирь, на верную смерть, десятки тысяч горцев, а в том числе полностью племена Чеченцев, Ингушей, Кабардинцев и других народов Северного Кавказа.

Входившие в состав 1-го взвода Л.-Гв. Кавказского Горского эскадрона грузины были лучшими представителями древнейшего христианского Царства Грузинского, которое в течение многих веков отстаивало свою самостоятельность от турок и персов.

В результате этой борьбы, православные грузины просили помощи у русских, еще во времена Иоанна Грозного и Бориса Годунова.

В 1725 году грузинский царь Вахтанг, с князьями, дворянами, 6-ю епископами, 14-ю архимандритами, монахами и слугами (1185 душ), бежал в Россию. Все беженцы получили жалованье и продовольствие от русской казны. В дальнейшем, грузины-беженцы выразили желание принять российское подданство и вступить на русскую военную службу. Государыня Анна Иоанновна повелела исполнить просьбу грузин, учредив для отправления ими военной службы «Грузинскую гусарскую роту».

Указом от 25-го марта 1738 года, было повелено отвести грузинам беженцам землю на Украине в вечное потомственное владение[46].

В 17-м веке положение Грузии было настолько трагично, что для нее существовало только два выхода: сделаться добычей Турции и Персии, или же искать обеспечения спокойствия для мирного развития и гражданского правопорядка, в тесном единении с единоверною Россиею.

---

[46] Полное Собрание Законов т. 10. № 7545.

Грузия, лишенная, в борьбе с врагами, цветущей православной цивилизации, истощенная внутренними раздорами, не могла сохранить политическую самостоятельность.

В 1783 году было формально установлено покровительство России над Грузией. Успешное выполнение этого покровительства всего более зависело от слияния Грузии с Россией, к чему обстановка на Кавказе и привела.

В 1801 году Император Павел I издал манифест об окончательном присоединении Грузии к Российской Империи.

В присоединении Грузии к России совершенно нет элемента завоевания; здесь только помощь изнемогающему, единоверному, благородному грузинскому народу.

Но, для связи с присоединенной новой обширной областью, надо было устранить с путей сообщения России с Грузией беспокойный элемент, гнездившийся в горах Кавказа и препятствовавший мирной жизни на сотни верст кругом.

Когда эта задача была выполнена, началась новая эра в жизни сказочного Кавказа. Русские внесли свою лепту в сокровищницу седых обычаев Кавказа, обратившихся постепенно в целый кодекс нравственных норм и законов для блистательной Кавказской армии. Кавказские традиции образовали в армии внутреннюю, духовную силу, проникшую в природу, в совесть, в мысль не только Кавказских войск, но и широких слоев населения Кавказа – жемчужины в Короне Российской Империи[47].

Присоединившись к России, грузинский народ создал выдающуюся интеллигенцию, выделившую из своей среды ряд крупных ученых, поэтов, государственных деятелей и талантливых полководцев, которыми гордилась Россия, как, например, известный герой Отечественной войны, генерал князь Багратион.

---

[47] Полковник Н. А. Бигаев. «Проблема Национал-Сепаратизма в России».

Честь быть первым Командиром Собственного Его Императорского Величества Конвоя, по Высочайшему повелению, принадлежала также представителю Грузии, флигель-адъютанту полковнику *Петру* Романовичу князю Багратион.

Кроме горцев Кавказа, в Императорском Конвое известное время имели честь служить и представители Крымских татар.

В 1825 году, при посещении Императором Александром I Благословенным Крыма, местное татарское дворянство, во главе с генерал-майором князем Балатуковым, изъявило желание сформировать один эскадрон Крымских татар, на что тогда же последовало Высочайшее соизволение.

Порученное генералу князю Балатукову формирование Л.-Гв. Крымского татарского эскадрона через два года было закончено.

В 1860 году среди населения Крымских татар и ногайцев разнесся ложный слух о насильственном переселении их в Россию и о рекрутском наборе жителей Крыма. Татары заволновались, и до 230 тысяч семейств их ушло в Турцию. Ногайцы ушли все поголовно. В Крыму осталась ⅓ бывшего населения[48].

В виду этого, Государь Император, 26-го мая 1863 года, повелел Л.-Гв. Крымский татарский эскадрон упразднить. Взамен его содержать из остающегося в Крыму татарского населения, в составе Собственного Его Величества Конвоя, особую команду Л.-Гв. Крымских татар, с причислением ее, сверх комплекта, Л.-Гв. к Кавказскому Казачьему эскадрону.

Команду приказано было разделить на три смены и присылать в С.-Петербург через каждые два года. Состав смены: 1 унтер-офицер и 6 рядовых. При этих трех сменах иметь по одному офицеру, но только из крымско-татарских фамилий

[48] «Русский Инвалид» 1861 год, № 93.

и не выше чина штабс-ротмистра. Кроме того, в каждую смену допущен, сверх комплекта, один юнкер из татарских мурз.

Для команды татар обмундирование, снаряжение и вооружение установлены по образцам Л.-Гв. Кавказского казачьего эскадрона.

Папаха – национальная, крымско-татарского народа, из черной мелкой мерлушки. Верх алый, плоский, обшитый дважды крестообразно узким серебряным галуном, которым обшивается полукафтан.

Мундир – парадный алый, с 10-ю нагрудными напатронниками и серебряными чешуйчатыми эполетами. Вседневный мундир синий.

Алый мундир обшивается весь широким, а синий на напатронниках широким, а вокруг узким серебряным галуном.

Шаровары – к алому и синему мундиру синие, с тою только разницей, что к алому мундиру – лампасы в два ряда широкого галуна, а к синему из узкого галуна.

Шашка, пистолет и кинжал – по образцу Кавказского казачьего эскадрона. У рядовых мундир обшит широким желтым басоном.

Воротник и обшлага унтер-офицерского мундира обшивались унтер-офицерским галуном[49].

18-го мая 1890 года команда Крымских татар Конвоя была расформирована.

Глава третья. Линейцы (1832–1861 гг.)

В 1832 году, по повелению Государя Императора Николая I сформирована команда Кавказских Линейных казаков Собственного Его Величества Конвоя.

Команда была выбрана из находившегося тогда в Царстве Польском Сборного Линейного казачьего полка. Полк состоял из представителей 8-ми полков Кавказских Линейных

[49] С. Петин. Арх. Гл. Упр. Каз. В. Дело № 46 1864 год.

казаков и находился в ведении Главнокомандующего армией графа Паскевича-Эриванского.

«Линейцами» именовались казаки, находившиеся на укрепленной линии Кавказа, служившей защитой против вторжения и набегов горцев.

Впервые на Кавказе русские войска появились в 1559 году, но, еще задолго до этого, у берегов Каспийского моря и на гребне Кавказских гор, среди горских племен, поселились казаки – предки Гребенских и Терских казаков. Уже в 1550 году, Волгскими казаками был основан город Терки.

Вначале у поселившихся на Кавказе казаков с горцами были мирные отношения, но потом горцы стали вторгаться в казачьи земли, для защиты которых строились укрепленные линии.

Первая укрепленная линия, «Азовско-Моздокская», была основана в 1774 году. Эта линия, согласно проекта князя Потемкина, утвержденного Императрицей Екатериной II в 1777 году, была заселена Волгскими и Хоперскими казаками[50].

Жизнь Линейцев на Кавказе, как и их братьев Черноморцев, была исключительно тяжелой: вечные нападения горцев, постоянная борьба как с ними, так и с природою, тяжелая воинская повинность – все это создавало особую суровую боевую обстановку.

Кавказская «Линия» состояла из отдельных небольших крепостей, постов и батарей, находившихся друг от друга в 10–15-ти верстах; они были окружены небольшим рвом, огорожены терном и колючим кустарником. Все эти крепости, посты и батареи помещались на каком-нибудь открытом месте, часто на кургане, имея традиционную вышку, где находились часовые.

---

[50] Основание Хоперских казаков в 1696 году, при Царе Петре Алексеевиче.

Тут же, на посту, устанавливалась высокая жердь, обмотанная пенькой и смолой, так называемая «фигура» или «веха».

Вспыхнувшая во мраке смоляная фигура и зловещий колокольный набат ближайшей станицы по тревоге поднимали кордонные посты линии, и казачьи конные команды неслись к угрожаемому месту или же атакованному горцами пункту.

Как и посты, станицы огораживались рвом с плетнями и оградами из терновника. В ограде оставалось несколько ворот, у которых стояли сторожевые вышки, с постоянными наблюдателями-часовыми. По углам станицы находились пушки.

В то неспокойное время казачьи станицы были в постоянной опасности и в готовности отразить врага. Это создавало особый уклад жизни и всего казачьего обихода. При нападении горцев, по всей линии зажигались сигнальные вехи, служа казакам своеобразным «телеграфом», объявлявшим тревогу.

Пространство между постами и станицами было занято пикетами («бикетами») и резервами («лизертами»). На ночь высылалась «залога», состоявшая из одного-двух казаков, которые залегали в особо важных местах. Обычно залога линейцев была в камышах, плавнях и вообще в таких трущобах, которые были известны только им одним, и где проводили они целые ночи под дождем, вьюгою и непогодой, составляя все вместе «живую изгородь» на рубеже Русской земли. День и ночь казаки зорко и бдительно несли сторожевую службу: на постах, в разъездах, в секретах и в заставах.

Горцы в своих отважных и беспрерывных набегах на Линию проникали в глубь приграничных станиц, поджигали их и уводили в плен жителей, грабя их имущество.

Линейцы, следуя примеру своих воинственных соседей и переняв от них не только их нравы, одежду, вооружение и снаряжение, но и приемы борьбы, с своей стороны, совершали

набеги на горцев, ведя в течение многих лет упорную и кровавую борьбу[51].

Характерны названия станиц Линейных казаков: Сторожевая, Отважная, Бесстрашная, Преградная, Надежная, Упорная, Передовая, Прочноокопская.

По поводу формирования команды Линейцев Конвоя, назначенной специально для личной охраны Его Величества, генерал Бенкендорф сообщил графу Паскевичу-Эриванскому следующий Высочайший Указ:

> «Его Императорское Величество, желая ознаменовать свое благоволение Линейным казачьим полкам за оказанную ими храбрость и усердие, высочайше повелеть соизволил: избрать из среды их 50 человек казаков, которые составят Конвой Императорской Главной Квартиры, и, вместе с тем, дать всем чинам сего Конвоя преимущества Старой Гвардии и особенный мундир. Выбор сих 50 человек Его Величество изволил предоставить собственному распоряжению Вашей светлости».

Вновь формируемую команду было предположено наименовать Л.-Гв. Кавказско-Линейным казачьим полуэскадроном Конвоя Его Величества, в составе которого быть: командиру, не выше ротмистра, 2-м младшим офицерам, 8-ми урядникам, 42-м казакам, казначею из классных чиновников, писарю и фельдшеру. Срок службы и все содержание полуэскадрона определить по примеру Л.-Гв. Казачьего полка.

1-го февраля 1832 года команда выступила из Варшавы, 7-го апреля прибыла в Петербург, и уже 9-го Государь Император изволил смотреть команду в Михайловском манеже.

Первыми офицерами Л.-Гв. Кавказского Линейного казачьего полуэскадрона были есаул Левашев и сотник Разсветаев.

---

[51] Куб. Исторический и Лит. Сборник Генерала В. Г. Науменко (№ 2 и № 4) и Истор. очерк. Л. Я. Апостолов.

Форма для казаков Конвоя утверждена следующая: черкеска алая и синяя. К алой черкеске – белый бешмет, к синей – алый. Шапка (папаха) – черного барашка, с алым верверхом, обшитым кавказским галуном. Черкески – парадный мундир (алый) и вицмундир (синий), по образцу Л.-Гв. Кавказского полуэскадрона, расшитые кавказским галуном и желтым басоном. Шаровары – синие с широким серебряным лампасом у офицеров, кавказским галуном у вахмистров и урядников и желтым басоном у казаков.

Линейцам были дарованы особые преимущества:

1. Выслужившие в Конвое положенные сроки службы получают, по возвращении в полки, синий конвойный мундир.

2. Сохраняют право на увольнение от службы по положению Гвардейской легкой кавалерии.

3. Не употребляются ни на какую службу, исключая оборону собственных станиц, если на них случится нападение горцев.

В Петербурге команда линейных казаков была размещена в Нарвской части города, на старой 12-й роте. Во время лагерных сборов под Красным Селом, они жили в палатках на том месте, где в последнее время находился вокзал железной дороги. Для лошадей был устроен деревянный навес.

В лагерях конвойцы, кроме учений, принимали участие в общих маневрах, смотрах, парадах, тревогах, а также несли ординарческую службу. Ординарцы от Конвоя, по приказанию Государя Императора, всегда стояли на правом фланге от всех других частей.

В марте 1833 года состав линейных казаков Конвоя увеличен вдвое и разделен на две смены: служащую в Петербурге и льготную. Выбор людей и лошадей предоставлен войсковому начальству. Срок службы в Петербурге назначен 3-хлетний; время смены не позже половины июля.

«Во избежание утраты воинственного духа», чины льготной части линейцев, сохраняя гвардейский мундир,

прикомандировывались к полкам, для участия в делах против непокорных горцев.

Л.-Гв. Кавказский Линейный Казачий полуэскадрон находился, главным образом, в Петергофе, где казаки несли охрану Петергофского Дворца, во время пребывания в нем Их Величеств[52].

Вообще же все передвижения и служебные наряды Конвоя всегда делались на основании личных приказаний Государя Императора.

Неся службу в Петергофе, команда линейцев, кроме наряда в сады «для наблюдения», выставляла посты: «один казак к дому на берегу, по пути в Александрию, другой к Монплезиру и третий к Марли. Кроме того, ежедневно посылался в Александрию «на вести» конный урядник, который оставался там целые сутки».

Во время весенних прогулок Государя Императора и посещения Им загородных Дворцов, конные линейные казаки находились «при подставах», т. е. были расставляемы в заранее намеченных местах; при этом обер-шталмейстер Высочайшего Двора заблаговременно извещал, когда и на какое место нужно выслать наряд конвойцев.

Государь Император, отбывая в 1833 году заграницу, для свидания с австрийским и прусским монархами, повелел команде линейных казаков Своего Конвоя, во время Его отсутствия, быть на службе при Государыне Императрице.

По отбытии Государя заграницу, Высочайший Двор находился сначала в Царском Селе, откуда перешел в Петербург, на Елагин остров.

В 1834 году линейны переведены в Царское Село. С этого времени Царское Село стало постоянным местом пребыва-

---

[52] В Петергофе, чины Л.-Гв. Кавказского Линейного каз. полуэскадрона помещались в казармах Л.-Гв. Конно-Гренадерского полка.

ния Л.-Гв. Кавказского Линейного полуэскадрона. Находясь в Царском Селе, казаки линейцы образцово несли службу при Высочайшем Дворе. Государь иногда лично проверял исправность и бдительность Своих конвойцев.

> «19-го мая 1835 года, Его Величество произвел команде линейное учение по тревоге, закончившееся стрельбою с джигитовкою. За изумительную быстроту сбора по тревоге, ловкость стрельбы и лихую езду, офицеры удостоены Монаршего благоволения, казакам Государь объявил Свое Царское спасибо и приказал выдать в награду каждому по 2 рубля и улучшенный обед с двумя чарками вина»[53].

В том же году линейны выступили в поход, составляя охрану Императорских лошадей и обоза, отправленных в город Калиш.

В Калише, при штаб-квартире действующей армии, состоялся Высочайший смотр, в присутствии короля Прусского, во время которого Государю Императору угодно было представить королю Своих конвойцев. За лихую джигитовку, все казаки Императорского Конвоя, с разрешения Государя Императора, королем были награждены прусскими медалями.

После смотра, Государь Император Николай I отбыл заграницу, повелев командировать в город Данциг урядника Подсвирова и казака Рубцова, которые, за все время пребывания Государя в Богемии, находились при Нем.

В 1836 году урядник Подсвиров определен к Высочайшему Двору камер-казаком. По свидетельству генерала Бенкендорфа, Подсвиров выделялся «отличным поведением, трезвостью, а в повиновении начальству всегда служил примером

---

[53] С. Петин. «Дело Императорской Главной Квартиры № 17-1835 год».

своим товарищам, а с тем вместе росту очень большого и наружности самой удовлетворительной»[54]. Таков был первый камер-казак, впоследствии выбираемый из казаков Императорского Конвоя.

В виду предстоящей поездки Государя на Кавказ, туда же выступил походным порядком взвод казаков-линейцев Конвоя, под командою хорунжего Фирсова, и взвод горцев, под командою князя Айдемирова. Конвойцы направились в город Ставрополь, откуда были переведены в крепость Владикавказ.

Место встречи Государя было предоставлено распоряжению командира Кавказского Корпуса, генералу барону Розену.

Кроме взвода хорунжего Фирсова, выехал в город Вознесенск, Херсонской губернии, штабс-ротмистр Разсветаев с нарядом линейцев для встречи Государя и с казаками, сопровождавшими Царских лошадей.

В Вознесенске, в ожидании Царского смотра, находился в полном составе пятый пехотный корпус и конница с конной артиллерией.

Государь прибыл в Вознесенск 18-го августа, и в тот же день состоялся Высочайший смотр кавалерии. Просторное поле близ города было заполнено 350 эскадронами конницы и 144 орудиями конной артиллерии.

Встреча от Конвоя, штабс-ротмистр Разсветаев и 4 конвойца, находилась на главном пункте общей встречи.

В Вознесенске собралось все Царское Семейство, прибыл и Великий Князь Михаил Павлович.

После смотров и парадов, завершившихся маневрами, Государь с Наследником Цесаревичем и Великим Князем Михаилом Павловичем отбыл в Одессу, откуда направился в Крым, в Бахчисарай и Массандру.

---

[54] «Дело Императорской Главной Квартиры» № 25. 1836 год.

22-го сентября «Северная Звезда», под Императорским Штандартом, стала на Геленджикском рейде и через пять дней прибыла в Редут-кале. Седой Кавказ сверкал и переливался своими вечными снегами.

Император Николай I на Кавказе был встречен генералом бароном Розен и, в его сопровождении, направился к Кутаису.

В нескольких верстах Государя ожидал владетель Мингрелии князь Дадиани. Его Величество изволил остановиться на ночлег в доме князя, в м. Зугдиди. Почетный караул из князей мингрельских приветствовал Императора.

28-го сентября Государь отбыл далее, провожаемый знатнейшими лицами Мингрелии и князем Дадиани. На границе Имеретии мингрельцев сменили знатные князья и дворяне имеретинские. В Кутаисе был Царский ночлег, охранявшийся почетным караулом от тех же лиц. 29-го числа Императору Николаю I представились владельцы сванетские, князья Михаил и Татархан, Додешкильяни, и князья Цебельдинские.

После осмотра города, Государь, с блестящим конвоем, направился к границам Грузии и был встречен цветом грузинской аристократии и почетными старшинами ближайших осетинских аулов.

От самого Редут-кале Государь следовал по дороге, вновь устроенной для удобного сообщения Грузии с берегом Черного моря. Через Сурамский перевал, Государь прибыл в Ахалцых. У «Страшного Окопа», Он принял почетнейших беков и армян-переселенцев из Эрзерума. В Ахалкалаках привествовали Государя беки и почетные старшины ахалкалакские; в Гумрах (Александрополь) – армянские старшины, переселенцы из Карса.

Государь Император, сопровождаемый чинами Собственного Конвоя, все время следовал и среди конвоя от местных национальностей, быстро сменявшихся.

В Гумрах Государь принял эрзерумского сараскира, прибывшего с поздравлениями от турецкого султана. На границе

Армении ожидали Русского Императора знатные беки, мелики и куртинские старшины.

Конница Кенчерли, под командованием нахичеванского наиба полковника Эсхан-Хана, встретила Царский кортеж на пути к Эчмиадзину. У монастыря ожидал патриарх всех армян Иоаннес, верхом, с двумя татарами (скороходами) и почетной стражей из 50 армян.

Осмотрев достопримечательности монастыря, Государь посетил патриарха и принял от него в дар частицу Св. Креста Господня. Патриарх обратился к Императору Николаю I со следующими словами:

> «Знамение победы Животворящего Креста да сопутствует Тебе и всему потомству Твоему, против видимых и невидимых врагов, отныне и до века. Аминь!»

Пребывание в Эчмиадзине закончилось смотром знаменитой конницы Кенчерли, после чего Государь Император отбыл в Эривань, где принял персидское посольство, во главе с наследным принцем Валиатом, прибывшим с поздравлениями от Падишаха.

8-го октября Государь прибыл в Тифлис и принял представителей Закавказского края.

11-го числа грузинские князья и дворяне собрались верхом на площади перед Дворцом, и в Высочайшем присутствии произвели джигитовку, закончившуюся разными национальными играми.

В течение четырехдневного пребывания в Тифлисе, Государь посетил бал, данный грузинским дворянством, подробно знакомился с городом и произвел смотр войскам гарнизона.

11-го октября, в 6 часов утра, Император Николай I отбыл во Владикавказ и ночевал, у подножья главного Кавказ-

ского хребта, в Квишхети. Дальнейший переезд через горы был совершен исключительно верхом. Путь этот был труден и опасен, т. к. вся дорога, при сильном морозе, покрылась льдом[55].

Государь Император Николай I, в письме к кн. Паскевичу от 21-го октября 1837 года, подробно описывая путешествие по Кавказу, подтвердил эту трудность и опасность, закончив письмо следующими словами:

> «...Да, забыл было сказать, что, выезжая из самого Тифлиса, на первом спуске, Бог нас спас от явной смерти. Лошади понесли на крутом повороте вправо, и мы бы непременно полетели в пропасть, куда уносные лошади и правые коренные и пристяжная упали через парапет, если бы Божия рука не остановила задних колес у самого парапета. Передние колеса на него уже съехали, но лошади, упав, повисли совершенно на воздухе за одну шею, хомутами на дышле, сломали его, и тем мы легко опрокинулись налево с малым ушибом...
>
> Признаюсь, думал я, что конец мне; ибо мы имели время обозреть и разглядеть, что нам не было никакого спасения, как в Промысле милосердного Бога, что и сбылось. Ибо, «живый в помощи Вышнего в крове Бога небесного водворится». Так я думал, думаю и буду думать...»[56]

Перевалив горы, Государь ехал верхом вдоль Терека до Казбека и прибыл на ночлег во Владикавказ.

Штабс-ротмистр Разсветаев, с нарядом линейцев-конвойцев, сопровождавший Государя во время путешествия по Кавказу, во Владикавказе соединился со взводами Конвоя, ротмистра князя Айдемирова и хорунжего Фирсова.

---

[62] «Русский Инвалид». 1837 год.

[56] Н. Тальберг. «Из Исторической копилки». Журнал «Наши Вести». № 103.

14-го октября удостоены представления Его Величеству депутаты от разных горских народов, проживавших за Тереком.

Из Владикавказа Государь, в сопровождении Своего Конвоя, проследовал в Екатеринодар, где особенно торжественно был встречен Атаманом и представителями всего Черноморского Войска. Дальнейший маршрут Государя Императора был: Пятигорск с его минеральными водами, город Георгиевск и город Ставрополь.

Во всех этих местах Царские ночлеги охранялись Собственным Императорским Конвоем.

За отличную службу, конвойцам Высочайше пожалованы награды: штабс-ротмистру Разсветаеву орден Св. Владимира 4 ст. и 1000 рублей, хорунжему Фирсову – чин поручика гвардии, уряднику Евсееву – чин хорунжего, с определением в один из линейных казачьих полков, 4 урядникам – по 100 рублей и 21 казаку – по 50 рублей. Все казаки Конвоя, сопровождавшие Государя в Его путешествии по Кавказу, произведены в урядники, с оставлением в гвардии, на казачьих окладах. Из горцев Конвоя, князь Айдемиров получил 2 тысячи рублей, 5 юнкеров произведены в корнеты армейских кавалерийских полков, 4 юнкера и 3 оруженосца награждены золотыми медалями «за усердие», на Анненской ленте, для ношения на шее, и 8 оруженосцев произведены в юнкера, но с оставлением на старом окладе[57].

Покинув Кавказ, Государь отбыл на Дон. Собственного Конвоя казаки были отпущены на льготу, т. к. в Петербург прибыла их смена. Горцы получили трехмесячный отпуск в свои дома.

10-го декабря в Петербурге, в Зимнем Дворце, взвился Императорский Штандарт, возвестивший о благополучном прибытии Государя Императора Николая I из далекого и опасного путешествия. Выражение покорности горскими

[57] Из воспоминаний штабс-ротмистра Разсветаева.

представителями давало светлые надежды на умиротворение всего края. Но, к сожалению, потребовалось еще четверть века борьбы с враждебными племенами горцев, усмиренных только силою русского оружия.

В сентябре 1840 года состоялся торжественный въезд в столицу Государыни Императрицы с высоконареченной невестой Наследника Престола, принцессой Марией Гессен-Дармштадтской. В этом торжестве участвовал весь Конвой Его Величества, включая и вновь прибывшие на смену команды линейных казаков.

3-го сентября Высочайший кортеж двинулся по дороге из Гатчины в Царское Село, в сопровождении двух команд линейных казаков Собственного Конвоя и эскадрона лейб-гусар.

В июле команды линейцев были командированы в местечко Княжий Двор, Новгородской губернии, в города Варшаву и Гомель. Каждая команда, в составе 1 офицера и 5 казаков, обязана была следовать за Государем Императором на все смотры, ученья и маневры, составляя часть Государевой Свиты. Кроме того, при Государе всегда находились 2 трубача Собственного Его Величества Конвоя.

В Варшаве, на Высочайшем смотру войск, присутствовал король Прусский, пожаловавший поручику Фирсову орден Красного Орла 4-й ст. и 4 казакам прусские серебряные медали и золотые часы.

Линейцы получили эти награды за лихую ординарческую езду, для чего требовалась большая ловкость и уменье владеть своим оружием. Перед представлением Государю Императору, ординарцы производили джигитовку с пальбой из ружей и пистолетов. На земле, на известном расстоянии, раскладывались бумажные листы. Казаки выскакивали вперед и на полном карьере давали залп по этим листам, щеголяя меткостью своей стрельбы.

В Царском Селе линейцы не имели своего постоянного помещения и находились в одной из Кирасирских казарм,

в то время, как лошади их стояли в конюшне Л.-Гв. Гусарского полка. Такое неудобство было прекращено Высочайшим повелением:

> «Для помещения казаков Собственного Его Императорского Величества Конвоя построить вновь казарму и конюшни с принадлежностями, на избранном для того месте в Царском Селе»[58].

Новое двухэтажное здание, с конюшней, ледником и кладовой было выстроено на одном из обширных дворов при артиллерийских казармах. Казаки Конвоя заняли его 23 сентября 1845 года.

Находясь в Царском Селе, команда линейных казаков Конвоя ежедневно выставляла наружные посты под колоннадою и у Зубовского подъезда; на ночь к ним прибавлялось еще два – у Александровского нового Дворца и у Большого старого.

О постах внутри Дворцов сведений не сохранилось, «потому что наряды были словесные». Иногда внутренние посты занимались согласно личного приказания Государя Императора.

Офицеры в линейный полуэскадрон не всегда назначались из природных линейцев. В 1843 году был принят корнет Л.-Гв. Атаманского полка Леван Гурьели, племянник правительницы Мингрелии, Ее Высочества Нины Георгиевны. Точно так же был случай приема слишком молодого для должности офицера Императорского Конвоя, где требовались боевая опытность и знание службы. Так, со сменою 1843 года прибыл 13-летний корнет Алпатов. Но это был уже георгиевский кавалер, получивший орден и офицерский чин за подвиги и мужество, проявленные в сражениях с непокор-

---

[58] Высочайшая резолюция 29-го октября 1842 г. на докладе генерала Бенкендорфа.

ными горцами, и зачисленный в Императорский Конвой, по личному желанию Государя.

14-го февраля 1845 года Высочайше утверждено положение о Кавказском Линейном казачьем войске, и, в связи с этим, изменен штат гвардейских линейных казаков.

Изменение в штате последовало согласно личного указания Государя Императора. По новому штату, линейцы имели, вместо двух, три смены. Офицеров положено 6 – по 1 поручику и 1 корнету в каждой смене. Казаки, прослужившие положенный срок, по возвращении в свои полки, имели светло-синие мундиры конвойного образца. Правил на производство офицеров в следующие чины не было, а повышались они по усмотрению начальства, в награду за усердие к службе.

В январе 1847 года есаул Давыдов и 8 казаков Сборно-линейного казачьего полка конвоировали из Варшавы в Петербург тело в Бозе почившей Великой Княгини Марии Михайловны. По Высочайшему повелению, по прибытии в Петербург, казаки произведены в урядники и вместе с офицером переведены в гвардию, с назначением в Конвой Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича. Всем этим бывшим чинам Сборно-линейного полка, с переводом их в гвардию, предоставлены мундир, права и преимущества гвардейских линейных казаков Императорского Конвоя, куда они были зачислены сверх комплекта.

Вновь образованный Великокняжеский Конвой был разделен на две смены, служащую и льготную.

Штабс-ротмистр Давыдов постоянно состоял при Его Высочестве Великом Князе Михаиле Павловиче.

1848 год ознаменовался победоносной для наших войск венгерской кампанией.

С началом похода, с Кавказа срочно были направлены в Варшаву 1-я и 3-я льготные смены линейцев, которые

в середине марта выехали на почтовых, имея при себе полное вооружение и седельные приборы. Лошади были получены в Варшаве, вскоре по прибытии казаков, разместившихся в уланской казарме, в павильоне № 7.

В войну 1848 года команда линейцев Конвоя Его Величества находилась при Великом Князе Константине Николаевиче. По собственному выражению Великого Князя, «команда отличалась во все время похода примерною неустрашимостью и особо ревностным исполнением своих обязанностей». Молодецкой храбростью выделился урядник Даниил Барцагов, который, в сражении под Войценом 3-го июля 1849 года, спас жизнь флигель-адъютанту ротмистру графу Орлову, отразив угрожавший ему удар неприятельского кавалериста, и 21 июля под Дебречином, командуя линейцами, в конной атаке взял действующее орудие венгерской батареи.

За венгерский поход линейцы Конвоя получили следующие награды: корнет Фролов – следующий чин, орден Св. Анны 3-й степени с бантом и от императора австрийского орден «железной короны» 3-й степени. От Великой Княгини Александры Иосифовны Фролов получил в дар серебряный вызолоченный ковш, с надписью: «Пожалован Государыней Великой Княгиней Александрой Иосифовной в память сражения под Войценом 3-го июля 1849 года». Урядники Барцагов и Воробьев – чин хорунжего, и Барцагов бант к имевшемуся у него «знаку отличия военного ордена» и австрийскую золотую медаль «за храбрость». Шесть казаков получили «знаки отличия военного ордена», и трое произведены в урядники.

В конце августа Императорский Конвой выступил из Варшавы.

1-ая смена линейных казаков была отправлена на Кавказ, 3-я в Петербург, а 2-я, находившаяся на службе в Петербурге, по прибытии Конвоя, ушла на льготу.

В 1850 году Наследник Цесаревич Великий Князь Александр Николаевич посетил Кавказ. Льготные смены гвардейских линейных казаков размещены были командами по пути следования Его Высочества, от границы Черноморских казаков – по Лабинской линии, Кубани, через Пятигорск и Нальчик до Владикавказа и обратно до города Ставрополя. Наследника Цесаревича на Кавказе встретили: в станице Усть-Лабинской поручик Алпатов, в станице Николаевской корнет Баскаков, в Пятигорске поручик Фролов. Все эти офицеры, вместе с командами линейцев, конвоировали экипаж Его Высочества, на всем пути его следования[59].

К ожидаемому прибытию на Кавказ Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Николаевича, казаками линейцами была составлена песнь, посвященная их Августейшему Атаману:

С Краев полуночи на полдень далекий
Могучий Державный Орел прилетел.
Окинул орлиным прозорливым оком,
Широкого царства далекий предел.

Раздолья степей, снеговые вершины
Покорного края границы зубцов,
Измерив в полете, слетел на долины,
На крики привета своих соколов.

Тебя мы, Державный, давно ожидали,
Желали орлиный Твой взор увидать,
От коршунов хищных поля очищали,
Чтоб было просторно Тебя принимать.

И славясь Тобою, мы лавры добыли,
На вражьи границы став твердой стопой,

---

[59] С. Петин. Центр. Арх. Север. Кавказа. Дело 1-го стола № 98. 1850 г.

И славы избыток мы свой поделили.
За новое имя с безвестной струей.

Да здравствуй на славу Руси Православной,
На радость, на счастье своих соколов!
Прими, Атаман наш, могучий Державный,
Сердечные крики детей-казаков!

Ура, ура Великому Царю!
Ура, ура Тебе, богатырю!
Ура, ура надежде светлых дней,
Ура и всей Семье Твоей!

Песнь эта, составленная 111 лет тому назад, пелась не только в Конвое, но была она очень любима во всех полках Кавказских казаков. Песнь эта казаками не забыта, и, в данное время, она напоминает им былую славу и верную службу их предков.

С началом Севастопольской кампании, Императорский Конвой выступил в Варшаву под командованием и. д. Коменданта Императорской Главной Квартиры, флигель-адъютанта полковника князя Багратиона. Девять месяцев конвойцы оставались в Варшаве, где им было отведено помещение в казармах Л.-Гв. Уланского полка.

18-го февраля 1855 года, Божьей волею отошел в вечность Государь Император Николай Павлович.

На следующий день, 19-го февраля, войска приняли присягу Его Величеству Императору Александру II Николаевичу. Перед присягой войскам было объявлено знаменитое историческое завещание в Бозе почившего Монарха:

«Благодарю славную верную Гвардию, Армию и Флот. Молю Бога, чтобы он сохранил в них навсегда те

же доблести, тот же дух, коими при мне отличались. Покуда дух сей сохранится – спокойствие государства и вне и внутри обеспечено, и горе врагам его! Всех вас любил, как детей своих, как мог улучшая состояние ваше; ежели не во всем успел, то не от недостатка желания, но оттого, что или лучшего не умел придумать, или не мог более сделать».

В Высочайшем приказе Государь Император Александр II Николаевич призывал войска: «Оправдать надежды, коими исполнено было сердце почившего Государя в последние минуты его жизни»[60].

Находившийся в польской столице Великий Князь Михаил Николаевич посетил Конвой, подробно осмотрел расположение всех его команд в Уланских казармах, и изволил выразить чинам Конвоя полное свое удовольствие образцовым порядком и чистотою.

В марте 1855 года Высочайше повелено полуэскадрон Линейцев Конвоя развернуть в эскадрон, под наименованием Л.-Гв. Кавказский казачий эскадрон Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

Штат эскадрона утвержден следующий: Офицеры – командир в чине ротмистра или полковника. Младшие офицеры – 1 штабс-ротмистр, 2 поручика и 3 корнета. Казаки: 1 старший вахмистр, 4 вахмистра, 1 квартирмистр, 10 унтер-офицеров, 160 казаков, 1 штаб-трубач, 3 трубача и 13 нестроевых (1 писарь, 1 фельдшер, 1 унтер-офицер и 3 рядовых инвалида, и 7 денщиков[61].

Эскадрон делился на три смены, из коих в мирное время каждая обязана служить 2 года и состоять на льготе 4 года. На службе полагалось не менее 52-х казаков в двух 13-тирядных взводах.

---

[60] Дело Имп. Гл. Кв. № 25. 1855 год.

[61] «Русский Инвалид» 1855 год, № 187.

21-го апреля 1856 года Л.-Гв. Кавказский казачий эскадрон Конвоя Его Величества выступил походным порядком из Петербурга в Москву. Москва готовилась к Высочайшей встрече и торжеству Коронации Императора Александра II Николаевича.

К августу начался съезд Великих Князей и иностранных принцев. 13-го августа прибыла Государыня Императрица, а на следующий день прибыл в Москву Государь Император.

16-го числа Его Величество произвел смотр Своему Конвою и изволил выразить Свое благоволение всем его чинам.

На следующий день, в 3 часа, 9 пушечных выстрелов и благовест Ивана Великого возвестили начало торжественного въезда Русского Императора в древнюю столицу.

От Петровского Дворца до Кремля (4 версты) были выстроены войска Гвардии и Московского Военного Округа, за ними, в ожидании торжества, собралось несметное множество народа, как жителей самой Москвы, так и прибывших специально на Коронацию со всех концов России представителей всех народностей, ее населяющих.

Императорский Конвой и один эскадрон Л.-Гв. Черноморского казачьего дивизиона находились во главе всего церемониала.

Депутаты азиатских, подвластных России народов, замыкавшие большую группу знатного русского дворянства, служили как бы продолжением Государева Конвоя.

Государь Император, окруженный свитой Великих Князей и иностранных принцев, ехал верхом.

Когда Высочайшее шествие остановилось у Красного крыльца, снова раздались орудийные выстрелы. Войска, отдавая воинскую честь, преклонили Знамена и Штандарты.

В воскресенье, 26-го августа, Государь Император Александр II Николаевич венчался на Царство[62].

---

[62] С. Петин. «Моск. Вед.» 1856 г. №№ 64, 99 и 102. «Рус. Инвалид» № 169.

В этот же день, флигель-адъютант полковник князь Багратион был назначен командиром Собственного Императорского Конвоя, с зачислением Л.-Гв. в Кавказский казачий эскадрон. Командиру Конвоя был присвоен мундир казаков Конвоя, но князю Багратиону, как исключение, в мае 1857 года, Высочайше было разрешено иметь мундир и команды грузин, т. е. 1-го взвода Кавказского эскадрона.

По окончании Коронационных торжеств, Конвой был отправлен в Петербург, по Николаевской железной дороге, Л.-Гв. Кавказский казачий эскадрон – в Царское Село, где был размещен в Кирасирских казармах. (В 1860 году казачий эскадрон перешел в Петербург, в казармы на Шпалерной улице, где во все последующие годы находилась очередная сотня Конвоя).

На основании нового, Высочайше утвержденного, штата Конвоя, Л.-Гв. в Кавказском казачьем эскадроне положено: вместо семи, девять офицеров, с возложением на одного из них обязанностей адъютанта и казначея всего Конвоя (вскоре эти должности были разделены между двумя офицерами). Служащая часть эскадрона разделена на четыре взвода по девять рядов, при пятнадцати унтер-офицерах. Срок службы в Петербурге определен трехлетний.

Назначение Командира Конвоя Государь Император предоставил Собственному усмотрению из флигель-адъютантов полковников или генерал-майоров Своей свиты, с правами и обязанностями командира полка.

30 августа 1858 года флигель-адъютант полковник князь Багратион сдал должность Командира Конвоя с производством в генерал-майоры по гвардейской кавалерии.

Высочайшим приказом от 27-го сентября 1858 года Командиром Конвоя назначен, командовавший Л.-Гв. Конно-Гренадерским полком, флигель-адъютант полковник Скобелев.

Глава четвертая. Кубанцы и терцы (1861–1961 гг.)

Сто лет тому назад, по высочайшему повелению Государя Императора Александра II Николаевича, Л.-Гв. Черноморский Казачий дивизион соединен Л.-Гв. с Кавказским Линейным казачьим эскадроном Конвоя Его Величества. Согласно этому переформированию Императорского Конвоя, из черноморцев и линейцев образованы Л.-Гв. Кавказские казачьи эскадроны, впоследствии сотни, Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

В 1859 году со взятием аула Гуниба и пленением Шамиля закончилось покорение Восточного Кавказа (Чечни и Дагестана), и внимание Российского Правительства было обращено на запад, т. е. Закубанье и побережье Черного моря.

Понадобилась перегруппировка войск Кавказской армии, и, в соответствии с этим, в 1860 году были реорганизованы Кавказские казачьи войска.

Упразднено Кавказское Линейное Казачье Войско, и из его четырех бригад организовано Терское Казачье Войско, а из Черноморского Казачьего Войска и шести бригад бывшего Линейного Войска (Кавказской, Кубанской, Ставропольской, Хоперской, Урупской и Лабинской) организовано Кубанское Казачье Войско[63].

---

[63] О Черноморском Войске, в докладе Военной Коллегии от 13-го ноября 1802 года, Высочайше утвержденном Государем Императором Александром I, сказано: «Войско сие существовало под именем Запорожских казаков в самых отдаленных временах, в разных состояниях и видах и, испытавшее многоразличные перемены, получило настоящее бытие свое в начале последней с турками войны, будучи тогда покойным генерал-фельдмаршалом князем Потемкиным-Таврическим из рассеянного состояния приведено в соединение и названо Войском Верных Казаков Черноморских». «Кубанский календарь» на 1931 год.

Бывшие Черноморцы и Линейцы получили свое новое наименование – *Кубанцы и Терцы* – согласно Рескрипта Государя Императора Александра II, от 11-го и 24-го июня 1861 года, *в память «прославленных подвигов» Черноморцев и Линейцев на р.р. Кубани и Тереке.*

В связи с этими крупными административными переменами на Кавказе, *сто лет тому назад, а именно 2-го февраля 1861 года, Высочайше повелено:*

> Л.-Гв. Черноморский Казачий дивизион соединить с Линейным Казачьим эскадроном Конвоя Его Величества, образовав, по новому положению, Л.-Гв. 1-й, 2-й и 3-й Кавказские Казачьи эскадроны Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

На службе в Петербурге находился 2-й Черноморский эскадрон, из которого 2 офицера, 6 унтер-офицеров и 63 казака были соединены с наличным числом гвардейских линейных казаков и образовали Л.-Гв. 1-й эскадрон, принявший Георгиевский Штандарт, пожалованный Черноморцам за геройскую атаку под Лейпцигом в день 4/17 октября 1813 года, и Георгиевские серебряные трубы, за подвиги, оказанные Черноморцами в 1812–1813 годах.

Регалии эти положено иметь при том из казачьих эскадронов Собственного Его Величества Конвоя, который будет на очередной службе в Петербурге.

Праздник Конвоя, в день Св. Николая Чудотворца, 6-го декабря, с принятием Регалий Черноморцев, перенесен на 4-ое октября, день Св. Иерофея, Небесного Покровителя героев Лейпцига, и всему Императорскому Конвою дано старшинство Л.-Гв. Черноморского Казачьего Дивизиона, т. е. 18 мая 1811 года.

Императорский Конвой был подчинен Министру Императорского Двора. На этом основании, 1-го мая 1861 года, Л.-Гв. Черноморский Казачий Дивизион исключен из состава отдельного Гвардейского Корпуса.

Кроме чинов 2-го эскадрона Черноморцев, вошедших в состав Л.-Гв. 1-го Кавказского казачьего эскадрона Собственного Его Величества Конвоя, оставшиеся Черноморцы второго эскадрона были отправлены на Кавказ, где, с их прибытием, из общего числа льготных гвардейских казаков (бывших Черноморцев и Линейцев) сформированы Л.-Гв. 2-й и 3-й Кавказские казачьи эскадроны Государева Конвоя.

По новому штату в эскадронах положено: командир эскадрона – ротмистр или полковник, младшие офицеры – 2 штабс-ротмистра (из коих один мог быть ротмистром), 2 поручика и 2 корнета. Адъютант и казначей должны были бессменно находиться в Петербурге. Всего в трех эскадронах Конвоя: 17 офицеров, 54 унтер-офицера, 12 трубачей и 492 казака. Форма и вооружение Кубанцев и Терцев Конвоя установлены по образцу гвардейских линейных казаков. А именно: парадный мундир – алая черкеска при белом бешмете, вицмундир – синяя черкеска при алом бешмете. Смены назначены поэскадронно, каждые два года, в половине августа, так чтобы уходящая на льготу часть прибывала в Войско к половине ноября.

Служа в Петербурге, чины Конвоя несли следующие наряды:

В Зимний Дворец – караул в составе 1-го взвода при одном офицере. Караул находился в Большом Фельдмаршальском Зале, выставляя посты: в означенном зале – 2, в Помпеевской галерее – 2 и в малом Фельдмаршальском зале – 1.

В кабинете Его Величества – 1 унтер-офицер и 2 казака.

На ночь, к опочивальне Государя, добавлялись парные часовые. Для встречи и проводов Высочайших Особ – 1 офицер, 1 унтер-офицер и 2 казака.

На вокзалы железных дорог последний наряд назначался для всех Членов Императорской Фамилии, в прочие же пункты, только для Их Величеств и Государя Наследника Цесаревича.

Во время придворных балов, в Собственный подъезд назначались 1 унтер-офицер и 6 казаков, «для снятия польт».

Когда Высочайший Двор находился в Царском Селе или в Петергофе, от Конвоя командировался туда очередной взвод при двух офицерах. В Петергофе взвод Конвоя помещался в уланских казармах. Наряды выставлялись: «Встреча». К подъезду Его Величества – конных 1 унтер-офицер и 3 казака (при одном запасном). В Монплезир – 1 унтер-офицер и 2 казака. Под Императорский Штандарт у Дворцовой церкви – 1 казак.

В Монплезире наряд был только во время музыки, а под Штандартом – с восьми часов утра и до восьми часов вечера.

Кроме того, в Петергофе наряжалась конная команда в 12 человек, при унтер-офицере, державшая разъезды по взморью, против Александрии. В разъезд высылалось одновременно четыре казака; разделившись по 2, они ехали друг другу навстречу. Разъезды несли службу круглые сутки.

Во время пребывания Государя Императора в Красном Селе, во Дворец каждые сутки наряжались один унтер-офицер и два казака. Столько же, под командою офицера – на ординарцы к Государю.

Каждый день, точно в восемь часов, Государь Император Александр II Николаевич выходил в парк гулять. К этому времени выстраивалась «Встреча» Конвоя. Проходя мимо нее, Государь здоровался с офицером, называя его по фамилии, и затем с казаками.

В течение лета бывали 1–2 тревоги. По тревоге, конвойцы прибывали к назначенному месту, где и выстраивались, ожидая приказаний.

Такими пунктами были: в Красном Селе – сигнальная пушка, в Петергофе – Кадетский плац и в Царском Селе – Софийский плац. Тревоги обычно бывали на рассвете и утром, и почти всегда завершались джигитовкой Конвоя.

Для производства тревоги в Царском Селе, Государь Император Александр II Николаевич сам подъезжал верхом к

казармам Своего Конвоя, вызывал трубачей и приказывал им трубить сигнал.

В приказе по Конвою от 5 июля 1861 года сказано:

> «Государь Император, вызвав 3-го июля по тревоге войска, изволил остаться отменно доволен Собственным Его Величества Конвоем, как за скорое прибытие, так и за все действия, исполненные правильно и с необыкновенной быстротой»[64].

В 1861 году Государь отбыл на Кавказ, где Его во время путешествия сопровождали казаки, служившие в Петербурге в составе Императорского Конвоя. Так желал сам Государь, и это Царское желание было дорогой наградою старым конвойцам. В Станице Лабинской Государя ожидали: льготной смены ротмистр Голяховский и штабс-ротмистр Сафонов; из бывших конвойцев – полковник Евсеев, подполковники Фирсов и Давыдов, отставной войсковой старшина Гуржабеков, хорунжий Андреев, Гоцунаев и 45 казаков.

15-го сентября Государь прибыл в станицу Лабинскую и, после смотра Своих конвойцев, отправился с ними в дальнейший путь, до Верхне-Абадзехского отряда.

Проводив Государя, старые конвойцы вернулись в свои станицы, гордые сознанием оказанного им Высочайшего внимания[65].

В августе 1862 года прибыл на службу в Петербург Л.-Гв. 2-й Кавказский казачий эскадрон.

С прибытием 2-го эскадрона, Конвой выступил походом в Новгород. Россия праздновала свой 10-вековой юбилей. В Новгороде, как в одном из старейших русских городов, состоялся в Высочайшем присутствии парад войскам и торжественное открытие памятника 1000-летия России.

---

[64] С. Петин. Приказ по Конвою № 1451. 1861 год.

[65] Рапорт полковника Евсеева 15 октября 1861 г. № 35.

На правом фланге всех войск находился Собственный Его Величества Конвой. Он первый прошел церемониальным маршем перед Государем Императором Александром II Николаевичем, открыв парад, а вместе с тем и торжество 10-векового могущества России.

Командовавший Конвоем, после князя Багратиона, флигель-адъютант полковник Скобелев, 8-го марта 1864 года зачислен в Свиту Его Величества, с производством в генерал-майоры.

В командование Императорским Конвоем вступил флигель-адъютант полковник Шереметев.

Во время лагерных сборов 1864 года, вспыхнул пожар в Красносельском Дворце. По первой же тревоге, Конвой прибыл к месту происшествия. От 6-ти часов вечера до рассвета конвойцы спасали Дворцовые постройки, причем казак Никита Четвериков бесстрашно бросился на объятую пламенем крышу, втащив с собою наверх пожарную кишку. При поверке конвойцев, после пожара, обнаружилось отсутствие казака Четверикова. На утро, внутри потухших развалин, были найдены обугленные части человеческого трупа, металлические газыри и клинки шашки и кинжала. Останки храбреца Четверикова с воинскими почестями преданы земле, а семейству покойного Государь Император приказал выдать пожизненную пенсию[66].

В апреле 1865 года Государь отбыл за границу Российского Государства. При Государе, в экстренном поезде, следовала команда казаков Конвоя, с корнетом Паниным, до пограничной станции Вержболово.

Из Вержболова конвойцы, по Высочайшей телеграмме, были вызваны в Ниццу, для почетной охраны и сопровождения в Россию тела в Бозе почившего Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича.

---

[66] Дело Конвоя. № 63. 1864 год.

Корнет Панин с казаками прибыл в Ниццу 16 апреля. Едва успев переодеться, конвойцы открыли печальный кортеж от дома, где жил Наследник Русского Престола, к ожидавшему у пристани фрегату «Александр Невский», на котором и отбыли в Петербург, неся у гроба почившего Наследника Цесаревича почетный караул[67].

В 1865 году упразднено в Варшаве постоянное отделение Императорских верховых лошадей. Состоявшая при нем, в течение 19 лет, команда Конвоя прибыла Л.-Гв. в Кавказский эскадрон, в котором она состояла сверх комплекта.

Через полгода сверхкомплектная команда Конвоя появилась на другой окраине России, в городе Тифлисе.

У Главнокомандующего Кавказской Армией, Великого Князя Михаила Николаевича, служила конвойная сотня Кавказских казаков. Конвойная сотня (сначала команда) Его Высочества существовала еще до слияния Кавказских казачьих войск. Достойных из них Государь Император разрешил переводить в Собственный Конвой, с оставлением в сотне, при Его Высочестве.

14-го сентября 1866 года в Россию прибыла Высоконареченная Невеста Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Александровича, принцесса Датская Мария-Дагмар.

У Кронштадта Высокую путешественницу встретила Царская Семья, отправившаяся из Петергофа на яхте «Александрия».

В Петергофе, в нижнем парке, от гавани к Самсониевскому фонтану и по дороге к Александрии, были выстроены шпалерами войска. Эскадрон Конвоя стоял у гавани, вблизи Свиты и парадных Царских экипажей.

Государыня Императрица с принцессой Дагмар и Великой Княжной Марией Александровной сели в экипаж, окру-

---

[67] Из воспоминаний корнета Панина. 1865 год.

женный Свитою из Великих Князей; во главе их был сам Государь.

Блестящий кортеж двинулся по пути в Александрию.

У экипажа Ее Величества, слева, скакал командир эскадрона Конвоя. После краткого отдыха в Александрии, Императорская Фамилия отбыла в дорожных экипажах в Царское Село.

В деревне Новой, что у Стрельны, эскадрон Конвоя последовательно заменили эскадроны Л.-Гв. Атаманского и Л.-Гв. Казачьего полков, сопровождавшие Дворцовые дорожные экипажи до деревни Вайники, где Л.-Гв. Кавказский казачий эскадрон Государева Конвоя сменил донцов.

На Александровской станции Варшавской железной дороги Государю и Великим Князьям вновь подали верховых лошадей, а Государыне Императрице и Высокой Гостье – парадные экипажи.

От станции по шоссе, Царскосельскому саду, через Китайский мост, вплоть до Большого Дворца, куда направился Императорский кортеж, были расположены длинные шпалеры войск. Салют артиллерии, звуки войсковых оркестров и восторженное «ура» слились в общем мощном гуле. Л.-Гв. Кавказский казачий эскадрон Конвоя мчался впереди. Государыня Императрица с принцессой Дагмар находились в двухместной коляске. Слева экипажа скакал командир Собственного Императорского Конвоя, Флигель-адъютант полковник Шереметев. Эскадрон Л.-Гв. Гусарского полка замыкал кортеж.

В течение трехдневного пребывания Их Величеств в Царском Селе, город искрился иллюминацией, а на военном поле и большом Царскосельском озере сверкали грандиозные фейерверки.

17-го сентября Царская Семья прибыла в Петербург, украшенный русскими и датскими национальными флагами.

От Царскосельского железнодорожного вокзала стояли войска по Загородному проспекту, Владимирской, Невскому, Большой Морской до Зимнего Дворца.

Население русской столицы, встречавшее Невесту Наследника Престола, заняло все, что только можно было занять: крыши зданий превратились в живые линии зрителей. Царский кортеж медленно двигался вперед и, после небольшой остановки у Казанского Собора, проследовал к Зимнему Дворцу.

29-го октября, в честь Высоконовобрачных, дан был в Георгиевском зале Зимнего Дворца большой бал. Перед окончанием бала, Государь и Государыня, с молодой Августейшей Четой, в торжественном поезде, отбыли в Собственный Аничков Дворец.

Л.-Гв. Кавказский казачий эскадрон Императорского Конвоя следовал впереди поезда. На память о радостном событии в Царской Семье, офицерам Конвоя пожалованы золотые перстни с драгоценными камнями[68].

Кроме того, Собственный Его Величества Конвой принимал участие в следующих свадебных торжествах Высочайших Особ:

15 апреля 1884 года, все офицеры Конвоя были приглашены к 12 часам 30 минутам дня в Зимний Дворец, для присутствия на церемонии бракосочетания Великого Князя Константина Константиновича с принцессою Елизаветою Саксен-Альтенбургскою герцогинею Саксонскою. Вечером офицеры были приглашены на Высочайший бал, по окончании которого эскадрон Конвоя, под командою полковника Скакуна, сопровождал торжественный поезд Их Величеств с Высоконовобрачными от Зимнего в Мраморный Дворец.

18-го апреля офицеры Конвоя (по одному старшему в каждом чине) в Зимнем Дворце приносили поздравления Их Императорским Высочествам.

2-го июня того же года, сводный эскадрон Конвоя, командир полковник Бежанов (4 обер-офицера, 16 унтер-офицеров, 2 трубача Его Величе-

---

[68] «Русский Инвалид» 1866 год.

ства, 112 казаков), сопровождал принцессу Елизавету Гессенскую, Высоконареченную Невесту Великого Князя Сергея Александровича, от вокзала Николаевской железной дороги до Дворца Его Высочества.

3-го июня 1889 года, эскадрон Конвоя, при Штандарте, командир ротмистр Шерпутовский (7 обер-офицеров, 16 унтер-офицеров, 2 трубача и 160 казаков), конвоировал Высоконареченную Невесту Великого Князя Павла Александровича, королевну Александру Георгиевну, от Царской пристани у Николаевского моста в Зимний Дворец.

На следующий день свободные от службы офицеры Конвоя имели честь присутствовать в Зимнем Дворце на церемонии бракосочетания, а вечером – на Высочайшем балу[69].

Л.-Гв. Кавказские казачьи эскадроны Конвоя Его Величества, по положению 2 февраля 1861 года, формировались смешанно, от двух войск, с таким расчетом, что в каждом эскадроне $^{2}/_{3}$ было Кубанцев и $^{1}/_{3}$ Терцев. В строевом и хозяйственном отношениях такое формирование представляло большие затруднения, особенно если принять во внимание разбросанность казачьих станиц на огромном пространстве северного Кавказа, между морями Каспийским и Черным.

Командиры льготных эскадронов, обязанные проверять исправность оружия и лошадей своих казаков, на местах жительства, разъезжали из края в край по всему Кавказу. Так, эскадронный командир, живущий на Тереке у Каспийских берегов, должен был ехать к Черноморскому побережью, а другой, в то же время, стремиться от Кубани к устьям Терека, проезжая тысячеверстные пространства и не забывая станиц между отрогами Кавказских гор. Неудобны были и призывы казаков со всех линий на один сборный пункт. Люди и лошади подвергались тут всем невзгодам далекого, ничем невознаградимого пути, при большой и напрасной трате времени.

[69] Прик. по Конвою: 1884 г. №№ 106, 108, 151, 153, 154 и 1889 г. №№ 150, 149 и 155.

Такой порядок был прекращен Высочайшим приказом от 7-го октября 1867 года:

> «Л.-Гв. Кавказские казачьи эскадроны Конвоя Его Величества формировать впредь каждый отдельно из своего Войска, а именно 2 эскадрона от Кубанского и 1 от Терского. Численный состав эскадрона оставить прежний, присвоив следующие наименования: Л.-Гв. 1-й и 2-й Кавказские Кубанские каз. эскадроны и Л.-Гв. Кавказский Терский каз. эскадрон – Собственного Его Величества Конвоя; тот же порядок части сохранять в случае сбора в военное время. К переформированию приступить теперь же, чтобы в будущем 1868 году прибыл на службу эскадрон от Терского казачьего Войска»[70].

Августейший Главнокомандующий Кавказской Армии, Великий Князь Михаил Николаевич, горячо приветствуя новое формирование эскадронов Конвоя, ходатайствовал перед Государем Императором о пожаловании Л.-Гв. Терскому казачьему эскадрону своего Штандарта; «в виду соревнования Войск, отличавшихся постоянною храбростью и своими подвигами довершивших славное покорение Кавказа». Государь Император повелел для Терского эскадрона изготовить отдельный Георгиевский Штандарт, по образцу регулярной кавалерии, с надписью: «За боевую службу на Кавказе». 12-го декабря Терцы удостоены следующей Императорской Грамоты:

> «Собственного Нашего Конвоя Л.-Гв. Кавказскому Терскому казачьему эскадрону. В ознаменование особого монаршего благоволения к Терскому казачьему Войску, всемилостивейше жалуем Л.-Гв. Кавказскому Терскому казачьему эскадрону Собственного Нашего

---

[70] Приказ В. Мин. 7 окт. 1867 г. № 333.

Конвоя препровождаемый при сем Георгиевский Штандарт с надписью: «За отличную боевую службу Терского казачьего войска».

Повелеваем Штандарт сей, освятив по установлению, употреблять на службу нам и Отечеству с верностью и усердием, российскому воинству свойственными.

Александр».

В Императорской грамоте предполагаемая надпись на Штандарте изменена.

Государь Император, до окончательного утверждения рисунка Штандарта, потребовал справку: «какие надписи находятся на жалованных Георгиевских Штандартах Казачьим Войскам?»

На представленном рисунке Государь собственноручно начертал: «За отличную боевую службу Терского Казачьего Войска» и повелел Штандарт, по изготовлении, не отсылать на Кавказ, а выдать эскадрону, когда он придет в Петербург.

На скобе Штандарта помещено: Н. I, 1832. Команда Кавказского Линейного Войска Собственного Его Величества Конвоя. 1867. За отличную боевую службу Терского Казачьего Войска. 1867. Л.-Гв. Кавказского Терского казачьего эскадрона Собственного Его Величества Конвоя.

Штандарт изготовлен из штофа. На одной стороне его, посредине, изображен Российский герб. В углах – вензелевое изображение Имени Государя Императора Александра II. Вокруг полотнища Штандарта надпись: «За отличную боевую службу Терского Казачьего Войска». На другой стороне – Св. Великомученик и Победоносец Георгий. Чехол для Штандарта – из темно-зеленого сафьяна с изображением на наконечнике Георгиевского креста. Орел – гвардейского образца, под ним орден Св. Георгия 3-й степени и к нему орденская лента 1 аршин 4 вершка и шириною в 1 вершок.

Крест, кольцом своим из толстой золотой проволоки, наложен на главную часть трубки под яблоком орла, так что концы ленты, продетой в кольцо, с обеих сторон его равны; затем концы эти обведены вокруг трубки, плотно стянуты и еще раз продеты в кольцо, связаны узлом, закрывая его бантом из той же ленты[71].

Собранный в станице Прохладной Терский эскадрон, в мае 1868 года, окончательно был сформирован. Ежедневно в присутствии стариков казаков-отцов гвардейцев, происходили эскадронные учения.

Наказный Атаман Терского Казачьего Войска, генерал-адъютант Лорис-Меликов, завершил их своим смотром.

После напутственного молебна, простившись с казаками, генерал Лорис-Меликов выехал из Прохладной.

Эскадрон, провожая своего Атамана, произвел по пути его следования джигитовку.

15-го августа 1868 года Л.-Гв. Кавказский Терский казачий эскадрон Императорского Конвоя прибыл в Петербург.

Конвойцы – Кубанцы и Терцы – впервые были разделены в отдельные эскадроны, нисколько не отличавшие их по назначению, а только обозначавшие их территориальное и частью племенное положение. При этой первой встрече, эскадроны отнеслись друг к другу, как братья по крови и боевым воспоминаниям.

С тех пор, до настоящих дней, среди Кавказских казаков царят глубокое уважение к обоим Войскам и взаимная братская любовь и дружба.

На второй же день прибытия Терского эскадрона, по приказанию Государя Наследника Цесаревича, взвод терцев

---

[71] Строевой Отдел Глав. Упр. Каз. Войск. № 115. 1867 год. 25-го сентября 1875 года, в Бильярдной зале Зимнего Дворца, в Высочайшем присутствии была произведена насадка новых орлов на Кубанский и Терский Штандарты Конвоя Его Величества.

был вызван в Петергоф для участия в приеме Датской королевской четы. В саду Александрии взвод стал при спуске с горы к взморью, для конвоирования двух экипажей: Наследника Цесаревича и Его гостей.

Поле, по которому предстояло следовать казакам, все было изрыто глубокими канавами. Конвойцы в стройном порядке брали эти препятствия, держась на одной высоте с экипажами, на что обратил особое внимание гость Русского Двора, Датский король.

Заметив это, Государь Наследник Цесаревич остановил экипаж и приказал казакам Царского Конвоя произвести джигитовку, что окончательно удивило короля.

Августейший тесть Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Александровича два раза подходил к выстроенному взводу казаков-конвойцев, подробно интересуясь их формой, снаряжением и оружием.

Когда приказано было спешиться и сесть тут же за приготовленный в саду обед, Датская королевская чета еще раз подошла к казакам Императорского Конвоя и, приветствуя их, сердечно благодарила за впервые виденную ими казачью джигитовку.

Государь Наследник Цесаревич пригласил своих гостей к казачьему столу. Так казакам Конвоя, только что прибывшим с Кавказа, было оказано столь высокое внимание[72].

Вступив на службу при Высочайшем Дворе, Л.-Гв. Кавказский Терский казачий эскадрон с нетерпением ожидал свой Георгиевский Штандарт.

Желанный день наступил 8-го октября 1868 года!

В этот день, в 11 часов утра, в Золотой зале Зимнего Дворца происходила торжественная прибивка Терского Штандарта. Государь Император Александр II Николаевич изволил

[72] Из воспоминаний ротмистра Сафонова.

собственноручно вбить два первых гвоздя и передал молоток Государю Наследнику Цесаревичу, сделавшему то же самое. За Наследником Престола, вбили гвозди присутствовавшие на церемонии прибивки Штандарта Особы Императорской фамилии.

Далее следовали старые кавказцы из Государевой Свиты, Командир Конвоя, г.г. офицеры Л.-Гв. Кавказского Терского казачьего эскадрона, и, наконец, закончили прибивку Штандарта положенное законом число унтер-офицеров и казаков эскадрона.

Через два часа, в Михайловском манеже, состоялось освящение Штандарта и передача его эскадрону. Терский эскадрон Конвоя в конном строю, при полной парадной форме, в алых черкесках и белых бешметах, выстроился в манеже. Перед серединою фронта эскадрона был поставлен аналой, возле которого находились певчие придворной капеллы и духовенство.

Против аналоя, с новым Георгиевским Штандартом Конвоя, стоял унтер-офицер казак, заслуженный георгиевский кавалер, при адъютанте Государева Конвоя.

В Михайловский манеж прибыли все командиры отдельных частей гвардии и свободные от службы офицеры кавалерийских полков.

Также прибыли в манеж Их Императорские Высочества Великие Князья: Николай Николаевич, Владимир Александрович и Наследник Цесаревич Государь и Великий Князь Александр Александрович.

Вслед за ними, в манеж изволил прибыть и Государь Император.

Его Величество и Наследник Цесаревич были в парадном казачьем мундире Собственного Конвоя.

Поздоровавшись с Терским эскадроном и объехав его фронт, Государь Император приказал скомандовать «на молитву».

После сигнала трубачей, раздалась команда: «на молитву шапки долой!» Государь, а также все бывшие верхом чины Его Свиты спешились.

Начался молебен. В конце его, протопресвитер Бажанов произнес установленную при освящении Знамен и Штандартов особую молитву: «Да будет сие Знамение – знамением победы!»

По освящении Штандарта, Государь Император Александр II Николаевич вручил его командиру Своего Конвоя, флигель-адъютанту полковнику Шереметеву, принявшему вновь пожалованную Святыню Конвоя, преклонив колено.

Как только командир Конвоя передал Штандарт штандартному унтер-офицеру, и последний, следуя за адъютантом Конвоя, направился к строю, громовое и восторженное «ура» всех чинов Л.-Гв. Кавказского Терского казачьего эскадрона потрясло Михайловский манеж и стихло только лишь по знаку Самого Государя Императора, выехавшего перед фронт эскадрона.

> «Поздравляю вас, казаки, с новым Штандартом», сказал Государь. «Я лично имел случай убедиться в славной боевой службе и, жалуя вам Штандарт, уверен в том, что вы будете служить так же, как и ваши кавказские товарищи!»

Вновь могучее «ура» раздалось в ответ на слова Государя.

Затем эскадрон прошел повзводно церемониальным маршем. На правом фланге находились: Наследник Цесаревич, генерал-адъютант граф Адлерберг 1-й, Свиты Государя генерал-майор Воейков.

После парада, Государь Император приказал эскадрону произвести джигитовку. Присутствующие не раз видели удалую казачью джигитовку, но лихость, смелость и ловкость казаков Конвоя поразили всех. Джигиты мчались по манежу

один за другим, и находящимся в манеже трудно было на ком-либо из них остановить свой взгляд.

В полном вооружении «двойные прыжки», «вертушки», «скашевка» и другие номера чередовались один за другим.

В «вольной джигитовке», одни скакали, лежа спиною поперек лошади, другие, стоя ногами на седле или упершись плечом в седло, ногами вверх. В этом общем лихом урагане, со стрельбою, стоя на коне, проносились казаки «великаны» – то один казак стоял на плечах у другого, скрывая туловище его буркой. И, наконец, различными пирамидами и группами завершилась джигитовка.

Государь Император несколько раз благодарил всех чинов эскадрона. Затем вызвал вперед георгиевских кавалеров.

Поздоровавшись отдельно со старыми конвойцами, Государь интересовался службою на Кавказе вновь поступивших в Конвой казаков.

Отбывая из Михайловского манежа, Государь Император повторил еще раз Свою благодарность эскадрону, за молодечество и отличный парад[73].

В тот же день в Зимнем Дворце последовал Высочайший обед, к которому были приглашены все офицеры Собственного Императорского Конвоя. Во время обеда, Государь милостиво беседовал с конвойцами и, в разговоре, спросил, кому досталась шашка, пожалованная Его Величеством в 1850 году покойному наказному Атаману Кавказского Линейного Казачьего Войска, генералу Круковскому. Ротмистр Сафонов доложил Государю, что шашка завещана генералом кавказским линейцам, как пожалованная за их службу, и хранится в Терском Войсковом Штабе[74].

Герой Кавказской войны, Круковской, в 1840 году командовал Горским полком Линейного Каз. Войска. В 1842 г., в

[73] «Русский Инвалид» № 277 за 1868 год.

[74] Воспоминания ротмистра Сафонова.

чине полковника, назначен командиром Хоперского полка. В 1848, за боевые отличия, произведен в генерал-майоры и назначен Атаманом Кавказского Линейного Казачьего Войска. Знаменитый герой Кавказской войны, «заговоренный от пуль», доблестный Атаман ген. Круковской был убит в бою с чеченцами 18-го января 1852 года и похоронен в станице Екатериноградской Терского Казачьего Войска.

В конце обеда Государь Император изволил провозгласить тост: «За Мой Конвой!» Так закончился, исторический для Конвоя, день 8-го октября 1868 года.

В час ночи была получена с Кавказа от Великого Князя Михаила Николаевича телеграмма:

> «Поздравляю Л.-Гв. Терский эскадрон с Высочайше пожалованным Георгиевским Штандартом. Я убежден, что молодые терские казаки будут достойны Царской милости и всегда сумеют поддержать заслуженную славу своего древнего родного войска. Пью за здоровье эскадрона!
>
> Михаил».

По получении телеграммы, командир Л.-Гв. Кавказского Терского казачьего эскадрона ротмистр Сафонов тотчас же собрал весь эскадрон. Прибыл и извещенный о том командир Конвоя, флигель-адъютант полковник Шереметев. Перед строем была объявлена телеграмма Великого Князя Михаила Николаевича, после чего долго не смолкали казачьи песни и заздравные тосты за наспех приготовленной братской трапезой офицеров и казаков[75].

Воодушевление и гордость чинов Л.-Гв. Терского казачьего эскадрона Собственного Его Величества Конвоя, по поводу получения ими Святыни, свидетельствующей о подвигах их

[75] Из воспоминаний о службе в Конвое ротмистра Сафонова.

отцов и дедов на Кавказе, выразились в строевой песне, которую впоследствии с радостью пели не только в гвардии, но и во всех армейских полках кавказских казаков.

Полным сердцем торжествуя,
Богу славу воздают,
Пред Царем-Отцом ликуя,
Терцы весело поют.

Говорят все: слава Богу!
Ныне так же, как и встарь,
Нашу бранную тревогу
Не забыл наш Государь.

Сам Своим державным словом
Он напомнил нам Кавказ,
Где с пелен в бою суровом
Жизнь воспитывала нас;

Где в скалах, в лесах дремучих
Горцы с нами спор вели,
Но у нас в рядах могучих
Отступленья не нашли;

Где издревле наши деды,
Прорубался в горах,
С громом битвы и победы
Шли вперед за шагом шаг.

Смерть и раны презирали,
И в свой смертный час и нам
Свой завет передавали,
Чтоб идти по их следам.

И в Ечне и в Дагестане,
Где лилася кровь отцов,

Доставалося по ране
И на наших удальцов.

Ведь Кавказ добыть не шутка!
Храбрый там гнездился враг!
Приходилось часто жутко –
Крови стоил каждый шаг.

Но забыты кровь и пламя,
Царь нас милостью почтил –
И вот верным терцам знамя
Из руки Своей вручил..[76].

С разделением казачьих эскадронов Императорского Конвоя по Войскам, сборные пункты льготных эскадронов назначены: для Кубанцев в Екатеринодаре (станица Пашковская), для Терцев – станица Екатериноградская.

По новому положению, эскадронам приказано следовать походным порядком не до Москвы, а только до Воронежа и далее по железной дороге в Петербург[77].

24 мая 1867 года командиром Императорского Конвоя, по Высочайшему повелению, назначен флигель-адъютант полковник Черевин. Флигель-адъютант полковник Шереметев произведен в генерал-майоры, с зачислением в Свиту Его Величества.

По желанию Государя Императора, Конвой принимал участие в сопровождении и охране иностранных высоких особ.

---

[76] «Русский Инвалид» № 277 и 287, 1869 год. «Песнь составлена одним из офицеров Терского эскадрона и, с разрешения начальства, напечатана ко дню торжества освящения штандарта, для поднесения Государю Императору».

[77] С 1872 г. казачьи эскадроны Конвоя следовали на льготу по железной дороге уже до Ростова и далее на Кавказ походным порядком.

В 1873 году прибыл в столицу Российского Государства король Прусский. Для встречи его были выстроены войска от Варшавского вокзала до Зимнего Дворца, у Собственного подъезда которого находился во взводной колонне Императорский Конвой. Король Прусский, с разрешения Государя Императора, пожаловал всем георгиевским кавалерам Конвоя прусские медали Красного Орла, на бело-черной ленте.

В том же году Конвой, в конном строю, при полной парадной форме, встречал шаха персидского на Николаевском вокзале.

По приказанию Государя Императора, Конвой был выстроен на дворе железнодорожной станции. При конвоировании экипажа персидского шаха, впереди находился Кавказский эскадрон, а непосредственно за экипажем следовал Л.-Гв. 2-й Кубанский казачий эскадрон.

У Зимнего Дворца поезд остановился, и шах проследовал во внутренние покои. Здесь стояли от Конвоя, в общей очереди с другими гвардейскими частями, парные посты: один на площадке у правых дверей в Зале Эрмитажа и другой у левых дверей.

Конвой также принимал участие в торжественной встрече наследных принцев английского и датского, посетивших Россию в 1874 году, и принца японского, прибывшего в Н. Петергоф в 1882 году[78].

С 1875 года настала открытая борьба балканских славян с Турцией. В это время Высочайший Двор находился в Крыму. Ливадийский Дворец охранялся взводом Л.-Гв. 2-го Кубанского эскадрона, под командою штабс-ротмистра Скакуна, и двумя льготными сменами команды крымских татар Конвоя.

Мирная жизнь, казалось, не выходила из своих границ. Однако, этот мир был нарушен напряженными ожиданиями неизбежного вооруженного столкновения с Турцией. Под-

---

[78] С. Петин. Дело Конвоя за 1874 и 1882 годы.

властные султану славяне Балканского полуострова изнемогали под игом турецких зверств.

15-го октября 1876 года, Командующий Императорской Главной Квартирой генерал-адъютант граф Адлерберг 2-й доносил Главнокомандующему Кавказской армией Великому Князю Михаилу Николаевичу:

> «Вашему Императорскому Высочеству известно, что Государь Император, в случае разрыва с Турцией, изволит предполагать назначить Главнокомандующим Дунайской армией Великого Князя Николая Николаевича Старшего. Его Величеству угодно, чтобы находящиеся на льготе Л.-Гв. 2-й Кубанский и Л.-Гв. Терский эскадроны Императорского Конвоя вошли бы, в означенном случае, в состав этой армии в качестве Конвоя Его Императорского Высочества, и чтобы приведение сего в исполнение было сделано по объявлении мобилизации».

Согласно этого Высочайшего распоряжения, льготные эскадроны были собраны – Кубанцы в станице Кавказской, Терцы в станице Прохладной, в полной готовности к выступлению в поход.

11-го декабря Кубанский эскадрон, командир полковник Жуков, и Терский, командир штабс-ротмистр Кулебякин, прибыли в город Кишинев. На следующий день к Кубанцам присоединился взвод казаков и 2 смены крымско-татарской команды, бывшие на службе в Ливадии.

30-го января 1877 года эскадроны Конвоя были командированы в Одессу, под командою начальника штаба Действующей армии, генерал-адъютанта Непокойчицкого.

Предстояло пройти в два перехода 175 верст. Несмотря на большой снег с сильным ветром, перешедшим в жестокую бурю, конвойцы в первый день похода прошли 82 версты, остановившись на ночлег в селении Карагач.

31-го января к эскадронам присоединились некоторые части кавалерии и артиллерии. Весь отряд совершил остальные 93 версты в два перехода, так как метель сильно препятствовала маршу.

1-го февраля, в 2 часа дня, отряд прибыл в Одессу, и через час, после исключительно тяжелого перехода, конвойцы приняли участие в общем смотре войск.

Его Императорское Высочество, Августейший Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич лично благодарил полковника Жукова и штабс-ротмистра Кулебякина за молодецкий вид казаков и отличное состояние лошадей.

Через неделю эскадроны Конвоя вернулись в Кишинев. Имея в виду непрекращавшуюся бурю, Великий Князь справлялся, «благополучно ли дошли казаки», и, получив сведения о их прибытии, изволил чинам Императорского Конвоя выразить свою особую благодарность в приказе по армии[79].

12-го апреля 1877 года, Государь Император Александр II в Кишиневе произвел смотр войскам. После напутственного молебна, архиепископ торжественно прочитал манифест, объявлявший войну Турции. Государь поздравил войска с походом. К Своему Конвою Государь Император обратился со следующими словами: «Благодарю вас за молодецкую службу при мне! Поручаю вам брата. Берегите его, а когда он пустит вас в дело, то надеюсь, будете молодцами и не посрамите славу ваших отцов»[80].

Государево обращение к Конвою послужило темой для боевой песни, составленной штабс-ротмистром Кулебякиным своему эскадрону.

---

[79] Дело Конвоя № 53 – 1877 год.

[80] Дело Конвоя № 60 – 1877 год.

С Богом, Терцы! Не робея,
Смело в бой пойдем, друзья;
Бейте, режьте, не жалея,
Басурманина-врага!

Там, далеко за Балканы,
Русский много раз шагал,
Покоряя вражьи страны,
Гордых турок побеждал.

Так идем путем прадедов
Лавры славы добывать!
Смерть за веру, за Россию,
Можно с радостью принять.

День двенадцатый апреля
Будем помнить мы всегда,
Как наш Царь – Отец Державный
Брата к нам подвел тогда!

Как он, полный Царской мочи,
С отуманенным челом,
«Берегите», сказал, «Брата,
Будьте каждый молодцом!

«Если нужно будет в дело
Николаю вас пустить,
То идите в дело смело,
Дедов славных не срамить!»

Государь Император Александр II Николаевич часто любил слушать эту казачью песню, за которую лично благодарил командира эскадрона штабс-ротмистра Кулебякина, пожаловав ему бриллиантовый перстень.

Простившись с войсками в Кишиневе, Государь Император отбыл в Петербург.

29-го апреля Терский эскадрон отправлен по железной дороге в Румынию в город Плоэшти.

1-й Кубанский и Кавказский эскадроны Конвоя находились на службе в Петербурге. В марте 1-й Кубанский эскадрон провожал в Царскую Усыпальницу тело в Бозе почившего Великого Князя Александра Владимировича.

Государь Император не долго оставался в столице. Сердце влекло Его к действующей армии, с которой желал Он разделить все труды турецкого похода. В мае Государь отбыл на театр военных действий. Туда же, при Императорской Квартире, 14-го мая выступил полуэскадрон 1-го Кубанского эскадрона. При нем находились: Командир Конвоя флигель-адъютант полковник Черевин, адъютант Конвоя штабс-ротмистр Бежанов, командир эскадрона ротмистр Бабалыков и младшие офицеры – корнеты Золотаревский и Денежников.

25-го мая Государь прибыл в Плоэшти, в Штаб Главнокомандующего. Терский эскадрон, при Штандарте, был назначен в почетный караул к Его Величеству.

Из всех находившихся в действующей армии кубанцев Государева Конвоя были составлены 2 эскадрона. Первый эскадрон принял ротмистр Бабалыков, а в командование вторым вступил штабс-ротмистр Скакун. Командиром дивизиона был назначен полковник Жуков. Кубанский Штандарт оставался в Петербурге и был привезен на фронт штабс-ротмистром Скакуном, в первых числах июня, командированным для этой цели с 2 унтер-офицерами и 2 казаками.

14 июня Государь Император выехал из Плоэшти на Фламундские высоты. Близ Фламундских высот, в деревне Драче, встретили Его Величество Л.-Гв. 2-й Кубанский и Терский эскадроны, по очереди конвоировавшие Государя[81].

Под Никополем гремела канонада. Переправившись через Дунай, наши войска перешли в наступление. 16-го июня

[81] Из воспоминаний штабс-ротмистра Скакуна.

Государь перенес Свою Главную Квартиру в Зимницу, где сосредоточились все три эскадрона Собственного Его Конвоя.

В тот же день Государь отбыл к войскам на позицию. На носу понтона, на котором Император Александр II переправлялся через Дунай, развевался Штандарт Государева Конвоя[82].

3-го июля Государь Император остановился на ночлег в деревне Царевица. Гремевшая весь день канонада прекратилась. Отдых казался обеспеченным. Однако, к рассвету было получено тревожное донесение о появлении турок под Систовым.

По тревоге Л.-Гв. 1-й Кубанский эскадрон понесся к Систову. Остальные эскадроны Конвоя немедленно были приведены в полную боевую готовность. В деревню Павло срочно выехал полковник барон Мейендорф с приказанием Коменданта Императорской Главной Квартиры генерал-адъютанта Рылеева «выслать навстречу Государю Императору сколько возможно свободного войска».

Сам же Император Александр II Николаевич, беспокоясь прежде всего судьбою переправы, приказал генералу Рылееву двинуть к Дунаю бывший при Его Величестве отряд и решил, лично, всего лишь с двумя эскадронами Собственного Конвоя, следовать в деревню Павло, по неприятельской земле (19 верст).

Государь верхом подъехал к эскадронам Своего Конвоя, поздоровался с ними и приказал штандартному унтер-офицеру стать за Ним. Настало теплое солнечное утро.

От командира Л.-Гв. 1-го Кубанского эскадрона, ротмистра Бабалыкова, корнет Золотаревский доставил Государю донесение о том, что в Систове турок нет. Тревогу же создали болгарские дружины, распространившие слух, будто

[82] Дело Войск. Прав. Терского Войска 1 отдел № 204 – 1878 год.

русскими войсками взят Никополь, и бегущие турки направились в Систово[83].

2-го августа Императорская Квартира перешла в Горный Студень, где находился и Штаб Главнокомандующего Великого Князя. Императорский Конвой расположился биваком впереди деревни.

Эскадроны Конвоя, помимо несения караулов в Царской Ставке, ежедневно высылали разъезды в районы, близ лежащие к Горному Студеню.

8-го августа Л.-Гв. Терский казачий эскадрон получил приказание немедленно выступить в поход, в составе 2-й пехотной дивизии, под командою Свиты Его Величества генерал-майора светлейшего князя Имеритинского, назначенной для действий под Ловчею.

Государь Император, произведя смотр отряду князя Имеретинского, обратился к стоящему на правом фланге дивизии Терскому эскадрону:

> «Поздравляю вас с походом! Надеюсь, что в деле с турками не посрамите себя. Берегите Штандарт! Бог вас благословит!»[84]

Дивизия князя Имеретинского направилась форсированным маршем на Беброво и Габрово. Терцам было приказано присоединиться к отряду генерал-майора Скобелева.

20-го августа эскадрон получил от генерала Скобелева назначение стать во главе отряда, в авангарде.

В 6-ти верстах от города Ловчи, разъезды, высланные командиром головного взвода, обнаружили на высотах, по направлению Сельви-Ловченского шоссе турецкую пехоту,

---

[83] «Дневник Высочайшего пребывания за Дунаем». Мацкевич. «Гв. отряд почет. Конвоя».

[84] Из воспоминаний штабс-ротмистра Кулебякина.

открывщую по ним огонь. Спешенный эскадрон рассыпался в цепь.

Генерал Скобелев, вызвав командира эскадрона, приказал произвести разведку горы, впоследствии названной «Счастливою», дабы установить силы турок, занимавших эту гору. «Знаки отличия военного ордена» должны были служить наградою тем, кто выполнит это опасное поручение.

Не успел командир эскадрона, штабс-ротмистр Кулебякин, передать это приказание чинам своего эскадрона, как значительное число охотников окружило его. По жребию были назначены казаки Петр Кузменко и Адам Стволин.

Незаметно, по кустарникам, пробрались они на вершину и, пока опомнились турецкие посты, успели исполнить свою задачу.

Под сильным огнем турецкой пехоты, Кузменко и Стволин медленно отходили назад. Раненый Стволин упал в яму, скрытую виноградником, и вскоре скончался. Их разведка выяснила, что высоты заняты пехотным отрядом турок, впереди и восточнее которого находилась кавалерия. Но со стороны Ловчи казаки разведчики обнаружили движение неприятельской колонны, рода оружия которой им рассмотреть не удалось[85].

После короткого боя, турки были выбиты из занимаемой ими позиции.

22-го августа, в начале Ловченского сражения, Л.-Гв. Терский казачий эскадрон находился в резерве у «Счастливой горы».

В два часа дня туркмен генерала Скобелева прискакал с приказанием: «эскадрону во весь опор подойти к генералу».

Генерал Скобелев крикнул штабс-ротмистру Кулебякину: «Прикрывайте наш левый фланг и действуйте по вашему усмотрению, а если можно, то и пушки турецкие отберите!»

---

[85] Воен. Сб. 1881 г., III. ст. А. Куропаткина.

Эскадрон на рысях подошел к окраине города Ловчи. За стеною большой загородной постройки терцы спешились. Занятое ими место приходилось против правого фланга неприятеля, на фронт которого, правее эскадрона, наступала наша пехота. Штабс-ротмистр Кулебякин приказал эскадрону огнем поддержать это наступление. Терцы стойко выдержали сильную стрельбу турок. Когда обозначилось отступление турецких частей, эскадрон бросился их преследовать, двигаясь на Микре.

Глубокие балки и кукуруза скрывали движение эскадрона. В это время русская пехота перешла в атаку. Турки дрогнули, и часть их поспешно отошла к Гознице, другие к деревне Парадиму и к северу от нее в овраг.

Местность не позволяла терцам атаковать турок непосредственно, и эскадрон, обогнув деревню, развернул фронт и стремительно бросился на турецкую пехоту. Турки отчаянно защищались, но, в результате неожиданной атаки Л.-Гв. Терского эскадрона, турецкий «табор» (батальон) казаками был разбит и почти полностью уничтожен. Рассыпавшись в преследование турок, эскадрон собрался только лишь к вечеру.

24-го августа, после неудачной атаки правого фланга русских позиций, турки пытались прорваться в центре, причем кавалерия их атаковала наш левый фланг.

На левом фланге находился Л.-Гв. Терский эскадрон Конвоя. Поручик Золотарев, высланный со взводом на разведку, в виду появления больших кавалерийских сил противника, отошел к эскадрону. Штабс-ротмистр Кулебякин спешил свой эскадрон и встретил атакующих сильным огнем. Расстреляв все свои патроны (даже и турецкие)[86], эскадрон был в критическом положении. Подошедшая пехота выручила терцев, своим огнем отбив атаку турецкой конницы.

---

[86] Почти каждый казак имел при себе и турецкое ружье «Пибоди». Записки П. Т. Кулебякина.

25-го августа Терский эскадрон, по желанию генерала Скобелева, сопровождал его в особо важной рекогносцировке, произведенной лично генералом у Плевны.

На следующий день, эскадрон согласно Высочайшего повеления вызван в Радeницу, местопребывание Императорской Главной Квартиры. Князь Имеретинский, отпуская от себя эскадрон, благодарил всех чинов его за лихую атаку под Ловчею.

Узнав об отбытии терцев, генерал Скобелев приказал задержать эскадрон. Заметив «Белого генерала», казаки Терского эскадрона подтянулись и приготовились к встрече известного героя.

«Душевно радуюсь и горжусь, что мне пришлось быть с вами в деле. Тем более радуюсь, что мой отец командовал вами, а я водил вас в бой! Ура вашему лихому командиру!» произнес генерал Скобелев и снял фуражку. Эскадрон громким «ура» приветствовал своего командира, но в этом «ура» был и привет боевой «Белому генералу».

Всю ночь шел Терский эскадрон походом, и к утру прибыл в Императорскую Главную Квартиру.

У Раденицы конвойцев встретил Государь Император, ехавший к плевненским позициям. Приняв рапорт командира Л.-Гв. Терского казачьего эскадрона, штабс-ротмистра Кулебякина, о боевых действиях эскадрона, Государь Император Александр II Николаевич благодарил всех его чинов «за славную, храбрую и верную службу».

28-го августа Государь изволил лично пожаловать штабс-ротмистра Кулебякина «золотою шашкою» с надписью «за храбрость».

Кроме того, командир Терского эскадрона, за боевые отличия, был произведен в чин ротмистра и, по единодушному решению кавалерской думы, награжден Императорским Орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, за подвиг, оказанный под Ловчею.

Его Величество лично вручил Георгиевский крест ротмистру Кулебякину, заметив при этом: «если бы ты знал, как Мне приятно надеть тебе этот крест!»[87]

За атаку под Ловчею, младшие офицеры Л.-Гв. Терского казачьего эскадрона получили следующие награды: штабс-ротмистр Золотарев – орден Св. Анны 2-й степени с мечами. Поручики Шерпутовский, Гажеев и корнет Федюшкин произведены в следующие чины. Двадцать пять казаков эскадрона награждены «знаками отличия военного ордена».

С падением Ловчи, русские войска подошли к сильно укрепленным турецким позициям у Плевны.

26-го августа Государь Император, совместно с Главнокомандующим, в первый раз отбыл со Своим Конвоем под Плевну.

С этого дня, эскадроны Конвоя по очереди ежедневно сопровождали Императора Александра II Николаевича на плевненские позиции.

30-го числа, в день Тезоименитства Государя Императора, начался третий штурм Плевны, в результате которого был взят только Гривницкий редут.

По Высочайшему повелению, к Плевне были вызваны гвардия и гренадеры. В ожидании их прибытия, Императорская Квартира, 4-го сентября, вновь перешла в Горный Студень.

21-го сентября командир Конвоя, флигель-адъютант полковник Черевин, вступил во временное командование Кавказской казачьей бригадой. Конвой принял полковник Жуков, сдав свой эскадрон ротмистру Скакуну.

По приказанию Государя, Кубанские эскадроны Императорского Конвоя, под командою полковника Жукова, поступили в распоряжение командира гвардейской Стрелковой

---

[87] Из записок П. Т. Кулебякина – «Л.-Гв. Терский эскадрон в Дунайской армии».

бригады, входившей в отряд Свиты Его Величества генерал-майора Эллиса.

Отряд выступил к Лебранским мостам за рекою Осмою. Войска двигались по направлению к Парадиму, где стрелки и конвойцы должны были соединиться с полками гвардии, находившимися в распоряжении начальника штаба корпуса, генерала графа Воронцова-Дашкова.

Поход начался при самых неблагоприятных условиях. С утра пошел сильный дождь и не переставал двое суток. Войска шли до Парадима по дорогам, превратившимся в потоки грязи. В Парадиме была назначена дневка, после чего отряд следовал на Богот, к Ралеву, на Иени-Бркач и Эски-Бркач.

От Ралева до Бркача, к каждой пехотной бригаде было придано по взводу конвойцев. В Иени-Бркач эскадроны Конвоя соединились, за исключением первых двух взводов Л.-Гв. 2-го Кубанского эскадрона, оставленных при стрелковой бригаде, в Эски-Бркач. Оба эти селения были покинуты жителями и находились недалеко от реки Вида. За Видом находились турки. Днем было видно движение турецких подвод, а ночью неприятельское расположение светилось большим количеством огней их костров.

1-го октября флигель-адъютант полковник Гриппенберг, в сопровождении взвода казаков 2-го Кубанского эскадрона, произвел рекогносцировку турецких позиций.

Переправившись через реку Вид, конвойцы рассыпались в лаву и почти на полверсты подошли к турецкому отряду. Застигнутые врасплох, передовые турецкие посты, открыв беспорядочную стрельбу, скрылись в кукурузе. Однако, казакам, бросившимся за ними, удалось захватить пленных и доставить их полковнику Гриппенбергу[88].

---

[88] Тутолмин. – «Конница за Видом».

С уходом кубанцев к гвардейским стрелкам, в Горном Студене, при Государе Императоре находился Л.-Гв. Терский казачий эскадрон.

2-го октября, по случаю 50-летнего юбилея назначения Государя Августейшим Атаманом всех казачьих войск, все офицеры Терского эскадрона и офицеры находившегося в конвое Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича Л.-Гв. Казачьего полка, имели честь принести поздравление своему Августейшему Атаману.

Государь милостиво благодарил поздравлявших, вспоминая историю всего казачества и его верную службу Родине. В память этого дня, Государь Император пожаловал офицерам Своего Конвоя Собственные портреты, лично поместив на них Свое Имя и год[89].

4-го октября, в день праздника Собственного Его Величества конвоя, два Кубанских эскадрона находились в походе. Государь, послав им Свое поздравление и привет к празднику, приказал Терскому эскадрону присоединиться к строю Л.-Гв. Казачьего полка, для совместного участия в церковном параде полка, праздновавшего так же, как и Императорский Конвой, подвиг, оказанный под Лейпцигом, в 4-й день октября 1813 года.

До начала парада Государь Император Александр II Николаевич неожиданно прибыл к месту расположения Терского эскадрона и громко скомандовал: «Казаки, сюда!»

Мгновенно окружившим Его конвойцам Государь с большим волнением и радостью прочел телеграмму Главнокомандующего Кавказской армией Великого Князя Михаила Николаевича, о полном поражении Мухтар-Паши на Аладжинских высотах.

[89] Гр. Сологуб. – «Дневник Выс. преб. за Дунаем».

Громким «ура» казаков была встречена эта победная весть. Государь Сам, сняв фуражку и махая ею, присоединился к казачьему приветствию доблестной Кавказской армии.

У Лейб-казаков Государь повторил телеграмму, поздравил полк с праздником и присутствовал на молебне в походной церкви. После молебна, Донцы и Терцы прошли церемониальным маршем перед Государем, поблагодарившим Л.-Гв. Казачий полк за верную службу.

Эскадроны Императорского Конвоя были удостоены особой Царской благодарности. В собственноручном письме к Его Высочеству Главнокомандующему Кавказской армией, Государь писал: «Кубанцами и Терцами не могу Я достаточно нахвалиться. Вот уже боле четырех месяцев, что они Меня оберегают и днем и ночью и не оставляют Меня ни на шаг, оказывая всевозможные услуги Мне лично и всей Моей Главной Квартире»[90].

Почти одновременно с победою на Кавказе, были получены отрадные вести о геройском подвиге нашей гвардии под Горным Дубняком и Телишем, где Кубанские эскадроны Конвоя проявили свою доблесть и храбрость.

В то время, когда праздник Конвоя 4-го октября, день Св. Иерофея, был, в Высочайшем присутствии, отмечен в Царской Ставке, Кубанские эскадроны, находясь в походе также приготовились достойно его встретить. Но судьбе было угодно, чтобы Кубанцы этот день отметили не парадом и братскою трапезою, а как и их предки в битве под Лейпцигом, конною атакою!

В этот день, вызванные по тревоге, эскадроны на рысях подошли к деревне Чирикову на Виду.

К эскадронам Конвоя были присоединены две сотни 4-го Донского казачьего полка и две роты гвардейских стрелков. Командование всем отрядом принял полковник Жуков,

---

[90] С. Петин. Исторический очерк.

получивший задачу произвести боевую разведку в районе Горного Дубняка и Телиша.

Отряд перешел вброд реку Вид и, пройдя через дубовую рощу, двинулся в направлении Горного Дубняка. Дозоры донесли о появлении турецкой кавалерии. Полковник Жуков приказал стрелкам занять опушку рощи и решил немедленно атаковать неприятельскую конницу, не дав ей возможности развернуться.

Кубанские эскадроны Государева Конвоя шли в центре, имея донцов по «крыльям» лавы. Лихая казачья атака увенчалась полным успехом. Турецкая конница была сбита и, в полном беспорядке, бросилась к Горному Дубняку, в котором произошел переполох.

Резкие звуки тревожных турецких сигналов раздались со всех сторон.

Турецкая пехота, пропустив свою разбитую конницу и заняв окопы, жестоким огнем встретила конную атаку казаков.

Эскадронам Конвоя пришлось спешиться и вступить в огневой бой с противником, занимавшим сильно укрепленную позицию.

С наступлением темноты, неприятельский огонь стал стихать, и эскадроны получили приказание присоединиться к стрелкам.

Так отпраздновали конвойцы – кубанцы день 4-го Октября!

На другой день чины Кубанских эскадронов были осчастливлены Высочайшею телеграммою, в которой Государь Император поздравлял Своих конвойцев с днем Св. Иерофея, Небесного Покровителя героев Лейпцига.

11-го октября в общем приказе о наступлении на Горный Дубняк, полковник Жуков с 2-мя Кубанскими эскадронами получил следующую задачу: «произвести боевую разведку в районе действия Стрелковой бригады, для чего продвинуться между Дольним и Горным Дубняком, занять Софийское

шоссе и, испортив на нем телеграфную линию, войти в связь с Кавказской казачьей бригадой, наступавшей западнее стрелков».

Ровно в полночь на 12-ое октября, готовые к походу эскадроны Конвоя ожидали прибытия генерал-адъютанта Гурко, лично объезжавшего войска и дававшего свои последние распоряжения.

Поздоровавшись с эскадронами, генерал Гурко напомнил кубанской гвардии славу ее дедов и отцов и выразил надежду, что чины эскадронов в предстоящем бою так же доблестно, как и их предки, исполнят свой долг.

В ту же ночь колонны русских войск двинулись на Чириково.

Л.-Гв. 1-й и 2-й Кубанские казачьи эскадроны Собственного Его Величества Конвоя, по распоряжению генерала Гурко, шли в авангарде. 1-й эскадрон направился к Горному Дубняку, 2-й правее, к Софийскому шоссе. Колонны двигались левым берегом реки Вид.

Конвойцы, осветив впереди лежащую местность, быстро двигались вперед, но приказанием генерала Гурко были остановлены, дабы дать время подтянуться сильно отставшей пехоте и артиллерии.

В три часа ночи, общее движение возобновилось. Было приказано соблюдать полную тишину – все приказания отдавались вполголоса. С рассветом головные взводы эскадронов Конвоя рысью двинулись вперед. Местность была холмистая, и на ней росла кукуруза, частями такая высокая и густая, что почти с головою укрывала всадников.

Пройдя кукурузное поле, зоркие глаза казаков разведчиков заметили впереди какие-то конные группы, при первых светлых отблесках зари издали казавшиеся темными пятнами.

В том, что замеченные всадники – противник, сомнений не было, и казаки, без приказания бросились в атаку.

Разбив группы турецкой конницы и преследуя их, конвойцы врубились в турецкое пехотное сторожевое охранение, отбросив его в Горный Дубняк.

Во исполнение полученного приказания, казаки Кубанских эскадронов Конвоя прервали телеграфную линию на протяжении двух верст и, с прибытием к месту боя гвардейских стрелковых рот, ворвались в Горный Дубняк, после чего соединились с Кавказской казачьей бригадой.

Во время боя под Горным Дубняком, Кубанский Дивизион Конвоя понес значительные потери: более тридцати чинов его выбыло из строя. Сам командир Дивизиона Кубанцев, полковник Жуков, был тяжелоранен в левое плечо. Несмотря на тяжелое ранение, полковник Жуков оставался в строю и руководил боем.

Так же тяжело был ранен в левую ногу, выше колена, командир Л.-Гв. 2-го Кубанского казачьего эскадрона, ротмистр Скакун.

13-го и 15-го октября, Дивизион Конвоя вызывался на рекогносцировку Телиша и принимал участие во взятии его.

С падением Телиша, окончилось пребывание конвойцев в гвардейском отряде, и 17-го октября они были отозваны в Императорскую Главную Квартиру, в деревню Парадам, куда и прибыли 18-го, в пять часов дня.

Отпуская от себя Дивизион Государева Конвоя, генерал-адъютант Гурко горячо благодарил конвойцев за проявленную ими доблесть, выразив сожаление, что «мало пришлось послужить с такими молодцами».

В Парадаме эскадроны были встречены генералом Воейковым и генералом графом Адлерберг. Государь Император в это время находился в селе Карагач, на смотру у гренадер.

Вернувшись в Свою Главную Квартиру, Государь изволил выразить всем чинам Кубанских эскадронов Свою благодарность за их боевую службу, а раненого полковника Жукова обнял и, поцеловав, сказал: «Тебе надо отдохнуть». Навестив

командира Дивизиона Кубанских эскадронов Конвоя, полковника Жукова к вечеру следующего дня, Государь Император Александр II Николаевич подробно интересовался состоянием его здоровья и, долго милостиво с ним беседуя, пожаловал ему звание Своего флигель-адъютанта[91].

Кроме этой исключительно высокой награды командиру Кубанского Дивизиона Конвоя, кубанцы получили следующие награды: флигель-адъютант полковник Жуков, полковник Бабалыков и ротмистр Скакун – «золотые шашки» с надписью «за храбрость». Штабс-ротмистр Бежанов – Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Штабс-ротмистр Пальцын – Св. Станислава 2-й степени с мечами. Штабс-ротмистр Безладнов – Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. Поручик Кухаренко, корнеты: Денежников, Логвинов и Балатуков – следующие чины.

«Знаками отличия военного ордена» было награждено 33 казака. 23-го октября, Государь, в сопровождении Терского эскадрона, предпринял дальнюю поездку, через Богот, на дер. Медован, желая лично поздравить гвардию с ее отличием в эту войну, причем Государь проехал под дождем 45 верст, по страшной грязи.

В Медоване ожидали «на подставе» кубанцы, сменившие терцев для обратного пути.

В последующие дни Государь часто отбывал, с очередным эскадроном Своего Конвоя, в Богот к Главнокомандующему и на позиции к Плевне, наблюдая действие наших батарей, находившихся в осадной армии.

В Плевне заметно начиналась агония: огонь турецкой артиллерии ослабевал с каждым днем. Видимо, в крепости снаряды истощались. По всем признакам, турки готовились к оставлению Плевны.

---

[91] Дело Конвоя № 56 – 1877 г. Рапорт Ком. Им. Гл. Кв. – 19-го октября 1877 г.

27-го ноября неприятельский огонь совсем прекратился, и, с рассветом, вся масса турецких войск, составлявших гарнизон Плевны, оставив крепость, стремительно перешла в наступление. Турки храбро сражались, но их геройская попытка прорвать русский фронт окончилась полным поражением армии Османа-Паши. Находившийся, во время этого сражения, на фронте Государь Император Александр II Николаевич был на позиции с 1-м Кубанским эскадроном.

На следующий день, в Плевне, в присутствии Государя был отслужен благодарственный молебен вблизи того места, где находилась палатка Османа-Паши. После молебна, Государь Император объявил о своем отбытии в С.-Петербург.

За исключением Л.-Гв. 1-го Кубанского эскадрона, которому было приказано готовиться к обратному походу, эскадроны Конвоя, по Высочайшему повелению, были оставлены в распоряжении Главнокомандующего.

Государь Император отбыл из действующей армии третьего декабря в семь часов утра. На всем пути к Дунаю, эскадроны Конвоя сопровождали Царский поезд, сменяя друг друга.

По отбытии Его Величества в Петербург, Л.-Гв. 2-й Кубанский и Терский эскадроны вернулись в Парадим.

По приказанию Главнокомандующего, конвойцы 24-го декабря перешли в Ловчу, и на другой день выступили на Силово и Габрово.

31-го декабря, рано утром, эскадроны подошли к Шипкинскому перевалу, уже занятому нашими войсками. На половине подъема к конвойцам подъехал экипаж Главнокомандующего. Далее Его Высочество Великий Князь Николай Николаевич следовал верхом вместе с казаками Конвоя.

С горы Св. Николая эскадроны потянулись «в один конь» по крутому скользкому спуску, загроможденному артиллерией. По пути всюду чернели трупы неприятельских солдат. Крутизна спуска значительно превосходила подъем. Шоссе извивалось беспрерывными зигзагами.

В конце перевала, у самой подошвы, конвойцы прошли дер. Шипку, или, вернее, сплошную гору мусора, оставшегося от деревни. Дорога до Казанлыка шла по равнине, но шоссе перешло в обыкновенную грунтовую дорогу, покрытую слоем жидкой грязи.

Переход от Габрово через Шипку на Казанлык эскадроны Конвоя прошли в один день[92].

В первых числах января, русские войска победоносно продвигались вперед, всюду тесня турок. Гвардейские полки, разбив противника в жестоком бою у Араб-Конака, перевалили хребет, заняли Софию, Татар-Базарджик, Филиппополь и вышли к Адрианополю.

8-го января в штаб Главнокомандующего прибыли турецкие парламентеры с просьбой о перемирии.

В связи со сложившейся обстановкой, Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич приказал перенести свой штаб в Адрианополь, куда первым был отправлен Кубанский эскадрон Конвоя. 12-го января, в 6 часов утра, отбыл в Адрианополь и Великий Князь, конвоируемый Терским эскадроном. Дорога проходила по крутому скату гор, местами обрываясь в ущелье. С Малых Балкан начиналась знаменитая «Долина Роз», откуда тянулась обширная равнина до самого Константинополя.

Главнокомандующий остановился на ночлег в немногих уцелевших домах грязного и разрушенного города Эски-Загра. В нем турок почти не было. Трудный переход закончился к вечеру 14-го января в Германлы, откуда Великий Князь, чины его штаба и конвойцы далее к Адрианополю следовали уже по железной дороге.

Железнодорожный вокзал был расположен в 4-х верстах от города. Терский эскадрон получил приказание стать на ночлег у вокзала. 16-го утром эскадрон с песнями вступил в

---

[92] «Гвардейский отряд почетного Конвоя» – Мацкевич.

Адрианополь. Местные жители не покинули своих домов, и мирное турецкое население не бежало перед русскими войсками. Торговля в городе не прекращалась. Но в окрестностях Адрианополя кипела дикая злоба болгар и турок, грабивших и разорявших друг друга.

Для прекращения этих беспорядков был командирован эскадрон Конвоя, под командою ротмистра Кулебякина. У деревни Саранлы толпы болгар встретили казаков, прося их защитить от вооруженных турок. Остановив эскадрон, ротмистр Кулебякин, в сопровождении двух казаков, направился прямо к туркам. Не доезжая до них, Кулебякин приказал казаку, говорившему по-турецки, вызвать одного из почетных стариков для переговоров. Через несколько минут у турок появился белый флаг, и к ротмистру Кулебякину подошли двое вооруженных турок. Им объяснили цель прибытия казаков. К удивлению болгар, турки изъявили полную покорность и сами стали сносить, в указанное место, свое оружие. Отобрав у турок более двухсот винтовок, ротмистр Кулебякин приказал и туркам и болгарам разойтись по своим домам.

В результате своей командировки, эскадрон совершил 120-ти верстный поход, обезоружил 3 турецких селения и, согласно просьбе самих турок, выселил до 4.000 семейств в другие места[93].

11-го февраля Главнокомандующий Русской Армией Великий Князь Николай Николаевич прибыл в Сан-Стефано, в котором был встречен почетным караулом Л.-Гв. от 2-го Кубанского эскадрона. В местечке оставались еще турецкие войска. Его Высочество, отдав распоряжение о немедленном удалении турок, объявил Сан-Стефано своею резиденцией. Через два дня прибыли в Сан-Стефано и терцы. Это был по-

---

[93] Рапорт ротмистра Кулебякина Команд. Действ. Армии. 23-го января 1878 г. № 36.

следний пункт похода чинов Конвоя Его Величества перед отбытием в Россию.

Из Сан-Стефано отчетливо был виден Константинополь, и открывалась голубая даль Мраморного моря. На рейде и по взморью, до темневшего на горизонте малоазиатского берега, скользили суда; всюду небольшие лодки, как чайки, сновали по поверхности воды. У пристани, тогда еще небольшой, и на рейде с каждым днем усиливалось движение. Стали прибывать и русские военные суда.

Все ожидали заключения мира ко дню восшествия на Престол Государя Императора.

17-го февраля эскадроны Конвоя получили приказание прибыть к маяку Сан-Стефано.

У маяка, фронтом к Константинополю, находились гвардейские полки. Все части стояли вольно. Ружья были составлены, и солдаты пели песни. Никто не знал настоящей причины сбора войск.

Пронесся слух, что войска вызваны в виде угрозы туркам, не соглашавшимся на требуемые условия мира. В турецком лагере, действительно, по всей линии было заметно движение.

Два часа прошло в напряженном ожидании. Наконец, из Константинополя показался экстренный поезд, с которым прибыл к Главнокомандующему Русской Армии Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу уполномоченный турецкого султана. Приняв его, Великий Князь приказал войскам двигаться вперед с барабанным боем.

У турок раздались тревожные сигналы, но Русские войска, произведя необходимое перестроение, прошли перед своим Главнокомандующим церемониальным маршем и были отведены в места своих расположений.

19-го февраля, после торжественного молебствия, по случаю Восшествия на Престол Государя Императора, эскадроны Конвоя снова получили приказание прибыть к маяку.

С 12-ти часов дня находившиеся в Сан-Стефано и его окрестностях Русские войска стали выстраиваться фронтом к турецкой столице. Все с большим волнением ожидали объявления мира, но день клонился к вечеру, а вестников мира все не было.

Многие были убеждены, что, вместо смотра, пойдут брать с боя Константинополь.

В 6 часов вечера прибыл Главнокомандующий. Войска уже готовы были перейти в наступление, но Его Высочество, объехав выстроенные части, обратился к ним с приветом: «Поздравляю вас, ребята! Бог благословил нас миром!»

Царившая напряженная тишина мгновенно превратилась в бурю восторга: все дрожало от победного «ура» славных русских войск.

Полетели вверх головные уборы. Офицеры, солдаты и казаки обнимали друг друга...

Официально война была закончена![94]

Продолжая службу охраны Его Высочества Великого Князя Николая Николаевича, конвойцы готовились к уходу в Россию.

Более месяца чины Конвоя оставались еще в Сан-Стефано. 7-го апреля Великий Князь Главнокомандующий изволил прощаться с Кубанским эскадроном, отплывшим на Родину 8-го числа.

Через неделю были отправлены в Россию и терцы.

В конце месяца оба эскадрона прибыли в Петербург. Кубанцы пришли 21-го апреля в 4 ½ часа утра, и уже в два часа того же дня их смотрел Государь Император в манеже Инженерного Замка и благодарил за примерную боевую службу.

28-го апреля удостоился Высочайшего смотра и Царской благодарности Терский эскадрон.

---

[94] «Дела Конвоя за 1878 год». С. Петин.

На другой день офицеры Собственного Императорского Конвоя, участники минувшей кампании, были собраны в Биллиардной зале Зимнего Дворца, где Государь Император Александр II Николаевич каждому офицеру лично пожаловал серебряные знаки, учрежденные в память пребывания при Его Величеств во время Турецкой войны 1877–1878 гг.

Значок изображал вензель Имени Государя Императора, окруженный венком из листьев лавра и дуба, с Императорской Короной на нем. Такие же значки были пожалованы и казакам Конвоя. Носить их положено на левой стороне груди. Казакам Конвоя, георгиевским кавалерам, Государь Император изволил выдать серебряные значки 1-го июня в Большом Царскосельском Дворце. Георгиевских кавалеров было 110 человек (11 вензелей выслано в Войска, Кубанское и Терское, для выдачи их произведенным из унтер-офицеров в хорунжие).

4-го мая все офицеры Конвоя были удостоены Высочайшего приглашения к Царскому столу. Перед обедом Государь собственноручно роздал офицерам Конвоя светло-бронзовые медали в память Турецкой войны, которые только что были отчеканены, причем первые образцы были представлены в Зимний Дворец.

Штабс-ротмистр Шерпутовский и 15 казаков (1-го Кубанского и Терского эскадронов), разновременно бывшие на Шипке во время ее осады, получили серебряные медали.

Казакам Конвоя, бывшим за Дунаем, медали были выданы 11-го мая. Государь повелел иметь их к приезду шаха Персидского и к предстоящему Царскому смотру[95].

В день приезда шаха, Конвой, в походной форме, выстроился в конном строю развернутым фронтом перед вокзалом Николаевской железной дороги.

---

[95] Из заметок штабс-ротмистра Шерпутовского.

Император Александр II ожидал поезд на дебаркадере вокзала. По прибытии шаха, Государь проследовал с ним, в открытой коляске, в Зимний Дворец. Кавказский эскадрон был впереди экипажа, за которым крупной рысью шли три казачьих эскадрона.

По пути следования, на улицах массы народа приветствовали Государя Императора и Его высокого гостя.

13-го мая на Марсовом поле происходил обычный весенний парад всем войскам гвардии и Петербургского военного округа.

Объехав войска, Государь присоединился к Государыне Императрице, прибывшей на парад в экипаже с Великими Княгинями и шахом Персидским.

Этот первый после войны парад был открыт эскадронами Императорского Конвоя. В память победоносно оконченного похода, у всех на груди блестели новые медали.

После парада Высочайший Двор перешел в Царское Село, где были сосредоточены все три казачьи эскадрона. Кавказский эскадрон оставался в Петербурге.

Командир Конвоя флигель-адъютант полковник Черевин, произведенный, за отличия в делах против турок, в генерал-майоры, с зачислением в Государеву Свиту, вновь вступил в командование Конвоем[96].

Кроме наград, пожалованных лично Императором Александром II, чины Государева Конвоя, за войну 1877–1878 гг., получили следующие награды: флигель-адъютант полковник Жуков – прусский орден «Короны» 2-й степени и румынскую золотую медаль «за военные подвиги»; полковник Бабалыков – прусский орден «Короны» 2-й степени и румынский орден «Звезды»; ротмистр Кулебякин – румынский орден «Звезды» и прусский «Красного орла» 3-й степени с мечами;

[96] Высочайший приказ 17-го октября 1878 года.

штабс-ротмистр Бежанов и Пальцын – следующий чин и румынский орден «Звезды»; штабс-ротмистр Гажеев, находившийся в передовом отряде генерала Скобелева, за отличие при деревне Хаскиой произведен в следующий чин.

Кавказского эскадрона ротмистр Гватуа, находившийся в Конвое Главнокомандующего Кавказской Армией Великого Князя Михаила Николаевича, получил чин полковника, с зачислением по армейской кавалерии. Корнет персидский принц Фатали-Мирза – Св. Анны 4-й степени.

14 вахмистров и унтер-офицеров Императорского Конвоя произведены в чин хорунжего, с переводом в армейские казачьи полки, и десять казаков награждены знаками прусского ордена «за военные заслуги». А также все, бывшие в походе офицеры и казаки Конвоя получили румынские «железные кресты», учрежденные королем Карлом в память перехода через Дунай.

В годовщину этого перехода, 15-го июня, в средней аллее Большого Царскосельского Дворца, в присутствии Государя Императора Александра II Николаевича состоялся парад, в котором приняли участие представители гвардейских воинских частей.

На правом фланге всех частей находился взвод Терского казачьего эскадрона, при своем Штандарте, сопровождавший Государя при первом Его переходе на правый берег Дуная.

Обходя фронт выстроенных частей, Государь поздравлял всех с годовщиной геройской переправы.

На параде присутствовали: Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь Александр Александрович, с Августейшей Супругой, и Великие Князья Константин Николаевич, Алексей Александрович, Сергий Александрович и Павел Александрович.

По окончании молебна, присутствовавшие на параде представители гвардейских воинских частей прошли церемониальным маршем. На правом фланге 1-го отделения

Терского взвода Конвоя Его Величества, рядом с штабс-ротмистром Шерпутовским, шел сам Государь.

Дефилировавшая колонна направилась прямо на террасу Дворца, где для солдат и казаков был приготовлен Царский обед.

Когда все сели за столы, сам Государь Император Александр II обошел их и, взволнованный боевыми воспоминаниями, приветствовал «Своих дорогих гостей».

Офицеры получили приглашение к Высочайшему столу[97].

Во все время пребывания Государя в Царском Селе, Кубанские и Терский эскадроны несли Дворцовые караулы по издавна заведенному порядку.

По воскресным и праздничным дням, офицеры Конвоя присутствовали во Дворце на Высочайших «Выходах» Их Величеств.

По окончании Берлинского конгресса, увеличенный в военное время состав Императорского Конвоя был сокращен до штатов мирного времени.

Л.-Гв. 1-й Кубанский и Терский эскадроны, за исключением назначенных на службу в Ливадии 2-х взводов Терцев, готовились к отбытию на льготу.

Перед отбытием их на Кавказ, Государь Император произвел смотр Конвою. Эскадроны в конном строю выстроились перед Екатерининским Дворцом в Царском Селе (Большой Дворец).

Его Величество, в форме Своего Конвоя, в сопровождении Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Александровича, также бывшего в мундире Конвоя, объехав фронт эскадронов Конвоя, остановился у парадного подъезда Дворца.

---

[97] Из записок о службе в Государевом Конвое штабс-ротмистра Шерпутовского.

Конвой прошел перед Государем Императором рысью и вторично наметом. Закончился смотр джигитовкой конвойцев.

Государыня Императрица, Государыня Цесаревна и несколько находившихся при Них придворных дам с балкона парадного подъезда Дворца наблюдали смотр и джигитовку, которая, к общему сожалению, печально завершилась.

Последним скакал один из лучших джигитов Конвоя, кубанец казак Пальчун. Он лихо нагнулся и уже хотел достать с земли папаху, но в этот момент вместе с лошадью упал у самых ног Государя Императора. При падении джигит Пальчун ударился головой и разбил себе череп.

После Высочайшего смотра, все офицеры Императорского Конвоя, во главе со своим командиром, Свиты Его Величества генерал-майором Черевиным, имели честь поднести Государю Императору Александру II Николаевичу золотую шашку образцовой азиатской работы, с георгиевским крестом на рукоятке. Шашка имела старинный клинок: надпись на нем свидетельствовала, что он был изготовлен из дамасской стали в 16-ом столетии[98].

Государь Император, обеспокоенный положением казака Конвоя, упавшего на джигитовке, несколько раз справлялся о его здоровье. Узнав, что конвоец Пальчун скончался, не приходя в сознание, Государь приказал оказать вдове покойного материальную помощь и назначить пенсию.

В память подвигов, проявленных чинами Собственного Императорского Конвоя во время Турецкой войны, Л.-Гв. Кавказским казачьим эскадронам были пожалованы знаки отличия при следующей Высочайшей грамоте:

[98] В 1881 году, по распоряжению Императора Александра III, шашка была передана Конвою и хранилась в Петербургском офицерском собрании, в особой витрине.

«В ознаменование особого Монаршего Благоволения Нашего, за оказанные подвиги мужества и храбрости Л.-Гв. Кавказскими казачьими эскадронами Собственного Нашего Конвоя, 1-м и 2-м Кубанским и Терским, в турецкую войну 1877–1878 годов, всемилостивейше жалуем эскадронам сим знаки отличия на головные уборы, с надписью первым двум – «за отличие в Турецкую войну 1877–1878 годов», а последнему – «за Ловчу 22 августа 1877 года», и повелеваем знаки сии носить по установлению.

Александр».

В августе Государь Император отбыл на юг России, в Крым. На службе в Царском Селе от Конвоя остались два эскадрона. Командир Конвоя, генерал Черевин, отчислен в Свиту Государя, сдав командование Конвоем флигель-адъютанту полковнику Ивашкину-Потапову.

В Ливадию Император Александр II, с Августейшим Семейством, прибыл морем. Императорская яхта остановилась у Ливадийской пристани 20-го августа.

Один взвод конвойцев от командированного в Крым Терского полуэскадрона в парадной форме был выстроен на набережной, другой – у Ливадийского Дворца, а «Встреча» ожидала Их Величеств на самой пристани.

Боевая служба Л.-Гв. Кавказских казачьих эскадронов Собственного Императорского Конвоя, в Турецкую войну 1877–1878 гг., помимо жалованных боевых наград чинам эскадронов и знаков отличий на головные уборы, Государем Императором еще отмечена в особой Высочайшей грамоте всему Кубанскому Казачьему Войску. Грамота эта гласит:

«Божией милостью Мы, Александр Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и пр. и пр.

Нашему вернолюбезному Кубанскому Казачьему Войску.

В минувшую войну с Турцией, предпринятую нами для освобождения единоверных нам народов Балканского полуострова, вызвано было на военное поприще доблестное Войско Кубанское, выставившее на службу все три комплекта своих боевых частей, а именно: 2 эскадрона Лейб-Гвардии Собственного Нашего Конвоя, 25 конных полков, 12 пеших пластунских батальонов и 5 конно-артиллерийских батарей. Причем снаряжение всех своих частей совершалось быстро, на средства самих казаков. Кроме того, все жители станиц Войска, расположенных в предгорьях и в нагорной полосе, образовали из среды себя отдельные вооруженные команды.

Выделив затем большую половину своих строевых частей на малоазиатский театр войны, часть на Балканский полуостров и для усмирения восставших племен Чечни и Дагестана, остальными силами Войско стало твердым оплотом с Юга и Юго-Запада обширной Кубанской Области и Черноморского Округа против вторжения успевшего прорваться через Сухум в Абхазию неприятеля, и внесения им смуты в среду туземных племен Области. Этим достигнуто сохранение спокойствия в Крае, а движение отряда, составленного, большей частью, из Кубанских казаков, на Сухум, со стороны Кубанской Области, способствовало обращению в бегство неприятеля и очищению от него всей Абхазии.

Большинство выставленных Войском строевых частей вошло в состав наших доблестных Кавказских войск, причем Кубанцы достойно заявили себя, связав навсегда свое имя с историей славных дел под Ардаганом, Баязетом, во время беспримерной 23-дневной защиты нашего гарнизона и при выручке этих героев, защитников на Аладжинских высотах, при разгроме и

пленении армии Мухтара Паши под Деве-Бойну, при штурме Карса и пленении его гарнизона, а также в малодоступных дебрях Кабулежа и Аджарии.

Части Кубанских казаков, в числе 2-х конных полков и I-го Пластунского батальона, принимавшие участие в усмирении восстания в Чечне и Дагестане, с присущею им боевою опытностью в горной войне, честно выполнили свой долг, споспешествуя быстрому и решительному подавлению вооруженного восстания.

Наконец, те части Кубанского Войска, которые были назначены в Дунайскую Армию, а именно: 2 эскадрона, 1 конный полк и 2 сотни Пластунов, находясь в течение всей войны в составе наших войск, действовавших на Балканском полуострове, являли повсюду примеры беззаветной отваги в боях и непоколебимой твердости в перенесении трудов и лишений, при быстрых движениях и поисках за неприятелем. Особенно отличились они под Градешти, Самовидом, Плевной, Ловчей, Горным Дубняком, Телишем, на Шипке, при переходе Балканских гор и преследовании неприятеля до стен Константинополя, закончив участие свое в войне подавлением восстания в Радопских горах.

Таким образом, примерным служением Престолу и Отечеству доблестное Кубанское Войско стяжало новое право на Наше Благоволение, а потому, воздав уже должное по заслугам участвовавшим в военных действиях Кубанским конным полкам, пешим пластунским батальонам и Конно-Артиллерийским батареям, Мы, в знак Нашего особого Благоволения к заслугам всего Славного Кубанского Войска, жалуем ему Георгиевское Знамя с надписью:

«За отличие в Турецкую войну 1877–1878 гг.», и повелеваем, освятив Оное по установлению, приобщить к Войсковым Регалиям. В заключение сего, Мы уверены, что непоколебимая преданность Престолу и любовь к Отечеству, одушевлявшие всегда Кубанцев и подвигавшие их к совершению доблестных подвигов, будут

передаваться из рода в род, в отдельные потомства. В сей уверенности пребываем к Вернолюбезному Нам Войску Кубанскому

Нашею Императорской милостью благоволенны.
Александр.»[99]

22-го августа наступила годовщина Ловченского сражения, в котором принимал участие Л.-Гв. Кавказский Терский казачий эскадрон Конвоя.

После парада офицеры Терского полуэскадрона имели честь быть приглашенными к Высочайшему столу. За завтраком Государь Император, обратившись к штабс-ротмистру Шерпутовскому, предложил тост за здоровье ротмистра Кулебякина и приказал послать ему приветственную телеграмму[100].

Из Турции продолжали прибывать русские войска. Гвардейские части высаживались в Одессе, Николаеве и Севастополе.

Государь Император, в сопровождении одного офицера, одного унтер-офицера и двух казаков Своего Конвоя, на яхте «Ливадия», посещал порты этих городов во время прибытия туда войск.

4-го октября, в день Праздника Конвоя, Государь посетил казачий обед. Император Александр II милостиво беседовал с казаками. Приняв поднесенную Ему вахмистром чару, поднял ее, сказав: «За все эскадроны Моего Конвоя! Ваш Атаман поздравляет вас с праздником!»[101]

17-го ноября Государь Император с Августейшим Семейством прибыл в Петербург.

---

[99] Высочайшая Грамота хранится при Войсковых Регалях в Нью-Йорке.

[100] Из воспоминаний штабс-ротмистра Шерпутовского.

[101] Из книги Мацкевича – «Гв. Отряд почетного Конвоя».

На другой день полки гвардии, прибывшие из Турции, в полном своем составе, представлялись Государю.

На правом фланге всех войск находились Кавказский и 2-й Кубанский эскадроны.

26-го декабря офицеры Императорского Конвоя, участники Турецкой войны, были вызваны в Зимний Дворец, где Император Александр II, в Своем кабинете, пожаловал каждого из них кавказской, отделанной в серебро, шашкою с именными на клинках надписями; на одной стороне: «В память Турецкой войны 1877 года», а на другой: «Моего Конвоя» – чин и фамилия офицера.

Такие же шашки Высочайше пожалованы ушедшим на льготу офицерам Л.-Гв. 1-го Кубанского и Л.-Гв. Терского эскадронов[102].

Всю зиму 1879 года Государь Император со Своим Августейшим Семейством находился в Петербурге. Дворцовые караулы и посты охраны Высочайшего Двора нес исключительно Л.-Гв. 2-й Кубанский казачий эскадрон.

Служба Кавказского эскадрона ограничивалась участием в разводах и парадах.

Ежедневно в Михайловском манеже, в Высочайшем присутствии, производились разводы войск, на которых всегда лихо джигитовали горцы и казаки Императорского Конвоя, назначенные на ординарцы к Его Величеству.

Весною Государь Император перенес Свою резиденцию в Царскосельский Дворец, и в первых числах мая Царская Семья снова прибыла в Крым.

Для службы в Ливадии был вызван со льготы 1-й Кубанский эскадрон под командою штабс-ротмистра Безладнова, а в помощь ему командирован из Петербурга взвод поручика Золотаревского от 2-го Кубанского эскадрона.

---

[102] С. Петин. С. Е. В. К. стр. 229.

Во время пребывания чинов этого взвода в Ливадии произошло печальное событие, жертвою которого стал командир взвода, поручик Золотаревский.

В то время в Ливадии чины Конвоя не имели собственного довольствия, а получали со стороны от одной воинской части. К несчастью, это довольствие не всегда отвечало положенным требованиям, в результате чего три чина взвода поручика Золотаревского: унтер-офицер Емельян Ураско и казаки Мокей Толстов и Семен Кривоносов отказались принять таковое.

Было произведено строжайшее расследование, которое выяснило виновность и преступную небрежность нескольких хозяйственных чинов довольствующей воинской части. На основании этого расследования, Ураско, Толстов и Кривоносов не были отданы под суд, а только лишь исключены из Конвоя и для дальнейшей службы переведены в армейские полки своего войска.

Но их командир вынес свой приговор. Поручик Золотаревский не мог пережить проступок казаков своего взвода и… застрелился.

Государь Император с грустью принял весть о смерти доблестного офицера Своего Конвоя, для которого честь и Имя родной части были дороже своей личной жизни.

Казаки взвода покончившего с собою, из-за дисциплинарного проступка трех своих сослуживцев командира, безупречною своею службою заслужили полное забвение всему случившемуся, о чем свидетельствовали пожалованные им Высочайшие награды.

За образцовое исполнение своих обязанностей шесть конвойцев получили от Государя Императора золотые часы с Императорским гербом, а из этих шести награжденных казаков двое было из взвода погибшего поручика Золотаревского[103].

---

[103] Приказ по Конвою от 2-го мая 1879 г. № 642 и 7-го мая № 706. Рапорт штабс-ротмистра Безладнова 4-го мая 1879 года № 102.

С отбытием Государя в Петербург, 1-й Кубанский эскадрон ушел на льготу. Эскадрону не суждено было больше видеть Августейшей Четы.

26-го мая 1880 года скончалась Государыня Императрица. 2-й Кубанский и Кавказский эскадроны провожали тело в Бозе почившей Императрицы от Зимнего Дворца в Петропавловский Собор.

2-й Кубанский эскадрон, в трауре, доканчивал срок службы в Петербурге. В августе пришли на смену терцы.

15-го августа в Царском Селе Император Александр II смотрел оба эскадрона.

Оставшись вполне довольным отличным их состоянием, Государь в Высочайшем приказе объявил признательность Командующему Императорской Главной Квартирой генерал-адъютанту графу Адлерберг и Монаршее благоволение командиру Конвоя и всем чинам 2-го Кубанского эскадрона, отправлявшегося на льготу, за усердную и примерную службу при Особе Его Величества[104].

В 1881 году Родина наша была потрясена дерзкими посягательствами на жизнь Государя Императора Александра II Николаевича.

Страшное событие совершилось в воскресенье 1-го марта.

В этот день был последний в Российской Императорской Армии «развод караулов с церемонией», происходивший в Михайловском манеже. В последовавшие царствования разводов «с церемонией» уже больше не было.

1-го марта 1881-го года, караулы в Михайловском манеже были выстроены в следующем порядке: на правом фланге караул Л.-Гв. Саперного батальона, назначенный в этот день в главный караул. Левее его находились караулы от Пажеского

[104] Высочайший приказ 15-го августа 1880 года. Пр. по Конвою 28 авг. № 1296.

Его Императорского Величества Корпуса, Павловского Военного Училища и Шефских частей Петербургского гарнизона. Правее главного караула – ординарцы и посыльные от Шефских частей.

За группой начальствующих лиц и генералитета – офицеры и воспитанники военно-учебных заведений.

После прибытия командира Гвардейского Корпуса, Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Александровича и С.-Петербурского генерал-губернатора генерал-адъютанта Гурко, в манеж прибыл Государь Император Александр II Николаевич, которого посреди манежа встретил рапортом Наследник Цесаревич.

Государь сел верхом на поданного ему коня.

По окончании объезда Государем всех караулов, к Нему начался подход ординарцев и посыльных, а затем подъезд конных ординарцев.

После представления Государю, ординарцы пеших частей маршировали по прямому направлению вдоль манежа и строились в другом конце его, в порядке частей, а конные проезжали рысью перед главным караулом и строились на прежнем месте.

Тотчас после подъезда конных ординарцев, посреди манежа перед Государем казаками был поставлен барьер. Конные ординарцы, справа по одному, брали этот барьер и возвращались на свои места.

Затем наряженный от каждого взвода Конвоя всадник выскакивал из глубины манежа и, на полном ходу, стрелял из ружья в бумагу, которую клал на его пути казак, прижимая ее горсточкой земли. Далее следовал церемониальный марш всех караулов перед Государем.

Пока караулы, после церемониального марша, строились на своих местах, Государь беседовал со Свитою и присутствовавшими иностранными послами.

В этот роковой, как оказалось несколько часов спустя, день Государь, объезжая, после окончания развода, войска, был особенно приветлив. По отбытии из манежа Императора Александра II, Государь Наследник Цесаревич Великий Князь Александр Александрович скомандовал: «Бить по караулам!» и караулы, следуя к выходам из манежа, отправлялись по назначению[105].

Было около 2-х часов дня, когда Государь Император из Михайловского манежа возвращался во Дворец по Екатерининскому каналу мимо Михайловского театра.

Не успел Царский экипаж, конвоируемый командиром и шестью казаками бывшего на службе в Петербурге Л.-Гв. Терского казачьего эскадрона Конвоя Его Величества поравняться с выходившими на канал зданиями Дворцовых служб, как под каретою Государя раздался взрыв. Полусломанный Царский экипаж остановился в облаках дыма.

Один из конвойцев, казак Александр Малевич, получив тяжелые раны, упал позади кареты, близ тротуара. Ординарец Его Величества, конвоец унтер-офицер Косьма Мачнев, сидевший с кучером, склонился в изнеможении, судорожно схватившись за козлы экипажа. Невдалеке от Царского экипажа упало несколько частных лиц.

Конвойцы с ужасом впились глазами в остановившуюся карету. Дверцы ее отворились, и Государь Император Александр II Николаевич вышел невредимый, спрашивая у Своих казаков-конвойцев, что случилось ...

Осенив Себя крестным знамением, Государь направился к тротуару. Раздался новый взрыв, но уже под Его ногами...

Государь упал, обливаясь кровью... Подоспевшая Свита приподняла Государя Императора. Подбежал Великий Князь Михаил Николаевич. «Холодно, холодно...» слабым го-

---

[105] Из статьи Вл. А. Силина. «Развод караулов» («Наши Вести» № 165.)

лосом проговорил Государь. Услышав предложение об оказании первой помощи в ближайшем доме, Он тихо произнес: «Во дворец! Там хочу умереть...»

Смертельно раненого Государя Императора Александра II Николаевича посадили в сани. Против Государя, поддерживая Его, стал командир Л.-Гв. Терского казачьего эскадрона ротмистр Кулебякин. С двух сторон поддерживали Императора, стоя на полозьях саней, казаки-конвойцы Петр Кузменко и Михей Луценко.

Во время пути ротмистр Кулебякин увидел, что Государь что-то говорит, обращаясь к нему, но, оглушенный взрывами, не мог расслышать слов. Государь снова заговорил. На этот раз казак Кузменко закричал своему командиру: «Ваше Высокоблагородие, Царь-Батюшка спрашивает: «что, и ты тоже ранен?»

Ротмистр Кулебякин, потрясенный страданиями умирающего Императора, едва сдерживая рыдание, ответил: «Что я? Что, Ваше Императорское Величество, с Вами сделали!»

Последние минуты страдания Царя-Освободителя были тяжелы: по мере приближения к Зимнему Дворцу, Он терял сознание от потери крови, сочившейся из оборванных мускулов раненых ног.

Алая черкеска ротмистра Кулебякина почернела, залитая Царской кровью. Раздробленные на мельчайшие кусочки кости голеней увеличивали невозможные, ужасающие страдания умирающего Государя.

По прибытии в Зимний Дворец, Государь Император приобщился Св. Таин и в 3 часа 35 минут дня в Бозе почил..[106].

Все бывшие при Государе Императоре конвойцы-казаки Л.-Гв. Терского казачьего эскадрона, вместе с командиром

---

[106] «Голос». 1881 год. Из воспоминаний о службе в Императорском Конвое П. Е. Кулебякина.

своим, ротмистром Кулебякиным, были переранены и контужены:

Ротмистр Кулебякин был ранен в правую руку выше локтя, в левый глаз, совершенно поврежденный, и в левую часть головы.

Ординарец Государя, унтер-офицер Косьма Мачнев, получил 17 ран.

Унтер-офицер Андрей Шошин ранен в голову.

Казак Александр Малевич ранен в бедро и грудь, умер через десять минут после ранения.

Казак Петр Кузменко ранен в левый глаз и в голову.

Казаки Михей Луценко, Никандр Сагеев и Иван Алейников, все трое получили ранения в ноги.

Лошадей убито 2 и ранено 4.

(Кроме наряда для сопровождения Царского экипажа, от Императорского Конвоя выставлялись конные посты от Зимнего Дворца по Набережной до Летнего Сада и вокруг его со стороны Фонтанки, Инженерного Замка и Марсова поля.)

2-го марта Императорский Конвой принес присягу Государю Императору Александру III Александровичу.

После церемонии принесения присяги, Их Величества выехали из Зимнего Дворца в закрытом экипаже, за которым следовало всего лишь три казака Конвоя. Население столицы, возмущенное совершенным преступлением 1-го марта, с необычайным энтузиазмом приветствовало Государя Императора Александра Александровича и Государыню Императрицу Марию Федоровну.

3-го марта происходили похороны убитого вместе с Императором Александром II Его конвойца, казака Александра Малевича. Малевич принадлежал к старообрядцам, приемлющим священство. За гробом покойного шли командир и офицеры Конвоя, а также взвод Л.-Гв. Терского казачьего эскадрона, в парадной форме.

Отпевание и похороны были на Громовском кладбище; при этом старообрядческий священник впервые не встретил препятствий к отправлению публичного богослужения на самом кладбище.

Осиротевшей семье казака Малевича Высочайше назначена пенсия в 100 рублей. Все конвойцы, раненые 1-го марта 1881 года, вышли в отставку, получив, в скорбную память смерти Государя Императора Александра II, специально изготовленные серебряные медали. Казаки произведены в унтер-офицеры, и всем им, по приказу Государя Императора Александра III, назначены пенсии: Мачневу 150 рублей; Шошину 100 рублей; Луценко, Кузменко, Сагееву и Алейникову по 60 рублей[107].

В субботу 7-го марта главные улицы Петербурга, по которым было назначено перенесение тела Императора Александра II Николаевича, облеклись в глубокий траур. На перекрестных улицах, прилегавших к пути следования кортежа, стоял опечаленный русский народ.

Траурное шествие началось в 11 часов 30 минут утра. За главным церемониймейстром следовали 2 эскадрона Собственного Его Величества Конвоя.

Весь кортеж разделялся на 12 отделений, предводимых особыми церемониймейстрами; в нем были представители всей России, провожая погибшего Государя Императора Александра II в Его пути к месту упокоения.

Кортеж был настолько велик, что в то время, когда гроб с покойным Государем находился у Зимнего Дворца, эскадроны Государева Конвоя двигались по Васильевскому острову.

В два часа дня траурный катафалк приблизился к Иоанновским воротам Петропавловской крепости.

Десять минут спустя, гроб с телом убиенного Царя-Освободителя был внесен в собор Государем Императором

[107] Пр. 1881 года. 21-го марта. № 73.

Александром III Александровичем с Великими Князьями – Сыновьями и Братьями в Бозе почившего Монарха.

Торжественное погребение состоялось 15-го марта[108].

6-го октября 1883-го года, в Высочайшем присутствии, на освященном месте взрыва был заложен храм. На торжество закладки храма собраны были Знамена и Штандарты всех гвардейских частей. От кавалерии участвовал сводный эскадрон, в котором находились: Штандарт, адъютант, 3 унтер-офицера и 7 казаков Собственного Императорского Конвоя[109].

Всем чинам Императорского Конвоя, состоявшим на службе в строю по 1-е марта 1881 года, Высочайше повелено иметь вензелевое изображение Имени погибшего Государя Императора Александра II на эполетах и погонах у офицеров, и на плечевых шнурах у казаков. Юнкерам и оруженосцам Кавказского эскадрона вензеля положено иметь на мундирах, с левой стороны груди и на погонах плащей[110].

После злодеяния, совершенного 1-го марта, наряды для несения службы при Высочайшем Дворе были значительно усилены, и численный состав Конвоя оказался недостаточным.

По поводу увеличения штатов Императорского Конвоя, Главным Штабом от военного министра генерала графа Милютина было получено следующее Высочайшее повеление:

> «Государь Император повелел находящийся в Варшаве Кубанский казачий дивизион переместить неотлагательно в Петербург. Об этой Высочайшей воле ставлю в известность, для приведения в исполнение.
>
> Кавказское начальство примет на себя разработку предположения о слиянии означенного дивизиона с Собственным Его Величества Конвоем, причем необхо-

---

[108] «Голос» 1881 год, №№ 62, 63, 66 и 67.

[109] Дело Конвоя № 26 – 1883 год.

[110] Приказ Воен. Вед. 1881 года. 21 марта № 73 с 15 апр. № 98.

димо принять в основание размер производимых на дивизион расходов».

Кубанский казачий дивизион прибыл из Варшавы в Петербург 29-го апреля 1881 года, и в тот же день участвовал на репетиции майского парада. На репетиции войсками командовал Великий Князь Владимир Александрович. Его Высочеству доложили, что дивизион прямо с похода прибыл на репетицию.

На параде дивизион произвел прекрасное впечатление. Все движения и перестроения его были безукоризненно точны и правильны. По окончании парада дивизион, выстроенный в пешем строю в манеже Конной Гвардии, смотрел Великий Князь Михаил Николаевич с своими сыновьями.

Великий Князь Михаил Николаевич представил дивизиону своих детей и объявил, что дивизион вызван из Варшавы в помощь службе Императорскому Конвою.

Государю Императору Кубанский дивизион представился в Гатчине, на разводной площадке, после чего чины его выставили внутренний караул в покоях Императорского Дворца и наружный.

В Гатчинском Дворце внутренний караул от Конвоя Его Величества имел 9 постов: в «китайской» галерее, приемной комнате, у столовой (парный), опочивальни Их Величеств, опочивальни Августейших детей, у винтовой лестницы, Собственного подъезда и на «медвежьей» площадке[111].

Во Дворец внутренний караул от Конвоя наряжался в составе: 1 офицер и 33 конвойца, по расчету – 3 смены на 9 постов, 3 унтер-офицера и 3 запасных казака.

---

[111] Распределение постов внутреннего караула в Гатчинском Дворце, по воспоминаниям Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, в письме от 1-го октября 1958 года.

Наружный караул занимал 10 постов, равномерно распределенных кругом «зверинца». На ночь караул усиливался 3-мя конными и, внутри парка, 3-мя пешими постами. Всего в наружный караул назначалось: 1 офицер, 6 унтер-офицеров и 48 казаков, к ним на ночь – 6 конных и 10 пеших казаков.

(Посты вокруг зверинца: от каменной стены до Пильнинского моста, отсюда до первого угла, далее до елок, угла Егерских ворот, угла Орловской рощи вдоль северной ограды, заворота, возвышенного места, Вайловских ворот, Красных казарм и до угла Красных казарм внутри парка – все постоянные конные посты; затем выставляемые только ночью: конные – на углу около Красных казарм, у Вайловских ворот внутри парка, между постами у Орловской рощи и заворота; пешие – от Черных ворот до ручья, далее до средней аллеи и, наконец, до каменной стены).

Но с предполагаемым присоединением Кубанского казачьего дивизиона («Варшавского дивизиона», как обычно его называли) к Конвою Его Величества, возникли большие затруднения. А именно:

1) Кубанское казачье Войско должно было формировать новые сотни для службы в Варшаве.

2) С включением прибывшей части в Собственный Конвой, увеличивался расход на гвардейское содержание ее.

3) Главнокомандующий Варшавским Военным Округом усиленно ходатайствовал перед Государем Императором о возвращении дивизиона обратно в Варшаву и просил «не лишать его этой образцовой части».

В результате разрешения всех этих вопросов, Государю Императору благоугодно было лично передать Великому Князю Михаилу Николаевичу, что разработка вопроса о слиянии Кубанского казачьего дивизиона с Императорским Конвоем должна быть отложена до особого Высочайшего повеления, и что пока дивизион следует считать в командировке в Петербурге.

В виду создавшегося положения, управление дивизиона осталось на прежних основаниях, на каких оно было учреждено при расположении части в Варшаве. Дивизион подчинен был не командиру Конвоя, а непосредственно начальнику штаба войск гвардии и Петербургского военного округа[112].

Однако, условия службы Конвоя требовали безусловного увеличения его штатов, а потому, взамен проекта о слиянии «Варшавского дивизиона» с Императорским Конвоем, был предложен новый проект об увеличении Кавказской гвардии.

Кавказское начальство ходатайствовало о формировании еще одного эскадрона от Терского казачьего Войска, мотивируя это тем, что оно не только не обременит Войско, но будет желанной наградой терцам за их 300-летнюю верную службу России.

Из 4-х эскадронов Конвоя предполагалось иметь постоянно на службе два эскадрона – один от Кубанского и один от Терского казачьих Войск, и столько же на льготе. Смену производить в три года раз и не одновременно, а так, чтобы в Петербурге постоянно находился один эскадрон, чины которого вполне усвоили все требования придворной службы. Срок смены эскадронов, перевозимых по железной дороге, приурочить к 15-му октября, а не к 10-му августа, когда эскадроны шли походным порядком.

Дабы не отрывать от полевых работ казаков, находящихся на льготе, по новому положению они должны были собираться к 1 сентября.

Согласно приведенных оснований, преобразование Конвоя Высочайше утверждено 2-го декабря 1881 года.

В каждом эскадроне положено иметь: одного ротмистра, одного штабс-ротмистра, одного поручика и одного корнета.

---

[112] Арх. Г. У. К. В. дело № 22. 1881 г. Приказ в. в. 12 авг. 1881 г. № 230.

Добавлены к штатам ветеринарный фельдшер один и один кузнец.

Терским эскадронам, наравне с Кубанскими, присвоены №№ 1-й и 2-й.

Из штатов Кавказского и казачьего эскадронов выделен штат Собственного Его Величества Конвоя, по которому должны постоянно находиться на службе: Командир Конвоя, адъютант, казначей, старший врач, ветеринарный врач и смотритель казарм.

Четыре трубача переведены в штат Конвоя, в ведение адъютанта и переименованы в трубачи Его Величества[113].

О приеме и переводе офицеров в Конвой были Высочайше утверждены особые правила:

> «Удостаивать к приему отличнейших офицеров, в знак особой высшей награды за их безупречную службу, и только чином корнета, из строевых частей Кавказских казачьих Войск, притом природных кубанцев и терцев, окончивших по первому разряду курс военных или юнкерских училищ. Избираемых прикомандировывать к Конвою для испытания, на срок не менее шести месяцев; свободные же офицерские вакансии в льготных эскадронах замещать только при отправлении их на службу»[114].

По окончании военного училища, офицеры производились в армейские казачьи полки. Послуживши в армейских полках не менее 2-х лет, офицеры, в чине сотника, прикомандировывались к Конвою предварительно «на предмет испытания и перевода впоследствии».

Решение о прикомандировании кандидатов и о их переводе в Конвой выносилось обществом г.г. офицеров. Коман-

---

[113] Пр. в. в. 2-го декабря 1881 года. № 331.

[114] Пр. в. в. 17-го декабря 1881 года. № 331.

дир Конвоя не принимал участия в решении г.г. офицеров, только лишь таковое утверждал.

По истечении положенного шестимесячного срока, прикомандированный офицер или переводился в Конвой, или откомандировывался обратно в свой полк. О решении г.г. офицеров прикомандированному офицеру сообщал адъютант Конвоя.

Исключение – назначение в Собственный Конвой, по Высочайшему повелению. Обычно перевод прикомандированных офицеров назначался в день Праздника Конвоя, 4-го октября, когда Государь Император лично их поздравлял с переводом в Свой Конвой.

Кубанский казачий дивизион («Варшавский») временно был оставлен на службе при Высочайшем Дворе, неся караул в местах пребывания Императорских Резиденций.

В Гатчине Кубанский дивизион нес службу охраны Высочайшего Двора совместно с Собственным Его Величества Конвоем. Дивизион занимал конными ночными постами Ингенбургскую часть города, в то время как от Конвоя выставлялись посты в Мариенбургской части[115].

В Петергофе ежедневно во Дворец назначалось 3 унтер-офицера и шесть казаков; с восьми часов утра два взвода при обер-офицерах держали конные разъезды по Английскому парку, Знаменке и Александровскому парку. В Монплезире дежурил офицер с тремя казаками[116].

---

[115] Пред. Командиру Конвоя 22 ноября. 1881. г. № 109.

[116] Всего в Петергофе наряжалось от Собственного Конвоя: в Английский парк 1 офицер, 6 ун.-оф., 48 казаков; в Знаменку и Александровский парк 1 оф., 6 ун.-оф., 36 казаков; в Монплезир 1 оф., 1 ун.-оф., 2 казака. В Александрии у наружных дверей коттеджа – 1 ун.-оф. и 2 каз. (пешие). Постоянные конные посты: в Англ. Парк – 1. у гранильн. Фабрики – к мостам и по шоссе к даче принца Ольденбургского; 2. у ворот против кирки – к мосту, по берегу пруда и к учебному полю; 3. у въезда с учебн. поля – по аллеям, к Березово-

Одновременно с новым, Высочайше утвержденным штатом Конвоя, Кубанскому казачьему дивизиону дано старшинство со дня сформирования бывшего Сборно-Линейного казачьего полка, т. е. с 1-го декабря 1830 года, и пожаловано Знамя бывшего Кавказского Сводно-Казачьего полка, с надписью: «За отличную храбрость, оказанную в делах с мятежными венграми и за поражение их под Дебречином 21 Июля 1849 года»[117].

Таким образом, Кубанский казачий дивизион получил старшинство части, давшей первый комплект казаков в Гвардейскую Линейную казачью команду Собственного Императорского Конвоя.

21-го августа 1882 года прибыл со льготы в Петербург Л.-Гв. 1-й Кубанский эскадрон.

му дому и к Никольскому домику; 4. у въезда со стороны дачи принца Ольденбургского и к вокзалу Стар. Петергоф; 5. у Черного пруда – по дорогам в госпиталь, к вокзалу Стар. Петергоф и к Заячьему ремизу; 6. у павильона Озерки – по липовой аллее и по берегу прудов к Никольскому домику.

По шоссе – 1-первая половина расстояния от телеграфной станции и до главного пехотного караула; 2. – вторая половина того же расстояния.

По Александр. парку – от ворот к вокзалу Новый Петергоф к другим воротам на ж. дорогу, отсюда – за угол к камню, что у канавы, далее – до главного пехотного караула, от ворот против телегр. дома – по аллее к выходящим на Нов. Петергоф, вокзал воротам.

По взморью – по верхней дороге, по средней аллее, по берегу моря. Всего на три смены – 3 ун.-оф., 6 казаков пеших, в Александрию и 6 ун.-оф. и 45 казаков, на конные посты.

Постовая ведомость и приказы по Конвою 1881–1894 гг.

С. Петин. С. О. В. Конвой, стр. 241.

[117] Пр. воен. вед. 27-го ноября. 1881 года. № 325.

«Варшавский» дивизион, после Высочайшего смотра и Государевой благодарности за примерную службу, отбыл в Варшаву.

В это время на Кавказе было закончено формирование нового Терского эскадрона, который выступил в Петербург 3-го октября 1882 года, а 18-го числа представился Государю Императору в Гатчине, в большом кирасирском манеже.

В 1882 году, в первый день Рождества Христова, конвойцы имели честь присутствовать на Императорской елке, по желанию Ее Величества, впервые для них устроенной. Государыня Императрица Мария Федоровна изволила лично г.г. офицерам и казакам Собственного Конвоя раздавать елочные подарки.

С тех пор, во все последующие годы, для чинов Собственного Императорского Конвоя, а впоследствии и для чинов Собственного Сводно-Пехотного полка на праздник Рождества Христова устраивалась Царская елка.

В Гатчине, при Императоре Александре III, елка для Конвоя устраивалась в манеже Л.-Гв. Кирасирского Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка. На ней, кроме Их Величеств, присутствовали: Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Александрович и Их Императорские Высочества Великие Княжны Ксения и Ольга Александровны.

После смерти Государя, Государыня Императрица устраивала елку для офицеров и казаков Конвоя во Дворце. На этой елке всегда присутствовали: Великий Князь Михаил Александрович и Великая Княжна – впоследствии Княгиня Ольга Александровна, а иногда и Великая Княгиня Ксения Александровна со своими Августейшими детьми[118].

---

[118] Из письма Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, от 1-го октября 1958 года.

5-го мая 1883 г. выступили в Москву эскадроны Конвоя на торжество Коронации Их Императорских Величеств. В Москве казаки Конвоя были размещены за Москвой-рекой, против Большого Дворца. Офицерам было отведено помещение в частном доме, рядом с Румянцевским музеем.

8-го мая в Москву прибыли Государь и Государыня и направились в Петровский Дворец. От Конвоя, кроме «Встречи» на вокзале (1 оф., 1 унт.-оф., и 2 каз.) в Петровском Дворце находился караул в составе: 1 офицер, 1 унт.-оф. и 15 казаков. Торжественный въезд Их Величеств в древнюю столицу России был совершен 10-го мая 1883 г. В этот день, помимо наряда в Петровском Дворце, от Конвоя был выставлен караул и в Нескучном Дворце, а также вокруг Дворца конный разъезд, в составе 1 унт.-оф. и 18 казаков. Перед началом Высочайшего въезда в Москву, Императорский Конвой выстроился в конном строю по Всехсвятской улице, левым флангом к Большому Дворцу.

По данному сигналу, Конвой открыл шествие, став во главе его. Ровно в 3 часа эскадроны Конвоя подошли к Красной площади. За алым строем конвойцев следовали многочисленные депутации от всех народов и сословий России.

Пышными чалмами и тюрбанами всевозможных цветов выделялись представители азиатских народов.

Далее блестел длинный ряд дворцовых карет, каждая запряженная шестеркою светло-серых лошадей в золотой сбруе, с придворными чинами, егерями Императорской охоты и дворцовою прислугою в золоченых ливреях.

Величественно, стройно и красиво двигалась историческим путем процессия, в центре которой был Государь Император Александр III Александрович, верхом на коне, имея на Себе общегенеральский мундир. За Его Величеством следовал Государь Наследник и Великий Князь Николай Александрович, Великие Князья и иностранные принцы.

За каретою Государыни Императрицы Марии Федоровны находилась группа генерал-адъютантов и военная свита иностранных особ.

У Иверской Божьей Матери Государь сошел с коня. Вся процессия остановилась. Торжественная тишина воцарилась в ту минуту, когда Их Величества прикладывались к Русской Святыне. Массы народа набожно творили крестное знамение, моля Господа Бога о даровании благополучия Государю и Родине.

Выход Августейшей Четы из часовни Иверской Божьей Матери возвестил колокольный звон всех московских церквей и салют артиллерии[119].

В 4 часа Их Величества возвратились в Кремлевский Дворец.

15-го мая 1883 года Москва, а с нею и вся Россия, праздновала Коронацию Их Величеств. В этот исторический день Собственный Конвой занимал караулы в Кремлевском (3 унтер-офицера и 21 казак) и Нескучном (1 офицер, 4 унтер-офицера и 34 казака) Дворцах.

Кроме того, в Георгиевском зале Кремлевского Дворца находился взвод с двумя Штандартами Конвоя, и для шпалер составлен взвод из 56 казаков при четырех офицерах и четырех вахмистрах.

Этот взвод выставил шпалеры от колокольни Ивана Великого у выходов Благовещенского и Архангельского Соборов.

Весь путь Царского следования в Успенский Собор, охраняемый взводами полков гвардейской кавалерии, был устлан алым ковром.

От Красного Крыльца путь пролегал через Успенский Собор на Кремлевскую площадь и, мимо Соборов Архангельского и Благовещенского, возвращался на Красное Крыльцо.

---

[119] «Новое Время». 1883 г. № 2583.

Сотни тысяч народа наполнили Кремль, стояли за Кремлем, за Москвой-рекой и на набережной.

С Красного Крыльца появились высшие государственные сановники с Императорскими Регалиями.

32 генерал-адъютанта несли коронационный Балдахин, под которым шествовали Государь Император Александр III Александрович и Государыня Императрица Мария Федоровна.

Ровно в 10 часов и 30 минут раздался орудийный салют и колокольный звон.

Государь Император венчался на Царство!

Когда Его Величество Император Александр III, при обратном шествии, появился в Короне и Порфире, со Скипетром и Державою в руках, стены Кремля дрогнули от приветствия народа.

За Государем следовала Императрица Мария Федоровна. Лицо Ее светилось ласкою и добротою. Еще раз бурным порывом загремело могучее «ура», когда Их Величества взошли на Красное Крыльцо и оттуда поклонились народу[120].

В этот день командир Конвоя, флигель-адъютант полковник Ивашкин-Потапов, удостоен Высочайшего благоволения. Офицеры Конвоя награждены: полковник Скакун и ротмистр Бежанов орденом Св. Анны 2-й степени. Ротмистр Булгаков и штабс-ротмистр Федюшкин – орденом Св. Станислава 2-й степени. Поручик Ковалев – орденом Св. Станислава 3-й степени. Штабс-ротмистры Борзыков и Шерпутовский произведены в следующий чин[121].

17-го мая, в Тронном (Андреевском) зале Кремлевского Дворца, все офицеры Императорского Конвоя принимали участие в поздравлении Их Величеств.

---

[120] С. Петин. Исторический Очерк – С. Е. В. Конвой. Стр. 246. «Новое Время». 17, 18 и 24-го мая 1883 года. №№ 2591, 2592 и 2598.

[121] Приказы по Конвою за 1883 год.

21-го числа на Ходынском поле происходило грандиозное народное гулянье. Конвой нес караулы в трех Дворцах: Кремлевском, Нескучном и Петровском. Свободные от наряда конвойцы получили разрешение быть на празднике.

На другой день Государь и Государыня, в сопровождении командира Конвоя, одного офицера, одного унтер-офицера и трех казаков, посетили Сергиево-Троицкую лавру, поклонились мощам преподобного Сергия и осмотрели местные святыни.

В два часа дня, 22-го мая, для высоких иностранных гостей и хивинского хана, в присутствии Великого Князя Николая Николаевича Старшего, была произведена джигитовка 2-х эскадронов Конвоя. Его Высочество лично отдавал все приказания. Конвойцы, джигитуя справа по одному, в самых причудливых позах, мчались мимо зрителей, вызывая своею удалью удивление у иностранных гостей[122].

23-го мая Л.-Гв. Преображенский и Л.-Гв. Семеновский полки праздновали 200-летний юбилей своего основания. На церковном параде полков от гвардейской кавалерии участвовал сводный взвод, в составе которого находились представители Конвоя: полковник Скакун, штабс-ротмистр Федюшкин и два унтер-офицера.

После парада, Москва в Сокольниках приветствовала обедом эти старейшие полки Русской Гвардии. От Конвоя на обеде присутствовали все офицеры, и по 50 казаков от Кубанского и от Терского эскадронов. Обед Преображенцев и Семеновцев посетил Государь Император и провозгласил здравицу за всю Русскую Армию.

25-го мая в присутствии Государя Императора и Государыни Императрицы был освящен Храм Христа Спасителя, заложенный Императором Александром I в память победы России над полчищами Наполеона. На освящении храма

---

[122] «Новое Время» 24-го мая. 1883 года. № 2598.

депутация от Конвоя, в составе флигель-адъютанта полковника Ивашкина-Потапова, ротмистра Кухаренко и 2-х унтер-офицеров, стояла внутри храма, в правом его крыле.

На площади против собора, на правом фланге всех частей, принимавших участие в церковном параде, находился сводный Кубанско-Терский эскадрон Конвоя с двумя своими Георгиевскими Штандартами, из коих Кубанский Штандарт напоминал славный подвиг под Лейпцигом и победу Императора Александра I Благословенного.

Терский эскадрон, непосредственно после парада, отбыл на вокзал Николаевской железной дороги, для дальнейшего следования в Петербург.

Коронационные торжества закончились 28-го мая Высочайшим смотром всех войск, находящихся в Москве. Кубанский эскадрон весь день занимал Дворцовые караулы, и на смотру участвовали только трубачи Его Величества и назначенные на ординарцы штабс-ротмистр Крыжановский и три унтер-офицера. В тот же день вечером Царская Семья отбыла в Петербург. В Императорском поезде находились командир Конвоя, 1 офицер, 2 унтер-офицера и 14 казаков. Остальные чины Кубанского эскадрона, сдав караулы местному гарнизону, отбыли в Петербург специальным эшелоном.

В день Праздника Конвоя, 4-го октября 1883 года, Высочайше утвержден особый нагрудный знак за службу в Собственном Конвое, состоящий из вензелевого изображения Имени Императора Александра III, с Короною наверху.

Вензель окружался лавровым венком, переплетенным Андреевской лентой, с надписью на ней золотыми буквами: вверху – «За службу в Конвое Его Величества», а внизу – «4-го октября 1883 года».

Офицерский знак – золотой, с лентою голубой эмали; для унтер-офицеров и казаков – из белого металла и посеребренный.

24-го мая 1884 года утверждено положение об этом знаке. Право ношения его сохранили все чины Конвоя, при переводе в другие части и при увольнении от службы. Знак жаловался не иначе, как за беспорочную службу в Конвое в течение трех лет.

Офицерский знак для служивших в царствование Императора Александра III и Императора Николая II – золотой, чеканной работы, состоял из двух перекрещивающихся букв А III и Н II, окруженных венком из лавровой и дубовой ветвей; при соединении их, над двойным вензелем – Императорская Корона. Ветви обвиты голубой эмалевой лентой с бантом внизу.

На ленте надпись на перехватах венка: «4-го октября 1894», на банте – «За службу в Нашем Конвое».

Для начавших службу в Конвое в царствование Государя Императора Николая II Александровича, знак внутри имеет одну букву Н II, с Короной над нею, а на ленте надпись: «4-го октября 1895» и «За службу в Моем Конвое»[123].

При 4-хлетнем сроке действительной службы казаков Конвоя, появилась необходимость изменить правила комплектования эскадронов, а главное, отказаться от смены целыми эскадронами, ибо чины их, прослужив в Петербурге сменный период (3 года), заменялись молодыми казаками, прибывшими из Войска, в то время, как служба в Конвое требовала того, чтобы в первоочередных эскадронах находились люди, вполне подготовленные ко всем требованиям своего высокого назначения.

На основании сего, Атаманы Кубанского и Терского казачьих Войск ходатайствовали о разрешении предоставить

---

[123] С 1889 года знак за службу в Собственном Его Величества Конвое жаловался по удостоению, без обязательной выслуги 3-летнего срока.

возможность старослужилым казакам и преимущественно георгиевским кавалерам быть принятыми на сверхсрочную службу в Государев Конвой, т. к. «почетная служба Собственного Конвоя должна составлять исключительную награду испытанным казакам за их образцовое усердие в строевой и бобоевой службе»[124].

В 1886 году утверждена штатная должность помощника командира Конвоя. Первым помощником был кубанец-полковник Ковалев. По его инициативе, с разрешения Командующего Императорской Главной Квартирою, основан офицерский капитал Конвоя, для чего на первый раз сделан 10% вычет из содержания офицеров, затем установлены законные 6% вычеты. (Пр. по Конв. 9 янв. 1886 г. № 9).

В 1887 году, 30-го августа, флигель-адъютант полковник Ивашкин-Потапов произведен в генерал-майоры и зачислен в запас гвардейской кавалерии.

В командование Конвоем вступил флигель-адъютант полковник В. А. Шереметев. Новым командиром Конвоя был разработан проект о разворачивании Конвоя в полк, с наименованием: Л.-Гв. Кавказский казачий полк Собственного Его Императорского Величества Конвоя[125].

Проект этот по финансовым соображениям, временно был отложен, и 9-го июня 1889 года Высочайшим приказом положено:

> 1. «Конвою состоять из двух служащих эскадронов Кубанского и Терского и двух таких же льготных, призываемых на действительную службу только по особому высочайшему повелнию.
>
> 2. Из 28 офицеров Конвоя, 2-м эскадронным командирам и 10 младшим офицерам находиться пооче-

---

[124] Арх. Г. У. К. В. Дело 2 от. ст. 3, ст. 10. – 1889 год.

[125] Дело Конвоя № 42 – 1887 год.

редно 3 года на службе и 3 года на льготе, прибывая в Петербург к 1 июня, со сменными командами казаков.

3. В мирное время льготные эскадроны ежегодно созывать в учебные сборы: Кубанский – в станице Пашковской, Терский – в станице Прохладной.

4. В эскадроны зачислять отличнейших казаков, заблаговременно выбираемых по всему войску эскадронными командирами. Такие казаки составят полуэскадроны, а в другие полуэскадроны зачислять окончивших службу в первоочередных эскадронах.

5. Для перевода казаков в Конвой преимущество оказывать имеющим боевое отличие. По собственному желанию допускать лиц, только выслуживших срок действительной службы».

По новому положению, производство всех офицеров Конвоя допущено в мирное время только на вакансии, с общим учетом их по всем 4-м эскадронам.

В 1886 году в Конвое учреждена учебная команда; начальник ее назначался по усмотрению командира Конвоя и утверждался Министром Императорского Двора, которому Конвой Его Величества непосредственно был подчинен.

Кроме начальника учебной команды, один из офицеров назначается заведующим оружием. Свободные офицерские вакансии пополняются только в первоочередных эскадронах. Адъютант и казначей производятся наравне с младшими офицерами.

Вахмистра утверждаются в должности Командующим Императорской Главной Квартирой, в виду их службы ординарцами у Государя Императора и Наследника Цесаревича. Все же прочие чины утверждаются в должности командиром Конвоя, по общему положению об управлении полком.

Командиру Конвоя вменяется в обязанность, в конце каждого года, представлять Министру Императорского Двора список чинов Конвоя:

1. оставляемых на сверхсрочную службу;
2. подлежащих перечислению на льготу;
3. перечисленных в общий комплект частей Кавказских казачьих Войск, в запас и отставку.

Казаки Конвоя, перечисленные во 2-ю и 3-ю очередь, в случае призыва на действительную службу в армейские полки, сохраняют за собою гвардейские отличия.

О трубачах Его Величества введено новое положение: они избираются не только из Кавказских казачьих полков, но и из всей русской кавалерии.

Так как проект о разворачивании Конвоя в полк не был разрешен, то командир Конвоя флигель-адъютант полковник Шереметев вновь возбудил ходатайство об увеличении штатов Конвоя. В своем рапорте от 17-го января 1890 года, за № 53, командир указывал, что всего в 2-х эскадронах (служащих) было 367 человек, из них: 20 казаков на постоянных должностях, 136 человек – наряд в Гатчине и 17 человек в Петербурге. Кроме того, больные, слабые и случайный расход. Всего ежедневно в расходе – 170 человек. «При существующем положении», доносил командир Конвоя, «казакам приходится служить через день в течение $6^1/_2$ месяцев пребывания Высочайшего Двора в Гатчине. Такие условия службы, особенно осенью и зимою, совершенно исключают возможность необходимых строевых занятий с молодыми казаками, а большой расход людей не позволяет держать учебной команды. Свободный от наряда день казаку нужен не только для отдыха, но и для содержания в полном порядке своего вооружения, снаряжения и обмундирования. Но свободный от наряда день нужен и для занятий. При таких совершенно неформальных условиях службы, увеличение штатов необходимо, по крайней мере, на 160 человек»[126].

---

[126] Арх. Г. У. К. В. Дело № 2. отд. 3. № 7 – 1890 год. Рапорт командира Конвоя № 53. 17-го января 1890 года.

Ходатайство командира Конвоя об увеличении штатов разрешено Высочайшим постановлением:

1) штат первоочередного и льготного казачьего эскадрона Собственного Императорского Конвоя увеличить на 80 строевых казаков (75 конных и 5 пеших);

2) увеличить и штат лошадей, на 75 строевых и 80 вьючных, но только в первоочередном эскадроне;

3) добавляемых в служащие казачьи эскадроны людей высылать в мае, со сменными командами Конвоя, назначив их из льготных эскадронов, которые укомплектовать по положению 1889 г[127]..

Увеличенный состав Конвоя позволял наряжать на службу полуэскадрон, вместо целого эскадрона.

В 1891 году, согласно личного пожелания Августейшего Атамана всех казачьих Войск, эскадроны Конвоя переименованы в сотни, и всем чинам Конвоя присвоены общеказачьи наименования[128].

В виду особого комплектования чинов Государева Конвоя и происходивших все время в его составе «изменений» и «добавлений», Главным Управлением казачьих Войск был пересмотрен и окончательно разработан штат Конвоя, Высочайше утвержденный 26-го мая 1891 года. В разработке этого штата принимал участие офицер Конвоя, специально командированный для этой цели в Главное Управление[129].

По этому последнему штату положено иметь: Командир Конвоя, в чине генерал-майора; вместо заведывающего хозяйством есаула – 2 помощника, по строевой и хозяйственной части, в чине полковников; 4 есаула – сотенных командира; младших офицеров – 4 подъесаула и 14 сотников

---

[127] Приказ № 247 за 1890 год.

[128] Приказ № 77 за 1891 год.

[129] Воспоминания о службе в Конвое есаула Милашевича.

и хорунжих, в том числе адъютант и казначей (он же и квартирмистр), которыми могут быть и подъесаулы.

Одновременно с утверждением новых штатов Конвоя, льготные гвардейские сотни упразднены. Вместо штаба Конвоя и двух первоочередных сотен – всего 16 офицеров и 591 казаков, образован штаб и 4 сотни на действительной службе. Состав сотен: 5 офицеров (командир сотни и 4 младших офицера) и 112 казаков (в военное время 160 казаков).

Всего в Конвое Его Величества определено иметь 25 офицеров, по расчету: 4 сотни – 20 офицеров. Командир Конвоя – 1, помощников командира – 2, адъютант – 1, казначей – 1.

Пополнение Конвоя офицерами (непременно природными казаками) допущено только из числа прослуживших не менее 2-х лет в строевых частях Кавказских казачьих Войск. Производство их, вместо общей линии, разделено по Кубанскому и Терскому дивизионам, дабы предоставить командование в сотнях исключительно офицерам своих же Войск.

Казаки принимались на прежних основаниях, но казаки первоочередных частей, до поступления в Конвой, должны были проходить курс полковых учебных команд.

Выбор казаков в Конвой, производимый командирами льготных сотен, был возложен на Войсковое начальство, которое сдавало их на сборных пунктах командированным из Петербурга офицерам Конвоя[130].

В 1899 году это положение отменено, и набор казаков в Конвой снова возложен на офицеров Конвоя, для чего из Петербурга командировались на год, в Кубанское и Терское Войско, по одному офицеру.

Окончательно реорганизованный по новому положению Собственный Императорский Конвой первый раз представился Государю Императору Александру III Александровичу

---

[130] Циркуляр Гл. Штаба. 26 июля 1892 года. № 116.

в полном своем 4-сотенном составе на Высочайшем смотре войск в августе 1891 года.

В 1892 г. в Петербурге основано офицерское собрание[131]. Официальное открытие его состоялось 4-го октября, в день Праздника Конвоя – в 81-ю годовщину битвы под Лейпцигом.

Инициатором всех преобразований Конвоя был командир его, Свиты Его Величества генерал-майор Владимир Алексеевич Шереметев.

17-го февраля 1893 года Конвой поразила внезапная смерть его командира, глубоко преданного командуемой Части. В этот день, за час до смерти, командира видели на улице в экипаже. Вернувшись домой, он почувствовал боль в руке и груди. Болезненные симптомы быстро сосредоточились в сердце, и в 4 часа дня парализовали его деятельность.

В 5 часов Государь Император Александр III, Государыня Императрица Мария Федоровна, Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь Николай Александрович и Великая Княжна Ксения Александровна посетили вдову покойного командира Конвоя.

Их Величества и Высочайшие Особы присутствовали также на всех домашних панихидах, и в Сергиевском соборе на отпевании и на заупокойной литургии.

По окончании отпевания, Государь Император, Наследник Цесаревич, Великие Князья и лица Свиты Царской вынесли гроб из собора. Император Александр III поддерживал гроб с телом командира Своего Конвоя с правой стороны у изголовья.

Собственный Его Величества Конвой стоял в конном строю, развернутым фронтом, левым флангом к собору, по Литейному проспекту.

Приняв гроб с телом усопшего своего командира, Конвой в полном составе следовал за гробом до вокзала Николаевской

---

[131] Разр. К. И. Г. К. 1892 г.

железной дороги. Для предания тела земле, вместе с семьей умершего отбыла в родовое имение Шереметевых (с. Покровское, за Москвою) депутация офицеров и казаков Конвоя[132].

Глубоко чтимый всеми чинами Конвоя и пользовавшийся их общей любовью, Свиты Его Величества генерал-майор Шереметев, до назначения его Государем Императором Александром III командиром Своего Конвоя, был у Государя адъютантом, в бытность Государя Наследником Престола.

2-го марта 1881 года, в день восшествия на Престол Императора Александра III, Владимир Алексеевич Шереметев, в чине ротмистра Л.-Гв. Гусарского Его Величества полка, был зачислен флигель-адъютантом к Государю Императору.

В 1882 году был командирован в Данию, для объявления королю Датскому о рождении Великой Княжны Ольги Александровны.

В 1884 году вступил во временное командование эскадроном Л.-Гв. Гусарского Его Величества полка, и 30-го августа 1887 года назначен командиром Императорского Конвоя.

В 1888 году с Высочайшего разрешения зачислен с семейством в Войсковое сословие Кубанского казачьего Войска, по станице Прочноокопской, и Терского казачьего Войска, по станице Слепцовской. Состоя в Свите Наследника Цесаревича и затем Государя Императора, В. А. Шереметев ежегодно сопровождал Августейшее Семейство во время путешествия в Финляндию, в Западный край, в центральную Россию, в Крым, на Кавказ и за границу.

17-го октября 1888 года, как командир Конвоя, с соответствующим нарядом конвойцев находился в Императорском поезде, во время крушения последнего на станции «Борки» Курско-Харьково-Азовской железной дороги. В память чудесного спасения Царской Семьи, лично Государем Императором пожалован Нерукотворным Образом Спасителя.

[132] С. Петин. С. Е. В. К. стр. 264.

После смерти генерала В. А. Шереметева, по Высочайшему повелению, 6-го мая 1893 года в командование Конвоем вступил помощник командира Л.-Гв. Конного полка, полковник барон Мейендорф, которому 26-го февраля 1894 года Государь Император пожаловал звание Своего флигель-адъютанта.

В царствование Императора Александра III в Петергофе обычно находились две сотни Конвоя. Для несения караулов при Высочайшем Дворе и занятия постов вокруг самого Дворца ежедневно выходила в наряд целая сотня. В особо торжественные дни в Петергофе сосредотачивались все четыре сотни Конвоя.

Одним из таких дней был день 22-го июля, Тезоименитство Государыни Императрицы Марии Федоровны. В этот день вечером среди искрящихся знаменитых петергофских фонтанов устраивалась грандиозная иллюминация, а на море, против Монплезира, фейерверк.

В Нижнем парке, по всем главным аллеям его, находились конные посты казаков Конвоя, наблюдавшие за общим порядком и движением экипажей. К Большому Дворцу, со стороны Нижнего парка, наряжались, помимо конных, и пешие посты. Пешие команды Конвоя высылались также в Монплезир и на Ново-Петергофский вокзал.

Дворцовые экипажи с Особами Императорской Фамилии сопровождались конными казаками Конвоя в районе их постов, которые снимались только с отбытием Высочайших Особ в Александрию[133].

В 1894 году июльский праздник был перенесен на 25-е число, по случаю торжественного бракосочетания Великой Княжны Ксении Александровны с Великим Князем Александром Михайловичем.

[133] Пост. вед. за 1893–1894 гг.

На Высочайшем выходе и шествии Высоконареченных к венцу в Большом Петергофском Дворце присутствовали все офицеры Конвоя.

После обряда венчания в залах Дворца состоялся парадный обед, завершившийся концертом. По окончании концерта, Государь Император и Государыня Императрица проследовали в Александрию, а Высоконовобрачные – в Рапшу, после чего все посты Конвоя были сняты.

8-го августа Император Александр III произвел общий смотр войскам Красносельского лагеря. Собственный Императорский Конвой открыл церемониальный марш рысью и, в последний раз, в полном своем составе услышал Государеву благодарность. Никто не подозревал, что это – последний смотр Царя-Миротворца.

Несмотря на исключительную физическую силу могучего Монарха, злой недуг подтачивал Его железный организм, и, по совету врачей, был решен вопрос о переезде в Крым.

17-го августа Их Величества отбыли в Белосток, а затем в собственное имение Спалу. Государя Императора и Государыню Императрицу от Конвоя сопровождали сотник Бульмеринг и сотник Астахов, с тремя взводами казаков.

4-го сентября отбыли непосредственно в Крым два взвода конвойцев, под командою сотника Абациева и хорунжего Есаулова.

Всего в Ливадии с прибывшим 20 сентября из Спалы хором певчих Конвоя (30 пеших казаков), было 2 офицера и 71 казак[134].

21-го сентября Государь Император Александр III Александрович и Государыня Императрица Мария Федоровна прибыли в Ливадию на крейсере «Орел». Специальный наряд Конвоя «Встреча» ожидал Государя и Государыню на пристани у Малого Дворца. На нижней дороге, против ка-

---

[134] Приказ по Конвою. 1894 год.

зарм, были выстроены остальные чины Конвоя и эскадрон Крымского конного дивизиона в пешем строю.

По прибытии в Ливадию, Государь с Императрицею ежедневно совершали прогулки в экипаже, чаще всего поднимаясь к именью Эриклик. Дорога на Эриклик шла лесом и охранялась тремя конными постами Конвоя, сопровождавшими Царский экипаж (пост № 1-й от шоссе до сада, пост № 2 от сада до фермы и пост № 3-й от фермы до Эриклик).

Днем все выходы и вход в Большой и Малый Дворец занимались пешими постами конвойцев. На ночь к этому наряду в Малый Дворец добавлялось 4 парных поста. (Пост № 1 и 2-парный, у Малого Дворца. До 8 часов вечера у главного подъезда, а затем один пост переводился к малому подъезду. В Большом Дворце: № 3 – у главного подъезда, № 4 – у подъезда со стороны церкви, № 5 – у Ориандских ворот и калитки; ключ у часового, пропускавшего Высочайших Особ и лиц, с Ними шедших. № 6 – урядничий пост на Ялтинском шоссе следил за проезжавшими. № 7 – у церковных ворот на верхнем шоссе и № 8 – на церковной площадке; пропускали имевших билеты за подписью управляющего Ливадийскими Дворцами. Вестовых – 6: у Командующего Императорской Главной Квартирою, у дежурного генерал-адъютанта, в канцелярии Главной Квартиры, на главной конюшне и 2 на телеграфной станции)[135].

В конце сентября 1894 года здоровье Императора Александра III заметно ухудшилось: бюллетени врачей были не утешительны. В Ливадию прибыли все Августейшие родственники Государя. В октябре предполагался отъезд на остров Корфу, куда был уже командирован генерал-адъютант Бенкендорф, а чинам Императорского Конвоя были «построены» штатские костюмы.

[135] Постовая ведомость Конвоя от 22-го сентября, 1894 года.

Однако, Государь не пожелал оставлять Россию и ехать в чужие края.

Императорский Двор остался в Крыму.

Тихо, без обычных торжеств, отметил Конвой свой Праздник в день 4-го октября. В этот день в Петербурге и в Ливадии был отслужен молебен Небесному Покровителю Св. Иерофею о даровании скорейшего выздоровления Державному Шефу Конвоя, тяжело больному Государю Императору.

В день Праздника Конвоя Император Александр III изволил приказать отправить телеграмму командиру Конвоя:

> «Поздравляю сердечно моих казаков с праздником, и с атаманом приветствую Мой Славный Конвой. Александр».

Таков был последний привет Государя Императора Александра III Александровича Своему Конвою[136].

10-го октября в Ливадию прибыла Высоконареченная Невеста Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича, принцесса Алиса Гессенская.

Для встречи Ее, Его Императорское Высочество Наследник Русского Престола выехал в Алушту в открытом экипаже, запряженном четверкой лошадей, в сопровождении Своего ординарца – урядника Императорского Конвоя. Шоссе, по пути следования Государя Наследника Цесаревича, было украшено арками из зелени. На обратном пути, около одной из арок, лошади заупрямились, но ординарец Наследника Цесаревича, урядник Л.-Гв. 3-й Терской сотни Григорий Феодоров, быстро соскочил с козел экипажа и, бросившись к взволнованным лошадям, провел экипаж[137].

---

[136] Приказы по Конвою за 1894 год. С. Петин. Стр. 268.

[137] Его Императорское Высочество, Государь Наследник Цесаревич, за отличную ординарческую службу пожаловал уряднику Феодорову золотые часы. – Приказ по Конвою. 1894 год.

По прибытии в Ливадию, принцесса Алиса Гессенская, совместно с Государем Наследником Цесаревичем, проследовала в Малый Дворец к Их Императорским Величествам, после чего в Дворцовой церкви было совершено благодарственное молебствие.

За счастливым событием в Императорской Семье, вновь потянулись томительные дни тщетных надежд на выздоровление Государя Императора.

Со всего мира прибывали телеграммы, и пять казаков Конвоя едва успевали их доставлять с телеграфной станции во Дворец.

В связи с ежедневным ухудшением здоровья могучего Царя-Миротворца, катастрофа видимо приближалась...

20-го октября 1894 года всем чинам Собственного Его Величества Конвоя, находившимся на службе в Ливадии, с утра было приказано надеть парадные мундиры.

В 2 часа и 30 минут дня бывший в наряде урядник Конвоя Переверзин вбежал в офицерский флигель. Его необычное появление и чрезмерное волнение были грозным признаком... Офицеры невольно встали. Урядник Переверзин молчал, но и без его слов все было ясно. Наконец он тихо произнес: «Государь Император только что скончался...»

Офицеры бросились во Дворец, на флагштоке которого медленно опускался Императорский Штандарт.

Государь Император Александр III почил, сидя в кресле-коляске, поддерживаемый Государыней Императрицей Марией Федоровной.

Произошла трогательная сцена прощания с в Бозе почившим Государем Императором, во время которой офицеры Конвоя становились на колено и целовали Его руку.

С моря раздался траурный салют военных судов.

После прощания тело покойного Императора Александра III было перенесено в нижний этаж Дворца. Наряд от

Конвоя во всех внутренних покоях Дворца был значительно усилен.

Впоследствии на месте кончины Государя был вырезан на темном паркете пола светло-дубовый крест. Кресло, сидя в котором отошел в вечность Государь Император Александр III, было отправлено в Петербург, в сопровождении казаков Конвоя.

В 4 часа и 30 минут дня, на площадке перед церковью Большого Дворца, чины Конвоя, находившиеся в Ливадии, приняли присягу Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю II Александровичу. Конвойцы, бывшие в наряде, приняли присягу несколько позднее, в Ливадийской церкви.

Траур при Высочайшем Дворе, по случаю вступления на Престол Государя Императора Николая II Александровича и миропомазания принцессы Алисы, 21-го октября был снят.

Офицеры Собственного Конвоя, в числе приглашенных, находились на площадке у Малой Дворцовой церкви, где было совершено таинство миропомазания, и имели честь приветствовать молодого Государя Императора Николая II Александровича и Его Высоконареченную Невесту, Великую Княжну Александру Федоровну.

25-го октября тело в Бозе почившего Императора Александра III было перенесено в Большую Ливадийскую церковь. После панихиды у Малого Дворца, гроб приняли от Государя и Высочайших лиц офицеры (сотник Абациев и хорунжий Есаулов) и 24 казака Собственного Его Величества Конвоя.

В начале 7-го часа траурный кортеж двинулся по парку, дорогой, покрытой сплошным ковром цветов и окаймленной растениями Царской оранжереи. Конвойцы, со смоляными факелами в руках, освещали путь по его сторонам и постепенно присоединялись к траурной процессии. На площади Большой Ливадийской церкви темнела масса благоговейно преклонившегося народа.

Процессия двигалась медленно. Над всеми высился Царский гроб, освещенный светом факелов. Тихо, торжественно несли казаки-конвойцы тело скончавшегося Государя Императора Александра III.

У ступеней храма гроб от конвойцев был принят Государем Императором с Великими Князьями, и Ими внесен в храм.

У гроба усопшего Императора стала первая смена почетных часовых. Двое суток, днем и ночью, прощалось население Ливадии с умершим Царем-Миротворцем.

27-го октября, по отдании последних почестей, чины Конвоя снова приняли гроб от Государя Императора и бывших с Ним Августейших Особ.

Процессия направилась к Ялтинской пристани, по изгибавшемуся горному шоссе. Весь путь до моря был разделен на три участка.

В первом, самом трудном, от церкви до границы с городом, гроб несли казаки Конвоя; конвойцев сменили стрелки, а далее к пристани – моряки. По личному повелению Государя Императора, всеми воинскими сменами распоряжались офицеры Собственного Его Конвоя.

На молу была отслужена лития, по окончанию которой гроб с телом в Бозе почившего Императора Александра III был установлен на крейсере «Память Меркурия», куда сошли для почетного караула сотник Абациев и 6 урядников-конвойцев.

Остальные чины Императорского Конвоя выстроились на молу. В одиннадцать часов и тридцать минут дня 27-го октября 1894 года «Память Меркурия», в сопровождении двух военных судов «12 Апостолов» и «Орел», отбыли в Севастополь.

30-го октября тело почившего Государя в траурном Императорском поезде прибыло в Москву, 1-го ноября в Петербург.

Всю дорогу в вагоне при гробе находился караул Конвоя[138].

С Николаевского вокзала Царский гроб днем был торжественно перевезен в Петропавловский собор. Во главе грандиозной траурной процессии находился Собственный Его Величества Конвой.

Петербург был весь в трауре, а ноябрьский мелкий дождь придавал столице еще более печальный вид.

7-го ноября в Высочайшем присутствии и присутствии Особ Императорской Фамилии, было совершено погребение Государя Императора Александра III Александровича.

Множество дорогих венков совершенно изменило внутренний вид Петропавловского собора. Г.г. офицерами Конвоя к Царской гробнице был сооружен Образ Св. Благоверного Князя Александра Невского с неугасаемою лампадою.

На погребении Императора Александра III присутствовали Войсковые делегации от Кубанского и Терского казачьих Войск, возложившие, каждая от своего Войска, на гроб почившего Монарха серебряные венки.

В память службы в Бозе почившему Государю Императору Александру III Александровичу всем офицерам и строевым казакам Собственного Его Императорского Величества Конвоя Высочайше повелено иметь вензелевое изображение Имени усопшего Государя на эполетах и погонах у офицеров, и на плечевых шнурах у вахмистров, урядников и казаков[139].

---

[138] Из воспоминаний сотника Абациева.

[139] Приказ Воен. Вед. № 253. 1894 год. В 1897 году, приказом за № 321, Высочайше повелено: офицерам и казакам Конвоя иметь на эполетах, погонах и плечевых шнурах металлическое накладное вензелевое изображение Имени Его Величества. В тех случаях, когда уже имеются вензеля в Бозе почивших Императоров, то надлежит иметь таковые соединенными и противоположного цвета с вензелем Его Величества. Последний вензель – по цвету прибора.

Часть вторая

Глава пятая

Сосредоточение Конвоя в Царском селе

14-го ноября 1894 года, в день рождения Государыни Императрицы Марии Федоровны, в Зимнем Дворце состоялся Высочайший Выход по случаю бракосочетания Его Императорского Величества Государя Императора Николая II Александровича с Великой Княжной Александрой Федоровной. Среди лиц, присутствовавших на этом Высочайшем Выходе и приносивших свои поздравления Государю Императору и Его Августейшей Супруге, находились командир и офицеры Конвоя Его Величества.

> Манифест о бракосочетании Государя Императора гласит: «Веруем со всем народом Нашим, что душа возлюбленного Родителя Нашего в селениях Небесных благословила избранную по сердцу Его и Нашему разделить с Нами верующей и любящей душой непрестанные заботы о благе и преуспеянии Нашего Отечества».

20-го ноября, по повелению Государя, Высочайший Двор перешел в Царское Село, куда был командирован Л.-Гв. от 1-й Кубанской и Л.-Гв. от 4-й Терской сотен Конвоя первый наряд для службы в Царскосельских Дворцах, в составе 2-х офицеров, 4-х урядников и 18-ти казаков. В конце ноября для той же цели в Царское Село из Нового Петергофа прибыли все чины этих сотен.

Л.-Гв. 2-я Кубанская сотня осталась на службе в Гатчине, а Л.-Гв. 3-я Терская в Петербурге[140].

---

[140] Из Нового Петергофа Конвой уходил обычно в половине августа, но в 1894 году находившиеся там сотни были задержаны. С. Петин.

2-го апреля, в день Светлого Праздника Христова Воскресения, в Аничковом Дворце конвойцы имели честь принести свои поздравления с Великим Праздником Государю Императору и Государыне Императрице, и одновременно просить Ее Императорское Величество принять благословение от всех конвойцев.

Командир Конвоя, флигель-адъютант полковник барон Мейендорф, в присутствии всех офицеров и вахмистров Государева Конвоя, поднес Государыне Императрице Александре Федоровне массивную икону-складень в византийском стиле, с изображением Св. Царицы Александры, Св. Николая Чудотворца и Св. Иерофея, покровителя Конвоя, со следующими словами:

> «Ваше Императорское Величество!
>
> Вся Россия, удрученная постигшим ее глубоким горем, возликовала, узнав, что 21-го октября Вы изволили впервые причаститься Св. Таин по нашему православному обряду. В память сего дня, мы просим Ваше Величество принять сей складень и никогда с ним не расставаться, памятуя, что мы, казаки Конвоя, начиная с Великого Князя Михаила Николаевича, всех бывших командиров, и кончая рядовым казаком, молим Всевышнего, да ниспошлет Он Вам долгие, светлые и счастливые дни на радость Его Величеству, нашему Державному Шефу, всей Матушке России и нам, казакам».

Осенив Себя крестным знамением, Государыня Императрица приложилась к иконе. Затем, передав складень Государю Императору, Ее Величество обошла присутствовавших чинов Императорского Конвоя, удостоив подать руку всем, не исключая и вахмистров.

После весенних Высочайших парадов на Марсовом поле войскам Гвардии и Петербургского военного округа, сменивших собою зимние смотры войск Императором Алексан-

дром III, Государь Император с Государыней Императрицей отбывали на лето в Новый Петергоф. По окончании красносельских лагерных сборов, Государь снова возвращался в Царское Село. За Высочайшим Двором всегда следовал Государев Конвой, заранее оцеплявший Императорские парки конными постами и разъездами.

При этом, несколько измененном порядке службы Собственного Его Величества Конвоя, она сосредотачивалась главным образом в Царском Селе, как было при Императоре Александр II.

В Петербург командировалась очередная сотня, которая несла службу при Дворе Государыни Императрицы Марии Федоровны, в Гатчине и в Аничковом Дворце. От этой сотни также наряжался караул к денежному ящику в канцелярию Конвоя и весь суточный наряд дежурных и дневальных, как по сотне, так и у ворот казарм и офицерских квартир.

Канцелярия, офицерское собрание, часть офицерских квартир и казарма Конвоя находились на Шпалерной улице (канцелярия – Шпалерная № 27, казарма – Шпалерная № 28). Другая часть офицерских квартир была в отдельном большом здании на Вознесенской набережной.

В начале царствования Императора Николая II Александровича, Государь и Государыня Императрица пребывали в Петербурге от января до начала весны. Для службы при Высочайшем Дворе в Петербург командировалась еще одна сотня Конвоя. От этих сотен в Зимний Дворец наряжался офицерский караул. Караул имел 6 постов, которые находились в Собственных покоях Их Величеств. Посты выставлялись:[141]

№ 1-й. У Салтыковского подъезда, при главной лестнице (парный).

---

[141] Прик. по Конвою за 1896 г.

№ 2-й. У кабинета Его Величества (парный). Туда же назначался и разводящий. На ночь один часовой переводился к дверям биллиардной комнаты.

№ 3-й. У винтовой лестницы внизу, ведущей от кабинета Императора Николая I в Собственные покои.

№ 4-й. У дверей Собственного Его Величества подъезда (парный).

№ 5-й. У «подъемной машины» (урядник).

№ 6-й. У лестницы к подъезду.

Караул назначался только во время пребывания Государя Императора и Государыни Императрицы в Зимнем Дворце[142].

Кроме того, Конвой нес также офицерский караул в фельдмаршальском зале Зимнего Дворца.

До 1895 года сотни Конвоя, находившиеся в Царском Селе, помещались частью в гусарских, частью в кирасирских казармах. Офицеры жили в Большом Дворце, в корпусе бывшего лицея, занимая нижний этаж, затем в Дворцовом доме, на углу Оранжерейной и Средней улиц.

Для Конвоя строились казармы. Бывшая казарма линейного казачьего эскадрона, выстроенная в 1845 году, была мала. Казармы строились в парке Малого Дворца. Длинная линия их отделяла парк от соседнего села Кузьминского.

28-го сентября 1895 года казарма была освящена в Высочайшем присутствии Государя Императора Николая Александровича, Великого Князя Владимира Александровича, всех офицеров Конвоя, вахмистров и казаков-представителей от каждой сотни[143].

Казармы были рассчитаны на три сотни, причем каждая сотня имела свою отдельную казарму и отдельную конюшню с электрическим освещением и свою собственную кухню.

---

[142] Состав караула: 1 офицер, 1 урядник и 25 казаков.

[143] Приказ по Конвою 28-го сентября 1895 года № 270.

Государь, в сопровождении Великого Князя, командира и офицеров Конвоя, обошел все казармы, интересуясь малейшими подробностями помещений.

День 3-го ноября 1895 года в Царском Селе был ознаменован радостным событием. В этот день родилась Великая Княжна Ольга Николаевна. Офицеры Конвоя, бывшие в этот день дежурными, получили из Кабинета Его Величества подарки «по чину», а казакам, несшим службу в Императорском Дворце, была выдана денежная награда[144].

14-го ноября, в день принятия Св. Крещения Новорожденной Великой Княжной, парадный выезд из Александровского Дворца в Екатерининский сопровождали два конных взвода Императорского Конвоя, по 12 рядов при 3-х урядниках каждый. Взвод Л.-Гв. от 1-й Кубанской сотни, с трубачами, под командою сотника Петина открывал кортеж. Взвод Л.-Гв. от 4-й Терской сотни, под командою сотника Астахова, замыкал его. Командир Конвоя, флигель-адъютант полковник барон Мейендорф сопровождал карету Великой Княжны Ольги Николаевны, находясь с левой стороны кареты, у заднего ее колеса. Адъютант Конвоя, сотник князь Витгенштейн, был впереди трубачей[145].

По совершении Таинства Крещения взводы, конвоируя карету Высоконоворожденной Великой Княжны, следовали в том же порядке в Александровский Дворец.

В Царском Селе в расположении Конвоя, кроме самых казарм, находились: кузница – для всех трех сотен одна, пекарня для Конвоя и Сводно-Пехотного полка, и общая баня для конвойцев и солдат полка.

Просторные казармы Конвоя содержались в образцовом порядке. У одной стены находились пирамиды для винтовок

---

[144] Подарки получили подъесаул Свидин и хорунжий Есаулов. Трем урядникам Высочайше пожаловано по 5 рублей и 15-ти казакам по 3 рубля.

[145] Приказ по Конвою 13-го ноября 1895 года. № 317.

и револьверов. Вдоль всей казармы стояли в два ряда (голова к голове) кровати, причем между каждой кроватью был проход и у изголовья ее тумбочка. Третий ряд кроватей тянулся вдоль другой стены казармы. Каждая сотенная казарма имела свой широкий коридор, в котором выстраивалась вся сотня на утреннюю и вечернюю молитву. В сотенных коридорах в плохую погоду производились занятия: словесность, прикладка, сборка и разборка винтовок и револьверов и чистка их, отдание чести, воинские уставы, шашечные приемы, правила и инструкции при несении службы в Императорском Дворце и на постах вокруг его.

В казармах Конвоя также общим для всех трех сотен, служивших в Царском Селе, был большой зал с гимнастическими приборами.

По повелению Государя Императора Николая Александровича, в Царском Селе, главном месте пребывания Августейшей Семьи, к столетнему юбилею Конвоя строились новые прекрасные казармы, новое офицерское собрание и квартиры для офицеров, несших там службу в своих сотнях.

Архитектура этих новых зданий, в особенности офицерского собрания, была строго выдержана в старом русском стиле.

Красивый и величественный Государев Феодоровский Собор, Царский павильон Собственной Его Величества железнодорожной ветки, офицерское собрание и новые казармы Конвоя, все вместе представляли как бы свой, старый русский город.

Перед войной часть постройки казарм была закончена, и во время войны там помещался лазарет для раненых.

Удобной и отлично оборудованной была казарма «штабной» сотни, т. е. сотни, находившейся на службе в С. Петербурге, с которой ежегодно менялась одна из Царскосельских сотен.

Петербургская казарма Конвоя (Шпалерная улица) – двухэтажное здание. На верхнем этаже была церковь и помещение для сотни. Нижний этаж – учебная команда, гимнастический зал и кухня.

В приземном помещении находилась электрическая станция. Во дворе, со стороны Захарьевской улицы, была конюшня и казарма нестроевой команды, и при ней отдельная комната для трубачей Его Величества, занимаемая ими во время пребывания Государя Императора в С. Петербурге[146].

Рядом с нестроевой командой мастерские Конвоя: оружейная, седельная и портняжная, отлично поставленные[147].

В сотенном дворе был большой 2-хэтажный цейхауз, в одном этаже которого хранилось сукно «для постройки» мундиров, бешметов и шаровар казакам Конвоя. В другом этаже было помещение для собственных казачьих сундуков[148].

---

[146] Трубачи Его Величества: старший трубач – вахмистр Захарченко. Вахмистр Чернявский и старшие урядники – Кузнецов и Слюсаренко.

[147] В нестроевой команде числились мастера, сверхсрочнослужащие урядники и рядовые казаки-вестовые и офицерские денщики. Сама же команда состояла из солдат, которым мундир Конвоя (алая и синяя черкеска) не был присвоен. Солдаты нестроевой команды имели мундир гв. кавалерийского образца, но фуражку носили они формы Конвоя, т. е. алую с тремя белыми кантами. Нестроевые казаки своей формой также отличались от строевых, а именно: у нестроевого казака «подгазник» темно-зеленый. Воротник бешмета обшит внизу и впереди по борту снизу вверх, у урядников серебром, у казаков желтым басоном. У строевого казака: «подгазник» темно-синий. Воротник бешмета обшит (серебром или басоном) по верху кругом и, впереди по борту, сверху вниз. Лучшими мастерами были портной Шаманский и седельный мастер Фенев, станицы Баталпашинской.

[148] Обычно конвойцы заказывали себе большие сундуки, так называемые «под морозом». Этот сундук (стоимость его 27 рублей) обшивался тонкой жестью разного цвета и по жести «как бы прошел мороз». Из писем старого конвойца М. Лашука.

Кроме Царского Села и С. Петербурга, Конвой имел свои казармы и в других местах Резиденций Царской Семьи:

Петергоф – казармы на три сотни и квартиры для офицеров сотен, командируемых на службу в Петергоф.

Ливадия – казарма на две сотни, там же очень хорошие офицерские квартиры. В Крыму каменное здание казарм Конвоя было расположено недалеко от Императорского Ливадийского Дворца у Ялтинских ворот.

В Красном Селе Конвой занимал отведенные для него летние бараки.

В Гатчине – казарма и офицерские квартиры на одну сотню.

В летние месяцы три сотни Конвоя следовали с Высочайшим Двором в Новый Петергоф. Одна сотня, оставаясь в Царском Селе и выделив необходимый наряд в Петербург, несла службу в Красном Селе, в дни пребывания там Их Величеств.

Все четыре сотни Конвоя сосредотачивались в Красном Селе только к Высочайшему смотру войскам Гвардии и Петербургского Военного Округа, после которого, прямо с военного поля, следовали в места предназначенной им службы.

В 1896 году этот порядок был несколько изменен в связи с предстоящим торжеством Священного Коронования Их Императорских Величеств.

Командировка Конвоя в Москву

В первых числах мая 1896 года Конвой в полном своем составе отбыл в Москву, куда последний его эшелон прибыл 6-го мая. В Москве Конвою были предоставлены Александровские казармы. Несмотря на отличное состояние этих казарм, конвойцам, несшим службу при Высочайшем Дворе, Александровские казармы были не совсем удобны, т. к. они находились на окраине города, вдали от всех Императорских

Дворцов, а в особенности от Петровского Дворца, расположенного на совершенно противоположном конце Москвы[149].

6-го мая, в день рождения Государя Императора, все свободные от службы офицеры Конвоя конною группою прибыли к Царскому павильону Брестского вокзала для встречи Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны.

Прибывающих в Москву Государя со своей Августейшей Супругою на вокзале встречала также большая группа чинов Коронационного отряда и почетный караул. Императорский поезд медленно подходил к дебаркадеру. На синем фоне вагонов его с белой крышею ярко выделялись алые черкески казаков Конвоя, сопровождавших Царскую Семью.

Офицеры Государева Конвоя выстроились у пересечения Петербургского шоссе с передаточной железнодорожной ветвью. Несмотря на дождь, по всему пути от Брестского вокзала до Петровского Дворца густыми массами теснился народ, приветствовавший Государя и Государыню. Впереди Царской кареты, шедшей крупной рысью, наметом неслись конвойцы. Позади кареты следовали Великие Князья, представители местных властей и Коронационного отряда.

У ворот Дворца командир и офицеры Конвоя, пропустив перед фронтом своим Государеву карету, окружили ее и продолжали конвоировать до главного подъезда Петровского Дворца.

В этот день от Конвоя, помимо постов во внутренних Дворцовых покоях, был наряд в Петровский Дворец в составе 1-го офицера и 14 казаков при 2-х урядниках, для разъездов вокруг самого Дворца[150].

---

[149] Приказ по Конвою 29-го апреля 1896 года № 120.

[150] Дежурный по Петровскому Дворцу сотник Золотарев. Приказ по Конвою 5-го мая 1896 года № 126.

8-го мая прибыла из заграницы Государыня Императрица Мария Федоровна. К прибытию Ее от Конвоя была выслана «Встреча» (особый наряд Конвоя только для Их Величеств): пешая на вокзал и конная для сопровождения в Петровский Дворец[151].

К торжественному дню предстоящей Коронации Государя в Москву прибыли многочисленные чрезвычайные иностранные посольства.

Во главе этих посольств находились: одна королева, три великих герцога, два владетельных князя, двенадцать наследных принцев, шестнадцать принцев и принцесс[152].

9-го мая совершился торжественный Царский въезд из Петровского Дворца в Москву. Во главе этого исторического Государева въезда в древнюю столицу Российского Государства следовал в конном строю и в полной парадной форме Собственный Его Величества Конвой. При подходе сотен Конвоя к Иверским воротам, московский митрополит, высоко подняв Святой Крест, благословил их, как первых вестников Царского пути.

Подойдя к колокольне Ивана Великого Конвой остановился и, развернув фронт, воински приветствовал торжественное шествие Императорских золотых карет.

Государь Император Николай II Александрович, следуя верхом на светло-сером коне, находился в центре всей процессии во главе представителей всего Русского Царства и бле-

---

[151] 2 офицера, 2 урядника и 6 казаков.

[152] Королева Эллинов Ольга Константиновна; принц Генрих Прусский – брат Вильгельма II; герцог Коннаутский – сын английской королевы; итальянский наследный принц Виктор Эммануил; князь Фердинанд Болгарский; князь Николай Черногорский; наследный принц греческий Константин; наследный принц румынский Фердинанд; германские великие герцоги и принцы и чрезвычайная китайская делегация. – «Новое Время» 1896 год.

стящей Свиты, состоящей из Великих Князей, иностранных принцев, русских и иностранных генералов.

По всему пути следования Их Величеств шпалерами стояли войска, а за ними масса народа, могучим «ура» приветствовавшая Царскую Семью. Во всех московских церквах раздавался колокольный звон.

При приближении Государя Императора это приветствие на мгновение как бы замирало, а затем, подхваченное войсками и одушевленным народом, неслось и ширилось по всей Матушке-Москве.

Прекрасная погода гармонировала с красотою всего Царского кортежа. Яркое солнце сверкало на серебряных галунах и оружии конвойцев, на золоте Императорских карет, на касках и кирасах бравых белокурых кавалергардов и брюнетов конногвардейцев.

По окончании Своего въезда в Москву, Государь, поклонившись гробницам своих предков, вступил в Кремлевские Дворцовые покои.

Отъезд золотых карет, как Императорских Регалий, сопровождали обратно к Петровскому Дворцу казаки Конвоя, по 4 всадника у каждой кареты.

С прибытием в Кремлевский Дворец Высочайшего Двора, Императорский Конвой занял посты в парадных апартаментах Государыни Императрицы Марии Федоровны:

1 – парный пост у Знаменной комнаты;

2 – при входе в столовую Ее Величества;

3 – у приемной комнаты Государыни Императрицы и

4 – при «подъемной машине».

Кроме того, в покоях Государя Императора – пост парных часовых у Собственного подъезда.

В дни Высочайшего посещения Нескучного Дворца, от Конвоя туда наряжался дежурный офицер и 42 конвойца, из коих 20 конных для разъездов вокруг Дворца, остальные

пешие для внутреннего караула. В особых случаях высылалась конная сотня в личное распоряжение коменданта Императорских Дворцов, генерал-адъютанта Гессе[153].

В то время как со всего мира прибывали в Москву представители иностранных государств, и сама древняя столица Российского государства украшалась национальными флагами и красочно иллюминировалась, в Императорском Дворце была другая жизнь.

Готовясь к великому празднику Своего торжественного венчания на Царство, Государь Император ежедневно присутствовал на богослужениях в Дворцовой церкви, продолжая говение вплоть до Священного Коронования, о котором по древнему обычаю великих государственных торжеств, народ извещался через глашатаев и герольдов, одетых в старинные золотые костюмы и большие круглые шляпы с перьями.

Одним из важных моментов Священной Коронации ИХ Императорских Величеств было прибытие Государя Императора и Государынь Императриц в Тронный зал Оружейной Палаты, где было установлено Государственное Знамя.

В Тронном зале, после положенной молитвы придворного духовенства, протопресвитер, окропив святой водою Государственное Знамя и всю Царскую Семью, обратился к Государю Императору:

> «Благочестивейший Государь наш! Божественному Промыслу благоугодно, законом Престолонаследия, вручить Тебе, Самодержавному Вождю народов Всероссийского Царства, сие священное Знамя его единства и могущества. Да объединит оно, молимся Отцу Небесному, всех Твоих подданных в беззаветной преданности Престолу и Отечеству, и в самоотверженном исполнении каждым своего патриотического долга.

---

153 С. Петин. Служба Конвоя в дни Коронации.

Страшное врагам России, да будет оно Тебе в знамение помощи от Господа Бога, чтобы во славу Его Пресвятого Имени, путем православной веры, добра и правды, мужественно, не взирая ни на какие преграды, вести народ свой к благоденствию, величию и славе.

Да разумеют языцы, яко с нами Бог!»[154]

В дни пребывания в Москве Августейшей Семьи особенной торжественностью отличался день Священного Коронования Их Величеств – 14-ое мая 1896 года.

В этот исторический день от Конвоя был следующий наряд: один взвод при 2-х Штандартах в Георгиевском зале Кремлевского Дворца, и одна сотня при пяти офицерах была назначена занять проходы между соборами Архангельским и Благовещенским. Кроме того, офицерам Конвоя было поручено следить за общим порядком и распределением мест на ближайших к соборам трибунах[155].

В Успенском соборе, в котором венчались на Царство все Государи из Дома Романовых, были отведены места для приглашенных почетных гостей и приготовлено особое место для Государя Императора Николая II Александровича и Государынь Императриц Александры Федоровны и Марии Федоровны, против алтаря на возвышении, к которому вела большая широкая лестница.

Великие Князья, Великие Княгини и иностранные принцы заняли места в соборе на боковых площадках.

Вдовствующая Императрица Мария Федоровна, в бриллиантовой короне, золотой порфире и в бриллиантовой Андреевской цепи, встреченная на паперти духовенством,

---

[154] Коронационный альбом.

[155] Приказ по Конвою 13-го мая 1896 года. Состав караула в Кремлевском Дворце: 4 офицера (командир взвода, адъютант Конвоя и 2 ассистента при Штандартах), 4 урядника и 32 казака.

вступила в собор прежде Государя. Она заняла свое место на Престоле, по сторонам которого стали чины Двора, поддерживавшие порфиру и несшие шлейф Императрицы.

Затем вошли в собор Государь Император и Государыня Императрица Александра Федоровна. Государь был в парадном мундире Л.-Гв. Преображенского Его Величества полка. Государыня – в парчовом серебряном платье. Четыре камергера несли шлейф Ее порфиры. У плеч порфиру и конец шлейфа ее поддерживали вторые чины Императорского Двора.

На паперти Успенского собора Государя и Государыню встретило духовенство, и московский митрополит Сергий, благословив Их Величества, произнес:

> «Благочестивый Государь!
>
> Настоящее Твое шествие, соединенное с необыкновенным великолепием, имеет цель необычайной важности. Ты вступаешь в это древнее святилище, чтобы возложить здесь на себя Царский Венец и восприять Священное Миропомазание. Твой прародительский Венец принадлежит Тебе Единому, как Царю Единодержавному, но миропомазания сподобляются все православные христиане, и оно не повторяемо. Если же предлежит Тебе восприять новых впечатлений этого таинства, то сему причина та, что, как нет выше, так нет и труднее на земле Царской власти, нет бремени тяжелее Царского служения. Чрез помазание видимое да подастся Тебе невидимая сила, свыше действующая, к возвышению Твоих Царских доблестей, озаряющая Твою самодержавную деятельность ко благу и счастью Твоих верных подданных».

В соборе Государь и Государыня заняли места на Троне под балдахином напротив алтаря. Митрополит С. Петербургский Палладий, взойдя на верхнюю площадку Трона, предложил Государю прочесть Символ Веры. Его Величество

ясным, громким голосом произнес Символ Православные Веры.

Затем последовал чин Коронации. Государь Император Сам, как Самодержец Всероссийский, возложил на Себя Царскую Корону и, после того, короновал Государыню Императрицу, ставшую перед Ним на колени.

Взяв в Свои руки Державу и Скипетр[156], Государь Император Николай II Александрович стал на колени и произнес Свою Коронационную молитву:

> «Господи Боже отцев и Царю царствующих, сотворивый вся словом Твоим и премудростью Твоею устроивый человека, да управляет мир в преподобии и правде!
>
> Ты избрал Мя еси Царя и Судию людям Твоим. Исповедую неизследимое Твое о Мне смотрение и, благодаря, Величеству Твоему поклоняюся, Ты же, Владыко и Господи Мой, настави Мя в деле, на нежа послал Мя еси, вразуми и управи Мя в великом служении сем. Да будет со Мною приседающая Престолу Твоему премудрость. Посли ю с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очима Твоими, и что есть право по заповедем Твоим.
>
> Буди сердце Мое в руку Твоею, еже вся устроити к пользе врученных Мне людей и к славе Твоей, ако да Я в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово: милостью и щедротами Единородного Сына Твоего, с Ним же благословен еси, со Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, во веки, аминь!»

---

[156] К дню Коронации торжественно были перенесены Царские Регалии из Оружейной Палаты в Кремлевский Дворец. Высшие чины Двора Его Величества несли Императорские Короны, Скипетр и Державу, на бархатных, с золотыми кистями, подушках. При Императорских Регалиях следовали конвойцы, дворцовые гренадеры и герольды.

Государь громко и внятно прочел слова этой исключительной по силе духовной и значению Царской молитвы, моля Всевышнего – Царя Небесного, о даровании Ему – Царю земному, силы для великого служения Родине и своему народу.

Окончив свое молитвенное воззвание к милости и покровительству Вседержителя, Государь встал, и тотчас же все присутствовавшие в соборе преклонили колени. Только один Государь Император Всероссийский в полном величии, в короне и порфире, стоял у Своего Престола.

Митрополит Палладий, стоя на коленях, прочел от лица всего русского народа молитву за Царя:

> «Умудри убо и поставь проходити великое к Тебе служение, даруй Ему разум и премудрость, во еже судити людям Твоим во правду, и Твое достояние в тишине и без печали сохранити, покажи Его врагам Победительна, злодеям Страшна, добрым Милостива и Благонадежна, согрей Его сердце к призрению нищих, к приятию странных, к заступлению нападствуемых. Подчиненное Ему правительство управляя на путь истины и правды, и от лицеприятия и мздоприимства отражая, и вся от Тебе державы Его врученные люди в нелицемерной содержи верности, сотвори Его отца о чадах веселящегося, и удивиши милости Твоя от нас. Не отврати лица Твоего от нас и не посрами нас от чаяния нашего».

После этой молитвы митрополит С. Петербургский с амвона обратился к Государю со следующими словами:

> «Благочестивейший Богом венчанный и превознесенный, Великий Государь Император! Вседержитель Господь, Царь царствующих, властию и силою Которого цари царствуют, возложил на главе Твоей венец от

камени чести (Псал. 20, 4), священною славою и велелепием благоволил венчать Величество Твое на Прародительском и Родительском Престоле. Прииде бо Твой Свет и слава Господня на Тебе возсия! (Исаия 60, 1). Силою Господа возвеселися (Пс. 20,1), Боговенчанный Царь, и о милости и щедротах Его да возрадуется сердце Твое! Вместе с Тобою и о Тебе и весь многомиллионный верный народ Твой, вся Царелюбивая Россия радуется ныне радостью велиею и светло празднует день сей, его же сотвори Господь, вознося горячия молитвы о Тебе и выражая от полноты сердец своих всепреданнейшие приветствия и благожелания.

Святая Церковь Православная видит в лице Твоем Царя по сердцу Божию, Богом просвещенного ревнителя веры и благочестия, Высокого своего Покровителя и Защитника, преемственного исполнителя древнего о ней пророчения: «и будут царие кормители твои» (Исаия 49, 23), а Отечество зрит в Тебе, избранник Божий, богомудрого Зиждителя народного благоденствия, праведного Судию и благопочитательного Отца своего.

При глубочайшем священном пред Величеством Твоим благоговении, соединенном с чувствами беспредельной любви и преданности, при благоговейном воззрении на Твое Царское величие и Высочайшее священнейшее пред Богом служение, Твой Царский Венец светит нам светом благословений небесных и земных, и настоящее всерадостное торжество Церкви и Отечества, – уповаем, – не ныне только светло, но и грядущие Твои лета озарит для нас светлыми благими надеждами.

К Царскому Своему венчанию Ты благоволил приобщить Супругу Твою, Благочестивейшую Государыню Императрицу Александру Федоровну. В Царском венце Ее самый драгоценный камень есть Ее христианская любовь; попечениями этой чистой любви и общением

с Твоею молитвою веры в Бога, Она да облегчит Тебе несение великого многотрудного Царского подвига.

Да возрадуется о Тебе радостью святою и Твоя Августейшая Мать, Благочестивейшая Государыня Императрица Мария Федоровна и соединит теплую материнскую молитву с молитвами Церкви и Отечества о Твоем дражайшем здравии, благоденствии и спасении.

Радуйся, Россия, радостью велиею!

Божие благословение возсияло над Тобою в священной славе Боговенчанного Царя Твоего.

Ты же, Царь Православный, Богом Венчанный, уповай на Господа, да утвердится в Нем сердце Твое: верою и благочестием и цари сильны и царства непоколебимы!»

Прекрасный и могучий хор придворной капеллы, при звоне с колокольни Ивана Великого, исполнил радостный и торжественный гимн:

«Тебе, Бога, хвалим».

Этим закончился чин Священного Коронования Государя Императора Николая II Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны.

После чина Коронования началась Божественная Литургия. Государь Св. Литургию прослушал стоя. Во время этой Литургии над Государем было совершено таинство миропомазания, перед совершением которого Государь подошел к Царским Вратам алтаря, и один из присутствующих в сонме священнослужителей архиереев обратился к Нему: «Благочестивейший Великий Государь наш Император и Самодержец Всероссийский! Вашего Императорского Величества миропомазания и Святых Божественных Таин приобщения приближается время: того ради да благоволит Ваше Импера-

торское Величество шествовать сея Великие Соборные Церкве к Царским Вратам.»[157]

Когда миропомазание было совершено, колокольный звон Кремлевских церквей и салют из 101 артиллерийского выстрела возвестили всему русскому народу, что таинство совершилось.

Митрополит Палладий ввел Государя в алтарь через Царские Врата, и там Он приобщился Святых Таин по «Царскому Чину».

По окончании службы Божьей в Успенском соборе, Государь Император и Государыня Императрица направились в Архангельский и Благовещенский соборы, проход к которым был охраняем шпалерами Императорского Конвоя. Их Величества шествовали под золотым балдахином со страусовыми перьями. Коронационный балдахин несли генерал-адъютанты[158].

После прикладывания к мощам в Архангельском и Благовещенской соборах, торжественное шествие Высочайших Особ направилось к Красному Крыльцу по мосткам, покрытым алым ковром.

Вдоль мостков стояли шпалеры от гвардейских частей.

Поднявшись на Красное Крыльцо, Государь и Государыня, увенчанные Коронами, глубокими поклонами приветствовали массу народа, заполнившую всю площадь между соборами и Красным Крыльцом.

Их Величества поклонились три раза: прямо перед Собою, направо и налево. На этот Царский привет Своему

---

[157] При совершении миропомазания, миром помазывается также и грудь. Для этого на мундире Государя Императора было сделано отверстие, которое закрывалось особым клапаном.

[158] Коронационный балдахин, троны, на которых Государь и Государыня короновались, и Государев мундир были помещены в Оружейную Палату, на хранение.

народу, вся Москва отозвалась громовым, восторженным «ура» и несмолкаемым национальным гимном.

Чин Священного Коронования Ее Величества в Коронационном церемониале указан следующими словами:

«Его Величество, приняв в правую руку Скипетр, а в левую Державу, воссядет на Престол и вскоре затем, положив обе Регалии на подушки, поданные несшими их сановниками, изволит призвать к Себе Государыню Императрицу Александру Федоровну.

Ее Величество, подойдя к Государю Императору, станет перед Своим Августейшим Супругом на колени на малиновую бархатную подушку, положенную одним из сопровождавших Ее Величество Ассистентов – Великий Князь Сергий Александрович и Великий Князь Павел Александрович, а Монарх, сняв с Себя Корону, прикасается оною к Главе Императрицы и снова на Себя возложит. Затем поднесена будет Государю Императору малая Корона[159].

Его Величество возложит ее на Главу Государыни, а четыре статс-дамы оную оправят.

Засим поднесется Его Величеству, для возложения на Государыню, порфира и цепь Ордена Св. Апостола Андрея Первозванного; те же четыре статс-дамы Регалии сии оправят». Тогда Государыня Императрица Александра Федоровна изволит встать и возвратиться к Своему Престолу (справа от Государя Императора).

Возглашается многолетие; пение сопровождается звоном во все колокола и 101 пушечным выстрелом.

После миропомазания Государя Императора, митрополит помажет Святым Миром только на челе Ее Величества, произнося: «Печать дара Духа Святого».

---

[159] Корона унизана 2.000 бриллиантов.

К последующему затем Высочайшему завтраку в Грановитой Палате были приглашены высокие иностранные гости, высшие государственные чины и дипломатический корпус[160].

Вечером весь Кремль и город были иллюминованы. С началом иллюминации от Конвоя были высланы разъезды вокруг всего Кремля. (Разъезды несли службу до 2-х часов ночи).

22-го мая Государь Император и Государыня Императрица, в сопровождении командира, одного офицера, вахмистра-ординарца, одного урядника и 3-х казаков Своего Конвоя, посетили Сергиевскую Лавру. В этот же день, с соизволения Государя, иностранным высоким гостям была показана джигитовка Конвоя. С исключительным вниманием и восхищением следили за джигитовкой конвойцев приглашенные гости, а в особенности представители их военных миссий.

Коронационные торжества закончились 26-го мая Высочайшим смотром войск, после которого церемониальный марш был открыт Собственным Его Величества Конвоем. На правом фланге Конвоя находились генерал-адъютант Рихтер и граф Олсуфьев.

После смотра Царская Семья отбыла из Москвы. Государь Император и Государыня Императрица выехали в Ильинское имение Великого Князя Сергея Александровича, а Государыня Императрица Мария Федоровна – в Гатчину.

Отдых Государя с Его Августейшей Супругою в Ильинском охраняла полусотня Конвоя при трех офицерах[161]. Остальные сотни были отправлены в Петербург. Из Петербурга одна сотня была командирована в Гатчину на службу

---

160 «Новое Время». Май, 1896 год. Коронационный альбом. Вел. Князь Гавриил Константинович – «В Мраморном Дворце». Стр. 33. П. Савченко. «Государыня Императрица Александра Федоровна». Стр. 31.

161 Есаул Петин, сотник Урусбиев и хорунжий князь Витгенштейн.

при Государыне Императрице Марии Федоровне, одна оставлена в Петербурге, а остальные конвойцы вернулись в Царское Село.

22-го июня Государь и Государыня из имения Великого Князя Сергея Александровича прибыли в Петербург. К прибытию Их Величеств в Зимнем Дворце был выставлен караул от сотни, находившейся при штабе Конвоя.

25-го июня 1896 года исполнилось столетие со дня рождения Императора Николая I. У подножия Его памятника в Высочайшем присутствии была отслужена панихида. На правом фланге представителей от всех частей Гвардии и Петербургского Военного Округа, прибывших к панихиде на Николаевскую площадь, находилась полусотня со Штандартом Л.-Гв. от 1-й Кубанской сотни.

Непосредственно после панихиды Государь Император и Государыня Императрица отбыли в Новый Петергоф, куда предварительно были командированы три сотни Конвоя, принявшие на себя охрану Петергофского Дворца внутренними постами и конными разъездами в Императорских парках.

С прибытием трех сотен в Новый Петергоф был восстановлен обычный порядок службы всех сотен Конвоя при Высочайшем Дворе.

Выбор казаков для службы в Конвое

Для того, чтобы этот порядок службы Конвоя отвечал всем требованиям несения таковой, для комплектования Конвоя были установлены особые правила. Эти правила, главным образом, заключались в том, что в Конвой Его Величества офицеры и казаки не назначались, а выбирались. Офицеры – из строевых частей, а казаки – из всех станиц Кубанского и Терского Казачьих Войск, куда для этой цели командировались офицеры Конвоя.

Для выбора казаков в гвардию командированные офицеры объезжали все станицы своего Войска. До отбытия в командировку офицеры обычно спрашивали казаков Конвоя, знают ли они кого из своих станичников, достойных быть принятыми в Конвой Его Величества. Конвойцы, сговорившись между собою, запрашивали в письмах стариков-отцов и старых гвардейцев своей станицы и, по совету их, указывали офицеру кандидатов из видных и уважаемых казачьих семейств.

Прибыв в Войско, офицер Конвоя через Войсковой Штаб ставил в известность атаманов станиц о том, когда он прибудет в их станицу. Атаманы станиц представляли офицеру всех молодых казаков своей станицы, закончивших положенный срок строевого обучения в «приготовительном разряде», и предназначенных уже к «действительной» службе. Кроме того, по выбору атамана и стариков, были представляемы и некоторые особо достойные урядники. Если эти урядники принимались на службу в Конвой, то они сохраняли свое звание и носили мундир урядника, но служили в гвардии на положении рядового казака.

Списки выбранных из всех станиц Войска отправлялись в Войсковой Штаб. Выбирая молодых казаков в Конвой, офицеры не требовали положенного «гвардейского роста» – 2 аршина и 8 вершков от избранных ими отличных джигитов, танцоров и песенников.

Получив сведения о кандидатах на службу в Императорский Конвой, Войсковой Штаб предписывал атаманам станиц командировать их в свои Отделы, для прохождения строевой и медицинской комиссий. В строевой комиссии присутствовал и ветеринарный врач для осмотра собственных лошадей молодых казаков, на предмет их годности для службы в гвардии.

Конвойцы обязаны были иметь рослых, вполне исправных и только гнедой масти строевых лошадей. В Конвое

командир, штаб-офицеры и трубачи сидели на светло-серых конях. Трубачи Его Величества, следовавшие непосредственно за Государем Императором при всех Высочайших смотрах, маневрах и парадах, имели прекрасных арабской крови коней.

Казаки покупали лошадей от известного в Кабарде коннозаводчика Коцева, у которого выбирал лошадей в гвардию лично войсковой ветеринар. Окончательный отбор будущих конвойцев производился в мае, для чего все, благополучно прошедшие в своих Отделах строевую и медицинскую комиссии казаки, сосредотачивались на сборных пунктах: Кубанцы в Екатеринодаре, Терцы во Владикавказе. Здесь офицеры Конвоя производили свой последний выбор и утверждали список молодых казаков[162].

Окончательно выбранные в Конвой казаки обязаны были:

1. В Войсковой больнице еще раз пройти медицинскую комиссию.

2. В Войсковой ремесленной школе приобрести за свой счет новое строевое гвардейское седло, луки ленчика которого должны были быть отделаны тонким белым рогом. К ленчику: положенную по уставу подушку, желтый потник и митюк, сшитый из хорошей кожи; треногу недоуздок и, украшенные кавказским набором, уздечку, нагрудник и пахвы. Кроме того, к седлу черный кожаный чепрак, обшитый кругом желтым широким гвардейским басоном[163].

---

[162] Сборный пункт у Кубанцев был так называемый «Разгонный пост». Этот пост сохранил до последних дней борьбы с красными на Кубани историческую вышку, с которой казаки при приближении неприятеля объявляли тревогу.

[163] У офицеров Конвоя чепрак обшивался кавказским галуном. Чепраки полагалось иметь при парадной форме. Офицерам поставлял седла знаменитый на весь Кавказ работой своей мастерской казак ст. Баталпашинской Калаушин. Покупались седла и в Войсковых ремесленных школах.

3. Там же, в Войсковой ремесленной школе, купить башлык темно-коричневого цвета и бурочные сапоги. (Башлык в Конвое употреблялся только в ненастную погоду зимой, при наряде в конные патрули).

Из собственного обмундирования и вооружения казаки, выбранные в Конвой, должны были иметь: 1. Хорошего курпея установленного размера папаху. 2. Одну серую черкеску. 3. Один бешмет. 4. Две пары белья. 5. Одни шаровары. 6. Две пары легких сапог (одна пара кавказских чувяк с ногавицами). 7. Одну бурку. 8. Отделанную в серебре кавказскую казачью шашку с портупеей. 9. Такой же кинжал с поясом.

Клинки шашек и кинжалов изготовлялись по заказу Войскового Штаба Златоустовской оружейной фабрикой. Эти клинки имели в верхней своей части около рукоятки штампованные буквы: К. К. В. или Т. К. В. (Кубанское Казачье Войско – Терское Казачье Войско) и на обратной стороне З. О. Ф. (Златоустовская оружейная фабрика).

Разрешалось иметь шашки и кинжалы другого изделия, но на службу почти все казаки выходили с холодным оружием, имеющим златоустовские клинки. Несмотря на то, что эти клинки были личной собственностью, казаки называли их «казенными».

Офицеры Конвоя имели по несколько шашек и кинжалов со старинными (Гурда и др.) и современными клинками. Ножны шашек, кроме золотого и серебряного набора «с чернью», обшивались алым (по цвету мундира) сукном, расшитым офицерским гвардейским галуном. Огнестрельное оружие у казаков было казенное и не являлось собственностью казака. Это оружие – трехлинейную кавалерийскую (т. е. укороченную) винтовку образца 1891 года и револьвер системы «Наган», выбранный на службу в гвардию казак получал по прибытии в Конвой Его Величества[164].

---

[164] В Конвое все казаки были вооружены, кроме винтовок, и револьверами.

Одновременно с прохождением в Войсковой больнице медицинской комиссии, покупкою седел, заменою лошадей и другими приготовлениями, с казаками, выбранными в Конвой, ежедневно производились строевые занятия, выводки лошадей, осмотр и проверка всего снаряжения и обмундирования.

Накануне отбытия эшелона молодых казаков в С. Петербург в двадцатых числах мая, служился напутственный молебен и священник, благословляя казаков на службу в Государев Конвой, кропил святой водою их строй.

И, наконец, отбывающим на службу в Конвой казакам производил смотр Наказный Атаман. Это не был смотр в буквальном смысле этого слова, ибо это был «смотр отца своим детям», которых он, как Глава всего Войска, с отцовскою любовью и гордостью отправлял на почетнейшую службу Престолу и Родине.

Станицы, посылая в Конвой своих лучших, известных всей станице казаков, не только ими гордились, но и в лице атамана, его помощников и «доверенных», подписывали отдельно для каждого выбранного из их среды казака особый приговор, в котором станица ручалась за своего представителя, что являлось одним из главных требований при выборе молодых конвойцев.

О том, как в станицах старые конвойцы и старики казаки заранее присматривались, намечали и воспитывали тех молодых казаков, которые, по их наблюдению, были бы достойны для службы в гвардии, один из казаков-конвойцев, в своих воспоминаниях, описывает:

> «В 1907 году я был еще юноша 17-ти лет. Мой покойный отец и его несколько приятелей обычно работали вместе. Помогал отцу в работе и я. Почему-то к нам стал на работу приходить один старый конвоец и рассказывал о своей службе. Я с большим вниманием

его слушал. Я видел, как при своих рассказах он посматривал на меня. Однажды, в присутствии отца и его приятелей, конвоец неожиданно прервал свой интересный рассказ и, указывая на меня пальцем, сказал: «Ты будешь служить в Конвое!» Я тогда не мог понять, как это может быть. Стали мне подходить мои годы к службе, и в станице пошли разговоры, что Лашук – это гвардеец в 1909 году. А когда я женился, то на свадьбе мой дед дал мне 100 рублей и сказал: «пойдешь в гвардию, это я дарю тебе на коня».

«В 1910 году я действительно пришел на службу в Конвой, как указали на меня старики, и как желал мой дед, умерший в том же году…»[165]

Эшелоны выбранных в Конвой Кубанцев и Терцев встречались на станции Тихорецкой, и далее следовали совместно. В пути бывали одна или две остановки для выводки лошадей. В конце мая эшелоны с молодыми казаками, с которыми возвращались и командированные в Войска офицеры, прибывали в Царское Село.

О прибытии молодых казаков в Царское Село М. В. Лашук пишет в своих воспоминаниях:

«К 12 ч. ночи прибыли на станцию Александровскую, возле Царского Села. Версты 4 от города ясно видны нам главы собора. Несколько старых казаков пришло нас встречать и были присланы обозные подводы для наших вещей. Мы быстро выгрузились и в конном строю пошли по направлению собора. Не доезжая собора, свернули влево к казармам. Остановились у казарм, привязали лошадей к коновязям и смотрим один на другого: что такое? 2 часа ночи, а светло! Старые казаки смеются и посылают нас спать...»

---

[165] Из воспоминаний М. В. Лашука.

К прибытию молодых заканчивали свою службу в Конвое старые конвойцы, отслужившие свой 4-хлетний срок.

Молодые казаки представлялись Государю Императору совместно со старыми, закончившими свою службу при Высочайшем Дворе.

Для представления Государю, старые конвойцы и вновь поступившие выстраивались в пешем строю у Екатерининского Дворца. Молодые отдельно от старых. Государь Император сначала обходил строй старых конвойцев, благодарил их за службу и каждому лично жаловал нагрудный знак – «За службу в Моем Конвое».

Как только Государь заканчивал обход первой шеренги, подавалась команда: «1-я шеренга два шага вперед!», и Государь тогда прощался с конвойцами, стоявшими во второй шеренге.

Пожаловав уходящим со службы конвойцам нагрудный знак, Государь еще раз благодарил их за службу и поздравлял всех с переименованием в урядники. Затем Его Величество подходил к строю молодых, здоровался с ними и, обходя их, внимательно их осматривал. В Своем первом слове, обращенном к вновь прибывшим казакам, Государь указывал им на то, чтобы они служили по примеру своих братьев, только что закончивших службу в Его Конвое.

Для этого Высочайшего смотра молодых казаков переобмундировывали в специально построенную для них форму: черкески кавказского «дачкового» сукна, табачного цвета, при белом бешмете. После представления Государю, эти черкески и бешметы сдавались в цейхауз Конвоя, и молодые казаки за все время своего прикомандирования и обучения всем правилам конвойной службы, носили свои собственные серые черкески.

Прибывшие в Конвой из Кубанского и Терского Войск молодые казаки не составляли отдельной команды, а разби-

вались по всем 4-м сотням. Для этой разбивки выстраивали их по общему ранжиру в одну шеренгу. Кубанцы отдельно от Терцев. По команде: «на первый и второй расчитайсь!» первые №-ра составляли одну шеренгу, вторые №-ра 2-ую. Командиры сотен тянули между собою жребий, в какую сотню какая шеренга. Затем давалось известное время для заявлений отдельных просьб молодых казаков о переходе в другую сотню, для совместного служения с родственниками или станичниками.

С первых же дней прибытия молодых казаков в Конвой с ними велись строевые занятия, для чего в каждой сотне назначался один офицер и необходимое число урядников Конвоя. Общее же наблюдение за обучением вновь принятых в Конвой казаков вел помощник командира по строевой части и офицеры, выбиравшие их в своих Войсках.

Для молодых это было большое напряжение. День начинался в 5 часов утра утренней уборкой лошадей, а затем в течение целого дня они были под строгим обучением и наблюдением старых конвойцев. В подготовке молодых принимали участие не только их непосредственные начальники, но и все старые казаки их сотен, а в особенности станичники вновь прибывших в Конвой молодых, способствуя тому, чтобы как можно скорей придать молодым не только настоящую гвардейскую выправку, но и обучить их всем тонкостям и правилам службы при Высочайшем Дворе.

В казармах, после вечерней зари, до поздних часов шло «добровольное» обучение того, что принято называть «словесностью». Но при этой словесности, кроме толкования и пояснения обычных правил службы, старые конвойцы давали молодым свои собственные наставления. И действительно, в воинских уставах Русской Императорской Армии нельзя было найти этих указаний.

«Отвечай мне, как Государю Императору!» – Следует ответ.

«Отвечай громче, но не выкрикивай отдельных слов!»

«Отвечай мне, как Государыне Императрице!»

«Неправильно! Государыне нельзя отвечать так громко. Отвечай только вполголоса и смотри, с тобою Государыня Императрица здороваться не будет, а только изволит наклонить Свою голову.»

«Становись на пост! Отвечай еще раз, как Государыне Императрице, когда я пройду мимо тебя и поздороваюсь с тобою наклоном головы.»

Таких наставлений было много, и их трудно учесть. Они создавались и вырабатывались самими же конвойцами, как результат их собственных наблюдений при несении службы в Императорском Дворце. По окончании обучения и смотра помощника командира по строевой части, молодые казаки принимали присягу.

К этому дню готовились все, и старые и молодые, ибо, приняв присягу, молодые становились настоящими гвардейцами и, получив мундир Конвоя, назначались на службу.

Из Большого Екатерининского Дворца, в торжественной обстановке, выносились два Штандарта Собственного Его Величества Конвоя (Кубанский и Терский).

Так как среди молодых казаков был достаточный процент старообрядцев (главным образом среди Терцев), в царствование Государя Императора Николая II Александровича на присяге присутствовало два священника, православный и старообрядческий.

После совершения священниками положенной молитвы, адъютант Конвоя объявлял молодым казакам о тех подвигах, за которые жаловался Георгиевский Крест. Но, кроме чтения правил о наградах, сейчас же следовало сообщение о наказаниях, налагаемых на воинских чинов за проступки, совершенные, главным образом, в военное время. Затем священники громко, но медленно, останавливаясь почти на

каждом слове, читали текст воинской присяги, установленной еще Императором Петром Великим. Вслед за священниками молодые казаки, подняв правую руку вверх со сложенными пальцами для крестного знамения, повторяли:

«Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому и Его Императорскому Высочеству Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавству силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности исполнять.

Его Императорского Величества государства и земель от его врагов, телом и кровью в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление, и во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может.

Об ущербе же Его Императорского Величества интереса, вреде, убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но всякими мерами отвращать и не допущать потщуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленным надо мною начальникам во всем, что к пользе и службе государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства и дружбы и вражды против службы и присяги не поступать: от команды и знамени, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду, и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму, расторопному казаку надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий. В заключение сей клятвы, целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь!»

После присяги молодые конвойцы назначались на службу, но с таким расчетом, чтобы в каждом наряде они служили со старыми казаками, знающими все правила и инструкции службы при Высочайшем Дворе. На посты, где положено иметь парных часовых, назначался один старый и один молодой. Каждый конный пост вокруг решетки Императорского Дворца имел в своем составе как старых, так и молодых казаков. В наряды по «Встрече», дежурных к Дворцовому телефону и к телефону в офицерское собрание Конвоя обязательно входил кто-либо и из молодых. Вообще все наряды, а в том числе и внутренние, как дежурные и дневальные по сотням и конюшням, молодые несли совместно со старыми казаками, под их надзором и наблюдением, но чистить сотенный двор и коновязь после уборки лошадей обязаны были только молодые казаки.

При переводе в Конвой и в последующие годы службы в нем, все казаки получали, сроком на один год, следующее казенное обмундирование:

1. Алую черкеску — парадный мундир………………….. 1
2. Белый бешмет к парадному мундиру………………… 1
3. Синюю черкеску — вицмундир…………………….. 2
(Один мундир большого размера, дабы его можно было надевать на теплый бешмет-шубу).
4. Алый бешмет, к вицмундиру……………………….. 2
5. Синие гвардейские шаровары……………………….. 2
6. Хорошего курпея черную папаху……………………. 1
7. Кобуру для револьвера……………………………... 2
(К синему мундиру — черной кожи, к алому — алого сукна).
8. Белую тесьму (носилась через левое плечо и надевалась при парадной форме)……………………………… 3 аршина
9. Черную тесьму для револьвера……………………… 6 аршин
10. Алый сафьяновый пояс, прошитый двумя гвардейскими басонами, для парадного мундира……………… 1
11. Погонный ремень для винтовок, к парадной форме белый и черный для вицмундира…………………… 2

12. Шубу (теплый бешмет), выдаваемую сроком на четыре года. Они имели мягкую шерсть, были легки и удобны для службы верхом

К концу службы у каждого уходящего в Войско конвойца хранилось в его сундуке по несколько отслуживших свой срок мундиров. Эти мундиры переходили в их собственность и с гордостью ими носились в их станицах. В станицах часто можно было видеть старых гвардейцев в алой офицерской фуражке. Это была, конечно, известная вольность, т. к. казакам Конвоя фуражка, да еще офицерского образца, присвоена не была. Фуражку и офицерское пальто казаки Конвоя заказывали себе перед уходом со службы в свои Войска. Офицеры Конвоя об этом знали, но знали и то, что это была традиция старых конвойцев, желавших и помимо своего мундира, в обычной повседневной обстановке, внешне подчеркнуть то, что они – гвардейцы.

Сверхсрочнослужащие конвойцы получали двойной комплект обмундирования. Трубачи Его Величества, Штандартные подхорунжие, вахмистра сотен и почти все взводные урядники Конвоя были таковыми. Вахмистр сотни Василий Попов служил в Конвое 22 года. Вахмистр Никон Попов – 25 лет. Ему были устроены торжественные проводы, после которых казаки вынесли на руках со второго этажа казармы своего старого и всеми уважаемого вахмистра. Последний старший трубач Его Величества, вахмистр Захарченко, служил в Конвое более 30 лет[166].

Помимо казенного обмундирования, казакам Конвоя было положено «денежное довольствие» по следующему окладу:

---

[166] Многие из сверхсрочнослужащих были семейные и жили в отведенных для них казенных квартирах. Из воспоминаний старых конвойцев С. И. Полупанова и М. В. Лашука.

Рядовой…………………………………….	1 рубль в месяц
Младший урядник………………………	2 рубля в месяц
Старший урядник………………………..	3 рубля в месяц
Вахмистр………………………………………	5 рублей в месяц

Всем казакам Конвоя, кроме этого основного жалования, по повелению Государя Императора после каждого парада в Высочайшем присутствии жаловалось по 1 рублю, а при всякой служебной командировке – 20 копеек в сутки. Для улучшения довольствия, от Министерства Двора, 9 рублей в месяц. На исправное содержание собственного снаряжения, «ремонтные» деньги, вместе с «чайными» и «мыльными», составляли общую сумму 130 рублей в год. Кроме этих денег, конвойцы ежемесячно получали «фуражные» деньги на «вторую лошадь», которой фактически у казаков Конвоя не было.

Получение денег на «вторую лошадь» конвоец М. В. Лашук поясняет так: «В старое время, когда еще не было железных дорог, казаки с Кавказа шли в Петербург для службы в Конвое на двух лошадях, из коих одна была вьючная. Когда стали эшелоны молодых отправлять в Конвой по железной дороге, то вьючных лошадей отменили, но выдача денег на вторую лошадь не отменялась!..»[167]

Казакам Конвоя все причитающиеся им деньги, за исключением месячного жалования, на руки не выдавались. Командиры сотен вели им строгий учет, сдавая деньги в Сберегательную Кассу, на личную книжку каждого казака своей сотни. Каждый месяц 20-го числа командиры сотен опрашивали казаков своей сотни, сколько рублей хочет получить на руки; столько и выдавали, а остальные деньги хранились в Сберегательной Кассе. Когда же конвоец заканчивал свою действительную службу и уходил в запас Конвоя, то,

[167] Суточная дача фуража строевым лошадям в Конвое: сено – 18 фунтов. Зерно – 12 фунтов. И для подстилки соломы – 4 фунта.

смотря по его желанию, он или получал все свои, заслуженные им за 4 года службы, деньги на руки, или они переводились в другой банк, по его указанию.

Старым конвойцам, уходившим в Войско, разрешалось продавать своих строевых лошадей. За три месяца до отбытия старослужащих конвойцев на Кавказ, в столичных газетах объявлялось о том, что в назначенное время будут в Конвое продавать известное количество лошадей. В большинстве случаев этих лошадей покупали любители верховой езды, и платили они конвойцам хорошо.

Казаки, числившиеся в запасе Конвоя, при мобилизации или при вторичном вызове на службу, обязаны были купить нового строевого коня. При продаже лошадей лучших из них оставляли в Конвое, и о количестве задержанных лошадей ставился в известность офицер, набиравший в Войске молодых казаков.

До последнего представления Его Величеству, приказом по Конвою старые конвойцы производились в урядники. В истории Конвоя были очень редки случаи увольнения казаков без переименования в урядники и с лишением гвардейского мундира. Это влекло за собою невозможное и позорное появление в станицу, из которой потом в течение нескольких лет не принимали казаков в Конвой.

В 1913 году, один из казаков-конвойцев, за опоздание из отпуска в нетрезвом виде, был лишен гвардейского мундира. Сознавая, что своим поведением он опозорил родную станицу, своим приговором поручившуюся за него, казак покончил жизнь самоубийством, застрелившись из казенного револьвера[168].

К отбытию на Кавказ эшелона закончивших свою службу в Конвое казаков, на вокзал для провода их прибывал командир или заменявший его помощник по строевой части, и все

---

[168] Из воспоминаний о службе в Конвое С. И. Полупанова.

свободные от службы офицеры. Эшелон отбывал под командою двух офицеров, командированных в Кубанское и Терское Войско для очередного набора молодых казаков.

На границе Войска старых конвойцев встречал Наказный Атаман и, от имени всего Войска, благодарил их за службу в Конвое Его Величества. Эшелоны Кубанцев и Терцев составлялись так, чтобы на каждой станции можно было оставлять вагон с казаками ближайших к этой станции станиц.

По окончании одного года службы молодых казаков в Конвое, тех из них, кто проявил особое усердие к службе и наиболее был достоин в будущем занять должность урядника, командировывали в Учебную Команду Конвоя. Команда имела свое отдельное помещение при казарме сотни, находившейся на службе в Петербурге. Команда занималась в своем удобном и просторном помещении с гимнастическим залом. Для конных учений выезжала на Марсово поле или в манеж за Троицким мостом.

Казаков, успешно окончивших полный курс Учебной Команды, приказом по Конвою производили в урядники, и им жаловались серебряные часы с цепью. На крышке часов был изображен устав, перо и подкова. Кроме Учебной Команды, из каждого взвода всех четырех сотен Конвоя выбирали желающих пройти специальный курс образцовой ковки, под руководством ветеринарного врача. Курс обучения продолжался 9 месяцев. Казаки, прошедшие с успехом этот курс, после поверочного экзамена тоже получали серебряные часы. На цепочке к часам – брелок: подкова с молотком. На верхней крышке часов была изображена подкова, вокруг которой надпись: «За отличную ковку».

Служба Конвоя при Высочайшем Дворе

Каждое лето Царская Семья совершала свое обычное плавание в Финские шхеры на Императорской яхте «Штандарт». От Собственного Конвоя сопровождали Августейшее Семей-

ство только командир Конвоя и урядник-ординарец Его Величества. Службу ординарца при Государе Императоре сотни Конвоя несли по очереди. Назначался на этот, особо почетный и ответственный пост лучший урядник сотни, сроком на 6 месяцев. Выбор Царского ординарца производил командир Конвоя, по совету его помощника по строевой части и командиров сотен, но утверждал выбор ординарца Министр Императорского Двора. Ординарец постоянно находился при Государе Императоре, всюду Его сопровождал. При выездах Государя, ординарец сидел рядом с кучером или с шофером. В Императорском поезде он имел свое купе в вагоне, находившемся непосредственно за Царским вагоном. Ординарец Государя жил во Дворце, где и получал довольствие. По окончании его 6-тимесячного срока службы, Государь Император жаловал Своего ординарца золотыми часами с государственным гербом. Так же в Императорских Дворцах находились и камер-казаки Их Величеств Государынь Императриц, конвойцы: старший урядник Ящик – кубанец, и терец – старший урядник Орел.

Во время пребывания Царской Семьи в Финских шхерах все три сотни Конвоя, несшие службу в Петергофе, вели усиленные строевые занятия. Это было единственное время, когда казаки Конвоя не занимали в Императорских Дворцах постов и караулов, а потому сотни могли вести занятия в полном своем составе.

Одновременно с конными и пешими сотенными учениями, сотни Конвоя проходили положенный курс учебной стрельбы на Ораниенбаумском стрельбище, куда конвойцы отправлялись по железной дороге с вокзала Новый Петергоф. Лучшим стрелкам выдавались призы. Получившие первые призы награждались серебряными часами, с золотой пластинкой на верхней крышке часов. На пластинке изображение двух перекрещивающихся винтовок, вокруг которых надпись: «За отличную стрельбу.» За отличную стрельбу из

револьвера приз не выдавался, а в приказе по Конвою объявлялись фамилии лучших стрелков из револьвера с указанием, к какой сотне они принадлежат. Это указание вызывало естественное соревнование сотен. Дабы приказом по Конвою получить звание лучшего стрелка из револьвера, надо было стрелять три раза по семи патронов, и все 21 пуля должны были попасть в цель.

В Конвое при строевом обучении особенное внимание было обращено на лихую джигитовку, для чего также были установлены призы: шашки, кинжалы, седла, револьверы и часы. Младший урядник Рева, казак станицы Дядьковской, за все время своей службы получил за джигитовку 12 первых призов.

В 1899 году на Кавказе в Аббас-Тумане в Бозе почил, в возрасте 28 лет, Брат Государя, Наследник Цесаревич Великий Князь Георгий Александрович. По желанию Государыни Императрицы Марии Федоровны, все чины команды от 1-го Хоперского, Ее Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны, полка Кубанского казачьего Войска, находившейся на службе при почившем Наследнике Русского Престола во время Его пребывания в Аббас-Тумане – сотник Жуков, сотник Шапринский и 22 казака, были зачислены в Конвой Его Величества. Также как исключение из общих правил о приеме офицеров в Конвой, по Высочайшему (повелению были приняты в Государев Конвой персидский принц Риза Кули Мирза и Терского Войска сотник Панкратов. Принц – как крестный сын Государя Императора Александра III, при переходе его из мусульманской религии в православие. Принц был сверхштатным офицером и за время его службы в Конвое строевой должности не занимал.

Сотник же Панкратов во время Японской войны был тяжелоранен и находился на излечении в одном из госпиталей в Царском Селе. Состояние здоровья сотника Панкратова

было критическое, и персонал госпиталя считал, что дни его сочтены.

Постоянно посещавшей военные госпитали Государыне Императрице Александре Федоровне доложили о том, что сотник Панкратов находится при смерти. Государыня сейчас же подошла к нему, милостиво с ним беседовала и, с присущей Ей любовью и Царским вниманием ко всем раненым русским воинам, спросила его, имеет ли он какое-либо желание, Она с радостью хотела бы ему помочь. Сотник Панкратов ответил: «Хочу служит Его Величеству!»

Сотнику Панкратову было оказано исключительное внимание, и он, действительно только по милости Божьей и заботами самой Государыни, был спасен от смерти, а по Высочайшему повелению зачислен в Конвой, где впоследствии командовал Л.-Гв. 3-й Терской сотней.

Служба в Конвое требовала от всех чинов его строжайшей дисциплины и усиленного напряжения в исполнении своих служебных обязанностей, в особенности во время пребывания Августейшей Семьи в Царском Селе.

Город Царское Село, где Императорская Семья проводила обычно зиму, находился в 20 верстах к югу от Петербурга. Над всем городом возвышался «Большой Дворец» – Екатерининский Дворец. Недалеко от Большого Дворца в парке, прорезанном озерами, была главная Резиденция Августейшей Семьи Государя Императора Николая II Александровича – Александровский Дворец. В этом Дворце Царская Семья занимала один флигель. Государь и Государыня имели Свои покои в нижнем этаже, а Их Дети – в верхнем, в так называемой «Детской половине». В среднем корпусе помещались парадные покои, а противоположный флигель был занят некоторыми лицами Свиты Государевой.

Приемный кабинет Государя и гостиная Государыни между собою были соединены особым коридором. Обстановка кабинета Государя была проста и скромна, как и вся

личная жизнь Царской Семьи. Большой письменный стол. У окна другой стол, с книгами, журналами и газетами. За письменным столом висел портрет Государя Императора Александра III. На стенах несколько картин русских художников. Перед кабинетом Государя была приемная комната. Посередине ее стоял стол с альбомами. На одной из стен приемной комнаты находился во весь рост портрет Государыни Императрицы Александры Федоровны.

В Царском Селе каждая сотня Конвоя несла наряд в течение почти двух суток подряд, и только на третьи сутки была свободна. Кроме того, это напряжение усиливалось еще и тем, что Конвой, неся службу при Высочайшем Дворе и занимая своими постами и караулами Императорский Дворец, имел свои, только для него присвоенные, правила и инструкции. Эти правила резко отличались от требований воинского устава гарнизонной службы, утвержденного для всей Русской Императорской Армии. Согласно этому уставу, всем часовым положено стоять на посту 2 часа. Казаки Конвоя стояли на посту 4 часа!

Устав гласит: «Часовой – воинский чин, поставленный на пост с огнестрельным или обнаженным холодным оружием в руках». Часовой от Конвоя имел винтовку за плечами, шашку в ножнах, только кобура от револьвера была отстегнута. Офицер Конвоя, назначенный в ночной караул и находясь во Дворце, ничьих приказаний[169], кроме личного повеления самого Государя Императора, не исполнял.

Из трех сотен Конвоя, находившихся в Царском Селе, одна, приказом по Конвою, назначалась дежурной сотней. На другие сутки эта же сотня несла наряд, как «поддежурная сотня». И только на третьи сутки считалась свободной. Но, после небольшого отдыха (только до обеда) и необходимой

[169] В том числе и Министра Императорского Двора, которому Конвой был непосредственно подчинен.

чистки оружия, т. к. при любой погоде конвойцы круглые сутки несли службу постов вокруг решетки Императорского Дворца, эта сотня была обязана вести строевые занятия, ибо другого времени для занятий совершенно не было. Конное учение происходило на Софийском плацу, а пешее в сотенном дворе; во время плохой погоды – в большом гимнастическом зале казарм Конвоя.

Дежурная сотня несла следующие наряды:

1. Александровский Дворец. Дневной караул до 12 часов ночи. Караул имел два поста парных часовых, с одним урядником-начальником караула и одним запасным часовым; и один одиночный пост, так называемый «пропускной пост». Всего в карауле – 21 человек.

Парный пост № 1. – у главного подъезда внутри коридора Дворца (казаки стояли на небольших коврах, специально предназначенных для часовых).

Парный пост № 2. у Собственного Его Величества подъезда.

Одиночный пост № 3. – Пропускной пост, находился в «туннели» Дворца. На этот пост назначались три урядника; и они занимали его в течение суток, служа на посту по 4 часа.

Все посты имели 3 смены. Первая смена несла службу от 8 часов утра и до 12 часов дня. Вторая – от 12 часов дня до 4 часов дня. Третья – от 4 часов дня до 8 часов вечера и далее до 12 ночи первая, до 4 утра вторая и до 8 часов утра третья.

Днем, отстояв 4 часа на посту, часовые отправлялись в казарму своей сотни, где находилась и отдыхающая очередная смена. Вторая смена, служившая от 12 до 4 часов дня, должна была присутствовать на вечерней уборке лошадей. Все чины дневного Дворцового караула довольствие получали в сотне.

Ночной караул. К 8 часам вечера первая смена – шесть человек, из казармы своей сотни прибывала во Дворец на службу. К 11-ти часам ночи перед офицерским собранием выстраивались 13 конвойцев, входивших в состав ночного

караула. А именно: 2-я и 3-я дневные смены – 8 казаков. Три запасных, один трубач и один урядник разводящий (всего в ночном карауле 1 офицер и с пропускным постом 21 казак). Посыльный при офицерском собрании докладывал дежурному офицеру по Конвою о прибытии ночного караула, и дежурный офицер «по первой встрече», осмотрев исправность караула, вел его в Александровский Дворец.

Во Дворце караул помещался в «подвальном» этаже. Для дежурного офицера была отдельная комната, куда дворцовый лакей приносил офицеру холодный ужин. До тех пор пока Государь Император не удалялся в Свои личные покои, прибывшие в ночной караул казаки и офицер оставались в караульном помещении. Внутри Дворца службу продолжала нести первая дневная смена. В 12 часов ночи, а иногда позже, к дежурному офицеру Конвоя приходил камер-лакей Государя и докладывал: «Ваше Высокоблагородие, Его Величество изволил лечь опочивать». Офицер со второй сменой поднимался наверх, и вторая смена вступала на службу. Третья очередная смена оставалась отдыхать в караульном помещении. Смененная же первая смена отдыхала, сидя в проходной комнате у Собственного Его Величества подъезда. В этой же комнате в течение всей ночи находились офицер-начальник караула, урядник разводящий, три запасных часовых и трубач.

Ночной караул выставлял пять постов. В главном подъезде Александровского Дворца, на том месте, где днем стояли парные часовые. У Собственного подъезда Государя. В розовой угловой гостиной Государыни Императрицы. В библиотеке Государя, рядом с комнатой, где находилась Детская горка, и у винтовой лестницы, ведшей в «Детскую половину».

Караул нес службу до 8 часов утра, когда обычно Государь изволил вставать, и во Дворце ночные посты сменялись дневными парными часовыми от нового караула. Ночью во Дворце, кроме часовых конвойцев, несколько внутренних постов

занимали солдаты Сводного полка, но дежурный офицер был только от Конвоя. В течение ночи офицер несколько раз обходил все посты и проверял исправность несения службы. В полуосвещенном Александровском Дворце была полная тишина. Едва были слышны шаги сменявшихся часовых – все конвойцы ночного караула имели кавказские чувяки. (При следовании во Дворец, поверх чувяк надевались неглубокие кожаные галоши).

Об этой ночной службе конвойцев Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминает: ...«Сколько лиц я вспоминаю с детства в Гатчинском Дворце – и слышится мягкий звук их ног в чувяках, топая (в ногу) ночью по коридорам при смене... В особенности приятно ночью знать, что около нас – наши любимые казаки...»[170]

В 5 часов утра, через «пропускной пост» приходили во Дворец полотеры и служащие дворцовой оранжереи с корзинами свежих цветов. Несмотря на то, что они уряднику Конвоя, находившемуся на пропускном посту, были известны в лицо, его обязанностью было у каждого дворцового служащего проверить его личное удостоверение, с фотографической карточкой и подписью Коменданта Императорского Дворца. При приходе этих служащих на верх Дворца и перед исполнением ими своих обязанностей, их самих и приносимые ими корзины с цветами вторично осматривал и проверял урядник ночного караула.

После смены ночного караула дворцовый лакей приносил дежурному офицеру Конвоя кофе и утренний завтрак.

2. Конные посты вокруг решетки Царскосельского Александровского Дворца. На эту службу от дежурной сотни назначалось 54 конвойца, их коих 48 казаков и 6 урядников.

---

[170] Письмо Великой Княгини Ольги Александровны от 29 сентября, 12 окт. 1959 года.

Всего постов было 16 и на каждые 8 постов, 1 урядник разводящий. Посты несли службу круглые сутки по 4 часа. Район службы постов: от главных ворот Дворца, мимо «Слонового дома» по Баболовскому шоссе и до «Малого Каприза», у Китайского Павильона. Там, где решетка Дворца прибегала к городу, ее занимали своими постами солдаты Сводного полка.

Служба конных постов – напряженная служба, в особенности ночью, при больших морозах. Разведя свои 8 постов, урядник разводящий все время их объезжал и проверял. В случае, если кто из находящихся на посту казаков сильно замерзал, разводящий становился на его место, а часовой, с разрешения своего разводящего, слезал с коня и для того, чтобы размяться и согреться, бегал вдоль решетки, держа коня в поводу.

3. Наряд в Дворцовый телеграф – 2 конвойца. Их обязанность – доставлять все телеграммы, получаемые на Высочайшее Имя, а также на имя Министра Императорского Двора и Коменданта Дворца, в распоряжение которого от дежурной сотни высылался еще один конвоец. Казаки, служившие на телеграфе и у Коменданта Дворца, получали довольствие во Дворце и денежную награду от Коменданта Дворца.

Кроме этих нарядов от дежурной сотни назначался особый наряд Конвоя «Встреча» в составе 2-х офицеров, 2-х урядников и 6-ти казаков. Первой Встречей именовался наряд, который был предназначен для встречи Их Величеств при прибытии Государя Императора и Государыни Императрицы к какому-либо определенному месту. Вторая Встреча назначалась для той же цели, если после Первой Встречи непосредственно следовало Высочайшее прибытие в другое место.

Всего в день дежурства сотни, в караулы, конные и другие посты, назначалось 92 человека, что, с домашним нарядом, составляло почти весь наличный состав сотни.

Поддежурная сотня. На эту сотню возлагалась охрана Дворцовых парков, во исполнение чего сотня занимала их своими конными постами. А именно: в Баболовском парке – 4 поста. В Нижне-Царскосельском – 4 поста и в Павловском парке – 6 постов. В каждый парк, к постам его, назначался один урядник разводящий. Служба была только дневная, и неслась она с 1 часа дня до 6 часов вечера. От этой сотни назначались также в офицерское собрание 2 телефониста, 1 посыльный, 3 дневальных и 3 дневальных у Кузьминских ворот казарм Конвоя.

Каждый день в 7 часов утра в Царском Селе происходил развод караулов. Для развода весь наряд выстраивался в коридоре казарм дежурной сотни. На правом фланге караул в Александровский Дворец, левее его остальной наряд в следующем порядке: посты у решетки Дворца, назначенные на службу к Дворцовому телеграфу, посыльный к Дворцовому Коменданту, телефонисты и дневальные в офицерское собрание, дневальные к Кузьминским воротам и, на левом фланге, домашний суточный наряд дежурных и дневальных по сотням и конюшням.

Для встречи дежурного офицера весь наряд выстраивал дежурный по сотне урядник, который и докладывал рунду, что развод готов.

Рунд назначался тоже от дежурной сотни, обычно им был взводный урядник. Проверив наряд, рунд звонил по телефону в офицерское собрание, где находился дежурный офицер, и ставил его об этом в известность.

Дежурный офицер здоровался со всем нарядом, проверял правильность его, исправность снаряжения и вооружения, а затем проверял знание правил службы. Обходя фронт наряда, задавал вопросы, как полагается часовым стоять во Дворце, как надо вступающему на пост у решетки Дворца принять пост, т. е. осмотреть все мостики, кусты, канавы и пр. предметы, которые находятся в районе его поста. Проверял, точно

ли назначенные на конные посты знают, где начинается и кончается их пост. А затем, напомнив всем назначенным в наряд о том, какая на них лежит ответственности подавал команду: «Развод зарядить револьверы!» Когда команда была исполнена, дежурный офицер приказывал всему наряду занять свои места.

В других местах Резиденций Их Величеств в царствование Государя Императора Николая II Александровича порядок службы Конвоя был несколько изменен. Петергоф: Дворец «Александрия». Александрия – небольшой Императорский Дворец, вернее дача Августейшей Семьи, на самом берегу Финского залива. Внутренний караул днем имел два парных поста и один одиночный пост. Парный пост № 1 – у главного подъезда Дворца. Парный пост № 2 – у «Малого подъезда». Одиночный-пропускной пост у Дворцовых ворот. Ночной караул выставлял 3 одиночных поста, по одному часовому у подъездов и один пост наверху, около «переходного моста». Караул вступал на службу в 12 часов ночи. Сменившаяся смена сидела с офицером-начальником караула в комнате около второго Дворцового подъезда.

Наружные посты: 1. Три конных поста вокруг решетки Дворца. Служба постов круглые сутки. Смена через 4 часа. 2. Английский парк – 4 конных поста. 3. Озерки – 5 конных постов, от «Самсона», что у «Розового Павильона» с прудом, по Павловскому водопроводу и Озеркам, от Дворцовой мельницы, мимо колонны «Бельведера» и до Бельведерского Павильона на возвышенности и до деревни «Бабьи Ганы». 4. Ропшинское шоссе – 3 конных поста. На все эти 15 постов назначалось 4 урядника разводящих. В Петергофе конные посты, кроме постов вокруг решетки Дворца, несли службу от 1 часа дня до 5 часов вечера. Выставлялись они только во время пребывания Высочайших Особ в Петергофе.

Когда Царская Семья отбывала в Крым, в Ливадию, туда заранее отправлялись 2 сотни Конвоя, из коих дежурная

сотня несла внутренний караул во Дворце, и от нее же назначались конные посты вокруг Дворца. Внутренний караул имел 1 парный пост у главного подъезда и 1 одиночный-пропускной пост. Ночной караул – три одиночных поста. Начальник караула – урядник. Несение службы внутренним караулом проверял днем и ночью дежурный офицер Конвоя. Наружная охрана – 5 конных постов. Посты служили круглые сутки и сменялись через 4 часа. По шоссе, ведущему ко Дворцу, были конные посты и от Крымского конного дивизиона, впоследствии полка Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны.

Новый Ливадийский Дворец – красивое и светлое здание. Кабинет Государя имел большой балкон, с видом на море. Мраморные ступеньки Дворца соединяли его с морским берегом. Весь Дворец и постройки, к нему принадлежащие, окружал прекрасный парк.

Красное Село. Пребывание Государя в Красном Селе бывало обыкновенно осенью, во время маневров и Высочайшего смотра всем войскам Красносельского лагерного сбора. Днем во Дворец от Конвоя назначалось два поста. Парный пост у главного подъезда и одиночный у Собственного Его Величества выхода в сад. Ночной караул имел три одиночных поста. Один у подъезда, второй у выхода в сад и третий у спальни Государя Императора. Наружная охрана Дворца – три конных поста, вокруг ограды парка. Остальные конные посты назначались от полков Гвардейской Кавалерии.

Гатчино. Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна, в своем письме от 1-го октября 1958 года, изволила указать, что в Гатчинском Дворце конвойцы занимали следующие посты: «На «Медвежьей» площадке у винтовой лестницы (где жили брат М. А. и я) – 1 пост, у столовой – парный пост, у дверей в спальной – 1 пост, внизу винтовой лестницы – 1 пост и немного дальше у подъезда – 1 пост;

через «арсенал», на главный подъезд – 1 пост. Всего 6 постов»[171].

Гатчинский Дворец служил летней Резиденцией Вдовствующей Государыне Императрице Марии Федоровне. Зимой Государыня отбывала в Петербург в Аничков Дворец, а иногда уезжала в Данию. С Ее Величеством жили Ее младшие Дети – Великий Князь Михаил Александрович и Великая Княгиня Ольга Александровна. Часто к Государыне приезжала Ее Старшая Дочь Великая Княгиня Ксения Александровна со своими Детьми и Супругом, Великим Князем Александром Михайловичем.

Во время пребывания Государыни в Петербурге, в Аничков Дворец высылался караул Конвоя от сотни, находившейся в Петербурге. Караул, с начальником караула-урядником являлся во Дворец к 8-ми часам утра и оставался там до смены, получая довольствие во Дворце. Караул выставлял 3 поста. Пост № 1 – парные часовые в главном подъезде Дворца. Пост № 2 одиночный – у Собственного Ее Величества подъезда и № 3 – у лестницы, ведущей к покоям Великого Князя Михаила Александровича. Службу караула проверял дежурный офицер по Аничкову Дворцу. Кроме Аничкова Дворца, от сотни, служившей в Петербурге, высылался офицерский караул и в Зимний Дворец. Караул этот выставлялся только на Собственной Их Величеств половине и только во время пребывания Государя и Государыни в Зимнем Дворце. Караул имел 3 поста. Днем у Собственного подъезда стояли парные часовые. Комната дежурного офицера-начальника караула находилась в бывшей бане Императора Александра III, недалеко от Собственного подъезда. Караул помещался этажом ниже. Службу караул нес круглые сутки.

---

[171] Письмо Великой Княгини Ольги Александровны от 29 сентября, 12 окт. 1959 года.

Ежедневно приказом по Конвою назначался офицерский наряд:

1. Дежурный командир сотни.
2. Дежурный офицер по Конвою.
3. Дежурный офицер по «Первой Встрече».
4. Дежурный офицер по «Второй Встрече».
5. Дежурный офицер по Аничкову Дворцу.

К 12-ти часам дня Государю Императору приносилась от Конвоя проба. В присутствии дежурного офицера кашевар дежурной сотни наливал борщ и клал порцию мяса, каши и хлеб в специальные судки. Судки эти запирались на замок, второй ключ от которого был во Дворце. Пробу для Государя во Дворец нес конвоец от дежурной сотни. Судки покрывались суконным чехлом. Из Дворца приносились они всегда пустыми и передавались в следующую сотню, которая на другой день была дежурной.

По воскресеньям и праздничным дням офицеры Конвоя по особому наряду прибывали в Императорский Дворец к Высочайшему Выходу, а затем имели честь присутствовать за Высочайшим столом. В Царском Селе Высочайшие Выходы в обычные праздничные дни бывали после церковной службы, которую вся Царская Семья неизменно посещала.

Придворные чины, генералитет и все приглашенные офицеры, а также представлявшиеся Государю по делам службы генералы, командиры полков и полковые делегации ожидали Его Величество в особом зале.

Государь Император Николай II Александрович обходил всех присутствующих и со спокойным достоинством и Царственной простотой милостиво со всеми беседовал. А затем следовало приглашение к Высочайшему завтраку. Завтраки сервировались за отдельными столами. За столом Государя сидели Высочайшие Особы, лица Царской Свиты и приглашенные высшие военные и гражданские чины.

В Гатчинском и Аничковом Дворцах, Выход Ее Величества Вдовствующей Государыни Императрицы происходил до церковной службы. Государыня, в сопровождении Великого Князя Михаила Александровича и Великих Княгинь, выходила из внутренних покоев и следовала в придворную церковь к Божественной Литургии. Чины Двора Ее Величества, приглашенные лица, в числе коих и дежурный офицер Конвоя, ожидали выхода Государыни и приветствовали Ее глубоким поклоном.

По окончании церковной службы происходило обратное шествие Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. В эти дни дежурные по Гатчинскому или Аничкову Дворцам офицеры Конвоя имели честь быть приглашенными к Высочайшему столу, за которым почти всегда присутствовали Великий Князь Михаил Александрович и Великие Княгини Ксения Александровна и Ольга Александровна.

В ночь на 27-е января 1904 года Япония, без объявления войны, своим флотом атаковала внезапно русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. Хотя эта атака застала русскую эскадру врасплох, всё же огнем русских военных судов японцы были отброшены[172].

Известие о нападении японского флота и о начале войны своей неожиданностью поразило всех. Россия принуждена была вступить в войну. С первых же дней войны Государь Император постоянно выезжал к войскам, предназначенным для отправления на фронт. Кроме положенного наряда при Императорских поездах, во все города, куда Государь изво-

[172] Атакованные у берегов Кореи, крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец» мужественно приняв неравный бой, геройски погибли. – Япония начинала войны внезапным нападением: в 1894 г. на Китай, в 1904 на Россию и в 1942 году на С. Ш. А.

лил прибывать, для встречи Его заранее командировывались офицеры Конвоя с командою казаков.

В наступившей войне чины Конвоя не были на фронте, кроме подъесаула В. Логвинова, который, с разрешения Государя, отбыл в действующую армию и, по окончании войны, вновь был принят в Конвой.

Во время этой войны, несмотря на ряд военных неудач на суше и на море, Русской Армией и флотом было проявлено исключительное мужество и доблесть, в особенности при геройской защите Порт-Артура, в боях у Цусимы и в Маньчжурии. Русская Армия, пережив тяжелые бои, сохранила на достойной высоте свой боевой дух, способность маневрировать и готовность продолжать упорное сопротивление, с глубокою верою в свое решительное наступление на зарвавшегося коварного врага.

В результате, положение на фронте сложилось так, что, после своих больших первоначальных успехов, японская армия была не способна к дальнейшим активным действием, в то время, как Русская Армия с каждым днем укрепляла свои силы. Япония поняла несокрушимую волю России продолжать войну до конца, и ощутила все возрастающую мощь Русской Армии. Этот факт был засвидетельствован главнокомандующим японской армией Ояма, заявившим, что «после целого года, победоносно завершившегося для нас Мукденом, *японская армия в течение пяти с половиной месяцев не решалась перейти в наступление...*»

Русско-японская война была закончена мирной конференцией в С. Ш. А., в Портсмуте. Инициатива созыва конференции не принадлежала России.

Президент С. Ш. А. Рузвельт предписал своему послу в Петербурге предложить Государю Императору свое посредничество, дабы между Россией и Японией был заключен мир.

Государь изъявил Свое согласие на переговоры (желая узнать условия Японии), *но при непременном условии предварительного согласия со стороны Японии, дабы никоим образом не было представления о том, что Россия просит мира.*

26-го мая 1905 года Америка обратилась одновременно к России и Японии: «В интересах человечества сойтись для переговоров, чтобы положить предел ужасающей и прискорбной борьбе».

Портсмутская конференция началась 27-го июля. Япония представила свои условия: 1. Признание японского преобладания в Корее. 2. Возвращение Маньчжурии Китаю и увод из нее русских войск. 3. Уступка Японии Порт-Артура и Ляодунского полуострова. 4. Уступка южной ветки Китайской Восточной железной дороги. 5. Уступка Сахалина и прилегающих островов. 6. Возмещение всех военных расходов Японии. 7. Выдача русских военных судов, укрывшихся в нейтральных портах. 8. Ограничение права России держать флот на Дальнем Востоке. 9. Срытие укреплений Владивостока.

Государь Император, соглашаясь на переговоры, поставил Свои условия. Они были кратки: «Ни гроша контрибуции, ни пяди земли!..»

При таком требовании Государя Императора мирная конференция зашла в тупик. Президент С. Ш. А. и германский император просили Государя принять японские условия мира. Государь оставался непреклонен и, защищая честь России, готов был дальше продолжать войну, заявив: «Россия контрибуций ни в какой форме платить не будет! Россия – не побежденная нация и не находится в положении Франции в 1870 году.»

Президент Рузвельт, желая добиться соглашения и на основании того, что Россия владела южной частью Сахалина всего несколько лет, предложил компромисс: «пусть Япония возьмет себе южную половину Сахалина, а Россия уплатит ей

значительную сумму за возвращение северной части». Государь Император, желая показать свою готовность пойти навстречу Президенту Америки, согласился «в виде крайней уступки» на отдачу южной части Сахалина, но с условием: «японцы обязаны не укреплять ее, а северную половину вернуть без всякого вознаграждения».

16-го августа 1905 года, на заседании мирной конференции русская делегация огласила свои условия, следуя указаниям Государя Императора:

«1. Россия категорически отказывается платить какую-либо контрибуцию, соглашаясь уплатить только содержание своих пленных в Японии.

2. Соглашалась уступить южную часть острова Сахалина, но при условии безвозмездного возвращения северной его части.

3. Соглашалась эвакуировать Маньчжурию, но при условии, что Маньчжурия должна быть одновременно оставлена и японскими войсками.

4. Соглашалась передать Порт-Артур, но при условии такого же согласия и со стороны Китая.

5. Выдачу русских военных судов, находящихся в нейтральных портах, и какое-либо ограничение в праве держать свой боевой флот на Дальнем Востоке – Россия категорически отвергает.»

Российские уполномоченные заявили, что, по повелению Государя Императора, это – «последняя уступка!»

После заявления представителей России, среди членов мирной конференции воцарилась мертвая тишина. Всем было ясно, что, после этих требований России, дальнейших переговоров быть не может.

Однако, произошло то, чего никто не ожидал, и члены конференции были ошеломлены, услышав неожиданное сообщение главного японского делегата Комура: «Японское правительство, в целях восстановления мира, принимает эти условия!»

Главой российской делегации С. Витте была послана Государю телеграмма: «Япония приняла Ваши требования относительно мирных условий, и, таким образом, мир будет восстановлен, благодаря мудрым и твердым решениям Вашим и в точности согласно предначертаниям Вашего Величества. Россия остается на Дальнем Востоке великой державой, каковой она была до днесь и останется вовеки!»

Государь, желая продолжать борьбу с верою в конечную победу, не допускал возможности мира, ибо поставленные Им условия для Японии должны были быть неприемлемы. Внезапное решение японской делегации доказывало, насколько Япония была истощена войною. Мир ей был необходим; боясь разрыва переговоров, она принуждена была отказаться от контрибуций и от всех своих требований.

К такому результату мирной конференции привела только единоличная твердость Государя, несмотря на то, что Президент Рузвельт, император Вильгельм и сам русский уполномоченный Витте – все «требовали» уступок Японии. Сам Государь сделал все от Него зависящее для доведения войны до конца, но, когда Япония приняла все русские условия, ничего не оставалось, как заключить мир, не дождавшись победы. Не такого мира хотела Россия, но не такого мира ожидала и Япония. Когда условия мира были опубликованы, в Японии разразились сильнейшие волнения, и города покрылись не национальными, а траурными флагами[173].

Во время войны с Японией и возникшей в России смуты, единственным утешением для Государя Императора и Государыни Императрицы было долгожданное радостное

[173] С. Ольденбург. «Царствование Императора Николая II» (стр. 297–302).

событие – рождение Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича. Наследник Престола родился 30-го июля 1904 года. До рождения Наследника Цесаревича у Августейших Родителей были четыре Дочери, родившиеся: Великая Княжна Ольга Николаевна в 1895 году, Великая Княжна Татьяна Николаевна в 1897 году, Великая Княжна Мария Николаевна в 1899 году и Великая Княжна Анастасия Николаевна в 1901 году.

Наследник Цесаревич был крещен в Большом Петергофском Дворце. Во время Высочайшего Выхода и следования в церковь присутствовали командир Конвоя Свиты Его Величества генерал-майор барон Мейендорф и офицеры сотен Конвоя, находившихся на службе в Петергофе. Наследника Цесаревича несла на подушке обер-гофмейстерина светлейшая княгиня Голицына.

Восприемниками Государя Наследника Цесаревича были Государыня Императрица Мария Федоровна и Великий Князь Алексей Александрович. Когда Таинство Крещения было совершено, бывший Наследник, Великий Князь Михаил Александрович, представился Государыне Императрице Александре Федоровне и доложил, что Наследник Русского Престола окрещен.

Своим Манифестом 1-го августа 1904 года Государь Император изволил указать, что в случае Его кончины при малолетстве Наследника Престола, Правителем назначается Брат Государя, Великий Князь Михаил, Александрович.

По Высочайшему повелению, Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич был зачислен в списки Конвоя Его Величества в чине хорунжего.

Он был «луч солнца» для всей Царской Семьи, светлой радостью не только Августейших Родителей, но и для Его Сестер, которые были исключительно дружны между собою, но

Брата Своего, так же, как и Государыня Императрица, просто обожали и любили больше всего.

Для самого же Государя было счастливейшее время Его дня, когда Он с полным душевным спокойствием мог насладиться Своим семейным счастьем. Тогда Он старался отстранить от Себя все заботы и, хоть на короткое время, быть только отцом горячо любимых Своих Детей.

Во время первой российской смуты в 1905 году революционно-террористические организации всячески стремились установить связь с войсковыми частями, с целью создать и организовать и в Армии своих единомышленников.

В Конвое произошел случай, о котором старые казаки Конвоя (С. Полупанов и М. Лашук) уверенно говорят, что один казак-конвоец открыл террористическую организацию в Царском Селе и, благодаря примерному исполнению своего долга, во время успел разрушить их план.

План этот якобы заключался в том, что банда террористов хотела при помощи этого конвойца проникнуть в Александровский Дворец, под видом ночного караула. Было ли в действительности это так, в данное время трудно установить, прежде всего потому, что почти нет живых свидетелей. Однако, установлено и проверено следующее.

Одной девице, принадлежавшей к тайной организации, удалось увлечь одного казака Конвоя «Р». Он часто стал ходить в отпуск до поздних часов. На это обратил внимание его взводный урядник и доложил вахмистру сотни. Самими же казаками за ним было установлено негласное наблюдение. Оказалось, что «Р» вначале ходил на свидания к своей девице. При дальнейших же наблюдениях, которые уже велись по приказанию командира сотни, выяснилось и то, что к этой девице, одновременно с «Р», стали приходить еще несколько подозрительных лиц.

Заметил ли сам «Р», что за ним следят, или действительно, как говорят старые казаки-конвойцы, «он исполнил свой долг» – определенно сказать нельзя. Но также нельзя обойти молчанием следующий факт: 1. «Р», действительно, сам донес своему командиру сотни о том, что ему известно о существовании в Царском Селе тайной организации, с которой его познакомила заманившая его девица. 2. «Р» был исключен из Конвоя. По сведениям старослужащих казаков, «Р» после ареста всех лиц, им указанных, принужден был известное время скрываться, а в дальнейшем служил в полиции под другой фамилией.

Офицерский состав Конвоя

По окончании Русско-Японской войны, на основании правил и традиций, существовавших в обществе г.г. офицеров Конвоя, были сначала прикомандированы «на предмет испытания», а затем переведены в Конвой сотники Терского казачьего Войска Б. Макухо и Г. Татонов и Кубанского казачьего Войска сотник И. Ветер. Все они на фронте были ранены и имели боевые награды. Впоследствии есаул Ветер занимал должность адъютанта Конвоя, есаул Макухо – казначея и есаул Татонов – командира Л.-Гв. 4-й Терской сотни.

Офицеры Конвоя были как одна родная семья. Главным образом потому, что общество г.г. офицеров само решало вопрос о приеме новых офицеров, т. е. о прикомандировании их и о переводе впоследствии. Вновь принимаемых в свою среду офицеров почти все офицеры Конвоя задолго до их приема хорошо знали, ибо они были их друзья и однокашники по Военному Училищу или сыновья или ближайшие родственники прежде служивших и находящихся на службе в Конвое офицеров. В последние годы, за исключением барона Унгерн-Штернгберга, светл. князя Дадиани, светл. князя Витгенштейна, князя Амилахвари Николая и князя

Амилахвари Александра, окончивших Пажеский Его Величества корпус, артиллеристов Е. Шкуропатского и А. Шведова, все остальные были произведены в первый офицерский чин по окончании «Царской Сотни» Славной Школы – Николаевского Кавалерийского Военного Училища, что еще больше способствовало их дружбе между собою. Трое из офицеров Конвоя, Ф. Киреев, В. Савицкий и В. Зборовский, были вахмистрами в сотне юнкеров Николаевского Кавалерийского Училища, другие все окончили Училище портупей-юнкерами. Получив прекрасное строевое обучение и воинское воспитание в одной и той же Славной Школе, все офицеры с особой любовью относились к строевой службе, зная ее блестяще. Особенно же выделялись прекрасные спортсмены и джигиты В. Зборовский и К. Зерщиков, оба с Императорскими призами окончившие Офицерскую Гимнастическую Фехтовальную Школу.

В Конвое не было случаев откомандирования обратно в свой полк прикомандированного на испытание офицера. Один из прикомандированных совершил следующий проступок. На Страстной неделе Государь Император говел в Пещерном храме Государева Феодоровского собора. Вместе с Государем говела команда казаков и 1 офицер Конвоя. Честь принять Св. Причастие с Государем заносилась в послужные списки чинов Конвоя. В верхнем храме говели остальные конвойцы. Прикомандированный офицер, будучи назначен в наряд «по Встрече», из боязни опоздать к назначенному времени, спустился в Пещерный храм и там причастился. Он был отставлен от перевода, и ему продлили срок испытания еще на несколько месяцев.

Командиров Конвоя Государь назначал Сам по Своему Личному усмотрению – тех генералов Своей Свиты или флигель-адъютантов полковников, которых Он считал достойными на эту должность. По своему положению, находясь всегда

в Свите Царской, командиры очень редко имели возможность быть в обществе офицеров. Фактическим же строевым начальником был помощник командира по строевой части.

Он совместно с другим старшим полковником, помощником командира по хозяйственной части, были не только хранителями старых традиций Конвоя, но и, строго следя за выполнением таковых, служили для всех офицеров примером.

Строгая дисциплина как на службе, так и вне ее, безукоризненное исполнение своих служебных обязанностей, подчеркнутая субординация и чинопочитание были прежде всего и всегда при всех взаимоотношениях офицеров. Несмотря на то, что все офицеры были между собою на «ты» («Ты, Ваше Превосходительство», или «Ты, господин полковник», было нормальным явлением), это «ты» было только знак общего братства, никогда не нарушавшее уважения к старшему, а этот старший мог быть офицер, окончивший Военное Училище не только одновременно, но и на год позже младшего, однако обществом г.г. офицеров примят в Конвой раньше.

Полковники и командиры сотен сами первые предлагали переведенному офицеру перейти на «ты», желая, чтобы вновь принятый офицер сразу же почувствовал себя равноправным членом родной семьи конвойцев, *ибо офицерское «ты» обязывало и значило несравненно больше, чем официальное «вы»!*

Офицеру, принятому в Конвой «на испытание», с первых же дней его службы старшими офицерами внушалось то, о чем он был обязан никогда не забывать, при всех разговорах с Высочайшими Особами:

1. Всегда помнить, с Кем говоришь!

2. Отвечать только на вопросы и ни в коем случае самому не задавать таковых и не возбуждать собственных тем.

3. Никогда не обращаться с какими бы то ни было просьбами.

Поддерживая чисто дружеские отношения, старшие офицеры все свои указания и замечания младшим выражали в особо деликатной форме. Этой традиции особенно придерживался помощник командира по строевой части, полковник Ф. Киреев. Его не только за глаза, но и в непосредственных дружеских с ним беседах, в особенности за столом в собрании, называли «отец»! Как-то по-своему, «по-отцовски», делал он свои замечания. Один из офицеров, принимая дежурство, явился к нему, имея на себе небольшую мелкого курпея папаху. «Послушай, сын мой», сказал Киреев молодому офицеру: «у тебя замечательная модная шапка, и она мне нравится». Офицер немедленно снял свою папаху и предложил ее полковнику. «Ну, спасибо, дорогой, возьми же и от меня подарок», сказал Киреев, надев на смущенного офицера свою, установленной формы, большую с крупным курпеем папаху.

Был случай, когда офицеры после ужина задержались в собрании больше, чем обычно. Дружно сидя своей семьей, за стаканом вина, стали петь свои старинные «былинные» казачьи песни. В этот день дежурным телефонистом был казак из хора Конвоя. Одному из офицеров пришла мысль заменить его своим вестовым, а его позвать петь. Затем были позваны и из казарм еще несколько певчих. На другой день полковник Киреев попросил всех этих офицеров прибыть к завтраку в офицерское собрание. Офицеры ждали, что на этот раз от «папаши» будет большой выговор. Полковник пригласил офицеров к столу, сказав, что он их приветствует. С подчеркнутой любезностью всех угощал вином и, как-то незаметно, сам вполголоса запел: «Как на Линии, было на линеюшке...» Офицеры так же тихо ему вторили: «как на славной было на сторонушке... ». За этой песней следовали другие. Завтрак был закончен речью полковника: «Благодарю вас, господа,

что вы храните и бережете наши старые песни. Видите, дети мои, какой у нас получился хор, когда мы тихо и только для себя поем, а не для других, которые, быть может, и не хотят нас слушать. Я считаю, что, если песня поется тихо, то яснее и красивее ее мелодия, а потому вам совершенно не следует усилять свое пение казачьими голосами, что прошу и советую в будущем не делать».

Таков был «отец» Киреев. Такими же были и командиры сотен, от которых младшие офицеры никогда не слыхали замечаний, сделанных в резкой форме. Своеобразным исключением был «суровый» командир Л.-Гв. 3-й Терской сотни Василий Кузьмич Федюшкин. «Кузьмич», как его называли офицеры, всегда был недоволен, все критиковал и считал себя непогрешимым, не только по всем вопросам служебного характера, но и в частной жизни офицеров. Однако, все офицеры знали, что, несмотря на чисто внешнюю, кажущуюся суровость, Кузьмич был добрейшей души человек и хороший друг. Его же двоюродный брат подъесаул Кулебякин описал Кузьмича так:

Кузьмич наш «прав всегда»!
И как он ни поступит,
Но в споре никогда
Другому не уступит.

Кузьмич, молва гласит,
В зубок уставы знает:
«Разведчик», «Инвалид»
С младенчества читает...

Кто б спорить с ним ни стал,
Он всех обрежет живо:
«Уж раз, что я сказал,
Так значит справедливо!»

(В Красном Селе, в лагерных бараках Конвоя были небольшие офицерские квартиры. Федюшкин, желая чтобы его сыновья привыкали к лагерной обстановке, жил с ними).

В трех комнатах сидит
С большущей он семьею,
И день и ночь твердит,
Что нет ему покою.

Ремонт ругает он
И скверное топливо…
Уж раз он обозлен,
Поверьте – «справедливо!»

В собрании буфет
Одобрить всяк охотник:
Хозяйки лучше нет,
Чем славный Панин-сотник.

Кузьмич туда вошел,
Ворчит: – «воняет пиво!»
Уж раз что он сердит,
Поверьте – справедливо!

Срок службы офицеров Конвоя – 20 лет. По окончании этого срока почти все офицеры выходили в отставку в чине полковника с мундиром Конвоя. Лишались мундира Конвоя те полковники, которые, продолжая службу, уходили в армейские части, с производством в генерал-майоры.

Женатых офицеров в Конвое было мало. (Из общего числа 28 офицеров 5–6 женатых).

Вне службы и строя, офицерам разрешалось носить китель, шассеры – синие с широкими лампасами из кованого кавказского серебряного галуна и фуражку установленного образца: для офицеров Конвоя – алая с тремя белыми кантами. Также разрешалось носить и обычную черкеску. Некото-

рые офицеры пользовались этим правом, но по традиции носили черкески только одинакового цвета – «вишневого».

Синий конвойный мундир офицер обязан был иметь всегда в строю и на службе. Парадный мундир – алая черкеска, кроме службы при всех парадных случаях и при присутствии на придворных балах, надевался при выездах с визитами в дни Св. Пасхи и Нового Года.

Вообще же офицерам Конвоя было предписано руководствоваться следующими правилами ношения формы:

1. Серебряные пояса и портупеи надевать при парадной и обыкновенной форме и во всех случаях наряда: а) для встречи и проводов Их Величеств, б) на службу в Императорском Дворце и при посещении такового.

2. Ременные пояса и портупеи на синий мундир надевать: а) во всех остальных случаях наряда на службу, б) в конном строю при нахождении в походах, лагерных сборах и на маневрах, в) после объезда Его Величеством лагеря и до окончания сбора и г) при наложении траура.

3. На алый парадный мундир ременные пояса и портупеи надевать только при наложении полного траура.

4. Револьверы со шнурами, присвоенными только Конвою, надевать при парадной форме всегда, за исключением: а) присутствия на придворных балах и концертах, б) в Императорских театрах, в дни, когда при посещении оных надлежит быть в алых мундирах.

5. При синих мундирах револьверы со шнурами иметь во всех случаях, когда в кавалерийских частях надевается лядунка, и при всех отправлениях обязанностей строевой службы.

6. Офицерам, находящимся в конном строю при части, не разрешается надевать обычную черкеску, а надлежит быть одетыми в синие конвойные мундиры, при холодном оружии и револьверах со шнурами.

У офицеров Конвоя в разное время были дружеские отношения с другими полками. Это зависело, главным

образом, от того, с кем приходилось больше встречаться по службе или «по соседству». Старые конвойцы вспоминают: «В Царском Селе часто у нас бывали Гусары и Кирасиры Его Величества. В Петергофе – Уланы Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны и Конно-Гренадеры. В Гатчине были приятелями с Кирасирами Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны». (Полк. кн. Амилахвари).

«Кроме дружбы с офицерами частей, стоявших в Царском Селе, Петергофе и Гатчине, дружили с Лейб-Казаками. Большая и постоянная дружба была с ближайшими соседями-офицерами Сводного полка, а в Ливадии еще и с «крымскими соседями» – офицерами Крымского конного дивизиона (впоследствии полка) и офицерами 16 Стрелкового Императора Александра III полка. В Крыму была большая дружба и с моряками. Также кунаками считались Эриванцы». (Ген. Скворцов).

Каждый год, в день 4-го октября, в присутствии Государя Императора торжественно отмечался Праздник Собственного Его Императорского Величества Конвоя, установленный в память подвига, оказанного Л. Казаками и Черноморцами в битве под Лейпцигом в 1813 году.

После молебна, с поминовением павших на поле брани конвойцев, Небесному Покровителю Конвоя Св. Иерофею и парада, командир и все офицеры имели честь быть приглашаемыми к Высочайшему завтраку.

В начале царствования Государя Императора Николая II Александровича, в январе бывали придворные балы. Балы давались в Зимнем Дворце в Николаевском зале. После танцев следовало приглашение к столу. Для Государя, Государыни, Великих Княгинь и Великих Князей накрывался большой Царский стол, находившийся на особом возвышении. Все приглашенные, а в том числе и офицеры Конвоя, имели свои места за отдельными круглыми столами.

В 1903 году придворные балы в Зимнем Дворце были отменены. Один из последних балов был костюмированный. Государь Император имел на Себе золотой парчи кафтан Царя Алексея Михайловича, а Государыня Императрица была в наряде Царицы Марии Ильинишны.

В последующие годы был дан большой придворный бал в Аничковом Дворце, на котором офицеры Конвоя имели честь танцевать с Великой Княжной Ольгой Николаевной и Великой Княжной Татьяной Николаевной.

Кроме этого большого бала у Государыни Императрицы Марии Федоровны, офицеры присутствовали на балах, данных Великой Княгиней Ксенией Александровной, Великой Княгиней Ольгой Александровной, Великой Княгиней Марией Павловной, а также в Крыму в Ливадийском Дворце и в Хараксе на балу, данном Великим Князем Георгием Михайловичем.

Великий Князь Георгий Михайлович всегда с особым вниманием относился к офицерам Конвоя и часто их приглашал к Себе в Харакс. Так же, как и Великий Князь, к офицерам был очень внимателен и Его гость, Принц Христофор Греческий, брат Супруги Великого Князя, Великой Княгини Марии Георгиевны. Желая это подчеркнуть, Принц Христофор охотно посещал собрание офицеров Конвоя[174].

В 1906 году командир Конвоя Свиты Его Величества генерал-майор барон Мейендорф сдал командование Конвоем флигель-адъютанту полковнику князю Трубецкому. В 1908 году полковник кн. Трубецкой Высочайшим приказом произведен в генерал-майоры, с зачислением в Свиту Его Величества.

Как всегда, на время пребывания Государя Императора в одном из городов России, особенно, если предстояли смотры и маневры войск, туда командировались офицеры Конвоя с

---

[174] Из воспоминаний генерала М. А. Скворцова.

командою казаков, численность которых определялась важностью командировки.

На торжественном праздновании 200-летия Полтавской победы в 1909 году, от Конвоя, помимо командира, трубачей и ординарца Его Величества, были в командировке с командою казаков сотник И. Ветер и сотник Б. Макухо. В Риге, на открытии памятника Императору Петру Великому, в командировке находились сотник Н. Долгов и сотник А. Федюшкин.

Список офицеров Собственного Его Императорского Величества Конвоя в 1910 г.

Свиты Его Величества генерал-майор князь Трубецкой Юрий. Командир

Помощник командира	полковник	Петин Степан,
Помощник командира	полковник	Перепеловский Владимир,
Адъютант Конвоя	подъесаул	Жуков Андрей,
Казначей Конвоя	подъесаул	Тускаев Джимо.
Командир Л. Гв. 1 сот.	есаул	Логвинов Василий,
Командир Л. Гв. 2 сот.	есаул бар.	Унгерн-Штернберг Михаил,
Командир Л. Гв. 3 сот.	есаул	Кулебякин Александр,
Командир Л. Гв. 4 сот	есаул	Киреев Феодор.

Младшие офицеры:

подъесаул	Шапринский Александр.
подъесаул	Безладнов Михаил.
подъесаул	Рашпиль Георгий.
подъесаул	Свидин Михаил.
подъесаул	Токарев Петр.
подъесаул	Долгов Николай.
подъесаул	Абациев Даур.
подъесаул	кн. Амилахвари Александр,
подъесаул	принц Риза-Кули-Мирза.
сотник	Савицкий Вячеслав.
сотник	Макухо Борис.
сотник	Ветер Иван.
сотник	Татонов Григорий.

сотник	Панкратов Константин.
сотник	Хаджи-Мурат Арацхан.
сотник	Гулыга Георгий.
сотник	Федюшкин Анатолий.
хорунжий	Хоранов Михаил.
хорунжий	Скворцов Михаил.

Глава шестая

Столетие Собственного Его Императорского Величества Конвоя

1811–1911

В 1911 году исполнилось 100 лет с того исторического дня – 18-го мая 1811 года, когда в Бозе почивший Государь Император Александр I «во изъявление Монаршего Своего благоволения к Войску Черноморскому, за отличные подвиги их против врагов Отечества, во многих случаях оказанные, изволил пожелать иметь при Себе, в числе Гвардии Своей, конных сотню казаков от Войска Черноморского».

К этому Юбилею столетнего служения Конвоя Престолу и Родине, по повелению Государя Императора Николая II Александровича, заканчивалась постройка нового офицерского собрания и новых казарм.

Офицерское собрание – личный подарок Государя Своему Конвою, внешне представляло собою точную копию Дворца Царевича Димитрия в Угличе. Внутри само собрание, а в особенности кабинет Государя, зал и столовая были выдержаны в древне-русском стиле. В кабинете Его Величества, в большом «двухсветном» зале с хорами и столовой собрания на окнах висели оранжевого цвета тяжелого шелка портьеры.

Освещалось собрание большим количеством электрических лампочек, в старинных золоченых свещницах, с орлами. Столовая офицерского собрания особенно выделялась своим стилем, имея деревянный брусчатый потолок, большую

кафельную печь с расписными изразцами и две круглые, темной березы, люстры. У стен и под окнами столовой, как в старинных русских покоях, стояли длинные из темного дуба скамьи, обтянутые алым сукном. Во всю длину одной стены столовой находился буфет, из такого же дуба, как и скамьи. Резьба старых орнаментов украшала его. Дверь в самом буфете вела непосредственно в кухню.

Биллиардная зала, комната дежурного офицера и помещение для дежурных казаков у телефона находились по другую сторону коридора, тянувшегося от входа в собрание в столовую.

Кроме этого входа в собрание, было еще два – через балкон и террасу.

К своему столетнему Юбилею Конвой готовился задолго до начала торжеств. Раньше чем за год до дня Юбилея, была образована «Юбилейная комиссия». Были заказаны проекты нагрудного знака Конвоя. Их было много, но, когда они были представлены на утверждение Государю, то Государыня Императрица изволила Собственноручно нарисовать Свой проект; русский щит, на щите в верхнем левом углу Императорская Корона. С левой стороны щита, к правому верхнему углу его, положен меч. У рукоятки меча цифра 100 и буква «Л».

Этот нагрудный знак Конвоя, по своему внешнему виду, резко отличался от всех предложенных проектов. Щит черный, из серебра с чернью. Корона, меч, цифра 100, буква «Л» и 13 гвоздей вокруг щита – золотые. Несмотря на кажущуюся внешнюю скромность, нагрудный знак Конвоя, созданный по замыслу Государыни Императрицы, красив не только своей изящной простотой, но еще и тем, что так ясно представляет действительное свое значение: «сто лет с мечом и щитом у Императорской Короны»[175].

---

[175] Нагрудный знак Конвоя изображен на обложке «Очерка».

Высочайше утвержденный нагрудный знак Конвоя был заказан для Государя Императора, Государя Наследника Цесаревича и для всех офицеров и казаков Конвоя. Также ко дню Юбилея были заказаны браслеты с нагрудным знаком Конвоя, для Государыни Императрицы и для Великих Княжон. Такие же браслеты Юбилейной комиссией были заказаны и всем дамам Конвоя.

Офицерам и урядникам, назначенным быть на Юбилее в исторических формах, шилось каждому по мерке соответствующее обмундирование. Этими старыми формами должна была быть представлена вся история Конвоя, начиная с основания Л.-Гв. Черноморского казачьего эскадрона.

Были разосланы приглашения: Войсковому Атаману Кавказских Казачьих Войск, Наместнику Его Величества на Кавказе генерал-адъютанту графу Воронцову-Дашкову; Наказным Атаманам и Начальникам Штабов Кубанского и Терского Казачьих Войск; всем здравствующим бывшим офицерам и командирам Конвоя.

Через Войсковые Штабы были посланы приглашения всем казакам – старым конвойцам, которых и прибыло на Юбилей до 1.000 человек. На Тереке для казаков были заказаны бочки с вином, а для офицерского собрания были выписаны с Кавказа лучшие сорта вин.

Параллельно с работою Юбилейной комиссии шла и строевая подготовка к предстоящим торжествам. Проверялось парадное обмундирование и снаряжение. Свободные от службы сотни вели усиленные конные учения, заканчивавшиеся репетициями предстоящего юбилейного парада. Из всех 4-х сотен Конвоя были выбраны лучшие джигиты, которые и начали свою тренировку с ранней весны 1911 года.

Казакам джигитам были заготовлены призы: карабины, охотничьи ружья, револьверы, шашки, кинжалы и часы. Были приняты меры к приему и расквартированию гостей – старых казаков Конвоя.

Юбилейные торжества начались 17-го мая и закончились 21-го мая, но и после этих официальных дней продолжались проводы дорогих гостей.

17-го мая в Царскосельском Александровском Дворце состоялась прибивка полотнища нового Юбилейного Штандарта, пожалованного Его Величеством Своему Конвою в день его столетия. Первый гвоздь был вбит Государем Императором. Второй – Августейшим Атаманом Государем Наследником Цесаревичем. В прибивке Штандарта приняли участие Войсковой Атаман Кавказских Казачьих Войск, Наместник Кавказа генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков, Министр Императорского Двора генерал-адъютант барон Фредерикс, командир Конвоя Свиты Его Величества генерал-майор князь Трубецкой и положенное по закону число офицеров и казаков Конвоя.

По окончании прибивки Штандарта, командир Конвоя поднес Государю Императору и Государю Наследнику Цесаревичу – нагрудный знак Конвоя, а Государыне Императрице и Великим Княжнам – специально для Них изготовленные браслеты со знаком Конвоя, на щите которого, вместо золотых гвоздей, были бриллианты.

Полотнище Юбилейного Штандарта было изготовлено из плотного штофа малинового цвета, с серебряным орнаментом. На одной стороне Штандарта изображение Нерукотворного Образа Спасителя; над Образом большими буквами вышито серебром: «С нами Бог». Под Образом широкая Георгиевская лента и на ней так же серебром вышито: «А II 1856. За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 г. и за подвиг, оказанный в сражении при Лейпциге 4 октября 1813 года.»

На другой стороне Штандарта Императорская Корона и под ней вензелевое изображение Имени Государя Императора Николая II Александровича. Под вензелем широкая Ан-

древская лента, и на ней серебром вышито: «1811–1911». На углах полотнища – Российский Государственный Герб.

На древке Штандарта Орел гвардейского образца, под ним, в лавровом венке, Георгиевский крест 3-ей степени. К древку Штандарта прикреплены две Орденские ленты – Георгиевская и Андреевская[176].

Пожалованная Конвою Андреевская лента сделана из плотной материи голубого цвета. Вверху, у перегибов ленты, прикреплен бант, и на нем вышито: «1811 год». Внизу ленты пришита серебряная бахрома. На самой ленте надпись на лицевой ее стороне: «Лейб-Гвардии Черноморская казачья сотня. За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 г. и за подвигу оказанный в сражении при Лейпциге 4 октября 1813 года.» На другой стороне ленты – «Лейб-Гвардии Кубанских казачьих сотен Собственного Его Императорского Величества Конвоя».

Внизу Андреевской ленты над ее бахромой – кованые серебряные изображения: вензеля Имени Императора Александра I, под Императорской Короной, и Российского Государственного Герба.

Древко Штандарта – деревянное, зеленое с серебряными полосками вдоль. На древке, согласно Указа от 25 июня 1838 года, помещена круглая скоба, медная позолоченная, прикрепленная к древку наглухо. На скобе надпись: «1811 – Л.-Гв. Черноморская казачья сотня. 1911 – Л.-Гв. Кубанские казачьи сотни Собственного Его Императорского Величества Конвоя» и описание подвига.

На другой день после прибивки Штандарта, в среду 18-го мая, перед Большим – Екатерининским Дворцом был

[176] Высочайшим Указом от 25 июня 1838 года, Знаменам и Штандартам тех полков, которые сто и более лет считали со своего основания, пожалованы Орденские ленты. В Гвардии он были Андреевские.

молебен с освящением пожалованного Штандарта, и парад Конвою.

В 10 часов 30 минут утра, все конвойцы, как состоявшие в Конвое на службе в день его Юбилея, так и прежде в нем служившие, прибывшие на Юбилей, выстроились перед Дворцом тремя фасами, огибавшими дворцовую площадь.

Первый фас – Конвой в конном строю, при полной парадной форме (алые, расшитые серебряным кавказским галуном, у казаков желтым басоном, черкески, белые бешметы, у офицеров и урядников серебряные, – у казаков белые тесьмы, у офицеров серебряные эполеты, шнуры револьверные, пояса и портупеи – у урядников и казаков желтые жгуты гусарского образца), имея на правом фланге своего строя хор трубачей Л.-Гв. Гусарского Его Величества полка.

Второй фас общего построения – офицеры и казаки Конвоя в исторических формах, начиная с 1811 года Л.-Гв. Черноморского казачьего эскадрона, Л.-Гв. Черноморского казачьего дивизиона, Л.-Гв. Кавказского Линейного казачьего эскадрона, Грузинского, Мусульманского, Горского и Лезгинского взводов Л.-Гв. Кавказского эскадрона и Л.-Гв. Команды Крымских татар. Левее исторического взвода – врачи Конвоя и нестроевая команда в пешем строю.

Третий фас составляли старые конвойцы, офицеры и казаки. Их строй доходил почти до Царского подъезда. Среди них находились бывший командир Конвоя генерал-майор Ивашкин-Потапов, последний начальник Л.-Гв. Команды Крымских татар генерал-майор князь Туманов и старейший из здравствующих конвойцев генерал-лейтенант Савицкий, служивший в Конвое в 1869 году.

Первым здоровался с Конвоем и поздравлял с Юбилеем Министр Императорского Двора генерал-адъютант барон Фредерикс.

Вслед за ним объехал фронт Конвоя и приветствовал всех конвойцев их Войсковой Атаман – Наместник Кавказа генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков.

Как прямой начальник Конвоя, Министр Императорского Двора, в ожидании прибытия Государя Императора, подъехал к строю Конвоя и стал на правый его фланг – правее трубачей.

Ожидало Государя и Дежурство Государевой Свиты, в день Юбилея Конвоя составленное из казаков: Войскового Атамана генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, Свиты Его Величества генерал-майора Радионова и флигель-адъютанта полковника графа Граббе.

Генералитет, Войсковые делегации от Кубанского и Терского Казачьих Войск, от различных воинских частей и тысячи военных и невоенных зрителей дополняли торжественную обстановку встречи Конвоем своего Державного Шефа.

У среднего Царского подъезда находились: Великий Князь Сергий Михайлович, генерал-адъютант Струков, генерал-адъютант барон Мейендорф, генерал-адъютант Арсеньев, генерал-адъютант светл. князь Голицын, Комендант Дворца генерал Дедюлин и Гофмаршал генерал граф Бенкендорф. С атаманскими булавами в руках Наказный Атаман Кубанского Казачьего Войска генерал-лейтенант Бабич и Наказный Атаман Терского Казачьего Войска генерал Михеев. Начальник Войскового Штаба Кубанского Войска Генерального Штаба генерал-майор Кияшко и Начальник Войскового Штаба Терского Войска Генерального Штаба генерал-майор Чернозубов.

Среди генералитета присутствовали: Начальник Генерального Штаба генерал Жилинский, Начальник Главного Штаба генерал Михневич, Генерал-Инспектор Кавалерии генерал Остроградский и помощник Военного Министра генерал Поливанов.

Среди присутствующих на Юбилее Конвоя находились также представители воинских частей: Собственного Его

Величества Сводно-Пехотного полка, Л.-Гв. Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка, Л.-Гв. Казачьего Его Величества полка, представители частей Царскосельского гарнизона, 1-го Железнодорожного полка и 16-го Стрелкового Государя Императора Александра III полка.

В 11 часов дня изволил прибыть Государь Император верхом на светло-сером коне, в сопровождении Своих трубачей-конвойцев. Государь был в парадном мундире Своего Конвоя, имея на Себе Андреевскую ленту.

Командир Конвоя, Свиты Его Величества генерал-майор князь Трубецкой громко подал команду: «Конвой! Ружья в руку, шашки вон! Г.г. офицеры!»[177]

Офицеры, взяв «подвысь» шашки, одновременно салютовали ими, а стоявшие на правом фланге Конвоя трубачи Лейб-Гусары заиграли торжественный Гвардейский поход.

Командир Конвоя, сдерживая своего коня, коротким наметом поскакал навстречу к Государю с рапортом.

Его Величество, приняв рапорт, подъехал к трубачам, отмахнул им и, когда они замолчали, поздоровался с ними, а затем начал Свой объезд вдоль всего строя Конвоя. Непосредственно за Государем, кроме Его трубачей, следовали Министр Двора, Дежурство Его Свиты и командир Конвоя.

«Здорово, Мои конвойцы!» ясно было слышно Царское приветствие.

«Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!» И сразу же могучее «ура» казаков Конвоя разнеслось по всей дворцовой площади и слилось с величественной мелодией

---

[177] «Ружья в руку» – прием, установленный только для Конвоя, при отдании воинской чести в конном строю. По этой команде, конвойцы берут винтовку в правую руку, с наклоном вперед и с упором у правого бедра.

Русского Народного Гимна, в прекрасном исполнении хора трубачей Лейб-Гусар.

В это же время, к среднему подъезду Дворца, подъехали в экипаже и вошли в подъезд Государь Наследник Цесаревич, имевший на Себе парадный мундир хорунжего Конвоя, и Августейшие Дочери Их Величеств.

Объехав развернутый строй Конвоя, строй офицеров и казаков в исторической форме, а также строй старых конвойцев, Государь Император остановился у среднего подъезда Екатерининского Дворца.

Здесь перед аналоем, с иконою Св. Иерофея – Небесного Покровителя Конвоя, Св. Крестом и Евангелием на нем, ожидало в золотом облачении духовенство: настоятель Царскосельского Екатерининского собора митрофорный протоиерей Беляев и член духовного правления при военном протопресвитере, протоиерей Морев.

Перед началом молебна старый Штандарт Конвоя, с подобающей воинской почестью, был вывезен из строя и отнесен на хранение в Екатерининский Дворец. Затем адъютант Конвоя подъесаул Жуков и штандартный подхорунжий с ассистентом поднесли к аналою новый Юбилейный Штандарт.

По приказанию командира Конвоя, трубачи сыграли сигнал: «на молитву». Последовала команда – «на молитву шапки долой!» Государь Император и командир Конвоя смешились и подошли к аналою.

Спешились и подошли из строя к аналою казаки хора Конвоя. Молебен был закончен провозглашением многолетия Государю Императору и всей Его Августейшей Семье, «вечной памяти» в Бозе почившим Государям Императорам Александру I, Николаю I, Александру II, Александру III, воинам, на поле брани за Веру, Царя и Отечество живот свой положившим, и многолетием всему Российскому воинству.

Во время молебна духовенством была прочтена молитва, положенная при освящении Знамен и Штандартов. При

окроплении Штандарта Св. водой, Государь и командир Конвоя держали края полотнища его.

Когда чин освящения Штандарта был совершен, командир перед строем Конвоя прочел Высочайшую Грамоту о пожаловании Штандарта и статьи воинского устава о наказаниях за потерю его.

Затем последовала присяга новому Штандарту и торжественное Самим Государем Императором вручение его командиру Своего Конвоя, принявшего Штандарт из рук Его Величества, преклонив колено, и передавшего его также преклонившему колено штандартному подхорунжему. Старый сверхсрочнослужащий подхорунжий крестясь, принял новую Святыню Конвоя. Передав Штандарт штандартному подхорунжему, командир подал команду: «трубачи, отбой!» – «накройсь!» и для встречи Штандарта – «ружья в руку, шашки вон! Г.г. офицеры!»

По исполнении последней команды, штандартный подхорунжий с ассистентом, в предшествии адъютанта Конвоя, подъехал к левому флангу строя Конвоя и, следуя на положенное ему место, шагом объехал со Штандартом весь строй Конвоя.

Высочайше пожалованный Штандарт всеми чинами Конвоя был встречен могучим «ура!».

Когда штандартный подхорунжий занял свое место в строю, было произведено перестроение к церемониальному маршу. Перед Государем Императором, находившимся у среднего подъезда Дворца, Конвой проходил по-сотенно развернутым фронтом три раза. Второй раз прошел Конвой рысью и третий наметом, каждый раз слыша Царское: «Спасибо, казаки!» Исторический взвод проходил по три всадника.

После церемониального марша, Штандарты, Юбилейный и Терский, с воинскими почестями были отвезены во Дворец,

присоединены к старому Штандарту Л.-Гв. Кубанских сотен, и Конвой вновь выстроился на три фаса.

Государь Император въехал в средину этого построения и изволил обратиться к Конвою: «Сто лет Конвой честно и верно служил своим Царям и Родине, как в походах, так и в мирное время. Предки мои ценили, как и я, беззаветную преданность Кубанских и Терских казаков Конвоя. Уверен, что и грядущие его поколения будут служить по примеру своих славных предков. Благодарю прежде служивших и ныне находящихся в строю Конвоя за службу. За верную вашу службу, казаки, мое сердечное спасибо!»

Государю Императору была подана проба. Взяв чару, Государь произнес: «За дальнейшую славу моего Конвоя, за здоровье прежде в нем служивших и за ваше здоровье, казаки, ура!»[178]

Несмотря на большую дворцовую площадь, каждое слово Государя Императора, обладавшего исключительной дикцией, было услышано всеми совершенно ясно и отчетливо.

В ответ на Царские слова, восторженное «ура» конвойцев разнеслось по всей площади Екатерининского Дворца.

Командир Конвоя поднял чару за здоровье Государя Императора, Государынь Императриц и Августейшего Атамана Государя Наследника Цесаревича. Громкое «ура», звуки Народного Гимна и Шефских маршей не смолкали до тех пор, пока Государь не подъехал к Дворцу.

Еще раз, направляясь в свои казармы, прошел Конвой перед Государем Императором, с хором трубачей Л.-Гв. Гусарского Его Величества полка, игравших марш, составленный из песен Черноморских казаков.

За сотнями Конвоя следовал исторический взвод, в составе десяти офицеров и десяти казаков, напоминавший всю вековую историю Конвоя. За офицерами в исторических

---

[178] «Новое Время» 19-го мая 1911 года № 12637.

формах, во второй шеренге находились казаки, каждый в форме, соответствующей своему офицеру.

После парада, Государь Наследник Цесаревич, Великая Княжна Мария Николаевна и Великая Княжна Анастасия Николаевна отбыли в Александровский Дворец. Государь Император, с Великой Княжной Ольгой Николаевной и Великой Княжной Татьяной Николаевной, изволили проследовать в Екатерининский Дворец, где был сервирован завтрак.

Царский стол был накрыт покоем. Кроме Царского стола было накрыто много небольших столов. Всех приглашенных к Высочайшему завтраку было 180 человек.

Центральное место за Царским столом занял Государь Император, имея против Себя Министра Императорского Двора. С правой стороны от Его Величества заняли места: Великая Княжна Ольга Николаевна, Великий Князь Сергий Михайлович, статс-дама графиня Воронцова-Дашкова, генерал-адъютант барон Мейендорф, статс-дама баронесса Рихтер, генерал-инспектор кавалерии генерал Остроградский, вдова бывшего командира Конвоя баронесса Мейендорф, помощник военного министра генерал Поливанов и супруга командира Конвоя княгиня Трубецкая.

По левую сторону от Государя: Великая Княжна Татьяна Николаевна, Войсковой Атаман Кавказских казачьих Войск и Наместник Кавказа генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков, статс-дама Нарышкина, генерал-адъютант Струков, статс-дама баронесса Фредерикс, генерал-адъютант Арсеньев, супруга бывшего командира Конвоя госпожа Ивашкина-Потапова, Начальник Генерального Штаба генерал Жилинский, фрейлина госпожа Бюцева, Начальник Главного Штаба генерал Михневич.

По правую руку от Министра Императорского Двора сидел старый командир Конвоя генерал-майор Ивашкин-Потапов, а по левую командир Конвоя Свиты Его Величества генерал-

майор князь Трубецкой. На этой стороне Царского стола имели места штаб и обер-офицеры Конвоя и их супруги[179].

Во время Высочайшего завтрака играл придворный симфонический оркестр. В конце завтрака Государь Император изволил провозгласить здравицу за Свой Конвой и за Кубанское и Терское Казачье Войско. После завтрака, Государь милостиво беседовал со всеми офицерами Конвоя и пожаловал адъютанта Конвоя, подъесаула Жукова, Своим флигель-адъютантом.

В исходе третьего часа, перед отбытием из Екатерининского Дворца, Государь Император выразил Свое пожелание сняться перед Дворцом в общей группе со всеми офицерами Конвоя.

На третий день Юбилейных торжеств, 19-го мая, в 3 часа дня, настоятель Царскосельского Екатерининского собора совершил освящение нового офицерского собрания Конвоя. На освящении присутствовали: командир, все офицеры Конвоя с их семьями, прибывшие на Юбилей старые конвойцы, депутации от Кубанского и Терского Казачьих Войск и представители воинских частей, принимавших участие в Юбилейных торжествах Конвоя.

В тот же день, в 4 часа 30 минут, происходила джигитовка Конвоя перед Екатерининским Дворцом. Для встречи Государя, сотни Конвоя в обыкновенной форме (синий мундир при алом бешмете) были выстроены на дворцовой площадке в пешем строю, имея на правом фланге хор трубачей Л.-Гв. Кирасирского Его Величества полка, а на левом – конный строй своих лучших джигитов, под командой сотника Скворцова.

---

[179] Дамам Конвоя, для прибытия их к Юбилейному параду и Высочайшему завтраку, были поданы дворцовые кареты. (Из воспоминаний Е. П. Гулыга, вдовы офицера Конвоя).

Внутренняя площадь Большого Дворца была окаймлена по всей правой половине тысячной шпалерой зрителей, вплоть до Царского подъезда. На подъезде находились: Атаманы, Генералитет, чины Государевой Свиты и все депутации, прибывшие на Юбилей Конвоя.

Придворные дамы и дамы Конвоя имели места на балконе Дворца. На столах возле Царского подъезда были разложены призы для джигитов, из коих 26 огнестрельного оружия и 8 холодного – кинжалы и шашки с серебряным набором.

Государь Император на джигитовку прибыл с Августейшими Детьми. Государь и Наследник Цесаревич имели на Себе синий мундир Конвоя. Поздоровавшись с трубачами кирасирами и с казаками Конвоя, Государь разрешил командиру начать джигитовку.

По знаку, данному командиром Конвоя, вся команда джигитов, стоя на седлах, с гиком, стрельбою, с кинжалами в зубах и отдавая честь Государю, пронеслась с правой стороны дворцовой площади на левую и оттуда, справа по одному, полетели назад с рубкой лозы и глиняных пирамид. Удары шашкой были настолько точно, метко и правильно направлены, что разрубленная пирамида оставалась стоять, не разваливаясь.

После рубки следовала «вольная» и «групповая» джигитовка. Зрители не успевали следить за отдельными номерами карьером мчавшихся лихих джигитов. Перед их глазами, как в калейдоскопе, мелькали всадники, с большой смелостью проделывая «двойные прыжки» (перескакивание через коня, карьером мчавшегося, с одной его стороны на другую), «вертушки» (перевернувшись в воздухе, казак вскакивал на шею коня, лицом к его крупу), «скашовки» (на полном карьере казак откидывался и подхватывал с земли папаху). Трудно было сосредоточиться на каком-либо отельном всаднике. Проно-

сились конвойцы, стоя вверх ногами, некоторые вскакивали на круп лошади, на карьере снимали свое седло и, держа его в руках, стояли на крупе мчавшегося коня.

«Римской колесницей» – казак, стоя на коне, гнал впереди себя тройку коней, «трапецией» – два казака, несясь карьером, держали между собою шест, на котором третий проделывал сложные гимнастические упражнения, «пирамидой» – на плечах двух несущихся казаков стоял третий с сотенным значком, и другими групповыми номерами, была закончена джигитовка, вызвав удивление Государя Императора, восторг Августейшего Атамана Государя Наследника и общее восхищение лихостью, ловкостью и храбростью джигитов-казаков Конвоя. Его Величество Государь Император несколько раз благодарил командира и пожелал лично выразить джигитам Конвоя Свою Царскую благодарность.

Конвойцы спешились и, передав лошадей назначенным коноводам, выстроились перед Государем. Государь подошел к ним, всех благодарил за удалую джигитовку и расспрашивал отдельно некоторых казаков о том, как давно служит в Конвое, какого Войска, получал ли раньше призы за джигитовку, а если получал, то что именно. Затем происходила раздача призов.

Во время джигитовки помощник командира по строевой части и командиры сотен, совместно оценив каждого джигита, составили список по порядку награждения их. По этому списку джигиты вызывались к столам с лежащими на них призами. Призы конвойцам выдавала Государыня Великая Княжна Ольга Николаевна. Получая приз, казаки почтительнейше целовали руку Ее Императорскому Высочеству.

Государь Император, с присущим Ему ласковым взглядом, внимательно следил за раздачей призов, интересуясь некоторыми из них. После джигитовки Государь Император и Государь Наследник Цесаревич с Августейшими Сестрами отбыли в Александровский Дворец.

Вечером в офицерском собрании происходил прием всех депутаций и поздравлений. Приветствовали Конвой со 100-летним Юбилеем:

От всего Кубанского Казачьего Войска, Наказный Атаман генерал-лейтенант Бабич. Кубанское Войско поднесло Конвою громадную серебряную братину, точную копию литавр, пожалованных Императрицей Екатериной II Черноморскому казачьему Войску Высочайшей Грамотой от 30 июня 1792 года. К братине, по числу офицеров Конвоя, 28 малых литавр-чаш для вина. Черпаком братины служила казачья папаха из серебра, прикрепленная к серебряной шашке. На братине надпись:

«Братина-Литавра Государеву Конвою
от Братьев Кубанцев 1811–1911».

Кроме братины, Наказный Атаман передал командиру от Кубанского Войска адрес Конвою, в серебряном бюваре, украшенном фотографиями из боевой жизни Войска. Войсковой адрес гласит:

> «Собственный Его Императорского Величества Конвой! В высокоторжественный день доблестного векового служения Твоего Государю и Родине, прими, доблестный сын, от Твоей Матери – Кубанского Войска, от всего родного Тебе Войскового «товарищества» сердечный и братский привет!
>
> Прапрадедами и прадедами Твоими были Черноморцы.
>
> Приняв от своих прародителей священный для каждого казака завет во имя долга верной службы Государю и Родине встречать врага Трона, врага Отечества смертным боем, не думая о своей жизни, а памятуя только лишь о славе и чести казачества, о пользе Святой Руси Православной, Ты крепко сохранил и хра-

нишь эти заветы седой старины в своем, закаленном бранными невзгодами, казачьем сердце! Разноплеменные полчища Наполеона познали мощь и силу удара казачьей шашки, и не раз грозный враг в превосходных силах отступал пред отчаянной решимостью казаков погибнуть самим, но выполнить свой долг до конца! И весь мир был свидетелем, насколько в Тебе был силен и крепок дух казачий, дух беззаветной удали, отваги, самоотверженности, беззаветной преданности долгу службы и готовности положить душу свою за други своя!

Мятежные банды польских повстанцев при Твоем появлении рассыпались в прах: оне не дерзали противостоять Твоему удару!

Страх и трепет овладевали ими при мысли о Твоем стремительном, всесокрушающем натиске!

Нафанатизированные таборы турок не могли под Ловчей устоять пред Твоим, страшным своей стремительностью и неожиданностью, ударом. И Ты, растоптав и смяв их лихой атакой, своей безумной смелостью отворил врата победы!

Завидна и славна была Твоя доля на поле брани, но не менее завидна и почетна она была и дома при священной Особе Венценосного Вождя Российской Армии и всей Его Августейшей Семьи!

В течение целого века свято выполнял Ты возлагаемую на Тебя тяжелую, трудную, величайшей важности службу! В течение целых ста лет всегда безукоризненно оправдывал Ты оказываемое Тебе высокое доверие Августейших Монархов!

В день вековой службы Твоей, родное Тебе Кубанское Казачье Войско счастливо вспомнить, хотя бы и вкратце, длинную годами, богатую событиями, высокопочетную, блестящую службу Твою и воздать Тебе должное, сказав: жив, силен и крепок в Тебе и доныне дух казака!

И дай, Всемогущий Боже, чтобы и впредь он в Тебе креп и рос непрестанно!

В день годовщины столетия Твоего Войсковое «товариство» счастливо засвидетельствовать Тебе, что Ты, кость от кости нашей, плоть от плоти нашей, составляешь нашу гордость, нашу красу, нашу славу!

Преданный и верный своему долгу, Государев Конвой, прими же от «Твоей ридной матери» – Войска Кубанского, от «Твого ридного брата» – всего войскового «товариства», низкий поклон, горячий привет и от «широго» сердца казачьего пожелание: да нес бы Ты и впредь так же верно, честно, доблестно и славно службу Цареву на счастье и благоденствие России, на радость, гордость и славу нам, Кубанцам, и родным братьям нашим, Терцам!

Чтобы и впредь в удвоенном усердии в службе и верности Ты всегда оказывал себя достойным Царских к Тебе милостей!

Чтобы и впредь всегда Ты был на высоте своего назначения и близок к подножию Трона!

Чтобы и впредь имя казака-Конвойца было почтенно для друзей, грозно для врагов Царя и Родины!

Да хранит Тебя Господь на многие и многие годы!

Да благословит Тебя Всевышний на радость Обожаемого Всемилостивейшего Нашего Самодержца, на славу и гордость Кубанцев и Терцев! Дай Боже:

Що б Твоя доля Тебе не цуралась,
Що б Тоби в свити добре жилося!

Наказный Атаман Кубанского Казачьего Войска,
Генерал-Лейтенант Бабич.

Начальник Войскового Штаба Кубанского Казачьего Войска,
Генерал-Майор Л. Кияшко.

18-го мая 1911 года, город Екатеринодар».

От Терского Казачьего Войска Наказный Атаман генерал-лейтенант Михеев поднес Конвою адрес, бювар которого был

украшен большим серебряным Войсковым гербом. Терский Атаман прочел адрес, в котором кратко и образно была изложена 300-летняя история Терского Войска и 100-летняя Конвоя.

Войско поднесло также и серебряную братину, по сторонам которой находились грифоны Российского Императорского Дома. На одной стороне братины надпись: «Собственному Его Величества Конвою», на другой – «от Терского казачьего Войска». 18.V.1911 г.

Генерал-майор Пономарев, от Л.-Гв. Казачьего Его Величества полка, в столетний Юбилей однополчан, бывших в составе их полка до 1842 года, поднес Конвою подарок, напоминавший о подвиге, совместно проявленном под Лейпцигом в день 4-го октября 1813 года. Конная группа, сделанная из бронзы, представляла собою сцену из Лейпцигской битвы: были изображены Лейб-Казак бок о бок с казаком Л.-Гв. Черноморского эскадрона в схватке с французскими кирасирами.

Л.-Гв. Кирасирский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк, к Юбилею Конвоя поднес братину – хрусталь с серебром, и такие же бокалы.

Собственный Его Величества Сводно-Пехотный полк – братину в старорусском стиле.

1-й Железнодорожный полк – хрустальную вазу.

16-й Стрелковый Императора Александра III полк – адрес.

Лейб-Эриванцы – традиционные кавказские чаши, украшенные серебром с чернью.

Бывшие офицеры Конвоя поднесли родной Части две бронзовые статуи: Кубанцы – запорожец с добытым конем и оружием врага, вытирающий клинок своей сабли о гриву коня.

Терцы – Кавказский казак на границе, с Русским Знаменем в руке. Офицеры, состоявшие в день Юбилея на службе в Конвое – подарили «Surtout de Table» из серебра.

Дамы Конвоя поднесли офицерскому собранию складень с образом Св. Николая Чудотворца в серебряной с золотом ризе.

Пока шло чтение адресов, съезжались приглашенные к обеду в офицерское собрание дамы Конвоя. Среди гостей из дам присутствовали гофмейстерина Ее Величества статс-дама Нарышкина и супруги бывших командиров Конвоя, баронесса Мейендорф и госпожа Ивашкина-Потапова[180].

На обеде в собрании почетными гостями у офицеров Конвоя были Атаманы и Начальники Штабов Войск, Начальник Штаба Наместника Кавказа генерал Верхман, бывший командир генерал Ивашкин-Потапов, старые офицеры Конвоя – генерал князь Туманов, генерал князь Накашидзе, принц Фатали-Мирза, генерал Бек-Мармачев, генерал Савицкий, командиры полков: Сводно-Пехотного, Кирасир Ее Величества, Лейб-Казачьего, бывшие офицеры Конвоя, приехавшие с Кавказа на Юбилей, и депутации войсковых частей. Было оказано особое внимание родному внуку первого доблестного командира Л.-Гв. Черноморского казачьего эскадрона, Л.-Гв. Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка, поручику Бурсаку.

Столы в собрании для приема большого количества гостей были накрыты в нескольких залах и богато украшены конвойным серебром, состоявшим из различных ковшей, братин, ваз и других подарков, поднесенных Конвою.

Столовое серебро – ножи, ложки и вилки, все были с выгравированными именами и фамилиями офицеров, как настоящего состава, так и служивших прежде в Конвое. Каждый прикомандированный офицер при его переводе в Конвой был обязан внести стоимость прибора, на котором были обозначены его фамилия и год перевода, а потому приборов было большое количество. Это столовое серебро подавалось без всякого учета и порядка. Ножи, ложки и вилки у одного прибора все были с разными фамилиями и, конечно, с раз-

---

[180] Дамы Конвоя, в обычное время, в офицерское собрание не приглашались.

ными годами, что невольно напоминало о всех, кто когда-либо служил в Конвое.

На каждом приборе лежало художественно отпечатанное в красках меню работы художника Самокиша; на нем были изображены формы старых конвойцев, портреты трубачей Его Величества и штандартных подхорунжих. Кроме меню, у каждого прибора лежала такая же карточка с программой концерта.

МЕНЮ.

Консоме фюме из томата,
пирожки.
Омары холодные,
соус майонез.
Котлеты барашка и
куриные с гарниром.
Жаркое – пулярды французские
и утки.
Салат.
Желе земляничное. Десерт.

МУЗЫКА.

Песенники Собственного Его Величества Конвоя.
Марш Юбилейный – привет Царю от Кубанских и Терских казаков.
Полным сердцем торжествуя.
Ой, мороз-морозенько!
Вспомним, братцы, мы былое.
Царя Белого казаки.
Тебя мы ждали круглый год.
Марш Кавказских казаков.

Хор музыки Л.-Гв. 4-го Стрелкового Императорской фамилии полка

Конвоем было получено много поздравительных телеграмм, во главе их телеграммы от Государыни Императрицы Марии Федоровны, Великого Князя Михаила Александровича, Великой Княгини Ксении Александровны, Великой Княгини Ольги Александровны, Великого Князя Николая Николаевича, временно командующего округом генерала Газенкампфа, старых офицеров Конвоя, по болезни не бывших на Юбилее, и от многих войсковых частей. Общее число поздравительных телеграмм было более двухсот.

Казакам Конвоя и всем прибывшим с Кубани и Терека старослужащим конвойцам в новых казармах Конвоя три дня давался праздничный обед с вином.

20-го мая в 8 часов вечера Государь Император изволил посетить офицерское собрание. В этот вечер в собрании Конвоя, кроме Министра Императорского Двора, дежурного флигель-адъютанта, командира и всех офицеров Конвоя, во время обеда в Высочайшем присутствии других лиц не было.

После обеда Государь остался в собрании и прослушал концерт, для которого были приглашены из Петербурга известные артисты.

По окончании концертной программы, в собрание были вызваны песенники Конвоя. Государь Император знал и любил песни казаков Конвоя, слушая их с большим вниманием, часто Сам указывал песню, которую Он хотел бы прослушать.

Оставаясь долгое время в собрании, Государь много разговаривал с офицерами и казаками-песенниками, с большой легкостью и свойственной Ему Царской ласковой манерой.

Этим обедом Государя Императора с офицерами Своего Конвоя были закончены Юбилейные торжества, и «служба Царского Конвоя пошла укладом дней былых».

По повелению Государя Императора, Конвой принял участие в торжественной встрече Сербского Короля Петра I Карагеоргиевича, прибывшего в Россию 19-го августа 1911 года.

Король Петр I прибыл со своей дочерью, принцессой Еленой Петровной, и с наследником сербского престола Королевичем Александром – впоследствии Королем Югославии, до самого последнего дня своей трагической кончины остававшегося единственным Королем, рыцарски верным и преданным Императорской России.

Принцесса Елена Петровна была невестой Его Высочества Князя Иоанна Константиновича, сына Великого Князя Константина Константиновича.

На станции Петергоф сербская королевская семья была встречена Государем Императором, Государыней Императрицей и многими Членами Императорской Фамилии, прибывшими в Петергоф. На перроне Царской ветки Петергофского вокзала был выстроен почетный караул Л.-Гв. от Измайловского полка.

Король Петр I, вместе с Государем, имевшим на Себе ленту Карагеоргиевской звезды 1-й степени, обошел почетный караул и с ним поздоровался. После взаимных приветствий и представлений, Высочайший кортеж направился в Императорский Дворец «Александрия», в сопровождении Конвоя Его Величества.

В первой коляске следовал Государь с Сербским Королем. За ними, в другой дворцовой коляске, была Государыня Императрица и принцесса Елена Петровна.

Командир Конвоя Свиты Его Величества генерал-майор князь Трубецкой сопровождал Государя и Его высокого гостя верхом, равняя своего коня с задним левым колесом Царского выезда. Один конный взвод Конвоя открывал кортеж, другой его замыкал.

По пути следования Царского кортежа, от Петергофского вокзала до Императорского Дворца были выстроены в пешем строю сотни Конвоя и шпалеры от Сводно-Пехотного полка и от воинских частей Петергофского гарнизона.

Свадьба Его Высочества Князя Иоанна Константиновича и принцессы Елены Петровны состоялась 21-го августа в Большом Петергофском Дворце.

Годы перед Первой мировой войной

После своего юбилейного года Конвой в последующие 1912 и 1913 годы принимает участие в общегосударственных торжествах, как открытие в Москве памятника Государю Императору Александру III, и в так называемых «Бородинских» и «Романовских» торжествах.

В конце мая 1912 года в Москве было открытие памятника в Бозе почившему Государю Императору Александру III Александровичу.

Памятник был воздвигнут на площади возле храма Христа Спасителя. Перед открытием памятника в Москву стали прибывать взводы, со своими Знаменами и Штандартами, от всех полков Гвардии и от всех армейских частей, у которых Государь Император Александр III был Шефом. На это торжество в Москву от Конвоя была командирована с Юбилейным Штандартом Л.-Гв. 2-я Кубанская сотня.

28-го мая Императорская Семья прибыла в Москву. От вокзала по всему пути следования Их Величеств в Кремлевский Дворец были выстроены войска, как прибывшие в Москву, так и воинские части Московского гарнизона. Прибытие Царской Семьи в Москву возвестил колокольный звон всех московских церквей. Во Дворец Царская Семья следовала в колясках. В первой коляске находились Государь, Государыня и Наследник Цесаревич. Во второй – Великая Княгиня Елизавета Федоровна и Великие Княжны.

Впереди Царских колясок шли крупной рысью конвойцы.

29-го мая Государь Император, Государыня Императрица и Их Августейшие Дети посетили Успенский собор. Высочайший Выход в собор следовал через Красное Крыльцо.

Кроме караула во Дворце, наряд от Конвоя был у входа в Успенский собор. 30-го мая пушечными выстрелами было объявлено начало торжеств. У храма Христа Спасителя перед сооруженным памятником были выстроены войска – представители частей, назначенных присутствовать на открытии памятника Царю Миротворцу.

К 12 часам дня прибыл Государь Император, которого встретил с рапортом Командующий войсками Московского Военного Округа генерал Плеве. Поздоровавшись с войсками и обойдя их, Государь вошел в храм. По окончании церковной

службы, ИХ Величества Государь и Государыня, а за Ними все Члены Императорской Фамилии, выйдя из храма, подошли к Царскому шатру, находившемуся перед памятником.

Памятник был покрыт серым полотном. Вслед за Высочайшими Особами, под звуки войсковых оркестров, игравших «Коль Славен», из собора вышел крестный ход и направился к памятнику.

У памятника многочисленным духовенством, во главе с Московским митрополитом, была отслужена лития, с провозглашением «Вечной Памяти» почившему Императору Александру III.

Затем Государь, стоявший на ступеньках памятника, спустился с них и, вынув шашку из ножен, громким голосом скомандовал войскам: «Всем парадом слушай, накра-ул!»

С величественного монумента начало медленно падать полотно, и предстала мощная фигура Императора Александра III, сидевшего на Троне в короне и Царской мантии, со Скипетром и Державою в руках. В этот торжественный момент под звуки Преображенского марша, раздался залп артиллерии, и Государь Император отсалютовал памятнику Своего Августейшего Отца.

После совершенного духовенством молебна, последовал церемониальный марш, в котором Его Величество Государь Император Николай II Александрович изволил принять личное участие. Став перед войсками и маршируя во главе их, Государь, салютуя Своей шашкой, зашел к памятнику и пропустил войска перед Собой.

На правом фланге конвойцев находились Министр Двора и командир Конвоя.

1-го июня Царская Семья отбыла из Москвы в сопровождении командира и обычного наряда Своего Конвоя.

В 1912 году, в столетний юбилей Отечественной войны, в двадцатых числах августа со всей России были командированы в Бородино представители от всех воинских частей, которые

принимали участие в Бородинском сражении 26-го августа 1812 года.

Прибывшие войска, расположившись в палатках, образовали громадный лагерь в окрестностях села Бородино.

От Конвоя на Бородинские торжества была командирована со Штандартом Сводная сотня от 2-х Кубанских его сотен, предки которых принимали доблестное участие в Бородинском сражении.

Первая часть надписи Кубанского Штандарта гласит: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году.» Командиром Сводной сотни Конвоя был назначен флигель-адъютант есаул Жуков. Взводными офицерами – подъесаул Рашпиль, подъесаул Савицкий, сотник Гулыга и сотник Скворцов. При Штандарте находился адъютант Конвоя, подъесаул Ветер.

Все исторические места Бородинского поля были украшены арками, колоннами с гирляндами зелени, флагами, Царскими вензелями и Государственными Российскими Гербами. Многие полки построили памятники своим героям. У монастырской гостиницы стояли высокие колонны с надписью: «От благодарных потомков – Великим предкам.»

Среди русских памятников находился памятник французов, сооруженный их воинам, павшим в бою под Бородино.

Из разных мест России прибывали в Бородино различные делегации и отдельные лица, приглашенные на торжества. Из Франции прибыла военная делегация, возглавляемая командиром корпуса.

К дню приезда Царской Семьи прибыли на станцию Бородино Великие Князья, в отдельном, специально для них составленном поезде.

Государь Император, выехав со всей Своей Августейшей Семьей из Петергофа 24-го августа вечером и следуя через Москву, прибыл на станцию Бородино 25-го августа в 11 часов утра.

На станции Бородино к прибытию Царского поезда были выстроены «Встреча» Конвоя и почетный караул Л.-Гв. от Преображенского Его Величества полка.

Великие Князья, Московский губернатор, Командующий Московским Военным Округом, высшие военные и гражданские лица и члены комиссии по юбилейным торжествам также находились на платформе станции Бородино.

Государь, приняв рапорт Командующего Войсками и Московского губернатора, обошел строй почетного караула, а затем Царская Семья была доставлена поездом к Царскому павильону, где Она имела пребывание в дни Бородинских торжеств.

Великие Князья в эти дни жили в своем поезде.

Посетив Бородинский монастырь, Их Величества Государь Император, Государыня Императрица, Государь Наследник Цесаревич и Великие Княжны к 3 часам дня проследовали на Бородинское поле, к Бородинскому памятнику. У памятника были выстроены, тремя большими фасами (каждый фас имел несколько линий), все войска, прибывшие на празднование столетия Бородинского сражения. На правом фланге первой линии первого фаса находились рота Дворцовых Гренадер и Сводная сотня Конвоя. Все чины Императорского Конвоя, командированные на Бородинские торжества, были в вицмундирах – синяя черкеска при алом бешмете.

Государь Император сел на поданного Ему коня и, в сопровождении большой Свиты, в которой находились Великие Князья, Командующий Войсками и Дежурство (генерал-адъютант, Свиты генерал и флигель-адъютант), проследовал в объезд выстроенных войск.

Государь имел на Себе форму Конной Гвардии. Непосредственно за Государем находились урядник ординарец, трубачи Его Величества и урядник с Императорским Штандартом. Командир Конвоя сопровождал Государя, следуя в Его Свите.

Государыня Императрица с Наследником Цесаревичем объезжали войска в открытой коляске, у задних колес которой на особой ступеньке стояли два камер-казака Ее Величества. За Государыней в другой коляске следовали Великие Княжны.

Объехав войска, Государь направился к Инвалидному дому, где изволил беседовать с глубокими старцами, ветеранами Отечественной Войны, и принял французскую военную делегацию.

При французской делегации находился Герцог Лейхтенбергский, как правнук герцога Евгения Богарнэ-Лейхтенбергского, сына императрицы Жозефины, пасынка императора Наполеона.

В тот же день была назначена панихида в походной церкви Императора Александра I по всем воинам, павшим в Бородинском бою. Крестный ход, шедший с иконой Смоленской Божьей Матери, направился к Бородинскому памятнику.

Эта чудотворная икона Божьей Матери находилась на Бородинском поле и в 1812 году, когда ее перед боем 26-го августа, по приказанию Главнокомандующего Русской Армией генерал-фельдмаршала Кутузова, обнесли перед всеми войсками.

При приближении Св. Чудотворной иконы, хоры музыки и трубачей войсковых частей играли молитву «Коль Славен».

Их Величества вышли навстречу иконе и приложились к ней. Над братской могилой была духовенством отслужена панихида по Императору Александру I и Его погибшим в бою воинам.

По окончании панихиды, Чудотворная икона, так же, как и сто лет тому назад, была обнесена вдоль фронта выстроенных войск. Икону, сменяясь, несли солдаты. Государь Император, все присутствующие на торжестве Великие Князья и Свита Государя последовали за Св. иконою.

До семи часов вечера Государь изволил осматривать сооруженные на Бородинском поле памятники.

Начало торжественного празднования столетия Бородинского боя было возвещено утром 26-го августа пятью орудийными выстрелами. Массы народа начали прибывать к месту парада, среди них – представители крестьян, сельского и городского населения, как из Москвы, так и из провинции.

К Бородинскому полю подходили большими группами воспитанники учебных заведений и сельских школ со своим преподавательским персоналом. У Бородинского памятника, кроме высших военных и гражданских чинов, находились сельские старосты, различные депутации от городов и тысячи жителей Москвы и других мест России.

К 10 часам утра в Спасо-Бородинский монастырь прибыли Великие Князья и вскоре затем Государь с Своей Августейшей Семьей. Когда Божественная Литургия была закончена, начался крестный ход от монастыря к Бородинскому памятнику.

Вокруг памятника были выстроены войска на три фаса. Конвойцы, вместе с Дворцовыми Гренадерами, стояли на правом фланге войск. Государь Император, Великие Княжны и Великие Князья следовали пешком за крестным ходом. Ее Величество Государыня Императрица с Наследником Цесаревичем ехала в коляске.

У памятника духовенством был совершен благодарственный молебен об избавлении России от «нашествия галлов и с ними двадесяти языков»[181]. После провозглашения многолетия

---

[181] В 1812 г. Наполеон, вступив в пределы России, надменно заявил: «Россия увлекается роком, пусть совершится судьба ее.» – К Празднику Рождества Христова последние остатки французской армии и с ней армии 20-ти народов, подвластных Наполеону, покинули пределы России. По этому избавлению от нашествия галлов (древнее название французов) были установлены в Императорской России благодарственные моления на первый день

Государю Императору, Всему Царственному Дому и всему Российскому воинству, была провозглашена «Вечная память» Императору Александру I, вождям и воинам, павшим в Отечественную войну в 1812 году.

В этот момент была отдана воинская честь павшим героям. Раздался залп из восьмиорудийной батареи.

Батарея стреляла три раза, и, одновременно с артиллерийским салютом, зазвонили монастырские колокола.

Французская военная делегация возложила к подножию памятника серебряный венок.

Затем последовал Высочайший объезд войск. Государь верхом, Государыня с Наследником Цесаревичем и Великие Княжны в колясках. Совершив объезд войск, Государь и Его Августейшая Семья подъехали к Царской палатке, у входа которой была выставлена «Встреча» Конвоя, в составе одного офицера, одного урядника и трех казаков.

Войскам был объявлен Высочайший приказ, который читался перед фронтом каждой войсковой части:

«ПРИКАЗ АРМИИ И ФЛОТУ.

> Сто лет назад Российское воинство, велением Верховного Вождя своего, блаженные памяти Императора Александра Благословенного, призвано было к великому и почетному долгу отстоять грудью своею достоинство, честь и славу, дотоле непрестанно сопровождавшие сухопутную Армию и Флот. С глубокою верою во всемогущество Божие, в полном единении со своим Государем и с покорностью пред предстоящими неисчислимыми и тяжелыми испытаниями, преданные своему долгу Армия и Флот, приступили к совершению великого дела, и проявленные ими беззаветные подвиги мужества и храбрости спасли Отечество, заслужили благодарную

Великого Праздника Рождества.

память и вечное уважение потомства и удивление дотоле непобедимого врага и всех народов Европы.

В сегодняшний торжественный день поминания столетней годовщины знаменательного сражения на полях Бородинских, воздаваемая вместе со Мною всею Россией дань уважения и признательность к подвигам ваших предков да укрепит в сердцах ваших сознание долга и да послужит источником к проявлению вами той же беззаветной преданности и мужества, когда Промыслу Божьему угодно будет призвать Отечество к новому испытанию.

Сердца ваши да пребывают в уверенности, что потомки с уважением произнесут имена ваши, и содеянные вами подвиги неизгладимо будут жить в памяти благодарного Отечества.

Село Бородино, 26-го августа 1912 года.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою начертано: Николай».

Когда Высочайший приказ был объявлен, войска произвели необходимое перестроение, и Государь Император дал знак к началу Церемониального марша.

Рота Дворцовых Гренадер в своих медвежьих, эпохи 1812 года, шапках открыла марш. По полю разнеслись звуки флейтистов и барабанщиков, шедших перед ротою в две шеренги.

За Дворцовыми Гренадерами, взяв от них большую дистанцию, показался развернутый строй сотни Государева Конвоя, под командой флигель-адъютанта есаула Жукова.

За конвойцами шел бесконечный ряд войск: Военно-Учебные заведения, Гвардейская пехота, Гвардейская кавалерия и артиллерия, части Гренадер и Армейская пехота, Армейская кавалерия и Казачьи полки. При звуках старых русских маршей, хоров музыки и трубачей, при рокоте барабанов, до 2-х часов дня проходили перед Его Величеством Государем Императором войска Церемониальным маршем: пехота по-ротно, кавалерия по-эскадронно (по-сотенно).

Части войск, прибывшие на торжество в составе взводов, проходили по-взводно.

После парада в саду Бородинского Дворца, в присутствии Государя и Великих Князей, состоялся завтрак, на который были приглашены французская военная миссия и многие генералы, штаб и обер-офицеры частей, принимавших участие в Бородинских торжествах. Все офицеры Конвоя получили приглашение.

После завтрака Государь верхом, в сопровождении Великих Князей и Своей Свиты, вновь объезжал Бородинское поле до 6 часов вечера. Его Величество изволил проехать в д. Горки и осмотреть памятник фельдмаршалу Кутузову, а затем осматривал все поле Бородинского сражения. У памятников, которые были воздвигнуты воинскими частями своим предкам, на тех местах, на которых они сражались, находились представители этих частей.

Государь, останавливаясь у каждого памятника, осматривал его и милостиво беседовал с представителями полков.

У французского памятника Государь сошел с коня и расписался в почетной книге. Великие Князья последовали Его примеру.

В память столетия Отечественной войны, по повелению Государя Императора, была установлена светло-бронзовая медаль на Владимирской ленте. С одной стороны медали был изображен бюст Императора Александра I, а с другой – слова из Его приказа от 3 февраля 1813 года: «Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги.»

Эта медаль Высочайше была пожалована всем офицерам и казакам Конвоя, предки которых участвовали в Отечественной войне 1812 года, от ее начала до «изгнания неприятеля из пределов России»[182].

---

[182] Из воспоминаний о командировке в Бородино. Генерал Скворцов. «Бородино. 1812–1912 г.» Журнал «Наши Вести». № 134. № 139-а. В. А. Силин.

По окончании Бородинских торжеств, Царская Семья отбыла в Москву, праздновавшую столетие своего освобождения «от нашествия иноплеменников». Государя и Его Августейшую Семью сопровождали конвойцы, вступившие на службу при Императорских поездах в день отбытия Государя из Петергофа. Командир, урядник ординарец Его Величества и два казака Конвоя находились в «Собственном» поезде, остальные конвойцы с одним офицером в «Свитском».

Для встречи Государя Императора и для занятия караулов в Кремлевском Дворце, в Москву из Царского Села был командирован особый наряд Конвоя.

Императорские поезда прибыли в Москву 27-го августа. На всем пути следования Их Величеств от вокзала до Дворца шпалерами стояли войска, воспитанники учебных заведений и сотни тысяч народа, приветствующие Царский въезд в ликующую Москву.

Во время пребывания Царской Семьи в Москве, конвойцы несли соответствующие наряды при всех Высочайших Выходах, смотрах и выездах Их Величеств. В первый день пребывания Царской Семьи в Москве состоялся Высочайший Выход через Красное Крыльцо в Успенский собор, и вечером Государь изволил посетить Благородное Собрание. На другой день, 28-то августа, Государь на Ходынском поле произвел смотр войскам четырех армейских корпусов. Вечером Государь с Великими Князьями присутствовал на обеде в Георгиевском зале Кремлевского Дворца, на который были приглашены начальствующие лица и общественные представители города Москвы.

29-го августа Царская Семья прибыла на торжественное Богослужение в Храм Христа Спасителя. В тот же день Государь и Государыня посетили исторический музей 1812 года.

Пребывание Царской Семьи в Москве закончилось большим парадным обедом 30-го августа в Кремлевском Дворце,

во время которого был концерт оркестра Большого Московского театра, с участием артистов Императорской оперы.

После обеда, Государь изволил обходить в Андреевском зале всех приглашенных к Высочайшему обеду, среди которых находились командир и офицеры Конвоя, командированные в Москву.

21-го февраля 1913 года исполнилось 300 лет со дня призвания на Царство первого Монарха из Дома Романовых.

Россия переживала тягчайшие испытания так называемого «смутного времени», когда враги ее творили на Руси дикий разгул и беззаконие. Желая спасти свою Родину от неминуемой гибели, съехались в Москву представители от 50 городов и, совместно с жителями самой Москвы, составили Собор для «Государева обирания».

Видя гибнущую и обездоленную Родину, Великий Московский Земский Собор вынес единодушное решение: Без Царя нет спасения России!..

Приняв это решение, Собор поставил условие: «иноверных» не избирать, а избрать только своего, «из великих Московских родов». Согласно письменных и устных заявлений не только на самом Соборе, но и заявлений жителей Москвы, земских людей и казаков (Атаман Межаков), Собор 7-го февраля 1613 года впервые решил остановить свой выбор на юном боярине Михаиле Федоровиче Романове, сыне митрополита Филарета.

О своем выборе Собор известил русский народ: «люб ли будет Царь Михаил?» и вызвал на Собор тех бояр, которые отсутствовали. К 21-му февраля съехались все бояре, а посланные в города гонцы привезли ответ от жителей этих городов, и Собор вынес свое окончательное решение.

«Только Михаил Федорович Романов, как прямой потомок великих, благородных и благоверных и Богом венчанных Российских Государей Царей от Их Царского благородного племени, имеет неоспоримое право на Российский Престол и должен возглавить Царствующую Династию».

Этим постановлением Великого Московского Собора было положено начало Российскому царствующему дому Романовых.

И, чтобы на веки вечные покончить со всякого рода посягательствами на права Царствующей Династии, Собор огласил святость и неприкосновенность Царского Рода великим религиозным заклятием, в силу которого *«всякий дерзающий нарушить Соборное постановление, будет отлучен от Св. Троицы»*.

Эта клятва Великого Московского Собора гласит: «*Заповедано, чтобы Избранник Божий Царь Михаил Федорович Романов был Родоначальником Правителей на Руси из рода в род с ответственностью в своих делах перед единым Небесным Царем, а кто же пойдет против сего Соборного постановления: сам ли Царь, Патриарх ли, вельможа ли, всяк человек, да проклянется таковой в сем веке и в будущем, отлучен бо он будет от Святые Троицы*».

От Великого Московского Земского Собора была послана депутация к избранному Собором Царю. В то время боярина Михаила Федоровича Романова не было в Москве: он со своей матерью, инокинею Марфою Ивановной, находился в Ипатьевском монастыре у Костромы.

Юный Михаил Федорович долго отказывался от Царства. Мать его также не хотела благословить сына на Престол, ибо «русские люди измалодушествовали...» После долгих уговоров и просьб, послы Собора получили согласие, и Царь Михаил Федорович 14-го марта 1613 года отбыл в Москву.

В течение 300 лет самоотверженно выполняли великий подвиг Царственного служения Цари из Дома Романовых.

Династия выдвинула не только мудрых Правителей и великих полководцев, но и мучеников за русский народ, за честь и достоинство Великой России.

ЦАРСТВЕННЫЙ ДОМ РОМАНОВЫХ
1613–1913

Царь	Михаил Федорович (1613–1645)
Царь	Алексей Михайлович (1645–1676)
Царь	Федор III Алексеевич (1676–1682)
Император	Петр I Великий (1682–1725)
Императрица	Екатерина I (1725–1727)
Император	Петр II (1727–1730)
Императрица	Анна Иоанновна (1730–1740)
Император	Иоанн VI (1740–1741)
Императрица	Елизавета Петровна (1741–1761)
Император	Петр III (1761–1762)
Императрица	Екатерина II Великая (1762–1796)
Император	Павел I (1796–1801)
Император	Александр I Благословенный (1801–1825)
Император	Николай I (1825–1855)
Император	Александр II Освободитель (1855–1881)
Император	Александр III Миротворец (1881–1894)
Император	Николай II Александрович

21-го февраля 1913 года был обнародован Манифест Государя Императора Николая II Александровича:

> «Божией милостью Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем верным Нашим подданным: Волею Всевышнего, три века тому назад, пресекся Царственный род Рюриковичей – основателей и собирателей Русской Земли.
>
> Тяжкие невзгоды обрушились на наше Отечество: безначалие и смута обуяли Русь; иноземцы недруги

вторглись в ее пределы; Первопрестольная Москва с ее святынями стала добычей врага.

Но на краю величайшей опасности, угрожавшей России, Господь Всемогущий не оставил ее Своею великою милостью. По призыву крепких духом русских людей, сплотившихся под сенью Троицко-Сергиевской Лавры, воспрянул русский народ на защиту своей Родины и, с помощью Божией одолев врага, освободил Москву от неприятельского засилья.

Созванный затем Великий Земский Собор в 21 день февраля 1613 года единодушно избрал на царствование боярина Михаила Федоровича Романова, ближайшего по крови к угасшему царственному роду Рюрика и Владимира Святого.

После глубокого раздумья и горячей молитвы, юный предок Наш, с благословения матери своей инокини Марфы, принял на себя тяжкое бремя царственного служения. С той поры и доселе Десница Божия охраняла и возвеличивала нашу Державу.

Совокупными трудами Венценосных Предшественников Наших на Престоле Российском и всех верных сынов России создалось и крепло Русское Государство. Неоднократно подвергалось наше Отечество испытаниям, но народ русский, твердый в вере православной и сильный горячей любовью к Родине и самоотверженной преданностью своим Государям, преодолевал невзгоды и выходил из них обновленным и окрепшим.

Тесные пределы Московской Руси раздвинулись, и Империя Российская стала ныне в ряды первых держав мира.

В неизменном единении с возлюбленным народом Нашим, уповаем Мы и впредь вести Государство по пути мирного устроения жизни народной.

Объемля взором три столетия минувшие, Мы видим на всем их протяжении высокие подвиги лучших сынов России, не щадивших для нее ни трудов, ни достояния, ни самой жизни своей. Да пребудет

память о них навсегда священною в летописях родной земли.

И в сей торжественный день всенародного празднования трехсотлетия Царствования Дома Романовых, Нам отрадно с признательным умилением остановить внимание Наше на заслугах перед Россией сподвижников ее Царей и всех верных подданных их.

Велики заслуги Святителей и пастырей Церкви православной, озаривших Русь светом истинной веры и прославивших ее подвигами благочестия и христианской любви.

Благородное дворянство российское кровью запечатлело преданность Родине и в трудах государственного устроения неизменно подавало высокий пример гражданской доблести, особливо в памятную годину освобождения крестьян от крепостной зависимости.

В сиянии славы и величия выступает образ русского воина, защитника Веры, Престола и Отечества. Беззаветное мужество и непоколебимая преданность своему долгу христолюбивого воинства российского отстояли Русь от неприятеля и ныне служат крепким щитом ее от вражеского нашествия.

Много упорного и честного труда вложено в дело устроения государства и преданными Нам служилыми людьми, без различия званий и положений.

В области наук, словесности и искусств выдающиеся русские люди стяжали себе почетные имена, и труды их, привлекшие внимание всего мира, получили высокую оценку не только в Отечестве нашем, но и далеко за его пределами.

На мирном поприще сельского хозяйства, торговли и промышленности выдвинулись русские люди настойчивого труда и широкого почина, созидавшие дружными усилиями хозяйственную мощь России. Неизмеримы и несчетны заслуги перед Россией десятков миллионов пахарей, терпением и трудом коих благоустрояется земледельческий промысел и умножаются основные источники народного богатства. Да

не оскудеет благословение Божие, на Нас и любезных подданных Наших пребывающее.

Да укрепит и возвеличит Господь Вседержитель Русскую Землю и да подаст Нам силы высоко и твердо держать издревле славный стяг Отечества.

Дан в Санкт-Петербурге, в двадцать первый день февраля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот тринадцатое, Царствования же Нашего в девятнадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою начертано:

Николай».

В первый день празднования 300-летия Царствования Дома Романовых, Их Величества принимали поздравления в Зимнем Дворце, в зале рядом с Малахитовой гостиной. Министры, высшие военные и гражданские чины, и все, приносившие поздравление Государю и Государыням, сначала подходили к Государыне Императрице Александре Федоровне и, делая глубокий поклон, целовали Ее руку, а затем снова кланялись Государыне. Так же приносили поздравление и Вдовствующей Государыне Императрице Марии Федоровне, а потом подходили к Государю Императору.

Командир Свиты Его Величества генерал-майор граф Грабе-Никитин, принявший командование Конвоем в 1912 году от генерала князя Трубецкого, и офицеры Конвоя имели честь присутствовать на этом торжестве и лично принести поздравления Государю и Государыням.

В последующие дни Царская Семья посетила благодарственное Богослужение в Казанском соборе, парадный спектакль в Мариинском театре (шла опера «Жизнь за Царя») и большой бал в Дворянском Собрании, на который вместе с Государем и Государыней прибыли Великая Княжна Ольга Николаевна и Великая Княжна Татьяна Николаевна. На балу

присутствовали все Великие Князья и Княгини. Бал открыла Великая Княжна Ольга Николаевна.

Перед Казанским собором, у бокового входа в Мариинский театр и у главного входа в Дворянское Собрание Их Величеств ожидала «Встреча» Государева Конвоя, от сотни, находившейся на службе при штабе Конвоя в Петербурге.

В мае Государь и Государыня с Августейшими Детьми совершили десятидневную поездку по местам, которые были связаны с историческим прошлым Дома Романовых. Выехав из Царского Села 15-го мая, Государь со всей Своей Семьей посетил Владимир, Суздаль, село Боголюбово и Нижний Новгород. Из Новгорода Царская Семья следовала пароходом по Волге до Костромы. Два других парохода были предоставлены Великим Князьям, сопровождавшим Государя.

На всем пути следования Царской Семьи оба берега р. Волги были покрыты массою крестьян, приветствовавших своего Царя и Его Семью. В самой же Костроме, на родине Дома Романовых, все население города и окрестных сел радостно встретило Царскую Семью, окружив Ее сплошной стеной.

К этому дню прибытия Государя в Кострому собрались все министры, представители духовенства и высшие чины Империи. В Костроме Государь, Его Семья и все Великие Князья посетили исторический Ипатьевский монастырь, где 300 лет тому назад делегация Великого Московского Земского Собора умолила инокиню Марфу дать благословение на Царство сыну своему – Родоначальнику Дома Романовых, Царю Михаилу Федоровичу.

При входе Государя в Ипатьевский монастырь, Его встретил костромской архиепископ, и в монастыре, в присутствии всей Царской Семьи и лиц Ее сопровождавших, был отслужен благодарственный молебен, с провозглашением многолетия всему Российскому Царственному Дому.

Во время Высочайшего пребывания в Костроме 19-го и 20-го мая, одним из главных торжеств была закладка памят-

ника 300-летия Царствования Дома Романовых. На площади перед памятником были выстроены 13-й Лейб-Гренадерский Эриванский полк и сотня 1-го Кизляро-Гребенского полка Терского Казачьего Войска[183]. Эриванцы и Гребенцы были командированы в Кострому, как старейшие полки Русской Армии.

При отбытии парохода с Царской Семьей из Костромы, те же массы народа провожали Ее, стоя вдоль берега Волги, а на самом высоком обрыве его выстроилась в конном строю сотня Гребенцов. Их громкое казачье «ура» долго разносилось по Волге и неслось вслед пароходу с отбывающей Царской Семьей.

После Костромы Царская Семья, посетив Ярославль, отбыла в Москву.

В эти дни Высочайшего путешествия Конвой нес особенно усиленную службу, ибо кроме наряда в Императорских поездах и сотни, командированной в Москву для встречи и сопровождения Государя, специальными эшелонами отправлялись офицеры и казаки Конвоя во все места, которые Государь изволил посетить[184].

Всем офицерам Конвоя, как сопровождавшим Государя, так и встречавшим Его в разных городах во время Романовских торжеств, Высочайше был пожалован Царский подарок – золотые запонки: цепь, на одном конце ее Шапка Мономаха, на другом – Императорская Корона. Корона и Шапка Мономаха украшены небольшими драгоценными камнями[185].

---

[183] Весь полк находился в Персии.

[184] В командировках находились: в Ярославле с конным взводом – сотник А. Федюшкин. В Суздале – подъесаул Г. Рашпиль. В Костроме – подъесаул В. Савицкий и сотник М. Скворцов. В Владимире – сотник В. Зборовский.

[185] Получаемые офицерами Конвоя Высочайшие подарки заносились в их послужные списки.

В Москву, праздновавшую 300-летний Юбилей Царствования Дома Романовых, Царская Семья прибыла 25-го мая. К 4 часам дня к перрону Александровского вокзала подошел «Свитский» поезд, а вскоре затем Собственный Императорский поезд.

К прибытию Императорского поезда на вокзале был выстроен почетный караул, а для сопровождения Царской Семьи, при въезде Ее в Москву, на площади перед вокзалом находились в конном строю сотня Конвоя Его Величества и от частей Московской кавалерии эскадрон 1-го Гусарского Сумского полка и сотня 1-го Донского Казачьего полка. Приняв почетный караул, рапорт и представление генералитета, Государь сел на поданого Ему коня и объехал строй сотен и эскадрона, здороваясь отдельно со Своими конвойцами, гусарами и донцами.

При въезде Царской Семьи в Первопрестольную Москву, из всех ее церквей раздался колокольный звон. Государь Император ехал верхом на коне, Государыня Императрица с Августейшими Детьми в дворцовых колясках. За Государем следовали Его трубачи-конвойцы. Дежурство Государевой Свиты и Великие Князья, во главе Их старшие по Престолонаследию: Великий Князь Кирилл Владимирович, Великий Князь Борис Владимирович и Великий Князь Андрей Владимирович.

Впереди Государя шла конная сотня Его Конвоя. Командир Конвоя находился у заднего левого колеса экипажа Ее Величества. За экипажами с Особами Императорской фамилии – конный строй Сумских гусар и сотня Донских казаков.

Задолго до прибытия Царской Семьи в Москву все тротуары Тверской улицы были заполнены народом. Вдоль тротуаров выстроились воинские части Московского гарнизона, в парадной форме. Тверская улица, по которой следовало Царское шествие, была покрыта песком. Везде были вывеше-

ны флаги – Русские Национальные и Династии Романовых. Все столбы на улице украшены лентами и живыми цветами. С балконов домов спускались ковры и гирлянды зелени, а на балконах и в окнах домов были установлены Царские бюсты.

Перед часовней Иверской Божьей Матери Государь сошел с коня и, зайдя в часовню, приложился к Св. Образу Ее. За Спасскими воротами Государя встретило духовенство[186].

26-го мая, по случаю дня рождения Государыни Императрицы Александры Феодоровны, бывшего накануне, в Успенском соборе была Божественная служба. Во время Царского Выхода из Кремлевского Дворца в Успенский собор офицеры Конвоя находились в Андреевском зале, а вечером получили приглашение на парадный обед, который был дан в Большом Кремлевском Дворце.

На третий день пребывания Царской Семьи в Москве во время Романовских торжеств, 28-го мая состоялся бал в Благородном Собрании. Государь Император, Государыня Императрица с Великими Княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной изволили посетить бал. Государь и Государыня во время бала находились в открытой ложе, расположенной в конце зала. ИХ Величества оставили бал до ужина. Свободные от службы офицеры Конвоя присутствовали на балу.

В память 300-летия Царствования Дома Романовых Высочайше утверждены нагрудный знак и медаль.

Нагрудный знак был пожалован Государем командиру и всем офицерам Конвоя, состоявшим на службе в нем в дни Романовских торжеств.

На нагрудном знаке в память 300-летия Дома Романовых в центре находится Романовский грифон в рамке, а над ней

---

[186] При проезде через Спасские ворота, головные уборы снимались.

Императорская Корона. По всем четырем сторонам рамки расположены по 2 головы грифона. Самая рама лежит на лавровом венке, который в своем основании перевит лентой. На ленте дата: 1613–1913. Императорская Корона, Романовский грифон и венок – золотые. Рама черная – серебро с чернью.

О нагрудном знаке в память 300-летия Царствования Дома Романовых утверждены следующие правила:

1. Знак носится выше всех нагрудных знаков, на правой стороне груди.
2. Знак наследственный и передается он старшему в роде.

На медали, на лицевой ее стороне, изображен лик Первого Монарха из Дома Романовых, Царя Михаила Федоровича, и лик Царствовавшего в 1913 году Государя Императора Николая II Александровича.

Медаль носится на Романовской ленте: белого, оранжевого и черного цвета. Все офицеры, чиновники и казаки Конвоя получили право ношения этой медали. Казакам Конвоя, помимо серебряных рублей, которые они получали после каждого парада в Высочайшем присутствии, были выданы еще так называемые Романовские рубли, лицевая сторона которых была одинакова с медалью, установленной в память Юбилея Дома Романовых.

В Царствование Государя Императора Николая II Александровича, в один из дней Рождественских праздников для чинов Конвоя и Сводного полка устраивалась елка в Царском Селе, в придворно-конюшенном манеже.

В первый день Рождества Христова Государь с Августейшей Семьей Своей присутствовал на Богослужении в Феодоровском Государевом Соборе, который считался полковой церковью Собственного Конвоя и Сводного полка.

Феодоровский Собор был сооружен при непосредственном участии самой Государыни Императрицы. Это был храм

древнерусской церковной архитектуры. Собор состоял из двух храмов: нижнего-«пещерного» храма, украшенного старинными иконами, и верхнего храма. На правом клиросе верхнего храма, на особом возвышении было место, предназначенное только для Царской Семьи.

Кроме того, в верхнем храме у боковой стены алтаря находилась келья Государыни Императрицы. На стенах кельи, обитых темной парчей, висели иконы древне-русского письма, озаренные светом лампад.

Государь Император, Государыня Императрица и Их Августейшие Дети подъезжали к Собору не к главному, а к боковому входу, где Их Величеств ожидала «Встреча» Собственного Конвоя. Царская Семья входила в Феодоровский Собор через боковую дверь, на правый клирос.

В храме казаки Конвоя и солдаты Сводного полка стояли впереди всех присутствующих в нем, непосредственно за клиросами, во всю ширину Собора, имевшего четыре массивные колонны. Конвойцы стояли с правой стороны, солдаты Сводного полка с левой. По желанию Государя, почти всегда при всех Богослужениях в Феодоровском Соборе, пел прекрасный хор казаков Конвоя.

Хором Конвоя управлял известный его регент, старший урядник Ромащенко.

Не имея никакой специальной музыкальной школы, только благодаря своему природному таланту, любви к церковному пению и исключительному знанию казачьих песен, урядник Ромащенко поставил хор Конвоя на такую высоту, что он свободно мог конкурировать с лучшими русскими хорами.

Вся Царская Семья знала, любила и ценила хор Своих конвойцев, о чем и после многих лет жизни вне Родины вспоминала в Бозе почившая Великая Княгиня Ольга Александровна. В письме Ее Императорского Высочества от

29-го апреля 1957 года имеются следующие слова: «Помню, как чудно пели по субботам в Царском Селе в Феодоровском Соборе казаки, и как мы любили эту всенощную.»[187]

Также по желанию Государя, хор Конвоя всегда пел в дни Рождества Христова на Царской елке, которая устраивалась каждый год. Посреди придворно-конюшенного манежа устанавливалась большая, красиво убранная елка. У елки были расположены столы, с разложенными на них подарками для казаков Конвоя и солдат Сводного полка: серебряные подстаканники, будильники, рюмки, различные бокалы, часы с цепочками и брелками на них, чашки с вензелевым изображением Имени Их Величеств, деревянные тарелки, украшенные уральскими камнями, и др. предметы. Каждый подарок имел свой номер. Кроме столов с рождественскими подарками, стоял стол с разными сладостями и фруктами.

К назначенному времени выстраивались в манеже все свободные от службы офицеры и казаки Конвоя, а также и чины Сводного полка. По прибытии Государя и Государыни со Своими Августейшими Детьми в манеж, Государь Император обходил строй конвойцев и солдат полка, здоровался с ними и поздравлял с Великим Праздником Рождества Христова.

В это время зажигалась и освещалась большим количеством огней нарядная елка. Как только елка загоралась свечами, Государыня Императрица, Великие Княжны, а в последние годы и Государь Наследник Цесаревич, подходили к столам с подарками. Затем казаки Конвоя и солдаты Сводного полка получали, по вытянутому ими жребию, Высочайший рождественский подарок.

По вызову командиров сотен, конвойцы по очереди подходили к столам. В раздаче елочных подарков принимала

---

[187] Письмо Ее Императорского Высочества Великой Княгини на имя полковника Н. Галушкина.

участие вся Царская Семья. Каждый казак, подойдя к столу, вынимал, как в лотерее, билет, на котором был обозначен номер.

Билет этот казак передавал одному из офицеров Конвоя, помогавших Великим Княжнам при раздаче елочных подарков. Офицер, найдя подарок, на котором номер его соответствовал номеру билета, приносил подарок Великим Княжнам.

Великие Княжны передавали этот подарок Государыне Императрице, и казаки Конвоя получали рождественский подарок из рук Ее Величества. В отсутствии Государыни, рождественские подарки конвойцам выдавала Великая Княжна Ольга Николаевна.

Получив Высочайший подарок, казак подходил к следующему столу и получал пакет со всевозможными рождественскими сладостями, фруктами, орехами и конфетами.

По окончании раздачи подарков, которая продолжалась более двух часов, пел хор песенников Конвоя, а затем казаки, в исполнении своих лучших танцоров, лихо танцевали гопак и, под звуки зурны и тулумбаса, лезгинку, которую особенно любили Великие Княжны. Государь и Вся Царская Семья с большим вниманием следили за танцами Своих конвойцев, и сердечно благодарили их и хор песенников.

Если на Царской елке вместе с конвойцами бывали чины Сводного полка, то, после песен и танцев казаков Конвоя играл их полковой балалаечный оркестр.

Офицеры Конвоя на Царской елке также получали от Их Величеств рождественский подарок, так называемый «подарок по чину», т. е. штаб-офицерам и старшим в чинах офицерам жаловался более ценный подарок. В большинстве случаев это были хрустальные графины, чайные или кофейные серебряные сервизы, столовые приборы, золотые часы, золотые и серебряные портсигары, украшенные Российским Государственным Гербом.

В дни Праздника Рождества Христова, кроме Царской елки в Царском Селе, устраивалась елка и при Дворе Вдовствующей Государыни Императрицы в Петербурге в Аничковом Дворце или в Гатчинском Императорском Дворце.

На этой Высочайшей елке подарки всем приглашенным и чинам Конвоя выдавала лично Государыня Императрица Мария Федоровна, при помощи Своих Августейших Дочерей – Великой Княгини Ксении Александровны и Великой Княгини Ольги Александровны.

Присутствовавшие на елке офицеры Конвоя помогали Великим Княгиням разыскивать, по Их указанию, очередной подарок.

Последний рождественский подарок, пожалованный каждому офицеру Конвоя, был Образ Св. Николая Чудотворца – небольшая икона, в красивой серебряной с позолотою оправе. На обратной стороне иконы – серебряная пластинка с надписью:

«Благословение Их Величеств.
Рождество 1916 года.»

В данное время, это Царское Благословение, как Святыня, хранится при одном из Штандартов Собственного Его Величества Конвоя.

На Новый год командир и офицеры Конвоя имели честь принимать участие в принесении поздравлений Их Величествам. В день Крещения Господня происходил Высочайший Выход, и производился Крещенский парад в Зимнем Дворце.

Во Дворец прибывали взводы от Военных Училищ и войсковых частей Гвардии со своими Знаменами и Штандартами и, к назначенному времени, выстраивались в залах Дворца. Взводы от Гвардейских пехотных частей – в Николаевском зале. В Гербовом – от Гвардейской кавалерии. На правом фланге войск – взвод Конвоя со своим Штандартом.

На другой стороне Николаевского зала, против Гвардейской пехоты, находились высшие чины Императорского Двора, министры, Дипломатический Корпус, генералитет, представители города Петербурга и другие приглашенные лица.

Обер-Гофмаршал граф Бенкендорф с большим золотым жезлом, увенчанным Двуглавым Орлом, торжественно объявлял о Выходе Их Императорских Величеств. Государь Император шествовал в первой паре со Своей Августейшей Матерью Государыней Императрицей Марией Федоровной. Государыня Императрица Александра Федоровна – во второй паре со старшим из присутствующих Великих Князей.

Затем следовали Великие Князья и Великие Княгини, по старшинству Престолонаследия. В Николаевском зале Государя встречал с рапортом Главнокомандующий Войсками Гвардии и Петербургского Военного Округа, генерал-адъютант Великий Князь Николай Николаевич.

Обойдя фронт выстроенных войск и поздоровавшись с ними, Государь, Государыня, Великие Князья и Великие Княгини следовали в Собор Зимнего Дворца.

По окончании Богослужения, шел крестный ход на Иордань по залам Дворца и, спустившись по Иорданской лестнице, выходил к Дворцовой набережной. На набережной, против Иорданского подъезда, к дню Богоявления ежегодно сооружалась специальная часовня. Часовня имела синий с золотыми звездами верх, украшенный крестом.

Впереди крестного хода шли певчие придворной капеллы и многочисленное духовенство, во главе с С.-Петербургским митрополитом. За духовенством следовал Государь, Великие Князья и Государева Свита, в составе которой находился командир Конвоя. За Царской Свитой несли Знамена и Штандарты воинских частей.

Государыня Императрица и Великие Княгини следовали с крестным ходом по залам Дворца до Помпеевской галереи, а затем направлялись во внутренние покои и из окон Дворца

наблюдали шествие крестного хода на Иордань и водоосвящение на Неве.

Во время шествия крестного хода войсковые хоры музыки и трубачей играли молитву: «Коль Славен». Певчие пели положенный тропарь. На Дворцовой набережной выстраивались войска, а Знамена и Штандарты устанавливались у Иордани полукругом, посредине которого находился Государь с Великими Князьями.

Обряд освящения воды в заранее приготовленной проруби лично совершал С.-Петербургский митрополит. По окончании водоосвящения митрополит кропил Святой водою Государя, Великих Князей, Знамена и Штандарты. Затем крестный ход, в том же порядке, как следовал на Иордань, возвращался во Дворец.

Духовенство шло в храм Дворца, а Государь со Свитою останавливался в Гербовом зале. Против Государя выстраивался оркестр полковой музыки Л.-Гв. Преображенского Его Величества полка, и перед Государем Императором проносились все Знамена и Штандарты. Перед Штандартом Императорского Конвоя в Церемониальном марше шел адъютант Конвоя. Перед каждым Знаменем и Штандартом шел также адъютант части, которой принадлежали Знамя или Штандарт.

Пропустив перед Собою все Знамена и Штандарты, Государь, Государыня, Великие Князья и Великие Княгини удалялись в Собственные Царские покои, где для Особ Императорской Фамилии сервировался Высочайший завтрак. Остальные лица, присутствовавшие на Выходе Их Величеств, приглашались в Концертный зал[188].

Вся Царская Семья относилась с исключительным вниманием к офицерам и казакам Конвоя. Благодаря редкой памяти, которой Она отличалась, а также вследствие Своего отношения ко всем конвойцам. Царской Семье были извест-

---

[188] Из воспоминаний о службе в Конвое полковника Г. Гулыга.

ны не только имена и отчества офицеров, но и фамилии вахмистров и многих урядников и казаков Конвоя.

Великие Княгини Ксения Александровна и Ольга Александровна, а также и Великие Княжны, разговаривая с офицерами, обращались к ним по имени и отчеству. Некоторых же конвойцев Великие Княжны, в письмах и между собою, называли по-своему: «Шуриком» – сотника Александра Шведова, «Юзиком» – подъесаула Анатолия Федюшкина (находя его очень похожим на героя одного из прочитанного Ими романа), «Скворчиком» – подъесаула Михаила Скворцова.

Урядник Конвоя по фамилии Горобец, великан, обладавший могучим басом, Великими Княжнами любовно назывался «Воробушек». А один из первых теноров хора Конвоя, казак Камков – «Савушка».

Великие Княгини и Великие Княжны крестили детей у офицеров и сверхсрочнослужащих казаков, постоянно затем интересовались своими крестниками, и делали им щедрые подарки.

Великие Княгиня Ольга Александровна настолько была близка к казакам и так просто себя держала с ними, что казаки совершенно откровенно делились с Нею всеми своими переживаниями. Сама Великая Княгиня Ольга Александровна в своих письмах вспоминает трогательную простоту своих взаимоотношений с казаками Конвоя: «...Говорили мне, как их очень обижало то, что один из служащих во Дворце ночью тайно следил за ними, как они стоят на часах... А казаки, раненые на фронте, находясь у меня в лазарете, писали Государю письма верноподданные – давали мне, а я посылала, «чтобы в руки попало...» Так много трогательного было...»[189]

---

[189] Письма Ее Императорского Высочества от 28 июля 1958 г. и от 29/12 октября. 1959 года. – Во время Первой Мировой Войны, с разрешения Государя, 2 сотни Конвоя были на фронте. Великая Княгиня служила сестрой милосердия в госпитале в гор. Киеве.

Вообще же величавая простота в обращении и Царственная ласковая обаятельность Самого Государя Императора и Его Августейшей Семьи особенно чувствовались в обстановке частной жизни Царской Семьи.

Как-то Государь задержался в офицерском собрании одного из полков Царскосельского гарнизона, слушая концертную программу. Встретив на другой день полковника Киреева, Государь неожиданно задал ему вопрос: «А что на то скажут Мои конвойцы, увидя, как Я вчера поздно вернулся домой?» – «Ваше Императорское Величество! Конвойцы скажут: наконец-то Царь зажил по-Царски», следовал ответ полковника. Государь ласково улыбнулся и сказал: «так, значить по-Царски?» А затем добавил: «Это хорошее пожелание, но... Царская жизнь есть только в сказках...»

Во время дежурства одного офицера в Императорском поезде, Государь, проходя по коридору вагона, в котором имел свое купе дежурный офицер Конвоя, заметил, как этот офицер рассматривал удачно сделанный карандашом набросок его портрета Государь остановился и спросил: «Кто это рисовал?» Узнав, что рисунок сотника Зборовского, Государь заметил: «а Я и не знал, что Виктор Эрастович такой художник. И что же, он подарил этот рисунок?» Офицер доложил Государю, что рисунок – не его собственность. – «Значит, все они, художники, одинаковы. Вот и у Меня нет хорошего портрета – все лучшие они оставляют себе на память»...

Был случай, когда казак Конвоя, стоя на посту в Александровском Дворце и отдавая честь Великой Княжне Ольге Николаевне, проходившей мимо него, подвинувшись назад, свалил и разбил большую вазу, стоявшую за его спиной. Великая Княжна остановилась, подняла с пола кусок разбитой вазы и сказала: «Прошу очень помнить, что это сделала Я!»

Сменившись с поста, казак доложил о случившемся начальнику караула. Узнав о том, Великая Княжна Ольга Николаевна с волнением заявила: «Во всем виновата только одна Я!»

Офицеры Конвоя имели высокую честь быть принимаемыми Царской Семьей и в обстановке частной Ее жизни. Сотник Шведов и сотник Зборовский не раз были осчастливлены Царскими приглашениями на партию Его Величества, со Своими Августейшими Детьми, в теннис.

О Высочайших приглашениях один из офицеров Конвоя вспоминает:

> «Приглашение на чай к Великой Княгине Ольге Александровне, в то время, когда у Нее бывали Великие Княжны, мне, а также и другим нашим офицерам обычно передавал помощник командира Конвоя, полковник барон Унгерн-Штернберг, который почти всегда бывал с нами у Ее Императорского Высочества. Иногда приглашение передавалось через канцелярию Конвоя.
>
> Будучи у Великой Княгини, мы с Великими Княжнами играли в «фанты», «прятки», «веревочку» и др. игры. Затем следовал чай, а иногда Великая Княгиня приглашала нас всех к обеду. Как-то и Его Величество, будучи в Петербурге, обедал вместе с нами у Своей Августейшей Сестры.
>
> Однажды мы были Великой Княгиней приглашены в цирк Чинизелли и сидели вместе с Ней и Великими Княжнами в Царской ложе.
>
> В Царском Селе приглашение получали непосредственно от Великих Княжон, звонивших по телефону в офицерское собрание. Приглашались мы в дом госпожи Вырубовой, где вместе с Великими Княжнами бывала и Государыня Императрица. Иногда присутствовал и Государь Наследник Цесаревич.
>
> В один праздничный день, по телефону из Александровского Дворца, в собрание Конвоя было передано приглашение к Великой Княгине Ольге Александровне на дачу Ее Высочества в Ораниенбаум. К собранию прибыл из Дворца автомобиль, и мы, молодые офицеры,

поехали на этом автомобиле за шедшим впереди нас дворцовым автомобилем, в котором находились все четыре Великие Княжны. В это время в Россию прибыла английская эскадра, и, кроме нас, к Великой Княгине был приглашен принц Уэльский.

Насколько Великие Княжны были милы и держали Себя с нами просто, можно судить по тому случаю, который произошел лично со мной, на той же Ораниенбаумской даче. После завтрака, когда была подана клубника, я уронил ягоду на пол и не знал, как поступить и что сделать с упавшей ягодой. Видя мое смущение, Великая Княжна Мария Николаевна, сидевшая рядом со мною, нагнулась, подняла ягоду, обдула ее и положила в рот... Этим окончилось мое смущение.»[190]

Сама Великая Княгиня Ольга Александровна о приглашении к Себе офицеров Конвоя в письме от 1-го октября 1958 года, вспоминает так:

«По воскресным дням от 3 часов до 9 часов отпускали ко мне в дом на Сергиевской ул., 46, моих 4-х племянниц; пили чай и играли в разные игры. Бывали Унгерн-Ш., Е. Шкуропатский, Федюшкин, Шведов, Скворцов, Зерщиков и Золотарев – они чередовались; но Зборовский, Шведов и Федюшкин всегда были (племянницы особенно их любили – Виктор Эр., Шурик и Юзик)... Так много воспоминаний – особенно тот снимок, где дорогие племянницы, Шурик Шведов, старший Полк, и другие сидят у меня в доме на Сергиевской ул. и пьют чай...»[191]

Ранней весной 1914 года Царская Семья, как и в прежние годы, отбыла в Крым. Туда же от Конвоя для службы при Императорском Дворце в Ливадии, были заблаговременно

---

[190] Из воспоминаний генерала Скворцова.

[191] Письмо Великой Княгини.

командированы две сотни Конвоя, под командою помощника командира Конвоя по строевой части полковника Киреева. Сотни, выделив от себя наряд для сопровождения Императорских поездов, отбыли в Крым отдельным эшелоном.

Во время путешествий Их Величеств, обычно следовали один за другим два Императорских поезда: поезд литера «А» и его «двойник» поезд литера «В». Оба поезда по своему внешнему виду не отличались один от другого: синие вагоны с белой крышей, на вагонах Государственные Гербы. В пути поезда менялись и впереди шел то поезд литера «А», то поезд литера «В».

В «Собственном» поезде (литера «А»), Государь и Государыня имели Свой вагон, у обоих входов которого было помещение для камердинера Государя и камер-юнгферы Государыни. Рядом с вагоном Их Величеств находились два вагона, в которых помещались Государь Наследник Цесаревич со Своим наставником господином П. Жиляром и Великие Княжны. Затем вагоны с лицами Свиты Государевой. В этих вагонах имели свои отдельные купе Министр Императорского Двора генерал-адъютант граф Фредерикс, комендант Дворца генерал Воейков, командир Конвоя Свиты Его Величества генерал-майор граф Граббе-Никитин, флаг-капитан адмирал Нилов, дежурный флигель-адъютант и другие лица, сопровождавшие Государя.

По другую сторону вагона Государя и Государыни находился салон-вагон со столовой. К нему примыкали вагоны, в которых были урядник ординарец Его Величества и два казака Конвоя, служащие при Царском поезде, буфет, кухня и лица, к ней принадлежащие.

В «Свитском» поезде (литера «В») следовали чины управлений Министерства Двора, сопровождавшие Государя

Императора конвойцы – офицер с командою казаков, и остальные лица, по службе своей находившиеся при Царских поездах.

Свитский поезд следовал по тому же расписанию, как и Собственный поезд, на час раньше или на час позже его.

О дне и времени отбытия Императорских поездов дежурный командир сотни получал приказание от командира Конвоя или его помощника, которых заблаговременно ставил в известность комендант Дворца о выезде Их Величеств.

Офицер, назначенный с командою казаков для сопровождения Государя Императора, занимал положенное конвойцам место в поезде литера «В», а к поезду литера «А», у Царского вагона выстраивалась «Встреча» Конвоя. В случае выезда одной Государыни с Августейшими Детьми, офицер Конвоя находился в поезде Ее Величества.

Императорские поезда шли по особому специальному расписанию, каждый раз для них составлявшемуся. Напечатанное в нескольких экземплярах, оно выдавалось всем лицам, следовавшим в поездах литера «А» и литера «В». Точно ко времени, указанному в расписании, Государь прибывал к Царскому павильону.

Пребывание Царской Семьи в Крыму закончилось коротким путешествием в Румынию, которое было совершено из Ялты на Императорской яхте «Штандарт». В этой поездке Государя от Конвоя сопровождали командир и урядник, ординарец Его Величества. С отъездом Царской Семьи из Ливадии сотни Конвоя, закончив свою службу в Крыму, отбыли в Царское Село.

8-го июня 1914 года в Царское Село прибыл Саксонский король. Перед Большим Дворцом, в Высочайшем присутствии Государя Императора и Его гостя, Саксонского короля, состоялся парад, после которого Государь повелел Своему Конвою произвести джигитовку.

Казачью джигитовку Саксонский король видел впервые в своей жизни, и она произвела на него сильное впечатление.

После приезда Саксонского короля, Конвой принимал участие в торжественной встрече, в Петергофе, президента Французской Республики господина Раймонда Пуанкаре, прибывшего в Россию с официальным визитом 7-го июля, и, в Красном Селе, на Высочайшем смотру войск Красносельского лагерного сбора.

Большой ежегодный парад в Красном Селе состоялся в присутствии президента. Накануне парада, при объезде войск Государем Императором, господин Р. Пуанкаре ехал в открытой коляске вместе с Государыней Императрицей.

Это был, в мирное время, последний Высочайший объезд и парад войск Гвардии и Петербургского Военного Округа. В связи с событиями последующих дней и сложившейся политической обстановкой, Государь Император, для защиты чести и достоинства России, был принужден повелеть объявить общую мобилизацию Российских Армий и флота.

Часть третья

Глава седьмая

Первая Мировая война

Мобилизация Россией всех своих вооруженных сил явилась следствием следующих исторических событий:

15-го июня 1914 года в Боснии, в городе Сараево, были застрелены Австро-Венгерский эрцгерцог Фердинанд и его супруга. Убил их юноша – боснийский серб. Несмотря на то, что этот серб был австрийским подданным, сараевское убийство послужило для Австро-Венгрии долгожданным поводом навсегда покончить с ненавистной ей Сербией.

11-го июля Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, своими требованиями поразивший всю Европу. Сербия, пережившая две Балканские войны, не могла выдержать удар, направленный против нее мобилизованными одиннадцатью австро-венгерскими корпусами, и все свои надежды возложила только на Русского Царя.

Россия была занята своими внутренними делами и к войне не была готова, но она, как и в 1877–78 гг., не могла оставаться равнодушной к судьбе братского народа и, по повелению Государя Императора Всероссийского, Русское Императорское Правительство 12-го июля официально заявило о том, что *«Россия не намерена бездействовать, если Австро-Венгрия попытается силой навязать Сербии свою волю».*

Регент Сербии престолонаследник Александр, глубоко веря, что его призыв найдет отклик в благородном сердце Государя Императора Николая II Александровича, телеграфировал Ему: «Мы не можем защищаться, посему молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее...»

Государь, в Своем ответе королевичу Александру, ставил его в известность, что все усилия будут направлены к тому, чтобы

избежать надвигавшуюся войну, но... «если вопреки Нашим искренним желаниям Мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверенным в том, что Россия не останется равнодушной к участи Сербии...» В ответ на австрийскую мобилизацию и ультиматум Сербии, Государь 13-го июля повелел ввести «предмобилизационное положение». Все воинские чины, находившиеся в отпуску, были вытребованы в свои части, а войска из лагерного расположения вернулись в свои стоянки.

Несмотря на почти полное принятие сербами австрийского ультиматума, (Сербия приняла все условия драконовского австрийского ультиматума, за исключением одного, рассчитанного на то, чтобы затронуть национальную честь, а именно подчинения сербских судебных властей австрийским), 15-го июля на улицах Белграда, столицы Сербии, стали рваться снаряды австрийских земунских батарей ... Напав на Сербию, Австрия начала Первую Мировую Войну...

Остановить австро-сербскую войну, или дать ей разгореться в общемировую, зависело от Германии. Германия не колебалась: лучшего повода для «предупредительной войны» не могло быть, и она уже с 11-го числа, т. е. со дня австро-венгерского ультиматума Сербии, начала скрытую переброску своих войск.

Император Вильгельм слал Государю Императору «успокоительные» телеграммы, заверяя Его о своих «примирительных» намерениях, но одновременно предупреждал германского посла в Вене – «ни в коем случае не создавать у австрийцев впечатление, что Германия противится их решительным действиям».

На второй день после объявления Австро-Венгрией войны Сербии, *16-го июля, Государю Императору было представлено на выбор и на подпись два Указа: об общей мобилизации или частичной мобилизации четырех Округов, войска которых предназначались к действию против Австро-Венгрии.* Этот последний

вариант был элементарной мерой предосторожности против вооружившегося соседа.

Чтобы понять весь драматизм ставшей перед Государем Императором дилеммы: сразу же общая мобилизация или сперва частичная – надо иметь в виду, что производя частичную мобилизацию, Россия не могла произвести общей мобилизации, ибо мобилизационное расписание Русской Императорской Армии не предусматривало частичной мобилизации отдельных Округов.

Мобилизовавшись только против Австро-Венгрии, Россия рисковала бы впоследствии быть беззащитной против Германии, т. к. четыре Округа мобилизовались бы только ценой расстройства трех северо-западных Округов.

Надежда Государя на миролюбие Вильгельма II была столь велика, что Государь подписал Указ о частичной мобилизации, назначив первым ее днем 17-го июля.

Частичная русская мобилизация затрагивала только Австро-Венгрию, но Германии надо было найти предлог к объявлению войны. В первый же день русской частичной мобилизации, т. е. 17-го июля, Русскому Императорскому Правительству стало известно о мобилизации германской армии[192].

Это известие коренным образом изменило обстановку. «После доклада Государю Министра Иностранных Дел о необходимости объявления общей мобилизации, наступило тяжелое молчание... *«Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей... Как не остановиться перед таким решением!», сказал Государь, а потом с трудом выговаривая слова, добавил: «Вы правы, нам ничего другого не остается, как ожидать нападения. Передайте Начальнику Генерального Штаба Мое приказание об общей мобилизации.»*[193]

---

[192] О мобилизации германской армии сообщила немецкая газета «Локал-Анцейгер» в своем экстренном издании от 17 июля 1914 года.

[193] Ген. Деникин. – «Путь Русского Офицера» – стр. 311–312.

В 7 часов вечера первого дня частичной мобилизации последовал Высочайший Указ о всеобщей мобилизации сухопутных и морских вооруженных сил России. Первым днем этой общей мобилизации было назначено 18 июля.

Германия, в ультимативной форме, потребовала от России отмены мобилизации в 24-х часовой срок. В случае непринятия этого ультиматума, Германия угрожала войною...

В ответ на это дерзкое требование Государь Император предложил Вильгельму II передать «конфликт» на рассмотрение третейского суда в Гааге. *Однако Германия не последовала действительно миролюбивому предложению нашего Государя, и 19-го июля в 7 часов вечера объявила войну России...*

По требованию Германии, Австрия также объявила войну России, мотивируя это тем, что... «Россия объявила войну ее союзнице Германии...»[194]

Объявления войны следовали одно за другим:

1. 15-го июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии.
2. 19-го июля Германия объявила войну России.
3. 21-го июля Германия объявила войну Франции.
4. 23-го июля Англия – Германии.
5. 24-го июля Австрия – России.
6. Вступила в войну Бельгия, защищая свою землю от вторжения германских войск, нарушивших ее нейтралитет.
7. 11-го августа Япония объявила войну Германии.
8. 16-го октября Турция, без объявления войны, на рассвете этого дня, своим флотом обстреляв Одессу, Севастополь, Евпаторию и Новороссийск, стала на сторону

---

[194] Когда австро-венгерский посол граф Сечени стал читать текст объявления войны русскому министру иностранных дел Сазонову, начинающийся словами: ... «В виду того, что Россия объявила войну Германии...» – Сазонов его перебил: «Позвольте, не Россия объявила войну Германии, а наоборот!» Из воспоминаний Министра Сазонова.

Германии и Австрии. Мировая Война разгоралась и впоследствии приняли в ней участие: Америка, Италия и Румыния на стороне Союзных Держав, и Болгария на стороне Германии, Австрии и Турции. Спокойно и с полным достоинством встретила войну Россия! В эти июльские дни 1914 года все слои Русского народа были единодушны.

20-го июля в Зимнем Дворце состоялся молебен и объявление Манифеста по случаю начавшейся войны.

Ко времени прибытия Государя и Государыни из Петергофа, в Зимнем Дворце от Конвоя был выставлен офицерский караул в Собственные покои Дворца. Свободные от службы офицеры получили приказание от командира Конвоя прибыть к Высочайшему Выходу в Николаевский зал Зимнего Дворца.

Николаевский зал был весь заполнен генералитетом, офицерами всех частей Гвардии и Петербургского Военного Округа, а также гражданскими чинами и представителями города.

Непосредственно за состоявшимся Высочайшим Выходом Государя Императора, Государыни Императрицы, Великих Князей и Великих Княгинь, духовник Их Величеств протоиерей Отец А. Васильев отслужил торжественный молебен, после которого прочел Высочайший Манифест по случаю объявления Германией войны России:

> «Божьей Милостью Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочее и прочее, – объявляем всем Нашим верным подданным:
>
> Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на судьбу их безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились чувства русского народа к Славянам в последние дни, когда Австро-

Венгрия предявила Сербии неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные, в силу создавшихся условий принят необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести Армию и флот на военное положение, но дорожа кровью и достоянием Наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений, союзная Австрии Германия, вопреки Нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению Нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди Великих Держав.

Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокою верою в правду Нашего дела и со смиренным упованием на Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наши Божье благословение.

Дан в Санкт-Петербурге в двадцатый день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствования же Нашего в двадцатое.

> На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою начертано:
>
> Николай».

Когда Высочайший Манифест был прочтен, Государь Император обратился ко всем присутствовавшим в Николаевском зале Зимнего Дворца:

> «Со спокойствием и достоинством встретила Наша Великая Матушка Русь известие об объявлении войны. Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она ни была, до конца.
>
> Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей!
>
> И к вам, собранным здесь представителям дорогих Мне войск Гвардии и Петербургского Военного Округа и в вашем лице обращаюсь ко всей единородной, единодушной, крепкой как стена гранитная Армии Моей, и благословляю ее на путь ратный!»

Окончив Свою речь, сказанную спокойно своим мягким задушевным голосом, Государь осенил Себя Крестным Знамением.

В этот исторический момент Великий Князь Николай Николаевич первый, и за ним все находившиеся в Николаевском зале Зимнего Дворца, преклонили свои колена и запели: «Спаси Господи люди Твоя...»

Обратный Высочайший Выход из Николаевского зала в Салтыковский коридор сопровождался несмолкавшим Народным Гимном. Их Величества проследовали на балкон среднего зала Зимнего Дворца, выходивший на Дворцовую площадь.

Не только площадь перед Дворцом, от арки Главного Штаба до самого Дворца, но и все прилегающие к Дворцу

улицы были заполнены народом. При появлении Царской Семьи на балконе Дворца вся эта масса людей, запрудившая Дворцовую площадь, стала на колени, и по всей площади разнеслись волнующие русскую душу чудные слова Народного Гимна-Молитвы:

«Боже, Царя Храни!
Сильный, Державный,
Царствуй на славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь Православный!
Боже, Царя Храни!.. »

Их Величества, поклонившись Своему народу, при несмолкаемых и все возрастающих народных приветствиях проследовали по Дворцовой набережной Невы к Императорской яхте «Александрия», стоявшей у Царской пристани около Николаевского моста, и на ней вернулись в Петергоф.

26-го июля Государь вновь прибыл в Зимний Дворец, для приема членов Государственного Совета и Государственной Думы, к которым обратился со следующими незабвенными словами:

> «Приветствую вас в нынешние знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россией. Германия, а затем Австрия объявили войну России. Тот огромный подъем патриотических чувств, любви к Родине и преданности Престолу, который, как ураган, пронесся по всей земле Нашей, служит в Моих глазах и, думаю в ваших, ручательством в том, что наша Великая Матушка-Россия доведет ниспосланную Господом Богом войну до конца!..
>
> В этом единодушном порыве любви и готовности на всякие жертвы, вплоть до жизни своей, Я черпаю возможность поддерживать Свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее.

Мы не только защищаем свою честь и достоинство в пределах земли своей, но боремся за единокровных и единоверных братьев Славян. И в нынешнюю минуту Я с радостью вижу, что объединение Славян происходит так же крепко и неразрывно со всей Россией. Уверен, что вы все и каждый на своем месте поможете Мне перенести ниспосланное испытание, и что все, начиная с Меня, исполните свой долг до конца! Велик Бог Земли Русской!»

Слова Государя были покрыты несмолкавшим «ура»! Затем Председатель Государственной Думы, от имени всех присутствующих, обратился к Государю с речью, закончив ее следующими словами: ...«Государственная Дума, отражающая в себе единодушный порыв всех областей России, поручила мне сказать Вам, Государь, что народ Ванг готов к борьбе за честь и славу Отечества, без различия мнений, взглядов и убеждений. Государственная Дума от лица Русской Земли спокойно и твердо говорит своему Царю: «Дерзайте, Государь, русский народ с Вами и, твердо уповая на милость Божью, не остановится ни перед какими жертвами, пока враг не будет сломлен и достоинство Родины не будет ограждено!..»[195]

Манифест о войне с Австрией гласит:

«Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли Мы оружие, но ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело. Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное нам оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках и с Крестом в сердце!..»

26-го июля в Зимнем Дворце был только командир Конвоя в числе других лиц Свиты Государя, и один офицер-начальник караула в Собственных покоях Их Величеств.

---

[195] Журнал «Русская Правда».

Вся Россия дружно откликнулась на призыв своего Государя. Мобилизация проходила блестяще и в полнейшем порядке.

Согласно мобилизационному расписанию, в Кубанском и Терском Казачьих Войсках были призваны и отправлены в Конвой казаки-гвардейцы, с прибытием которых все четыре сотни Конвоя развернулись в состав военного времени – 160 человек в каждой сотне. Впоследствии, во время самой войны, для усиления общего состава Конвоя было приступлено к формированию Л.-Гв. 5-ой сотни.

Формировалась она из двух Кавказских Казачьих Войск и, в отличие от Кубанских и Терских сотен постоянного состава Конвоя, получила наименование «Сводной» сотни.

После объявления Высочайших Манифестов о войне с Германией и Австрией и приема членов Государственного Совета и Государственной Думы в Зимнем Дворце, Государь пожелал посетить Первопрестольную Москву и поклониться ее Святыням.

Для сопровождения Царской Семьи, в поезд Литера «Б», был назначен соответствующий наряд Конвоя Л.-Гв. от 4-й Терской сотни. От этой же сотни в Москву для «Встреч» и несения караулов в Кремлевском Дворце был командирован другой наряд под командою сотника Николая Золотарева.

Императорские поезда отбыли из Петергофа 3-го августа и днем следующего дня подошли к Царскому павильону Александровского вокзала г. Москвы. Приняв почетный караул и представление высших начальствующих лиц, Государь, Государыня, Наследник Цесаревич и Великие Княжны в открытых экипажах проследовали в Кремль. Царскую Семью, на всем пути Ее следования, восторженно приветствовали огромные толпы народа под непрерывный трезвон всех московских церквей. У раскрытых настежь дверей храмов стояло в полном облачении духовенство и Св. Крестом благословляло Государя Императора и Его Августейшую Семью.

У часовни Иверской Божьей Матери Их Величества остановились, чтобы приложиться к Святому Образу.

5-го августа в Георгиевском зале Кремлевского Дворца были собраны все общественные представители города Москвы, во главе с городским головою, приветствовавшие Государя по случаю начавшейся войны. На их патриотические приветствия Государь изволил ответить:

> «В час военной грозы, так внезапно и вопреки Моим намерениям, надвинувшейся на миролюбивый народ Мой, Я, по обычаю Державных Предков, ищу укрепления душевных сил в молитве у Святынь Московских, в стенах древнего московского Кремля.
>
> В лице вашем, жителей дорогой Мне Первопрестольной Москвы, Я приветствую весь верный Мне русский народ, повсюду и на местах и в Государственной Думе, и в Государственном Совете, единодушно откликнувшийся на Мой призыв встать дружно всей Россией, откинув распри, на защиту Родной Земли и Славянства.
>
> В могучем всеобщем порыве слились воедино все без различия племена и народности Великой Империи Нашей и, вместе со Мной, никогда не забудет этих исторических дней Россия.
>
> Такое единение Моих чувств и мыслей со всем Моим народом дает Мне глубокое утешение и спокойную уверенность в будущем. Отсюда, из сердца Русской Земли, Я шлю доблестным войскам Моим и мужественным иноземным Союзникам, заодно с нами поднявшимся за попранные начала мира и правды, горячий привет!
>
> С нами Бог!..»

По выходе из Кремлевского Дворца и при следовании в Успенский Собор Царскую Семью радостно приветствовал собравшийся народ, заполнивший от Красного Крыльца

сплошной массою всю площадь. У входа в Успенский Собор Государя ожидала «Встреча» Собственного Конвоя.

Плохо себя чувствовавшего Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича в шествии Царской Семьи нес на руках урядник Конвоя – ординарец Его Величества.

> «К огромному огорчению, вызываемому у Августейших Родителей болезнью Наследника Престола, присоединялось еще всегдашнее колебание в разрешении вопроса, что лучше: оставить Его дома, или показать народу на руках у казака-конвойца?..»[196]

Отбыв из Москвы, Государь со Своей Августейшей Семьей посетил Троицко-Сергиевскую Лавру. В числе сопровождавших Государя лиц находился командир Конвоя Свиты Его Величества генерал-майор граф Граббе. Сотник Золотарев с командою казаков Конвоя прибыл в Лавру до приезда туда Царской Семьи.

В исторической Троицко-Сергиевской Лавре Царская Семья присутствовала на молебне и приложилась к мощам Преподобного Сергия. Из Лавры Государь, Государыня, Наследник Цесаревич и Великие Княжны со станции «Сергиево» отбыли непосредственно в Царское Село[197].

Во время войны, несмотря на то, что по мобилизации состав четырех сотен Конвоя был доведен до 160 человек в каждой сотне, наряд на службу чинов Конвоя был значительно

---

[196] Генерал Воейков: «С Царем и без Царя», стр. 105, 106.

[197] Особочтимой русским народом Троицко-Сергиевской Лавре пришлось много раз подвергаться нападению врагов Православия. Самым большим нападением была осада Лавры тридцатитысячной польской армией, которую монахи геройски выдержали в течение шестнадцати месяцев.

увеличен, т. к. офицеры и казаки, кроме своей постоянной службы при Высочайшем Дворе, находились еще и в частых командировках. Это объяснялось тем, что и сама, годами налаженная, жизнь Царской Семьи резко изменилась с наступлением войны.

С первых же дней начала военных действий Государь Император стал совершать периодические поездки на фронт, посещая не только Ставку Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича, расположенную при железнодорожной станции Барановичи, но и части войск Действующей Армии. На фронте Государь осматривал позиции, форты, полевые военные госпиталя и передовые перевязочные пункты.

Государь хотел сам Лично все видеть и быть ближе к горячо любимым Им войскам. Вступая в непосредственную связь с офицерами и солдатами, находившимися как в госпиталях, так и на различных секторах огромного русского фронта, желал передать им не только Свою Царскую благодарность за проявленную доблесть и верную службу Престолу и Родине, но и глубокую веру в победу над дерзким врагом, посягнувшим на честь и достоинство России. Дабы и внешне отметить доблесть Своей Армии, Государь сам Лично жаловал боевые награды офицерам, солдатам и казакам.

Кроме этих частых выездов непосредственно на фронт, Государь Император посещал разные города и другие места России, где навещал раненых, находящихся в военных лазаретах, осматривал заводы и фабрики, работающие на оборону и вообще все, что имело значение и играло роль в ведении самой войны.

Государыня Императрица, невзирая на Свое больное сердце и, желая показать пример помощи раненым русским воинам, совместно со Своими старшими Августейшими Дочерьми Великой Княжной Ольгой Николаевной и Великой Княжной Татьяной Николаевной прошла курс ухода за ране-

ными при Общине Красного Креста, а затем Государыня и Великие Княжны были сестрами милосердия в Дворцовом госпитале. Посетив утром службу в храме, Государыня и Великие Княжны отправлялись в госпиталь.

Присутствуя на операциях, Государыня подавала хирургу инструменты и Сама бинтовала раненых офицеров и солдат. Когда прибывали санитарные поезда, то в этот день Государыня и Великие Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна с раннего утра, и почти в течение целого дня, ухаживала за вновь привезенными с фронта ранеными. У умирающих воинов Государыня Императрица часами сидела возле их кроватей, клала им на голову Свою руку и горячо молилась...

Закончив работу в госпитале, Государыня и все Ее Августейшие Дети в остальное время дня были заняты приготовлением подарков и теплых вещей на фронт. Вся зала Александровского Дворца, где находилась «Детская горка», была заставлена ящиками с подарками от Царской Семьи, отправляемыми на фронт в Действующую Армию. Офицеры Конвоя вспоминают, что на своих дежурствах в ночных караулах они часто видели надписи на ящиках, сделанные собственноручно Государем Наследником Цесаревичем: «В Действующую Армию. Алексей».

Помимо постоянной работы как в госпитале, так и в Своих покоях Александровского Дворца, Государыня принимала деятельное участие в «Комитете по призрению семейств раненых и убитых воинов». Открыв Своего Имени несколько госпиталей, эвакуационных пунктов, всевозможные мастерские, работающие для нужд военных лазаретов и прекрасно оборудованные санитарные поезда для перевозки в тыл раненых воинов, так же как и Государь, часто выезжала во все Свои учреждения, расположенные в наиболее важных центрах России. С Государыней всегда следовали Великая Княжна Ольга Николаевна и Великая Княжна Татьяна Николаевна.

При всех этих поездках Государя Императора и Государыни Императрицы офицеры и казаки Конвоя Их неизменно сопровождали, встречали в тех местах, где Они изволили останавливаться, и несли службу охраны Их Величеств.

Одной из больших поездок Государя Императора было путешествие Его на Кавказский фронт, во время которого Государь посетил Кубанское и Терское Войско.

Выехав 18-го ноября в Ставку Верховного Главнокомандующего, Государь по дороге на Кавказ останавливался в Смоленске, Туле, Орле, Курске и Харькове. 24-го ноября Государь прибыл в Екатеринодар, откуда отбыл непосредственно в Тифлис.

Прибыв в столицу Грузии, Государь прежде всего проследовал в древний грузинский Сионский собор, где был встречен Экзархом Грузии. Затем проехал в армянский Ванский собор, в котором Государя ожидал Католикос всех армян. Как в одном, так и в другом соборе были совершены молебны при громадном числе молящихся. После христианских храмов Государь посетил и мусульманские мечети Суннитского и Шиитского толка, в которых главы этих храмов совершили моление по своему обряду. Во время пребывания в Тифлисе Государь, как и во всех других городах, осматривал военные госпиталя, учебные заведения и присутствовал на службе в Военном соборе.

Из Тифлиса Государь отбыл в крепость Карс. После подробного осмотра фортов, батарей и укреплений крепости, Государь проследовал к передовым частям Кавказской армии, к конечному железнодорожному пути Сарыкамышу. Дальнейший путь к цели всего путешествия – в боевое расположение Кавказской армии – был совершен на автомобилях по дороге, проложенной в гористой местности на Меджингерт, расположенный на самой границе с Турцией.

В Меджингерте были собраны представители воинских частей Кавказской армии, которым Государь хотел лично

вручить боевые награды и, в их лице, передать Свою Царскую благодарность всем частям Кавказского фронта за их мужество и доблесть, проявленную в боях с турками.

Возвращаясь с Кавказского фронта, Государь прибыл во Владикавказ.

Как Кубанское Войско, во главе с Наказным Атаманом генерал-лейтенантом Бабичем в Екатеринодаре, так и Терское, во главе с Наказным Атаманом генерал-лейтенантом Флейшером во Владикавказе, особо торжественно встретили своего Государя. К прибытию Государя Императора в Войско Кубанское и Терское, со всех станиц в Екатеринодар и во Владикавказ съехались казаки со своими семьями. Перед Войсковыми соборами были вынесены все Войсковые Регалии: заслуженные в боях Знамена, Штандарты и Георгиевские трубы. Среди Регалий Кубанского Войска находились малые куренные и большие Войсковые значки, литавры и Знамена Запорожцев, боевые Знамена Войска Верных казаков, Черноморского и Линейного Войска, и Знамена и Штандарты Кубанского Войска. Среди Терских Регалий – Знамена и Штандарты, пожалованные Войску за его 300-летнюю верную и боевую службу Государям и Родине. Были вынесены перед Государем старые исторические знаки атаманского достоинства: перначи, булавы и насеки, а также и Царские Грамоты. В Грамотах, скрепленных громадными сургучными печатями, было торжественное признание Русскими Императорами казачьих заслуг. Каждый из Императоров по вступлении на Престол жаловал Войско Своей Грамотой, заверяя казаков в Своей неизменной признательности за их верную службу, и в незыблемости прав казачьих на их земли.

Государь Император Николай II Александрович, желая подчеркнуть Свое благоволение к Кубанскому и Терскому Войску, имел на Себе их войсковую походную форму – серую черкеску.

После Кавказа Государь проследовал в Донское Войско, которое, также как Кубанское и Терское, встретило Государя со всеми своими многочисленными Регалиями, свидетельствующими о боевой славе Донского казачества.

В день Своего Тезоименитства 6-го декабря Государь прибыл в Воронеж. Одновременно с Государем в Воронеж прибыла Государыня Императрица с Великими Княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной.

Их Величества, посетив Тамбов, 8-го декабря вернулись в Москву, где встретилась вся Царская Семья.

В этой двадцатидневной поездке Государя Императора сопровождали подъесаул Георгий Рашпиль и сотник Евгений Шкуропатский с двумя взводами казаков Конвоя. Государыню Императрицу сопровождали конвойцы под командою сотника Виктора Зборовского.

Эти частые командировки конвойцев, несение дневных и ночных караулов в Императорских Дворцах, особо напряженная служба конных постов вокруг решетки Дворца, требовали от Конвоя усиленного наряда. В связи с этим, а также в предвидении возможной командировки сотен Конвоя на фронт, с Высочайшего соизволения Министерство Императорского Двора поставило в известность Наказных Атаманов Кубанского и Терского Казачьих Войск о необходимости формирования еще одной сотни Конвоя – Л.-Гв. 5-ой.

В 1892 году между Францией и Россией была заключена военная конвенция, *которая носила по ее политическому замыслу строго оборонительный характер,* имевший в виду совместные вооруженные действия лишь *в случае нападения* на одну из договаривающихся сторон – Францию или Россию, Германии или другой державы «Тройственного Союза», поддержанной Германией. *Тем не менее «стратегически» от Рос-*

сии требовалось быстрейшее наступление в пределы Восточной Пруссии.

«Наступление в Восточную Пруссию с силами, которые способны были бы приковать к себе от 5-ти до 6-ти германских корпусов на Восточно-Прусской границе» – так формулировал свои пожелания Французский Генеральный Штаб.

В силу этой конвенции, Россия сразу же с первых дней войны принуждена была руководиться не столько обстановкою у себя на фронте, сколько общею пользою для Союзников.

Обстановка же на французском фронте была такова, что уже 5-го августа французский посол М. Палеолог на приеме у Государя Императора, просил о срочной помощи – «*Я умоляю Ваше Величество предписать Вашим войскам немедленное наступление, иначе французская армия рискует быть раздавленной...*»[198]

Учитывая трудность положения французов, на которых, нарушив нейтралитет Бельгии, обрушилась германская армия, Русская Императорская Армия и морально и в силу формальных обязательств, принятых на себя Россией, должна была придти на помощь, иначе при сложившейся обстановке на Западном фронте предвиделась катастрофа. Вопрос шел о судьбе союзной французской армии, и в частности об угрозе самому Парижу.

Единственное средство для предотвращения гибели французской армии заключалось в организации быстрого вторжения, возможно значительными силами, в пределы Восточной Пруссии.

Несмотря на то, что русские войска еще не совсем успели сосредоточиться для предстоящего наступления на территорию Германии, *Россия не могла обрекать Францию на гибель, и честно исполнила свой долг и свои обязательства перед ней.*

---

[198] Генерал Данилов: «Великий Князь Николай Николаевич», стр. 129.

Это и была причина, в силу которой Русская Армия шла на подвиги крайнего самопожертвования и несла жестокие кровавые потери, которых было бы возможно и избежать, но только не исполнив свои союзнические обязательства... Однако, от взятых на себя обязательств помощи своим союзникам, даже когда это могло быть явным ущербом для самой России, Царская Россия в течение всей войны никогда не отказывалась, ибо верность, честь и рыцарство Русской Императорской Армии были выше и прежде всего, и никогда не могли вызывать какого-либо сомнения у союзников России!

А потому, невзирая на неизбежный риск операции в Восточной Пруссии, таковая была совершена...

В результате этой операции, *Франция была спасена совершившимся «Чудом на Марне»! А это «чудо» явилось следствием доблести Русской Императорской Армии, колоссальных ее жертв и... гибели армии генерала Самсонова.*

Исторически неточно и *несправедливо говорить только о победе одних французов на Марне,* разбившей расчеты Германии на быстрый успех, *не вспоминая о жертвенности России и не почтив памяти героев Русской Императорской Армии, положивших свою жизнь и проливших свою кровь на полях сражений в Восточной Пруссии.*

Господин Черчилль, бывший во время Первой Мировой Войны морским министром Английского правительства, в своих мемуарах о войне говорит о жертвенности и значении русского наступления: «*В гигантских и страшных боях на полях Восточной Пруссии пал цвет Русской Армии. Но результаты ее вторжения были использованы в решительную минуту. Нервы германского генерального штаба не выдержали...*» А германский генерал Людендорф отмечает: «Сомнительно, даст ли противник нам время выполнить наши намерения... *Армия генерала Ренненкампфа, вызвала во мне большое нервное напряжение*»[199].

---

[199] Ген. Данилов: «Великий Князь Николай Николаевич» стр. 131.

Французские маршалы Жоффр и Фонт отметили историческую роль России в Первую Мировую Войну своими благородными и рыцарскими заявлениями «Кто спас союзников в начале войны в 1914 году? – Россия!..» – (маршал Фош.)

> «Без малейшего замедления и при всякой возможности отдаю должное доблести Русских Армий и выражаю им мою глубокую признательность за помощь, которую они принесли нашей армии в те трагические часы, когда Германия бросила почти полностью свои силы на запад, дабы раздавить первым своим напором Бельгию, Англию и Францию. Бросая против Восточной Пруссии подлежащие ему силы, еще до того, как они были готовы и объединены, и не считаясь, таким образом, с большинством военных принципов, во имя одного – единственного – «принципа солидарности фронтов», Великий Князь Главнокомандующий Русских Армий, с первых же моментов поднялся до понятия высочайшей из военных надобностей, и тем самым обрел вечное признание благодарной Франции.
>
> Я никогда не забуду очень тяжелых жертв, на которые пошла героическая Русская Армия при этих обстоятельствах, чтобы во что бы то ни стало заставить неприятеля обернуться против нее самой.
>
> Если я ссылаюсь именно на эти воспоминания, я также не могу обойти молчанием долгие годы общей борьбы, всегда в полном единении мыслей, несмотря на расстояние, которое разделяло наши усилия.
>
> Но, чтобы избежать немецкой гегемонии и сохранить свою независимость, Россия и Франция должны были заплатить жесточайшую дань своей кровью...»
>
> *(Из письма маршала Франции Жоффра к генералу Баратову. «Русский Инвалид». Апрель 1929 год).*

Во исполнение франко-русского договора, одновременно с походом в Восточную Пруссию русские армии Юго-Западного

фронта перешли в наступление, которое закончилось полным разгромом австро-германской армии на полях Галиции.

Эта победа и победа Кавказской армии под Сарыкамышем и Ардаганом были большой моральной компенсацией России за неуспех наступления в Восточную Пруссию.

В последующих боях две русских армии вновь вторглись в Восточную Пруссию. – «*Положение опять стало крайне напряженным на Восточном фронте, и исход войны висел на волоске...*», писал впоследствии в своих воспоминаниях генерал Людендорф.

На Западном фронте противники, исчерпав свой первоначальный порыв, перешли к позиционной войне и «зарылись в землю», создав сплошную линию окопов от Ламанша до границы Швейцарии.

В связи с таким положением на Западном фронте, немцы начали переброску своих корпусов на Русский фронт – «Восточный фронт». В результате этой переброски австро-германские войска перешли в наступление по всему фронту Русских армий, имея сильное превосходство в артиллерии. Русский фронт стал главным театром войны, на котором сражались, помимо австро-венгерской армии, полуторные силы германской армии, по сравнению с Западным фронтом. Русская Императорская Армия отходила, доблестно сражаясь с врагом, применявшим не только свою могущественную артиллерию, но и незаконное средство войны – газовые атаки.

Первую газовую атаку немцы произвели под Варшавою. И все же доблесть русских воинов была такова, что «несмотря на неожиданность этой газовой атаки и отсутствие у нас противогазов, в результате чего было девять тысяч отравленных, германские атаки были отбиты»[200].

И в этот второй период войны, когда Русская Армия принуждена была отходить, боевой дух ее не был подорван: –

---

[200] Генерал Деникин: «Путь Русского Офицера» стр. 359.

армия, отходя, наносила тяжелые потери врагу, терявшему при своем наступлении сотни тысяч пленных.

Тяжелая задача, которая выпала на долю Императорской России в Первую Мировую Войну, и по сие время недостаточно признана и оценена. Главная причина тому, что нет Национальной России и всеми забыта кровь миллионов убитых и раненых воинов Русской Императорской Армии, пролитая на полях сражений, не только для защиты своего Отечества, но и для спасения своих союзников.

Боевые действия Русской Армии или сознательно извращаются или, в лучшем случае, «забываются» и о них умалчивается, а решающая роль в общей борьбе союзников приписывается отдельным, не русским, театрам войны.

Но насколько и чья была «решающая роль» в Первой Мировой Войне, наглядно показывает следующее сравнение:

I. За три года войны Россией, Францией, Англией и Италией было взято 2.560.000 пленных и 5.350 орудий, из коих –

одной Русской Армией взято	**2.200.000 пленных и**	***3.850 орудий.***
Французской армией	160.000 пленных и	900 ***орудий.***
Английской армией	90.000 пленных и	450 ***орудий.***
Итальянской армией	110.000 пленных и	150 ***орудий.***

(«Часовой» № 345, сентябрь, 1954 год.)

II. К осени 1915 года *на Русском фронте было сосредоточено 137 пехотных и 24 кавалерийских дивизий.*

На Западном фронте всего 85 пехотных и 1 кавалерийская дивизия. (С. С. Ольденбург. «Царствование Императора Николая II» стр. 183.)

III. Никакие боевые действия на англо-французском фронте не доставили России того облегчения, которое Русская Императорская Армия принесла союзникам. – «Британ-

ская Энциклопедия» в своем 14-м издании прямо указывает: *«Союзники России мало сделали для того, чтобы отплатить за русские жертвы, принесенные ради них в 1914 г.»*.

Об этой жертве, о доблести Русской Императорской Армии, о кровавых потерях ее и необыкновенном самопожертвовании можно судить на основании приводимой таблицы, составленной генералом Н. Н. Головиным.

«Кровавые потери Русской Армии в Мировую войну».

Убитыми	1.300.000
Ранеными и отравленными	4.200.000
Общее число	5.500.000

Из этого числа только убитыми 90.000 офицеров.
(Генерал Н. Н. Головин: «Военные усилия России в Мировой войне», стр. 160, том I.).

Командировка сотен Конвоя в Ставку

Когда Русская Армия, приняв на себя удар соединенных австро-германских армий, истекая кровью, отходила по всему фронту, в этот самый тяжелый период борьбы России с ее врагами Государь решил принять Верховное Командование.

Государь Император, считая, что долг Царского служения обязывает Его взять на Себя всю ответственность, исполнил этот долг, став во главе всех вооруженных сил России, находящихся на театре военных действий. Этим решением Государь подтвердил Свое торжественное заявление, сделанное Им в начале войны, что «не заключит мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли Русской».

Бывшего Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича Государь назначил Своим Наместником на Кавказе и Главнокомандующим отдельной Кавказской

Армией. Главнокомандующему Северо-Западным фронтом генералу Алексееву Государь повелел принять должность Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего.

До принятия Государем Верховного Командования, конвойцы хотя и находились в частых командировках, сопровождая Государя Императора и Государыню Императрицу, при всех выездах Их Величеств, но все же эти командировки были временными, и служба Конвоя сосредотачивалась, главным образом, в Царском Селе.

С принятием Государем Личного командования Действующей Армии, две сотни Конвоя отбыли в постоянную командировку в Ставку, которая еще Великим Князем была перенесена из Барановичей в Могилев-Губернский, расположенный на Днепре, и стала именоваться Царской Ставкой.

Накануне отбытия в Действующую Армию Государь посетил Свою Августейшую Мать, Вдовствующую Государыню Императрицу Марию Федоровну, и поклонился гробнице Своего Державного Отца в Петропавловской крепости в Петербурге, переименованном во время войны в Петроград, где Их Величеств ожидала «Встреча» от Конвоя.

В Могилев заблаговременно был командирован дивизион Конвоя в составе Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни – командир флигель-адъютант есаул А. Жуков и Л.-Гв. 3-й Терской сотни – командир есаул К. Панкратов, под общим командованием помощника командира Конвоя по строевой части полковника Ф. Киреева.

Впоследствии сотни Конвоя, находившиеся в Царской Ставке, чередовались с сотнями, несшими службу в Царском Селе.

23-го августа 1915 года Государь прибыл в Могилев, где был встречен Великим Князем Николаем Николаевичем, чинами Штаба Верховного Главнокомандующего, полковником Киреевым и офицерами Конвоя. Командир Конвоя, Свиты Его Величества генерал-майор граф Граббе, прибыл с Государем.

Приняв рапорт и поздоровавшись со всеми присутствующими на военной платформе станции Могилев, Государь в сопровождении Великого Князя и лиц Государевой Свиты отбыл в Штаб, где принял оперативный доклад как Верховный Главнокомандующий от нового Начальника Штаба генерала Алексеева.

На другой день Государь посетил городской собор. На соборной площади собралось много местного населения, приветствовавшего Государя. Перед собором были выстроены в пешем строю конвойцы и солдаты рот Сводного полка, также командированных из Царского Села на службу в Царскую Ставку. В соборе духовенством был отслужен молебен, во время которого Государь горячо молился о даровании побед Русским Армиям.

До выезда из Могилева Великого Князя Николая Николаевича, жившего с некоторыми лицами своего Штаба в губернаторском доме, Государь оставался в Своем поезде. Для охраны Императорского поезда от сотен дивизиона Конвоя назначался офицерский караул.

О своем вступлении в Верховное командование Его Величество Государь Император Николай II Александрович подписал Приказ Армии и Флоту. Вторую часть этого исторического приказа Государь написал Собственноручно.

ПРИКАЗ АРМИИ И ФЛОТУ

23-го августа 1915 года.

Сего числа Я принял на Себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий.

С твердою верою в Милость Божью и с непоколебимою уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца, и не посрамим земли Русской.

Николай.

В Могилеве Резиденцией Его Величества служил двухэтажный губернаторский дом. Дом стоял на высоком берегу Днепра. С одной стороны к дому примыкал небольшой сквер, а с другой открывался вид на заднепровские луга и леса. В губернаторском доме Государь занимал верхний этаж. Он состоял из большого зала, такой же столовой и еще нескольких комнат, из коих одна служила Государю Его кабинетом, а другая спальней. В Царской спальне, согласно пожеланию Государя, находилась походная складная кровать. Впоследствии такая же кровать была поставлена и для Государя Наследника Цесаревича.

В губернаторском доме, кроме Государя Императора, помещались: часть Государевой Свиты, Царский камердинер и урядник Конвоя – ординарец Его Величества.

Командир Конвоя с остальными лицами Царской Свиты помещался в одном из Правительственных зданий, находившихся в непосредственной близости от губернаторского дома.

Помощник командира Конвоя полковник Киреев и офицеры двух сотен Конвоя жили в отведенных для них комнатах гостиницы «Париж». Сотни Конвоя имели свои казармы в городе Могилеве. Неудобство этих казарм было в том, что конюшен при казармах не было, и они были расположены за городом. Казакам Конвоя приходилось ходить довольно далеко на уборку лошадей, что отнимало у них много времени.

Две сотни Конвоя, служившие в Царской Ставке, дежурство несли по очереди. От дежурной сотни назначался внутренний караул в губернаторский дом, и от нее же высылались конные посты на дороги и главные пути, ведущие к Могилеву.

Караул в губернаторском доме выставлял 4 поста. Пост № 1-й – парный, у главного входа в губернаторский дом. Часовые стояли внутри у лестницы, ведущей в верхний этаж, в котором имел свои покои Государь Император. Пост № 2 – одиночный, «пропускной» пост у выхода в сад. Посты

№№ 3 и 4, одиночные, у других входов в губернаторский дом. Ночью один из часовых парного поста № 1-й оставался на своем дневном месте (внизу у лестницы), другой поднимался наверх во второй этаж и становился у входа в зал, из которого вела дверь в кабинет и спальню Государя. Посты №№ 2, 3 и 4 оставались на своих местах. Караул был суточный и выставлялся только во время пребывания Государя в Царской Ставке. Часовые сменялись через 4 часа.

Конные посты: всех постов 8 и на каждом посту 5 конвойцев, из коих один урядник – начальник поста, три часовых и один запасный. Посты выставлялись на расстояниях от 12-ти до 20-ти верст вокруг города Могилева. Самый ближайший пост находился в 8 верстах от города.

Службу конных постов, которая неслась круглые сутки, днем и ночью проверяли дежурный командир сотни и один из взводных офицеров, объезжая все посты в сопровождении трубача, одного урядника и 4 связных казаков от каждого взвода.

Караул в губернаторском доме проверял дежурный офицер. Кроме караула и конных постов от дежурной сотни назначались посыльные к Коменданту Дворца, к командиру Конвоя и к помощнику командира, а также и дежурные у телефона в губернаторском доме, у командира и у телефона в гостинице «Париж», где кроме дежурного офицера всегда находился офицер, дежурный по «Встрече».

Дежурный офицер «по Встрече», дежурный офицер по Конвою (дивизиону Конвоя) и дежурный командир сотни назначались приказами полковника Киреева.

Встреча от Конвоя высылалась во все места, посещаемые Государем в Ставке Царской, кроме ежедневного посещения Его Величеством, Штаба, где Государь принимал оперативный доклад от Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерала Алексеева. В Штаб Государь ходил пешком. От

Собственного Конвоя Его сопровождал только урядник-ординарец, следовавший за Комендантом Дворца и дежурным флигель-адъютантом.

По воскресным и праздничным дням Государь всегда посещал могилевский Собор и присутствовал на Богослужениях до конца Св. Литургии. К началу Богослужения прибывали в Собор команда казаков Конвоя и свободные от службы офицеры во главе с полковником Киреевым. Офицеры и казаки Конвоя занимали места в правой стороне храма. Налево стояли солдаты от рот Сводного и Железнодорожного полков, находившихся в Царской Ставке на службе. Если в храме присутствовал Начальник Штаба генерал Алексеев, то он, а также и высшие чины Штаба Верховного Главнокомандующего, становились впереди. Остальные молящиеся в Соборе стояли за командами казаков Конвоя и солдат Сводного полка.

Государь, поздоровавшись с казаками «Встречи», и дав руку дежурному офицеру Конвоя, входил в Собор через боковой его вход, в сопровождении командира Конвоя, Коменданта Дворца и дежурного флигель-адъютанта. Урядник-ординарец за Государем в храм не следовал, а останавливался у входа, и пристраивался к казакам «Встречи» Его Величества.

В конце Св. Литургии, при целовании Креста, Государю из алтаря выносилась просфора, которую Он при выходе из храма всегда давал кому-либо из детей, знавших этот обычай Государя и сразу же Его окружавших.

В эти дни праздников к часу дня приглашались к Высочайшему завтраку помощник командира, командир дежурной сотни и, по очереди, младшие офицеры. Обычно на Высочайших завтраках в Царской Ставке бывали: Свита Государя, Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего со своими ближайшими помощниками, Представители Союзных Военных Миссий и прибывавшие с фронта по делам службы генералы и начальники отдельных частей.

Командир Конвоя присутствовал за Царским столом всегда и при всех случаях, включая и вечерний чай, который Государю подавался в 10 часов вечера, и на котором бывали только лишь несколько человек из Государевой Свиты.

Во время Своего пребывания в Царской Ставке, Государь, помимо утреннего оперативного доклада Ему о положении на всех фронтах, как Русских Армий, так и армий Союзников и приема многих лиц, являвшихся с служебными докладами, ежедневно до глубокой ночи работал у себя в кабинете, прочитывая, проверяя и подписывая дела и бумаги, представляемые Государю на Его Высочайшее усмотрение и подпись.

Единственным отдыхом у Государя были дневные Его прогулки. Для этих прогулок после двух часов дня Государю подавался дворцовый автомобиль, рядом с шофером которого сидел конвоец – Царский ординарец. На автомобилях Государь и Свита Его выезжали за город. В числе небольшой и постоянной Свиты Государевой всегда находился командир Конвоя.

Отъехав на некоторое расстояние от города, Государь приказывал остановить автомобиль и примерно час, а иногда и больше гулял пешком по окрестностям Могилева. Любя природу, Государь особенно долго задерживался в большом сосновом лесу, расположенном недалеко от города.

От командира Конвоя офицерам было известно, как при этих прогулках Царская Свита с трудом поспевала за Государем, ходившем быстро и большими шагами. Иногда Государь выезжал к Днепру, и с сопровождавшими Его лицами катался по реке на моторной лодке. Во время этих Царских прогулок в окрестностях Могилева, служба конных постов Конвоя, охранявших район Царской Ставки, неслась с исключительным вниманием. В это время дня командир дежурной сотни и один из взводных офицеров объезжали все посты.

О выездах Государя из Могилева на фронт или в Царское Село и о выходах в город, по телефону из губернаторского дома своевременно ставились в известность командир, помощник командира, дежурный командир сотни и дежурный офицер Конвоя.

Всегда готовый к службе, наряд офицеров и казаков Конвоя прибывал точно к назначенному времени и месту в городе или на вокзал, на так называемую военную платформу станции Могилев.

В наступивший праздник Конвоя Его Величества – 4-го октября 1915 года, в Царской Ставке состоялся парад двум сотням Конвоя, несшим там свою службу. К одиннадцати часам утра у губернаторского дома выстроились конвойцы в пешем строю. Перед строем у аналоя с Крестом, Св. Евангелием и иконою Небесного Покровителя Конвоя – Св. Иерофея, духовенство в полном праздничном облачении ожидало Государя.

Государь в форме Своего Конвоя, выйдя из губернаторского дома и приняв строевой рапорт от командира Конвоя, подошел к строю конвойцев и поздоровался с сотнями. Затем Государь Император, как всегда, медленно обошел фронт сотен Конвоя и смотря ласково и внимательно в лицо каждому офицеру и казаку, поздравил Свой Конвой с праздником 102-й годовщины битвы под Лейпцигом.

Государя сопровождал, только что накануне впервые приехавший в Царскую Ставку, Государь Наследник Цесаревич, также как и Государь, имевший на Себе мундир Собственного Императорского Конвоя, в чине хорунжего.

После совершенного духовенством молебна, во время которого пел хор казаков Конвоя, сотни прошли перед Государем церемониальным маршем, удостоившись Царской благодарности.

По окончании парада все офицеры получили приглашение к Высочайшему завтраку. Казакам Конвоя был выдан праздничный обед.

Со времени рождения Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, праздник Конвоя непосредственно продолжался и на другой день. 5-го октября конвойцы праздновали день Ангела своего Августейшего Атамана и, установленные в связи с этим днем, Войсковые праздники Кубанского и Терского Казачьих Войск. В мирное время эти два дня праздников отмечались особой торжественностью и большим приемом многочисленных гостей. Но 1915-й год – было другое время! В Царском Селе находились только две сотни, шел второй год небывалой, упорной и кровопролитной борьбы России с Германией, Австрией и Турцией, что естественно было причиною того, что эти большие дни в жизни Конвоя – 4-е и 5-е октября, – прошли скромно, без шумных празднований мирного времени.

В Царском Селе в эти два дня праздников в Феодоровском Государевом Соборе были отслужены молебны в присутствии Государыни Императрицы и Великих Княжон. В Царской Ставке 5-го октября офицеры и казаки Конвоя явились в могилевский Собор. К началу службы в Собор прибыли Государь с Наследником Цесаревичем, чины Свиты Государевой и Штаба Верховного Главнокомандующего, во главе с Начальником Штаба.

После Св. Литургии, был совершен молебен о здравии Августейшего Именинника. К Высочайшему завтраку было приглашено больше чем обычно лиц. Все офицеры сотен Конвоя, служивших в Царской Ставке, имели честь получить это приглашение.

Делегация Конвоя, в составе командира, его помощника и адъютанта есаула И. Ветра, специально к праздникам прибывшего из Петрограда, принесла Государю Наследнику Цесаревичу поздравление от имени всех офицеров и казаков Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

Парад в Царской Ставке в день Праздника Конвоя в 1915 году – последний парад, когда Государь Император, Государь

Наследник Цесаревич, офицеры и казаки имели синие мундиры Конвоя. На время войны была Высочайше утверждена походная форма: черкеска из сукна «защитного» цвета, при алом бешмете, который полагался к синему мундиру. Для чинов же Конвоя, командируемых непосредственно на фронт, был присвоен не алый бешмет, а как и черкеска защитного цвета, но из материала более светлого, чем сукно на походной черкеске.

В Царской Ставке для Государя Наследника Цесаревича не было отдельного помещения, и Он спал вместе с Государем в одной комнате, где Их походные кровати стояли рядом.

Весь день у Наследника Цесаревича проходил по установленному расписанию, которое, главным образом, предусматривало ежедневные регулярные занятия. Завтракал Он вместе с Государем, вместе с Государем совершал загородные прогулки и поездки, но обед для Наследника Цесаревича подавался отдельно и раньше Высочайшего обеда. Всегда приветливый, Он с особо ласковой и доброй улыбкой отвечал на воинское приветствие офицеров и казаков Конвоя, причем отчетливым отданием чести подчеркивал то, что на Нем солдатская форма, которую Он носил во время войны.

Всем было известно отношение Наследника Цесаревича к животным, в особенности к больным и одиноким, что также характеризовало Его врожденную Царственную доброту. Любовь к животным была у Него настолько велика, что возвращаясь из загородных прогулок Наследник Цесаревич часто привозил с Собою бродивших за городом больных кошек и собак, которых жалея подбирал по дороге. Со слов конвойца-ординарца Его Величества, по просьбе Государя Наследника Цесаревича всех этих больных животных отправляли на лечение в местный ветеринарный околодок.

Со своей любимой собакой «Джой» Наследник Цесаревич почти никогда не расставался. Уезжая временами в Царское Село, Наследник Цесаревич с радостью возвращался обратно

в Царскую Ставку. Но самой большой радостью для Него было время, когда Он имел возможность сопровождать Государя на фронт, о чем Наследник Цесаревич с восторгом сразу же сообщал конвойцам, несшим службу в губернаторском доме.

Государь Император, живя в Царской Ставке, приблизительно раз в месяц, когда обстановка на фронте это допускала, отбывал в Царское Село, а из Царского Села в Царскую Ставку изредка приезжали Государыня Императрица и Великие Княжны.

Впервые Государыня Императрица Александра Федоровна со Своими Августейшими Дочерьми прибыла в Царскую Ставку в октябре 1915 года. Во время пребывания Государыни и Великих Княжон в Царской Ставке Они оставались в Своем поезде, куда назначался офицерский караул от сотен Конвоя, находившихся в Могилеве.

Днем Государыня и Великие Княжны уезжали к завтраку к Государю в губернаторский дом. К этим Высочайшим завтракам Царской Семьи к одному часу дня, в так называемом «Белом» зале губернаторского дома, собирались Свита Государя и все приглашенные, в том числе и офицеры Конвоя.

Государь, Государыня и Их Августейшие Дети выходили в зал, где все Их приветствовали общим поклоном, и проходили в столовую. После завтрака, все присутствовавшие на нем лица вновь собирались в зале. Их Величества, поговорив с некоторыми из приглашенных к Высочайшему завтраку лиц, удалялись в кабинет Государя. Затем обыкновенно Государыня Императрица возвращалась в Свой поезд, а Государь Император с Великими Княжнами и Наследником Цесаревичем выезжал на прогулку за город.

К обеду вся Царская Семья собиралась в поезде Государыни. Государь, когда только мог, после обеда проводил время в кругу Своей Семьи и возвращался в губернаторский дом

к 12 часам ночи. Наследник Цесаревич отбывал туда же уже к 8 часам вечера.

Один из офицеров Конвоя вспоминает, как на его дежурстве Наследнику Цесаревичу перед Его отъездом в губернаторский дом очень хотелось, чтобы Ему была выставлена «Встреча» Конвоя, которая, согласно правил службы о Встречах Высочайших Особ, предусмотрена не была.

В ожидании отъезда Наследника Цесаревича, дежурный офицер с урядником подошли к Царскому вагону. Из вагона вышел Государь Наследник Цесаревич и подойдя к дежурному офицеру, став смирно и, по всем правилам воинского устава, приложив руку к Своей солдатской фуражке, сказал: *«Ваше Высокоблагородие, разрешите доложить – Его Величество Государь Император отбывает в 12 часов, а Его Высочество Наследник Цесаревич в 8 часов вечера...»*

Сказав это, Наследник Цесаревич так же отчетливо повернулся налево кругом и направился к Царскому вагону. Старый сверхсрочнослужащий урядник сообщил офицеру, что по его мнению Государь Наследник Цесаревич, назначив точное время Своего отбытия наверное желает, чтобы Ему была выставлена «Встреча».

Для дежурного офицера создалось очень трудное положение. *По правилам службы Конвоя, «Встреча» полагалась только Их Величествам, т. е. Государю Императору и Государыням Императрицам, но желание Наследника Цесаревича было настолько очевидным, да еще переданным в такой форме, что его не выполнить было невозможно!*

Точно в 8 часов вечера «Встреча» выстроилась у Царского вагона. На площадку вагона сначала выбежал Наследник Цесаревич. Затем видно было, как Он стал махать рукой на Великих Княжон, хотевших выйти за Ним. Совершенно неожиданно показался Сам Государь Император, посмотрел на «Встречу», улыбнулся и удалившись в вагон сейчас же

вышел из него, но через другой выход, находившийся в противоположном конце вагона. За Государем смеясь спешили Великие Княжны. За всем происходящим наблюдала из окна вагона Государыня Императрица.

Через 2–3 минуты на площадку вагона вышел один Наследник Цесаревич и медленно и спокойно сошел со ступеней вагона на платформу. Подражая Государю, подал руку офицеру и поздоровался с казаками. «Здравия желаем Ваше Императорское Высочество!» – громко ответили казаки-конвойцы. Затем Наследник Цесаревич так же как и Государь, стал казакам задавать вопросы, касающиеся их личной жизни. Закончив Свой опрос благодарностью: «Спасибо, казаки!» быстро побежал к ожидавшему Его автомобилю.

Как только автомобиль тронулся, Наследник Цесаревич обернулся в сторону Великих Княжон и стал показывать рукою на конвойцев, стоявших у Царского вагона, и на Себя.

Государь, наблюдавший со стороны за поведением Наследника Цесаревича, позвал к Себе дежурного офицера и изволил сказать:

> «Вы доставили Алексею большое удовольствие, исполнив Его просьбу. Он поспорил со Своими Сестрами, что сегодня при Нашем обратном отъезде будет две «Встречи» – Мне и Ему…
>
> В течение целого дня просил меня, чтобы Я приказал это сделать. Мне пришлось объяснить Ему, что Я такого приказания дать не могу, т. к. по правилам Наследнику «Встреча» не полагается. Советовал Ему просить вас, а не Меня, и если вы сами захотите исполнить Его желание, то Я ничего не буду иметь против. Я надеюсь, что Он вам никаких приказаний не передавал!?..»

Офицер доложил Государю Императору точно все, что ему сообщил Наследник Цесаревич. – «*В таком случае*», *сказал*

Государь, «отпустите казаков и, к Моему отъезду, «Встречи» выставлять не надо!».

Стоявшим тут же Великим Княжнам, Государь заметил: «Вы проиграли, но не совсем, т. к. сегодня была все же одна, только Ему одному «Встреча» – второй не будет!»

Дежурный офицер, закончив службу, доложил помощнику командира полковнику Кирееву о том, что произошло на его дежурстве. Полковник Киреев, разбирая с офицерами этот случай, нашел необходимым обратить внимание на следующее:

1. Дежурного офицера Государь не благодарил, но в то же время и не осуждал, сказав о том, что Наследнику Цесаревичу было доставлено большое удовольствие.

2. Наследнику же Цесаревичу Государь Сам объяснил, почему нельзя было исполнить Его просьбу. Однако, не желая огорчать Наследника, предоставил Ему возможность обратиться с этой просьбой непосредственно к дежурному офицеру.

3. Но Государь также не хотел огорчать «проигравших спор» Великих Княжон, а потому отменив «Встречу» Себе, дал возможность и Им указать Наследнику Цесаревичу, что и Они были правы, споря с Ним о том, что второй «Встречи» не будет[201].

Великие Княжны так же, как и Наследник Цесаревич, любили поездки в Царскую Ставку и всегда радовались им. Помимо свидания с горячо любимым Державным Отцом и Братом, эти поездки вносили большую перемену в Их, во время войны, почти монастырскую жизнь в Александровском Дворце Царского Села, где начав день с посещения церковной службы, Они в течение целого дня работали в лазаретах, а вечером во Дворце, подготовляя посылки на фронт и белье

---

[201] Из воспоминаний полковника Галушкина о службе в Царской Ставке.

для раненых и больных воинов. В Ставке же Великие Княжны пользовались известной свободой, которой в Царском Селе не могли иметь.

Этой перемене способствовала еще и обстановка, в которой Они находились, ибо сама станция Могилев, где стоял Императорский поезд, во время приездов Государыни и Великих Княжон, была расположена далеко от города и стояла почти в поле. Недалеко от станции находился красивый лес. Около самой станции, кроме построек для железнодорожных служащих, других не было, и это давало возможность Великим Княжнам совершать прогулки, не привлекая на Себя внимание жителей.

Когда Великие Княжны возвращались из города в поезд, то Они после небольшого отдыха выходили гулять в сопровождении офицера Конвоя. Кто-либо из Великих Княжон сообщал офицеру: «Мама просила вас погулять с Нами», и иногда Сама Государыня Императрица звала к Себе офицера и говорила: «прошу вас погулять с Детьми, но только не очень долго.» Любимой прогулкой Великих Княжон был лес, где Они сразу же, при помощи офицера, разводили небольшой костер и пекли картофель. *Им особенно нравилось то, что встречные люди Их почти не узнавали. Держали Они себя со всеми настолько просто и приветливо, что те, кто не знал, Кто с ними разговаривает, никогда бы не поверил, судя по скромности Великих Княжон, что это Дочери Русского Царя!*

Любя детей, Великие Княжны посещали дома железнодорожных служащих и крестьян, и всегда приносили им разные подарки.

Их врожденная доброта, естественность и простота привлекали к Себе сердца не только детей, которые Их постоянно окружали, *но и вообще всех тех, кто имел счастье видеть Их и с Ними разговаривать.*

При встречах и разговорах с офицерами Конвоя Великие Княжны неизменно проявляли к ним внимание и приветли-

вость, стараясь всегда для каждого найти ласковое слово, примером чего может служить следующее: Государь во время Своего путешествия на Кавказе, 24-го ноября 1914 года был в Екатеринодаре и, как в других городах, посетил учебные заведения. В одном из них начальницей была мать офицера Конвоя. Несмотря на то, что это было в начале войны и прошло уже больше года, как Государь вернулся с Кавказа, Великая Княжна Татьяна Николаевна во время одной прогулки совершенно неожиданно сказала дежурному офицеру: *«А знаете, Н. В*[202]*., Мой Папа был у вашей мамы и в день ее Ангела. Будете писать, кланяйтесь от Меня».*

Эти необычные слова, сказанные Дочерью Русского Царя, свидетельствуют не только о том, насколько просто и скромно держали Себя Великие Княжны, но также и о милостивом внимании Самого Государя, вспомнившего среди многих сотен лиц, виденных Им на Кавказе, случайную встречу с матерью офицера Конвоя.

Об этом Высочайшем внимании Царской Семьи вспоминает в Бозе почившая Великая Княгиня Ольга Александровна, в письме от 9 августа/27 июля 1959 года: «...Знаю, как мои дорогие племянницы и я всегда с самого детства любили офицеров и казаков Конвоя. Мы радовались, когда встречались с вами, когда разговаривали с вами…»

В Царской Ставке вечерами, в особенности во время дежурства флигель-адъютанта полковника Мордвинова, Великие Княжны играли в прятки, привлекая к игре дежурного офицера Конвоя, которому Они давали советы, где в поезде лучше скрыться так, чтобы его трудно было найти. Был

---

[202] Великие Княжны всегда обращались к офицерам Конвоя по имени и отчеству. Комендант Дворца вспоминает о том, как ему Великие Княжны «делали экзамен», спрашивая имена и отчества офицеров Конвоя. Ген. Воейков: «С Царем и без Царя», стр. 140.

случай, когда Великая Княжна Анастасия Николаевна предложила офицеру лечь на сетку для чемоданов, которая была высоко на стенке в коридоре вагона. В это время проходила по коридору Государыня Императрица и Великие Княжны просили Ее найти спрятанного офицера. Когда Государыня увидела офицера, то сказала: «Боже мой, что Они с вами делают!» ...Полковник Мордвинов долго не мог найти офицера, что очень занимало Великих Княжон. Кроме полковника Мордвинова, дежурили еще флигель-адъютант Великий Князь Димитрий Павлович и флигель-адъютант Князь Игорь Константинович, тогда Великие Княжны играли в прятки с меньшим интересом, т. к. оба Князя сразу же находили всех спрятавшихся.

Конвоец М. Лашук в одном из своих писем-воспоминаний о службе в Царской Ставке пишет: ...«Когда Государыня и Великие Княжны приезжали в Могилев, то к Их поезду назначался караул. Пришлось и мне стоять парным часовым у входа в вагон. Товарная платформа, куда подавался Царский поезд, была большая. На ней недалеко от поезда были сложены накрест штоссы телеграфных столбов. В штоссе примерно рядов шесть. Недалеко от этих столбов была канава, примерно пол метра, а может немного больше.

Стоял я на посту от 4 до 8 вечера. Государь гулял с Великой Княжной Татьяной Николаевной вдоль поезда, и сказал нам: «Казаки! можете быть свободны». – Мы все с нашим урядником разводящим зашли за эти столбы и там сидели. Флигель-адъютант и Великие Княжны играли в жмурки. Хоронились Княжны, полковник Их искал, потом полковник хоронился, Княжны искали, и так долго играли, а мы сидели за столбами, при нас бурки. Вдруг подходят к нам Великие Княжны и говорят: «казаки, спрячьте нас так, чтобы нас не нашел полковник». «Наш разводящий Петр И. Касилов, станицы Григориполисской, отвечает Им – «мы здесь не можем

спрятать Вас, Ваше Императорское Высочество». – Я говорю разводящему: «господин урядник, скажите Великим Княжнам, пусть оденут наши папахи и бурки и будут стоять, как будто мы стоим, а мы-то спрячемся, нас полковник не найдет». Я сам не мог это сказать Великим Княжнам, потому есть старший.

Когда разводящий Великим Княжнам это сказал, Княжны были так рады. Подошли к нам и мы надели на Них наши папахи и бурки. Я помню, что одевал Великую Княжну Марию Николаевну.

Великие Княжны стали на нашем месте, а мы спрятались в канаве. Полковник ищет на столбах и между столбами, и не может нигде найти, но когда он проходил близко от Великих Княжон, то Они рассмеялись. Смеялся полковник, смеялись и мы... На этот смех пришел Государь с Великой Княжной Татьяной Николаевной. Государь вылез на эти столбы и стал с нами разговаривать. Время было после захода солнца и начинало темнеть. Государь нас спрашивал, сколько служите в Конвое, были ли в отпуске, чем отец занимается, где служил отец. Когда называли полк, где служил отец, то Государь поправлял нас и называл Шефа полка.

Я когда был в карауле, то видел как из ближайших сел приходили дети и останавливались от поезда так на 150–200 шагов. Великие Княжны туда к ним ходили и приносили детям конфеты и тому платочек, тому ботиночки, тому рубашечку. Дети обсядут Их кругом и Великие Княжны с ними беседуют, а что говорят, нам на посту не слышно...»

Небольшим развлечением для Великих Княжон в Царской Ставке служил военный кинематограф. Этот кинематограф был устроен в городском театре для чинов Штаба Верховного Главнокомандующего. Иногда кинематограф посещал Государь Император с Наследником Цесаревичем, но Великие Княжны любили там бывать всегда в дни Своего пребывания в Могилеве.

К прибытию Государя в театр, от Конвоя высылалась «Встреча Его Величества». Офицеры и казаки Конвоя в театре имели свои, специально для них отведенные места.

В канун нового 1916 года Государь Император прибыл из Царского Села в Свою Ставку и изволил обратиться к войскам со следующим приказом:

ПРИКАЗ АРМИИ И ФЛОТУ.

Минул 1915 год, полный самоотверженных подвигов Моих славных войск. В тяжелой борьбе с врагом, сильным числом и богатым всеми средствами, они истомили его, и своею грудью, как непреоборимым щитом родины, остановили вражеское нашествие. В преддверии Нового 1916 года Я шлю Мой привет вам, Мои доблестные воины. Сердцем и мыслью Я с вами в боях и окопах, призывая помощь Всевышнего на ваши труды, доблесть и мужество. Помните, что без решительной победы над врагом наша дорогая Россия не может обеспечить себе самостоятельной жизни и права на пользование своим трудом и на развитие своих богатств. Проникнитесь поэтому сознанием, что без победы не может быть и не будет мира. Каких бы трудов и жертв нам ни стоило это, мы должны дать родине победу. В недавние дни Я приветствовал некоторые полки на прославленных сентябрьскими боями полях Молодечно-Вилейки. Я сердцем чувствую горячее стремление и готовность всех и каждого до конца исполнить свой святой долг защиты родины. Я вступаю в новый год с твердой верой в милость Божью, в духовную мощь и непоколебимую твердость и верность всего русского народа и в военную доблесть Моих армий и флота.

31-го декабря 1915 года.

Николай.

Командировка сотен Конвоя на Юго-Западный фронт

В первые же дни начавшейся войны, помощник командира Конвоя по строевой части полковник Киреев, от имени офицеров доложил командиру просьбу всех чинов Конвоя донести Его Императорскому Величеству о горячем желании офицеров и казаков Конвоя, отдельными сотнями, при первой возможности быть командированными на фронт, дабы принять участие в боевых действиях Русской Армии, по примеру больших войн, которые вела Императорская Россия.

Государь Император повелел командиру Свиты Его Величества генерал-майору графу Граббе-Никитину передать офицерам, что Ему понятна эта просьба Своего Конвоя, но изволил выразить Свое согласие о командировке на фронт Действующей Армии только двух сотен.

Однако до сформирования еще одной, Л.-Гв. 5-й сотни, которая могла бы нести службу взамен очередной сотни, командированной на фронт, этого нельзя было осуществить, ибо все 4 сотни постоянного состава Конвоя, несмотря на то, что каждая сотня по мобилизации была доведена до 160 человек, несли усиленную службу не только в местах пребывания Их Величеств, но и в постоянных командировках, сопровождая Государя Императора при Его частых выездах на фронт, и Государыню Императрицу, при посещении Ею военных госпиталей и, учрежденных в разных городах России, Ее Имени санитарных складов и мастерских.

В конце августа в Петергофе командиром Конвоя было объявлено, что командировка на фронт сотен Конвоя действительно возможна, т. к. проект о формировании Л.-Гв. 5-й сотни утвержден.

По просьбе офицеров и казаков было решено, что сотни (Кубанцы и Терцы отдельно) будут тянуть жребий, какие из них и в каком порядке будут командированы. Жребий пал

Л.-Гв. на 1-ю Кубанскую и Л.-Гв. на 4-ю Терскую, и эти сотни, продолжая нести свою обычную службу, стали готовиться к походу.

Командир взвода Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни подъесаул Георгий Гулыга, не дождавшись отбытия своей сотни на фронт, подал рапорт с просьбою о переводе его в Кавказский полк Кубанского Казачьего Войска, куда и отбыл[203]. На его место Л.-Гв. из 2-й Кубанской сотни был переведен подъесаул Михаил Скворцов.

Кроме подъесаула Гулыги, несколько строевых урядников подали по команде докладные записки, прося разрешения поступить в одну из Школ Прапорщиков. Командиром Конвоя ходатайство их командиров сотен было удовлетворено, и все они, окончив с отличным успехом Школы Прапорщиков, после производства в офицерский чин доблестно служили в полках Кавказских Казачьих Войск. Некоторые из них, во время гражданской войны, уже командовали сотнями или занимали, соответствующих их чинам, другие командные должности, остальные погибли в боях на австро-германском фронте и в борьбе с красными на Кубани и Тереке[204].

Отлично окончившие учебную команду Конвоя урядники: Алексей Еременко, Феодор Муравицкий, Иван Филимонов и Ефим Джумайло, под руководством своих офицеров теоретически и практически настолько были подготовлены, что они экстерном выдержали выпускной экзамен при Школе Прапорщиков, и во время войны были первыми казаками Конвоя, произведенными в офицерский чин.

---

[203] Полковникъ Георгий Иванович Гулыга скончался в Сан-Франциско в 1953 году.

[204] В 1961 году в США скончался бывший урядник Конвоя Тарарыкин, к концу гражданской войны произведенный в чин штаб-офицера.

А. Еременко был убит на фронте в первых же боях, после производства в чин прапорщика. Ф. Муравицкий – большевиками брошен с парохода в море. И. Филимонов – умер в Югославии. О Е. Джумайло точных сведений установить не удалось.

В декабре 1915 года Л.-Гв. 2-я Кубанская сотня, под командою есаула Михаила Свидина, прибыла в Царскую Ставку, а несшая там службу Л.-Гв. 1-я Кубанская получила приказание выступить на Юго-Западный фронт. Сотня должна была поступить в распоряжение Начальника Кавказской Кавалерийской Дивизии, с прикомандированием к 1-му Хоперскому Ее Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны полку Кубанского Казачьего Войска.

Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня выступила на фронт в составе: 5-и обер-офицеров, 1-го военного чиновника и 156-и вахмистров, урядников и казаков.

Командир сотни – Флигель-Адъютант есаул Андрей Жуков. Командиры взводов: подъесаул Георгий Рашпиль, подъесаул Михаил Скворцов, сотник Виктор Зборовский и сотник Александр Шведов. Классный фельдшер – коллежский регистратор Петухов. Вахмистр сотни – подхорунжий Новосельцев.

По прибытии сотни в расположение Кавказской Кавалерийской Дивизии, было получено приказание о выступлении этой дивизии на Кавказский фронт. Флигель-Адъютант есаул Жуков, донося командиру Конвоя об оставлении Юго-Западного фронта Хоперским полком, в той же срочной телеграмме просил о прикомандировании Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни к одному из казачьих полков 3- Конного Корпуса генерала графа Келлера. Разрешение было получено, и сотня была назначена во 2-й Кизляро-Гребенской полк, входивший в состав Терской Казачьей Дивизии.

Терская Казачья Дивизия, которой командовал генерал-майор Голощапов, как и все части 3-го Конного Корпуса в то время, составляли резерв группы войск, имевших фронт в

районе селения Топоровцы. Согласно полученного приказания Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня по железной дороге прибыла на станцию Новоселица, и оттуда походным порядком направилась в расположение Гребенского полка.

Гребенцы, во главе с их командиром полковником Д. И. Сехиным, как и вся Терская Дивизия, встретили конвойцев как родных братьев. Невзирая на боевую обстановку, прибытие сотни Конвоя Его Величества Терцами было отмечено с особенным кавказским гостеприимством. За общей трапезою были искренние радостные приветствия, а родная, зовущая на ратный подвиг, казачья песнь, зурна, тулумбас с тарелками и лихая лезгинка не смолкали до глубокой ночи.

Помимо радости встречи со своими братьями – Кубанцами Конвоя, Гребенцы радовались прибытию конвойцев в состав их полка еще и по другой причине. Кизляро-Гребенской полк, как и другие 3 полка Терской Дивизии, несмотря на то, что они в течение войны уже несколько раз пополняли запасными сотнями казаков свои поредевшие ряды в результате тяжелых боев в Буковине, когда полки дивизии в ежедневных боях сдерживали наступление австро-германских сил, имел сотни силою в 40–45 шашек, при одном-двух офицерах. Состав же прибывшей, только одной сотни Конвоя, был почти равен составу двух дивизионов Кизляро-Гребенского полка.

Через несколько дней после прибытия Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни к Гребенскому полку, весь 3-й Конный Корпус генерала графа Келлера перешел к станции Новоселица, заняв своими полками отдельные деревни в районе станции. Корпус получил задачу сменить пехотные части, заняв их окопы.

Первый период открытых боев, лихих конных атак и смелых кавалерийских рейдов и маневров, сменил период затяжных позиционных боев в укрепленных окопах.

Спешенные сотни Кизляро-Гребенского полка были настолько малочисленны, что по предложению Флигель-

Адъютанта есаула Жукова, Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня взяла на себя всю разведку перед всеми укрепленными позициями, занимаемыми полком, от ручья Хукея и до реки Прут.

Разведка производилась главным образом ночью и в ней принимала участие вся сотня, в дни, когда Гребенской полк своими спешенными сотнями занимал укрепленную позицию.

В эти дни перестрелка с обеих сторон днем почти не прекращалась она временами только лишь затихала. Ночью же противник усиливал свой огонь и, совершенно неожиданно, открывала огонь его артиллерия. Ночной огонь противника, доказывавший лишь его нервность, не приносил особого вреда сотням Гребенского полка, занимавшим окопы, но конвойцы, производившие разведку впереди этих окопов, несли потери.

В первых числах мая, когда сотня Конвоя совместно с Гребенским полком занимала порученный им участок укрепленной позиции, Государь Император изволил посетить Юго-Западный фронт. Войска, зная что Государь Император часто объезжает фронт Действующей Армии, ждали своего Государя и верили в Его прибытие, а потому радостная весть о предстоящем Высочайшем смотре с быстротой молнии пронеслась по всем частям.

Сотня Конвоя получила приказание к Царскому смотру прибыть в район Хотина. Представление своему Державному Шефу в боевой обстановке переживалось офицерами и казаками Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни с восторженным волнением и с особой радостью.

Появление Государя Императора среди войск всегда вызывало в них небывалый энтузиазм – «он проявлялся в громких безостановочных криках «ура», в лихорадочном блеске глаз, в каких-то необъяснимых флюидах, пронизывавших офицеров, генералов и солдат, в дрожании ружей, взятых на караул...» (Генерал Деникин. «Путь Русского Офицера». Стр. 287).

…«Штыки сверкнули и застыли,
Лишь сердце рвется из груди,
И наш свидетель бранной были –
Склонилось Знамя впереди …

Но где же Он? Кричат соседи,
В руке зажат, дрожит эфес,
И крик рядов, и звуки меди
И эхом вторит дальний лес…

Он на коне! Его улыбка
Скользит любовно по рядам,
К ним поворачиваясь гибко,
Как бы читает по глазам…»

(Из стих. М. Шереметева.)

После Высочайшего смотра войск под Хотином, Государь поручил Флигель-Адъютанту есаулу Жукову передать офицерам и казакам сотни Своего Конвоя Его привет и благодарность за примерную службу.

Вскоре после посещения Государем Юго-Западного фронта, в 20-х числах мая началась подготовка к ожидаемому наступлению наших войск по всему фронту. Окопы, охраняемые конными частями 3-го Конного Корпуса, были вновь заняты пехотою. Под прикрытием ночной темноты саперы спешно навели мосты через р. Прут и, пользуясь ими, наша пехота при поддержке интенсивного огня артиллерии на рассвете форсировала реку и атаковала сильно укрепленные позиции Австро-Венгерской армии. Несмотря на упорное сопротивление противника, стремительной атакой он был сбит, и нашим пехотным частям удалось укрепиться на правом берегу Прута.

29-го мая дивизион Кизляро-Гребенского полка и Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня получили задачу обеспечить переправу

наших войск у дер. Вама, расположенной почти на стыке Австро-Румынской границы.

Во исполнение этой боевой задачи, две спешенные сотни Гребенцов и Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня заняли позицию правее моста, обеспечивая переправу. На фланге Гребенских сотен находилась сотня Конвоя.

Высланные от взвода подъесаула Скворцова дозоры донесли, что австрийцы в нескольких больших лодках переправляются правее нашего расположения. Маневр противника, желавшего выйти во фланг и тыл сотням, обеспечивающим переправу, мог бы создать обстановку, при которой дивизиону Гребенского полка и сотне Конвоя было бы трудно, и почти невозможно, выполнить полученную задачу.

Подъесаул Скворцов, послав об этом донесение и предупредив прикрываемые им пулеметы, решил во что бы то ни стало, совместно с подошедшим к нему, под командою сотника Зборовского, 4-м взводом, предотвратить опасный для русских войск маневр австрийцев и с двумя взводами сотни Конвоя двинулся к месту переправы противника. Заметив быстрые перебежки конвойцев, австрийцы открыли сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь, но взводы подъесаула Скворцова и сотника Зборовского, неся потери, продолжали энергичное наступление и, достигнув своей цели, сами открыли по лодкам противника сильный и действительный огонь, от которого одна лодка вместе с находившимися в ней австрийцами перевернулась.

Встретив такой неожиданный для них отпор, австрийцы повернули обратно и, бросив лодки, бежали за гребень, преследуемые огнем конвойцев.

> «Благодаря столь решительным и энергичным действиям подъесаула Скворцова, переправа австрийцев была ликвидирована в самом начале, что дало возмож-

ность выполнить задачу в полной мере, не отвлекая части общего резерва на обеспечение нашего правого фланга.» – («Русский Инвалид». № 288 от 28-го октября 1916 года.)

В бою 29-го мая из 1-го и 4-го взводов сотни Конвоя выбыло из строя 8 человек. Оба командира взводов – подъесаул Скворцов и сотник Зборовский были ранены. Казаков убито два и пять ранено. Тяжелораненый в грудь на вылет сотник Зборовский и с ним пять раненых казаков были эвакуированы в Царское Село. Несколько раньше был эвакуирован заболевший тифом сотник Шведов. Подъесаул Скворцов был ранен в лицо и остался в строю.

В результате повторных атак, наша доблестная пехота прорвала австрийский фронт, и для преследования отступающих австрийских войск был брошен весь 3-ий Конный Корпус генерала графа Келлера. Во время этого преследования головные разъезды сотни Конвоя, шедшей в авангарде Гребенского полка, обнаружили внушительную колонну противника, отходившую по дороге к С. В. от Черновицы. Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня, а за нею лихие сотни Кизляро-Гребенского полка бросились в атаку.

Атакованная колонна оказалась громадным армейским обозом, который отступал под прикрытием нескольких рот и пулеметной команды австрийской пехоты. Весь обоз полностью и оставшиеся в живых австрийцы, прикрывавшие его, были захвачены и отправлены в тыл. Но и казаки понесли потери убитыми и ранеными. Во время атаки пал смертью храбрых командующий Кизляро-Гребенским полком полковник Марков, заменявший находившегося в отпуску полковника Сехина.

Во временное командование Кизляро-Гребенским полком вступил командир Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни Флигель-Адъютант полковник Жуков, несколько дней тому назад Вы-

сочайшим приказом произведенный в штаб-офицеры. Сотню Конвоя принял старший из взводных офицеров подъесаул Рашпиль.

После захвата армейского обоза и его прикрытия, Кизляро-Гребенской полк и сотня Конвоя под командою Флигель-Адъютанта полковника Жукова продолжали преследование противника в направлении на дер. Сучава. При этом движении полка австрийская пехота, заняв командующую высоту «412», стала оказывать сопротивление, что задерживало Гребенской полк. Полковник Жуков приказал своей сотне конвойцев выбить противника с высоты «412», занять ее и, пропустив полк, присоединиться к нему.

Подъесаул Рашпиль, получив это приказание, спешил сотню и, невзирая на сильный огонь противника, повел решительное наступление и сотня, применяя ручные гранаты, атаковала высоту «412». Австрийцы, удерживавшие высоту, были взяты в плен или Гвардейцами на самой высоте, или Гребенцами, перехватившими их при поспешном оставлении высоты.

На рассвете 7-го июня сотня Конвоя с боем заняла сел. Сучава, находившееся в 1½–2 километрах от города Радауц. В Сучаву подошел Гребенской полк во главе с полковником Жуковым, и от него подъесаул Рашпиль получил приказание продолжать движение на Радауц.

От сотни был выслан головной офицерский разъезд в составе 8-ми казаков под командою подъесаула Скворцова, с задачей двигаться вдоль дороги Сучава-Радауц и войти в связь с противником. Выдвинувшись с рассветом по указанному направлению, подъесаул Скворцов заметил, что справа от него на шоссе сел. Андросфалд-Радауц, находившемуся параллельно пути следования его разъезда, стали показываться, а затем скрываться какие-то одиночные люди. Решив выяснить обстановку, разъезд двинулся по направлению к этим людям. В это время по разъезду со стороны города

Радауц был открыт артиллерийский огонь. Разезд продолжал движение рысью. Когда разъезд был примерно посредине между дорогами, идущими в Радауц из Сучава и Андросфалд, то по нему неожиданно был открыт и ружейный огонь. Стреляла находившаяся в укрытии австрийская пехотная застава. По команде подъесаула Скворцова разъезд бросился в атаку.

За движением разъезда наблюдал в бинокль с колокольни сел. Сучава урядник. Когда разъезд атаковал австрийскую заставу, из Сучава показалась развернутая лава всей сотни конвойцев и одновременно из придорожной канавы шоссе Андросфалд-Радауц, где впервые разъездом были замечены одиночные люди, поднялась пехота противника, но увидя гибель своей заставы и идущую в атаку сотню Конвоя, а за нею и лавы Гребенцов, стала поспешно отходить к Радауцу.

В результате конной атаки разъезда от сотни Конвоя, австрийская пехотная застава была разбита. Противник потерял 4-х убитых (зарублены казаками во время атаки) и пленными 1-го офицера и 24 солдата. Потери разъезда: ранен начальник разъезда подъесаул Скворцов. Из 8 казаков разъезда 5 выбыло из строя – из них убит урядник Сухина и ранены: урядник Гребенюк, урядник Мороз, казак Рудь и казак Волкодав.

Продолжая атаку, Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня настигла отступающую из сел. Андросфалд австрийскую пехоту и, на их плечах, ворвалась в город Радауц. Со стороны Сучава атаковал Радауц и Кизляро-Гребенской полк под командою полковника Жукова.

Бывшая в Радауце австрийская пехота открыла огонь по атакующим из домов и зданий города. После короткого сопротивления батальон противника, защищавший город, сдался и был взят в плен.

В Радауце сотня Конвоя похоронила 5 своих казаков, убитых во время конной атаки. Раненые 18 конвойцев были эва-

куированы в тыл и далее санитарным поездом ЕЯ Величества Государыни Императрицы, в Царское Село.

В Радауце же сотня навсегда рассталась со своим командиром – Флигель-Адъютантом полковником Жуковым. Трогательно, со слезами на глазах, попрощавшись с сотней, поблагодарив ее за верную службу Государю и Родине, полковник Жуков сдал вр. командуемый им Кизляро-Гребенской полк есаулу Валаеву, и в сопровождении только одного своего конного вестового верхом отбыл в Новоселицу[205].

В Новоселице глубокоуважаемый и любимый всеми офицерами Конвоя Андрей Семенович Жуков покончил жизнь самоубийством...

Ближайшие его друзья знали, что Андрей Семенович с большим терпением переносил боль во время верховой езды. У него была грыжа. Он должен был подвергнуться операции, *но... в Петергофе его сотня вытянула жребий первой выступить на фронт!*

Надо было знать этого безупречного, глубоко преданного службе и родной Части офицера, чтобы понять с какой гордостью и радостью он принял весть о том, что командуемая им сотня идет на фронт первой. В это время оставить сотню он не считал возможным, и ни о какой операции и слышать не хотел. Тот доктор, который посмел бы сказать о том, что его здоровье не позволяет ему отбыть в Действующую Армию, нанес бы Андрею Семеновичу Жукову личное оскорбление.

На фронте, в период когда его сотня занимала пехотные окопы, офицеры сотни не замечали в нем никакой перемены. Всегда ровный, спокойный, в высшей степени тактичный в обращении со всеми окружающими его, он умело скрывал свой недуг. Никогда не говорил о своей болезни. Он только

---

[205] Из воспоминаний генерала М. Скворцова.

болел душою и тяжело переживал смерть и ранение своих казаков, о которых всегда отечески заботился.

Но когда австрийский фронт был прорван, а конница была брошена в преследование отступающего неприятеля и боевые действия начались в конном строю, Андрей Семенович был просто мучеником! После того, когда был убит полковник Марков, он, не смотря на едва сдерживаемую физическую боль, стал во главе полка, к которому была прикомандирована его сотня. Доблестно командовал и принимал личное участие в конных атаках под Сучавой и Радауцем, что окончательно подорвало его здоровье. В этот период боев, почти не слезая с седла, Андрей Семенович понял, что больше терпеть у него нет сил, что и сказал своему заместителю есаулу Рашпилю.

Полковой врач пробовал уговорить полковника Жукова эвакуироваться по болезни, ибо дальнейшее его пребывание на фронте может кончиться печально. *Сам Жуков это хорошо понимал, но врач, понимая физическое страдание больного, не мог понять душевных мук полковника Жукова... «Быть на фронте больше не могу!.. Уйти с фронта тоже не могу!..»*

Согласно показаниям вестового полковника Жукова, последними его словами были: *«оставь меня одного, я хочу помолиться Богу».* Через несколько минут раздался выстрел. Вестовой нашел своего командира, лежащего на полу у иконы Спасителя, мертвым с простреленной головою. (Выстрел был сделан в рот!) на столе лежала, прикрытая часами, записка:

...«Болен – боюсь, что не поймут!..»

По Высочайшему повелению, официальное сообщение о смерти полковника Жукова гласит: «Командир Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни Собственного Его Императорского Величества Конвоя Флигель-Адъютант полковник А. С. Хуков умер на фронте».

После взятия Радауца сотня Конвоя под командою есаула Рашпиля, совместно с Кизляро-Гребенским полком, – коман-

дующий есаул Валаев, – продолжала преследование противника, захватывая большое количество пленных и всякого рода оружие и снаряжение австрийской армии. Дальнейший боевой путь Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни – активное участие во всех боях Кизляро-Гребенского полка при взятии Гура Гуморы, Кимполунга и в боях у Дорна Ватры. Во время этих боев Терской Казачьей Дивизией командовал генерал Хоранов, человек исключительной личной храбрости, признававший, при всех положениях, единственное решение – конная атака!

Под Дорна Ватра, преследование противника прекратилось и, на линии Дорна Ватра-Якобени, возобновилась позиционная война. Позиция проходила по значительным высотам, покрытым вековым хвойным лесом. На позиции под Дорна Ватра сотня Конвоя получила приказание вернуться с фронта.

За все время пребывания на фронте, при совместной боевой службе с Терской Казачьей Дивизией, а в особенности с доблестным и славным Кизляро-Гребенским полком, офицеры и казаки сотни Конвоя настолько сроднились с ними, что расстались как с самыми лучшими и верными кунаками.

Находясь на фронте, все чины сотни Конвоя ревностно и мужественно несли свою службу, сознавая что на них обращено внимание всех полков дивизии, и с честью оправдали веру в их боевую стойкость.

За мужество и храбрость, проявленную в боях, постановлением Георгиевской Думы Юго-Западного фронта, командир Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни есаул Георгий Рашпиль был награжден Орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. Так же Георгиевским оружием были награждены командиры взводов: подъесаул Михаил Скворцов и сотник Виктор Зборовский. Кроме того, получили Орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом подъесаул Скворцов, сотник Зборовский и

сотник Александр Шведов. Классный фельдшер сотни, коллежский регистратор Петухов за примерное исполнение своих обязанностей в боевой обстановке, неоднократно оказывавший раненым первую помощь под огнем противника, был награжден Орденом Св. Анны 4-й степени с надписью: «за храбрость».

Все вахмистра, урядники и казаки сотни вернулись с фронта имея Георгиевские кресты 4-й степени, а некоторые 4-й и 3-й степени. В результате частых и упорных боев, сотня Конвоя понесла значительные потери. Всего выбыло из строя 50 человек, из коих: убито 15, ранено 27 и эвакуировано по болезни 8.

Выступив на фронт в составе 5 офицеров и 156 вахмистров, урядников и казаков, сотня вернулась с фронта имея в строю 2-х офицеров и 106 казаков.

В Царское Село сотня возвращалась через Могилев. Его Величество Государь Император Николай II Александрович изволил, в сопровождении Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, прибыть на станцию Могилев, где Лично встретил сотню Своего Конвоя.

По команде командира сотни есаула Рашпиля, казаки быстро оставили свои вагоны и выстроились в пешем строю. Приняв рапорт командира сотни, Государь Император в милостивых словах благодарил сотню – «*За лихую, отменно боевую службу, как Я и ожидал от Своих казаков.*» Затем Государь медленно обошел фронт сотни; останавливаясь перед некоторыми и расспрашивая их о боевой службе на фронте, Лично наградил Георгиевскими крестами 3-й степени особенно отличившихся. Командир сотни есаул Рашпиль и один из командиров взводов оставшихся в строю, подъесаул Скворцов, получили приглашение к Высочайшему завтраку, на котором присутствовали и командир Конвоя Свиты Его Величества генерал-майор граф Граббе и полковник Киреев.

За завтраком Государь долго и милостиво изволил беседовать с офицерами Конвоя, прибывшими с фронта.

25-го июня Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня прибыла в Царское Село, где на вокзале была встречена офицерами и казаками Конвоя, несшими службу в Царском Селе.

В тот же день в Феодоровском Государевом Соборе был отслужен Благодарственный молебен с поминовением всех чинов сотни, павших на поле брани. На молебне изволили присутствовать Государыня Императрица и Великие Княжны. После молебна сотня выстроилась перед Собором, и Ее Величество Государыня Императрица Александра Федоровна, желая от Себя лично выразить сотне Свою Высочайшую благодарность за примерную службу на фронте, обошла обе шеренги фронта выстроенной сотни и ... *каждому казаку подала Свою руку.*

В письме к Государю Императору в Царскую Ставку, написанном 25-го июня 1916 года, Государыня Императрица сообщает:

> «...*Мы были на молебне, а потом видели великолепную сотню, поздоровались, поздравили их с благополучным возвращением. Я им всем подала руку и говорила с ними, у некоторых по три креста*...» («Письма Императрицы Александры Федоровны», стр. 131.)

Во время пребывания сотни Конвоя на фронте, Государыня Императрица оказывала постоянную Свою заботу и трогательное внимание к раненым офицерам и казакам. Два раза, по личному распоряжению Самой Государыни, на станцию Новоселица прибывали санитарные поезда Ее Величества за ранеными чинами сотни, и доставляли их в Царское Село для помещения в лазарет Великих Княжон.

Как велико было это внимание Государыни, видно из Ее писем к Государю Императору. В письме от 4-го июня

1916 года сказано: *«Я стараюсь заполучить в свой санитарный поезд Зборовского (он ранен в грудь, Шведова, тиф, Скворцова, ранен). Юзик поможет через Киев, я все это сказала Граббе.»*[206]

Письмо от 11-го июня 1916 года: *«Зборовский уже приехал (мой поезд за ним гонялся) и будет в детском госпитале. Дети туда помчались в большом возбуждении. Я послала Вильчковскому фамилии казаков, которых мы просим сюда привезти».*

Письмо от 12-го июня 1916-го года. – *«Вик. Эраст, загорел и выглядит хорошо, утверждает, что у него нет болей, но видно, как у него подергивается лицо. Он ранен в грудь на вылет, но чувствует руку...»* 21-го июня 1916 года. – *«Мы будем пить чай в саду. – Вик. Эр. и Юзик...»*

1-го июля 1916 года. – *«Я сказала Мери, что она поговорила бы с Зборовским и тогда сможет всё устроить – я знаю, что он хотел отправиться на Кавказ...»*

4-го июля 1916 года. – *«Шурик (Швед.) и В. Эраст, с нами пьют чай»*[207].

После прибытия с фронта Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни в Царское Село, через пять дней на фронт выступила Л.-Гв. 4-я Терская сотня (очередная по жребию). Сотня выступила в составе 5 офицеров и 150 вахмистров, урядников и казаков.

Командир сотни: есаул Григорий Татонов. Командиры взводов: подъесаул Анатолий Федюшкин (офицер Л.-Гв. 3-й Терской сотни, прикомандирован на время похода к 4-й), сотник Константин Зерщиков, сотник Николай Золотарев и сотник Василий Скляров.

---

[206] «Юзиком» – Великие Княжны называли подъесаула Анатолия Федюшкина, в то время находившегося при Государыне Императрице Марии Федоровне в Киеве. Граббе – командир Конвоя.

[207] Виктор Эрастович – имя и отчество сотника Зборовского. «Шурик» – сотник Александр Шведов.

«Письма Императрицы Александры Федоровны». Перевод с английского В. Д. Набоков. 1922 год. Страницы: 108, 116, 117 и 125.

30 июня, накануне выступления сотни на фронт, Ее Величество Государыня Императрица выразила Свое желание попрощаться с офицерами сотни. Для этого представления Государыне и Великим Княжнам офицеры Л.-Гв. 4-й Терской сотни прибыли в Александровский Дворец.

Прощаясь с офицерами, Государыня соизволила Лично благословить каждого офицера небольшой иконкой, а командиру сотни есаулу Татонову передала Образ Святителя Николая Чудотворца, как Свое благословение всем казакам сотни. Принимая от Государыни Императрицы Александры Федоровны это Царское благословение, офицеры стали на колено.

После благословения Государыни, с офицерами прощались Великие Княжны и при прощании вручили офицерам Свои подарки. А. С. Федюшкин в своих воспоминаниях указывает: «При прощании в Александровском Дворце, лично я имел честь получить от Великой Княжны Татьяны Николаевны небольшой пакет. В нем была шелковая чесунчевая рубашка с приколотой карточкой и хранимый мною до смерти[208] нательный образок Спасителя. На карточке была надпись: *«Да благословит и сохранит Вас Господь, милый Юзик! Татьяна»*.

В тот же день вечером в Офицерском Собрании Конвоя состоялись проводы офицеров сотни, уходящей на фронт, а в казармах казаки Кубанцы провожали своих братьев Терцев.

К ужину в Собрание прибыли депутации от Сводного полка и Железнодорожного, и приветствовали офицеров Конвоя с предстоящим походом.

1-июля к 4 часам дня Л.-Гв. 4-я Терская сотня в конном строю выстроилась на площадке перед Феодоровским Государевым Собором. На паперти Собора духовенство ожидало

---

[208] Полковник А. С. Федюшкин умер в Нью Йорке 31-го августа 1958 г.

прибытия Государыни Императрицы. С прибытием Ее Величества и Великих Княжон протопресвитером о. А. Васильевым был отслужен напутственный молебен, по окончании которого протопресвитер окропил Святой водой строй сотни.

Государыня Императрица, в сопровождении Великих Княжон, обошла весь фронт сотни, пожелав всем ее чинам счастливого пути и благополучного возвращения.

По команде есаула Татонова, сотня сразу же отправилась на погрузку. Все свободные от службы офицеры Конвоя и команда от казаков, находившихся в Царском Селе, офицеры Сводного полка и офицеры рот Железнодорожного, обслуживающих Собственную Царскую ветку – Царское Село – Петроград, прибыли на вокзал к Царскому Павильону, к которому был подан специальный состав вагонов.

К концу погрузки к Царскому Павильону прибыли Великие Княжны. Прощаясь с сотней и разговаривая с офицерами и казаками, Великие Княжны оставались на платформе у вагонов эшелона до его отбытия.

Об отбытии Л.-Гв. 4-й Терской сотни на фронт, Государыня Императрица писала Его Величеству: «...Я простилась с нашими пятью казачьими офицерами. Завтра (4 часа) я буду на молебне перед Феодоровским Собором. Люди будут верхами, т. к. они оттуда прямо отправятся на поезд...» (Дата письма 30-е июня 1916 г.) *На другой день 1-го июля, Государыня писала: ... «Мы идем проститься с нашей Сотней – будет молебен. (Всё это без Тебя так страшно!»)*

Л.-Гв. 4-я Терская сотня была направлена в ту же дивизию, откуда только что вернулись Кубанцы, т. е. в Терскую Казачью Дивизию, но с прикомандированием не к Кизляро-Гребенскому полку, а к Волгскому. В пути есаулом Татоновым из Царской Ставки была получена Высочайшая телеграмма. *Государь Император желал всем чинам сотни полного успеха на фронте. Телеграмма заканчивалась словами: «Да благословит вас всех Господь!»*

Минуя Царскую Ставку (Могилев), сотня по железной дороге прибыла в город Черновицы, откуда через Новоселицу, где офицеры сотни посетили могилу Флигель-Адъютанта полковника Жукова, отправилась походным порядком в город Кымполунг, в котором был расположен штаб Волгского полка. Полком командовал родной брат одного из офицеров сотни Конвоя полковник Н. В. Скляров, что еще больше способствовало той радостной встрече, с которой полк встретил конвойцев.

Через несколько дней после прибытия сотни в Кымполунг, по приказанию командира полка сотня выступила на позицию под Дорна Ватра, занимаемую Волгским полком, где на высоте, именуемой «Сапун Гора» сменила спешенные части полка. Здесь на передовых позициях, находясь в окопах на этой командующей высоте, сотня под сильным артиллерийским огнем противника получила свое первое «огневое крещение». 15-го августа Л.-Гв. 4-я Терская сотня была снята с позиции и получила приказание прибыть в Кымполунг на смотр Походного Атамана Великого Князя Бориса Владимировича.

На смотру Терской Казачьей Дивизии Великий Князь Борис Владимирович объявил о вступлении Румынии в войну на стороне России и ее союзников. Вступление Румынии в войну увеличивало длину фронта Русской Армии и, в связи с этим, Терская Казачья Дивизия была передвинута на правый фланг румынской армии, к верховью реки Быстрицы.

Сразу же после смотра Походного Атамана, сотня Конвоя выступила головной сотней Волгского полка к румынской границе.

Утром 16-го августа спешенная сотня Конвоя (коноводы в виду трудной проходимости гор были отправлены обходными лощинами) скатилась в долину реки Быстрицы, пограничной между Австрией и Румынией. Занимая одно селение

за другим, сотня двигалась вниз по течению реки. Противник нигде не встречался. Со вступлением Румынии в войну, части австрийской армии осадили свой правый фланг, и сотня только через день вошла с ними в соприкосновение.

В течение дня (16-го) подходили сотни Волгского полка. К вечеру прибыли коноводы сотни Конвоя.

Командир Волгского полка полковник Скляров приказал Л.-Гв. 4-й Терской сотне остановиться в дер. Руска, куда прибыл и сам со Штабом полка.

Для отыскания правого фланга румынской армии и установления связи с нею, на рассвете 17-го августа от сотни Конвоя были высланы в двух параллельных направлениях офицерские разъезды. Разезд сотника К. Зерщикова по исполнении своей задачи вернулся ночью в тот же день. Второй разъезд, под командой подъесаула А. Федюшкина, прибыл на другой день 18-го августа. С ним в штаб Волгского полка для связи прибыл взвод румынской армии.

18-го командир сотни есаул Татонов получил распоряжение выслать в штаб полка один спешенный взвод. Был назначен очередной (второй) взвод сотника Н. Золотарева. Одновременно было приказано для поддержания связи с румынской армией выслать еще один офицерский разъезд. Для исполнения этой задачи отбыл сотник В. Скляров с казаками своего взвода.

В штабе полка сотнику Золотареву было приказано: «выдвинуться на отрог гор, тянувшийся перед дер. Руска примерно в полутора верстах, и занять на нем старые австрийские окопы. Если бы они оказались занятыми противником – выбить!»

Отрог гор, на который должен был выдвинуться сотник Золотарев, отделяясь от гряды гор, по скатам покрытым лесом и с лысиной на гребне, тянулся с запада на восток, постепенно понижаясь к р. Быстрине. По гребню, на протяжении до полутора верст, ярусами один по отношению к другому,

тремя группами располагались старые австрийские окопы. Верхний из них – кольцевой на полуроту. Средний вида замкнутого четыреутольника на полторы-две роты, и нижняя группа – ряд отдельных окопов на взводы и отделения.

Расположение этих окопов стало известным после их занятия. Сотник Золотарев двигался ощупью со всеми мерами предосторожности. Взвод, в составе 18 казаков (остальные остались при лошадях), выслав головных и боковых дозорных, лесом стал подниматься в гору. Через час хода, головной дозор дал знак – «неприятель!»

Сотник Золотарев подошел к дозорным. Перед ним была нижняя группа окопов, правее возвышался большой средний окоп, еще дальше и выше, сливаясь с фоном леса, едва намечался третий. Перед средним окопом тянулось проволочное заграждение. Огибая окоп, проволока терялась в опушке леса.

За бруствером этого окопа мелькали австрийские «кэпи». Дозорных австрийцы не замечали.

Сотник Золотарев решил атаковать окоп. Вернулся к взводу и, объяснив казакам обстановку и задачу, двинулся к окопу противника лесом, стараясь возможно ближе подойти незамеченным.

Двигаясь опушкой леса, взвод услышал выстрелы и заметил отдельных австрийских солдат, которые бежали через поляну, приостанавливались и стреляли назад. Стало ясным, что эти австрийские солдаты приметили правый боковой дозор.

Учтя обстановку и не желая терять времени, сотник Золотарев со взводом бросился вперед. Противник из своих окопов открыл беспорядочную стрельбу. Рассыпавшись в цепь, взвод быстро двигался к окопу противника, и своим левым флангом занял канаву, расположенную параллельно окопу австрийцев.

Направленный сотником Золотаревым в охват окопа противника справа, урядник Петренко с тремя казаками пробирался к австрийской позиции лесом по скату горы.

Приблизившись к окопам противника, взвод сотника Золотарева открыл огонь. Окоп отвечал стрельбою не менее тридцати винтовок. Среди винтовочных выстрелов выделялись короткие очереди пулемета. (По опыту войны, сотня Конвоя для пешего боя была вооружена штыками, примыкавшимися при спешивании к винтовкам и имела ножницы для резки проволоки. Кроме того, сотня была обучена метанию ручных гранат.)

В австрийском окопе, за бруствером его, было заметно, как мелькали головы австрийцев – они перебегали на атаковываемую казаками сторону.

Сотник Золотарев, дав знак казакам своего взвода, занимавшим канаву левее его, усилить огонь, и вынув револьвер, крикнул вправо: «за мной! Ура!...»

За это время, младший урядник Петренко, считая, что зашел достаточно, повернул налево к окопу противника. Увидев впереди просвет поляны, Петренко со своими казаками пополз от куста к кусту к опушке леса. Стрельба слева не умолкала. Перед ним вверху в 20 шагах окоп. По деревьям вьется переплет колючей проволоки.

Заметив, что австрийцы по окопу начали перебегать в сторону взвода, урядник Петренко вскочил и начал рвать проволоку ножницами на винтовке. Австрийцы, не замечая его внизу, продолжали перебегать. Неожиданно слева стрельба прекратилась и, после отдельных нескольких выстрелов, послышалось заглушенное «ура-а-а!» и разрывы ручных гранат.

Немедленно урядник Петренко со своими казаками бросился в окопы противника. На бруствере окопа, шагах в 150 от них стоял сотник Золотарев, казаки спрыгивали в ров окопа. Австрийцы разбегались, сталкивались и закупоривались во рву, выскакивали из него и неслись, пересекая площадь окопа, к лесу другого ската.

Под козырьком окопа притаилось несколько австрийских солдат. Урядник Петренко бросился к ним, зажигая по пути английскую ручную гранату. Граната не загоралась. Петренко развернулся, бросил ее незажженную в кучу солдат, и со штыком винтовки кинулся на них. От брошенной в них гранаты австрийцы в панике разбежались, оставив свое оружие, но один, не поднимая винтовки, выстрелил в упор. Урядник Петренко свалился в окоп ...

Другой казак, уже замахнувшийся загоревшейся ручной гранатой, заметил под ногами во рву окопа притаившегося австрийца; казак присел, стукнул гранатой по голове солдата, и бросил ее вдоль окопа вслед убегавшим австрийцам. Ошалевший австриец выронил винтовку и, подняв руки, бросился бежать.

Через несколько минут весь окоп был свободен от противника. Взвод, заняв окоп, стрелял по убегавшим в лес австрийцам. В ответ из леса раздавались отдельные выстрелы.

Из верхнего, слившегося с лесом, окопа противник открыл огонь. Длинная сторона занятого взводом окопа простреливалась насквозь. Казаки передвинулись на короткую сторону, но и она прикрывала слабо, т. к. бруствер окопа находился теперь у казаков за спиной. Командир взвода сотник Золотарев приказал казакам по одному выскакивать из окопа и стрелять со ската бруствера. Через короткое время замолчал и верхний австрийский окоп.

Атака окопа австрийцев взводом сотника Золотарева была произведена настолько стремительно, что, при более чем сильнейшем противнике, взвод потерял только пять раненых, из коих двое очень тяжело. Выслав дозоры в лес по скатам, командир взвода стал писать донесение, но ему не суждено было закончить его.

От взвода сотника Золотарева прибыл к командиру Волгского полка полковнику Склярову казак и доложил: «взвод

выбил австрийцев из окопа, занял его, но неприятеля очень много и он «лезет опять». К штабу полка была вызвана вся сотня Конвоя. Без 2-го взвода сотника Золотарева, 1-го подъесаула Федюшкина и половины 3-го сотника Склярова, бывших в разъездах для связи с румынской армией, сотня прибыла в составе полного 4-го взвода, половины 3-го и нескольких казаков 1-го, что по спешенному расчету равнялось одной неполной полусотне.

Командир сотни есаул Татонов получил приказание немедленно выступить на позицию второго взвода и удержать взятые взводом австрийские окопы. Казак, прибывший с донесением, служил проводником.

Перед подъемом в гору показались казаки, несущие тяжелораненых, а за ними опираясь на винтовку и поддерживаемый другим, тоже раненым казаком, едва плелся урядник Петренко. Из доклада его и других раненых встречных казаков выяснилось, что противник возобновил и усилил свой огонь, от которого взвод несет потери.

При дальнейшем движении сотни была ясно слышна ружейная и пулеметная стрельба, которая все усиливалась. Сотня, преодолев подъем горы, вышла на поляну. По ней тянулась группа малых окопов. Проводник вел сотню следом 2-го взвода, до него оставалось около 800 шагов. Со стороны 2-го взвода стрельба все усиливалась и сотня ускорила шаг.

Навстречу ей, перебегая из канавы в канаву, показался раненый в рот казак Захарченко. Приблизившись к есаулу Татонову, он вытянулся, прикрывая левой рукой рот. Сквозь пальцы струилась кровь. Сплевывая и вытирая рот рукою, Захарченко полумыча доложил, что: «Командир взвода сотник Золотарев убит, что убиты казаки Василихин и Пауков, что окоп держится четырьмя казаками – остальные переранены – и несколькими «партизанами», что командует ими взводный урядник Василенко, тоже раненый...» К своему докладу Захарченко добавил, что сотню

из окопов видно, а потому взводный урядник послал его с донесением.

Австрийцы, убедившись в том, что их из окопов выбила небольшая воинская часть, перешли в наступление. Они стали перебегать вдоль опушки леса, прикрываясь деревьями и приближаться к окопу. Одновременно со стороны всего верхнего окопа противником был открыт сильный ружейный и пулеметный огонь.

Сотник Золотарев, не успев написать письменное донесение, приказал подползшему к нему посыльному передать в штаб полка его словесное донесение, на основании которого и была направлена вся сотня на его позицию.

Во время боя в тылу взвода сотника Золотарева оказались солдаты «партизанской роты», которыми он усилил свой взвод. Второй взвод сотни Конвоя сразу открыл интенсивный огонь. От этого огня несколько австрийских солдат скатилось в ров пустого окопа. Казак Василихин с криком: «бери их! ура!» бросился к засевшим во рву австрийцам. За Василихиным выскочили еще четыре казака, но не успели они пробежать и сотни шагов, как из верхнего окопа затрещал пулемет. Бежавший впереди других Василихин с разбега упал на грудь и остался без движения. Остальные казаки круто повернули назад и прыгнули за бруствер своего окопа. (Всё происходило внутри большого замкнутого окопа на участке в 200 шагов).

Противник все усиливал свой пулеметный огонь. Был ранен взводный урядник Василенко, который доложил сотнику Золотареву, что есть раненые казаки и раненые и убитые солдаты-партизаны, что особенно метко бьет, видимо пристрелянный, пулемет.

Со слов оставшегося после своего ранения при командире взвода ст. урядника Василенко, сотник Золотарев поднялся во весь рост и, прислонившись к брустверу, открытый противнику до колен, стал в бинокль внимательно рассматривать

верхний ярус австрийских окопов, ища местонахождение их пулеметов.

Сидевший рядом с сотником Золотаревым казак Пауков крикнул: «Ваше Высокоблагородие, сядьте, стреляют по вас!» И действительно пули шлепали в насыпь вокруг командира взвода. – «Ничего, пусть...», ответил сотник Золотарев и вдруг, выпустив бинокль, скользнул по брустверу вниз... «Ваше Высокоблагородие, Ваше Высокоблагородие», кричали казак Пауков и урядник Василенко и звали командира взвода, но он не отвечал и лежал безмолвно на дне рва.

Казак Пауков подполз к сотнику и повернул его голову. Папаха упала и на лбу, выше правой брови, обозначилась темно-алая точка, а из нее струйкой текла кровь. Казаки сняли папахи и перекрестились... Затем Пауков обхватил тело убитого командира взвода, поднялся и, не обращая внимания на продолжавшийся сильный обстрел, понес его к расширенной части окопа с козырьком, дабы положить тело убитого офицера на выступ для сидения. Пауков пригнулся и прошел под укрытие, опустился на корточки и... пуля, пронизавшая крышу козырька, ударила ему в голову. Пауков осунулся и замер вместе с телом своего командира.

Будучи сам раненым, взводный урядник принял командование 2 взводом Л.-Гв. 4-й Терской сотни.

Весть о гибели офицера пронеслась по окопу, и партизаны стали покидать окоп. На приказание взводного урядника остановиться, вернулось только шесть солдат. Разместив их между казаками, урядник Василенко продолжал защищать окоп. О том, что покойным сотником Золотаревым было послано донесение он знал, и ждал помощь, не считая возможным оставить окоп с невынесенными телами убитого командира и казаков своего взвода.

Доблестный взводный урядник Василенко со всеми оставшимися храбрыми защитниками окопа, честно исполнил свой воинский долг, сдав окоп не противнику, а при-

шедшей к нему на помощь сотне. По приказанию есаула Татонова, ему и другим раненым была оказана срочная медицинская помощь, и они были отправлены в тыл. Сотня подоспела в последний момент! Австрийцы перешли в контратаку...

Офицер, участник боя Л.-Гв. 4-й Терской сотни 18-го августа 1916 года, командовавший 4 взводом, ныне покойный К. Ф. Зерщиков описание этого боя заканчивает следующими словами:

> «Завизжала шрапнель. За нею, давши перелет, в лесу разорвалась очередь. В дальней части окопа взметнув к небу черный фонтан, взорвалась граната. За ней – другая. Черная завеса закрыла от сотни верхний окоп противника. Началась жестокая бомбардировка! Стреляли две батареи с высот у Дорна Ватра.
>
> К командиру 4-го взвода по рву на корточках подобрался взводный урядник Бегиев и доложил: *«Был под блиндажом. Пауков сидит, как живой, обнял сотника и держит, за пазухой у Паукова две папахи. Вынести нельзя, чуть покажешься – стреляют»*. Нельзя было вынести и тело казака Василихина. Он продолжал лежать на открытом месте, раскинув руки, лицом вниз.
>
> Из леса прибежал казак и доложил, что по лесу издалека доносится подозрительный шум. Сотня приготовилась к контратаке. К вечеру австрийцы перешли в наступление, при поддержке сильного артиллерийского огня. На поляну перед окопом, занимаемым сотней, пригибаясь к земле, стали выбегать австрийцы и залегать цепью.
>
> Цепи противника перепоясали весь хребет от опушки до опушки леса. Из передней цепи одиночные солдаты ползут вперед. Цепь австрийцев поддерживает их своим огнем. Пуль не слышно, их заглушают постоянные артиллерийские разрывы австрийских батарей.

По окопу передается приказание командира сотни: «Постоянный! Проверить прицелы!» Через несколько минут раздается резкий свисток командира сотни есаула Татонова и, вслед за свистком, передается команда: «Часто начинай». Сотня открыла огонь...

Сперва цепи противника «приросли» к земле, затем фланги их свалились в лес, много отдельных фигур застыло неподвижно, и постепенно вся поляна опустела. В наших окопах громкое «ура!» Батареи противника открыли беглый огонь, продолжавшийся периодически до темноты. Отбитая австрийская атака больше не повторялась.

Старший урядник Бегиев докладывает, что тела сотника Золотарева и убитых казаков вынесены. Вынесено тело и казака Василихина. Иногда весь окоп заполнялся кисло-вонючим дымом. Руки тянулись к противогазам, но это не были отравляющие газы.

Наступила ночь и передвигаться уже можно было беспрепятственно. По приказанию командира сотни тело сотника Золотарева и тела убитых казаков отправлены в дер. Руска, вместе с донесением полковнику Склярову о том, что контратака противника сотней отбита. Сотня выставила боевое охранение. К полуночи прибыла смена от Волгского полка – сотня подъесаула Кононова. Л.-Гв. 4-я Терская сотня отошла к коноводам в дер. Руска.»

В приказе по Волгскому полку и в донесении в штаб дивизии полковник Скляров указал на примерную доблесть чинов сотни Конвоя, во главе с их командиром есаулом Татоновым, особенно отметив геройский подвиг сотника Золотарева, его урядника Василенко и храбрость казаков 2-го взвода.

За бой у дер. Руска все казаки 2-го взвода и 10 казаков других взводов были награждены Георгиевскими крестами. В этом бою сотня Конвоя потеряла командира второго взвода сотника Николая Ивановича Золотарева и 19 раненых и убитых казаков.

Убитые в бою казаки с воинскими почестями были похоронены в городе Кымполунге. Раненые – отправлены в тыл и эвакуированы в Царское Село. За телом погибшего сотника Золотарева из Царского Села был командирован его двоюродный брат, хорунжий Н. Федюшкин с одним урядником и двумя казаками.

Гроб с телом сотника Золотарева был доставлен в Царское Село и помещен в Феодоровском Государевом Соборе. Похороны состоялись 7-го сентября.

Панихида, отпевание и похороны были совершены в присутствии ближайших родственников покойного, всех свободных от службы офицеров и казаков Конвоя и представителей гарнизона Царского Села. На крышке гроба лежал большой крест из живых цветов от Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны.

Среди многих других венков выделялись серебряные венки от офицеров Конвоя и Л.-Гв. от 4-й сотни[209].

У гроба стояли раненые, некоторые опираясь на костыли, казаки 2-го взвода. К началу отпевания в Феодоровский Государев Собор прибыла Государыня Императрица и Великие Княжны.

По выносе гроба из Собора, Государыня и Великие Княжны следовали непосредственно за гробом с телом сотника Золотарева. «*Бедный мальчик...*», *сказала Государыня, прощаясь с гробом.*

Гроб убитого офицера сопровождала, в конном строю, прибывшая с фронта Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня. Тело сотника Золотарева было предано земле, со всеми воинскими почестями, на Царскосельском кладбище.

---

[209] В 1917 году, по желанию семьи погибшего в бою сотника Золотарева, эти венки были доставлены в Конвой. Сохранены они и до настоящего времени.

В тот же день (7-го сентября) Ее Величество писала Государю Императору в Могилев: «...Всегда приходится торопиться. Из лазарета на отпевание бедного маленького Золотарева. Его сестры так похожи на него. Его конь следовал в процессии, а казаки его взвода стояли на часах, опираясь на костыли. Так умилительно!»[210]

Дальнейшая боевая служба Л.-Гв. 4-й Терской сотни прошла в окопах на Карпатских горах. Сотня прибыла на фронт в один из периодов особо напряженной, изнурительной и тяжелой службы конницы, когда она должна была действовать в пешем строю, занимая и обороняя порученный ей участок общего фронта.

Позиция, которую занимал Волгский полк, куда прибыла сотня Конвоя, как и позиции других полков Терской Казачьей Дивизии, была для конницы, а в особенности для артиллерии, очень трудной по своему расположению. Главное неудобство заключалось в том, что как сама позиция, так и подход к ней проходил по высоким горам, покрытым густым лесом. Для подхода полков на позицию, надо было рубить лес и устраивать просеки. Для артиллерии же делались особые настилы и мосты «из подручного материала». Часто не только орудия, но и кони застревали на этих настилах, сооруженных наспех самими же казаками. Коноводов с лошадьми надо было оставлять за много верст от позиций.

Четыре месяца Л.-Гв. 4-я Терская сотня, совместно со славным Волгским полком, несла эту трудную боевую службу конницы на позициях в горах, примерно и честно выполняя все данные ей приказания. За время пребывания на фронте в составе Волгского полка, сотня Конвоя потеряла убитым одного офицера и 28 казаков ранеными, убитыми и эвакуированными по болезни. Был убит и бывший офицер Конвоя полковник Тускаев, командовавший в Терской Казачьей Дивизии Сунженско-Владикавказским полком.

---

[210] Из книги – «Письма Императрицы Александры Федоровны».

Возвращаясь с фронта, сотня прибыла в Царскую Ставку.

Л.-Гв. 4-я Терская сотня представилась Его Величеству в конном строю. Государь, приняв рапорт командира сотни есаула Татонова, поздравил сотню с прибытием и выразил всем чинам сотни Свою Царскую благодарность за их боевую службу.

После представления сотни Государю, командир и офицеры сотни получили приглашение к Высочайшему столу. За завтраком Государь, желая знать все подробности гибели сотника Золотарева, изволил долго беседовать с есаулом Татоновым, которому поручил еще раз передать Свою благодарность всем казакам сотни, – «особенно геройскому второму взводу!»

За проявленный подвиг при взятии австрийских окопов, Государь Император посмертно пожаловал павшему в бою сотнику Н. Золотареву Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

Этот Орден, с письмом от командира Конвоя, был доставлен и вручен отцу убитого офицера генералу Золотареву подъесаулом А. Федюшкиным. Так же посмертно был награжден Георгиевским Крестом казак Пауков, до смерти под огнем противника оберегавший тело своего командира.

Офицеры Л.-Гв. 4-й Терской сотни были награждены следующими боевыми наградами: Георгиевским оружием – командир сотни есаул Г. Татонов. Орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом – подъесаул А. Федюшкин, сотник К. Зерщиков и сотник В. Скляров.

42 урядника и казака сотни вернулись с фронта, награжденные Георгиевскими крестами. Несколько человек, во главе со взводным урядником второго взвода Василенко, имели кресты 4-й и 3-й степени[211].

---

211 Из воспоминаний полковника А. Федюшкина и полковника К. Зерщикова.

Пасха 1916-го года

В самый большой русский праздник, Светлое Христово Воскресенье, Государь Император пожелал быть в Царской Ставке.

На Страстной неделе Он неизменно посещал все Богослужения в Могилевском Соборе. В Великую Пятницу Государь Лично принял участие, совместно с высшими чинами Ставки, в выносе Плащаницы. В этот день, как и в другие дни Страстной недели, офицеры и казаки Конвоя прибывали в Собор к началу Богослужений[212].

По окончании пасхальной Заутрени и последовавшей за ней Св. Литургии, которую Государь прослушал до конца, к Высочайшему столу от Конвоя, помимо командира Свиты Его Величества генерал-майора графа Граббе, был приглашен помощник командира полковник Ф. Киреев. Офицеры Конвоя разговлялись в Штабной столовой, казаки в своих казармах.

На первый день Св. Пасхи, 10-го апреля 1916 года, офицеры и казаки Конвоя имели честь христосоваться с Государем Императором, по старому русскому православному обычаю[213].

Офицеры по старшинству подходили к Государю и кланялись Ему. Государь, подавая Свою руку, приветствовал: «Христос Воскресе!». Офицеры отвечали: «Воистину Воскресе!» и христосовались с Государем.

Для христосования с казаками Конвоя, Государь обходил их строй и христосовался с каждым конвойцем. При христосовании Государь Лично вручал чинам Своего Конвоя пас-

---

[212] На Страстной неделе, при всех Богослужениях в Могилевском Соборе пел хор казаков Конвоя, под управлением своего талантливого регента старшего урядника Ромащенко.

[213] В приказах по Конвою сохранялась старая форма приказания: «Для предстоящего христосования с Его Императорским Величеством усов и бород не фабрить.»

хальный подарок, фарфоровое яйцо с вензелем Имени Его Величества.

Л.-Тв. 1-й Кубанской сотне, находившейся на Юго-Западном фронте, Царские пасхальные подарки были высланы на фронт. От Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, каждому офицеру этой сотни были посланы личные письменные Высочайшие поздравления за под-подписью Государыни и Великих Княжон.

Как Государь Император в Царской Ставке, так и Его Августейшая Семья в Царском Селе, на Страстной неделе посещала все Богослужения в Государевом Феодоровском Соборе.

В Соборе во время этих служб, кроме чинов Конвоя и Сводного полка, присутствовали раненые офицеры и солдаты, находившиеся на излечении в Собственных Государыни и Великих Княжон лазаретах.

К началу пасхальной Заутрени в Собор прибыла Государыня Императрица, Государь Наследник Цесаревич и Великие Княжны. Прибытие Ее Величества в Собор у Царского входа ожидал обычный наряд от Конвоя. По окончании Полунощницы, духовенство и певчие придворной капеллы, с пением «Воскресение Твое Христе Спасе...», вышли из Собора крестным ходом. Государыня, Наследник Цесаревич и Великие Княжны следовали за ними.

Большая площадь перед Собором была освещена лампионами, окружающими весь Государев Феодоровский Собор. С правой стороны Собора со свечами в руках стояли казаки Конвоя, с левой солдаты Сводного полка.

Во время крестного хода Государыня сидела в кресле перед папертью главного входа в Собор. В руках у Нее была большая свеча. Около Нее стоял Государь Наследник Цесаревич. Великие Княжны принимали участие в крестном ходе вокруг Собора. С одной и другой стороны кресла, на котором

сидела Государыня Императрица, стояли конвойцы (1 офицер, 1 урядник и 3 казака.)

Когда духовник Их Величеств о. А. Васильев огласил радостную весть: «Христос Воскресе!», красивым заревом вспыхнули бенгальские огни, и Крест Собора осветил прожектор.

Офицер Конвоя, стоявший справа от Государыни, заметил Ее тревожно-удивленный взгляд. Обернувшись, офицер увидел неизвестного господина, пристально смотревшего на Государыню. Казаками Конвоя этот господин был задержан, немедленно отведен в сторону и передан чинам Дворцовой полиции.

Оказалось, что это был художник, хотевший запечатлеть и написать величественную картину пасхального крестного хода вокруг Феодоровского Государева Собора в присутствии Государыни Императрицы.

Когда пасхальная заутреня была закончена, Государыня и Великие Княжны подошли к протопресвитеру о. А. Васильеву, поздравили его с Великим Праздником и приложились к Св. Кресту.

Государь Наследник Цесаревич, а за Ним офицеры, казаки и солдаты, после целования Креста, христосовались с о. А. Васильевым и со служившим с ним протодиаконом Зимнего Дворца о. Гонестовым.

В конце Св. Литургии, протопресвитер, приветствуя всех молящихся в Соборе с Праздником Светлого Христова Воскресенья, в своем слове отметил, что в такой Великий Праздник Государь Император находится не со Своей Царской Семьей, а со Своей Царской Армией, желая этот день Праздника из Праздников разделить с горячо Им любимыми войсками. Хор и с ним все находившиеся в Соборе запели: «Спаси Господи люди Твоя..!»

В первый день Св. Пасхи офицеры и казаки Конвоя, бывшие на службе в Царском Селе, прибыли в Александровский Дворец, где Ее Величество принимала поздравления с

Праздником Христова Воскресенья, во время которого всем Её поздравлявшим вручала Свой пасхальный подарок. Получая от Государыни Императрицы пасхальную «писанку», офицеры и казаки Конвоя целовали Ее руку.

На столах стояли большие корзины с пасхальными фарфоровыми яйцами, на которых был изображен вензель с Именем Ее Величества. Государь Наследник Цесаревич и Великие Княжны брали из корзин эти пасхальные яйца и передавали их Государыне. Таким образом в жаловании пасхального подарка принимала участие вся Царская Семья.

Посещение Государем Императором сотен в Ставке

11-го июля 1916, в день Ангела Великой Княжны Ольги Николаевны, Государь с Августейшей Именинницей, Наследником Цесаревичем и Великими Княжнами, в сопровождении командира Конвоя и Своего ординарца, неожиданно прибыл к летним лагерным баракам, находившимся за Днепром.

Сотня Конвоя, закончив строевые занятия, после обеда отдыхала, и казаки были без черкесок в одних бешметах. Государь приказал казакам оставаться в бешметах.

От гофмаршальской части Двора Его Величества в лесу был накрыт стол, и офицеры получили приглашение к чаю. По желанию Государя был вызван хор песенников Конвоя.

Государь всегда любил слушать хор казаков Своего Конвоя, но в этот день Он с особенным вниманием слушал старинные былинные казачьи песни. Подойдя к хору и обратившись непосредственно к регенту, старшему уряднику Ромащенко, Государь выразил желание прослушать старую песню, которая Ему очень нравилась.

Кроме урядника Ромащенко и казаков хора Конвоя, мало кто знал о том, что одной из любимых песен Государя, была старая казачья песня:

«Ой да нету, нету да такой в поле травушки,
Чтобы травка без цветов росла.

Ой да нету, нету да такой матушки,
Чтобы матерь по сыну всё не плакала:

Ой да ты родимое мое дитятко,
Не гонися за большим чином!

Как в большем чине быть переднему,
Быть переднему, быть убитому...»

Затем после песен казаки танцевали под зурну и тулумбас лезгинку, которую особенно любили Великие Княжны.

Государь Наследник Цесаревич пошел к казакам, затеявшим для Него разные игры. Игра «трещетка и жгут» особенно понравилась Наследнику Цесаревичу.

Он вместе с казаками искренно смеялся, веселился и был в восторге от этой игры, когда один казак с трещеткой, а другой со жгутом, оба с завязанными глазами, часто сталкивались, и «трещетка», получив хорошего «жгута», удирала на четвереньках.

Закончили казаки свои игры перетягиванием каната. Казаки сотни, разделившись поровну, стали тянуть канат в разные стороны. Государь Наследник Цесаревич, заметив, что одна сторона стала одолевать, бросился в другую сторону на помощь. Увидя это, казаки сразу же сделали так, что обе стороны стали как бы равны, а затем сторона, которой с большим усилием помогал Наследник Цесаревич, «одержала победу».

Государь ласково смотрел на Своего Сына, принимавшего такое живое участие в перетягивании казаками каната. Великие Княжны, окружив горячо любимого Брата, радовались вместе с Ним.

В Могилеве свободная от службы сотня Конвоя выезжала за Днепр для военных проездок и производства конных учений. Во время этих строевых занятий особенное внимание обращалось на крепость посадки, на смелость езды и управление конем, скачки через природные препятствия и езду по неровной местности, рубку лозы и глиняных пирамид, и быстрое перестроение при конном сотенном учении. Каждое сотенное учение заканчивалось джигитовкой всех чинов сотни – офицеров и казаков. При соответствующей погоде казаки купали в Днепре лошадей и купались сами.

Л.-Гв. во 2-й Кубанской сотне был случай, когда несколько казаков, а с ними два офицера – Е. Шкуропатский и А. Грамотин переплыли Днепр. Когда, после небольшого отдыха, все стали плыть обратно и были примерно на середине Днепра, сотника Е. Шкуропатского схватила судорога, и он стал быстро тонуть. Стоявший на берегу реки казак Омельченко немедленно бросился в воду, и спас своего взводного командира.

Омельченко получил от офицера денежную награду, а командир сотни есаул М. Свидин представил его к серебряной медали: «за спасение погибавших», каковою казак Омельченко и был награжден. – Его смелый поступок был отмечен приказом по Конвою.

Совершая свои ежедневные прогулки, Государь Император иногда прибывал к месту строевых занятий Конвоя. Одно из этих Высочайших посещений Великая Княжна Татьяна Николаевна описывает следующими словами:

Ц. Ставка – 1916.

«...Вчера мы опять пошли вверх по Днепру. Туда же с песнями пришла наша сотня Конвоя. – Там у нас они спешились. Пели песни, в игры играли, а мы на траве лежали и наслаждались. – Когда они ушли Папа сказал

им, чтобы они шли, т. е. ехали по самому берегу реки, а мы еще там остались, потом пошли на быстроходном моторе вниз по реке. – Нагнали сотню, которая ехала шагом с зурной и песнями. –

Когда мы поравнялись – то они пустили лошадей полным ходом за нами и так неслись. – Там дальше был крутой овраг и поворот реки. Им пришлось шагом его проехать, т. к. грунт был мягкий. – Они уже от нас отстали, но как только выехали из этого оврага, то карьером пустились нас догонять. Красиво было страшно. Они еще на этом ходу джигитовали.

Вы себе представить не можете, как это чудно было. Они с гиком и криком неслись. Если они так в атаку ходят, да еще целыми полками я понимаю что немцы дерут, это такой страх нагоняет и вместе так чудно!!.»[214]

Праздник Конвоя в Царской Ставке в 1916 году

Высочайше установленный в 1861 г. праздник Императорского Конвоя, в память битвы под Лейпцигом, всегда торжественно отмечался 4-го октября. В 1916 году, к этому дню в Царскую Ставку прибыл из штаба Конвоя адъютант подъесаул И. Ветер, с двумя прикомандированными офицерами[215].

На основании постановления Общества г.г. офицеров, предстоял перевод в Конвой прикомандированных «на предмет испытания и перевода впоследствии» офицеров. Отбыв положенный шестимесячный срок «испытания», прикомандированные сотники переводились в Конвой в чине хорунжего и становились младшими в отношении тех офицеров, которые были раньше их переведены в Конвой, неза-

[214] Письмо Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны на имя покойной фрейлины Двора Их Величеств Маргариты Сергеевны Хитрово. 1916 год.

[215] Сотниками С. Лавровым и П. Ергушевым. Сотники Н. Галушкин и А. Грамотин находились на службе в Царской Ставке.

висимо от старшинства по выпуску из Николаевского Кавалерийского Училища.

В день праздника к 12-ти часам дня на площадке перед губернаторским домом, в котором имел Свою Резиденцию в Царской Ставке Государь Император, выстроились в пешем строю Л.-Гв. 1-я и 2-я Кубанские сотни, несшие в то время службу в Могилеве, имея на своем правом фланге оркестр Георгиевского батальона.

(Л.-Гв. 2-ю Кубанскую сотню должна была сменить Л.-Гв. 4-я Терская сотня, находившаяся в Царском Селе. Смена произошла вскоре после праздника.)

По команде помощника командира по строевой части, полковника Ф. Киреева, дивизион Конвоя встретил своего командира Свиты Его Величества генерал-майора графа Граббе. Поздоровавшись с сотнями и поздравив их с праздником, командир принял командование парадом.

Из главного входа губернаторского дома вышел Государь Император в походной форме Своего Конвоя, в сопровождении Государя Наследника Цесаревича, так же имевшего на Себе офицерскую форму Конвоя Его Величества, в чине хорунжего.

За Наследником Цесаревичем следовали Великие Княжны, Министр Императорского Двора генерал-адъютант граф Фредерикс, Комендант Дворца Свиты Его Величества генерал-майор Воейков и Дежурный флигель-адъютант Великий Князь Димитрий Павлович.

Приняв строевой рапорт командира, Государь направился к правому флангу строя и поздоровался с солдатами оркестра Георгиевского батальона.

Затем, сопровождаемый Наследником Цесаревичем, командиром и Своей Свитой, обошел строй сотен Конвоя, здороваясь с каждой сотней отдельно. Поздравив конвойцев с праздником, Государь подошел к аналою, поставленному перед серединою строя.

У аналоя находились Великие Княжны и ожидавшее начала молебна духовенство. Государыня Императрица, прибывшая с Великими Княжнами в Царскую Ставку накануне праздника Конвоя, плохо себя чувствовала и на празднике быть не могла.

Во время молебна Небесному Покровителю Конвоя Священномученику Иерофею пел хор казаков Конвоя. По окончании молебна Государь приказал вызвать к Себе прикомандированных офицеров.

«*Благодарю вас за службу и поздравляю с переводом в Мой Конвой*», обратился к ним Государь Император, и одному из них изволил пожаловать Георгиевское оружие[216].

Перестроившись во взводную колонну, сотни Конвоя прошли «по взводно» церемониальным маршем перед Государем, стоявшем вместе с Наследником Цесаревичем, Великими Княжнами и Свитою у входа в губернаторский дом. При прохождении сотен Конвоя церемониальным маршем, на правом фланге первого взвода находился Министр Императорского Двора генерал-адъютант граф Фредерикс.

На параде, по случаю праздника Конвоя, кроме Свиты Его Величества, присутствовали: Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего, высшие чины Царской Ставки и все представители Союзных Военных Миссий.

По окончании парада Государь благодарил командира, г.г. офицеров и казаков Своего Конвоя. По желанию Государя, Его Величество, Государь Наследник Цесаревич и Великие Княжны были сняты в общей группе со всеми бывшими на параде офицерами Конвоя.

Кроме обычных фотографических снимков, праздник Конвоя был снят придворными фотографами и на кинемато-

---

[216] По представлению командира 125 пех. Курского полка, (сотн. Н. В. Галушкину).

графическую ленту[217]. Сотни Конвоя были отведены в свои казармы, где им был выдан праздничный обед.

После парада последовал Высочайший завтрак. В день праздника Конвоя, помимо Свиты Государя, были приглашены: Начальник Штаба, его ближайшие помощники, все представители Союзных Военных Миссий и все бывшие в Царской Ставке офицеры Конвоя: командир генерал А. Н. граф Граббе, помощник командира полковник Ф. М. Киреев, адъютант И. А. Ветер, командиры сотен есаул Г. А. Рашпиль и есаул М. И. Свидин, подъесаул М. А. Скворцов, сотник В. Э. Зборовский, сотник Е. Д. Шкуропатский, сотник А. К. Шведов, хорунжий Н. В. Галушкин, хорунжий А. А. Грамотин, хорунжий С. Г. Лавров и хорунжий П. Г. Ергушев.

В конце завтрака Государь провозгласил здравицу: – *«За все сотни Моего Конвоя!..»* – В этот момент открылись двери в зал и, неожиданно для всех, хор казаков Конвоя (введенный в зал во время завтрака) грянул марш: «Дружно, стройно, громко грянем мы, казачье ура!»

Государь, Наследник Цесаревич, Великие Княжны и за Ними все, присутствовавшие на Высочайшем завтраке, перешли в зал.

Представители Союзных Военных Миссий, бывая иногда на некоторых Богослужениях в Ставке, слышали прекрасное исполнение казаками церковных песнопений, но исполненная хором Конвоя могучая казачья песнь произвела на них огромное впечатление, которое еще более усилилось, когда хор после своего марша стал петь гимны союзных России государств, стараясь произносить непонятные им слова. Это было настолько неожиданно, что удивило всех!

---

[217] В настоящее время, отдельные снимки из этой ленты довольно часто показываются по телевизии, в так называемых «исторических фильмах», где фактические снимки, снятые в Императорской России, к сожалению, чередуются с небылицей из... «русской жизни».

По-своему реагировали иностранные военные представители. Английский генерал, во время исполнения гимна его страны, стоял смирно. Представитель Италии быстро подошел к хору и стал петь свой гимн вместе с казаками, Французской и Бельгийской армии генералы и сербский полковник улыбались и благодарили казаков. Представитель Японии подошел к Государю и глубоко поклонился Ему.

Но произошло общее смущение: присутствовал представитель Румынии, а казаки Конвоя румынский гимн не пропели!

Тогда Государь обратился к казакам и сказал им, чтобы они не смущались, т. к. «виновата сама Румыния, так поздно вступив в войну, что у хора не было времени выучить румынский гимн». Представителю же Румынии Государь оказал особое Свое внимание, довольно долго с ним разговаривая на французском языке[218].

После гимнов хор пропел несколько казачьих песен, а затем следовала групповая лезгинка конвойцев, приведшая в восторг всех иностранцев.

В тот же день вечером в штабной столовой офицеры Конвоя приветствовали своих многочисленных гостей.

На другой день, 5-го октября, в день Тезоименитства Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, офицеры и наряд казаков Конвоя прибыли в Могилевский Собор к началу Богослужения. Во время Св. Литургии и молебна в Соборе присутствовала вся Царская Семья и все высшие чины Штаба Верховного Главнокомандующего, во главе с Начальником Штаба.

Командир, его помощник и адъютант Конвоя, имели честь принести Августейшему Атаману поздравление от имени всех чинов Собственного Его Императорского Величества Конвоя и от Кубанского и Терского Казачьих Войск.

---

[218] Государь Император в разговоре с представителями союзных держав с особой легкостью переходил с одного языка на другой.

В 1916 году сильно осложнилось положение Союзных Держав:

1. Борьба англо-французов с турками в проливах, на Балканах и в Малой Азии была неудачна.

2. Под Верденом возобновилась изнурительная война.

3. На итальянском фронте произошла катастрофа. Австрийская армия перешла в наступление с целью отрезать от базы все главные итальянские силы, боровшиеся на путях к Триесту.

В связи с создавшейся обстановкою, все Союзники снова требовали от России экстренной помощи. Эта помощь была оказана!

Армии Юго-Западного фронта принуждены были начать свои атаки, которые привели к Величайшей Галицийской Битве 1916 года, продолжавшейся 4 месяца. Австро-Венгерской армии было нанесено решительное поражение. Русская Императорская Армия одержала величайшую из побед, равной которой не было одержано за три ***года*** *ни одним из Союзников.* В результате доблести и жертвенности русских войск, Австро-Венгрия должна была прекратить свое наступление на Италию, и перебросить свои войска против России.

На Западном фронте положение французской армии, как и положение Союзников на Салоникском фронте, были значительно облегчены. Германское командование спешно снимало с этих фронтов свои войска и перебрасывало их на русский фронт.

Русская Императорская Армия, а прежде всего ее Верховный Вождь Государь Император Николай II Александрович, прилагали все свои силы и волю к продолжению войны до конца, достойного чести и величия России.

> *«Мало эпизодов Великой Войны, более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновленное*

> *гигантское усилие России в 1916 году. Это был последний славный вклад Царя и русского народа в дело победы». (В. Черчилль).*

К этой верной победе Россия и шла до тех пор, пока она была Императорской.

Глава восьмая

Роковые дни февраля и марта 1917 года

В годы войны со стороны членов Государственной Думы, принадлежащих к оппозиционным Царскому Правительству политическим партиям, велась замаскированная «святыми патриотическими» словами, искусная пропаганда против Правительства, – «которое начало войну и не может ее кончить».

Русскому народу стали прививать и внушать, что для ведения успешной войны и достижения победы необходимо новое Правительство, ответственное не перед Царем, а перед «избранниками народа», что в действительности означало не перемену, а замену всего Правительства. Фактически же шла борьба не только с Царским Правительством, но и с Самодержавием.

В этой борьбе «главную роль играла не пропаганда революционных партий, а постоянная оппозиционная критика Царского Правительства Государственной Думы.» (С. Мельгунов: «Мартовские дни 17 года». Журнал «Возрождение». Стр. 150).

С этими «представителями» русского народа было солидарно и большинство представителей западной демократии. *Господин Ллойд Джорж (занимавший во время войны пост английского министра снабжения), несмотря на то, что Англия была союзницей Императорской России, «открыто выражал свою ра-*

дость, что от грома германских пушек рушатся тысячелетние оковы русского народа!»...

С ним и ему подобными «союзниками» были единодушны члены Русской Государственной Думы, с трибуны которой хотя и говорилось о войне, но причины этой войны, исторические заветы и национальные интересы России были забыты. «Русский народ призывался к другой войне и к другой победе – войне с Царским Правительством и к победе над Самодержавием». (Мельгунов: «Падение Царского режима». Т. III, стр. 97).

Сам же Государь твердо верил в то, что России нужна сильная Царская власть. Он знал и был убежден в том, что только такая власть может вывести Россию на путь победы, и не считал возможным в военное время снять с Себя ответственность за судьбу России.

> *«Император Николай II, в глубокой скорби, оставался непоколебим! Он видел так же ясно, как и другие, возрастающую опасность. Он не знал способа ее избежать. По Его убеждению, только Самодержавие, создание веков, дало России силу продержаться так долго наперекор всем бедствиям.*
>
> *Ни одно государство, ни одна нация не выдерживали доселе подобных испытаний в таком масштабе, сохраняя при этом свое строение. Гигантская машина скрипела и стонала, но она продолжала работать. Еще одно усилие и победа должна придти! Изменить строй, отворить ворота нападающим, отказаться хотя бы от доли своей Самодержавной власти – в глазах Царя это значило вызвать немедленный развал.*
>
> *Досужим критикам, никогда не стоявшим перед такими вопросами, нетрудно пересчитывать упущенные возможности. Они говорят, как о чем-то легком и простом, о перемене основ русской государственности в разгар войны, о переходе от Самодержавной Монархии к английскому или французскому парламентскому строю.*

Самая негибкость строя придавала ему мощь! Самодержавный Царь, какие бы ни были прискорбные упущения, повелевал Россией! Никто не может доказать, что власть на три четверти или на половину Царская, а на остальную долю парламентарская могла бы чем-либо вообще повелевать в подобные времена». (Из книги В. Черчилля: «Война на Восточном фронте».)

О том как Государь Император прилагал все свои силы на служение России, к словам известного английского министра В. Черчилля, не менее известный французский политический деятель господин Эррио, добавляет: «Во все моменты Он воплощал народный дух и, как во вне, так и внутри, Он защищал его с непоколебимой верностью, которая вызывает восхищение и внушает уважение!»

Благодаря неустанным заботам Государя Императора, мощь Русской Армии возросла настолько, что германское командование стало понимать свое необычайно тяжелое положение.

Генерал Людендорф, в своих воспоминаниях (Т. I, стр. 292) пишет: «…Россия к концу 1916 года создала большой прирост военных сил. Бои показали также очень значительное усиление военного снаряжения. Верховному командованию придется считаться с тем, что неприятель в начале 1917 года будет подавляюще сильнее нас. Наше положение необычайно тяжелое, и выхода из него почти нет!»...

Враги Императорской России сознавали, что пока во главе России стоит Государь Император Николай II Александрович, пока русский народ хранит верность своему Государю, они не добьются желательных им перемен в управлении Российского Государства.

Зная, что Россия, волею Государя Императора, верными путями идет к победе, они стремились, именно во время войны, отстранить Государя и, забыв свою национальную честь, были единодушны с внешними врагами России. Как у одних, так и у

других была общая цель – лишить Россию Того, Кто являлся Символом единства и мощи Российской Империи.

Для достижения этой цели им надо было дискредитировать Царскую Власть и, использовав тяжесть войны, создать атмосферу недоверия и неуважения не только к Царскому Правительству, но и к Самому Носителю Верховной ее Власти.

Со стороны «руководящих кругов» Государственной Думы, поддержанных агентами противника, началась гнусная и постыдная травля всего того, что было свято русскому народу, и что составляло его гордость и славу – лилась отвратительная клевета на Членов Династии...

В разгар войны клевета эта была особенно преступна, ибо она была выгодна противнику, вносила известное сомнение в ряды Русской Армии и вела к понижению ее морали и боеспособности.

Убитый на своем посту, верный слуга Государю и Родине П. А. Столыпин этим же членам Государственной Думы еще в 1909 году сделал пророческое заявление: «Армия прийдет в расстройство, когда она перестанет быть единой – единой в повиновении одной безапелляционной Священной Воле!

Введите в этот принцип яд сомнения, внушите нашей армии хотя бы обрывок мысли о том, что она зависит от коллективной воли, и мощь ее перестанет покоиться на единственно неизменной, соединяющей нашу армию силе – на Власти Верховной!»

Поколебать мощь Русской Армии, устранить в России Царскую Власть и лишить Русскую Императорскую Армию ее Верховного Вождя, для Германии также было необходимо, как и для тех, кто в самой России своей главной задачей во время войны считал не поражение противника, а достижение своих революционных стремлений.

Германии важно было, всеми средствами, вывести Россию из строя воюющих Держав. Этого можно было достигнуть лишь в том случае, если бы Россия лишилась своего Государя, неоднократно заявлявшего о том, что Он не прекратит войны, пока не

будет достигнута окончательная победа, и заключит мир только в полном согласии со всеми Союзными Державами. А потому Германия, дабы спасти себя, сочла необходимым принять участие в содействии и помощи русским революционным кругам.

В такой обстановке наступил роковой, по своим трагическим последствиям, не только для русского народа, но и для народов всего мира, 1917 год! – Год начала русского лихолетия...

В эту мрачную годину русской истории, Государь, самоотверженно выполняя Свой великий подвиг, непреклонною Своею волею, довел беспредельно любимую Им Россию «до порога победы»!

Соединенные общей целью, внешние и внутренние Его враги «революционным взрывом» не дали России «переступить этот порог» ... «Мы знали, что весной предстояло наступление Русской Армии и ее победы. В таком случае, престиж и обаяние Царя сделались бы настолько крепкими, что все наши усилия расшатать и свалить Самодержца были бы тщетны. Вот почему и пришлось прибегнуть к скорейшему революционному взрыву, чтобы предотвратить эту опасность». (Открытое признание господина Милюкова. «Знамя России». № 217. П. Мар.)

Этот же «революционный взрыв» спас в 1917 году и внешнего врага России, о чем свидетельствует генерал Людендорф:

> *«...Революция неизбежно влекла за собою уменьшение боеспособности русских, ослабляла державы Согласия и значительно облегчала нашу тяжелую задачу. Главное командование получило возможность тотчас же выгадать существенную экономию в войсках и в боевых запасах, а также предпринять смену дивизий в большем масштабе.*
>
> *В апреле и в мае 1917 года нас спасли не победы на реке Эн и в Шампании, а русская революция!..»*
>
> (Генерал Н. Н. Головин «Военные усилия России в Мировой Войне»).

Русское лихолетие. Начало трагедии России

Подробное описание начала русского лихолетия или так называемой «великой и бескровной», не является целью этой книги, но для того, чтобы хронологически точно и подробно изложить, при какой обстановке, в дни февраля и марта 1917 года, нес свою службу Собственный Его Императорского Величества Конвой, необходимо краткое описание тех событий, при которых произошел насильственный отход России от своего исторического пути.

Февраль 1917 г.

23-го Появились первые признаки рабочих беспорядков в Петрограде. В толпе – красные флаги и плакаты: «долой самодержавие» – «долой войну».

24-го Началось вооруженное столкновение полиции с митингующими толпами.

25-го Число бастующих рабочих возросло до 250 тысяч. Занятия в учебных заведениях прекратились.

26-го Государь Император объявил Указ об отсрочке сессий Государственной Думы, которая должна была открыться на следующий день. События приняли более грозный характер. Войска (в особенности на Невском проспекте) действовали активнее, чем в предшествовавшие дни. В руководящих революционных кругах началось колебание, *но уличное движение перебросилось в запасные батальоны...*

Председатель Государственной Думы Родзянко посылает в Ставку Государю Императору телеграмму, характеризующую «угрожающие размеры» петроградских событий, и просит «безотлагательно призвать лицо, которому может верить вся страна и поручить этому лицу составить правительство, которому может доверить все население». Одновременно с телеграммой Государю, Родзянко телеграфировал Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего генерал-адъютанту Алексееву, почти дословно передавая

содержание телеграммы, адресованной Государю, закончив ее словами: «в Ваших руках – судьба, слава и победа России...» Копии этой телеграммы были посланы и Главнокомандующим фронтами. Ответы генералов Рузского и Брусилова сводились к тому, что они другого выхода не видели, как «последовать совету Родзянко». Генерал Эверт ответил, что «насколько справедливо все изложенное в телеграмме по отношению внутреннего положения страны, судить не могу».

27-го *Вспыхнул солдатский бунт в некоторых запасных батальонах Петроградского гарнизона. Запасные батальоны состояли из недавно призванных и представляли собою крайне благоприятную среду для пораженческой и революционной пропаганды. Эти «солдаты», хотя и именовались «Запасными батальонами» исторических Гвардейских полков, доблестно исполнявших свой воинский долг на фронте, но кроме формы, ничего общего с этими полками не имели.*

Родзянко присылает новую телеграмму Государю Императору, «призывавшую в решительных тонах безотлагательно вновь созвать законодательные палаты и призвать новую власть на началах, изложенных в предшествовавшей телеграмме». В этой же телеграмме Родзянко сообщает о том, что *«на войска гарнизона надежды нет, ибо они охвачены бунтом, убивают офицеров и присоединяются к толпе».*

Одновременно с Родзянко, военный министр генерал Беляев посылает Главнокомандующему Северным фронтом, как ближайшему к Петрограду, телеграмму: *«Положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удается, напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с ними нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, при том, в достаточном количестве, для одновременного действия в различных частях города». – Государь Император повелевает генералу Хабалову, «прекратить во время войны недопустимые беспорядки».*

В непосредственном распоряжении Командующего Войсками Петроградского Военного Округа генерала Хабалова оставалось до 2.000 солдат, сохранивших воинскую дисциплину.

Принимаемые меры для прекращения «солдатского» мятежа в столице Империи проводились вяло, а затем были вообще прекращены!..

Решено было занять этими войсками Зимний Дворец. В Дворцовых зданиях войска расположились в коридорах нижнего этажа и во дворе Дворца. Управляющий Дворцом генерал Комаров, опасаясь, что здание Дворца и обстановка в нем могут пострадать в случае боя, просил генерала Хабалова вывести войска. Войска были переведены в здание Адмиралтейства. Вывод войсковых частей из Зимнего Дворца, произвел на них сильное моральное впечатление! – По требованию Морского Министра, также желавшего сохранить Адмиралтейство, не примкнувшие к бунту войска, принуждены были оставить и это здание и... разойтись.

С общего согласия всех министров, *Председатель Совета Министров кн. Голицын послал Государю в Ставку телеграмму, в которой доносил, что Совет Министров не может справиться с вспыхнувшим бунтом и просил о своем увольнении. Ответ Государя Императора Председателю Совета Министров: «О главном военном начальнике в Петрограде, Мною дано повеление Начальнику Моего Штаба, с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе, при данных обстоятельствах, считаю недопустимым!»*[219]

По повелению Государя, генерал-адъютант Иванов назначается Главнокомандующим Петроградского Военного Округа. Генерал Алексеев предупреждает Начальника Штаба Северного фронта: «*Минута грозная, и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего*».

---

[219] Из опубликованных документов в «Красном Архиве».

27-го *Председатель Государственной Думы М. Родзянко, по настоянию собравшихся около него членов этой Думы, образует «Временный Комитет Государственной Думы», который объявляет себя «государственной властью» и... присоединяется к восставшим «солдатам» запасных батальонов.*

28-го *В ночь на 28 февраля, этот «комитет» выпускает – «воззвание к народу» и посылает телеграммы Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего, Главнокомандующим фронтами и Командующим Флотами – Балтийским и Черноморским.*

«Воззвание к народу»:

«Временный Комитет Государственной Думы, при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться доверием его. Председатель Государственной Думы М. Родзянко».

Телеграммы Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего, Главнокомандующим фронтами и Командующим флотами:

«1. Временный Комитет Государственной Думы сообщает Вашему Превосходительству, что в виду устранения от управления всего состава бывшего Совета Министров, правительственная власть перешла, в настоящее время, Временному Комитету Государственной Думы.

2. Временный Комитет Государственной Думы, взявши в свои руки создание нормальных условий жизни и управления в столице, приглашает Действующую Армию и Флот сохранить полное спокойствие и питает полную уверенность, что общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прервано или ослаблено. Так же

стойко и мужественно, как и доселе, Армия и Флот должны продолжать защиту своей Родины. Временный Комитет, при содействии столичных войск и частей, при сочувствии населения, в ближайшее время, водворит спокойствие в тылу и восстановит правильную деятельность правительственных учреждений. Пусть и со своей стороны, каждый офицер, солдат и матрос исполнит свой долг!

Председатель Государственной Думы М. Родзянко».

Великий Князь Михаил Александрович 27 февраля, около 11 часов вечера (по прямому проводу из Петрограда) просил генерала Алексеева доложить Его Величеству, что для немедленного успокоения принявшего крупные размеры движения необходимо увольнение всего состава Совета Министров и назначение председателем Совета Министров лица, заслуживающего доверия Государя и пользующегося уважением в широких слоях. – «В виду чрезвычайно серьезного положения не угодно ли будет Государю уполномочить меня безотлагательно объявить об этом от Высочайшего Его Императорского Величества Имени, причем полагаю, что таким лицом в настоящий момент мог бы быть кн. Львов».

Генерал Алексеев исполнил просьбу Великого Князя и ответил ему, что *Государь Император решил следовать в Царское Село и что все мероприятия, касающиеся личного состава Правительства, Государь отлагает до Своего прибытия в Царское Село.*

В то же время, когда Председатель Государственной Думы «от имени Временного Комитета» выпускал «воззвание к народу», т. е. в ночь с 27-го на 28, Государь Император к 1 часу ночи переехал в Свой поезд. Перед своим отбытием в Царское Село, Государь уже в поезде, еще раз, принял генерал-адъютанта Иванова. К этому времени была получена в Ставке телеграмма генерала Хабалова, сообщавшего, что – *«исполнить повеление о восстановлении в столице порядка, не мог».*

Март...

В связи со сложившейся в пути обстановкой, Императорские поезда (Литера «А» и Литера «Б») не могли продвинуться к Царскому Селу, и к вечеру 1-го марта прибыли в место расположения штаба Северного фронта, в город Псков. О движении Литерных поездов на Псков, из Старой Руссы была послана телеграмма генерал-адъютанту Рузскому.

1-го Генерал Иванов, отбыв из Могилева, благополучно прибывает в Царское Село 1-го марта, *но ... отправка войск для подкрепления генерала Иванова была остановлена! – Было ли это сделано по Личному повелению Государя Императора, или – «Именем Государя, но помимо (если не против) Его воли»* – (С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II» Т. II, стр. 255.), *не исключает того факта, что некоторые войска, назначенные для восстановления порядка в Петрограде, по приказу Главнокомандующего Северным фронтом, были возвращены обратно, другие – распоряжением Ставки задержаны на больших станциях и получили приказание «не производить отправления до особого уведомления».* – Георгиевский батальон, с генералом Ивановым, лично посетившим в Александровском Дворце Государыню Императрицу, вернулся обратно в Могилев.

Восстановление порядка в Петрограде возможно было только одним путем – путем энергичной борьбы, т. е. применения сил со стороны Действующей Армии. Этого сделано не было!

«...Пассивное отношение к совершавшимся в столице событиям особенно было проявлено со стороны Главного командования Северного фронта, которому надлежало первому принять меры для прекращения беспорядков в столице)». (Генерал Головин. «Российская контр-революция 1917–1918 гг.»)

По мнению этого командования, в ведении которого входил Петроград, «применение оружия могло вызвать лишь ужасные последствия, учесть кои вперед нельзя». (Запись Великого Князя Андрея Владимировича). *Ложные* сведения, полученные в Пскове о том, что «в Петрограде

наступило полное спокойствие» и сама война, парализовали волю Главного командования для противодействия петроградскому бунту. В результате – уличные беспорядки превратились в тот «революционный взрыв», к которому, во время войны так стремились враги Императорской России, оппозиционные круги из Государственной Думы и все их единомышленники.

В Пскове Главнокомандующий Северным фронтом генерал-адъютант Рузский, был принят Государем Императором и представил Государю телеграмму Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерал-адъютанта Алексеева (1865 – 1 марта 1917).

«Телеграмма Его Величеству. Псков. – Ежеминутно растущая опасность распространения анархии во всей стране, дальнейшее разложение армии и невозможность продолжения войны, при создавшейся обстановке – настойчиво требуют издания Высочайшего акта, могущего еще успокоить умы, что возможно только путем признания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной Думы. Поступающие сведения дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал, и что работа с ними может пойти, но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами. В виду этого, усердно умоляю Ваше Императорское Величество на немедленное опубликование из Ставки нижеследующего Манифеста:» – Далее в телеграмме генерала Алексеева следует содержание этого Манифеста, в котором сказано: «...*Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, Я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России*».

Телеграмма, составленная Государем Императором на имя Родзянко, в которой Его Величество объявил Свою

волю дать ответственное министерство, была Министром Императорского Двора передана Главнокомандующему Северным фронтом.

2-го В течение ночи с 1-го на 2-е марта, Председатель Государственной Думы М. Родзянко ведет телеграфный разговор с Главнокомандующим Северного фронта, в котором заявляет: ... «Я должен сообщить вам, что в самом начале движения, власти в лице министров стушевались и не принимали решительных мер предупреждения; немедленно же началось братание войск с народными толпами, войска не стреляли, а ходили по улицам и толпа им кричала “ура”.»[220]

«Перерыв занятий законодательных учреждений подлил масла в огонь и, мало по малу, наступила такая анархия, что Государственной Думе вообще, а мне в частности оставалось только попытаться взять движение в свои руки и стать во главе для того, чтобы избежать такой анархии, при таком расслоении, которое грозило бы гибелью Государству. К сожалению, мне это не удалось, народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно; войска окончательно деморализованы: не только не слушаются, но убивают своих офицеров».

«Вынужден был во избежание кровопролития, всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Очень опасаюсь, что такая же участь постигнет и меня, т. к. агитация направлена на все, что более умеренно и ограничено в своих требованиях ...» *В дальнейшей части своего заявления Родзянко передает «требование» об отречении Государя Императора в пользу Наследника Цесаревича, при Регентстве Великого Князя Михаила Алексан-*

---

[220] С. Мельгунов в своей статье: «Кровавое» подавление «революции» (журнал «Возрождение» сент.-окт. 1950 г., стр. 126) указывает: «Хабалов с первого дня не хотел прибегать к стрельбе – это не советовал ему еще за три недели до переворота Рузский».

дровича, заканчивая словами: *«одно могу сказать: ни кровопролития, ни ненужных жертв не будет. Я этого не допущу!..»*

В этом разговоре с генералом Рузским, М. Родзянко говорит ни о чем ином, как об акте, долженствующем потрясти в самом основании мировоззрение всего русского народа.

«Содержание этого первого революционного заявления Родзянко утверждает тот факт, что в Петрограде был просто бунт, в котором не было ничего «великого», а тем более «бескровного». И в этом бунте деятельность наших «революционеров» («долой Самодержавие!»), тесно переплеталась с работою немецких агентов («долой войну!»), преследовавших цель вывести Россию из рядов воюющих Держав, путем сеяния смуты в тылу Русской Армии.

Напрасно большевики в С.С.С.Р. и «вожди революции» в эмиграции стараются доказать свои «заслуги»! – Мартовские события застали всех врасплох, когда не было ни «героев», ни «вождей», а была анархия. Доказательством чего служат слова самого Родзянко: «мне оставалось только попытаться взять движение в свои руки и стать во главе, чтобы избежать анархии»... «к сожалению, мне это не удалось»... Но самым главным доказательством того, что у Председателя Государственной Думы власти, о которой он торжественно заявил, что принял на себя, не было – это его сообщение генералу Рузскому о том, что: «войска не только не слушают, но убивают своих офицеров», а сообщая об аресте министров добавляет, «очень опасаюсь, что такая же участь постигнет и меня».

И, наконец, совсем уже иронией звучат его заключительные слова: «ни кровопролития, ни ненужных жертв не будет. Я этого не допущу!..» (Генерал Головин. «Российская контрреволюция 1917–1918 гг.»)

Заявление Родзянко о том, что он «взял движение в свои руки и стал во главе его», не отвечали действительности, ибо лично он, как и весь «Временный Комитет Государственной Думы», был под постоянным контролем представителей «Совета рабочих и солдатских депутатов».

«Совет рабочих депутатов» возник самочинно 27-го февраля. Инициаторами его явились освобожденные толпой из

предварительного заключения лидеры «рабочей группы». Этот самочинный Совет, совместно с некоторыми представителями крайних левых партий той же Государственной Думы, образовал «Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов». Впоследствии в название «Совета Рабочих Депутатов» было вставлено – «и Солдатских».

Между тем, от имени «Временного Комитета Государственной Думы» по всей стране рассылались телеграммы, изображавшие положение в Петрограде в совершенно искаженном виде.

«Генералы Алексеев и Рузский имели ложное представление о том, что фактически произошло в Петрограде. Они верили, что в Петрограде Правительство Государственной Думы, опирающееся на дисциплинированные части, ради возможности продолжать войну, прежде всего хотели избежать междоусобия». (С. Ольденбург. «Царствование Императора Николая II». Т. II, стр. 251).

На основании разговора (в ночь с 1-го на 2-е марта) Родзянко с генералом Рузским, Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего рассылает телеграммы всем Главнокомандующим фронтами. Текст телеграммы Главнокомандующим:

> «Его Величество находится в Пскове, где изъявил Свое согласие объявить Манифест, итти навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Государственной Думы образовать Кабинет. По сообщению этого решения Главнокомандующего Северного фронта председателю Государственной Думы, последний, в разговоре по аппарату, в три с половиной часа второго сего марта ответил, что появление такого Манифеста было бы своевременно 27-го февраля; в настоящее же время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций; сдержать народные страсти трудно; войска деморализованы. Председатель Государственной Думы, хотя пока и верит, но он опасается, что сдерживать народные страсти будет невозможно. *Что*

теперь Династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победного конца, лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу Сына, при Регентстве Михаила Александровича.

Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения и каждая минута дальнейших колебаний повысит только претензии, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находится фактически в руках петроградского временного правительства.

Необходимо спасти Действующую Армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу Династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданическую просьбу Его Величеству через Главнокомандующего Северного фронта, известив меня. Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России, и что между высшими начальниками Действующей Армии нужно установить единство мысли и целей, и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу.

Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху.

2-го марта 1917 года. 10 часов 15 минут. 1872. Алексеев».

В своих ответах Главнокомадующие фронтами, а в том числе и Великий Князь Николай Николаевич, как Главнокомандующий Кавказским фронтом, были согласны с «мнением» Председателя Государственной Думы.

Передавая в Псков ответные телеграммы Главнокомандующих фронтами, Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего сопроводил их своим заключением:

«Всеподданнейше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь внушит Вам; промедление грозит гибелью России. Пока армию удается спасти

от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города, но ручаться за дальнейшее сохранение воинской дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России и развал ее. Ваше Императорское Величество горячо любите Родину и ради ее целости, независимости, ради достижения победы соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжелого положения. Ожидаю повелений!»[221]

«Телеграммы Главнокомандующих явились решающим моментом в отречении от Престола Государя Императора».

(Ген. Головин. «Российская контр-революция 1917–1918 гг.» Стр. 35, 36.)

Вручая Государю эти телеграммы, генерал Рузский «отчеканивая каждое слово, стал излагать свое собственное мнение, клонившееся к выводу о невозможности для Государя принять какое-либо иное решение, кроме того, которое подсказывалось советами запрошенных лиц». (Ген. Данилов. «Великий Князь Николай Николаевич». Стр. 307.)

Ближайшие сотрудники генерала Рузского, Начальник Штаба Северного фронта ген. Данилов и главный начальник снабжения и тыла фронта ген. Саввич присутствовали при докладе телеграмм Государю и «подтвердили мнение, намеченное председателем Государственной Думы и поддержанное старшими начальниками Действующей Армии».

Текст Высочайших телеграмм, написанных собственноручно Государем Императором Николаем II Александровичем:

1. «*Председателю Государственной Думы. Петроград.*

Нет той жертвы, которую Я не принес бы во имя дей-

[221] Генерал Головин. «Российская контр-революция 1917–1918 г.» С. Мельгунов. «Мартовские дни 17-го года».

ствительного блага и для спасения родной матушки России. Посему Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына, с тем чтобы Он оставался при Мне до совершеннолетия, при регентстве Брата Моего Великого Князя Михаила Александровича. Николай».

2. *«Наштаверх. Ставка.*

Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России, Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына. Прошу всех служить Ему верно и нелицемерно. Николай».

Эти телеграммы не успели послать, как было получено извещение о выезде «для переговоров» с Государем Императором делегатов от «Временного Комитета Государственной Думы» – Гучкова и Шульгина. «Не зная, какие условия будут поставлены Думским Комитетом, Государь потребовал составленные Им телеграммы обратно. Генерал Рузский отказался их вернуть, и лишь задержал их отправление». (Генерал Головин. «Российская контрреволюция 1917–1918 гг.» стр. 36.)

Позже Государь Император изменил Свое решение передать Престол Своему Сыну[222]. Прибывшим в Псков делегатам «Временного Комитета Государственной Думы», Государь Император передал акт отречения за Себя и за Сына Своего Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, в пользу Брата – Великого Князя Михаила Александровича.

Акт об отречении Государя Императора Николая II Александровича от Престола Государства Российского и о сложении с Себя Верховной Власти гласит:

«Ставка. Начальнику Штаба.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся

[222] Г. Жильяр в своей книге: «Император Николай II и Его Семья», на стр. 148 указывает, что Государь принял это решение, после разговора с профессором Федоровым.

почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжелое испытание.

Начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, блага народа, все будущее дорогого нашего отечества, требуют доведение войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг направляет последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша, совместно с славными нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных, для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского, и сложить с Себя Верховную Власть.

Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу, и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского.

Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в этом ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой родины, призываю всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России!

Николай

г. Псков. 2-го марта 15 ч. 3 мин. 1917 год.
Министр Императорского Двора Генерал-Адъютант гр. Фредерикс».

Там же в Пскове, Государь Император подписал два Указа Правительствующему Сенату о бытии Верховным Главнокомандующим Великому Князю Николаю Никола-

евичу, и другой, о назначении кн. Львова Председателем Совета Министров.

3-го Великому Князю Михаилу Александровичу Государь Император отправил телеграмму, посланную (в 2 часа 56 минут) 3-го марта в пути следования из Пскова в Могилев, со станции «Сусанино».

Телеграмма была адресована «Его Императорскому Величеству» и гласила: **«...***События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если им огорчил Тебя и что не успел предупредить. Горячо молю Бога помочь Тебе и нашей Родине».*

Первым решением думского комитета и нового правительства – было остановить распубликование Высочайшего Манифеста. Родзянко, соединившись по прямому проводу с генералами Рузским и Алексеевым, просил их не пускать в обращение никакого Манифеста, и в целях более сильного на них воздействия, чрезмерно сгущая краски, сообщил им, что: «весьма возможна гражданская война». – «С регентством Великого Князя и воцарением Наследника Цесаревича помирились бы, может быть, но воцарение его как Императора абсолютно неприемлемо». «В результате переговоров с депутатами от рабочих, удалось придти к некоторому соглашению, которое заключалось в том, чтобы было создано Учредительное Собрание, для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правления». – «При предложенной форме, возвращение Династии не исключено...»

Фактически же до этого «соглашения», члены нового правительства договорились между собою, «мнение Керенского о необходимости убедить Великого Князя Михаила Александровича отречься, возымело решающее значение.»[223]

Желание этого правительства закрепить власть только за собою, привело к тому, что была упущена последняя возможность предотвратить катастрофу Российского Государства.

---

[223] С. Мельгунов. «Опыты исторического анализа». – «Возрождение», т. 10 стр. 129. 1950 год.

На другой же день после отречения Государя Императора, Великий Князь Михаил Александрович, по настоянию почти всех членов правительства (кроме Гучкова и Милюкова), отрекся в свою очередь от Престола, и предоставил Учредительному Собранию разрешить вопрос о будущем образе правления в России[224].

4-го Временное Правительство объявляет, за подписью своего председателя кн. Львова, по телеграфу всей России: «2-го сего марта последовало отреченье от Престола Государя Императора Николая II за Себя и за Своего Сына, в пользу Великого Князя Михаила Александровича. 3-го марта, Михаил Александрович отказался восприять верховную власть впредь до определения Учредительным Собранием формы правления, и призвал население подчиниться временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до созыва Учредительного Собрания, которое своим решением об образе правления выразит волю народа.

Председатель Совета кн. Львов»

«Отказ Великого Князя Михаила Александровича от восприятия Верховной Власти впредь до установления в Учредительном Собрании образа Правления и новых Основных законов Государства Российского».

---

[224] В тексте воспоминаний самого Керенского сказано, что он, после решения Великого Князя Михаила Александровича, заявил о том, что «*берет обязательство*» защищать Великого Князя от всех. – «Мы пожали друг другу руку. *И, с этого момента, мы остались в добрых отношениях.* Правда, мы встретились только раз в ночь отъезда Царя в Тобольск, но… я имел несколько раз случай оказать услугу Великому Князю, облегчая ему немного жизнь в новой обстановке, в которой он находился.. » – «*В исторических изданиях*», отмечает С. Мельгунов, «*Керенский не упомянул, что Великий Князь Михаил Александрович – был арестован, по личному распоряжению тогдашнего главы правительства*».

(С. Мельгунов – «Михаил II», стр. 137. «Тетрадь двадцать четвертая. – Литературно-политические тетради». Ноябрь-Декабрь 1952 г.)

«Тяжелое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение, в том лишь случае восприять Верховную Власть, если таковая будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые Основные Законы Государства Российского.

Посему призывая благословение Бога, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразить волю народа».

Петроград. 3. III. 1917.

Михаил»

Сама Армия (как и народ, «от имени» которого выступали все делатели «великой и бескровной») не принимала никакого участия в разыгравшихся в ее тылу грандиозных событиях, приведших в конечном результате к порабощению России безбожным коммунизмом.

«Войска были ошеломлены, трудно определить другими словами первое впечатление, которое произвело опубликование Манифестов об отречении...» – «Но сдерживающим началом для всех являлись два обстоятельства: – видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному Правительству, облеченному всей полнотой власти, выбивал из рук монархистов всякое оружие; и второе – боязнь междоусобной войной открыть фронт.

Армия тогда была послушна своим вождям! А они – все Главнокомандующие – признавали новую власть...» (Генерал Деникин: – «Очерки Русской Смуты». Т. I. Восп. I. Стр. 60.

В дни начала русского лихолетия и отречения от Престола Государя Императора, генерал Деникин занимал должность командира 17-го армейского корпуса).

Служба сотен Конвоя в дни февраля и марта 1917. г.

В роковые дни февраля и марта 1917 года, дни начала трагедии России и, неразрывно с ней связанной, судьбой Царственной Династии, *сотни Конвоя* Л.-Гв. 1-я и 2-я Кубанские, Л.-Гв. 3-я и 4-я Терские и Л.-Гв. 5-я Сводная *несли службу в Царском Селе, в Могилеве и в Киеве.* Л.-Гв. 5-я сотня, к формированию которой было приступлено во время войны, не закончила свое формирование, и в своем составе не имела положенного ей по штату числа чинов. Она состояла из казаков, частично выбранных из всех 4-х сотен постоянного состава Конвоя, частично из казаков Георгиевских кавалеров действующих полков Кавказских Казачьих Войск, переведенных в Конвой за боевые отличия.

В Царском Селе, где в то время проживала Ее Величество Государыня Императрица Александра Федоровна со Своими Августейшими Детьми, несли службу Л.-Гв. 2-я Кубанская сотня – командир есаул М. Свидин и Л.-Гв. 3-я Терская – командир есаул К. Панкратов.

Служба состояла в охране Царскосельского Императорского Дворца: внутренними постами, конными постами вокруг решетки парка Дворца и конными же постами Бабаловского, Нижне-Царскосельского и Павловского парков. Кроме службы этих внутренних и наружных постов, ежедневно назначался соответствующий наряд офицеров и казаков для всех «Встреч» и сопровождений в поездках Ее Величества Государыни Императрицы.

В Могилеве-Царская Ставка службу несли Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня – командир сотни есаул Г. Рашпиль и Л.-Гв. 4-я Терская – командир есаул Г. Татонов. Служба этих сотен:

1) охрана внутренними постами Губернаторского дома, служившего Резиденцией Его Императорского Величества Государя Императора Николая II Александровича, во время Его пребывания в Могилеве. 2) Охрана самой Царской Ставки, отдельными конными постами вокруг города Могилева, на всех дорогах и главных путях, ведущих к Могилеву.

Для сопровождения Государя Императора в Его поездках всегда был готов к вызову наряд в составе 1-го офицера и 14 казаков.

В Киеве при Ее Величестве Государыне Императрице Марии Федоровне – пешая полусотня Л.-Гв. 5-й Сводной сотни, в составе 2-х офицеров, 48-ми урядников и казаков, под командованием хорунжего А. Рогожина. Служба полусотни – внутренние посты в Киевском Императорском Дворце и сопровождение Государыни Императрицы при Ее выездах и поездках. Офицеры полусотни: хорунжий А. Рогожин и хорунжий Е. Ногаец помещались в самом Дворце, казаки – в казармах понтонного батальона, отделенных от Киевского Дворца Мариинским парком.

Служба всех сотен Конвоя по охране Императорских Дворцов внутренними и внешними постами неслась совместно с Собственным Его Величества Сводным Пехотным полком.

В Петрограде, где находилась канцелярия Конвоя, была команда продолжавшей свое формирование Л.-Гв. 5-й Сводной сотни и нестроевая команда Конвоя. Команда 5-й сотни имела в своем составе 35 урядников и казаков. Команда эта несла службу по охране денежного ящика, всего казенного имущества Конвоя, а также частного имущества казаков (большой склад необходимого материала для «постройки» обмундирования чинам Конвоя, обоз, мастерские и склад казачьих сундуков с их собственными вещами) и обслуживала лошадей всех чинов сотни. Лошади полусотни, командированной в Киев, оставались в Петрограде. Л.-Гв. 5-й Сводной

сотней командовал есаул В. Савицкий. В Петрограде же находились квартиры всех семейных офицеров Конвоя и несколько других офицерских квартир. Канцелярия и казармы выходили на Шпалерную улицу, офицерские квартиры и на Воскресенскую набережную.

Царское Село

(По личным записям офицеров сотен Конвоя, служивших в Царском Селе и по воспоминаниям казаков-конвойцев.)

27-го **февраля.** Жизнь района Александровского Дворца, как и всего Царского Села, течет спокойно. Служба охраны Дворца чинами Конвоя и Сводного полка несется обычным порядком. Из Петрограда доносятся тревожные слухи о все усиливающихся в столице беспорядках, что не соответствовало успокоительным докладам Министра Внутренних Дел Протопопова.

28-го **февраля.** Утром первыми вестниками из Петрограда были приехавшие оттуда «обкаткой» (поезд обслуживающий железнодорожную Царскую ветку: Петроград – Царское Село) есаул К. Панкратов, хорунжий Н. Федюшкин и хорунжий С. Колесников. Все офицеры, прибывшие из Петрограда, поверх своей офицерской формы были одеты в казачьи шубы. Специально сшитые для казаков Конвоя легкие шубы надевались казаками под бешмет черкески (мундир Конвоя) и потому внешних воинских отличий не имели. В офицерской форме, без «революционных» знаков (красных бантов, розеток и пр. «украшений») пробраться из Петрограда в Царское Село уже было невозможно, что и заставило офицеров, поверх своей формы, надеть казачьи шубы.

От прибывших офицеров узнали, что петроградский хаос и «солдатский» бунт не слухи, а совершившийся факт. В сравнении с охваченным бунтом Петроградом, в Царском Селе все было внешне спокойно. В расположении Конвоя на коновязях кончалась утренняя уборка лошадей. Казаки, на морозе играли в чехарду и на

приветствие прибывших офицеров отвечали, как всегда, весело и отчетливо. Обычный мир и тишину Царского Села нарушали лишь отдельные выстрелы со стороны стрелковых казарм.

Командир Л.-Гв. 2-й Кубанской сотни есаул М. Свидин, как старший из офицеров Конвоя, находившихся в Царском Селе, счел необходимым явиться в Александровский Дворец с докладом о положении в Петрограде и за получением возможных распоряжений от помощника Коменданта Дворца генерала фон Гротена, за отсутствием Свиты Его Величества генерал-майора Воейкова, исполнявшего в Царском Селе его обязанности.

От генерала фон Гротена есаул М. Свидин узнал, что во Дворце о событиях в Петрограде всем известно, и что – «завтра в 4 часа прибывает Государь Император и что все дальнейшие распоряжения последуют согласно Его воле.»

По приказанию есаула М. Свидина сотням Конвоя были отданы все распоряжения, на случай вызова сотен по тревоге.

День протекал спокойно.

В 19 часов в Государевом Феодоровском Соборе служился молебен о здравии больного Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, находившегося в то время в Царском Селе. На молебне присутствовала Ее Величество Государыня Императрица Александра Федоровна с Великой Княжной Марией Николаевной. Остальные Великие Княжны были больны корью. В Соборе на молебне были все наличные чины Собственных Его Величества Конвоя и Сводного Пехотного полка. После молебна узнали, что в Петроград от Ее Величества с какими-то поручениями к председателю Государственной Думы Родзянко, предположено командировать флигель-адъютанта полковника Линевича.

В 21-м часу, когда офицеры в собрании Конвоя заканчивали запоздавший обед, из Александровского Дворца последовал вызов сотен. В казармах Конвоя раздался сигнал трубачей – «тревога!»...

Через 8–10 минут Л.-Гв. 2-я Кубанская и Л.-Гв. 3-я Терская сотни скакали к Александровскому Дворцу и, прибыв туда, выстроились развернутым фронтом внутри парка Дворца, перед главным его подъездом. Ко Дворцу прибыли роты Сводного Пехотного полка и подтягивались остальные части тогдашнего Дворцового гарнизона. В то время он состоял из Собственных Его Императорского Величества двух сотен Конвоя, батальона (2–3 роты) Сводного Пехотного полка, и роты Железнодорожного полка, квартировавшей в Царском Селе. В состав Дворцового гарнизона также входили Гвардейского Экипажа батальон, расположенный, в смежном с Царским Селом, селе Кузьминском и одна зенитная батарея (два орудия на автомобильных платформах).

Все части выстроились перед Александровским Дворцом.

Царскосельский гарнизон (т. е. исключая гарнизон Дворца) по сведениям Коменданта Дворца к тому времени состоял из многих тысяч (называли до 40) солдат запасных батальонов, в том числе броневых и артиллерии.

С другой стороны Царского Села, со стороны казарм Гвардейских стрелковых полков (сами полки были на фронте) слышалась стрельба. Распоряжений никаких не поступало.

Командир Л.-Гв. 2-й Кубанской сотни есаул М. Свидин, по собственной инициативе усилив постоянные конные посты вокруг решетки Александровского Дворца, выслал в сторону стрелковых казарм три офицерских разъезда. Начальники разъездов – сотник В. Зборовский, хорунжий А. Грамотин и хорунжий С. Колесников получили задачу выяснить обстановку и причину стрельбы. От одного из разъездов вскоре было получено донесение, что в районе казарм бродит толпа пьяных, стрелявших в воздух, солдат. Другой разъезд доносил, что один запасный батальон разбирает винтовки и собирается куда-то выступать. Последующие донесения сообщали о том, что запасные батальоны стрелковых полков, с оркестром музыки, игравшим «марсельезу», двигаются в направлении

казарм 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка. Вернувшись с разведки, начальники разъездов сообщили, что весь гарнизон взбунтовался, беспрестанно слышна «марсельеза» и крики «ура». Весь район Софии кишит вооруженными толпами солдат запасных батальонов[225].

Пронесся неизвестно откуда появившийся слух, что в казармах запасных батальонов произошла вооруженная схватка с одной из учебных команд, не примкнувшей к бунту. Другой слух – «Императорский Дворец находится под прицелом артиллерии, стоявшей в сел. Александровском. Что если из Дворца раздастся хотя бы один выстрел, то Дворец будет тотчас же разнесен».

Есаул М. Свидин доложил генералу Гротену результат разведки офицерских разъездов Конвоя в районе казарм Царскосельского гарнизона. Генерал Гротен, в предупреждение движения взбунтовавшихся запасных батальонов к Александровскому Дворцу приказал:

1. От сотен Конвоя иметь постоянные наблюдательные разъезды на линии вокзал – стрелковые казармы.

2. Зенитной батарее и пулеметам Гвардейского Экипажа занять позицию, удобную для открытия огня вдоль улиц, ведущих ко Дворцу.

3. Батальону Сводного полка выставить заставы в отдаленных углах Александровского Дворца.

Решетка парка Александровского Дворца охранялась обычным нарядом Конвоя (подвижные конные посты), Сводного Пехотного полка, чинами Дворцовой полиции и агентуры. Баболовский парк наблюдался конными

---

[225] Как в Петрограде, так и в Царском Селе, выступление солдат запасных батальонов нельзя связывать с именем и честью доблестных Гвардейских частей. Все эти полки были в Действующей Армии и они не ответственны за революционное выступление запасных солдат, фактически никогда не служивших под сенью боевых Знамен тех славных полков, наименование коих им было присвоено в запасных батальонах.

дозорами Конвоя.

В 23-м часу частям Дворцового гарнизона передается сообщение о выходе из Дворца Государыни Императрицы. Все быстро становятся в строй на положенные им места. Раздается команда: «Смирно! Г.г. Офицеры!» – Ее Величество, в сопровождении Великой Княжны Марии Николаевны, выходит из главного подъезда Дворца и, по глубокому снегу, обходит выстроившиеся воинские части, здороваясь с каждой ротой и сотней. В ответ на приветствие Государыни, громко раздается с правого фланга конвойцев: «Здравия желаем Ваше Императорское Величество!»...

По внешности Государыня Императрица была совершенно спокойна. Обойдя все части Дворцового гарнизона, Государыня вернулась к подъезду. Государыню окружила группа офицеров Конвоя и Сводного полка. Беседуя с ними, Ее Величество высказывала опасение за здоровие Государя Наследника Цесаревича и Великих Княжон, и Свое удивление и сожаление по поводу событий в Петрограде. К развивающимся событиям в Царском Селе, Государыня Императрица отнеслась с меньшим спокойствием. Разговор с офицерами Ее Величество закончила просьбою: «Ради Бога, прошу вас всех, только бы не было из-за Нас крови!..»

Государыня и Великая Княжна Мария Николаевна вернулись во Дворец. Мороз крепчал. Последовало распоряжение солдатам и казакам группами заходить в подвальный этаж Дворца греться.

Поздно вечером прибыл адъютант Конвоя есаул И. Ветер, сопровождавший Великого Князя Георгия Михайловича в поездке на фронт, будучи по возвращении застигнут событиями, он не мог пробраться в Петроград. Около 3 часов ночи прибыл сотник К. Зерщиков. Он случайно застрял в Петрограде и за невозможностью легально выехать оттуда, проделал путь до Царского Села пешком. 28-го февраля Дворец посетил Великий Князь Павел Александрович и был принят Ее Величеством. Ночь на 1-е марта прошла без сна.

1-го марта. Утром 1-го марта удавила всех весть о том, что батальон Гвардейского Экипажа ушел из Дворца. Как потом выяснилось, батальон был отпущен из Дворца в сел. Кузьминское. Позже оказалось, что батальон, согласно полученного приказания из Петрограда, не задерживаясь в Кузьминском, проследовал в Петроград.

По приказанию генерала Гротена, была отпущена в свои казармы входившая в состав Дворцового гарнизона рота Собственного Его Величества Железнодорожного полка, и больше во Дворец не возвращалась. Вскоре во Дворец прибыл один офицер этого полка. О его прибытии казак Конвоя, несший службу у решетки Дворца, пишет в своих воспоминаниях: ... «Вдруг вспыхнула проклятая Богом и людьми революция... Мы занимали Дворец и решетку, все как и было. Я служил на 5 посту у решетки. Пост этот был самый худший, не защищен деревьями – открытый, а другие помежду деревьями. Служил я с 4 часов до 8 часов. Вдруг бежит офицер часов в 7 с казарм Железнодорожного полка. Полк был расположен по всей Царской ветке до Петрограда. Две роты помещались полкилометра от наших казарм. Офицер прибежал ко мне и говорит – «Спасите меня, я хочу перелезть через решетку во Дворец». – Я ему отвечаю – «Никак нет, я вас не пущу. Через решетку я не имею права никого пускать, а передам вас на пост № 4, а потом на 3-й и на 1-й. А первый на главные ворота Дворца. Я так и сделал, а дальше о судьбе его не знаю…» (из писем старого конвойца М. В. Лашука, в данное время находящегося в Аргентине).

Этот же конвоец о службе в Царском Селе сотен Конвоя в дни февраля и марта 1917 года вспоминает: «По тревоге прискакали во Дворец две наши сотни. Лошади стояли перед Дворцом, а казаки были в тунели, где ходили во Дворец. Там было постлано сено, там мы отдыхали. Не помню, сколько суток мы служили, знаю, что больше недели. Государыня выходила из Дворца и сказала, чтобы не было ни одного выстрела. Я своими ушами не слыхал,

а так было передано нам. С нами верно служили солдаты Сводного полка...» И действительно, коноводы с лошадьми офицеров и казаков Конвоя, неизменно несших службу в Александровском Дворце, стояли перед его левым крылом. Казаки грелись в подвальном помещении Дворца.

Стало известным, что ездивший по поручению Ее Величества в Петроград флигель-адъютант полковник Линевич, привез заверение председателя Государственной Думы Родзянко, что «Временным комитетом Государственной Думы будут приняты все меры к безопасности Александровского Дворца и лиц, в нем находящихся».

Генерал Гротен отправился в городскую ратушу, где помещалась «революционная комендатура». Говорили, что он был вызван туда «для каких-то переговоров» с двумя членами Государственной Думы, прибывшими из Петрограда. Есаул Свидин сообщил офицерам, что генерал Гротен отправился в ратушу предупредить членов Думы о том, что в случае нападения на Дворец, гарнизон Дворца будет принужден открыть огонь. Поведение генерала Гротена у всех офицеров Конвоя и Сводного полка вызывало к нему глубокое уважение.

Однако, ни в этот день, ни во все последующие, ни одной попытки проникнуть силою даже за линию разъездов Конвоя, ни с чьей стороны не было, и не то чтобы массы, но и одиночные вооруженные группы не появлялись в поле зрения Дворца.

Одну из сотен Конвоя было разрешено отвести в казарму покормить лошадей. Едва успели задать коням корм, сотня вновь была вызвана во Дворец. Из Императорского Павильона звонили, что из Петрограда в Царское Село движется эшелон революционных солдат. Это было началом различных, порою самых фантастичных, слухов. Положение продолжало оставаться самым неопределенным, не было ничего точного – были лишь слухи! *Гарнизону Дворца не предъявлялось никаких требований. Ждали с часу на час приезда Государя Императора.*

Связь с Царской Ставкой была прервана. Все попытки

установить эту связь не увенчались успехом. По повелению Государыни Императрицы, были командированы с письмом Ее Величества к Государю Императору два офицера из гарнизона Дворца.

Письмо Государыни было написано в двух экземплярах и передано офицеру Конвоя хорунжему А. Грамотину и офицеру Сводного Пехотного полка поручику Соловьеву, (коренному офицеру Л.-Гв. Московского полка.)

Командированные Государыней офицеры должны были, в зависимости от обстановки в пути, сами выбирать маршрут, разъединяясь в случае нужды. Письма представляли собою маленькие пакетики, не более полутора вершка. Содержания писем никто не знал.

«Вечером 1-го марта сотник В. Зборовский передал мне письмо Ее Величества с приказанием доставить его Государю Императору. Письмо было в виде маленького квадратика. Я зашил его под галунный лампас моих брюк». (Из воспоминаний есаула А. Грамотина.)[226]

К вечеру 1-го марта гарнизон Дворца состоял из 2 ½ (может быть 3-х) рот Сводного Пехотного полка, 2-х сотен Конвоя и взвода зенитной батареи (Гв. Штабс-капитан Белый).

Около 23-х часов пришло известие, что банда неизвестных солдат собирается занять здание Лицея, дабы там установить пулеметы для обстрела Дворца. Лицей был в непосредственной близости к Дворцу и входил в сферу охраны частей Дворцового гарнизона, а потому этот слух казался неправдоподобным. По приказанию есаула Свидина, сотник Зерщиков с казаками Конвоя занял здание Лицея.

---

[226] В «Красном Архиве», упоминаются эти письма Государыни. Там напечатано: «Эти конспиративные «крохотные письма», которые «можно легко сжечь или спрятать», отправлены были с двумя офицерами («юнцами») Грамотиным и Соловьевым. («Красный Архив» за 1923 год.)

В 24-м часу Государыня Императрица, предшествуемая образами, обходила подвальное помещение Дворца, где отдыхали и грелись сменившиеся с постов чины Дворцового гарнизона. Казаки и солдаты вскакивали с соломы и крестились.

В ночь с 1-го на 2-е марта лично явился в Александровский Дворец и был принят Государыней Императрицей, прибывший с Георгиевским батальоном из Царской Ставки в Царское Село генерал-адъютант Иванов. Генерал Иванов покинул Дворец около 3-х часов утра и вернулся к своим эшелонам. На другой день говорили, что «представители» города и Царскосельского гарнизона вели усиленную пропаганду среди солдат батальона георгиевцев, в результате чего эшелоны его были продвинуты в направлении станции Вырица. Предполагали также, что батальон исполняет другую «особую» задачу. Что произошло с Георгиевским батальоном, толком никто не знал.

В эту же ночь к Ее Величеству был позван сотник В. Зборовский, которому Государыня поручила отправиться к Великому Князю Павлу Александровичу и просить Великого Князя переговорить с комендантом Царского Села и выяснить, какой «Манифест», как о том дошли до Государыни слухи, распространяется по городу.

Сотник Зборовский верхом, в сопровождении своего вестового, отправился во дворец Великого Князя. Не получив ответа на звонок у ворот парка сотник Зборовский, передав коня вестовому, перелез через решетку и вошел в незапертый подъезд дворца. В поисках кого-либо, блуждая по полуосвещенному коридору и комнатам, наткнулся в одной из них на спящего в кресле старика лакея, затрясшегося при виде незнакомого офицера. Зборовский, успокоив его, попросил разбудить Великого Князя, коему и доложил о полученном им приказании *Ее Величества.*

Великий Князь Павел Александрович позвонил в комендатуру Царского Села и, через короткое время, сам комендант явился к Великому Князю. Сотник Зборовский, сидя в соседней комнате и смертельно уставший

(эти дни и ночи всеми проводились без сна), задремал. Он пришел в себя, от возбужденного голоса, ясно доносящегося через открытые двери ... «*я считаю, что призван выполнить великий долг. Я все свои силы употреблю, чтобы спасти Царскую Семью. Если мне это удастся, я умру спокойно...*»

С ответом (письмом) Великого Князя сотник Зборовский вернулся в Александровский Дворец к 4-м часам утра. Остаток ночи на 2-е марта протекал без особых событий[227].

2-го марта. Дабы дать людям и лошадям необходимый больший отдых, было разрешено одной сотне Конвоя по очереди временно по несколько часов быть в своих казармах. Внутренний наряд во Дворце был сокращен в пользу внешнего. Решетка парка Дворца по-прежнему охранялась усиленными конными постами. Разъезды Конвоя продолжали нести службу дальнего наблюдения.

Около 10 часов неизвестно откуда получили известие, что поезда с солдатами, вооруженными пулеметами и с вооруженными рабочими следуют из Петрограда в Царское Село.

Совершенно те же сведения и почти одновременно были получены и от коменданта города с сообщением, что им выслан броневой автомобиль к вокзалу, а другой направляется в расположение Коменданта Александровского Дворца. Действительно, вскоре ко Дворцу подошел броневик и к Коменданту Дворца явился прапорщик с докладом, что прибыл в его распоряжение. Через полчаса этот же прапорщик своим начальством был отозван со своим броневым автомобилем к каким-то винным погребам, которые начали громить солдаты, и больше не возвращался. Разъезды Конвоя, высланные в направлении на Петроград и Гатчино, донесли, что никакого подозрительного движения к Царскому Селу не наблюдают.

---

[227] Великий Князь Павел Александрович единственный из Великих Князей посещал Александровский Дворец. Кроме 28-го февраля, он был принят Государыней 1-го и 3-го марта.

Сведения о «наступлении» оказались вздорными.

Но самое «сенсационное известие» было получено во время завтрака. Кто-то в дежурной комнате Сводного полка сказал, что из Петрограда пришла «революционная новость!» – Сообщение «о явке Собственного Конвоя в полном своем составе в Государственную Думу с выражением своей покорности ...» Как ни тяжело было душевное состояние всех офицеров Дворцового гарнизона, это провокационное измышление делателей революции вызвало у присутствующих на завтраке во Дворце офицеров Конвоя и Сводного полка общий смех, ибо всем было известно, где находятся сотни Конвоя!

Вскоре сотник В. Зборовский был вызван к Государыне Императрице. Ее Величество передала Зборовскому печатный листок: «Известий рабочих и солдатских депутатов». В этом наскоро, косо-криво набранном листке на первой странице крупным шрифтом была напечатана клевета на Конвой. С большим возмущением оценивая эту провокацию, Государыня Императрица изволила сказать: «Государя хотят убедить, что верных Ему войск нет, что даже Его казаки изменили... Это мышеловка!»… Ее Величество считала очень важным скорее сообщить Государю Императору лживость этого революционного сообщения.

Листок «Известия» с сообщением о «явке всего Конвоя в Думу», помимо его общепровокационного значения, был опасен еще и тем, что дойдя *своими* путями до отрезанной от Петрограда и Царского Села Ставки, мог поставить служившие там две сотни Конвоя, хоть и на краткое время, все же в очень тяжелое положение.

Согласно указания Ее Величества, надо было как можно скорее информировать Ставку о фактическом положении всех событий. Было составлено подробное письмо с описанием событий в Петрограде и в Царском Селе, которое должно было быть отправлено с особым курьером в Царскую Ставку. Но в этот же день в Царское Село явился казак Конвоя, посланный из Могилева помощником командира полковником Ф. Киреевым, командовавшим дивизионом Конвоя в Царской Ставке.

Посланный полковником Киреевым казак пробрался

Бог весть какими путями и доложил, что Могилев полон тревожных слухов, что Его Величества в Ставке нет, что по дороге «не поймешь что делается». Немедленно этот же казак, совместно с другим из гарнизона Дворца, был командирован обратно в Царскую Ставку с заготовленным письмом и другими донесениями. Посланное есаулом Свидиным полковнику Кирееву донесение было в Ставке первым верным сведением о событиях в Царском Селе.

Поздно вечером был вызван в городскую ратушу, где помещалась «революционная комендатура», генерал фон Гротен и... обратно во Дворец не вернулся. Арест генерала Гротена был большой потерей для гарнизона Дворца.

Наступила ночь на 3-е марта.

3-го марта. День с утра протекал спокойно. Обязанности арестованного генерала Гротена принял следующий по старшинству офицеров гарнизона Дворца, командир Сводного Пехотного полка Свиты Его Величества генерал-майор Ресин. Генерал Ресин вошел в связь с царскосельской комендатурой. Передавали, что это было сделано по указанию Государыни Императрицы. Совместно с этой комендатурой вырабатывались меры в целях безопасности Дворца. *В результате переговоров и совместно принятых условий, между обеими сторонами* (т. е. между гарнизоном Дворца и гарнизоном города) *была установлена «нейтральная зона». Вне этой зоны охрану Александровского Дворца и порядка в районе его продолжают нести чины Дворцового гарнизона.* Охрану порядка в остальной части города и на вокзалах берет на себя царскосельский гарнизон.

Делясь своими впечатлениями о настроении гарнизона Царского Села, генерал Ресин указал на то, что несмотря на принятые условия комендантом города, солдаты запасных батальонов все же не доверяют гарнизону Дворца, и что их активные выступления возможны.

В целях безопасности Дворца, круги, руководившие его охраной, считали необходимым устранить это возбуждение и опасное настроение солдат городского

гарнизона. Было получено распоряжение от каждой части Дворцового гарнизона выслать представителей для связи с гарнизоном Царского Села.

Это распоряжение офицерам Конвоя было не только не понятно, но и принято с большим сомнением, вызвавшим известную настороженность и недоверие к полученному приказанию.

Из-за отсутствия штаб-офицеров Конвоя во Дворце (помощник командира Конвоя по строевой части полковник Ф. Киреев находился в Царской Ставке, а помощник по хозяйственной части полковник барон М. Унгерн-Штернберг в Петрограде), непосредственная связь с верхами службы охраны Дворца была не всегда возможна.

В эти исторические и ответственные дни офицерам Конвоя было ясно, что исполняя получаемые приказания и принимая то или иное решение (б. м. и самостоятельное), прежде всего необходимо было знать мнение и пожелание Ее Величества Государыни Императрицы.

Офицеры просили старшего из командиров сотен, есаула М. Свидина разъяснить создавшуюся обстановку. (Старшим из находившихся офицеров Конвоя в Александровском Дворце был есаул принц Риза-Кули-Мирза. Но он, как сверхштатный офицер, никакой строевой должности не занимал, да и по складу своего характера не был подходящим для возглавления сотен Конвоя. Это понимал сам принц, и ни на какие командные должности не претендовал.)

Деликатную миссию узнать мнение самой Государыни Императрицы в связи с полученным приказанием, есаул Свидин возложил на сотника Зборовского. Объяснение тому следующее. Семья Их Величеств с исключительным вниманием и сердечностью относились к офицерам Конвоя, но особенным вниманием Царской Семьи пользовались сотник А. Шведов, в то время бывший в Могилеве, и сотник В. Зборовский.

Сотник Зборовский отправился «наверх» – такое название установилось за Собственными покоями Царской Се-

мьи. О нем доложили. Государыня приняла его на «Детской половине», в комнате, смежной с комнатой больных старших Великих Княжон.

Ее Величество благодарила Зборовского за приход и, на его доклад о сомнениях офицеров в полученном приказании, с живостью ответила: «Да, да – пошлите (представителей) непременно! Надо постараться бунтующих солдат словами успокоить. Не надо ни одной капли крови, прошу вас! – Затем Государыня просила Зборовского чаще приходить к Ней и непосредственно докладывать о текущих событиях, которые неслись с невероятной быстротой – «Мне часто непонятно, что Мне передают», добавила Государыня.

Вместе с депутацией Сводного Пехотного полка, был послан от Конвоя один взводный урядник и два казака. Эта депутация на грузовом автомобиле направилась к казармам стрелковых полков, откуда раздавалась беспорядочная ружейная стрельба.

Депутации Дворцового гарнизона («парламентеры» – как таковые они имели на рукавах белую повязку) была дана инструкция:

1. Призвать солдат царскосельского гарнизона к хладнокровию, стараясь их заверить в том, что в обязанность Дворцового гарнизона входит только защита Дворца и лиц, в нем находящихся.

2. Заверить их в том, что Дворцовый гарнизон вступит в вооруженную борьбу с солдатами запасных батальонов только лишь в том случаеr если они сами эту борьбу вызовут.

Вернувшаяся депутация доложила, что солдаты запасных батальонов встретили ее с явным недоверием. Это недоверие подтвердил следующий случай. Из села Кузьминского, примыкавшего почти непосредственно к тылам казарм Конвоя, в строю с оркестром музыки шел квартировавший там запасный полк. Команда казаков Конвоя, кормившая и убиравшая лошадей внутреннего наряда Дворца, из любопытства, бросив уборку,

поспешила к воротам своих казарм. Заметив это быстрое движение казаков, музыканты смешались, смолкли, и полк замедлил свое движение.

Во все дни пребывания сотен Конвоя и рот Сводного полка в Александровском Дворце, офицеры главным образом собирались в дежурной комнате Сводного полка. В ней же ежедневно и «централизовались» все слухи. В сущности, подвальный этаж Дворца, да и сам, отрезанный от всего внешнего мира, Александровский Дворец, не имел ни о чем точных сведений. Кое кто, с видом посвященного, говорил что-то, недоговаривая, кое-кто таинственно перешептывался. Всякие слухи естественно находили благоприятную почву для быстрого вырастания. Вследствии этого: об эшелонах генерал-адъютанта Иванова говорили, что они «заняли позицию у Пулково». В то же время, другие «по секрету» сообщали, что «они ушли совсем». Увеличивали всякие слухи сведения «верных» людей, «спасавших» Дворец, и сообщавших «о предстоящих штурмах Дворца».

Особую нервность проявляла сама «революционная» комендатура Царского Села. Так, например, она сообщала, что из Петрограда походным порядком и поездами к Царскому Селу двигаются 10 тысяч взбунтовавшихся солдат. Так же и из Императорского Павильона передавали о движении каких-то поездов, добавляя – «в предупреждение наступления, офицеры Железнодорожного полка разобрали путь в 4-х верстах от Царского Села». – Из Императорского Павильона вообще поступали часто слишком тревожные известия, нервировавшие Дворец. В Павильон, с задачей контролировать донесения и, при возможности, проверять слухи было приказано командировать офицера Конвоя. Есаулом Свидиным эта задача была возложена на хорунжего С. Колесникова. Тревожные звонки из Царского Павильона прекратились.

«Верное» сведение, что «из Колпино в Царское Село движется толпа вооруженных рабочих в несколько тысяч чело-

век», также оказалось неверным, ибо высланный на станцию Александровскую офицерский разъезд Конвоя под командою хорунжего Н. Федюшкина прошел значительно глубже в направление Колпино, и находясь в разведке в течение целого дня не прислал ни одного тревожного донесения.

В один из дней комендант города Царского Села, известив, что им получено приказание из Петрограда: «Войскам гарнизона оказать помощь Дворцу, если бы в этом была необходимость», сейчас же сообщил, что он этого сделать не может, т. к. имеет сведения о новом движении из Петрограда неизвестных ему войск.

Кроме того, что «революционное правительство» не обладало авторитетом и силой воздействия, это извещение коменданта города не говорило ничего нового.

Офицеры Конвоя пришли к заключению, что городская комендатура своими сведениями умышленно создавала тревожное настроение, дабы повлиять на мораль Дворцового гарнизона, а потому несмотря на то, что по-прежнему продолжали приходить вести об угрозах, к ним уже стали относиться спокойнее.

Однако, все эти угрозы и тревожные слухи создавали сильное нервное напряжение, постоянную бдительность и чрезмерно утомляли всех, ибо кроме охраны самого Дворца, офицеры и казаки Конвоя днем и ночью непрерывно находились в разъездах.

Среди постоянных угроз был и отрадный слух. Говорили о том, что в Царское Село прибыли учебные команды некоторых пехотных и конных частей, расположенных в окрестностях Царского Села и на окраинах Петрограда. Команды эти, не получая на местах никаких распоряжений, решили прибыть в Царское Село и предоставить себя в распоряжение Коменданта Дворца. Предложение их якобы было отклонено лицами, ведающими охраной Дворца, из-за неуверенности в устойчивости прибывших команд. Одна из таких команд

(кажется Л.-Гв. Петроградского полка) действительно находилась в казармах Сводного Пехотного полка.

В эти тревожные дни Государыня Императрица проявляла исключительную выдержку и мужество. Она несколько раз, иногда глубокой ночью спускалась в подвальный этаж Александровского Дворца и обходила находившихся там чинов Дворцового гарнизона – солдат Сводного полка и казаков Конвоя. От спускавшихся часто «сверху» (покои Царской Семьи) Личного секретаря Ее Величества графа П. Апраксина и флигель-адъютанта графа Замойского было известно, что Государыня внешне была спокойна и все время проводила на «Детской половине», ухаживая за больными Детьми. Офицеры Конвоя знали это и от сотника Зборовского.

В одно из своих посещений Собственных покоев Царской Семьи, Зборовский был задержан Великой Княжной Марией Николаевной, и в беседе с Нею провел около часа.

Сотник Зборовский, как он делился с офицерами Конвоя позже, был поражен переменой, происшедшей в Великой Княжне за эти дни. От вчерашней еще девочки, казалось, не осталось ничего: перед ним была женщина, глубоко и вдумчиво относившаяся к событиям, серьезная и рассудительная.

Об ожидающемся прибытии Государя Императора все еще не было никаких сведений. Связаться по телефону или телеграфу с Царской Ставкой было совершенно невозможно. Не было никаких сведений и от хорунжего Грамотина и поручика Соловьева.

Днем была получена просьба коменданта города выслать в городскую ратушу одного из офицеров Дворцового гарнизона. Прибывший из ратуши офицер доложил генералу Ресину, что комендант города еще раз просил подтвердить во Дворце, что «господин Родзянко от лица Временного Правительства гарантирует полную неприкосновенность Дворца». Видимо в связи с этим к вечеру было получено приказание от частей Дворцового гарнизона выслать по одному офицеру в

Государственную Думу. Офицеры Конвоя просили есаула Свидина доложить генералу Ресину общую просьбу – освободить их от подобной командировки. От генерала Ресина последовало повторное и категорическое приказание. Есаул Свидин назначил младшего из офицеров хорунжего Колесникова. Хорунжий Колесников к поезду умышленно «опоздал», а ехавшие с ним два казака, не имея от своего офицера определенных указаний, по приезде в Петроград ограничились явкой в канцелярию Конвоя, и утром другого дня вернулись в Царское Село.

Вечером во Дворец прибыл Великий Князь Павел Александрович и был принят Ее Величеством.

3-го марта. *Поздно вечером во Дворце пронеслись слухи «о каком-то неблагополучии» с Государем Императором...*

К этим грозным и жутким слухам прибавилась еще новая весть о каких-то «летучках», выпущенных «советом рабочих и солдатских депутатов». Толком однако никто ничего не знал. В эту ночь никто не сомкнул глаз. Нервы напряжены до предела!

4-го марта. *Страшная весть!.. Ранним утром слух об отречении Государя Императора ошеломил всех! Никто из офицеров Конвоя не мог этого понять и этому поверить.*

Днем откуда-то занесли во Дворец несколько экземпляров Манифеста Государя Императора об отречении от Всероссийского Престола за Себя и за Государя Наследника Цесаревича и одновременно «Отказ» Великого Князя Михаила Александровича, «от восприятия Верховной Власти»…

Весть эта гарнизоном Дворца переживалась с неизъяснимою болью. Этим ужасом все были прибиты и придавлены. Как записал в своем дневнике сотник В. Зборовский – «Случилось что-то непонятное, дикое, неестественное, никак не укладывающееся в мозгу. Земля уходила из-под ног... Было... и нет ничего! Пусто, темно... Будто душа вылетела из живого еще тела...»

Сотник Зборовский, через Личного Секретаря Государыни Императрицы графа П. Апраксина, был вызван наверх. Несмотря

на убийственную весть Высочайшего Манифеста, Ее Величество была столь милостива« что изволила сказать Зборовскому: – «Меня наконец-то соединили с Государем и Мне удалось Ему передать, что газетная заметка о Конвое лжива. Государь ответил, что Он в этом и не сомневался, и Мы были правы, считая казаков Нашими истинными друзьями. Передайте это казакам и успокойте офицеров».

Вместе с тем Государыня поручила сотнику Зборовскому передать офицерам и казакам Ее просьбу снять вензеля Его Величества. – «Сделайте это для Меня», сказала Государыня, – «иначе Меня опять будут винить во всем, и от того могут пострадать Дети».

До Государыни дошли сведения, что в Петрограде были случаи кровавой расправы с офицерами: придирались к Царским вензелям на погонах и просто к погонам, если при них отсутствовали «красные» признаки. Там в это время действовал во всю пресловутый «приказ № 1-й».

Сердце холодело, когда сотник Зборовский передавал слова Ее Величества. Внимание и заботливость Государыни ко всему, что Ее окружало, даже в столь трагический момент, когда Она узнала об отречении Государя Императора, трогало до спазм в горле. С глубочайшей раной в сердце переживалось расставание с дорогой эмблемой... Царя в России нет ... все перевернулось, пропало... Удар шел за ударом ...

Еще тяжелее было передавать приказание Ее Величества казакам. Некоторые сверхсрочнослужащие урядники рыдали, другие просто не хотели снимать. Стояло стоном: «Ваше Высокоблагородие, да что же это! Какая же Россия без Царя!?.» Пришлось увещевать, утешать, указывать на глубокую боль переживаний самой Государыни Императрицы, но от этих слов «утешители» страдали еще больше – безутешны были они сами...

«Мы исполнили просьбу Государыни, но сняв Царские вензеля с наших плеч, мы положили их на наши сердца». (Из воспомина-

ний бывшего урядника Л.-Гв. 2-й Кубанской сотни Исидора Полупанова, в данное время проживающего в С.Ш.А.)[228]

Служба охраны Дворца продолжала нестись установленным порядком. К 10-ти часам утра есаул Свидин был экстренно вызван к генералу Ресину. – «У вас в сотнях резня, а вы ничего не докладываете!» – встретил генерал есаула Свидина. Есаул Свидин, прибывший прямо из казарм Конвоя, доложил, что «в Собственном Его Величества Конвое обстоит все благополучно» и что о какой то «резне» ему ничего не известно. Сведения «о резне» в казармах Конвоя были получены от коменданта города. Есаул Свидин отправился в ратушу. Там ему сообщили, что для умиротворения казаков-конвойцев немедленно высылается депутация солдат с броневиками. Комендант, лично услышав от есаула Свидина, что ему, как старшему офицеру Конвоя известно, что в казармах все в порядке и что там почти нет людей, т. к. конвойцы продолжают служить, отменил свое распоряжение. Как впоследствии выяснилось, слухи о «резне» распространила по городу прибывшая в казармы Конвоя депутация солдат, требовавшая 20 представителей казаков-конвойцев в организуемый «гарнизонный комитет». В этом требовании депутации было отказано в очень резкой форме. Вообще, после известия об отречении Государя Императора в район расположения Конвоя стали появляться солдаты запасных батальонов. Заходя во дворы, они пытались проникать и в казармы. Казаки избегали вступать с ними в разговор, а пытавшихся «ораторствовать» – просто удаляли, заявляя, что нет времени с ними разговаривать.

И действительно у казаков Конвоя совершенно не было времени. В казармах они имели только очень короткий отдых

---

[228] У старых конвойцев был двойной вензель. Они имели вензелевое изображение Имени Государя Императора Александра III и Государя Императора Николая II Александровича.

от усиленной и напряженной службы, начавшейся 28-го февраля с момента сигнала – «Тревога!»

О появлении солдат в казармах Конвоя немедленно докладывалось дежурному офицеру. Столкнувшись с офицером, доморощенные агитаторы убирались. Особо рьяных между ними не было. Возможно, что на них действовала обстановка дисциплинированной и явно недружелюбно к ним настроенной казачьей среды.

Кроме желания проникнуть в Казармы Конвоя, бродившие по городу солдаты пытались заговаривать и с казаками, стоявшими на постах у решетки Дворца. Встреченные угрюмым молчанием или коротким – «удалиться!», отходили в сторону. Казаки Конвоя, как и все вообще казаки, никогда не чувствовали особую близость к солдатам (исключение – дружеское отношение казаков Конвоя к солдатам Сводного Пехотного полка.) Среди же бушующего в эти дни моря «товарищей», конвойцы чувствовали себя малым островком в этом море, и невольно жались друг к другу и, все вместе, к своим офицерам. Обычная взаимная близость офицеров и казаков Конвоя в роковые дни 1917 года была особенно сильна.

Вечером 4-го марта по приказанию генерала Ресина, в ответ на требование из Петрограда, в «военную комиссию» Временного Правительства, находившуюся в Государственной Думе, для получения каких-то инструкций нового правительства, командированы от Конвоя и Сводного полка по одному офицеру. Были назначены сотник К. Зерщиков от Конвоя и штабс-капитан Кашерининов от Сводного полка (коренной офицер Л.-Гв. Павловского полка). Посланные за этими инструкциями офицеры ни от кого толку добиться не могли.

Да и трудно это было в том полусумасшедшем тогда доме. Зашарпанные и заплеванные коридоры Думы кишели всяким сбродом. Всё галдело, кричало, суетилось, бегало.

Растрепанные барышни собирали папиросы «товарищам часовым». Эти «часовые» торчали перед каждой дверью. Взлохмоченный молодой человек крикнул присланным в «военную комиссию» офицерам – «сюда, сюда» и исчез бесследно. Комната военной комиссии оказалась недоступным для посторонних лиц, помещением – «офицеров – участников переворота». Сотник Зерщиков и штабс-капитан Кашерининов, с бывшими при них 4-мя солдатами и казаками, воспользовавшись творившимся хаосом в здании Думы, вернулись в Царское Село.

События последующих до 8-го марта дней протекли без особых потрясений. *В это мрачное время, офицеры и казаки Конвоя стояли в стороне от наступившей всюду анархии, и со своими верными кунаками – чинами Сводного Пехотного полка, продолжали охранять Александровский Дворец усиленным нарядом.*

В один из этих дней заболела и последняя из Августейших Детей, остававшаяся еще здоровой, Великая Княжна Мария Николаевна.

Новые власти требовали в каждой воинской части выбрать «комитеты». Должны были быть произведены выборы и в сотнях Конвоя. Они были произведены без какого-либо участия офицеров. Выбранные самими же казаками оказались сверхсрочные урядники – их непосредственные начальники, старые почтенные казаки, служившие в Конвое по 10–15 лет. Какой-либо деятельности этим комитетам, конечно, проявлять не приходилось, ибо вся служба и внутренний порядок в Конвое продолжал течь нормальным уставным порядком. Выборные были лишь готовыми «делегатами», если к тому являлась необходимость.

Вскоре они были вызваны присутствовать на собрании по поводу формирования нового гарнизонного комитета. Это собрание произвело на старых урядников Конвоя удручающее впечатление и они оставили собрание. Прибыв в казарму, доложили дежурному офицеру сотнику Зерщикову –

«Там, Ваше Высокоблагородие, все с ума посходили. Нам там делать нечего».

Распоряжением Временного Правительства в Александровский Дворец прибыл некий штабс-ротмистр Коцебу. Как говорили, он был командирован в качестве «ока» новой власти.

К вечеру 7-го марта в городскую ратушу были вызваны командиры частей Дворцового гарнизона. К тому времени их было два. – Есаул Свидин, старший из командиров сотен Конвоя и полковник Лазарев (офицер Л.-Гв. Кегсгольмского полка) заменивший генерала Ресина и вр. командовавший Сводным Пехотным полком.

Вернувшись из городской ратуши, они принесли печальную весть. – «По распоряжению Временного Правительства, завтра 8-го марта предстоит сдача постов частям гарнизона Царского Села». К этому есаул Свидин добавил, что очевидно в связи с неожиданным распоряжением правительства, удалявшим части Конвоя и Сводного полка из Дворца, завтра же ожидается приезд командующего войсками Петроградского округа генерала Корнилова.

Последний день пребывания чинов Конвоя и Сводного Пехотного полка в Александровском Дворце... После страшной вести об отречении Его Величества от Престола Государства Российского, день 8-го марта, для офицеров и казаков Конвоя, преданно несших службу при Государыне Императрице, самый роковой и трагический день марта 1917 года! – Все офицеры Л.-Гв. 2-й Кубанской и Л.-Гв. 3-й Терской сотен, не сговариваясь между собою, после бессонной ночи, полной самых мрачных мыслей, рано утром собрались в своей дежурной комнате во Дворце. Душевные муки сказались и внешне. У всех был болезненный и измученный вид. – Офицеры все еще не могли понять и поверить, что положение безнадежно... До последнего дня своей службы во Дворце, все офицеры в душе своей не теряли надежду, что с Божьей помощью, во Дворец прибудет Государь Император и все же сразу изменится. – Новый удар – удаление из Дворца, убил и эту последнюю надежду...

Во Дворец прибыл генерал Корнилов. Подъехав к главным воротам решетки Дворца, генерал покинул автомобиль и пешком прошел к зданию Александровского Дворца. В Собственном коридоре генерала встретил граф П. Апраксин и провел его к Государыне Императрице. Впоследствии стало известным, что генерал Корнилов объявил Государыне «постановление Временного Правительства об аресте Царской Семьи».

После отъезда генерала Корнилова, сотник Зборовский был принят Государыней, передавшей ему Свое повеление о неизбежности подчинения требованию об уходе из Дворца. – «Прошу вас всех воздержаться от каких-либо самостоятельных действий, могущих только задержать прибытие Государя и отразиться на судьбе Детей».

«Начиная с Меня, мы все должны подчиниться судьбе»... «Генерала Корнилова Я знала раньше, он рыцарь и Я спокойна за Детей»…

Сдача постов и вывод из Александровского Дворца чинов Конвоя и Сводного полка назначен в 16 часов. Офицеры Конвоя просили сотника Зборовского пройти к Государыне Императрице и доложить Ее Величеству их верноподданнические чувства.

Зборовский отправился исполнить просьбу всех офицеров. В ожидании его возвращения между офицерами царила полная тишина. Все сидели с помертвевшими лицами и молчали... Каждый из офицеров был углублен в свои мрачные мысли, сознавая, что наступили последние минуты пребывания их в Императорском Дворце, и последний момент той почетной службы, которой они были преданы всем сердцем и душою.

Сотник Зборовский был принят Государыней в одной из комнат «Детской половины». Ее Величество заметно похудела, осунулась, на Ее лице лежала печать горечи безысходной.

Зборовский едва выжимал слова, докладывая Государыне Императрице просьбу офицеров Конвоя. – У государыни на глазах показались слезы...

Подавляя волнение, Государыня просила Зборовского передать всем офицерам и казакам Конвоя благодарность за верную службу, изволив сказать: «от Меня и Детей!» – Затем Ее Величество вручила сотнику Зборовскому маленькие образки – Свое благословение офицерам.

Принимая это благословение, Зборовский опустился на колено. Государыня подняла его и поцеловала. – «Пройдемте к Детям», сказала Государыня и провела Зборовского в комнату двух старших Великих Княжон. Великая Княжна Ольга Николаевна и Великая Княжна Татьяна Николаевна, из постелей, молча и с недоумением смотрели на Зборовского и на Свою Августейшую Мать. Зборовский напрягал все свои силы, чтобы не разрыдаться тут же перед больными Великими Княжнами... Он молча глубоко поклонился Великим Княжнам, смотревшим на него широко открытыми глазами, поклонился самой Государыне, с волнением, никакими словами непередаваемым, поцеловал поданную Царскую руку и... «не помню как вышел», записано в его дневнике. – «...Я шел не оборачиваясь. Рука сжимала образки, в груди теснило, к горлу подкатывалось что-то тяжелое, готовое вырваться стоном...» (Из дневника сотника В. Э. Зборовского).

В 16 часов произошла смена. Чины Конвоя и Сводного полка сняты со своих постов. – Последний взгляд на Дворец и … потеря его навсегда!

«В 4 часа двери Дворца запираются. Мы в заключении!... и солдаты стоят на часах уже не для того, чтобы нас охранять, а с тем, чтобы нас караулить...» (П. Жиляр. – «Император Николай II и Его Семья». Стр. 165.)

С утра 9-го марта шла уборка лошадей и чистка, запущенных за все дни беспрерывной службы, винтовок и амуниции.

Около 11 часов, по дороге к Императорскому Павильону, прошло несколько автомобилей придворного гаража. Ожидался приезд Государя Императора.

Несколько времени спустя, эти автомобили прошли обратно. *В переднем находился Государь Император и гофмаршал*

Высочайшего Двора генерал князь Долгоруков. Рядом с шофером сидел ординарец Его Величества – вахмистр Конвоя Пилипенко.

У крайней казармы выстроились конвойцы, отдавая честь Государю Императору. – Шофер Царского автомобиля замедлил ход.

Послышался такой знакомый ласковый голос Государя, приветствовавшего конвойцев. В ответ на Царское приветствие, раздалось отчетливое и громкое – «Здравия желаем Ваше Императорское Величество!»

Это было последним Личным приветствием Государя Императора Николая II Александровича Своему Конвою.

При Государе в Александровском Дворце продолжал нести свою верную службу, прибывший с Ним из Могилева, последний Его ординарец вахмистр Пилипенко. Новые власти во Дворце перестали его допускать к Государю Императору. В результате, вахмистр Пилипенко – «за ненадобностью» был выдворен из Дворца, а за службу при Государе в 1920 году расстрелян.

Царская Ставка

26-го февраля.

В конце февраля в Могилев – Царская Ставка, где в то время пребывал Государь Император, стали доходить неясные слухи о уличных беспорядках в Петрограде, связанных с «какими то продовольственными затруднениями».

Офицеры двух сотен Конвоя, несших службу в Ставке (Л.-Гв. 1-я Кубанская и Л.-Гв. 4-я Терская), не имея непосредственной связи с Штабом Верховного Главнокомандующего, были мало осведомлены о всем, что происходило в столице. Да и сам Штаб получал сведения о событиях, быстро развивающихся в Петрограде, с большим опозданием. Комендант Дворца, от которого сотни Конвоя получали все распоряжения, касающиеся их службы, считал, что «в Петрограде только небольшие беспорядки».

27-го февраля.

Жизнь и служба сотен Конвоя шла по утвержденному порядку, как и в предшествовавшие дни. Несмотря на то, что стали доходить слухи уже не о беспорядках, а о все усиливающемся бунте, в самой Ставке, по внешности, все было спокойно. В этом петроградском бунте никто не предчувствовал веяние грядущего революционного взрыва. Однако слухи из Петрограда становились все тревожнее.

Стало известным о предполагаемой командировке в Петроград Георгиевского батальона с генерал-адъютантом Ивановым, который назначался командующим Петроградским военным округом.

Полковник Ф. Киреев объявил офицерам, что им от командира Конвоя получено сообщение о предстоящем выезде Государя Императора в Царское Село. Отбытие Его Величества назначено на следующий день в 14 часов 30 минут. Полковник Киреев отдал приказание командиру Л.-Гв. 4-й Терской сотни – есаулу Г. Татонову (сотня вступала на службу 28-го февраля) назначить одного офицера и соответствующий наряд казаков для сопровождения Государя Императора. Были назначены хорунжий С. Лавров и 14 урядников и казаков.

Поздно вечером, примерно около 23 часов, казак-дежурный у телефона гостиницы «Париж», часть комнат которой были отведены для офицеров Конвоя, служивших в Царской Ставке, доложил дежурному офицеру, что командир срочно требует к телефону полковника Киреева.

От командира было получено приказание: «немедленно же выслать на военную платформу станции Могилев офицера и положенный наряд казаков, т. к. по повелению Его Величества, отбытие Государя Императора в Царское Село ускоряется, в связи с чем Литерные поезда должны отойти со

станции Могилев не завтра 28-го, как было назначено, а этой же ночью, т. е. в ночь на 28-е февраля».

Хорунжий Лавров с казаками Л.-Гв. от 4-й Терской сотни, назначенными для сопровождения Государя Императора, срочно отбыл на станцию и, как при всех поездках Государя, занял места, отведенные для чинов Конвоя в Свитском поезде (поезд Литера «Б»).

К Собственному поезду (Литера «А») для Встречи Его Величества был назначен сотник А. Шведов, 1 урядник и 3 казака Л.-Гв. от 1-й Кубанской сотни.

28-го февраля.

Прибывший рано утром с вокзала сотник Шведов сообщил о том, что Государь изволил прибыть в Свой поезд к 1 часу (ночи). По неизвестной (сотнику Шведову) причине отбытие Императорского поезда задержалось до рассвета. После 2-х часов к поезду прибыл генерал-адъютант Иванов и был принят Государем. За час до отхода Императорского поезда отошел Свитский. В Собственном поезде, как всегда, от Конвоя находились: командир, ординарец Его Величества и два казака.

1-го марта.

С отъездом Государя Императора в Могилеве сразу же создалась тревожная атмосфера. По городу стали распространяться самые мрачные слухи о восстании в Петрограде солдат запасных батальонов. На улицах стали собираться группы местного населения. Появились какие-то «информаторы», вокруг них толпились прохожие.

Ввиду этой нездоровой обстановки в городе, командир Дивизиона Конвоя в Ставке полковник Киреев приказал на время отсутствия Государя сотни из казарм в городе перевести в лагерные бараки за городом, на левом берегу Днепра, где сотни стояли летом. Сотням приказано быть готовыми к

вызову по тревоге. При полковнике Кирееве оставался дежурный взвод с одним офицером. Взвод находился во дворе гостиницы «Париж». Все остальные офицеры были при своих сотнях.

С Петроградом и Царским Селом связь сотен Конвоя, бывших в Ставке, была прервана. Все сведения, проникавшие из Штаба Верховного Главнокомандующего о положении в столице, были крайне тревожны. Эта тревога еще более усилилась, когда дошли слухи о неблагополучии в запасных батальонах царскосельского гарнизона.

По приказанию полковника Киреева, для связи с сотнями Конвоя, находившимися в Царском Селе, был командирован один казак, коему поручалось во что бы то ни стало добраться до Царского Села.

2-го марта.

Положение оставалось самое неопределенное. Из Штаба Верховного Главнокомандующего получено сведение, что Государь Император находится в Пскове. Это неожиданное сообщение об изменении маршрута Литерных поездов офицерами Конвоя было принято более чем тревожно, ибо всем было известно, что Государь ускорил Свой отъезд из Могилева, желая скорее прибыть в Царское Село. В передаваемом сообщении, что прибытие Его Величества в Псков объясняется «неожиданными неисправностями на железнодорожной линии», чувствовалась уже какая-то угроза, ибо невозможно было понять, что железнодорожный путь для Царского поезда мог быть неисправен!

Для выяснения обстановки по линии железных дорог, распоряжением полковника Киреева, на станцию Могилев был выслан офицерский разъезд. Начальнику разъезда вменялась в обязанность иметь непосредственную связь с железнодорожным телеграфом. Офицер и казаки, служившие на станции, сменялись каждые четыре часа.

3-е марта.

Офицеры переживали исключительное нервное напряжение. Никто точно не знал, почему Государь Император находится не в Царском Селе, а в Пскове?!.

И вдруг, эта неопределенность разразилась неожиданным громовым ударом! Все офицеры и казаки потрясены жутким и грозным слухом: «Государь отрекся от Престола!»...

Эта несравнимая ни с какими потрясениями весть, равносильна могла бы быть только лишь вести «о скоропостижной смерти Государя». Никто из офицеров Конвоя не мог понять, что же в действительности произошло в Пскове. Невозможно, нельзя было поверить тому, что в России больше нет Государя, всего три дня тому назад бывшего здесь в Ставке...

К лагерным баракам прибыл полковник Киреев. Перед строем командуемого им дивизиона, он обратился к казакам с призывом твердо помнить свою присягу, указывая на то, что чтобы ни случилось, священный долг чинов Конвоя исполнять только лишь волю и повеление самого Государя Императора.

Около 15-ти часов стало известным, что прибытие Государя Императора в Ставку ожидается к вечеру. По приказанию полковника Киреева, сотни Конвоя вернулись в свои городские казармы, и Резиденция Его Величества – губернаторский дом, была занята усиленным офицерским караулом. На станции Могилев и на линии железных дорог разъезды продолжали нести свою службу. Для встречи Государя Императора был назначен обычный наряд Л.-Гв. от 1-й Кубанской сотни.

К вечеру из Царского Села благополучно прибыл посланный туда казак, в сопровождении другого из сотен гарнизона Александровского Дворца, с донесением от есаула Свидина.

Присланное есаулом Свидиным донесение, подробное сообщение о верной службе сотен Конвоя, находившихся в Царском Селе было омрачено сведением о наглом пасквиле и клевете на Конвой.

С глубоким возмущением и негодованием офицеры и казаки дивизиона Конвоя, бывшего в Ставке, узнали объявленную в «Известиях» рабочих и солдатских депутатов провокационную ложь «о прибытии всего Конвоя, в полном своем составе, в Государственную Думу», – что означало «прибытие в Думу» их же самих – бывших в Ставке(!), совместно с другим дивизионом Конвоя, находившимся в Александровском Дворце, а не... в Петрограде.

В эти дни Литерные поезда, отбыв из Могилева на рассвете 28-го февраля (по воспоминаниям есаула С. Лаврова) следовали по маршруту – Орша, Вязьма, Лихославль до Тосно, откуда должны были быть направлены по передаточной линии на Царское Село.

Этот длинный путь объяснялся тем, что Виндавская линия, через станцию Дно, была предоставлена эшелонам генерал-адъютанта Иванова. Движение поездов происходило в нормальной обстановке. Императорский поезд встречался местными властями и сопровождался в пути, по своим участкам, инженерами.

Шедший впереди Свитский поезд, пройдя Вязьму (примерно в 14 часов) и следуя далее ночью, через Лихославль, к 2 часам подошел к станции Малая Вишера. На станции Малая Вишера были получены тревожные сведения, что следующая большая станция Любань, находившаяся между Малой Вишерой и Тосно, занята «революционными войсками», разгромившими станцию. Телеграф станции Малая Вишера на Любань не работал.

Хорунжий Лавров, приказав взводному уряднику Цыбину выставить вперед, по линии железнодорожного пути, наблюдение в направлении станции Любань, как только подошел Императорский поезд, явился к командиру Конвоя и сообщил ему обстановку. Командир отправился к генералу Воей-

кову. Причина остановки Свитского поезда была доложена Государю Императору.

Примерно в 4 часа последовало распоряжение Литерным поездам следовать в обратном направлении на Бологое-Дно.

После остановки на станции Старая Русса (около 13 часов), поезда продолжали путь, через станцию Дно на Псков, где находился штаб Главнокомандующего Северным фронтом генерал-адъютанта Рузского[229]. В Свитском поезде никто точно не знал причины направления Литерных поездов на Псков. Некоторые предполагали, что поезда вернулись для того, чтобы проехать в Царское Село по Виндавской дороге через Дно и Вырицу, т. е. по линии, предназначенной для эшелонов генерала Иванова. Другие говорили, что мост на Виндавской дороге ненадежен, а потому решено двигаться на Псков, а оттуда по Варшавской дороге, через Лугу, на Царское Село.

Впоследствии командир Конвоя разъяснил (уже в Могилеве), что решение следовать на Псков было вызвано тем, что в Пскове был ближайший аппарат Юза, по которому надо было установить связь со Штабом Верховного Главнокомандующего и с Царским Селом.

1-го марта в 20 часов, уже в полной темноте, Императорский поезд подошел к станции Псков. Вокзал станции Псков был пуст. Никто не вышел навстречу Царскому поезду. Позже прибыли главнокомандующий Северным фронтом генерал-адъютант Рузский и его начальник штаба генерал Данилов, и были приняты Государем Императором. Генерал Рузский оставался у Государя до поздних часов вечера[230].

---

[229] Офицер Конвоя С. Лавров вспоминает о том, что со станции «Дно» первым шел поезд Литера «Б», в котором он находился.

[230] «Этот долгий разговор Государя с ген. Рузским в Пскове вечером 1-го марта, во всяком случае явился переломом». – «Ген. Рузский страдал нравственно до конца дней своей жизни и не мог без

Весь день 2-го марта Государь провел в Пскове. В 10 часов Его Величеством был принят главнокомандующий Северным фронтом. С утра этого дня, хорунжий Лавров усилил посты у Собственного поезда. Государь, заметив это, выразил командиру Конвоя Свое неудовольствие, на основании чего последовало приказание всем казакам, за исключением обычного поста у входа в Царский вагон, войти в вагоны.

Днем Государь Император вновь принял генерала Рузского. С ним были генералы Данилов и Савич. *Со слов командира Конвоя, сообщавшего офицерам, остававшимся в Ставке, подробности роковых дней 1-го и 2-го марта, Государь Император принял решение об отречении от Престола уже днем, после приема генерала Рузского и его помощников.*

К 22-м часам прибыли в Псков делегаты Государственной Думы Гучков и Шульгин, которых встретил флигель-адъютант полковник Мордвинов, и провел их прямо в салон-вагон Государя.

Во время разговора Государя Императора с членами Думы командир Конвоя не присутствовал. Кроме Государя, в салон-вагоне из Свиты. Его Величества находились только генерал-адъютант граф Фредерикс и генерал Нарышкин. Немного позже прибыли генералы Рузский и Данилов. Выслушав депутатов Государственной Думы, Государь спросил их, считают ли они, что Его отречение внесет успокоение, и получил утвердительный ответ.

После этого, Государь Император повелел генералу Нарышкину дать текст уже составленного Манифеста, с поправкою о передаче Престола Великому Князю Михаилу Александровичу.

Лично принимавший участие в отречении Государя от Престола генерал Данилов, в своей книге – «Великий Князь Николай Николаевич» (стр. 305–307.) пишет: «В 10 часов утра 15-го марта

волнения говорить о трагических днях 1–2 марта». (С. Ольденбург. «Царствование Императора Николая II» Т. II, стр. 254–255.).

(новый стиль. Н. Г.) главнокомандующий вторично посетил Государя и передал ему содержание своей ночной беседы с Родзянко. Во время этой беседы генералу Рузскому была передана присланная ему циркулярная телеграмма из Ставки от генерала Алексеева ко всем главнокомандующим, не исключая и Великого Князя Николая Николаевича, в которой начальник штаба Государя высказывался, подобно Родзянко, в пользу отречения. – Вскоре от генерала Алексеева поступила новая телеграмма на Высочайшее имя, в которой дословно передавались ответы от главнокомандующих Кавказского, Юго-Западного и Западного фронтов, являвшиеся в сущности ходатайствами об отречении. – (Далее следует содержание телеграмм).

«Генерал Рузский, собираясь с этими телеграммами к Царю, и, намереваясь присоединиться к их содержанию, просил также своих ближайших сотрудников – меня, как начальника штаба, и генерала Савича – главного начальника снабжений армий и тыла фронта, не видевших также иного исхода для успокоения страны и возможности доведения войны до конца, присутствовать при докладе, для подкрепления нашим мнением его доводов. – «Государь уже осведомлен о том, что я приеду с вами», сказал Н. В. Рузский. – «Император Николай встретил нас в том же зеленом салоне своего вагона-столовой. Он казался спокойным, но был несколько бледнее обыкновенного: видно было, что Он провел большую част ночи без сна. Он был в той же темно-серой черкеске, с кинжалом в серебряных ножнах на поясе. Усевшись у небольшого четырехугольного стола, Государь стал внимательно слушать Н. В. Рузского.

Последний, сидя против Императора, медленным голосом, стал докладывать о всем происшедшем за истекшие часы, и дойдя до телеграммы генерала Алексеева с ответными ходатайствами старших войсковых начальников, просил Государя лично ознакомиться с их содержанием. – Затем Н. В. Рузский, отчеканивая каждое слово, стал излагать свое собственное мнение, клонившееся к выводу о невозможности для Государя принять какое-либо

иное решение, кроме того, которое подсказывалось советами запрошенных лиц.

В конце своего доклада главнокомандующий просил выслушать и наше мнение. Мы с генералом Савичем, остававшиеся во все время этой сцены стоя, подтвердили в общем мнение, намеченное председателем Государственной Думы, и поддержанное старшими начальниками Действующей Армии.

Наступило гробовое молчание. Государь видимо волновался. Несколько раз он бессознательно взглядывал в плотно завешанное окно вагона. Затем встав и быстро повернувшись в нашу сторону, перекрестился широким крестом и произнес: «Я решился ... Я решился отказаться от Престола в пользу Своего Сына Алексея...»

Исполнив просьбу всех Главнокомандующих фронтами, указывающих – «необходимость» принятия «сверхмеры»!.. «для блага и будущности России и ... Династии», Государь Император принес Себя в жертву!..»

«Минута была глубоко торжественная». – «Точно камень, давивший нас, свалился с плеч...» отмечает в своей книге генерал Данилов.

О приеме Государем Императором членов Государственной Думы Гучкова и Шульгина, генерал Данилов пишет следующее: «Мы (ген. Рузский и Данилов) подошли к концу разговора Государя с членами Думы. Кончал говорить Гучков. – Император Николай II, в ответ на его речь, содержание которой, по-видимому клонилось к убеждению Царя в неизбежности отречения, коротко ответил, что им уже принято соответствующее решение. – «Вначале Я полагал», сказал Царь, – «передать Престол Моему Сыну, но затем, обдумав положение, переменил Свое решение и ныне отрекаюсь за Себя и за Сына, в пользу Моего Брата Михаила».

«Слова эти были для генерала Рузского и меня полною неожиданностью, и я ожидал возражения на них со стороны присланных делегатов. – Но, они молчали. Государь встал и прошел в свой вагон, чтобы принести текст измененного Манифеста. – На мое сомнение, высказанное депутатам в правильности намечавшегося

изменения порядка престолонаследия, с точки зрения закона, я получил их успокоительное заверение. Считая свою роль этим законченной, я отошел в сторону...»

В ночь на 3-е марта (в 1 час) Литерные поезда направились через Двинск в Могилев. Переезд проходил беспрепятственно. Железнодорожная администрация, как всегда, при встрече Императорского поезда, исправно исполняла свои служебные обязанности. На станциях публики почти не было. На некоторых остановках Государь выходил из вагона и, в сопровождении Своего ординарца-конвойца, гулял по перрону.

Через несколько часов, 3-го же марта, после отбытия Государя Императора из Пскова, на рассвете в Псков прибыли хорунжий Грамотин и поручик Соловьев.

Выехав из Царского Села поздно вечером 1-го марта, посланные Государыней Императрицей офицеры первоначально взяли направление прямо на Могилев. По дороге выяснилось, что Императорские поезда были на пути в Царское Село, но повернули обратно. Дальнейший след поездов терялся, и все сведения о движении Литерных поездов были смутны и неопределенны. Железнодорожное начальство на расспросы подозрительно косилось и давало самые разноречивые показания.

Открывать цель своей поездки офицеры никому не решались – слишком ответственной была их задача. В поисках правильного направления хорунжий Грамотин и поручик Соловьев, несколько раз перескакивали с поезда на поезд, иногда на ходу. Два раза они расставались, принимая, согласно разноречивым указаниям, разные маршруты, но вновь встречались, нападая на верный след.

С дороги на Лугу (где произошло известное событие) им пришлось изменить направление и ехать на Нарву.

В Нарве их хотели арестовать и уже выводили из вагонов. Спасло их заявление, что они «делегаты» какой-то «революционной» части и что они «едут в штаб Северного фронта, по вызову самого штаба». Выйдя из вагонов, они разъединились и, смешавшись с толпою каких-то солдат, с большим риском вновь быть задержанными, выехали на Псков, по новой дороге, построенной во время войны.

Все эти приключения привели к тому, что Грамотин и Соловьев прибыли в Псков 3-го марта в 5-м часу (утра), т. е. несколькими часами позже отбытия из Пскова Государя Императора.

В Пскове они узнали, что Государь Император действительно был там и отбыл обратно в Могилев. Более точные указания и ориентировку офицеры, посланные Ее Величеством, надеялись получить в штабе генерала Рузского.

В штаб прибыли около 5-и часов, где встретили неизвестного им генерала[231], которого просили доложить главнокомандующему Северного фронта, что они прибыли с очень срочным донесением из Царского Села. «Очевидно, (как вспоминает есаул А. Грамотин) генерала Рузского разбудили. Он принял нас в полутемном помещении, хмурый и злой, закутанный в какой-то теплый халат, с шарфом на шее и в валенках. Узнав о том, что мы командированы Государыней Императрицей к Его Величеству, главнокомандующий Северным фронтом отозвался очень неодобрительно о цели нашей миссии, добавив – «поздненько, господа, поздненько» и еще что-то очень неприятное для нас».

После долгого ожидания в штабе генерала Рузского, хорунжий Грамотен и поручик Соловьев получили удостоверение из штаба фронта о беспрепятственном проезде в Могилев, через Двинск.

---

[231] Генерал Болдырев.

Выехав вечером из Двинска 3-го марта, прибыли в Могилев 4-го и вручили письма Государыни Императрицы командиру Конвоя, для доклада Его Величеству.

Прибытие в Псков к генералу Рузскому из гарнизона Царскосельского Александровского Дворца офицера Конвоя и офицера Сводного Пехотного полка, отмечает в своем дневнике генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта генерал Болдырев: «Молодые офицеры, отправившиеся из Царского Села прибыли в Псков. Оба приверженцы порядка старого и в частности – «Ее Величества» – Я спросил их, кого им надо. – «Мы едем к Государю, думали застать Его здесь; не откажите сказать, где теперь Его Величество». – Я им сказал: «В Ставке» – «От кого же вы имеете поручение и к кому?» – Замялись сначала, а потом сообщили, что к Государю – «хотим осветить правдивое положение дел».

Когда их принял Рузский, они сознались, что везут по письму, кажется дубликаты, Государю от Ее Величества...»[232]

3-го марта

Литерные поезда подходили к Могилеву. – «В нашем Свитском поезде (как вспоминает есаул С. Лавров), в пути почти никто не разговаривал. Каждый из нас, в подавленном душевном состоянии, искал одиночества в своем купе».

Для встречи Государя Императора на военную платформу станции Могилев, к 19-ти часам прибыли находившиеся в Ставке Великие Князья и в большом количестве офицеры Штаба Верховного Главнокомандующего, во главе с Начальником Штаба генерал-адъютантом Алексеевым.

Как всегда, у места остановки Царского вагона, выстроился, по правилам службы Конвоя, соответствующий наряд – Встреча Его Величества в составе: хорунжего Н. Галушкина, одного урядника и трех казаков.

---

[232] С. Мельгунов. «Опыт исторического анализа». Тетрадь десятая. Стр. 135.

Железнодорожная администрация сообщила о подходе Литерных поездов. Присутствующие на платформе офицеры выстроились в одну шеренгу, на правом фланге которой находились Великий Князь Сергей Михайлович и Великий Князь Борис Владимирович.

В темноте показались ярко светившиеся огни паровоза подходившего Литерного поезда. Это был поезд Литера «А» – «Собственный» поезд, шедший первым. Его ход был особенно медленным и остановка почти неприметной. Было 20 часов и 20 минут.

Первым из поезда вышел командир генерал граф Граббе и, поздоровавшись с офицером Конвоя, спросил, известно ли об отречении Государя Императора. Офицер ответил, что никто этому слуху не верит. – «К несчастью России это так», сказал командир и удалился обратно в вагон поезда.

Через две-три минуты, на площадку Царского вагона вышел конвоец-ординарец Его Величества и дал знак офицеру о выходе Государя Императора.

Встреча Конвоя воински приветствовала Государя Императора, выходившего из Своего вагона. Государь имел на Себе форму 6-го Кубанского казачьего Его Величества пластунского батальона. За Государем следовал Его ординарец.

Государь Император изволил дать руку офицеру Конвоя и обратился к казакам с обычным Своим ласковым приветом. – «Здравия желаем Ваше Императорское Величество!», громко ответили казаки конвойцы. – Государь остановился и, приложив руку к головному убору, произнес: «Спасибо за службу, казаки!» – Затем вторично подал руку офицеру, тихо добавив: «Благодарю и вас!»

Впереди всех встречавших Государя Императора стоял генерал Алексеев. Государь поздоровался с ним и, приняв от него рапорт, прямо направился к Великим Князьям и обняв и поцеловав их, стал обходить строй г.г. офицеров, здороваясь с каждым из них в отдельности.

Обойдя всех, Государь принял в Своем вагоне генерала Алексеева. После беседы с ним, в сопровождении генерал-адъютанта гр. Фредерикса и Своего ординарца, отбыл в Свою Резиденцию, куда и прибыл в 21 час 30 минут.

При входе Государя Императора в губернаторский дом, Его встретил помощник командира и командир дивизиона Конвоя, находившегося в Ставке, полковник Киреев и, от имени всех офицеров и казаков Конвоя, просил Его Величество принять их верноподданические чувства.

В губернаторском доме находился усиленный внутренний караул Конвоя. В 22 часа в губернаторский дом прибыл Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего и был принят Его Величеством.

Офицеры дивизиона Конвоя, собравшись в одной из своих комнат гостиницы «Париж», с тревожным волнением ожидали возвращения полковника Киреева и хорунжего Галушкина. Оба прибыли одновременно. Впереди шел полковник Киреев. Он шел как в бреду, как-то странно размахивая правой рукой и, казалось, как бы разговаривал сам с собою.

Подойдя к офицерам, он неожиданно зашатался и, подхваченный ими, упал на кровать и зарыдал... «*Итак, свершилось! – Россия потеряла Благочестивейшего своего Государя Императора, и милость Божия отошла от нее...*»

4-го марта.

Стало известным о прибытии в Могилев из Киева Государыни Императрицы Марии Федоровны. На военную платформу станции Могилев к 11 часам прибыли Великие Князья Сергей Михайлович и Борис Владимирович. К этому же времени для встречи Их Величеств был выслан наряд Конвоя: хорунжий П. Ергушев с одним урядником и тремя казаками Л.-Гв. от 4-й Терской сотни. После 12-ти часов прибыл на станцию Государь. Его от Конвоя сопровождали командир и ординарец Его Величества вахмистр Пилипенко.

Поезд из Киева со Вдовствующей Императрицей запаздывал. Сильно морозило. Государь Император отошел от всех в сторону и один гулял по платформе. Наконец, вдали показался поезд Государыни Императрицы. Государь скорым шагом направился к месту остановки поезда и вошел в вагон Своей Августейшей Матери, едва поезд остановился. – Вскоре затем из вагона вышли Государыня Императрица, Государь Император и прибывший из Киева Великий Князь Александр Михайлович. – Государыня изволила поздороваться с офицером и казаками Конвоя, стоявшими у Ее вагона и сейчас же сказала Государю: «Я надеюсь, что они не будут здесь стоят на морозе». – Государь повелел офицеру снять «Встречу», и казакам войти в вагон, в котором находились конвойцы, сопровождавшие Государыню из Киева.

Государыня Императрица Мария Федоровна обошла встречавших Ее Великих Князей, лиц Государевой Свиты и чинов Ставки. Никакой (вспоминает П. Ергушев) перемены не было заметно на Ее лице. Царственно-спокойный вид, приветливая улыбка. По обыкновению, для каждого у нее нашлось ласковое слово. Поздоровавшись со всеми, Государыня Императрица, вместе с Государем Императором удалилась в находившийся на военной платформе деревянный сарай, где Их Величества оставались довольно долгое время наедине.

Вечером к обеду Государь прибыл на станцию в поезд Государыни Императрицы, оставшейся в Могилеве до отбытия Государя в Царское Село. За все время пребывания Государыни Императрицы Марии Федоровны в Могилеве, к Ее поезду высылался караул от сотен Конвоя, находившихся в Ставке.

5-марта.

Воскресенье. К началу Богослужения в Могилевский собор прибыли и стали на свои места конвойцы и солдаты рот

Сводного Пехотного полка. Задолго до начала службы, масса народа, главным образом крестьян из ближайших к Могилеву сел, заполнили храм и прилегающую к нему площадь. Все ждали прибытия Государя Императора. Вдовствующая Императрица прибыла в собор после Государя.

Как только показался Государь, народ, приветствуя Его, окружил Его Величество настолько, что Он принужден был двигаться очень медленно, временами останавливаясь. Крестьяне, сняв шапки, низко кланялись Государю. Многие крестились. Женщины плакали.

Дети из города Могилева, бывавшие со своими родителями и раньше в соборе, в дни посещения его Государем и зная, что Государь всегда кому-нибудь из них отдавал Свою просфору, по окончании службы, сами подошли к Государю, но на этот раз Государь отдал просфору маленькой крестьянской девочке, которую на руках держала ее мать. Это было последнее непосредственное общение Государя Императора с русским народом.

Первые дни по возвращении Государя в Ставку жизнь ее, внешне, почти не изменилась. Так же продолжали видеть Государя, по утрам проходящего в Штаб Верховного Главнокомандующего, в сопровождении конвойца – Своего ординарца. Так же ежедневно после завтрака Государь с лицами Своей ближайшей Свиты совершал загородные прогулки. Так же в определенные часы (в две смены) чины Штаба и офицеры воинских частей, находившихся в Ставке, большими группами тянулись на завтраки и обеды в Собрание, в столовой которого лишь смолкала обычная ее шумливость. Было тихо, и никто не нарушал эту траурную тишину. Временами казалось, что все случившееся в Пскове лишь кошмарный сон! Но... действительность была другая, и последовал новый удар – неизбежность подчинения приказу о снятии с погон дорогой Эмблемы – Вензелевого изображения Имени отрекшегося от Престола Государя Императора.

Только тот, кто, служа в Шефских частях, лично сам пережил эту трагедию, может понять всю глубину душевных страданий при исполнении этого приказа.

С каждым днем в Ставке чувствовались последствия совершившегося «добровольного» отречения от Престола Главы Российского Государства и наступившей – «великой и бескровной». – Толпы на улицах города стали обычным явлением. Нередко в них были заметны и одиночные солдаты. Некоторые здания правительственных учреждений «украсились» красными флагами, а на стенах их появились расклеенные экземпляры всевозможных воззваний новой власти и, среди них, преступный «приказ № 1-й», призывавший армию к развалу ее дисциплины. На площадях учинялись митинги. Распинались местные и приезжие «ораторы», призывавшие к «углублению революции».

Дивизион Конвоя и роты Сводного полка, бывшие в Ставке, полностью стояли в стороне от этих событий и продолжали нести свою службу. Охрана губернаторского дома неслась прежним порядком, но караулы Конвоя и Сводного Пехотного полка были усилены и, по приказанию полковника Киреева, во дворе гостиницы «Париж» находилась очередная дежурная пешая сотня Конвоя, в полной готовности к вызову. Другая сотня оставалась в казарме, также в полной готовности к вызову конной.

В один из этих дней из Штаба Верховного Главнокомандующего было получено сведение, что неизвестная банда солдат, проезжавших через могилевскую станцию, самочинно пыталась произвести обыск в поезде Великого Князя Бориса Владимировича.

В распоряжение Великого Князя был послан хорунжий Галушкин со взводом казаков Л.-Гв. от 1-й Кубанской сотни. Великого Князя больше никто не беспокоил, но от коменданта станции Могилев было получено странное сообщение, что на одной из железнодорожных станций между Могилевом и Оршей – «находится эшелон Конвоя».

Офицер Конвоя, поспешивший к телефону, попросил соединить его с начальником этого эшелона. На вопрос: «кто у телефона?» – последовал ответ: «Начальник эшелона Царского Конвоя, иду в Могилев с особой задачей». – Слыша незнакомый голос, офицер попросил «конвойца» назвать свою фамилию. – Ответ: – «Штабс-капитан Иванов».

Наименование «Царский» Конвой, пехотный чин и сама фамилия отвечавшего (Ивановых в Конвое не было), свидетельствовали о самозванстве.

По тревоге прибыл на вокзал командир Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни есаул Г. Рашпиль, с остальными тремя взводами сотни.

Эшелон «штабс-капитана Иванова» так в Могилев и не прибыл. Позже было установлено, что у телефона был предводитель одной из революционных банд, разъезжавшей по железной дороге и обезоруживавший на станциях жандармов.

На другой день Великий Князь Борис Владимирович, поблагодарив офицера и казаков, отпустил их, задержав при себе одного урядника и трех казаков для своей личной охраны. (Великий Князь был тогда походным Атаманом Казачьих Войск.)

Революционные настроения захватили и солдат Георгиевского батальона (батальон прибыл обратно в Ставку). Стали говорить о предполагавшемся каком-то выступлении этой части. Однако это выступление не было неожиданным. По сведениям офицеров этого же батальона, демонстрация была разрешена командиром батальона и, во избежание каких-либо эксцессов со стороны солдат, офицерам батальона было приказано присутствовать.

Как только (от тех же офицеров батальона) определилось время выступления георгиевцев, полковник Киреев приказал дежурной сотне, находившейся во дворе гостиницы «Париж», с утра этого же дня начать незаметное сосредоточивание к губернаторскому дому.

Это надо было провести незаметно и от самого Государя, т. к. всякое видимое усиление охраны производило на Него неприятное впечатление, что особенно сказалось в Пскове, когда Государь открыто выразил неудовольствие инициативой, проявленной хорунжим Лавровым.

Прибытие дежурной сотни из гостиницы «Париж» в губернаторский дом и усиление ею внутреннего караула было произведено через различные промежутки времени отдельными небольшими командами, по внешности похожими на обычные смены караулов и отдельных постов.

Со стороны казарм, занимаемых Георгиевским батальоном, послышалась музыка. Полковник Киреев, заняв сотней сад перед губернаторским домом, выслал вперед на улицу наблюдательные посты под командою сотника Шведова. Вскоре показался и сам батальон.

Батальон шел стройно, со своим оркестром музыки, имея в голове колонны красный флаг. Несчастные офицеры, находясь в подобном строю, выглядели мучениками.

Не доходя до губернаторского дома, батальон, изменив направление, вышел к Днепровскому проспекту. За все время пребывания в Ставке отрекшегося от Престола Государя, это было единственным выступлением воинской части[233].

Ожидался приезд в Ставку Великого Князя Николая Николаевича, назначенного Государем Императором Верховным Главнокомандующим. Конвой Его Величества был переименован в Конвой Верховного Главнокомандующего. Для офицеров Конвоя это было полной неожиданностью!

Как могло произойти это переименование, никто не мог себе представить! В Ставке усиленно говорили о том, что это

---

[233] Генерал Алексеев потребовал от офицеров Георгиевского батальона, их жертвенного присутствия, чтобы избежать нечто худшее, чем маршировка солдат с красным флагом по улицам города Могилева.

была личная просьба графа Граббе. Офицеры Конвоя в этом сомневались, ибо эту бестактную поспешность с переименованием трудно было связать с его именем.

От имени всех офицеров полковник Киреев обратился к графу Граббе с просьбою пояснить, как могло это случиться, и действительно ли верно, что сам граф в этом переименовании принимал какое-то участие.

Граф Граббе лично прибыл к офицерам и сообщил, что он руководствовался в создавшемся положении своим убеждением, что после отречения от Престола Государя Императора за Себя и за Наследника Престола и последовавшего затем отречения Великого Князя Михаила Александровича, единственным представителем Династии является, ожидавшийся в Ставке, Великий Князь Николай Николаевич, одним из последних повелений Государя Императора назначенный на пост Верховного Главнокомандующего, а потому Конвой, состоя при нем, сохранит преемственность службы Династии.

При всем глубоком уважении к своему командиру, это его поспешное и личное решение всеми офицерами Конвоя было осуждено, что и было ему честно, открыто и немедленно же доложено старшим офицером полковником Киреевым.

8-го марта.

Последний день пребывания Государя в Ставке. Полковник Киреев объявил офицерам, что в 10 часов 30 минут в зале управления дежурного генерала Государь Император будет прощаться со всеми чинами Ставки. Одновременно им же было отдано приказание вахмистрам и взводным урядникам прибыть к назначенному времени в зал управления.

Офицеры Конвоя несколько запоздали. Большой зал был переполнен чинами Штаба Верховного Главнокомандующего и других учреждений Ставки. Всем распоряжался Начальник Штаба генерал Алексеев. По его распоряжению офицерам Конвоя было указано

место на левом фланге всех выстраивающихся офицеров, а казакам Конвоя (также и солдатам-представителям рот Сводного полка) вдоль лестницы, ведущей в зал.

Гул тихих разговоров в зале прекратился командою генерала Алексеева: «Смирно! Г.г. Офицеры!» – Послышался громкий ответ казаков и солдат на приветствие их Государем Императором.

В зал вошел Государь. Остановившись посредине зала, Государь обратился к присутствующим в зале с речью. Государь говорил отчетливо. При мертвой тишине особенно ясно были слышны слова Государя, но... из офицеров Конвоя никто не мог точно воспроизвести и удержать в памяти того, что говорил Государь.

Общее их волнение было таково, что воспринимались ни слова, а только лишь звуки. От сознания, что Государь прощается, холодело сердце... Слова Государя Императора – «Сегодня Я вижу вас в последний раз...» – терзали душу и, с каждым новым словом Государя, нарастало такое небывалое волнение, что его сдержать не было сил... и с разных сторон послышались стоны и сдавленное рыдание.

Государь, начавший говорить наружно спокойно, сам заметно стал сильно волноваться, голос Его дрогнул и Он смолк.

Прервав Свою речь, глубоко взволнованный Государь, начал обходить строй офицеров и прощаться с ними. Началось общее, уже ничем несдерживаемое, такое волнение, которого Государь не смог выдержать и, приостановив Свой обход, быстро направился к выходу.

Но выходя из зала и увидев на левом фланге офицеров Конвоя, Государь направился к ним. Подойдя к офицерам, Государь окинул их внимательным взглядом и обнял стоявшего правее всех, разрыдавшегося полковника Киреева, и поцеловал его.

В этот же момент бывший в общей шеренге офицеров Конвоя хорунжий С. Лавров, потерял сознание и, во весь свой большой рост, упал прямо головою к ногам Государя Императора...

Государь вздрогнул, что-то быстро проговорил, разобрали лишь слова: «С вами, дорогие, еще увидимся...» – и, не обходя

остальных, вновь пошел к выходу. К Государю Императору быстрым шагом подошел генерал Алексеев и, обняв Его, пожелал Государю – «счастья в новой жизни!»...

Вскоре командиром было передано Личное пожелание Государя еще раз, перед отбытием из Ставки, видеть офицеров Конвоя и Сводного полка. – Офицеры прибыли в зал губернаторского дома, где обычно собирались все приглашенные к Высочайшему столу, и ожидали выхода Его Величества перед завтраком и обедом.

Вдоль стен зала, на одной стороне его, выстроились офицеры Конвоя, на другой – Сводного полка. – В зале было полное молчание и тихо, как в храме перед выносом Святых Даров. – Прошло несколько минут. Взоры всех были устремлены на двери Государева кабинета.

Как-то сразу двери открылись, и показался Государь! Он сначала остановился в дверях, а затем медленно стал входить в зал. Государь был в той же серой черкеске, при черном бешмете, в которой Он и отбыл из Ставки в ночь с 27-го на 28-е февраля.

Казалось, что Государь не шел, а как-то парил в воздухе. Его глаза светились исключительной ласкою и любовью... – Остановившись среди зала, Государь не произнес ни одного слова и, наклонив голову, молчал...

Это Его безмолвное прощание со Своими офицерами никто не в силах описать и передать! – Всех охватил трепет и беспредельное волнение. Сознание, что наступил такой ужасный конец службы при Его Величестве, терзало душу, а судорога тело. Нельзя было удержать нахлынувших и душивших слез...

Государь стал прощаться с офицерами. Со стороны показалось бы, что это была обычная беседа Его Величества с офицерами, часто бывавшая по праздникам, после Высочайшего завтрака.

Государь подходил совсем близко к каждому офицеру, и каждому из них жал руку и говорил, своим мягким задушевным голосом, слова Своей благодарности за службу при Нем. Его голос был тих. Он старался сдерживать Свое собственное волнение и быть, как всегда, царственно-спокойным, но Его чудные, ласковые

и добрые Царские глаза выражали другое – беспредельную скорбь и страдание…

Попрощавшись со всеми офицерами, Государь удалился в Свой кабинет и сразу же вернулся оттуда, пожаловав офицерам Конвоя статуэтку конвойца. – Передавая офицерам Свой прощальный подарок, Государь заметил: «У меня таких две, одну Я сохраню на память о вас.»[234]

Затем Государь еще раз обошел всех, и направляясь к выходу из зала, остановился, сделал общий поклон и произнес:

«Благодарю вас всех еще раз! Служите Родине так же верно,
как служили Мне!»

Офицеры направились к выходу и стали по ступенькам лестницы, ведущей в вестибюль губернаторского дома.

Его Величество Государь Император Николай II Александрович медленно сходил по лестнице и, отдавая честь, внимательно, как бы желая запомнить лица офицеров, ласково каждому смотрел в глаза. За Государем следовали офицеры и окружили Его в вестибюле.

Здесь, увидев Своих трубачей и вахмистров сотен Конвоя, павших на колени и рыдавших, Государь больше не мог владеть Собою, Он сильно побледнел, и у Него от слез заблестели глаза.

Расцеловавшись с трубачами и вахмистрами, Государь поручил им передать всем казакам Конвоя Его прощальный привет и благодарность за службу. Обратившись к офицерам, Государь произнес: «Прошу вас, остаться здесь!»

Около 12 часов от губернаторского дома тихо отошел Царский автомобиль. С опустошенными душами смотрели офицеры вслед удалявшемуся от них Государю Императору.

Отбывшего Государя сопровождал конвоец-ординарец Его Величества вахмистр Пилипенко.

---

[234] Статуэтка была слеплена с урядника Солнышкина, казака станицы Калиновской.

Это последнее прощание Государь отметил в Своем дневнике такими словами: «Дома Я прощался с офицерами и казаками Конвоя и Сводного полка. Мое сердце разрывалось...» (Дневник Государя Императора. Стр. 314. Немецкое издание. 1923 год).

Прибыв на вокзал, Государь проследовал к поезду Государыни Императрицы Марии Федоровны, стоявшему на военной платформе. У входа в вагон Ее Величества Государя ожидала Встреча Конвоя – хорунжий Е. Ногаец с казаками, сопровождавшими Вдовствующую Императрицу из Киева.

В 16 часов 30 минут Государь Император вышел из вагона Своей Августейшей Матери, попрощался с лицами Своей ближайшей Свиты и, сопровождаемый гофмаршалом генералом князем Долгоруковым, перешел в Свой вагон. На вокзале Государя провожала масса взволнованных людей, сердечно Его приветствовавших.

Без четверти 17 часов тронулся поезд, увозивший Государя Императора. От чинов Конвоя при Государе находился ординарец Его Величества. Больше к Государю никто не был допущен[235]*.*

Вскоре отошел в Киев поезд Государыни Императрицы Марии Феодоровны.

Перед Своим отбытием из Могилева Государь обратился к войскам с написанным Им последним прощальным приказом, который передал генералу Алексееву.

> «В последний раз обращаюсь к вам, горячолюбимые Мною войска. После отречения Мною за Себя и за Сына Моего от Престола Российского, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути Славы и благоденствия. Да поможет Бог и

[235] К Императорскому поезду, по распоряжению Временного Правительства, был включен вагон с четырьмя членами Государственной Думы. (Бубликов, Вершинин, Калинин и Грибунин.)

вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага.

В продолжении двух с половиною лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу; много пролито крови, много сделано усилий и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника.

Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его, тот изменник Отечества, его предатель!

Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине.

Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий!

8-го марта 1917. Ставка.

Николай».

Этот исторический приказ добрейшего и благочестивейшего нашего Государя Императора, призывавшего армию к защите Родины, никогда войскам не был объявлен. Армия узнала о его существовании и содержании по ходившим рукописным спискам.

Временное Правительство запретило обнародование этого последнего обращения Государя Императора к русским воинам, в котором Государь призывал войска к повиновению этому же правительству.

Кроме этого, ничем не оправдываемого поступка, Временное Правительство, приняв на себя исполнение предъявленных к нему Государем условий, коварно нарушило свое обещание.

4-го марта Государь передал генералу Алексееву записку, в которой Он требовал от Временного Правительства исполнения известных гарантий, в отношении Себя и Своей Семьи.

«В карандашной записи, написанной Собственноручно Императором Николаем II и послужившей опросником для генерала Алексеева, было сказано: «Потребовать от В. П. след(ующие) гарантии»: Их было четыре:

«1. О беспрепятственном проезде Моем с лицами Меня сопровождающими в Царское Село.

2. О безопасном пребывании в Царском Селе до выздоровления детей, с теми же лицами.

3. О беспрепятственном проезде до Романова на Мурмане, с теми же лицами.

4. О приезде, по окончании войны, в Россию, для постоянного жительства в Крыму – в Ливадии.»[236]

«Записка эта 4-го же марта за № 54 генералом Алексеевым была препровождена председателю Правительства князю Львову, кроме последнего пункта». – «Алексеев четвертого пункта Львову не передал, считая в данный момент его неразрешимым.» (С. Мельгунов: «Судьба Императора Николая II». Стр. 24).

Утром 6-го марта пришел ответ из Петрограда. Генерал Алексеев получил телеграмму: – «Временное Правительство разрешает все три вопроса утвердительно; примет все меры, имеющиеся в его распоряжении: обеспечит беспрепятственный проезд в Царское Село, пребывание в Царском Селе и проезд до Романова на Мурмане. Министр-председатель князь Львов».

На телеграмме пометка: «Перевод сообщить Вильямсу. 7 марта 1917. г. Послано 6 марта 1917 г. 12 ч. дня. 1) Его Величеству, 2) Адмиралу Нилову и о том же сообщено на Кавказ.»

(«Красный Архив». Стр. 53–55. Том II – Н. Тальберг – «Пролог Екатеринбургской трагедии».)

Но Временное Правительство, «разрешив все три вопроса утвердительно» и официально сообщив генералу Алексееву, что

---

[236] С. Мельгунов в своей книге: «Судьба Императора Николая II», на стр. 22-й, отмечает, что – «В газетах было сообщено 5-го марта, – Царь выехал в *Ливадию*...»

«примет все меры, имеющиеся в его распоряжении», для выполнения предъявленных и принятых им условий Государя Императора, на другой же день – 7-го марта, вероломно нарушило взятое на себя обязательство своим же постановлением: – «Признать отрекшегося Императора и Его Супругу лишенными свободы»...

Это незаконное и коварное постановление Временного Правительства было сообщено Государю Императору членами Государственной Думы 8-го марта, при отбытии Его Величества из Могилева в Царское Село.

Киев[237]

В Киеве, во время войны, с 1916 года изволила пребывать Вдовствующая Государыня Императрица Мария Федоровна. Резиденцией Ее Величества был Удельного Ведомства Киевский Императорский Дворец.

От Конвоя при Государыне Императрице находилась и несла службу охраны Дворца полусотня Л.-Гв. 5-й Сводной сотни. С полусотней из офицеров Конвоя в Киеве были подъесаул А. Федюшкин (командир полусотни) и хорунжий Е. Ногаец. Впоследствии, при выступлении Л.-Гв. 4-й Терской сотни на фронт и отбытия с нею подъесаула Федюшкина, в командование полусотней вступил хорунжий А. Рогожин.

Пребывая в Киеве, Государыня Императрица ежедневно выезжала в город. При всех этих выездах, Ее Величество неизменно посещала госпиталя, в которых находились на излечении раненые офицеры, солдаты и казаки. В Киеве, кроме других военных госпиталей, был госпиталь Великой Княгини Ольги Александровны.

Государыня часто совершала и загородные выезды, на автомобиле по шоссе за Днепр, или на пароходе вверх по Днепру. Иногда Государыня Императрица отбывала в дальние

---

[237] По запискам офицеров Конвоя А. И. Рогожина и Е. М. Ногаец.

поездки, посещая Белую Церковь, Корсунь и другие места. Когда Государыня выезжала только в город, то Ее всегда сопровождали фрейлина Государыни графиня З. Г. Менгден и камер-казак Ее Величества, старший урядник Конвоя Тимофей Ящик. При выездах же Государыни за город, кроме лиц Ее Свиты, Государыню сопровождали офицеры Конвоя.

Государыня Императрица Мария Федоровна, как и вся Царская Семья была искренне рада, когда Она имела возможность быт в непосредственном общении с народом. В одну из поездок на пароходе по Днепру Государыня сошла с парохода и, заметив работающих в поле крестьян, направилась к ним. Государыня подошла к группе крестьян и поздоровалась с ними. Крестьяне, совершенно не представляя, кто с ними говорит, (Государыня, как всегда, была в длинном черном платье, не имея на Себе никаких драгоценностей) – на приветствие Государыни ответили: – «Здравствуйте барыня!»... С любопытством окружив Государыню, крестьяне и работавшие с ними их жены, охотно отвечали на все задаваемые Государыней им вопросы. Затем сами спокойно и просто стали рассказывать Государыне о своей жизни, указывая на свои нужды и на то, как у некоторых из них сильно пострадало хозяйство из-за разлива Днепра, когда погиб почти весь их скот. – Государыня, желая знать подробности постигшего их несчастья, внимательно их слушала.

Все эти крестьяне и их семьи не верили своему счастью, когда узнали о том, что о их нуждах интересовалась и так просто и свободно с ними разговаривала *Сама Царица-Мать Императора Всероссийского, на другой же день приславшая пострадавшим крестьянам щедрую денежную помощь!*

Эта прирожденная Царская доброта, приветливость и простота особенно проявлялась у Великой Княгини Ольги Александровны к раненым воинам, находившимся на излечении в Ее госпитале.

Великая Княгиня, как только имела к тому возможность, сама выводила из своего госпиталя группу раненых солдат и, усадив их в один из вагонов городского трамвая, вывозила раненых на прогулку на Подол и окраину города. Был случай, когда в такой вагон, занятый солдатами, неожиданно вошел генерал. Кто мог из раненых, быстро встал, отдавая честь генералу, а более слабым Великая Княгиня не позволила вставать и усадила их обратно на скамьи.

Генералу такое поведение «сестры милосердия» не понравилось, и он, (не узнав Великую Княгиню) строго произнес: «Сестра! – явитесь в Комендантское Управление»... Во Дворце узнали от князя Шервашидзе, что Великая Княгиня, вызвав его к телефону, сказала... «Князь, передайте Маме, что я не могу у Нее быть сегодня. – Я сижу в Комендантском по приказанию неизвестного мне генерала. Когда я пришла сюда, то дежурный адъютант сказал – «обождите!» – И вот я сижу здесь почти час, а мне надо быть на работе в госпитале... Попросите, чтобы меня отпустили!..»

Так, работая в госпитале и заботясь о своих раненых, была проста, добра и скромна Великая Княгиня Ольга Александровна!

25 Февраля.

Первые вести о беспорядках, начавшихся в Петрограде, были получены на Дворцовом телеграфе 24-го февраля около 22-х часов. (Контора телеграфа помещалась в самом Дворце). Сведения эти были кратки и не ясны. Первоночально им никто не придавал особого значения. Жизнь во Дворце продолжала течь нормально.

26-Февраля.

В течение дня стали получаться уже более определенные и тревожные сведения о том, что беспорядки в столице Империи расширяются и что уличные демонстрации начинают принимать характер открытого бунта...

Командир полусотни Л.-Гв. 5-й Сводной сотни хорунжий А. Рогожин и командир роты Сводного Пехотного полка капитан В. Богенский, бывший со своею ротою также в охране Киевского Императорского Дворца, усилили караулы от Конвоя и Сводного полка, доведя их до половины состава всех своих людей. Во Дворец был перенесен запас всех имевшихся при полусотне патронов.

Государыня Императрица Мария Федоровна по-прежнему совершала свои ежедневные прогулки в большом парке Дворца, выходившим на Днепр, и поездки в автомобиле по городу, продолжая посещать военные госпиталя. Прекратились лишь, в связи с событиями в Петрограде, загородные выезды Ее Величества, которые Государыня особенно любила. – Подробности развивающегося в столице бунта мало кому были известны. Из местных газет их нельзя было узнать, ибо они выходили с большими пробелами в текстах.

27 Февраля.

С утра стали поступать вести одна хуже другой, а к вечеру были получены сведения, что весь Петроград охвачен бунтом! Дворцовый телеграф перестал работать, и связь с Петроградом была прервана. В связи с этим, во Дворце, хотя внешне были все спокойны, общее тревожное настроение заметно увеличилось. – Хорунжий А. Рогожин, разъясняя обстановку казакам и делясь с ними имеющимися у него сведениями о положении в Петрограде, напомнил им о том, что они должны быть особенно бдительными, твердыми и стойкими в исполнении общего долга – охраны Священной Особы Августейшей Матери Государя Императора. – В ответ на это казаки полусотни просили своего командира быть за них спокойным, т. к. «мы хорошо помним присягу!» – И действительно, во все последующие дни казаки Конвоя к своей службе относились с исключительным вниманием, проявляя выдержку и полное спокойствие.

28 Февраля.

От бывших в городе чинов охраны Дворца стало известным, что на улицах города прежние небольшие собрания случайных людей и собираемые ими летучие митинги превратились в громадные толпы народа, запрудившие все улицы и почти прекратившие всякое на них движение. В городе чувствовалась полная растерянность военных и гражданских властей.

1 Марта.

Во Дворце особо тревожное положение. В городе начались массовые демонстрации. Хорунжий Рогожин приказал взводу, остававшемуся в казармах, каждую минуту быть готовым к вызову.

Толпы народа с красными флагами и оркестрами военной музыки, непрерывным потоком двигались по Александровской улице мимо Дворца. Пение революционных песен и звуки марсельезы совершенно ясно были слышны внутри Дворца, а бесконечные крики «ура», временами переходившие в рев, создавали впечатление, что толпа ринулась на Дворец.

Государыня Императрица Мария Федоровна ни на минуту не теряла присутствие духа. Совершенно спокойное отношение Ее Величества к происходившим демонстрациям ободряюще действовало на всех Ее окружающих. *Беседуя с офицерами, Государыня Императрица изволила заявить, что если бы толпа попыталась проникнуть во Дворец, Она не допустит кровопролития и выйдет к ней Сама... – Однако, во время даже самых бурных демонстраций не было сделано попытки проникнуть не только во Дворец, но и на задний его двор, непосредственно выходивший на улицу с воротами, остававшимися все время открытыми.*

2 Марта.

Распространился слух об образовании в городе новой власти – «революционной»! Она именовалась «Исполнительный комитет совета общественных организаций». Центром этой новой власти была киевская городская дума. В сущности, не было никакой власти!

От командующего войсками Киевского военного округа генерала Ходоровича и коменданта города генерала Медера не было никаких указаний и информаций обо всем, что происходило в городе. Однако, наружная охрана Дворца, назначаемая комендантом города от частей гарнизона, продолжала нести свою службу.

Местные газеты, вышедшие в этот день, появились с несдерживаемыми уже цензурой описаниями всех подробностей петроградских событий. Газеты сообщали о восстании запасных батальонов, об образовании «Временного комитета Государственной Думы», и были полны всевозможными «революционными воззваниями» и призывами к армии и народу.

В этих же газетах особо крупным шрифтом был помещен созданный в Петрограде фантастический миф о том, что «Собственный Его Величества Конвой в полном своем составе прибыл в Государственную Думу»…

Офицеры и казаки Л.-Гв. 5-й Сводной сотни, находившиеся в Киеве при Государыне Императрице Марии Федоровне, возмущенные этой наглой ложью и клеветою на родную Часть, знали о том, что в Петрограде не было ни одной сотни Конвоя и что там была только лишь нестроевая команда и команда их сотни, обслуживающая ими же оставленных в Петрограде лошадей.

И в самом Дворце в это явно провокационное сообщение никто вообще не верил, но оно все же тяжело переживалось казаками и в особенности офицерами Конвоя. – Об этом стало известно Государыне Императрице и Она поручила обер-гофмейстеру князю Г. Шервашидзе успокоить офицеров.

В комнату, где помещались офицеры Конвоя, пришел князь и сообщил им: «Ее Величество поручила мне передать вам, что Она ни на секунду не сомневается в лживости газетного сообщения, цель которого ясна!»

Такое особо исключительное внимание самой Государыни Императрицы глубоко тронуло не только офицеров Конвоя, но и всех находившихся во Дворце. Офицеры Конвоя просили князя Шервашидзе донести Ее Величеству о их верноподданической преданности и немедленно же поставили в известность казаков, как Государыня отнеслась к той лжи, которая была помещена в газетах.

3 Марта.

Из города донеслись страшные слухи, поразившие всех своим ужасом! – Передавалось о том, что якобы Государь Император отрекся от Престола…

При этой кошмарной вести, доносившиеся звуки музыки и крики непрекращавшихся демонстраций обезумевшего народа, воспринимались с невыносимою болью в сердце. – Последовало распоряжение о решении Государыни Императрицы немедленно же выехать в Могилев на встречу с Государем Императором.

От Конвоя Государыню сопровождали хорунжий Е. Ногаец, один урядник, два казака и камер-казак Ее Величества урядник Т. Ящик.

5 Марта.

Во время отсутствия Государыни во Дворец явилась комиссия от городского революционного комитета. Комиссия эта имела «особо важное задание», как торжественно заявили ее члены, заключавшееся в том, что комиссия должна была «обнаружить во Дворце беспроволочный телеграф», по которому якобы... «Государыня сносилась с немцами»!.. При этих глупых поисках, один из «милиционеров» (охранявших чле-

нов комиссии), особо рьяно предававшийся поискам, свалился с чердачной балки и основательно расшибся, что и послужило концом исполнения этой комиссией своей «особо важной» задачи.

О том, что дикая мысль о существовании во Дворце беспроволочного телеграфа действительно могла придти в голову представителям революционной власти, можно судить по воспоминаниям самого бывшего «военного комиссара» города Киева К. Оберучева.

Этот «участник великой русской революции» (как сам себя называет К. Оберучев), в своей книге пишет: – «какой то испуг, боязнь контр-революции, как бы овладел многими...» («В дни революции». К. Оберучев. Страница 44.)

Что представляла т. н. «милиция», созданная вместо «ликвидированной» государственной полиции, и как у этих милиционеров «развился вкус» к обыскам и арестам, б. комиссар Оберучев (на той же странице своей книги) дает следующее описание: – «На помощь пришла учащаяся молодежь, студенты, курсистки, а также и рабочие, которые добровольно взяли на себя обязанности полиции, получившей название милиции. Функции у нее остались те же: ловить воров, грабителей и прочее жулье, которого оказалось достаточно. А рядом с арестом воров у многих развился вкус и к предварительным арестам – «в порядке целесообразном» – «как покусителей на новый строй». И сколько было попыток арестовать инакомыслящих! Какой-то испуг, боязнь контрреволюции, как бы овладел многими...»

8 Марта.

До этого дня особых событий не происходило. Никаких других посещений Дворца представителями новой власти не было. Хорунжий Рогожин и капитан Богенский получили от

«исполнительного комитета общественных организаций» и из штаба командующего войсками округа сообщение, что на следующий день 9-го марта назначено войскам «шествие перед исполнительным комитетом и командующим войсками». Казакам Конвоя и солдатам Сводного полка предлагалось принять участие в этом «шествии». – Командир полусотни Конвоя и командир роты Сводного Пехотного полка на это предложение ответили категорическим отказом.

10 Марта.

Государыня Императрица, Великий Князь Александр Михайлович и все сопровождавшие Государыню вернулись из Могилева. После встречи Ее Величества, офицеры Сводного Пехотного полка и другие лица, находившиеся во Дворце, собрались в комнате офицеров Конвоя, дабы присутствовать при сообщении сопровождавшего Государыню Императрицу, хорунжего Ногайца следующих подробностей:

Поезд Государыни Императрицы Марии Федоровны состоял из пяти вагонов: салон-столовая, вагон Ее Величества, в котором при Государыне были Ее фрейлина графиня З. Г. Менгден и камерфрау. В третьем вагоне находились: Великий Князь Александр Михайлович, обер-гофмейстер князь Г. Шервашидзе, состоящий при Государыне Свиты Его Величества генерал князь С. Долгорукий и офицер Конвоя хорунжий Е. Ногаец. В четвертом вагоне – казаки Конвоя, ограниченное число прислуги и служащие железнодорожной администрации. Пятый вагон-кухня и необходимый при ней штат служащих.

Великий Князь Александр Михайлович в пути неофициально взял на себя должность коменданта поезда, и отдавал соответствующие распоряжения. Поезд Государыни Императрицы шел «вне расписания», и на каждой станции его задерживали. Несмотря на то, что на всех остановках Императорский поезд, со стоящими у вагона Государыни казаками Конвоя, привлекал всеобщее внимание толпившегося на

станциях народа, во все время пути следования поезда из Киева в Могилев и обратно, никто не позволил себе каких-либо демонстраций и революционных выступлений. – Едва поезд остановился на станции Могилев, Государь Император сразу же вошел в вагон Своей Августейшей Матери.

Вскоре Государь, Государыня и Великий Князь Александр Михайлович вышли из вагона. Государыня, поздоровавшись со всеми Ее встречавшими, довольно долго оставалась наедине с Государем на станции Могилев, после чего Государь отбыл в Свою Резиденцию – губернаторский дом.

Вечером того же дня (4-го марта), после 20-ти часов, Государь изволил прибыть к обеду в поезд Ее Величества. Кроме лиц, сопровождавших Государыню Императрицу, т. е. Великого Князя Александра Михайловича, князя Г. Шервашидзе, генерала князя С. Долгорукова, графини З. Менгден и офицера Конвоя Е. Ногайца, к Высочайшему обеду был приглашен Великий Князь Борис Владимирович. Поезд Великого Князя с его штабом (Штаб Походного Атамана Казачьих Войск) стоял недалеко от поезда Государыни Императрицы.

Во время этого обеда сам Государь и Государыня Императрица Мария Федоровна внешне были Царственно спокойны и, как обычно, ласковы и приветливы, но все остальные были подавлены совершившимся в Пскове страшным событием.

Сама Государыня почти не принимала никакого участия в разговоре. Глядя на Государя, Она старалась улыбаться, но эта улыбка не соответствовала тому, что выражали Ее печальные и грустные глаза.

Во время всего обеда Великий Князь Александр Михайлович старался вести и поддерживать разговор с Государем Императором. – Разговор шел или на отвлеченные темы, или Великий Князь докладывал Государю о своей поездке на фронт, из которой он только что вернулся. Государь внимательно и с большим интересом слушал доклад Великого Князя.

По тем вопросам, которые Государь ему задавал, было видно, насколько сам Государь был в курсе всех событий, происходивших на фронте. Государь знал не только наименование и расположение частей по всему фронту, но, благодаря своей исключительной памяти, Он называл фамилии тех командиров, которые стояли во главе этих воинских частей. – После обеда Государь оставался с Государыней Императрицей в Ее вагоне до 23-х часов.

На другой день (5-го марта) Государыня посетила службу в Могилевском Соборе и присутствовала на завтраке у Государя в губернаторском доме. После 16-ти часов Государыня в сопровождении графини З. Г. Менгден и Своего камер-казака вернулась на станцию Могилев, в Свой поезд.

Во все последующие дни пребывания Государыни Императрицы в Могилеве, Государь к вечеру приезжал на станцию и оставался в вагоне Своей Августейшей Матери до полуночи.

8-го марта, когда Государь, перед отбытием в Царское Село, завтракал в поезде Государыни Императрицы, очень много жителей города Могилева прибыло на станцию. Многие из них приблизились непосредственно к поезду и открыто выражали Государю свои добрые пожелания. Эта манифестация народа, в которой принимали участие не только мужчины, но и женщины, была исключительно трогательной. Все были глубоко взволнованы.

Это волнение среди собравшегося народа было особенно велико, когда к окну вагона подошли Государь и Государыня, и приветливо поклонились народу. – Все сразу же сняли шапки и фуражки, многие женщины плакали и крестили Государя и Его Августейшую Мать – Государыню Императрицу. Государь, описывая в Своем дневнике последний день в Могилеве, отмечает: «Глубоко взволнованная толпа провожала Меня»…

(Дневник Государя Императора. Стр. 314.)

Группа манифестантов, состоявшая главным образом из учащейся молодежи, подошла совсем близко к Царскому ва-

гону, у которого стояли конвойцы. Заметив это, Государь изволил поручить офицеру Конвоя (хорунжему Е. Ногайцу) раздать этой группе молодежи разрезанное самим Государем кинжалом на несколько мелких частей, одно из расписаний движения поезда. – *На обратной стороне каждой части разрезанного расписания была подпись Государя Императора: «...На память! – Н»*. Со слезами на глазах принимали эту драгоценную память те, кто имел счастье ее получить.

В 16 часов 30 минут Государь вышел из вагона Государыни Императрицы и, изволив поблагодарить за службу и попрощаться со стоявшими у вагона и ожидавшими выход Его Величества конвойцами (хорунжий Е. Ногаец, один урядник и два казака Л.-Гв. 5-й Сводной сотни), в сопровождении Великих Князей Александра Михайловича, Сергея Михайловича и Бориса Владимировича, направился к Своему поезду.

Поезд, увозивший в Царское Село Государя Императора, отошел со станции Могилев в 17 часов без четверти...

12 Марта.

Новая власть не посягала на перемену установленного порядка во Дворце, и вся жизнь в самом Дворце продолжала течь ничем не нарушаемая, но все были подавлены тяжелыми душевными переживаниями, и в сердце каждого царило негодование на тех, кто преступно содействовал тому, что Россия потеряла своего Благочестивейшего Государя Императора.

По воскресным дням офицеры Конвоя и Сводного Пехотного полка так же приглашались на Богослужение в церковь Дворца, к Высочайшему Выходу и к завтраку Ее Величества.

Государыня Императрица в разговорах с офицерами, попрежнему была неизменно ласкова и приветлива, и только новое – скорбное выражение Ее глаз, временами со следами слез, выдавало Ее переживания.

15 Марта.

Когда первый революционный угар стал ослабевать, и движение на улицах вошло в почти нормальный порядок, Государыня Императрица вновь стала выезжать в город в сопровождении фрейлины графини З. Г. Менгден и Своего камер-казака, урядника Конвоя Т. Ящика. – Вне Дворца было неспокойно! Солдаты понтонного батальона, в казармах которого помещались казаки Конвоя, полностью «восприяли революцию». Понтонеры, с которыми и раньше казаки не были близки, стали держать себя настолько вызывающе, что совместная жизнь с ними в одной казарме становилась трудно выносимой. Не исключалось и столкновение! Во избежание этого, командир понтонного батальона просил хорунжего Рогожина вывести казаков Конвоя из казарм его батальона, или внушить им, чтобы они... «хотя бы для видимости были революционными»... Командир полусотни Конвоя приказал казакам прекратить всякое общение с солдатами, и ни одного из солдат понтонного батальона не пускать в свое помещение. Не легче было казакам и на улицах города – вслед им неслись оскорбительные выражения, в особенности, когда казаки отчетливо отдавали честь встречным офицерам.

В результате такого отношения солдат гарнизона города к казакам Конвоя, сам командующий войсками Киевского военного округа, генерал Х. вызвал к себе хорунжего Рогожина.

Генерал был известен во Дворце, так как в особо торжественные дни приглашался туда, да и помимо того, часто сам заезжал во Дворец, узнавая все ли благополучно и не нужна ли его помощь.

Теперь он раздраженно стал упрекать хорошо известного ему командира полусотни Конвоя в том, что – «конвойцы своею контрреволюционностью доставляют ему много хлопот»!.. Командующий войсками закончил свою речь воскли-

цанием: «да уезжайте отсюда поскорее, куда хотите!»... Хорунжий Рогожин доложил генералу, что пока Ее Величество здесь в Киеве, он с вверенной ему полусотней будет продолжать нести службу при Государыне Императрице, а в дальнейшем поступить по приказанию командира Конвоя.

20 Марта.

По желанию Государыни 19-го марта состоялся прощальный Высочайший завтрак. На этом завтраке в Киевском Дворце присутствовали: Государыня Императрица Мария Федоровна, Великая Княгиня Ксения Александровна, Великая Княгиня Ольга Александровна, Великий Князь Александр Михайлович, супруг Великой Княгини Ольги Александровны – полковник Н. А. Куликовский, обер-гофмейстер князь Г. Шервашидзе, Свиты Его Величества генерал князь С. Долгорукий, фрейлина Государыни Императрицы графиня З. Г. Менгден, гофмаршал Двора Ее Величества полковник барон Н. Боде, и находившиеся в Киеве офицеры Конвоя: хорунжий А. Рогожин и хорунжий Е. Ногаец. Офицеры Сводного Пехотного полка: капитан В. Богенский, штабс-капитан Н. Завалишин, поручик В. Мартынов и поручик Ф. Озаровский.

Государыня Императрица выразила пожелание, чтобы все, кто имел честь быть на Ее прощальном завтраке, на память об этом дне расписались бы на меню завтрака. Сама Государыня изволила на каждом меню (оно было дано всем) написать:

«Мария. 1916 Киев 1917»

22 Марта.

Получено официальное сообщение об отбытии Ее Величества в Крым. – Государыня изволила выразить Свое пожелание иметь фотографии состоящих при Ней в Киеве

офицеров Конвоя и Сводного Пехотного полка, каждого в отдельности. (На своих фотографиях офицеры подписали чин и фамилию)

После отречения Государя Императора от Престола, казаки Конвоя и солдаты Сводного Пехотного полка, так же преданно исполняли свой долг и продолжали нести службу охраны Дворца Государыни Императрицы Марии Федоровны, до последнего дня пребывания Ее в Киеве. Конвойцы несли во Дворце внутренний караул, солдаты Сводного полка стояли на своих постах внутри парка Дворца.

Согласно решению Государыни, отъезд назначен на 23-е марта. – Сопровождать Государыню Императрицу разрешено лишь нескольким лицам из Ее ближайшей Свиты и самому ограниченному числу прислуги. Новые власти не разрешили с Государыней ехать всем, кто всегда при Ней состоял.

От командира Конвоя получено приказание – полусотне Л.-Гв. 5-й Сводной сотни, по отбытии Ее Величества в Крым, следовать в Петроград.

23 Марта.

Последний день службы чинов Конвоя в Киеве, при Государыне Императрице Марии Федоровне. – В этот день офицеры Конвоя получили приглашение к Высочайшему завтраку. – После завтрака, как всегда обходя всех приглашенных, Государыня изволила пожаловать офицерам Конвоя Свои фотографии с Собственноручной надписью:

«Мария». «Киев 1916–1917»[238]

---

[238] В период гражданской войны у А. И. Рогожина погибло имущество, а с ним и Высочайше пожалованный портрет Государыни. В годы эмиграции, в одном из писем к Великой Княгине Ольге Александровне, А. И. Рогожин с горечью сообщил Ей о поте-

Милостиво беседуя с офицерами, Государыня Императрица благодарила их за службу при Ней, и повелела передать казакам Ее «горячую благодарность!» – После 22-х часов все лица, состоявшие при Государыне в Киеве, собрались в вестибюле Дворца.

Оставляя Дворец, Государыня еще раз обошла всех, ласково прощаясь с офицерами и лицами Ее Свиты, остающимися в Киеве.

Затем Ее Величество, попрощавшись со стоявшими на посту парными часовыми-конвойцами и поблагодарив за службу всех чинов караула, поручила хорунжему А. Рогожину передать командиру, всем офицерам и казакам Конвоя – «прощальный привет!»

Состав поезда, в котором Государыня Императрица Мария Федоровна следовала в Крым, из предосторожности был подан на ближайший к Киеву железнодорожный разъезд, до которого Государыня и сопровождавшие Ее лица, должны были проехать на автомобилях.

Два представителя революционной власти прибыли проводить Государыню Императрицу до Ее поезда. Прибывшие лица держались в высшей степени корректно. – От чинов Конвоя Государыню сопровождал камер-казак Ее Величества, старший урядник Тимофей Ящик.

28 Марта.

Согласно приказания командира Конвоя, полусотня Л.-Гв. 5-й Сводной сотни отбыла в Петроград. Для лиц Свиты Государыни Императрицы, для офицеров и казаков Конвоя и чинов роты Сводного Пехотного полка, а также и для других

ре портрета Императрицы. Вскоре он получил точный дубликат пожалованного в Киеве портрета, с сообщением, что Государыня, узнав о пропаже, посылает такой же и с тою же Ее подписью.

лиц, служивших в Киеве при Императорском Дворце, был подан состав классных вагонов.

6 Апреля.

Путь был долог и беспокоен. Состав поезда почему-то попал в прифронтовую полосу. На всех станциях долго стоял. Бродившие на станциях солдаты по отношению к казакам держали себя вызывающе. Грубая брань, свист и угрозы конвойцам – «опричникам» были почти на всех станциях. На одной из них командир полусотни был окружен враждебно и угрожающе настроенной толпой солдат. – Нарастающий инцидент был прекращен подоспевшими вооруженными казаками полусотни. На станции Рогачев офицеры и казаки Конвоя расстались со своими верными друзьями – чинами Сводного Пехотного полка. Рота капитана Богенского получила приказание остаться в Рогачеве.

5-го апреля полусотня прибыла в Петроград. В это время сотен Конвоя в Царском Селе (Л.-Гв. 2-я Кубанская и Л.-Гв. 3-я Терская) уже не было. 30-го марта они отбыли на Кавказ. С ними же отбыла и петроградская команда казаков, оставив при лошадях полусотни, служившей в Киеве, необходимый наряд.

В Петрограде

Там находились: канцелярия Конвоя, команда казаков Л.-Гв. 5-й сотни – 35 человек, нестроевая команда и, при штабе Конвоя, три офицера – помощник командира по хозяйственной части, полковник барон Б. Унгерн-Штернберг, казначей (он же и квартирмейстер) есаул Б. Макухо и командир формирующейся сотни (Л.-Гв. 5-й) есаул В. Савицкий.

Адъютант Конвоя, подъесаул И. Ветер отсутствовал. Он сопровождал Великого Князя Георгия Михайловича, по повелению Государя Императора объезжавшего фронт Действующей Армии.

25 Февраля.

Есаул Макухо, по делам службы находившийся в городе, был случайным свидетелем столкновения на Невском проспекте полиции с митингующими толпами. Стрельба велась полицией поверх толпы, и у демонстрантов потерь не было.

В других частях города демонстрации происходили сравнительно мирно. К проходившим войскам демонстранты какой-либо враждебности не проявляли. Наоборот, толпа всюду шумно приветствовала воинские части. Бывший в этот день также в городе есаул Савицкий был свидетелем дружелюбного отношения толпы к офицерам. Он видел, как офицера, вышедшего из остановившегося автомобиля, подхватила толпа и стала его качать.

Сам есаул Савицкий, сворачивая от толпы на Литейной в боковую улицу и, попав полозом санок в трамвайную рельсу, был сразу же окружен толпой, участливо освободившей санки и проводившей его криками «ура!»

26 Февраля.

События начали принимать уже грозный характер. Происходившие в предшествовавшие дни демонстрации превратились в открытый бунт, при котором отношение к войскам, а в особенности к офицерам, резко изменилось. В разных частях города начались пожары. Доносилась сильная ружейная стрельба.

В командах Конвоя было спокойно, но офицерские семьи переживали большое волнение[239].

---

[239] В Конвое из 28 офицеров, было 10 семейных офицеров. В Петрограде находились семьи: графа А. Н. Граббе, барона М. Л. Унгерн-Штернберга (сестра), М. И. Свидина, принца А. П. Риза-Кули-Мирзы, Б. Д. Макухо, В. Д. Савицкого, К. И. Панкратова и И. А. Ветра.

В Царском Селе была семья В. Э. Зборовского (его мать и сестры). В Москве находилась семья Ф. М. Киреева.

27 Февраля.

По тротуарам Шпалерной улицы, мимо казармы и канцелярии Конвоя, началось сильное движение в направлении Таврического дворца. Днем было получено известие, что некоторые запасные батальоны взбунтовались и смешались с толпами демонстрантов. В подтверждение этого слуха, среди толпы, запрудившей уже всю Шпалерную улицу и направлявшейся в Государственную Думу, было видно много вооруженных солдат.

В городе пожары не прекращались. От горевшего Окружного суда по Шпалерной шел густой дым.

Среди солдат нестроевой команды было заметно сильное возбуждение. Солдаты команды смешивались с толпами народа и возвращались оттуда со всякими паническими сведениями. – *Нестроевая команда Конвоя (кроме урядников – заведывающих мастерскими) состояла из солдат – мастеровые, монтеры, дворники, сапожники и пр. нестроевых чинов.*

Полковник Унгерн-Штернберг приказал: 1) забаррикадировать ворота двора казарм, вход в канцелярию и в офицерские квартиры. – 2) Команде казаков выдать полный комплект боевых патронов. Находившиеся в оружейной мастерской винтовки перенести в казарму. – 3) Внутри, в воротах и в подъездах выставить часовых.

28 Февраля.

По Шпалерной, к Государственной Думе, двигались уже непрерывные густые толпы людей. *Многих из толпы привлекали закрытые ворота казарм и других зданий Конвоя, и их пытались силою открыть. Особо тревожное положение было, когда толпа начала громить «Дом предварительного заключения».*

Здание этого учреждения было смежным с казармами Конвоя. Долго были слышны глухие удары по закрытым воротам так

называемой «предварилки». – В результате ворота были выбиты пущенным в виде тарана грузовиком.

Разъяренная толпа требовала открыть ворота казарменного двора Конвоя.

При создавшемся положении и при наличии в казарме всего лишь одной небольшой команды казаков, (на солдат нестроевой команды нельзя было рассчитывать), все могло закончиться не только разгромом ворот, но самой казармы, охраняемого командой имущества и офицерских квартир, в которых находились семьи офицеров, бывших на службе в Царском Селе.

Дабы избежать этого неминуемого разгрома, команде казаков было отдано распоряжение самим открыть ворота, часовых снять, и вместо их выставить обычных дневальных, вооруженных одними револьверами. – Двор казармы сразу же был заполнен вооруженною толпою рабочих и солдат, с которыми быстро входило в контакт большинство солдат нестроевой команды, довольно скоро набравшихся революционного задора.

Вскоре вся эта вооруженная толпа рабочих и солдат, влекомая общим движением к Государственной Думе, покинула двор казармы, захватив с собою из гаража автомобиль командира Конвоя.

Желая спасти автомобиль, с ним отправился шофер и, успевший вскочить на ходу, один казак. Вернувшись из города, они сообщили, что всюду по городу шла беспорядочная стрельба. Стреляли по домам, где, как говорили, на крышах скрывались полицейские. Много зданий было в огне. Горели полицейские участки. – Они сами видели на Невском труп убитого офицера – безногого инвалида и слышали о творимых самосудах.

Бывший в этот же день в городе старший писарь штаба Конвоя вахмистр Почекай сообщил, что на Литейном толпа жгла бумаги разграбленного Окружного Суда, что взят Арсенал и толпою разграблено оружие, и что восставшими солдатами занята Петропавловская крепость.

Телефон не работал, и связь с Царским Селом нельзя было установить. – По Шпалерной улице, разрезая толпу, носились грузовые автомобили, переполненные солдатами и вооруженными рабочими. К Государственной Думе, мешаясь с толпою, проходили в относительном порядке отдельные взводы и роты солдат запасных батальонов, с красными флажками на штыках.

Шнырявшие в проходившую толпу солдаты нестроевой команды в большом возбуждении распространяли среди казаков сведения о том, что «на сторону восставших перешел весь петроградский гарнизон».

К Государственной Думе дефилировали уже целые воинские части с красными флагами.

1 Марта.

Поток массы солдат и вооруженных рабочих мимо казарм Конвоя начался уже с раннего утра. О Царском Селе вестей по-прежнему нет. В течение всей ночи с 28-го на 1-е, во дворе, в конюшнях и даже в казарме, появлялись группы вооруженных солдат, в сопровождении каких-то штатских.

Расспрашивали чинов нестроевой команды, где скрыто у казаков оружие. Несмотря на явное сочувствие нестроевых к происходившим событиям, солдаты этой команды не указали на то, что запас винтовок и патронов перенесен казаками в свою казарму.

Дежурные и дневальные казаки докладывали, что им пришлось всю ночь «выпроваживать товарищей», причем казаки, бывшие в наряде слышали, как какие-то подозрительные личности расспрашивали солдат нестроевой команды о «немецком бароне», и советовали им уговорить казаков арестовать и перебить своих офицеров.

Почти одновременно донеслись слухи об истязании толпой старушки графини Фредерикс, о разгроме ее дома, и об аресте графини Клейнмихель за их иностранные фамилии.

«Стало очевидным, что надо было принимать меры и для защиты помощника командира», отметил в своих записях есаул Макухо.

Доложили также, что поздно ночью прибыл казак, захваченный вчера толпой в то время, когда он, будучи дневальным, стоял у ворот. Вернувшийся сообщил, что его подвезли к перекрестку Невского и Владимирского и заставили произнести речь. – «Я, что было делать, Ваше Высокоблагородие, поднялся и закричал – «Да здравствует Кубанское и Терское Войско!» – Все на улице закричали «ура» и замахали шапками, автомобиль тронулся, а мне удалось убежать».

Около 11 часов была сильная тревога! – Банда вооруженных солдат ворвалась в офицерские квартиры, выходившие на Воскресенскую набережную. В квартирах были только, на смерть перепуганные, дамы и дети. Солдаты под предлогом того, что с крыши офицерского флигеля стрелял пулемет, занялись поисками оружия в квартирах.

Есаулу Макухо с большим трудом удалось убедить производивших обыск солдат, что он, как квартирмейстер, берет на себя полную ответственность, ручаясь, что из дома, в котором живут только семьи, никакой стрельбы не могло быть.

Стараниями есаула Макухо офицерские семьи были спасены от грубого солдатского обыска, но в некоторых квартирах ценное офицерское оружие (шашки и кинжалы), а также и охотничьи ружья спасти не удалось. Это оружие было украдено солдатами, производившими обыск.

В канцелярию Конвоя писаря занесли листовки. Их разбрасывали из автомобилей, проезжавших мимо канцелярии. В листовках были объявлены всякие воззвания образовавшегося «Временного комитета Государственной Думы». Среди других лиц этого комитета было указано имя и депутата от Терского Казачьего Войска, есаула Караулова.

Караулов был старым сослуживцем по Войску, знаком некоторым офицерам Конвоя. Знал его и был лично с ним знаком и есаул Макухо.

Есаул Макухо, не имея возможности установить прерванную телефонную связь с Царским Селом и с Царской Ставкой, где находились на службе сотни Конвоя, решил воспользоваться своим знакомством с членом комитета Думы Карауловым и от него узнать создавшуюся там обстановку, в связи с событиями в Петрограде.

Надев обычную черкеску и бурку, есаул Макухо отправился в Думу к Караулову. – Точные сведения о всем, что происходило в Царском Селе, Караулову не были известны, но он сообщил о том, что Александровский Дворец находится под охраной его гарнизона, и что для выяснения положения в Царском Селе 28-го февраля комитет решил туда послать двух членов Государственной Думы, как своих представителей[240]. О Ставке Караулов ничего не знал, кроме того, что Государь Император, выехав из Могилева, в Царское Село не прибыл, и где находился Императорский поезд – неизвестно!

Член комитета Думы Караулов был сильно обеспокоен самочинным обыском, которому подверглись семьи знакомых ему офицеров, и предложил есаулу Макухо выдать ему, (как выразился Караулов) «охранную бумагу», за своею личною подписью.

В ней значилось, что «все лица, живущие в офицерском флигеле числятся за ним – членом Временного Комитета, и находятся под домашним арестом, и что никто без разрешения его (Караулова) посещать офицерский флигель не имеет права.»

В виду того, что в городе все лица с немецкими фамилиями подвергались сильному преследованию, Караулов советовал полковнику барону Унгерн-Штернбергу принять его предложение при-

---

[240] Демидов и Степанов. Они прибыли в Царское Село 1-го марта.

быть в Думу лично к нему, и оставаться у него до «водворения порядка», во что сам Караулов, казалось, верил. – Предложение есаула Караулова полковник барон Унгерн-Штернберг принял[241].

В то время, когда есаул Макухо был у члена временного комитета Думы Караулова, казарма Конвоя подверглась вторичному нападению. – Заполнившие казарменный двор солдаты требовали от команды казаков немедленной выдачи – «скрытых пулеметов», спрятанного оружия, а также и всего имущества Конвоя.

Солдаты кричали, заставляя казаков исполнить их требование, и угрожали расправиться с «Царскими опричниками»...

Положение небольшой команды казаков было критическое! – Спас это положение урядник Сторчак. – Он громко заявил, что Конвой никогда не был вооружен пулеметами, что в складе хранится не оружие, а собственное казачье имущество, что в конюшнях стоят собственные казачьи лошади. (Полусотни, находившейся в Киеве и др. казаков)

Для многих солдат запасных батальонов то, что у казаков лошади собственные, а не казенные, была новость, и это на них произвело впечатление. – Солдаты стали требовать выдачи казенного имущества! – В этом требовании Сторчак не отказал, но с условием, что сдаст имущество только «выбранным самими же солдатами делегатам», под их ответственность.

Желающих принять эту ответственность не оказалось, и среди солдат начались ссоры и споры. – Некоторые из них, угрожая применить оружие, настаивали на выполнении всех своих требований без всяких условий. – Другие были готовы принять предложение урядника Сторчака.

Эта солдатская ругань зашла так далеко, что готова была превратиться в столкновение.

Со слов урядника Сторчака, – «появилось их начальство» – какие-то штатские, но вооруженные люди и, прекратив солдатский спор, удалили всех со двора, назначив из солдат «комиссию»,

---

[241] Есаул Караулов был убит на станции «Прохладной» в 1917 г.

которая должна была проверить все имущество, находившееся в складах.

Уряднику Сторчаку удалось убедить оставшихся солдат («комиссию», как он называл) *не открывать склада, т. к. не было уверенности в том, что во двор вновь не ворвется другая толпа, среди которой есть грабители и воры.*

И действительно, в казарменный двор стали опять входить группы солдат, и «комиссии» пришлось заниматься не проверкою имущества, а вместе с казаками выдворять входивших во двор солдат.

Покидая казармы Конвоя, солдаты «комиссии» заявили уряднику Сторчаку, что они придут в другой раз, и если в складах обнаружат не собственные казачьи вещи, а «скрытые пулеметы», то он первый будет предан – «революционному суду»!

Насколько поведение Сторчака было достойно, когда он с редким мужеством единолично выступил против всей толпы, ворвавшейся в казарменный двор, настолько дальнейшее его поведение свидетельствовало о том, что все пережитое подействовало на него настолько, что он окончательно потерял голову и растерялся.

Боясь наплыва новой толпы, «революционного суда» и разгрома не только казенного имущества, а главным образом собственных казачьих сундуков, урядник Сторчак совершил поступок, имевший роковые последствия и давший повод творцам революции создать легенду, оклеветавшую небывший в Петрограде Конвой!

Этой клевете на Конвой посвящена вся следующая глава настоящего «Очерка».

У казака-конвойца его собственный сундук – все его сбережение и достояние, приобретенное им за четыре года службы в Конвое. В этом огромном, окованном железом сун-

дуке казаки складывали и хранили все получаемое обмундирование, переходившее в их собственность.

У каждого казака собиралось по несколько алых и синих мундиров, белых и алых бешметов и шаровар. Кроме того, в сундуке хранилось офицерское пальто (сшитое казаками для себя) и алая офицерская фуражка, что по традиции надевалось конвойцами в своих станицах. Хранились в сундуках Царские подарки, получаемые казаками Конвоя в дни праздника Рождества Христова, и подарки, купленные самими казаками для своих семейств, и вообще все, что было для казака ценно и дорого.

Сторчак – такой же «собственник», как и все вообще казаки, дрожал прежде всего за собственные казачьи вещи, и хорошо знал, что гибель своих сундуков казаки ему никогда не простят.

Перепуганный Сторчак решил сам искать защиту у тех, «кого солдаты, грозившие ему судом, только и признавали» – (так оправдывался урядник). *Трудно было установить, под давлением ли солдат нестроевой команды, окончательно почувствовавших свое «превосходство» перед казачьей командою, или по собственной инициативе, но Сторчак с небольшой группою казаков и солдат явился в Государственную Думу.*

Сторчак не взял с собою всех свободных от службы казаков, но если даже и предположить, что с ним были все, то и тогда его группа не могла быть больше 18-ти человек[242].

---

[242] Из общего состава команды в 35 казаков было в наряде 17 чел.:
1) Караул у денежного ящика ……………4 человека
2) Дневальные по конюшне……………3 человека
3) Дневальные в казарме………………3 человека
4) Дневальные у ворот (2-х) ……………6 человек
5) Дежурный по команде………………1 человек

Есаул Макухо заканчивал свой разговор с членом комитета Карауловым, когда узнал о прибытии урядника Сторчака. Вместе с Карауловым он вышел к нему, и был свидетелем следующего:

Урядник Сторчак сообщил Караулову о том, что он и пришедшие с ним казаки просят защиты и помощи, что он больше не может нести ответственности за сохранение имущества от разгрома толпою, т. к. он сам – Сторчак, ожидает ареста и предания его суду – «за скрытие пулеметов»...

Караулов, удостоверившись в том, что в складах Конвоя действительно нет пулеметов, и что в них лишь хранится материал для постройки обмундирования и сундуки с собственными казачьими вещами, постарался успокоить казаков.

Он заявил, что примет все меры, дабы в будущем никаких обысков в казарме Конвоя не производилось. Затем, обратившись к уряднику, Сторчаку спросил, он ли старший, и, получив утвердительный ответ, добавил: ...«В таком случае и я тебя назначаю старшим. От моего имени к складу никого не подпускать!»

В тот же день в очередных листовках «совета рабочих и солдатских депутатов» особо жирным шрифтом была сообщена провокационная ложь о «прибытии в Государственную Думу, в полном своем составе Собственного Его Величества Конвоя».

Сам Караулов отлично понимал, чем именно руководствовался урядник Сторчак, решив с группою казаков и солдат придти к нему. Ему было ясно, что Сторчак шел к нему только за помощью, не преследуя никакой политической цели.

Однако, когда есаул Макухо, возмущенный содержанием листовок, клеветавших на Конвой, потребовал от Караулова объяснений, тот цинично заявил: «Понимаю вас и сам знаю, что Конвоя в Петрограде нет, но неужели вы думаете, что я – член Временного Комитета Государственной Думы, буду опровергать то сообщение в печати, которое нам так выгодно, и приносит лишь неоценимую пользу!!?»[243]

---

[243] Из воспоминаний Б. Д. Макухо.

Во все последующие дни по Шпалерной улице, мимо казарм Конвоя, к Государственной Думе беспрерывно тянулись войсковые части, с оркестрами музыки, с красными флагами, с пристраивающимися к войскам штатскими, с офицерами и без офицеров. Офицеры имели вид ведомых на казнь.

К вечеру 3-го марта явились из Царского Села два казака. От них были получены первые вести о положении в Императорском Александровском Дворце и о сотнях Конвоя, несших там службу.

Последние дни пребывания Конвоя в Царском Селе и в Ставке

В Царском Селе сотни Конвоя никакой гарнизонной службы не несли. Сотни изредка занимались строевыми учениями и через день выводились на проездки.

В Ставке, с отбытием Государя Императора, полковник Киреев приказал сотням Конвоя вновь перейти в лагерные бараки за Днепром. – Дивизион Конвоя, бывший в Ставке, также как и другой Царскосельский дивизион, в гарнизонный наряд города Могилева не входил.

Ожидался приезд с Кавказа Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича. – Великий Князь прибыл в Ставку 11-го марта и, с лицами его сопровождавшими, оставался в своем поезде на станции Могилев.

О своем вступлении в Верховное Командование Действующей Армией Великий Князь Николай Николаевич поставил в известность Временное Правительство. Но, находясь уже в Могилеве, Великий Князь получил догнавшее его только там письмо Временного Правительства, за подписью его председателя князя Львова, с просьбою о сложении с себя звания Верховного Главнокомандующего.

Временное Правительство было против того, чтобы во главе всей Русской Армии стал Великий Князь. Шестого

марта председатель Правительства, в беседе (по прямому проводу) с генералом Алексеевым сообщил ему о том, что «вопрос главнокомандования становится столь же острым, как в свое время было положение Великого Князя Михаила Александровича», добавив к тому, что – «теперь события несут их министров, а не они событиями управляют». (Генерал Данилов: «Великий Князь Николай Николаевич». Стр. 324).

В «Красном Архиве», т. XXII, указано о том, что по случаю приезда Великого Князя Николая Николаевича в Ставку, между князем Львовым и генералом Алексеевым состоялся по прямому проводу разговор.

В этом разговоре князь Львов сообщил генералу Алексееву, что навстречу Великому Князю был послан офицер с письмом, «с указанием на невозможность его Верховного Главнокомандования». – «Очевидно, посланный не успел встретить Великого Князя в пути, и полученная, вследствие этого телеграмма Великого Князя о его вступлении в должность, стала известна Петрограду и вызвала большое смущение». – «Временное Правительство обязано немедленно объявить населению, что Великий Князь не состоит Верховным Главнокомандующим.»

«Прошу помочь нашему общему делу и вас и Великого Князя». – «Решение Временного Правительства не может быть отменено по существу, весь вопрос в форме его осуществления: мы хотели бы, чтобы он сам сложил с себя звание Верховного Главнокомандующего, но к сожалению, по случайному разъезду нашего посланного с Великим Князем, это не удалось...»

Генерал Алексеев: – «Вопрос можно считать благополучно исчерпанным. Ваше письмо получено Великим Князем сегодня утром. Сегодня же послано две телеграммы: одна вам, что Великий Князь, подчиняясь выраженному пожеланию Временного Правительства, слагает с себя звание. – Вторая телеграмма – военному министру с просьбою уволить Вели-

кого Князя в отставку.» – Полагаю, нет препятствий объявить это во всеобщее сведение и положить предел смущению умов»...

В тот же день 11-го марта Временное Правительство объявило о состоявшемся отстранении от должности Верховного Главнокомандующего Русскими Армиями Великого Князя Николая Николаевича, отдавшего, как Верховный Главнокомандующий, следующий приказ:

> «Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы Родины, Я, Верховный Главнокомандующий признал ее, показав тем пример исполнения нашего воинского долга. – Повелеваю всем чинам Славной нашей Армии и Флота неуклонно повиноваться установленному Правительству, через своих прямых начальников. – Только тогда Бог нам даст победу!»...
>
> *(Генерал Н. Н. Головин – «Российская контр-революция 1917–1918 гг.»)*

С отречением Государя Императора от Престола, положение Конвоя, на протяжении 106-ти лет служившего непосредственно при Особах Русских Императоров, стало еще более неопределенным с оставлением Великим Князем Николаем Николаевичем должности Верховного Главнокомандующего, на каковую он был назначен Государем одним из Его последних повелений.

Появились тревожные слухи о предполагаемом решении Временного Правительства расформировать Конвой, офицеров же и казаков, служивших в Конвое, отправить в отдельные полки Кавказских Казачьих Войск. – Офицеры Конвоя стали принимать все меры к сохранению родной Части, к соединению ее дивизионов и отправлению всех чинов Конвоя на фронт отдельной воинской частью.

Старые исторические соратники Лейб-Казаки писали с фронта, что Конвой ждут, что с прибытием его предполагалось формирование своей дивизии из всех Гвардейских казачьих частей.

Командир Конвоя самостоятельно вел переговоры с «Военным Советом», в результате чего сообщил офицерам, что предоставлялось право всем лицам Свиты Его Величества по желанию подать в отставку, и командир это право выхлопотал для всех офицеров Конвоя. *Но офицеры Конвоя этим правом не воспользовались и, во исполнение воли Государя Императора – «служите так же верно Родине, как служили Мне», считали своим долгом, во что бы то ни стало сохранить свою родную Часть, и с нею выступить на фронт.*

Стало известным, что между «Военным Советом» и Начальниками Войсковых Штабов Кубанского и Терского Казачьих Войск возникла переписка по поводу Конвоя. Начальники Войсковых Штабов просили о скорейшем прибытии сотен Конвоя в расположение их Войск.

Эти вести офицерами Конвоя были приняты как первый этап к выступлению, если не на Западный фронт, то ближайший к своим Войскам фронт – Кавказский.

В то же время генерал Алексеев, желая иметь при себе дисциплинированную и стойкую воинскую часть, в особенности после усмирения сотнями Конвоя солдатского бунта в Рогачеве, принимал меры к оставлению дивизиона Конвоя в Ставке.

В самой Ставке было сравнительно спокойно, но в окрестностях города Могилева некоторые воинские части, под влиянием «приказа № 1-й», взбунтовались и отказались идти на фронт, заявив о том, что они обязаны – «углублять революцию».

Особенно буйствовал гарнизон города Рогачева, один из полков которого категорически отказался исполнить приказ о выступлении на фронт. Для усмирения этого полка, по

распоряжению Штаба Верховного Главнокомандующего, сотни Конвоя из Могилева были командированы в город Рогачев.

Рогачев был полон распущенных солдат, потерявших совершенно воинскую дисциплину. Солдаты толпами бродили по улицам города, всюду устраивая свои митинги.

Неожиданное для них появление сотен Конвоя в Рогачеве, взволновало «углубителей революции» настолько, что они на одной из площадей города устроили общий митинг всего гарнизона, требуя удаления из Рогачева – «Царских опричников» – «приспешников старого режима».

По приказанию командовавшего дивизионом, есаула Рашпиля, митинг этот сотнями Конвоя был разогнан, а сам есаул Рашпиль, в сопровождении нескольких казаков прибыл к председателю местного гарнизонного комитета и потребовал исполнения приказа о выступлении на фронт назначенному пехотному полку.

После нескольких бурных солдатских митингов, но происходивших уже в районе своих казарм, большинство солдат решило подчиниться приказу, чему содействовал и сам председатель гарнизонного комитета.

В назначенный день погрузки одна сотня прибыла на вокзал и оставалась там до отбытия солдат на фронт. От другой сотни по всему городу были высланы патрули. Патрули на улицах задерживали всех встречных солдат, и командами, в сопровождении 2–3 казаков, отправляли их непосредственно на вокзал. На вокзале солдаты, назначенные к отбытию на фронт, принимались офицерами их полка, приводились в порядок и немедленно грузились.

С отъездом из города солдат, не желавших выполнить приказ о выступлении на фронт, обстановка в городе изменилась. Оставшиеся в городе солдаты заметно подтянулись, и некоторые из них даже стали отдавать честь встречным

офицерам. – После недельного пребывания в городе Рогачеве дивизион Конвоя вернулся в Ставку.

В Ставке из Царского Села была получена тревожная весть, касающаяся Святынь Конвоя. Из Царского Села офицеры сообщали о том, что они узнали о существовании приказа военного министра Временного Правительства: – «Штандарты и Знамена войсковых частей должны быть доставлены в Петроград, для снятия с них Императорских эмблем».

Дабы спасти свои Святыни и избежать каких бы то ни было возможных посягательств на них со стороны Временного Правительства, было решено Штандарты Конвоя изъять из Дворца, и срочно отправить к сотням Конвоя, находившимся в Ставке.

В Царское Село из Могилева прибыл взвод казаков Л.-Гв. от 4-й Терской сотни, под командою командира сотни есаула Татонова.

Все три Георгиевских Штандарта Конвоя хранились в Екатерининском Дворце. Дворец этот охранялся караулом от частей Царскосельского гарнизона.

Три офицера Конвоя – есаул Татонов, сотник Зборовский и сотник Зерщиков, с шестью казаками – по два на каждый Штандарт, минуя часовых, вошли во Дворец и взяли Штандарты из их стоек. Все это произошло настолько быстро, решительно, и для охраны Дворца неожиданно, что солдаты, находившиеся в карауле, и не пытались оказывать какого-либо сопротивления.

Ожидавший у Офицерского Собрания, прибывший из Могилева, взвод принял Штандарты и, во главе с есаулом Татоновым, в пешем строю проследовал с ними на Царскосельский вокзал.

Есаул Татонов, заняв со взводом казаков своей сотни один классный вагон, и выставив часовых у входа его, благополучно доставил в Ставку все три Штандарта Конвоя. В пути, по приказанию есаула Татонова, железнодорожной админи-

страции и вообще всем любопытствующим казаки отвечали, что «в этом специальном вагоне везутся в Ставку важные арестованные лица».

Слух – «о важных арестованных лицах, которых везут казаки Конвоя», вызвал в Ставке большую сенсацию, а среди чинов дивизиона Конвоя, там находившихся, радостную весть о прибытии своих Святынь.

На станции Могилев, Штандарты Конвоя были встречены конным взводом Л.-Гв. от 1-й Кубанской сотни под командою сотника Шведова. При взводе находились командир сотни есаул Рашпиль и хорунжий Галушкин. Штандарты Конвоя, со всеми подобающими им воинскими почестями, были доставлены в гостиницу «Париж», где был штаб дивизиона и офицерские квартиры.

В первые дни после удаления чинов Конвоя из Александровского Дворца связь с Царской Семьей была прервана, но вскоре она была восстановлена.

Две сестры милосердия из лазарета Ее Величества и Феодоровского Великих Княжон лазарета получили пропуск к Государыне Императрице. Одна из этих сестер была родная сестра сотника Зборовского. После каждого своего возвращения из Дворца, она передавала привет от Ее Величества и Великих Княжон. Государыня Императрица с трогательной заботливостью справлялась о каждом из офицеров в отдельности, и общей ожидавшей их судьбе. Великие Княжны передавали свои приветы коротенькими записочками.

Приближалось время выступления сотен Конвоя из Царского Села на Кавказ. За несколько дней до него из Александровского Дворца от Государыни Императрицы и Великих Княжон всем офицерам Конвоя были присланы прощальные подарки и шейные образки. Ее Величество и Великие Княжны в приложенном к подаркам письме очень сожалели, что ничего другого Они не могли послать, кроме оставшихся Их рукоделий. Это были,

в большинстве, теплые вещи, которые Государыня Императрица и Великие Княжны собственноручно вязали для отправки на фронт.

К каждой вещи была приколота записочка с именем и отчеством офицера и подписью одной из Великих Княжон.

Вместе с подарками Государыня Императрица, прислав сделанный Лично Ею фотографический снимок с последнего парада Конвоя, изволила выразить пожелание, чтобы все офицеры подписались на обратной стороне этого снимка.

На Страстной неделе 1917 года сотни Конвоя, несшие службу в Царском Селе: Л.-Гв. 2-я Кубанская и Л.-Гв. 3-я Терская, а также бывшая в Петрограде команда казаков Л.-Гв. 5-й Сводной сотни, отбыли в свои Войска.

Канцелярия Конвоя, имущество Петроградского Офицерского Собрания, имущество Конвоя (материал и сукно для обмундирования) и все собственные казачьи сундуки, были погружены в Петрограде находившейся там командою казаков.

По окончании погрузки в Петрограде, петроградский эшелон был подан на станцию Александровскую близ Царского Села.

В это же время на станции Александровской происходила погрузка сотен Конвоя, бывших в Царском Селе, и имущества Царскосельского Офицерского Собрания.

На станции Александровской все вагоны были соединены в один эшелон, отбывший на Кавказ 30-го марта, в Великий Четверг.

Дивизион Конвоя, находившийся в Ставке Верховного Главнокомандующего, распоряжением Временного Правительства не был допущен в Царское Село, и должен был отбыть на Кавказ непосредственно из Могилева. – Не допуская действительного соединения всего состава Конвоя в Царском Селе даже через 28 дней после отречения Государя Императора от Престола, Временное Правительство фактически само подтвердило то, что сведения

«о прибытии полного состава всего Конвоя в Государственную Думу», были ложны, и созданы с провокационной целью.

Накануне отбытия на Кавказ, 29-го марта 1917 года, все офицеры Конвоя, бывшие в Царском Селе, последний раз посетили свое Собрание. На этом прощальном обеде сервировка была необычной! – На столе отсутствовало все серебро, обычно подаваемое к обедам и завтракам офицерам. Все оно, с остальным имуществом Царскосельского Офицерского Собрания, было упаковано в отдельные большие ящики.

Вместо конвойного серебра перед прибором каждого офицера стоял «прощальный бокал»!

Небольшие серебряные бокалы, с выгравированными на них подписями всех офицеров Конвоя, не были имуществом Офицерского Собрания, а *личной* собственностью каждого офицера.

По общему желанию всех офицеров, бокалы эти были заказаны к дню отбытия сотен на Кавказ[244].

На этом последнем офицерском обеде, никаких речей не произносилось, да они и не были нужны! – Каждый из офицеров, без слов, понимал другого. – Полковник Киреев (к тому времени прибывший из Могилева), как старший из присутствующих офицеров, встал и молча поднял свой бокал.

Молчаливый тост полковника Киреева был принят офицерами с таким же душевным волнением, какое переживал и старший из них. – Больше к столу вино не подавалось!..

В настоящее время несколько сохранившихся прощальных бокалов Конвоя берегутся как реликвия, и ставятся к приборам старших офицеров только лишь один раз в году – в день Праздника Конвоя 4/17-го октября.

---

[244] Офицерам, бывшим в Могилеве и в Киеве, прощальные бокалы были вручены уже на Кавказе.

Глава девятая

Клевета на Конвой

«...Вот нечестивый зачал неправду,
был чреват злобою и родил ложь!..»
(Псалом 7,15.)

Клевета на Собственный Его Императорского Величества Конвой была рождена в те преступные дни февраля и марта 1917 года, когда обезумевшие «представители» русского народа – некоторые члены Государственной Думы и их нечестивые союзники – враги Императорской России, были действительно «чреваты злобою» на все, что было связано с Именем Того, Кто олицетворял Собою единство, могущество и честь Российской Империи.

Делатели «великой и бескровной», преследуя свою дьявольскую цель, цинично искажали исторические события, прибегая к провокации и лжи. – Стремясь произвести необходимое им впечатление и повлиять на психологию не только бунтующей в Петрограде массы, а главным образом тех, кто остался верен своему воинскому долгу, они в своих очередных листовках объявили «революционную сенсацию» – «о прибытии в Государственную Думу Собственного Его Величества Конвоя, в полном своем составе!»...

Так «искра» – прибытие в Государственную Думу к есаулу Караулову урядника Сторчака с несколькими казаками и солдатами нестроевой команды Конвоя, была искусственно раздута в такое громадное пламя огня, что поднявшийся дым этого пламени настолько затуманил головы и заглушил совесть тех «свидетелей» и подобных им «мемуаристов», что они превратили одного урядника с его немногими людьми в... 28 офицеров и 670 урядников и казаков!

Так в то подлое время революционная легенда оклеветала Собственный Его Величества Конвой, не бывший в Петрограде не

только в роковые дни начала трагедии России, а вообще ни одного дня, с самого начала войны!

Всем, кто хотя немного представлял себе службу Конвоя, сообщение «о прибытии полного состава его в Государственную Думу», должно было быть, по меньшей мере, странным, ибо они знали, что сотни Конвоя несут службу только в местах пребывания

Государя Императора и Государынь Императриц Александры Федоровны и Марии Федоровны. – Следовательно, в Петрограде они быть не могли!

Для того, чтобы представить «полный состав» Конвоя перед Государственной Думою, нужно было быть великим престижитатором, дабы все сотни Конвоя из Царского Села, Могилева и Киева, где они фактически находились, собрать вместе в Петроград к Таврическому Дворцу! – Таковых не нашлось! Провокаторов же и мошенников было много. Им создать нужную для них клевету было необходимо, и... она была создана!

Клевета эта была помещена почти во всех газетах. Революционные «летописцы», бесцеремонно по своему воспринимали все сведения о происходивших событиях и, с присущей им ловкостью, преувеличивая всякий слух, шли впереди всех по пути клеветы и инсинуаций.

Полностью указывая наименование воинской части, они клеветали на славные Гвардейские полки, никакого участия не принимавшие в бунте своих запасных батальонов.

Могли ли быть ответственными все чины четырех батальонов одного полка, бывшие на фронте и доблестно исполнявшие свой воинский долг, за поведение запасных солдат одного батальона, находившегося в тылу и предназначенного для пополнения боевых батальонов?!

Как было бы несправедливо и недопустимо обвинять какую-либо воинскую часть, получившую на франте задачу

защищать порученный ей боевой участок и до особого приказания не отходить, и притом *всю обвинить в дезертирстве на основании того, что из общего состава в несколько сот чинов, группа солдат (до 20-ти человек) не исполнила приказания и самовольно ушла с позиции.*

(До сих пор не было случая в истории, чтобы проступок отдельных солдат приписывался бы всему составу воинской части!)

Точно так же несправедливо и недопустимо обвинять все сотни Конвоя в поступке, ими не совершенном! – Двадцать восемь офицеров и шестьсот семьдесят урядников и казаков не несут ответственность за поведение одного урядника и нескольких казаков и солдат нестроевой команды! – Тот, кто этого не хочет понять, тот сознательно повторяет клевету на Конвой, умышленно и злонамеренно созданную.

Главную моральную ответственность за создание клеветы на Конвой, прежде всего, несет член Временного Комитета Государственной Думы есаул Караулов! – Использовав прибытие к нему в Думу урядника Сторчака и его малой группы людей, Караулов лично принял самое деятельное участие в распространении провокационной легенды, умышленно созданной для опорочивания всех чинов Государева Конвоя. – Внутренний смысл самой легенды – «о прибытии в Государственную Думу Собственного Его Величества Конвоя в полном своем составе» – сам по себе ясен и понятен!

Эта клевета на Конвой дошла до Ставки и, некоторыми высшими чинами Штаба Верховного Главнокомандующего, без проверки и какого бы то ни было рассуждения о том, где фактически находится Конвой, была с верою принята! – Один из чинов Ставки в своей книге пишет: – «Ставка капитулировала перед революцией и воля ее была парализована. Это было отчасти следствием идеологии и умонастроения того личного состава Ставки, при котором началась революция». (А. Бубнов: «В Царской Ставке». Стр. 331.)

Помощник Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Клембовский нашел возможным, только на основании дошедших до него слухов из Петрограда, сообщить в Штаб Северного фронта такую информацию о Конвое, что она, по своему содержанию, была просто чудовищной!

Лента его разговора, по прямому проводу, (утром 2-го марта, час не указан) с Генерал-Квартирмейстером Штаба Северного фронта генералом Болдыревым гласит: «...Известно ли вам о прибытии Конвоя Его Величества в полном составе в Государственную Думу с разрешения своих офицеров, и о просьбе депутатов Конвоя арестовать тех офицеров, которые отказались принять участие в восстании...» – Казалось бы, что генерал Клембовский, получив из Петрограда такие сенсационные сведения, должен был бы к ним отнестись с большой осторожностью, и передать эти сведения в Штаб Северного фронта только лишь после самой тщательной проверки, убедившись в их достоверности. – Он этого не сделал!

Несмотря на очевидную нелепость революционных слухов о «прибытии в полном составе Конвоя в Государственную Думу», «о восстании» его и об «аресте казаками Конвоя своих офицеров», – все эти слухи были переданы генералом Клембовским в Штаб Северного фронта.

Что побудило генерала Клембовского так поступить, знал ли он сам, что сообщает неправду о Конвое, или он был введен в заблуждение другими – неизвестно!

Но сам факт, что клевета на Конвой была передана из Ставки в Штаб Северного фронта, подтверждает содержание ленты разговора по прямому проводу генерала Клембовского с генералом Болдыревым. – Было ли это сделано умышленно или по ошибке, из-за отсутствия правдивой информации – также неизвестно.

Известны лишь следующие исторические факты:

1. В дни, когда была создана клевета «о прибытии Конвоя в полном своем составе в Государственную Думу», все чины Государева Конвоя безупречно несли свою службу: в Царском Селе,

в Могилеве, в Киеве и при Государе Императоре, сопровождая Его Величество.

2. В Петрограде не было ни одной сотни Конвоя! – Там находилась только команда формировавшейся новой (5-й) сотни и нестроевая команда, состоявшая не из казаков, а из солдат.

3. Сформированная же полусотня новой Л.-Гв. 5-й Сводной сотни находилась не в Петрограде, а в Киеве, где несла службу при Государыне Императрице Марии Федоровне, включительно до последнего дня пребывания Ее Величества в Киеве. Государыня Императрица отбыла в Крым 23-го марта!

4. Из двух дивизионов постоянного состава Конвоя, один дивизион, Л.-Гв. 2-я Кубанская сотня и Л.-Гв. 3-я Терская, находились в Царском Селе. Прибыв по тревоге 28-го февраля в Императорский Александровский Дворец, дивизион этот, совместно с батальоном Сводного Пехотного полка, нес службу охраны Дворца включительно до 16 часов 8-го марта, о чем свидетельствуют находившиеся во Дворце, Личный секретарь Государыни Императрицы Александры Федоровны граф П. Апраксин и наставник Государя Наследника Цесаревича господин П. Жильяр. – Дивизион Конвоя, служивший в Царском Селе, ни одного дня не был в Петрограде, и 30-го марта отбыл на Кавказ (с командою, прибывшей из Петрограда) из Царского Села, со станции Александровской.

5. Все чины другого дивизиона Конвоя, Л.-Гв. 1-я Кубанская и Л.-Гв. 4-я Терская сотни, все время находились в Ставке, за исключением положенного наряда, сопровождавшего Государя Императора, отбывшего из Могилева в ночь на 28-е февраля, и командировки в Рогачев, для усмирения взбунтовавшихся солдат, не желавших выступить на фронт. О том, что в Ставке находились сотни Конвоя, свидетельствует запись Государя Императора в Своем Личном дневнике. – Находившийся в Ставке дивизион Конвоя, был отправлен на Кавказ, непосредственно из Могилева в первых числах апреля.

6. Когда генерал Клембовский сообщал из Могилева в Псков (2-го марта), что «полный состав Конвоя прибыл в Государственную Думу», то в то же самое время и в том же самом Могилеве, где был генерал Клембовский, находились: помощник командира Конвоя, восемь офицеров и все урядники и казаки Л.-Гв. 1-й Кубанской и Л.-Гв. 4-й Терской сотен, т. е. половина казаков постоянного состава Конвоя.

7. В то время, когда Помощнику Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генералу Клембовскому было «известно», что «полный состав Конвоя», якобы – «прибыл в Государственную Думу» и то – «с разрешения своих офицеров» и что «депутаты Конвоя просили разрешения арестовать офицеров, отказавшихся принять участие» в мифическом «восстании» Конвоя, из всех 28-ми офицеров Конвоя, в Петрограде было только 3 офицера!

Никто из казаков петроградской команды их и не думал арестовывать. К ним, как и вообще ко всем своим офицерам, казаки Конвоя относились с должным уважением и вниманием и как всегда, а в особенности в дни начала трагедии России, вели себя безукоризненно!

В эти дни офицеры Конвоя находились:

1.	Командир, Свиты Его Величества генерал-майор граф Граббе-Никитин, сопровождая Его Величество……………….	в Пскове
2.	Помощник командира по хозяйственной части полковник барон Унгерн-Штернберг…………………………..…	в Петрограде
3.	Помощник командира по строевой части полковник Киреев……………….……	в Ставке
4.	Адъютант Конвоя подъесаул Ветер…....	в Цар. Селе
5.	Командир Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни есаул Рашпиль………………………………	в Ставке
6.	Командир Л.-Гв. 2-й Кубанской сотни есаул Свидин…………………………...…	в Цар. Селе

7.	Командир Л.-Гв. 3-й Терской сотни есаул Панкратов……………………………..	в Цар. Селе
8.	Командир Л.-Гв. 4-ей Терской сотни есаул Татонов …………………………..	в Ставке
9.	Командир формировавшейся сотни (Л.-Гв. 5-й Сводной сотни) есаул Савицкий…	в Петрограде
10.	Есаул принц Риза-Кули-Мирза………...	в Цар. Селе
11.	Есаул Макухо (казначей)…………….……	в Петрограде
12.	Подъесаул Федюшкин 1-й………………..	в Ставке
13.	Подъесаул Скворцов……………………….	в Цар. Селе
14.	Сотник Зборовский……………..………	в Цар. Селе
15.	Сотник Зерщиков…………………...……...	в Цар. Селе
16.	Сотник Шведов……………………..………	в Ставке
17.	Сотник Белый – сильно пострадавший при крушении поезда, шедшего 2-го января 1915 года из Царского Села в Петроград, по болезни…………………………….	в отпуску
18.	Сотник Скляров…………………………….	в Ставке
19.	Сотник Шкуропатский…….….……….….	в Ставке
20.	Хорунжий Рогожин………………..….…....	в Киеве
21.	Хорунжий Ногаец…..…..………..………..	в Киеве
22.	Хорунжий Колесников..…………….…..…	в Цар. Селе
23.	Хорунжий Галушкин…………………….	в Ставке
24.	Хорунжий Грамотин, по повелению Ее Величества……………………….………..	в командировке
25.	Хорунжий Лавров, сопровождая Его Величество…………………...…………….	в Пскове
26.	Хорунжий Ергушев..………………….……	в Ставке
27.	Хорунжий Федюшкин 2-й...…...……..….	в Цар. Селе
28.	Хорунжий Вертепов..…..……………..…...	в Цар. Селе[245]

Все переданное генералом Клембовским в Штаб Северного фронта об «аресте офицеров Конвоя» относится к области лич-

---

[245] В Пскове – 2, в Киеве – 2, в Петрограде – 2, в Ставке – 9, в Царском Селе – 10, в командировке – 1 и в отпуску – 1.

ной фантастики и к совести тех, кто в этой революционной сказке бессовестно его «информировал».

Можно допустить более чем странное положение, что генерал Клембовский «действительно не знал», что другой дивизион Конвоя в Петрограде не мог быть, т. к. нес службу в Царскосельском Александровском Дворце, и «не мог» проверить достоверность дошедшего до него слуха.

Но что генерал Клембовский «не знал» и «не видел» чинов дивизиона Конвоя, вместе с ним же в Ставке находившихся и, как Помощник Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего – «не имел возможности» проверить существование в Могилеве офицеров и казаков двух сотен Конвоя – допустить невозможно!

Можно ли допустить такое положение, что Штаб Верховного Главнокомандующего командирует дивизион Конвоя из Могилева в Рогачев, а Помощник Начальника Штаба не знает о том, что в Ставке этот дивизион существует, ибо доносит в Псков о «прибытии в Государственную Думу всего Конвоя, в полном своем составе?!»

Может ли быть такое положение, что факт пребывания в Ставке половины казаков постоянного состава Конвоя, был известен всем чинам Штаба Верховного Главнокомандующего и вообще всем, находившимся в Могилеве, кроме одного, и этот один – Помощник Начальника Штаба?!

Мог ли Государь Император 8-го марта, в день Своего отбытия из Могилева, после общего прощания со всеми чинами Ставки, при котором присутствовали все офицеры, вахмистра и взводные урядники дивизиона Конвоя, находившегося в Ставке, выразить Свое пожелание, еще раз видеть офицеров Своего Конвоя и отдельно с ними попрощаться в губернаторском доме, и этот исторический факт занести в Свой дневник, если бы сведения о Конвое, переданные генералом Клембовским генералу Болдыреву, были бы действительно правдивы?!.

Легенда – «прибытие в Государственную Думу Конвоя в полном своем составе», по словам одного из создателей ее,

члена Временного Комитета Государственной Думы Караулова – «прием революционной тактики». – В те мрачные дни все жаждали вздорных слухов, муссировали эти слухи и беспощадно и беспроверочно создавали клевету, стараясь прежде всего очернить тех, кто оставался верен своему долгу.

Злонамеренно созданная клевета на Конвой и, как следствие того, сообщение генерала Клембовского о Конвое, лишенное фактической правды, нашли отражение в зарубежной печати.

В различных мемуарах, личных воспоминаниях, журналах и книгах, авторы коих претендуют на историческую точность своих повествований, эта клевета, без какой-либо критики, повторяется в той или иной форме. – Искажается правда о самом трагическом периоде истории Конвоя и чины его, прямо или косвенно, обвиняются в действиях ими не совершенных.

Некоторые «свидетели« происходивших событий в феврале и марте 1917 года в своих воспоминаниях сплетают были и небылицы, искажая действительность. – Такого рода произведения не только затемняют истину, но и дают основание другим, ссылаясь на них, создавать и усугублять неверные и ложные сведения о службе чинов Конвоя.

Когда автором подобных произведений является лицо, принимавшее активное участие в «великой и бескровной» – это понятно! – Что можно ожидать от последователей тех, кто в течение столетия расшатывал исторические устои Российской Империи и добился своей цели, пользуясь клеветою, как главным средством к подготовке государственного переворота? – Удивляться тому, что писали и продолжают писать эти лица, не приходится.

Удивляет другое – мемуарные воспоминания лиц из «другого лагеря»! К таковым относятся воспоминания А. Вырубовой, Т. Мельник (урож. Боткина) и генерала Воейкова. Имена

этих авторов для всех, кто не осведомлен о фактической обстановке, бывшей в Царском Селе, являются достаточным авторитетом, чтобы на основании их «свидетельств», повторять созданную ими фантазию.

А. Вырубова была больна и лежала в жару! – Т. Мельник, как сама пишет в своей книге, *наблюдала все события, происходившие в Царском Селе, через окно своей комнаты, и обе они питались лишь одними паническими слухами, доходившими до них через их прислугу.*

«Целые дни мы проводили у окон столовой, наблюдая за происходящим на улице»... «На разведки был послан старый лакей Иван Капитонович». (Т. Мельник: «Воспоминание о Царской Семье». Стр. 40, 43.)

В такой обстановке их личные мрачные переживания, при повышенном возбуждении от доходивших до них фантастических и неверных слухов, настолько повлияли на восприятие ими происходивших событий в Царском Селе, что в своих воспоминаниях они совершенно исказили историческую правду, что и является причиною того, что в их книгах сведения о Конвое соответствуют не действительности, а их собственному представлению об обстановке, которая фактически была им неизвестна.

С. Мельгунов, исследовавший подробно все материалы, касающиеся событий, происходивших в дни февраля и марта 1917 года, как изданные за рубежом, так и опубликованные Советами в «Красном Архиве», указывает: ...*«показания дочери Лейб-медика Боткина (Т. Мельник), по существу и хронологически очень неточные».* (С. Мельгунов. Журнал «Возрождение». Тетрадь десятая. 1950 год. Стр. 136.)

Примером того служить нелепое и вздорное ее сообщение о казаках Конвоя, бывших в разъездах. На странице 42-й своей книги она пишет: «По улицам гарцевали нижние чины Конвоя Его Величества, надушенные, напомаженные,

с красными бантами...» – Далее, развивая свою фантазию, Т. Мельник создает клевету «о переходе казаков на сторону революционеров»... – *Эта созданная ею фальшивая версия опровергается не только Личным Секретарем Государыни Императрицы, графом П. Апраксиным, но и Лично Ее Величеством,* о чем будет указано в этой главе, посвященной клевете на Конвой. – Что касается «красных бантов» на груди у казаков Конвоя, несших службу разведывательных разъездов, то они существовали только в ее возбужденном воображении, при котором алая грудь гвардейского бешмета, при походной, защитного цвета, черкеске ей представлялась – «красным бантом»!

При этом Т. Мельник видимо обладала исключительно обостренным обонянием, чувствуя в своей столовой (откуда она наблюдала революцию!) запах духов и помады от проезжавших по улицам Царского Села разъездов Конвоя! *Так, не стесняясь, писала она подобную чушь о казаках Конвоя, которые, начиная с 28-го февраля и до 16-ти часов 8-го марта, неся напряженнейшую службу охраны Александровского Дворца, не раздевались и не снимали своего оружия в часы своего краткого отдыха.*

В том же журнале «Возрождение» (тетрадь десятая 1950 год, Стр. 136 и в №-ре за июнь-август 1952 года. Стр. 149) С. Мельгунов пишет и о Вырубовой: – «Вырубова была больна, лежала в жару и, вероятно, в представлении ее все достаточно перепуталось».

И действительно перепуталось настолько, что С. Мельгунов воспоминание А. Вырубовой называет не историческим, а «истерическим» повествованием. – Ложную версию Вырубовой, – «Александровский Дворец был всеми покинут» – повторяет и Дворцовый Комендант Свиты Его Величества ген.-майор Воейков.

В своей книге – «С Царем и без Царя» на странице 253, генерал Воейков пишет о том, что якобы «части, составлявшие гарнизон Дворца, 1-го марта покинули Александровский Дво-

рец», и буквально повторяет слова Вырубовой: «уже 2-го марта стали по Дворцу бродить кучками совершенно распропагандированные солдаты» ... «Толчок измены воинских частей был дан уходом батальона Гвардейского Экипажа»...

Так написал генерал Воейков! Но он написал неправду! Действительность была другая:

1. Первого марта из гарнизона Дворца выбыл только батальон Гвардейского Экипажа. (Батальон был вызван в Петроград.)

2. Батальон Сводного Пехотного полка и дивизион Конвоя продолжали верно нести свою службу охраны Дворца и оставались на своем посту включительно до 16-ти часов 8-го марта, когда распоряжением Временного Правительства были удалены из Александровского Дворца.

3. Второго марта по Дворцу никто «не бродил», а там стояли часовые – казаки Конвоя и солдаты Сводного полка.

4. Сам Дворц. Комендант генерал Воейков в то время в Александровском Дворце не находился. Его заменял помощник Коменданта генерал фон Гротен.

5. Генерал Воейков, сопровождая Государя Императора, прибыл с Его Величеством в Ставку 3-го марта, а 5-го марта принужден был оттуда выехать. В Вязьме он был арестован.

Что происходило в Царском Селе, знать он не мог. Позже судил о том на основании личных впечатлений такого близкого ему мемуариста, как госпожа Вырубова. Но фантазия Вырубовой, повторенная генералом Воейковым в его книге, не отвечала действительности!

Лицам же, не знавшим эту действительность, казалось что само имя генерала Воейкова и занимаемая им должность являются достаточным основанием, чтобы поверить тому, что он пишет о гарнизоне Дворца.

Как нес службу гарнизон Царскосельского Александровского Дворца 1-го и 2-го марта, генерал Воейков тоже не мог знать, ибо связь с Дворцом была прервана, а сам генерал, находясь в поезде

Литера «А», 1-го марта в 20 часов прибыл в Псков, и там находился весь день 2-го марта.

Все, что поместил в своей книге генерал Воейков о гарнизоне Дворца, не только не отвечает исторической правде, но и порочит воинскую честь чинов гарнизона Дворца и их Начальника, доблестного генерала фон Гротен, бывшего в те дни, из-за отсутствия генерала Воейкова, фактическим Комендантом Александровского Дворца, которого Государыня Императрица в одном из писем к Его Величеству, называет «совершенством»! (Письмо Государыни 2-го марта. С. Мельгунов. «Творимые легенды» – Стр. 140. «Возрождение». Тетр. 10-я 1950 г.)

Именно в этот день, т. е. 1-го марта, когда генерал Воейков указывал, что «воинские части покинули Дворец», генерал Гротен прибыл в Царскосельскую городскую ратушу и заявил находившимся там представителям Государственной Думы – Демидову и Степанову, что он с вверенным ему гарнизоном будет защищать Дворец, и отобьет вооруженное нападение на него. (С. Мельгунов. «Мартовские дни». Стр. 136–139.)

Неправильное утверждение в книге генерала Воейкова, что «гарнизон 1-го марта оставил Дворец», опровергается также фактом прибытия 1-го же марта в Царское Село генерал-адъютанта Иванова.

Генерал Иванов лично был в Александровском Дворце, был принят Ее Величеством и – «нашел охрану Дворца надежной», подчеркивает в своем труде С. Мельгунов (Тетрадь десятая. Стр. 138.) *О прибытии в Александровский Дворец генерал-адъютанта Иванова 1-го марта пишет и Государыня Императрица в письме от 2-го марта: «Милый старик Иванов сидел у меня от 1 до 2.30 час. ночи».*

Генерал Воейков, описывая в своей книге «С Царем и **без** Царя» неизвестные ему события в Царском Селе, руководствовался не свидетельством лиц, фактически и неотлучно находившихся в Царскосельском Александровском Дворце, а

неверными показаниями А. Вырубовой и Т. Мельник. – Неправда о сотнях Конвоя, несших службу в Александровском Дворце, помещенная в их воспоминаниях, относится к числу легенд, родившихся в дни революции и не соответствующих исторической достоверности! – *Опровергается она теми, кто действительно в эти дни февраля и марта 1917 года находились во Дворце, т. е. фактическими свидетелями исторической правды!*

1. Прежде всего, самой Государыней Императрицей Александрой Федоровной! – Ее Величество в письмах к Государю Императору писала: «*...Все мы бодры, не подавлены обстоятельствами, только мучаемся за Тебя!..» (письмо 2-го марта.) Письмо 3-го марта:* – «*...Мы все держимся по-прежнему, каждый скрывает свои тревоги»... «Вечером Я с Марией делаю свой обход по подвалам, чтобы повидать всех наших людей – (это очень ободряет!..»* (Из опубликованных документов в «Красном Архиве» С. Мельгунов: «Творимые легенды». Тетрадь 10-я – «Возрождение» 1950 г. Ст. 140)

«Нашими людьми» Государыня Императрица называет казаков сотен Конвоя и солдат батальона Сводного Пехотного полка, находившихся в подвалах Дворца.

Могла ли Государыня 3-го марта обходить подвалы Дворца, если бы «свидетельство» Вырубовой, повторенное генералом Воейковым о том, что «уже 2-го марта по Дворцу бродили кучки распропагандированных солдат», не было бы фальшивым!?

Могла ли Государыня видеть «наших людей» т. е. чинов гарнизона Дворца и писать Государю 3-го марта, что посещение Ею казаков Конвоя и солдат Сводного полка, Государыню «ободряет», если бы были верны сведения А. Вырубовой и генерала Воейкова о том, что «воинские части, составлявшие гарнизон Дворца, 1-го марта покинули Дворец?!»

2. О преданности чинов Конвоя и Сводного Пехотного полка и о верной службе их, включительно до удаления их из Дворца распоряжением Временного Правительства, свидетельствует Личный Секретарь Ее Величества граф П. Апраксин.

В своей статье, (помещенной в газете «Новое Время» № 268, 17-го марта 1922 года), – *«9-го марта 1917 года в Царскосельском Дворце» – граф П. Апраксин сообщает:*

«8-го марта от генерала Корнилова, приехавшего во Дворец объявить Императрице постановление Временного Правительства об аресте Царской Семьи мы узнали, что Государя Императора уже вывезли из Могилева и везут в Царское. Известие это очень обрадовало Императрицу, измученную роковой разлукой и постоянными думами о душевном одиночестве Государя в эти ужасные дни и Его переживаниях.

Мысль о скором свидании облегчала Ей перенести первые часы объявленного ареста, и связанного с ним целого ряда огорчений и унижений, которые Она уже заранее предчувствовала.

«Я рада, что именно вы, генерал, объявили Мне об аресте», сказала Она Корнилову, когда тот прочел Ей постановление Временного Правительства, – «так как вы сами испытали весь ужас лишения свободы»…

Началось с увода из Дворца преданных частей Собственного Его Величества полка и Конвоя, за все последние дни выказавших, особенно Конвой, много душевной чуткости и деликатности, и с замены их караулом от запасных частей Царскосельского гарнизона, к этому времени уже окончательно распропагандированных и распустившихся.

Смена караулов произошла в 4 часа дня, и с этого часа мы, находившиеся во Дворце придворные, стали считаться под арестом и не имели уже права покидать стены Дворца».

Далее в своей статье граф Апраксин описывает прибытие Государя Императора в Александровский Дворец.

Кроме этого своего заявления в печати о службе в Царском Селе сотен Конвоя и батальона Сводного Пехотного полка, граф Апраксин в 1922 году принял личное участие в траурном собрании русской колонии в городе Белграде, под председательством Высокопреосвященного Митрополита

Антония, посвященном Священной памяти Государя Императора и Его Августейшей Семьи.

В описании этого собрания, в газете «Новое Время» (№ 268. 17-го марта. 1922-го года) сказано: ...«*Граф П. Н. Апраксин, состоявший при Государыне Императрице Александре Федоровне и безотлучно находившийся в тяжелые мартовские дни при Царскосельском Дворце, прочел свои весьма ценные исторические воспоминания о первых днях революции.*

Граф Апраксин как бы перенес слушателей в ту обстановку, которая окружала Царственных узников, и в своем простом, хронологически точном рассказе, передал Их тяжелые переживания в эти дни.

Докладчик, в опровержение всех ранее распространенных сведений, устанавливает полную преданность Государю и Царской Семье Конвоя Его Величества и Собственного полка.»

3. О том, что гарнизон Дворца был верен своему долгу, свидетельствует и Наставник Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, так же, как и Личный Секретарь Государыни Императрицы, неотлучно находившийся в Александровском Дворце.

В своей книге «Император Николай II и Его Семья», на странице 160 П. Жильяр, отмечая то, что «Царскосельский гарнизон взбунтовался и на улицах стреляют», пишет: «Императрица была вне себя от ужаса при мысли, что кровь прольется на Ее глазах!» «Она умоляла, чтобы вступили в переговоры с мятежниками»... «Тревога сжимает все сердца. Неосторожность может вызвать рукопашную схватку и резню. – С обеих сторон выступают офицеры и начинаются переговоры. – Слова их бывших начальников и *решимость тех, кто остался верен долгу, действует на мятежников.* Возбуждение понемногу падает и, наконец, *решают установить нейтральную зону между обеими сторонами*».

Нейтральная зона, которая была установлена между гарнизоном Александровского Дворца и гарнизоном города

Царского Села, неправильно трактуется даже в таком ценном и большом труде, как «Царствование Императора Николая II», под редакцией С. Ольденбурга.

Автор этого труда на странице 247-й (Т. II.) пишет: «Части, охранявшие Дворец, в котором находилась Царская Семья, объявили «нейтралитет»... – *Но, «нейтралитет» и «нейтральная зона», не одно и то же*!

О том, что была установлена именно нейтральная зона, а не «нейтралитет», как указывает С. Ольденбург, кроме Наставника Наследника Цесаревича, свидетельствует другое лицо, так же, как и господин П. Жильяр, находившееся в дни революции в Александровском Дворце. – Служивший при Дворце эстонец Оамар, исполнявший должность придворного «скорохода» пишет в своих воспоминаниях: ...«*Согласились обоюдно охранять порядок во Дворцах и на прилегающих к ним улицах Сводно-Пехотному полку и казакам Конвоя Е. В., а вокзалы и остальную часть улиц Царского Села и Павловска – стрелкам...» – «Между обеими сторонами была установлена нейтральная зона...»*

У С. Ольденбурга имеется и другая неправильность. На основании его описания разговора Гучкова с Государем Императором (Том II. Стр. 257.) надо понимать, что Конвой должен был быть в Петрограде, чего в действительности не было за все время войны.

Появление в зарубежной печати известного произведения генерала П. Н. Краснова – «От Двуглавого Орла к красному знамени», сыграло немалую роль в распространении вымышленной им версии о поведении чинов Конвоя. Впоследствии генерал Краснов в письменной форме выразил «искреннее сожаление в допущенной им ошибке».

Сообщая это заявление генералу Л. А. Артифексову, прибывшему к нему в Германию (Мюнхен) от имени всех офицеров Конвоя, П. Н. Краснов сам считал необходимым «исправить

свою ошибку», сделав соответствующее пояснение в своей новой книге – «Императорская Гвардия».

Генерал Краснов, в ответ на указание ему, что в его книге «От Двуглавого Орла, к красному знамени», трудно установить, где кончается правда и начинается вымысел, заявил, что он писал «не историю», а «исторический роман», и что в таких произведениях «вымысел автора – нормальное явление»...

Генерал А. И. Деникин в своей книге «Путь Русского Офицера» (Стр. 149, 150.) описывая «литературные вечера», которые устраивали в пути офицеры, направляясь в Действующую Армию во время Русско-Японской войны, пишет, что он тогда впервые познакомился с произведениями П. Н. Краснова. – «В нашем поезде три военных корреспондента читали свои статьи, посылаемые с дороги в газеты».

От «Русского Инвалида» – официальной газеты военного министерства ехал подъесаул П. Н. Краснов. Статьи Краснова были талантливы, но обладали одним свойством: каждый раз, когда жизненная правда приносилась в жертву «ведомственным» интересам и фантазии, Краснов, несколько конфузясь, прерывал на минуту чтение – «Здесь, извините, господа, поэтический вымысел, для большего впечатления»...

Этот элемент «поэтического вымысла», в ущерб правде о Конвое и был помещен генералом Красновым в его романе «От Двуглавого Орла к красному знамени»!

«Исправить свою ошибку» в предполагаемой им новой книге, «Императорская Гвардия», генерал Краснов уже не успел!..

Сначала болезнь, а затем нахлынувшая Вторая Мировая Война с ее трагическим концом для русских патриотов, боровшихся с оружием в руках за освобождение своей Родины от коммунистического рабства, были причиною того, что генерал Краснов не смог выполнить своего обещания. – Доблестный генерал Русской Императорской Армии и Атаман Всевеликого Войска Донского генерал П. Н. Краснов был

обманут, и предательски выдан на расправу врагам своей горячо любимой им Родины, приняв мученическую смерть.

В распространении легенды о том, что «гарнизон Царскосельского Императорского Александровского Дворца покинул Дворец», противоестественно объединились такие лица, как генерал Воейков и один из главных творцов революции – Керенский!

Буйная фантазия Керенского была так велика, что он, совершенно не считаясь с датами и историческими фактами, в своих воспоминаниях и в публичных выступлениях повторял созданную им революционную сказку о том, что «к полудню 28-го февраля Царица и Ее Дети находились уже под охраною революционных сил» и что «революционеры бегали в аптеку за лекарствами для больных Царских Детей» ...

В действительности же 28 февраля в Царскосельский Дворец прибыли не «революционные силы», а воинские части, входившие в состав гарнизона Дворца!

С. П. Мельгунов в журнале «Возрождение» (Тетрадь 12-я, стр. 143, 148 и тетрадь 10-я стр. 136-139) пишет следующее:

«Имеются и воспоминания Керенского, но только во французском издании его «Революция 17 г.» (Книга издана в 1928 году).

«Внешне мемуарист хочет быть очень точным. Им указываются даже часы ответственных решений в эти дни. Но это только внешняя точность, ибо даты безнадежно спутаны. Память Керенского так же сумбурна, как сумбурны сами события, в которых ему пришлось играть активнейшую роль, когда он падал в обморок от напряжения и усталости и когда, по его собственным словам, он действовал как бы в тумане и руководствовался больше инстинктом, нежели разумом»...

«При таких условиях не могла получиться фотография того, что было в 17 году»... (На это Керенский претендовал в своих парижских докладах). – «Поэтому все самое суще-

ственное прошло мимо сознания мемуариста, *самоутешающегося тем, что события не могли идти другим путем». – «Керенский, не очень следящий за своими словами, в одной из последних книг «La Verité» («Истина» – утверждая не истину) писал, что к ночи 28-го вся страна с армией присоединилась к революции»…*

«Для иностранных читателей может быт убедительно свидетельство Керенского, что на всем протяжении Империи не нашлось ни одной части, которую фактически можно было двинуть против мятежной столицы, то же, конечно, говорит и Троцкий в своей «Истории революции».

«Что фактически не верно!» (подчеркивает С. Мельгунов). *«Войска на фронте были осведомлены о событиях только лишь после их завершения, а генерал Иванов с Георгиевским батальоном к вечеру 1-го марта дошел до Царского Села и «нашел здесь все в состоянии довольно спокойном и охрану Царскосельского Дворца надежной!»* (Стр. 138. Тетр. 10).

Далее С. Мельгунов в своей статье *«Творимые легенды»* (стр. 136-139. Тетр. 10) *опровергает «истину» Керенского!*

Статья С. Мельгунова «Творимые легенды», в которой он опровергает одну из них – «гарнизон Дворца покинул Александровский Дворец», имеет исключительное значение в установлении исторической правды.

«Керенский в книге «La Verité» и в предшествующей книге – «L'Experience», опираясь отчасти на показания дочери Лейб-медика Боткина, по существу и хронологически очень неточные, изобразил положение в Царском Селе критическим к полудню 28-го февраля, когда Царица и Ее Дети находились уже под охраной революционных войск»...

«Насколько это не соответствовало действительности, показывает рассказ того же члена Государственной Думы Демидова, который был командирован Временным Комитетом, вместе с другим членом Думы Степановым в Царское Село, и на которого ссылается Керенский».

«…Вечером 28 (февраля) Милюков обратился от имени Временного Комитета к Демидову и Степанову с предложением поехать в Царское Село». – «Есть одно серьезное дело, – сказал он им, – «Из Царского получены тревожные и противоречивые слухи: по одним Царскосельский гарнизон идет на Петроград, по другим – там с минуты на минуту грозит вспыхнуть мятеж. Необходимо попытаться предупредить и то и другое». – «На следующий день (т. е. 1 марта) – рассказывает Демидов – друзья проводили нас сумрачно». – «У нас на душе было волнительно и заботливо!» – «Царское Село – там стояли стрелки Императорской Фамилии, невольно думалось, что слухи о походе на Петроград вернее слухов о готовившемся взрыве на месте»…

«О нашем приезде было дано знать и нас встречали» – Депутаты Государственной Думы поехали в ратушу, где шло гарнизонное собрание и «объявили о переходе власти в руки Государственной Думы!»…

«Нас окружили офицеры. У всех одна просьба: ехать немедленно в казармы. Войска еще в руках»…

«По окончании объезда депутатами казарм, в ратушу приехал Дворцовый комендант фон Гротен, с которым у Демидова произошел такой приблизительно разговор»:

…«До приезда Государя – сказал комендант, – я ничего не могу делать другого, как защищать дворец до последней возможности»…

«Я не могу ни с кем входить в переговоры»… «Мы, конечно, нападение отобьем, но это будет ужасно!»…

…«Могу ручаться, – перебил генерала Демидов, – что этого не случится, если не будет какого-либо вызова со стороны дворцовой охраны»…

«За это я ручаюсь – в свою очередь сказал фон Гротен, и попросил заехать во дворец». – «Подумайте генерал, – возразил депутат, – ведь говорить мы можем только от лица Государственной Думы» … «Каково будет ваше положение?»…

«Этот характерный разговор (указывает С. Мельгунов), «дистанция огромных размеров» от описания, которое подсказывало Керенскому его тогдашнее революционное чувство, и позднейшее желание представить перед иностранцами мощный единодушный порыв февральских дней, и полную изоляцию уходившей в историю монархии...»

«Отметим, как реагировала на все эти факты в своем дневнике Гиппиус, приходившаяся двоюродной сестрой Степанова».

«Она записала 2-го марта: **! «...***Демидов и Вася ездили в Царское от Дум. Ком. – назначить «коменданта» для охраны Царской Семьи».*

«Поговорили с тамошним комендантом и как-то неожиданно глупо вернулись вообще...»

«По словам Керенского, члены Думы были посланы для того, чтобы выяснить, в каком положении находится Царская Семья среди мятежного гарнизона. Демидов будто бы установил, что Царица была немедленно всеми оставлена, и вынуждена была сама ухаживать за больными детьми. – Фон Гротен просил новую власть взять на себя охрану Царской Семьи». – «Позднейший рассказ Демидова все это опровергает, как опровергает и занесенную в воспоминаниях Вырубовой версию». – «Вырубова была больна, лежала с жаром и, вероятно, в представлении ее все достаточно перепуталось – поэтому ей казалось, что бунтующие с пулеметами надвигаются на Дворец для того, чтобы его разгромить, и что охрана Дворца покинула его уже 1-го марта, и что по самому Дворцу уже ходят кучки революционных солдат»...

«Из письма Государыни 2-го марта видно, как сгущается постепенно атмосфера, как изолируется понемногу Дворец от внешнего мира, и как близкие люди попадают на учет или оказываются арестованными»... «Ты прочтешь между строк и почувствуешь» – писала Она Государю: « – всего не скажешь в письме»...

«Но как все это далеко от того жуткого «нечеловеческого» одиночества, о котором говорил в своих парижских докладах (уже

для русской публики) в 36 году Керенский, когда с образностью, переходящей в фальшь, утверждал, что Царская Семья всеми была покинута и... «революционеры бегали в аптеку за лекарствами для больных детей...» – «На воспоминания Керенского, лично не бывшего в эти дни в Царском Селе, вероятно, оказало влияние «свидетельство» той же Вырубовой, утверждавшей, что из Царского окружения «спаслись все, кто мог»... – Вся неправда о чинах гарнизона Александровского Дворца, созданная фантазией Керенского и Вырубовой, опровергается указанными свидетельствами графа Апраксина и Демидова – лиц, которые в своих показаниях были не только независимы друг от друга, но и по своему положению – Личный Секретарь Ее Величества и член Государственной Думы, – стояли на диаметрально противоположных полюсах.

С. Мельгунов в той же своей статье «Творимые легенды» пишет о том, что «правдивую картину происходившего в Александровском Дворце дал в своих воспоминаниях бывший придворный скороход, эстонский гражданин Оамар». По его сведениям, когда со стороны расквартированных в Царском Селе частей послышалась беспорядочная стрельба, гарнизон Дворца усилил свои посты и выставил у ворот Дворца пулеметы. Государыня Императрица отменила это распоряжение.

«Должен заметить», пишет Оамар, «что Государыня выказала себя в эти тревожные дни и ночи женщиной с крепкими нервами и большой выдержкой характера. Она несколько раз, раза два даже в 2–3 часа ночи спускалась в подвалы Александровского Дворца, проходила медленно мимо стоявших чинов гарнизона Дворца, и, бодро смотря им в глаза, говорила: «прошу ни при каких обстоятельствах не стрелять, быть хладнокровными, стараться уговаривать словами. – Я готова все претерпеть, только не хочу крови...»

«Среди собранных для охраны Дворца солдат и казаков Конвоя, в виду их отрезанности от остального мира и носившихся слухов о готовящемся обстреле из орудий и штурме Дворца, возникло

тревожное настроение»... – Далее скороход Оамар, в своих воспоминаниях указывает, что депутация от солдат и казаков, надевших на рукава белые повязки, «выехала на грузовике в казармы Л.-Гв. 1-го Стрелкового полка, откуда раздавалась беспорядочная ружейная стрельба». – ...«Как оказалось, действительно, орудия были направлены дулами по направлению Александровского Дворца»...

«Согласились обоюдно охранять порядок во Дворцах и на прилегающих к ним улицам – Сводно-Пехотному полку и казакам Конвоя Е. В., а вокзалы и остальную часть улиц Царского Села и Павловска – стрелкам».

«По выяснению прибывшими парламентерами настроение среди казаков и солдат улеглось». – «Между обеими сторонами была установлена нейтральная зона». – Казаки Конвоя и солдаты Сводного полка продолжали нести свою службу. Оамар говорит о том что, по установлении нейтральной зоны – «дворцовая охрана надела белые повязки».

По приказанию генерала Ресина эти повязки чины гарнизона Дворца действительно должны были надевать, но только вне района ими охраняемого, т. е. при необходимом выходе за линию установленной нейтральной зоны.

В конце своей статьи «Творимые легенды», С. Мельгунов пишет, что бывшая замужем за Князем Иоанном Константиновичем Сербская Королевна Елена Петровна, посетившая Дворец 1-го марта, ошибочно указывает на то, что «охрана Дворца была разоружена».

1-го марта, точнее в ночь на 2 марта генерал Иванов был принят Государыней Императрицей в Александровском Дворце и «установил охрану Дворца надежной». (Стр. 138. С. Мельгунов: «Творимые легенды»).

Насколько не ясно представляли себе обстановку тогда и впоследствии, не только Княгиня Елена Петровна, но и другие лица из Великокняжеской среды – показывают воспоминания Княгини Палей, рассказывающей, что «генерал Иванов достиг Колпино, где

был арестован мятежными войсками…» («Творимые легенды». Стр. 144).

Не только неясное представление всей обстановки, сложившейся в дни февраля и марта 1917 года, но и видимое нежелание логично и добросовестно разобраться в таковой привело к тому, что существует «обвинение» Конвоя в том, что он, когда Государь Император находился в Пскове, должен был бы проявить инициативу, и «вывезти» Государя из Пскова непосредственно на фронт.

Слишком легко теперь рассуждать об «упущенной инициативе» в Пскове, при исполнении которой «были бы оправданы даже насильственные действия», не говоря уже о том, что в то время подобный поступок, т. е. «вывоз» Государя Императора из Пскова, был бы допустим только лишь в том случае, если бы на то была воля Его Величества. Как мог Конвой совершить это «насильственное действие», если он, во время отречения Государя Императора от Престола, кроме обычного наряда, сопровождавшего Его, находился за сотни верст от Пскова, неся службу в Царском Селе, Могилеве и Киеве?

Так же, не считаясь с фактической обстановкою, проводится тенденциозная и неуместная параллель французской революции и русской, причем Конвой «обвиняется» в том, что он не поступил по примеру Швейцарской гвардии Людовика XVI.

Однако при воспоминании об этой гвардии не находят нужным вспомнить ту историческую обстановку, при которой погибла Швейцарская гвардия. – Швейцарцы умерли на лестнице Версальского дворца, защищая Короля, которому они служили, *но те же швейцарцы не смогли бы умереть, если бы не было нападения на Версаль, и к его знаменитой лестнице не подошел бы ни один инсургент, а сам Людовик XVI отрекся бы от французского престола*!

Защищать и умирать защищая можно только тогда, когда есть элемент, покушающийся на то, что поручено охране, *а когда вооруженного нападения нет, и... нет борьбы*!?.

Сравнивать гибель Швейцарской гвардии при нападении на дворец в Версале и не гибель Императорского Конвоя при отсутствии вооруженной борьбы в Пскове, Царском Селе и Киеве, значит незаслуженно обвинять тех, кто неповинен в том, что Государь Император принужден был отказаться от борьбы.

Величайшая трагедия прежде всего для самого Государя-Мученика, для всех честно и преданно Ему служивших и вообще для всей России заключается именно в том, что отказаться от борьбы с возникшим в Петрограде бунтом и «для блага Родины» принести Себя в жертву, Государя принудили Его ближайшие помощники, – лица, занимавшие в Русской Императорской Армии высшие командные должности – доказывая «невозможность при создавшейся роковой обстановке принять какое-либо иное решение...»

О том, как неправда о Конвое в Зарубежной печати не только повторяется, но и создается вновь, служит следующий пример:

В известном журнале «Часовой» («Орган связи Российского Национального Движения») в 1934 году был помещен отзыв о книге В. В. Свечина – «Светлой Памяти Императора Великомученика Николая II».

В этой книге автор, в очерке «Чудо» описывает появление банды Масловского в Царскосельском Александровском Дворце, когда у Дворца находились «часовые от революционных войск». – Рецензент журнала, на основании того, что «до окончательной корректуры» была допущена ошибка (как впоследствии объяснял сам редактор журнала), изменившая совершенно смысл того, что пишет в своей книге В. В. Свечин, позволил себе к этой ошибке присоединить и свое собственное заключение, создав новую, им самим вымышленную клевету на Конвой.

Как это ни странно, этот пасквиль все же был допущен редакцией в своем журнале. – Появление этого пасквиля в журнале, считавшимся близко связанным с Русскими Воинскими Организациями, было настолько непристойно, что командовавший в то время Дивизионом Конвоя полковник К. Ф. Зерщиков (19-го января) в письменной форме отправил самому редактору журнала «Часовой» свое официальное заявление.

В ответ на заявление командира Дивизиона, редакция журнала в № 120 (стр. 29) от 1-го февраля 1934 года, поместила свое «разъяснение»:

«О Собственном Его Величества Конвое»
(Разъяснение редакции)

«В № 116–117 «Часового» был помещен отзыв о недавно вышедшей книге В. В. Свечина – *«Светлой Памяти Императора Великомученика Николая II»*.

«На странице 21-ой книжки, в очерке «Чудо» помещены следующие строки: – *«Дремлет стража у дворцовых ворот, утратившие солдатский вид часовые от «революционных войск». – Они не охраняют покой и безопасность тех, кто почивает во дворце, как охраняли своего Державного Шефа и Его Семью лихие красавцы-казаки Конвоя и солдаты Собственного Его Величества пех. полка – эти лучшие из лучших Императорской Гвардии и Армии».*

«Нет! – Изменив присяге, они обратились в тюремщиков и стерегут царственного узника от возможных попыток его освобождения...»

«По роковой случайности нам попался экземпляр книжки (как проверено, вероятно *единственный*), в котором, благодаря капризу типографской машины, (очевидно, экземпляр, напечатанный *первым*, до окончательной корректуры), – вы-

пали строчки: *«часовые от «революционных войск». – Они не охраняют покой и безопасность тех, кто почивает во дворце, как охраняли своего Державного...»,* что совершенно изменило смысл фразы и дало рецензенту право думать о том, что тюремщиками явились казаки Конвоя и Собственный Его Величества пех. полк». – «Редакция приносит свои извинения автору книги, глубокоуважаемому В. В. Свечину и чинам указанных частей, на которые легло тяжелое и совершенно несправедливое обвинение».

«Наш рецензент присоединил к вышеприведенной фразе свое собственное заключение»...

«По поводу этого мы получили из г. Белище (Югославия) письмо от 19-I от полковника *Зерщикова*, в прошлом офицера Собственного Его Величества Конвоя, а ныне Командира Дивизиона: – «Не ссылаясь ни на какие законы о печати» полковник Зерщиков обращается к нам со следующими разъяснениями:

...«Никогда «тюремщиками» Государя Императора и Его Семьи ни Конвойцы, ни чины Собственного Его Величества пех. полка не были!

До последних минут службы Их Величествам они оставались Их преданной охраной, что и представлялось особенно беспокойным Временному Правительству и революционному Царскосельскому гарнизону, и что вызвало распоряжение Вр. Правительства о смене этих частей частями упомянутого гарнизона.

Смена эта («Началось с увода преданных частей Собственного Его Величества полка и Конвоя, за все последние дни выказавших, особенно Конвой, много душевной чуткости и деликатности», так пишет об этой смене в своем дневнике свидетель и участник событий в Александровском Дворце граф П. Н. Апраксин) была произведена 8-го марта около 4-х часов дня. Государь Император в Александровский Дворец прибыл 9-го марта в 11 часов 45 минут дня!

Банда Масловского явилась во Дворец не в ночь на 8-е марта, а в 7-м часу вечера 9-го марта, в день прибытия Государя...»

(Даты по дневнику графа П. Н. Апраксина и по собственным запискам).

Прибытие банды Масловского в Александровский Дворец подробно описывает свидетель этого события, Личный Секретарь Ее Величества граф Апраксин в своей статье – «9-го марта 1917 года в Царскосельском Дворце». («Новое Время». 17 марта 1922 г. № 268.)

«...В 6 часов 40 минут вечера в карауле произошел переполох. – Перед запертыми дворцовыми воротами остановилось несколько автомобилей, из них вышли вооруженные солдаты, во главе с офицером в полковничьих погонах. Он назвался полковником Масловским, делегатом от Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Приехал он якобы для того, чтобы самолично удостовериться в присутствии Государя в Царском.

Никакого полномочия от Царскосельского коменданта у него не было, но он грозил, что с ним приехали и на вокзале ожидают результата его миссии несколько броневиков с сотнею солдат.

«Я пришел на скандал, когда Масловский и его несколько товарищей уже находились в передней Дворца и порывались пройти во внутренний коридор, куда выходили двери из жилых комнат Их Величеств. – Это ему, наконец, удалось, но в самом начале коридора он был остановлен караульными офицерами. Шла перебранка!

Возбужденные донельзя прапорщики Царскосельского караула возмущались, что совет рабочих и солдатских депутатов не верит в их революционность, и не доверяет им вполне.

Масловский, имевший вид ненормального человека, махал ордером совета, подписанным одним из виднейших членов совета. В ордере глухо говорилось о каком-то поручении чрезвычайной важности. Среди спора выяснилось, что у Масловского чуть ли не поручение арестовать Государя и увезти Его в Петроград.

Я спрашиваю его: «скажите же нам, кто является для нас начальством. И чьи распоряжения мы должны исполнять?» – Прапорщик из караула, не давая отвечать Масловскому, перебивает меня и, демонстративно возвышая голос, почти кричит: – у нас одно начальство – Временное Правительство!..

Наконец, пререкания окончились соглашением: уговорились, что Государь покажется Масловскому, а последний с тем и уедет в Петроград. – Надо было получить еще согласие на это Государя, так как в комнаты Масловского караульные впустить не хотели, опасаясь террористического акта, и предполагалось, что Государь выйдет в конце коридора из гостиной Императрицы и пройдет в противоположную дверь в свой кабинет.

Я очень опасался, что Государь откажется показывать Себя при таких условиях, но князь Долгоруков, который отправился доложить обо всем, вернулся и объявил, что Государь согласился очень охотно. – «Пусть смотрит, если ему этого хочется»...

И вот через несколько минут в конце ярко освещенного коридора показался Государь, остановился на секунду, повернул голову, посмотрел на нас и прошел в кабинет. – Масловский, очень сконфуженный, пробормотал несколько слов и поспешил ретироваться.

Да и было пора, так как среди караула новое унижение Царя вызвало сильную реакцию. Двое прапорщиков сказали мне тут же вслух при всех, что они смотрели все время не на Государя, а на Масловского, готовые прикончить его тут же, при малейшем движении с его стороны...»

Свидетельство Личного Секретаря Ее Величества, что в Александровском Дворце 9-го марта находились «прапорщики из караула Царскосельского гарнизона», категорически опровергает ложное заявление сотрудника журнала «Часовой» о том, что во время появления во Дворце банды Масловского караул состоял из казаков Конвоя и солдат Сводного Пехотного полка, «превратившихся в тюремщиков»...

Командир Дивизиона полковник Зерщиков во второй части своего официального заявления редактору журнала «Часовой» сообщает краткие сведения о службе Конвоя в дни революции, подтверждая это историческими фактами, об участии его в борьбе с красными на Юге России, когда Конвой – «сменил не раз полный состав Дивизиона, по сей день сохранил нашу родную Часть крепким наличным кадром и, по мере сил, подготовил его для новой службы Родине».

Редакция журнала «Часовой» свое «разъяснение» по поводу клеветы на Конвой, помещенной в № 116–117 (1934 г.) журнала заканчивает следующими словами: ...«Редакция крайне сожалеет, что она, против своей воли, нанесла обиду б. чинам Собственного Его Величества Конвоя, действительно доблестно участвовавшим в Добровольческой Армии и сохранившим за рубежом одну из наших лучших воинских частей. Об их работе в Югославии мы писали много раз, и даже посвятили ей специальный номер «Часового» (№ 90)...»

«Принося искренние извинения полковнику Зерщикову и г.г. офицерам Дивизиона», редакция журнала сообщила, что она – «с готовностью предоставила свои страницы офицерам Конвоя для выяснения исторической правды»...

Полковник Зерщиков воспользовался этим любезным предложением редакции. В 1953 году, в том же журнале (№ 327 стр. 16–17.) была помещена статья «Основатель Добровольческой Армии», в которой сказано: «...В Царском Селе

генерал Иванов, прибыв во Дворец к Государыне, установил, что Царская Семья надежно охраняется и, получив позже сообщение, что к станции с артиллерией и пулеметчиками движется батальон сводно-гвардейского полка, решил вывести своих георгиевцев на ст. Вырицу, т. е. отойти несколько южнее, с целью избежать столкновения...»

Если «сводно-гвардейским полком» назван Собственный Его Величества Сводный Пехотный полк, то сведение о выступлении батальона этого полка против георгиевцев (для чего будто бы этот батальон совершил движение с артиллерией и пулеметами на станцию Царское Село) не верно! – Исполняя свой долг охраны Царской Семьи, батальон Сводного Пехотного полка исправно, как всегда, нес службу в Александровском Дворце и из района охраны Дворца никуда не выступал, тем более против тех, кто прибыл в Царское Село для усмирения взбунтовавшихся солдат запасных батальонов.

В этой же статье имеются и следующие строки: «...1. 3. около 16 ч. произошло демонстративное присоединение к Г. Думе Гвардейского Экипажа, от имени которого направлен был призыв к начальникам Царскосельского гарнизона сделать то же самое, после чего дворцовая полиция, Собственный Е. В. Конвой, Собственный Е. В. полк и Собств. Е. В. ж. дор. полк, перешли на сторону новой власти ... »[246]

О том, как нес свою службу Дворцовый гарнизон, в который указанные воинские части входили, изложено в предыдущей главе.

Странная версия, что «*от имени Гвардейского Экипажа* был направлен *призыв* к начальникам Царскосельского гарнизона» – «*сделать то же самое*» – т. е. совершить «демонстративное присоединение к Государственной Думе» – результат всех

---

[246] Автором статьи Дворцовый гарнизон ошибочно назван «Царскосельским», составу которого он не принадлежал.

сенсационных, к сожалению, укоренившихся слухов, связанных с именем Командира Гвардейского Экипажа. (С. Мельгунов. «Приказ № 1. «Возрождение». Сентябрь–октябрь. 1951 г. Стр. 131.)

Командиру Собственного Его Величества Сводного Пехотного полка генералу Ресину, того же полка полковнику Лазареву и командующему дивизионом Собственного Его Величества Конвоя есаулу Свидину *никакого «призыва от имени Гвардейского Экипажа» не было и не могло быть*. – Если допустить, что существовал этот «призыв», то призывать «к демонстративному присоединению к Г. Думе» части гарнизона Александровского Дворца могли бы только лишь матросы, но они тогда, конечно, не призывали бы «начальников», т. е. генерала Ресина, полковника Лазарева и есаула Свидина, *а обратились бы непосредственно* к солдатам Сводного Пехотного полка и казакам Конвоя.

О том, что призыв к каким-либо демонстрациям не мог последовать со стороны лиц командного состава Гвардейского Экипажа, подчеркивать, разумеется, не приходиться!

Был не «призыв», а вызов в Петроград, и этот вызов относился только к чинам батальона Гвардейского Экипажа. Этот вызов произвел сильное впечатление на всех чинов частей, охранявших Александровский Дворец и, прежде всего, на г.г. офицеров Гвардейского Экипажа.

Фактически 1-го марта в Таврический дворец явился урядник Сторчак со своей небольшой группою, состоящей из солдат нестроевой команды и казаков, не постоянного состава Конвоя, а петроградской команды формировавшейся новой сотни, главным образом, из казаков георгиевских кавалеров армейских полков.

Урядник Сторчак не являлся «представителем» дивизиона Конвоя, находившегося в Царском Селе и несшего службу в Александровском Дворце. В Государственную Думу никто урядника

Сторчака не посылал и на прибытие туда его не уполномачивал. Прибыл он в Думу к есаулу Караулову по собственной инициативе. Цель его прибытия и его поведение подробно описаны в главе восьмой.

Появление *петроградской группы* Сторчака в Государственной Думе не является «переходом на сторону новой власти» *Царскосельского дивизиона Конвоя,* входившего в состав Дворцового гарнизона.

Именно в этот день, т. е. 1-го марта, этой «новой власти» в лице, прибывших в Царское Село членов Государственной Думы, Демидова и Степанова, генерал фон Гротен заявил, что гарнизон Дворца исполнит свой долг и отобьет нападение на Дворец! – Совершенно естественно, генерал Гротен этого заявления не мог бы сделать, если бы подчиненные ему воинские части Дворцового гарнизона «демонстративно перешли на сторону новой власти»...

Того же 1-го марта от частей Дворцового гарнизона действительно *были посланы представители, но не к «новой власти», а к Государю Императору*! По повелению Ее Величества с личными письмами Государыни были командированы хорунжий Грамотин – от Конвоя и поручик Соловьев – от Сводного Пехотного полка. Этих представителей Дворцового гарнизона Генерал-Квартирмейстер Штаба Северного фронта генерал Болдырев называет в своем дневнике – *«представителями старого порядка».* (С. Мельгунов. «Опыт исторического анализа». Тетрадь 10-я, стр. 135. Журнал «Возрождение».)

Генерал Спиридович («Великая Война и февральская революция». Т. III. Стр. 207–208.) указывая на то, что *1-го марта* к Государственной Думе «подходили запасные батальоны Гвардейских полков, при них много офицеров», пишет и о группе урядника Сторчака: «*...явилась команда Конвоя Его Величества из нестроевых чинов. При ней не было ни одного офицера*».

Третий том воспоминаний генерала Спиридовича вышел из печати, когда глава девятая настоящей книги была закончена,

но из-за непредвиденных осложнений с изданием, в 1961 году в печать не поступила, что дало возможность к этой главе добавить следующее:

Генерал Спиридович был хорошо известен всем офицерам Конвоя. Нет никаких сомнений в том, что если бы он был жив, то те сведения о Конвое, которые он поместил в своей книге, были бы лично им самим дополнены и изменены, тем более, что это исправление выступает само собою из его же противоречивых сведений:

1. Стр. 295. – «...Государь *видимо* (подчеркнуто Н. Г.) был очень задет сведениями о Своем Конвое, о приходе в Государственную Думу Его Конвоя». Генерал Спиридович пишет, «видимо» ссылаясь на слова принимавшего участие в отречении от Престола Государя Императора генерала Савича, который *«знал», что именно «думал» и чем был «очень задет» Государь в тот роковой час, когда к Нему прибыл Его генерал-адъютант – Главнокомандующий фронтом и два генерала его помощника и... дерзнули «просить» Государя Императора принести Себя в жертву и отказаться от Верховной Власти!..*

2. Стр. 208. – Однако сам генерал Спиридович указывает: *«Конвой Его Величества до отречения Государя честно нес свою службу Государю».*

3. Стр. 289. – Генерал Спиридович повторяет неправду о Конвое – сообщение генерала Клембовского, переданное в Псков генералу Болдыреву («о прибытии Конвоя Его Величества в полном составе в Государственную Думу») *и сам же лично эту неправду опровергает!*

4. Стр. 207–208. – Говоря о подходе к Государственной Думе запасных батальонов и других воинских частей, при них много офицеров, словами: *«явилась команда Конвоя Его Величества из нестроевых чинов. При ней не было ни одного офицера» – подчеркивает тот факт, что сведение «о прибытии полного состава Конвоя в Государственную Думу» – было ложно!*

5. Стр. 308. Генерал Спиридович пишет, что в Пскове Гучков сказал Государю о том, что «в Думу прибыла делегация Дворцового гарнизона, которая просила выдать ей документы, с удостоверением, что они находятся на стороне движения»...

6. Стр. 200. – Но сам эту «делегацию» называет парламентерами, «которых в целях безопасности Царской Семьи, *начальство* решило послать в Думу». Парламентеров, «посланных лицами, ответственными за охрану Царской Семьи просили продолжать охрану порученных лиц и имущества», *выдав им «удостоверение» в том, что они охраняют Александровский Дворец и Лиц, в нем находившихся.*

7. Стр. 219. – Парламентеры с своей стороны заявили – «мы умрем как один за Царскую Семью! Мы не будем действовать против гарнизона, но и они не должны выступать против нас. Мы исполняем поручение Государственной Думы». – «Такое разъяснение вопроса, внесло успокоение»...

Генерал Спиридович в своем описании того, что говорил Государю в Пскове Гучков, должен был бы сам указать, что сделанное Гучковым Государю сообщение о Дворцовом гарнизоне – очевидная провокация той цели, ради которой «лица, ответственные за безопасность Царской Семьи», решили от Дворцового гарнизона послать в Думу парламентеров, ибо – «удостоверение», что Дворцовый гарнизон продолжает нести свою службу охраны Дворца – одно! А «документ» – «о нахождении на стороне движения» – другое!..

Ни генерал Спиридович, (кстати арестованный в тот же день, когда представители Временного Комитета Государственной Думы прибыли в Псков), ни один из авторов книг, изданных в за рубежьи, описывая прием Государем Гучкова и Шульгина, не могли точно знать всех подробностей разговора Государя с приехавшими делегатами Временного Комитета Государственной Думы. Даже сами Гучков и Шульгин в своих последующих показаниях в некоторых подробностях были не

точны, на что определенно указывает Личный Секретарь Ее Величества Государыни Императрицы граф П. Апраксин в своем дневнике («9-го марта 1917 года в Царскосельском Дворце» – «Новое Время» № 268. 1922 г.)

В описании прибытия Государя Императора в Царское Село, у графа П. Апраксина имеются следующие строки: «...За завтраком и после него князь Долгоруков рассказывал нам подробности, связанные с отречением. Он и начальник военно-походной канцелярии генерал Нарышкин присутствовали все время при разговоре Гучкова и Шульгина с Государем и записали весь разговор со стенографической точностью. *Запись эта в некоторых подробностях различествует с помещенными в газетах рассказами Гучкова и Шульгина, и представляет собой документ громадной исторической важности»...*

Говоря о «парламентерах», якобы «посланных лицами, ответственными за охрану Царской Семьи, в Государственную Думу в ночь на 1-е марта», генерал Спиридович ночь на 1-е и день 1-го марта описывает другими словами.

8. Стр. 199. – «...Вечером (28 фев.) около 8 часов солдаты различных частей Царскосельского гарнизона высыпали на улицу с ружьями. Музыка играла марсельезу. Кричали ура, стреляли в воздух. Начался военный бунт! *Но ко Дворцу, при первом слухе о бунте, были уже вызваны по тревоге: Собственный полк, Конвой Его Величества, рота Железнодорожного полка и батарея воздушной обороны.*

Отряд был выстроен в ограде Дворца. Отряд, которым командовал ген. Гротен, был готов к какому угодно нападению. Настроение солдат и офицеров было великолепное! А шумевшие толпы то приближались к Дворцу, то удалялись, не смея начать нападение. Вдали слышалась беспорядочная стрельба...»

9. Стр. 200. – «...Военное начальство Дворца, понимая, что всякое столкновение сторон опасно для жизни Царской Семьи, вошло в переговоры с мятежниками. Мятежники за-

явили, что если войска охраны начнут стрелять, они тяжелой артиллерией разнесут Дворец. Мятежникам отвечено, что войска охраны первыми не начнут стрелять, *но если гарнизон попытается сделать нападение – он получит решительный отпор.* Из гарнизона предложили, чтобы Дворцовая охрана отправила в Гос. Думу парламентеров, а до их возвращения установить нейтральную зону. В целях безопасности Царской Семьи, начальство решило послать делегатов-парламентеров в Думу».

«Царица волновалась за болезнь Детей и за Их безопасность от столкновения сторон. Царица упрашивала предупредить столкновение». «Отъезд делегатов подействовал на бунтовщиков успокоительно...»

С соизволения Ее Величества, «парламентеры» действительно были отправлены, но не в Думу, а к взбунтовавшемуся Царскосельскому гарнизону, после чего была установлена нейтральная зона, разделявшая район охраны Александровского Дворца от района города Царское Село, занятого его гарнизоном. («Творимые легенды». Показание придворного скорохода Оамар. С. Мельгунов. Т. 10. Стр. 136–139.)

10. Стр. 201. – В описании «Ночного Выхода» Государыни Императрицы к войскам, прибывшим во Дворец по тревоге (ночь на 1-е марта), у генерала Спиридовича говорится: «Часов около трех ночи тревога улеглась» – «Вокруг Дворцовой ограды, как обычно, разъезжают казаки Конвоя Его Величества».

11. Стр. 219. – О дне 1-го марта пишет: «Когда депутаты Государственной Думы Демидов и Степанов объехали все казармы гарнизона Царского Села, и «подчинение Государственной Думе было и заявлено и принято», – «генерал Гротен съездил к депутатам в ратушу. Просил их содействия, чтобы гарнизон не нападал, т. к. в противном случае, охрана выполнит свой долг до конца и произойдет кровопролитие»... «Государыня же умоляет не доводить до него!..»

12. Стр. 274. – «...2-го марта в Царском Селе шел грабеж. Грабили винные магазины. Разнузданные банды солдат бродили по городу...» К этому же генерал Спиридович добавляет: *«Но между городом и Дворцом была установлена нейтральная зона, и банды и толпа за нее не переступали...»*

13. Стр. 276. – Помещает в своей книге сообщение генералов Клембовского и Лукомского: «Царская Семья находится в руках мятежных войск...», и замечает: *«Сведения о занятии Дворца войсками были совершенно не верны...»*

14. Стр. 276–290. – Он пишет: «Сведения о Конвое Его Величества произвели в штабе (Северного фронта) большую сенсацию» – *И сам же отмечает: «Ставка или продолжала питаться лживыми сведениями, или застращивала Псков, дабы подтолкнуть Государя на отречение...»*

Такое же противоречие у генерала Спиридовича и в описании бунта солдат запасных батальонов Гвардейских частей. – Все славные полки Гвардии были на фронте, и никакого участия в бунте петроградского гарнизона не принимали. На фронте же находились почти все не раненые (или прибывшие из госпиталей, после ранения) кадровые офицеры этих полков. Но генерал Спиридович (на стр. 208) пишет: – «Подходили (к Думе) запасные батальоны гвардейских полков. *При них много офицеров. Забыт девиз Андреевской звезды «за Веру и Верность...»*

Кроме этого незаслуженного обвинения доблестным офицерам Гвардии, словами: «бунт в *Павловском полку*», – «*Кексгольмцы* были деморализованы», – «*Преображенцы* признали власть Комитета Госуд. Думы», наносится обвинение уже не запасным батальонам, а самим историческим полкам Гвардии. К этому (стр. 146–147) он пишет: «...В то время, как Родзянко «думал» изменять или не изменять Государю, из казарм запасного батальона Преображенского полка офицер «Н» протелефонировал, что офицеры и солдаты батальона

предоставили себя в распоряжение Гос. Думы»... «огромное впечатление произвело на всех, а на Родзянко в особенности, полученное заявление, *хотя он и знал, что это лишь жонглирование именем славного полка! Л.-Гв. Преображенский полк находился на фронте. В Петрограде был лишь его запасный батальон!»*

И после этих слов о жонглировании именем старейшего полка Императорской Гвардии, совершенно неожиданное заключение: «Столь пламенно проявленный порыв к «свободе» Преображенцев явился исключением...»

Кроме этих приведенных противоречий, к глубокому сожалению, генерал Спиридович, на основании чудовищных, дошедших до него слухов, поместил в свою книгу нелепую фантазию о том, что некоторые офицеры Собственных частей будто бы были «участниками» так называемого «дворцового переворота». Что «были известны фамилии их». Почему эти фамилии не были объявлены?!. Генерал Спиридович объясняет так: «это сочли за очередную сплетню и дело было прекращено»... И с горечью надо добавить – эта глупая сплетня все же была помещена в книге генерала Спиридовича. – О том, что кем-то подготовлялся «дворцовый переворот» офицеры Собственных частей не имели никакого представления. О существовании его они впервые услышали только после отречения Государя Императора, а впоследствии из книги генерала Данилова «Великий Князь Николай Николаевич» (Стр. 314–318.) узнали о том, как предполагали действительные заговорщики его осуществить.

Помещена в книге генерала Спиридовича и другая, неизвестным «очевидцем» выдуманная, фантазия, что будто бы в Государственной Думе, у собранных там продуктов стояли «как бы для декорации» «два конвойца в красных мундирах». (Стр. 208).

Кому как не генералу Спиридовичу, поместившему в свою книгу подобную нелепость, было хорошо известно, что

с конца 1915 года конвойцы не носили форму, присвоенную им в мирное время, а черкески из сукна защитного цвета.

На основании таких же неверных слухов (как и о двух конвойцах, якобы бывших в Думе у сложенных продуктов «в алых парадных мундирах») генерал Спиридович пишет о том, что на Знаменской площади пристава Крылова «убил шашкой казак из наряда» (стр. 95).

Офицер 1-го Донского казачьего полка (от 2-й сотни которого был наряд) – С. Артемов, свидетель происшедшего убийства пристава Крылова на Знаменской площади 25-го февраля 1917 года, утверждает, что пристав был убит из револьвера.

Выстрел был произведен неизвестным лицом, стрелявшим из толпы, стоявшей непосредственно за казачьим патрулем. Командир сотни сотник Д. Артемов (родной брат свидетеля, служившего с ним в одном полку) и все казаки патруля, на которых пало подозрение в убийстве пристава, были арестованы и доставлены в Комендантское Управление. После медицинского осмотра трупа пристава Крылова было установлено, что он убит револьверной пулей, – казаки же патруля револьверами не были вооружены. Казаки были освобождены, а командир сотни сотник Артемов был предан суду «за нераспорядительность на Знаменской площади». («Родимый Край» № 22. Стр. 24, 25. А. Падалкин.)

Эти подробности приводятся только для того, чтобы отметить, что в книге генерала Спиридовича (несмотря на то, что он в описании некоторых событий указывает не только часы, но и минуты) имеются большие неточности, на основании полученных, но лично им не проверенных сведений. – При общем нервном возбуждении в дни революционного хаоса было создано много всяких вздорных слухов и легенд. Жаль, что они нашли известное отражение в труде такого человека, как покойный генерал Спиридович.

Некоторые лица, описывая дни февраля и марта 1917 года, часто пользуются записями «придворного историографа»

генерала Дубенского. Как на такового ссылается на него и генерал Спиридович, но в тоже время пишет (стр. 67), что генерал Дубенский иногда «говорил не совсем ладные вещи» – («на то он журналист»!).

Насколько сведения генерала Дубенского не всегда были точны, указывает более чем странная запись его дневника (15–22 января) – «В Царское Село командирован Гвардейский Экипаж, *так как Сводный полк не очень надежен...*»

Это утверждение «историографа» о «ненадежности» Сводного Пехотного полка *и* его запись в дневнике не отвечают исторической правде:

1. Входившие в состав Дворцового гарнизона роты батальона Гвардейского Экипажа, по вызову, ушли в Петроград до отречения Государя Императора от Престола.

2. *Батальон, по записям генерала Дубенского «не очень надежного» Сводного Пехотного полка, честно и преданно нес службу охраны Александровского Дворца и оставался на своем посту до тех пор пока «распоряжением Временного Правительства» совместно с дивизионом Конвоя не был удален из Дворца.* Причем в «Красном Архиве» сказано: «смена Дворцового гарнизона (8-го марта в 16 часов) по-видимому прошла не совсем гладко, т. к. отказались впустить их (новую охрану) за решетку Дворца, но Царица попросила к себе полковника Лазарева и... пришлось преклониться перед судьбою...»[247]) (Из книги С. Мельгунова: «Судьба Императора Николая II после отречения»).

Тому, что не фактическое положение, а личное впечатление и настроение «историографа» генерала Дубенского влияло на его сведения, служит примером его собственная запись в описании ночного поворота Литерных поездов со станции Малая Вишера на Псков.

---

[247] Полковник Лазарев принял Сводный Пехотный полк от генерала Ресина, который заменил арестованного генерала фон Гротена, исполнявшего должность Дворцового Коменданта.

Первая запись генерала Дубенского: «...Я убеждал всех, написал даже письмо С. П. Феодорову доложить Воейкову и Государю, что в виду создавшегося положения надо ехать на Псков, где штаб фронта. Псков старый губернский город. Население его не взволновано...» – «Отсюда, взявши войска, надо идти на Петроград и восстановить спокойствие!..»

Эта запись генерала Дубенского за первое марта, прочитанная на заседании «чрезвычайной следственной комиссии», в которой он говорит о необходимости противодействия революции вооруженной силой, резко приобретает совершенно иной тон следующими его же словами во второй его записи: – «...Все больше и больше определяется, насколько *правильное было решение ехать на Псков*!

«*Все признают, что этот ночной поворот в Вишере есть историческая ночь в дни нашей революции. Для меня совершенно ясно, что вопрос о конституции окончен, она будет введена наверное.* Царь и не думает спорить и протестовать. Все его приближенные за это... все говорят, что надо только сговориться с ними, с членами Временного Правительства.

Я, свидетель этих исторических событий, должен сказать по совести, что даже попыток протеста не было…

«*Старый Псков опять занесет на страницы своей истории великие дни, когда пребывал здесь последний Самодержец Николай II, и лишился своей власти, как самодержец!..*»

Такой резкий контраст в записях генерала Дубенского С. Мельгунов объясняет тем, что *с изменением обстановки менялась и психология "историографа"*». («Возрождение». Июль-август 1952 года. Стр. 152–155.)

В разных исторических трудах, касающихся роковых дней отречения от Престола Государя Императора, многие авторы невольно повторяют неверные, не соответствующие фактической правде, сведения о службе и поведении чинов Конвоя и Сводного Пехотного полка, ссылаясь на записи генерала Дубенского, *а главным образом на содержание лент разговоров по*

прямому проводу высших чинов Штаба Верховного Главнокомандующего со штабами фронтов.

В частности, в книге «Распни Его» генерала С. Позднышева на странице 318 сказано: «...Рузский начал доклад с чтения телеграмм. Это были козырные тузы в большой психологической игре. Им владела основная мысль: побольше произвести впечатления, чтобы достигнуть поставленной цели». – «Сведения были действительно убийственные. Рузский сообщил, что Собственный Его Величества Конвой перешел на сторону Думы, что Гвардейский Экипаж... и т. д.»

На запрос генералу С. Д. Позднышеву, на основании каких данных им были помещены приведенные строки о Конвое, генерал прислал выписку из официальных документов – ленту разговора по прямому проводу Помощника Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерала Клембовского с Генерал-Квартирмейстером Штаба Северного фронта генералом Болдыревым. Но сам генерал Позднышев заявил: «Опорачивать Собственный Его Величества Конвой я, конечно, не имел никакого желания, как не имел и права на это. В моей книге я привел лишь то, что сказал Государю ген. Рузский». – «Когда я писал мою книгу, я в оценку правдивости исторических документов не входил».

«Я текстуально привел ленту разговора ген. Клембовского с ген. Болдыревым»... (Из письма ген. С. Д. Позднышева от 6-го марта 1961 года. № 505.)

Лента разговора Помощника Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего с Генерал-Квартирмейстером Штаба Северного фронта *действительно является историческим документом*!

Документом, подтверждающим, что неправда о Конвое, порожденная революцией в Петрограде, дошла до Штаба Верховного Главнокомандующего, и оттуда была передана в штабы фронтов.

Полученные в Ставке фантастические вести о Конвое не только не были проверены, но *к этой ложной вести было*

присоединено такое же добавление о том, что Царская Семья находится в руках мятежных войск... Это неверное сообщение помещено в таких же официальных документах – лентах разговоров по прямому проводу, которые вели Помощник Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Клембовский с Главнокомандующим Западным фронтом генералом Эвертом, и Генерал-Квартирмейстер Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Лукомский с Начальником Штаба Северного фронта генералом Даниловым.

1. Выписка из ленты разговора по прямому проводу генерала Лукомского с генералом Даниловым: «...прошу доложить от меня генералу Рузскому, что *по моему глубокому убеждению выбора нет, и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся Царская Семья находится в руках мятежных войск, ибо по полученным сведениям Дворец в Царском Селе занят войсками, как об этом вчера сообщал вам генерал Клембовский».*

«Если не согласиться, то вероятно произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать Царским Детям...»

2. Выписка из ленты разговора по прямому проводу генерала Клембовского с генералом Эвертом: – «...Всем Главнокомандующим сообщено одно и то же. Время не терпит, дорога каждая минута, иного исхода нет. *Государь колеблется. Единогласное мнение Главнокомандующих может побудить Его принять решение, единственное возможное, для спасения России и Династии. При задержке в решении вопроса Родзянко не ручается за сохранение спокойствия, причем все может кончиться гибельной анархией».*

«Надо иметь в виду, что Царскосельский Дворец и Августейшая Семья охраняются восставшими войсками»...

Как Помощник Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Клембовский, так и Генерал-Квартирмейстер Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Лукомский, *на основании ложной информации,* сооб-

щили генералу Эверту и генералу Данилову неправду о положении в Царскосельском Дворце.

Однако оба они своему сообщению придавали исключительно важное значение, указывая на то, что «надо помнить» и «иметь в виду» то, что «Царскосельский Дворец и Августейшая Семья охраняются восставшими войсками»!..

Сообщения генералов Клембовского и Лукомского в штабах Западного и Северного фронтов были приняты до полудня *2-го марта.*

Документы эти – ленты разговоров по прямому проводу, свидетельствуют о том, что те, кто считал, что «выбора нет и отречение должно состояться» сообщали не только неверные сведения о положении в Царскосельском Дворце, но и прибегали к несуществующим угрозам: «если не согласиться, то вероятно произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать Царским Детям». А дабы эта угроза была действительна, предупреждали: «надо помнить, что вся Царская Семья находится в руках мятежных войск!».

Лучшим доказательством опровержения этой неправды служит содержание писем самой Государыни Императрицы Александры Федоровны. – 3-го марта, т. е. на другой день после того, как Главнокомандующий Западным фронтом генерал Эверт и Начальник Штаба Северного фронта генерал Данилов получили сообщение о том, что «вся Царская Семья находится в руках мятежных войск», Государыня Императрица писала Государю: «...Вечером я с Марией делаю свой обход по подвалам, чтобы повидать всех наших людей. Это очень ободряет...» (Из опубликованных документов в «Красном Архиве». Т. 10 «Возрождение». Стр. 140. 1950 год.)

Этот исторический документ – письмо Государыни Императрицы, подтверждает, *что 3-го марта* Государыню очень ободряло общение с казаками Конвоя и солдатами Сводного Пехотного полка, т. е. с теми, кто по заявлению

Гучкова Государю *2-го марта* в Пскове – «перешли на сторону движения», а по сообщениям генералов Клембовского и Лукомского, сделанным *также 2-го марта* генералам Эверту и Данилову – покинули Александровский Дворец, т. к. «Царскосельский Дворец и вся Царская Семья находятся в руках мятежных войск».

Насколько сама Ставка была неверно информирована о том, что фактически происходило в Царском Селе, показывает яркое свидетельство лица из другой среды, совершенно уже враждебной. Это свидетельство – запись в дневнике Гиппиус, *сделанная того же 2-го марта:*

«Демидов и Вася (Гиппиус была двоюродной сестрой Степанова) ездили в Царское от Дум. Ком. – назначить «коменданта», для охраны Царской Семьи. Поговорили с тамошним комендантом и как-то неожиданно глупо вернулись вообще...» («Творимые легенды», С. Мельгунов).

Однако, эта неправильная информация о положении в Царскосельском Александровском Дворце и о службе чинов его гарнизона соответствовала настроению тех, кто с легкостью воспринимал только то, что было им желательно. В результате чего генерал Данилов, не имея никаких фактических данных о службе сотен Конвоя в Царском Селе, Могилеве и Киеве, основываясь только лишь на одних непроверенных сведениях, которые были сообщены в Штаб Северного фронта, в своей книге «Навстречу крушению», оклеветал всех офицеров и казаков Конвоя, назвав их «изменниками», за «отпадение», лично генералом Даниловым Конвою приписываемое, но Конвоем не совершенное!

Ген. Данилов пишет, что Государь в разговоре с ген. Рузским «*по-видимому вспомнил* только что полученное сообщение относительно казаков Его Конвоя...» – То, что «*вспомнил*», Государь, и что на Него повлияло при решении исполнить «просьбу» того же генерала Данилова – принести Себя в

жертву, было известно лишь Всемогущему Богу и самому Государю, но не генералу Данилову.

Офицерам же Конвоя известно, что тех, кто был оклеветан генералом Даниловым и назван «изменниками», Государыня Императрица Александра Федоровна, «от Себя и Детей», благодарила за верную службу и благословила каждого в отдельности. А Государь Император, на выраженные старшим офицером полковником Киреевым, от имени всех чинов Конвоя, верноподданнические чувства и общее негодование провокационным сообщением о Конвое, изволил сказать: *«Вы должны быть спокойны и понять, что им* (творцам революции) *так нужно...»* И этим же, по клеветническому определению генерала Данилова «изменникам», при вторичном с ними прощании, повелел: *«Служите Родине так же верно, как служили Мне!..»*

Генерал Данилов, обвинив в вымышленной им измене тех, кто до последнего дня своей службы честно исполнил свой долг, за несколько месяцев до отречения Государя Императора от Престола сам отрекся от Него, вследствие чего у генерала Данилова, по его же собственному признанию *«явилась мысль, что для доведения страны до победного конца нужна другая власть, и может быть – другой Вождь!..»* (Ген. Данилов. «Великий Князь Николай Николаевич». Стр. 300.)

Главные участники Государственного переворота в мрачные дни начала трагедии России и их последователи творят свое каиново дело и за рубежом России, продолжая клеветать не только на тех, кто был верен своему воинскому долгу, но даже кощунственно дерзают хулить Священную Память Государя-Мученика.

Неправдоподобное и нелепое описание событий, происходивших в феврале и марте 1917 года, в произведениях лиц, всегда относившихся тенденциозно к чуждой им военной среде – нормальное явление. Их ненависть, огульная клевета

и злоба ко всему, что связано с Императорской Россией, вызывает одно лишь к ним отвращение.

Однако совершенно ненормально и необъяснимо явление, когда автором, пишущим неправду, основанную на непроверенных лично им сведениях является тот, кто и по своему воспитанию, и по соответствующей военной школе, по усвоенным с юных лет понятием о воинской этике, допускает возможность повторять клевету и порочит честь воинской части. – Аргентинским Отделом Русского Обще-Воинского Союза в 1957 году издан Сборник: «Начало Белой борьбы и ее основоположник». Цель Сборника – «рассеять распространяемую, в связи с именем генерала Алексеева, неправду». В Сборнике помещена статья М. Бореля – «Ставка в мятежные дни». Автор этой статьи заявляет о желании «придерживаться исторической правды, на основании собранных в течение многих лет документов».

Сделав такое вступление к своей статье, М. Борель (Ст. 73) пишет: – «...Небезынтересно привести несколько выдержек из книги ген. Данилова – «Навстречу крушению». – Первая часть приводимой выдержки – повторение ложного сообщения о Конвое, переданного в штаб Северного фронта до полудня 2-го марта. Далее М. Борель цитирует личный пасквиль ген. Данилова на всех офицеров и казаков Конвоя: «...Почти все лица этого конвоя были известны Государю и всей его семье по именам. Они их всегда баловали всякими способами, и таким образом отпадение этой части войск, должно быть рассматриваемо, как особо неблагоприятный симптом...»

М. Борель обещания своего «придерживаться исторической правды», – не выполнил, ибо поместил в своей статье такой «исторический документ», как личную фантазию и клеветническое рассуждение генерала Данилова, а, следовательно, не только повторил пасквиль генерала Данилова, но и сам принял участие в распространении его.

Если ген. Данилов, базируясь на полученных им ложных сообщениях о Конвое, развил свою личную фантазию до желаемых для него выводов, то неизвестно, с какой целью автор статьи «Ставка в мятежные дни», нашел «небезынтересным» это повторить, тем более, что сам совершенно справедливо замечает: «можно, конечно, придумывать что угодно и развивать свою фантазию в каком угодно направлении». (Стр. 107.) М. Борель пишет: «авторы обвинения в своих воспоминаниях и скороспелых выводах базировались исключительно на личном определении, без указания документальных данных и действительно имевших место фактов». (Стр. 77). Но сам он поступает точно так же и без точно приведенных фактов и документальных данных заявляет об аресте офицеров даже в таких частях, как «Конвой Его Величества» и, «базируясь на личном определении», указывает: «...все это происходит до отречения Государя!»... (Стр. 65.)

Арест офицеров Конвоя – революционная сказка! – Ни в дни, описываемые М. Борелем, ни позже, никто из офицеров Конвоя не был арестован, а тем более своими же казаками! Из всех 28 офицеров Конвоя, один только помощник командира по хозяйственной части, полковник барон Унгерн-Штернберг, известное время был в Государственной Думе, как фиктивно «арестованный».

В то время самым удобным лозунгом для агитаторов было возбуждение толпы против носителей немецких фамилий. Это и было причиной того, что барон Унгерн-Штернберг принял предложение члена Комитета Государственной Думы есаула Караулова прибыть лично к нему в Думу. Барона никто не арестовывал, и он отправился в Думу добровольно, в сопровождении казначея Конвоя есаула Макухо. Вскоре полковник барон Унгерн-Штернберг вернулся в свою квартиру. Ни писаря канцелярии Конвоя, ни казаки петроградской команды, ни даже солдаты нестроевой команды, в отношении

полковника барона Унгерн-Штернберга, как и в отношении двух других, бывших в Петрограде, офицеров Конвоя, не позволили себе каких-либо антидисциплинарных поступков.

Казаки Конвоя не только во время пребывания сотен Конвоя в Царском Селе, Могилеве и Киеве в 1917 году относились к офицерам своим, как всегда, безукоризненно, но и в последующие годы, во время борьбы с большевиками в России и за многие годы существования Дивизиона Конвоя вне ее пределов, включительно до настоящих дней, их отношение к своим офицерам было и есть исключительно вежливое, внимательное и почтительное. И никто не имеет морального права обвинять казаков Конвоя в непристойном поведении в отношении своих офицеров. Наоборот, им надо отдать должное, ибо если бы и в тех частях Русской Армии и Флота, в которых действительно происходили аресты и даже убийства офицеров, было бы такое, как в Конвое, отношение подчиненных к своим начальникам, в России не могло бы быть жутких кровавых последствий «бескровной» революции.

Статья М. Бореля, конечно, в части ее, касающейся Конвоя, носит неоспоримый и ясный след повторяемой неправды и клеветы на всех офицеров и казаков Конвоя. Самый же печальный и прискорбный факт, что все то, что М. Борель нашел «небезынтересным» выписать из книги ген. Данилова – «Навстречу крушению», было помещено в специальном Сборнике Русского Обще-Воинского Союза.

Такое небрежное отношение к воинской части, оставшейся верной своему долгу, части, долгие годы входившей в тот же Русский Обще-Воинский Союз, и за все время своего существования не только полностью сохранившей свой воинский облик (о чем не раз последовательно отмечали в своих приказах генералы Врангель, Кутепов, Миллер и Архангельский), но и принявшей в полном своем составе самое активное боевое участие в подвигах Русского Корпуса, у всех чинов Конвоя вызвало глубокую горечь.

Командир Дивизиона полковник А. Рогожин поставил о том в известность Начальника Отдела Русского Обще-Воинского Союза в С. Ш. А. Ген. Штаба полковника С. Ряснянского, от которого получил засвидетельствованный его подписью полный текст ответного письма Начальника Аргентинского Отдела полковника С. Гегела-Швили.

Выдержки из письма полковника Гегела-Швили: «...Если нужно написать отдельно А. И. Рогожину, я готов. Я давно хотел ему написать об очень досадном недосмотре цензуры при издании брошюры».

«Какой для меня был удар, когда я получил сообщение, что в брошюре имеются строки, оскорбляющие Конвой Его Величества, как часть». – «Я был братски связан с офицерами Конвоя и многими перед ними старшими конвойцами. Поэтому, являясь частично ответственным за изданную брошюру (я был ее инициатором), я очень скорблю, что не заметил, читая, ненужные строки». – «Немедленно по получении известия я приостановил распространение брошюры, оставив себе 1 экземпляр, заретушевав только пасквиль...»

Несмотря на такой благородный поступок известного офицерам Конвоя доблестного полковника С. Д. Гегела-Швили, неправда и клевета на Конвой, повторенная М. Борелем, вновь распространена в проданных и частично разосланных экземплярах Сборника Аргентинского Отдела Русского Обще-Воинского Союза.

Генерал Данилов, создав свой собственный вымысел о недостойном поведении Конвоя, пишет: «отпадение этой части войск должно быть рассматриваемо как особо неблагоприятный симптом». Но каким симптомом должно быть рассматриваемо, не вымышленное кем-либо, а личное заключение генерала Данилова о том, что России была «нужна другая власть и может быть – другой Вождь!» и что «к концу 1916 года страна и армия очутились перед сознанием неизбежности изменения власти...»?! – В другой своей книге «Великий Князь

Николай Николаевич» (Стр. 300, 301 и 314.) генерал Данилов это свое заключение, описывает следующими словами: «...Роковым образом Император Николай II подошел к необходимости отречения». – «Случилось так, что известие об убийстве Распутина пришло в Ставку в день, назначенный для совещания специально вызванных в Могилев главнокомандующих фронтами и их начальников штабов. Предметом совещания должен был быть план военных действий на 1917-й год. Несмотря на исключительную важность совещания, естественный председатель его Государь, добровольно принявший на себя тяжесть предводительствования Действующей Армией, оставил последнюю и, неожиданно прервав совещание, уехал в Царское Село. – Этот неосторожный поступок тяжелым камнем лег на души всех нас, вызванных на совещание»[248].

«Невольно у каждого явилась мысль, что для доведения страны до победного конца нужна другая власть и может быть – другой Вождь!» – «Таким образом, к концу 1916 года страна и армия очутились перед сознанием неизбежности изменения власти».

«Возможен был двоякий путь дворцового или революционного переворота». – «Еще осенью 1916 года стали ползти все настойчивые слухи о зарождении какого-то заговора, имевшего целью, во имя спасения России, выполнение дворцового переворота».

Указание генерала Данилова, что Государь Император «оставил Армию» и неожиданно, прервав совещание, уехал в Царское Село – неверно! – Распутин был убит в ночь на 17-е декабря. Совещание происходило 17 и 18-го декабря. Первое сведение, что Распутин «исчез», Государем было получено 17-го в

---

[248] Ген. Данилов «освободился» от тяжести этого камня, только после того, как Государь Император отрекся от Престола. – «Точно камень, давивший нас, свалился с плеч!..» (Стр. 308. «В. Кн. Николай Николаевич»).

18-м часу. Весь вечер этого дня, ночь на 18-е и днем 18-го Государь Император оставался в Ставке, до тех пор, пока Его присутствие на совещании было необходимо, и отбыл в Царское Село в 17-м часу 18-го декабря.

Так же неверно утверждение генерала Данилова, что «армия к концу 1916 года очутилась перед сознанием неизбежности изменения власти». – Армия настолько была далека от «сознания» генерала Данилова, что «для победного конца нужен другой Вождь», что когда она узнала о том, что лишилась своего Верховного Вождя, была буквально ошеломлена, что свидетельствует генерал А. Деникин – «*Войска были ошеломлены, трудно определить другими словами первое впечатление, которое произвело опубликование Манифеста об отречении...*» (Ген. Деникин. «Очерки Русской Смуты». Т. I. Восп. I. Стр. 60.)

Генерал Данилов, сообщая о предполагавшемся с осени 1916-го года дворцовом перевороте, указывает: «Версии были различные»[249]. «В общем складывалось впечатление, что Император Николай II должен быть устранен от власти» ... «По общему убеждению, это вызывалось необходимостью доведения войны до победного конца...» – В XIII-й главе книги «Великий Князь Николай Николаевич», он подробно пишет о существовавшем заговоре, причем упоминает, что даже «*по секрету» передавались имена «очень солидных лиц, участников заговора».*

В присяге, которую принимали все чины Русской Императорской Армии, имеются следующие слова: – «*Об ущербе же Его Императорского Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать потщуся!..*»

---

[249] Говоря об одной из них, ген. Данилов подчеркивает, что он тщательно проверил факты, путем расспроса лиц, причастных к ним и заслуживающих полного доверия (Стр. 316. «В. Кн. Николай Николаевич».)

В 1930 году бывшим командиром Дивизиона и состоявшим в списках Конвоя генералом В. Э. Зборовским было получено письмо от Великой Княгини Ольги Александровны, о содержании которого он поставил в известность полковника К. Зерщикова, в то время командовавшего Дивизионом.

«Я получил ответ от Великой Княгини. Проще было бы переслать письмо Тебе, но содержание письма Ее Императорского Высочества так для нас важно, что я не рискнул доверить это письмо почте. Я в своем письме изложил Великой Княгине взволновавшее нас событие – повторение в печати клеветы на Конвой. Я писал, что до настоящего времени мы молчали и не отвечали клеветникам, потому что удерживало нас чувство брезгливости: нежелание осквернять наше Святое Прошлое соприкосновением с теми, кто в клевете на других ищет оправдания своему поведению. – Вот ответ Великой Княгини:

> *«За эти годы я переживала много и много раз ваше состояние. Я понимаю поэтому все, что пишите: и я тоже чувствовала, читая книгу Мельниковой о Конвое. Я так же страдала, читая то, что каждый – кому не лень – писал ложь о самых дорогих и близких мне людях...»*
>
> «Это бесценное для нас письмо должно служить нам руководством в дальнейшей жизни. С тем, что пишет Великая Княгиня, нужно познакомить не только офицеров Дивизиона, но и казаков. Последним должно быть растолковано все, начиная с истории появления в печати клеветы на Конвой, и кончая нашим стремлением выпустить свои воспоминания, восстанавливающие истину и то, что с этим письмом Великой Княгини, все сомнения для нас должны быть кончены, и в Ее словах – начало и конец этому вопросу. Мы должны использовать это письмо для нашей внутренней жизни в полной мере. Этим письмом, мы как бы замыкаемся в себя. Это великая сила, чтобы быть непоколебимым!»

Объявляя содержание письма Великой Княгини, полковник Зерщиков призывал г.г. офицеров: «Проникнуться глубиною смысла этого документа, свидетельствовавшего исключительное доверие к нам Ее Императорского Высочества!..»

Высокомилостивые слова из письма Великой Княгини Ольги Александровны – ответ на всю созданную неправду о Конвое, приведены в последних строках этой главы. Они являются опровержением всей клеветы на Конвой и служат величайшим удовлетворением не только настоящему составу Дивизиона Конвоя, но и будут служить руководством в преданности родной Части тем кто, после смерти Конвойцев, будет иметь честь служить под их Святынями – Императорскими Штандартами Конвоя.

Копия этого письма Великой Княгини, с надписью помощника командира Дивизиона полковника Галушкина: «С подлинным верно. 30-го августа 1949 года. Мюнхен», последующие письма Ее Императорского Высочества и письма Царской Семьи, хранятся как Реликвии при Штандартах Конвоя, свидетельствуя о том, что ни в роковые дни 1917 года, ни за все время существования Дивизиона Конвоя как на Родине, так и вне Родины, *доверие к нему никогда не было поколеблено у Тех, Кто действительно знал правду о Конвое и, единственно, Кто мог ценить службу и верность его чинов в преступные дни искусственно созданной в России революции. – Прилагаемые документы* это *неоспоримо подтверждают*!

В обстановке небывалого душевного страдания, от переживаемой трагедии расставания с Государем Императором, происходил последний обед в Могилеве, в поезде Ее Величества Вдовствующей Государыни Императрицы – Августейшей Матери отрекшегося от Престола Государя Императора. В этот день Государыня Императрица изволила пригласить к Себе самое ограниченное число близких Ей лиц. Среди этих лиц имел честь быть и офицер Конвоя. Кроме этих лиц, к Высочайшему обеду никто не был приглашен.

На меню этого обеда, последовавшего в день отбытия Государя Императора из Могилева в Царское Село, имеется Собственноручная, Государыни Императрицы Марии Федоровны, подпись: «Мария» и, сверху меню, – «Могилев.» – Другие подписи: Великий Князь Александр Михайлович, состоящий при Государыне Императрице генерал князь С. Долгорукий, обер-гофмейстер князь Г. Шервашидзе и офицер Конвоя хорунжий Е. Ногаец. (Документ № 1-й.)

На этом документе отсутствует подпись фрейлины Ее Величества графини З. Г. Менгден. Фотография меню снята с оригинала, ей принадлежавшего, на котором ее подписи нет. Дата на меню (8-го марта) исправлена самой Государыней Императрицей на 9-е, т. е. в день фактической подписи, сделанной уже в пути при возвращении в Киев.

После 8-го марта, когда сотни Конвоя и роты Сводного-Пехотного полка были удалены из Александровского Дворца, связь с Царской Семьей вскоре была восстановлена. Две сестры милосердия из Феодоровского, Великих Княжон, лазарета получили пропуск в Александровский Дворец. Одна из этих сестер была родная сестра офицера Конвоя сотника В. Зборовского. После каждого своего посещения Дворца, она всегда передавала офицерам Конвоя привет от Царской Семьи.

Великие Княжны иногда передавали свой привет коротенькими записочками. Содержание одной из них: «*...Много и часто говорим о Вас всех дорогих, вспоминая многое хорошее... Сестры шлют большой привет...*» (Документ № 2).

Перед отбытием Государыни Императрицы Марии Федоровны в Крым, по желанию Государыни, в Киевском Дворце 19 марта 1917 года состоялся прощальный Высочайший завтрак. Кроме Ее Величества, на этом завтраке из Царской Семьи присутствовали Великая Княгиня Ксения Александровна, Великая Княгиня Ольга Александровна и Великий Князь Александр Михайлович. К завтраку получили приглашение: супруг Великой Княгини Ольги Александровны полковник

Н. А. Куликовский, обер-гофмейстер князь Г. Шервашидзе, генерал князь С. Долгорукий, фрейлина Государыни графиня З. Г. Менгден, гофмаршал Двора Ее Величества полковник барон Н. Боде и находившиеся в Киеве офицеры Конвоя и Сводного Пехотного полка.

Тот факт, что спустя 17 дней после отречения от Престола Государя Императора, офицерам Конвоя – хорунжему А. Рогожину и хорунжему Е. Ногайцу было оказано такое Высочайшее внимание – самое яркое подтверждение, что, несмотря на распространяемую неправду о Конвое, доверие к нему у Государыни Императрицы не было поколеблено, ибо Она «ни на секунду не сомневалась в верности службы его чинов». (Слова кн. Г. Шервашидзе). *Совершенно естественно, что если бы ложные сведения о Конвое имели бы основание, то офицеров воинской части, «перешедшей на сторону новой власти» – Государыня Императрица не пожелала бы иметь за Своим столом, а расставаясь с ними, не жаловала бы каждого из них Своим портретом, с Собственноручной подписью и, конечно, не пожелала бы иметь на память и фотографии их.*

Государыне Императрице угодно было, чтобы все, кто был на Ее прощальном завтраке, на память об этом дне расписались бы на меню завтрака. Сама Государыня изволила написать: «Мария 1916 Киев 1917». (Документ № 3).

За несколько дней перед выступлением сотен Конвоя из Царского Села на Кавказ, из Александровского Дворца от Государыни Императрицы Александры Федоровны и Великих Княжон офицерам Конвоя были присланы прощальные подарки. Государыня, как Свое благословение, прислала всем офицерам шейные образки. В приложенном к прощальным подаркам письме было выражено сожаление, что ничего другого Они не могли дать, кроме оставшихся Их рукоделий.

Это были, в большинстве, теплые вещи, которые Государыня и Великие Княжны Собственноручно вязали. На каждой

вещи была приколота записочка с именем и отчеством офицера и подпись одной из Великих Княжон (Документ № 4.)

Письмо, приложенное к подаркам, было написано Великой Княжной Анастасией Николаевной на имя сестры сотника В. Зборовского. В этом письме упоминается просьба, чтобы офицеры Конвоя подписались бы на память на фотографиях, снятых Государыней Императрицей и Великими Княжнами. *Письмо заканчивается сообщением о благословении Ее Величества всех офицеров Конвоя.*

> Содержание письма Великой Княжны Анастасии Николаевны:
>
> «26-го Марта 1917 г., 10. ч. утра.
>
> «Милая моя Катя! Татьяна просит Вас передать это одеяло Макухо для его младшего сына. Он кажется ее крестник. А как его зовут? Остальные чулки и рубашки дайте брату, а он пусть передаст их товарищам. Жалеем, что не всем хватило, но даем все что у нас осталось. На этих двух коробках снизу написано которая кому из наших бывших раненых. – Мария еще лежит, а я вчера встала, чему очень рада т. к. пролежала около 4-х недель, но слабость еще есть в ногах.
>
> Пожалуйста попросите еще брата вернуть нам группы, которые мы Вам передали в последний раз. – *Очень часто всех вспоминаем и шлем большой привет.* Пишите нам иногда милая Катя, как все поживают и т. д. всегда радуемся иметь известия. – «Джимо» здоров и весел. Кланяйтесь Сидоровым. – Маме и брату горячий привет. Всего хорошего! Крепко Вас целую Ваша Анастасия».
>
> «*Эти образа от Мамы всем офицерам*»[250] (Документ № 5).

[250] Макухо, – «брат» *и «его* товарищи» – офицеры Конвоя.

Уже одна дата благословения офицеров Конвоя Ее Величеством – 26-го марта, показывает, насколько были ложны сведения о Конвое, якобы уже 1-го марта «перешедшего на сторону новой власти»!

Во время пребывания сотен Конвоя на Кавказе, до начала вооруженной борьбы с большевиками и выступления Дивизионов Конвоя (Кубанского и Терского) на фронт, когда еще почта функционировала почти нормально, офицеры получали письма от Великих Княжон, передаваемые остававшейся еще в Царском Селе сестре сотника Зборовского. Великие Княжны продолжали оказывать офицерам Конвоя, уже не бывшим в Царском Селе, свое милостивое к ним внимание, и на посылаемые Им письма обычно отвечали общим письмом, ставя в правом его верхнем углу заглавные буквы имени и отчества тех офицеров, кому было адресовано письмо, и подписывали свои имена тоже только заглавными буквами.

Великие Княжны писали по две-три открытки офицерам и вкладывали их в один конверт. На одной из них была приклеена фотография Великих Княжон, снятая после Их выздоровления. На фотографии (слева направо) Великая Княжна Ольга Николаевна, Великая Княжна Татьяна Николаевна, Великая Княжна Анастасия Николаевна и Великая Княжна Мария Николаевна. – Содержание этой открытки следующее:

> *25-го июня 1917. А. А.*
>
> «Спасибо Вам сердечное за милое письмо, которому так обрадовалась. *Мы тоже все помним и постоянно об этом говорим*... У нас день распределен, поэтому время идет довольно скоро. – Помните 24-е Август, на «Днепре» и 11-ое Июля?!.»
>
> «Каждый день ходим гулять, поливаем наш огород и обыкновенно обливаемся т. к. очень не ловки, да еще брат обливает из насоса. Как поживают все «Наши». Сижу сейчас на окне и пишу Вам. Надо будет идти на

уроки, не очень весело, ну поэтому надо кончать писать. Желаю Вам всего, всего хорошего. *Христос с Вами всегда помню. А».*

«Шлю самые горячие пожелания и привет. О».

«Помню, и часто вспоминаю. Желаю Вам всего самого хорошего.

Шлю большой привет. М».

«Желаю всего хорошего, шлю сердечный привет. Т». (Документ №6).

Дни 24-е августа и 11-е июля (1916 г.) которые вспомнила в письме Великая Княжна Анастасия Николаевна – дни посещения Государем Императором, Государем Наследником Цесаревичем и Великими Княжнами сотен Конвоя, находившихся на службе в Могилеве.

11-е июля – Тезоименитство Великой Княжны Ольги Николаевны. В этот день Государь, с Августейшей Именинницей и со всеми Своими Детьми, неожиданно прибыл к сотням Конвоя, в то время расположенным в летних лагерных бараках за Днепром.

Высочайшее посещение Конвойцев 24-го августа, подробно описано в письме Великой Княжны Татьяны Николаевны. Содержание письма помещено в главе VIII.

В августе 1917, распоряжением Керенского, вся Царская Семья была принуждена отбыть в Сибирь. Попытки и желание Временного Правительства найти хотя что-либо, компрометирующее Их Величеств, а в особенности Государыню Императрицу, не оправдали их надежд. «Следствие Чрезвычайной Следственной Комиссии фактически велось об «измене» – другими словами, той легенды о «сепаратном мире» с немцами, которая в годы войны, предшествовавшие революции, сыграла такую роковую роль в судьбе Династии».

(Мельгунов: «Судьба Императора Николая II после отречения». Стр. 8.)

Расследование следственной комиссией всех бумаг Государя Императора, включительно до личной переписки Его со Своей Семьей, не привело ни к чему, и не дало желаемых Временному Правительству результатов. *И несмотря на это, ни в чем неповинная перед Россией и русским народом Августейшая Семья была Керенским и Временным Правительством оклеветана и сослана в Тобольск…*

Из Тобольска были последние письма Великих Княжон к офицерам Конвоя. Часть этих исторических писем погибла вместе с другими документами, записями и архивом полковника К. Зерщикова в 1945 году, во время воздушной бомбардировки железнодорожной станции «Платлинг». В состав одного из стоявших на станции поездов был включен вагон с имуществом чинов Дивизиона Конвоя, их семейств и имуществом офицерского собрания. Из разбитого вагона все было разграблено. – К счастью, некоторые из писем Великих Княжон хранились генералом В. Э. Зборовским, и супругою его были спасены.

Эти спасенные письма, являются ценнейшими документами для истории Конвоя. Их содержание:

I. *«Тобольск. 13-е октября 1917. В. Э.*

«Все шлем горячий привет и сердечно поздравляем с днем рождения, а также с наступающим днем Ангела. *Вспоминаем и говорим о Вас всех постоянно.* На этой вот площадке мы гуляем. На этом балконе мы много сидим. Одно окно кот. выходит сюда, Папы кабинет. Наши окна выходят на другую сторону на улицу. В общем живем ничего себе... Погода у нас эти дни холодная. Снег есть, но не много. Мы каждый день занимаемся. Часто вспоминаем милого большого

маленького Леньку... Мы только что вернулись с нашего гулянья и теперь сидим все вместе. Привет большой и горячий всем и Влад. – Желаю всех благ. Мой большой привет Вам. Христос с Вами...» (Документ № 7).

Все письмо написано Великой Княжной Анастасией Николаевной. В правом верхнем углу буквы «В. Э.» – заглавные буквы имени и отчества Виктора Эрастовича Зборовского. – «Ленька», мальчик из ближайшего к станции Могилев села, которого Великие Княжны очень любили. На фотографии, относящейся к пребыванию Великих Княжон в Могилеве, он рядом с Великой Княжной Анастасией Николаевной, которая в левой руке несет ему новые ботинки.

II. *«Тобольск. 14-го Декабря 1917 А. А.*

«Горячо поздравляем Вас с Рождеством и новым 1918 годом. Дай Вам Бог всего хорошего!.. Это вид одной из наших прогулок, когда мы шли еще на пароходе. Теперь у нас все время довольно большие морозы, но снегу не очень много. – *Часто говорим о Вас Всех*! Как поживают Ваши? – Мы живем довольно уютно все четверо вместе. Ну мне надо теперь кончать. Еще раз желаю всего хорошего. А».

«Шлю также мои горячие пожелания всего счастливого. О».

«Занимаемся, много читаем, гуляем два раза в день. Время очень быстро проходит. Спасибо за открытку с Н. В. Всего хорошего. Т».

«Надеюсь, что плечо не болит и хорошо себя чувствуете. Горячий привет. Желаю всего лучшего в новом году. Храни Вас Бог. М». (Документ № 8).

На лицевой стороне общей открытки Великих Княжон, после надписи «Тобольск. 14-го Декабря 1917.,» буквы «А. А.» и в тексте самого письма – «Н. В.», заглавные буквы имени и отчества офицеров Конвоя Александра Александровича Грамотина и Николая Васильевича Галушкина.

III. *«Тобольск 1917 г. 14-е Декабря. В. Э.*

«От всего сердца поздравляем Вас с праздниками и новым годом. Желаем много счастья и быть здоровым. На Рождество особенно будем мысленно с Вами Всеми Дорогими... Совсем ли поправились теперь? Мы все здоровы. Посылаемый вид нам также незнаком как и Вам. Мы живем пока по старому. Много занимаемся, по этому дни проходят довольно быстро. Когда свободны сидим на окнах и смотрим на гуляющих, это самое большое развлечение... Храни Вас Бог. Желаю всего самого хорошего. А».

«Большой привет и пожелания к празднику. Будьте здоровы. О».

«Сердечный привет. *Часто вспоминаем всех Вас. Татьяна».*

«Грустно провести праздники далеко от Вас. Горячий привет. Мария». (Документ № 9).

IV. *Письмо Великой Княжны Татьяны Николаевны сестре В. Э. Зборовского:*

«Тобольск. 1918 г. 11-го января.

«Милая Катя, – Спасибо Вам за открытку и поздравление. Дай Вам Бог всего хорошего в новом году. Получили ли Витя и др. открытки, посланные на имя матери Н. В. в институт. Не знаю там ли она, но надеюсь что перешлют если нет. Как Ваше здоровье. *Постоянно вспоминаем Вас всех и много говорим. Передайте, пожалуйста, всем самый сердечный привет.* – «Ортипо» здорова, но становится страшной лентяйкой. Целый день лежит у печи или на диванах. Гулять не любит. Ну, всего хорошего милая Катя. – Татьяна». (Документ № 10).

«Витя и др.» – Виктор Эрастович Зборовский и другие офицеры Конвоя. – «Мать Н. В.» (Николая Васильевича Галушкина) получила в разорванном конверте только одну,

на ее имя, записку от Великой Княжны Татьяны Николаевны с просьбою передать приложенные открытки офицерам Конвоя, но открыток в разорванном конверте не оказалось.

Письма Великих Княжон и Их слова: «Грустно провести праздники далеко от Вас». – «На Рождество особенно будем мысленно с Вами Всеми Дорогими...», настолько значительны по своему содержанию и смыслу, что никакая клевета не может умалить значение этих слов для установления исторической правды о Конвое.

Письмо Великой Княжны Татьяны Николаевны, от 11-го января 1918-го года, было одним из последних писем Царской Семьи из Тобольска. Вооруженная борьба с большевиками прервала с Нею всякую связь.

Во время этой борьбы, в которой офицеры и казаки Конвоя сразу же приняли участие, о том что в действительности происходило не только в Сибири, но и всюду в России, где существовала советская власть, доходили лишь одни противоречивые слухи. – Сама советская власть скрывала жуткую правду, что жизнь Святых Царственных Страдальцев была мученически прекращена в ночь на 4/17 июля 1918-го года.

Все жуткие подробности созданного большевиками дьявольского замысла об убиении Венценосных Мучеников и Их ни в чем неповинных Детей, осуществленного с такой жестокостью, стали известны в позднейшее время, после опубликования как в русской, так и иностранной печати исторических документов.

Но в 1918 году, во время разгоревшейся гражданской войны, на фронте Добровольческой Армии Юга России, удаленном на сотни верст от Сибири и от места преступления, кроме неясных и непроверенных слухов о гибели Государя не было никаких точных сведений, что подтверждает документ № 12, подписанный помощником Главнокомандующего Добровольческой Армией генералом Лукомским.

Офицеры Конвоя, находясь в составе своих Дивизионов на фронте Добровольческой Армии Юга России, своими путями пытались восстановить прерванную войною с большевиками связь с Царской Семьей. Пробраться с Кавказа, через все фронты красных армий в Сибирь, без всяких к тому средств, не удалось. Один из офицеров Конвоя, участник неосуществившегося плана восстановления связи с Царской Семьей, в своих воспоминаниях пишет: «...Вспоминая сейчас о нашем порыве, я сознаю, что это был б. м. плод нашего фантастического и мало продуманного плана, который, конечно, не мог бы дать серьезных результатов, если бы не случилось чудо! По нашей тогда молодости мы были столь наивны, что искренне верили в полный успех. План был таков: пробраться в Сибирь, через линии фронтов, «странниками». Перейти большевицкие линии и попытаться достигнуть местопребывания Царской Семьи. Как мы бы ни переодевались, нас сразу же могли разоблачить! Возможно, однако, что в пути мы огрубели бы, и, познакомившись с бытом и жизнью населения, не выделялись бы среди крестьян, «как ворона на снегу»...

«Возможно, что с Божьей помощью мы достигли бы своей цели и, наконец, возможно, что мы бы вошли в связь с другими монархическими организациями. Но, самое главное, что дальше?! Ведь должен был бы существовать не только солидно организованный план дальнейших действий, но и необходимые на то большие средства. У нас не было ни того, ни другого. Была эта затея необдуманная, б. м. красивая фантазия, вызванная самыми искренними святыми побуждениями, но увы – она была не выполнена. *Однако, мы горели этим желанием и стремления наши были Святы*!.[251].

---

[251] В Москве действительно существовала самая большая монархическая организация для спасения Царской Семьи. В ней принимали активное участие, включительно до прибытия в Тобольск,

Мы верили, что старообрядцы, как менее поддавшиеся коммунизму, будут нам, «странникам» оказывать полное содействие...»

Как след этой надежды и порыва сохранился документ – рекомендация одного высокого духовного лица своей пастве оказывать содействие хорунжему Грамотину. – Содержание этого документа:

> «УДОСТОВЕРЕНИЕ
>
> Предъявитель сего Хорунжий Александр Александрович Грамотин; просим всех старообрядцев древлеправославной церкви, имеющей Белокриницкую иерархию оказывать должное содействие и посильную помощь, если таковая потребуется ему от Вас. Что удостоверяется подписом с приложением печати.
>
> Смиренный Геннадий Епископ Донской». (Документ № 11).

Но, несмотря на неудавшуюся попытку тайно проникнуть в Сибирь, офицер Конвоя А. А. Грамотен туда все же прибыл. Прибыл он в Сибирь через Владивосток, совершив большое путешествие, получив на то благословение Государыни Императрицы Марии Федоровны.

О командировке в Сибирь офицер Конвоя А. Грамотин в своих воспоминаниях пишет: – «...От командира Дивизиона я получил приказание прибыть в Крым и войти в связь с офицером Л.-Гв. Петроградского полка П. П. Булыгиным. Я знал, что в Крым послан для того, чтобы поступить в формируемый там отряд охраны Лиц Императорской Фамилии, инициатором создания которого был неизвестный мне капитан Булыгин. Начальником же всего отряда являлся полковник «Ф».

г.г. офицеры доблестного 1-го Сумского Гусарского полка, в мирное время стоявшего в Москве.

Главная часть охраны находилась в имении Великого Князя Петра Николаевича. Я был назначен в «Харакс», где пребывала Государыня Императрица Мария Федоровна, совместно с семьей Великой Княгини Ольги Александровны, жившей в отдельном маленьком флигеле дачи «Харакс». Капитан П. Булыгин был старшим в нашем Харакском отряде. Это был молодой (он был немного старше меня), но очень серьезный, вдумчивый, религиозный, увлекающийся теософией и, всей душою, преданный Царской Семье офицер. Я легко с ним подружился и мы, сразу же, поняли друг друга! Мы решили во что бы то ни стало пробраться в Сибирь и, если нельзя будет установить непосредственную связь с Царской Семьею, то во всяком случае получить о Ней самые точные сведения.

Наше решение стало известным Государыне Императрице и Ею одобрено. Наверно это было сообщено командованию Добровольческой Армии в письменной форме, т. к. в документе, полученном мною от Помощника Главнокомандующего говорится, что я был командирован *«по личному желанию Ее Императорского Величества»*.

Документ, полученный офицером Конвоя А. Грамотиным:

Помощник главнокомандующего
и
Начальник Военного отдела.
«29» января 1919 года, г. Екатеринодар.
№ 011/3

Секретно

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие Хорунжему Гвардейского Кубанского Дивизиона Грамотину в том, что он действительно командирован по личному желанию Ее Императорского Величества Императрицы Марии Федоровны в Сибирь для

наведения точных справок о судьбе Его Императорского Величества Государя Императора и Его Семьи.
Вышеизложенное подписями и приложением печати свидетельствуется.
Генерал-лейтенант Лукомский.
Начальник Части Генерального Штаба
Генерал-лейтенант Вязьмитинов.

Военный и Морской Отдел Добровольческ. Армий
Часть Генерального Штаба, Особое Отделение.
(Документ № 12).

В конце декабря 1918 года, когда вопрос о нашей поездке был окончательно решен, капитан Булыгин и я были приняты Ее Величеством, после чего Государыня Императрица изволила пригласить нас к обеду. Милостиво беседуя с нами о предстоящем путешествии, Государыня предвидела неминуемые осложнения из-за получения виз и прочих затруднений «дипломатического характера», в связи с целью нашей поездки. Мой выезд совпал с отбытием Великой Княгини Ольги Александровны со Своей семьей из Крыма на Кубань.

По желанию Государыни Императрицы, я имел честь сопровождать Великую Княгиню, во время Ее следования пароходом до Новороссийска и далее по железной дороге в Екатеринодар. В Екатеринодаре явился в Штаб Главнокомандующего Добровольческой Армии. Получив в Штабе необходимые документы и известную сумму денег (в «Романовских» рублях и английских фунтах), совместно с капитаном П. Булыгиным, выехал в Сибирь. Несмотря на то, что кроме документов, выданных Штабом Главнокомандующего, мы имели соответствующие документы от Британской и Французской Военных Миссий (документы №№ 13, 14), затруднения начались с первых же дней пути, еще в Новороссийске,

где мы должны были три дня ждать разрешения выехать в Одессу.

Перевод документов, выданных: Британской Военной Миссией и Французской Военной Миссией:

Документ № 13. – «Копия телеграммы»
«От: Генерал Пуль
Кому: Севастополь.
Г 182. 22 Января. 1919 г.

Капитан Булыгин и Лейтенант Грамотин из охраны Вдовствующей Русской Императрицы посланы Е. И. В. в Екатеринбург для выяснения судьбы Императора. Пожалуйста, окажите им возможную помощь, дабы *достичь Константинополя по дороге в Англию.*

В случае эти офицеры найдут нужным ехать через Батум или Баку – помощь.

Пуль.
Г. О. *Л. Батум.*

Печать: Британская
Военная Миссия
на Юге России.

(Документ № 14).
Французская Военная Миссия
при Главнокомандующем
Русских Армий Юга России.
№ 788

Капитан Генерального Штаба Фуке, Начальник Французской Военной Миссии просит всех Союзных Гражданских и Военных властей, оказать помощь и содействие предъявителю сего Лейтенанту Грамотину, отправляющемуся с миссией в Сибирь.

Капитан Генерального Штаба Фуке.
Печать: Французском
Военная Миссия.

В Одессе пришлось пробыть почти до конца февраля, ибо все хлопоты для выезда в Константинополь успеха не имели. Наконец, англичане решили нас отправить в Константинополь на английском военном истребителе. От Дипломатического Отдела Добровольческой Армии были получены заграничные паспорта и большая сумма «украинских денег». (Их нигде и никто не хотел менять. С большим трудом мне удалось убедить, уже в Лондоне, одного менялу-еврея, что эти деньги имеют большую цену, и получить от него несколько десятков фунтов).

В Константинополь прибыли в начале марта и, дня через два, на частном греческом пароходе отплыли в Афины, и начались бесконечные хлопоты перед французскими властями о получении виз, для дальнейшего следования во Францию. Французы очень любезно меня принимали, всякий раз обещали дать разрешение, но под разными предлогами обещания свое не исполняли. Почти полтора месяца мы потеряли в Афинах. В связи с этим настроение наше было очень подавлено!

Наконец, французы дали визы на въезд во Францию, и даже на своем военном транспорте отправили нас в Марсель. В Париж прибыли примерно к середине мая. И здесь опять начались новые затруднения. Англичане, на основании имевшихся у нас бумаг и официального обращения к английскому консулу контр-адмирала Погуляева, разрешили въезд в Англию. Для следования же в Англию, откуда только и можно было отправиться, на частном пароходе, на Дальний Восток, нужно было иметь от французских властей выездную визу, но они ее почему-то не хотели дать. Чем руководствовались французские власти в таком нелогичном своем решении, для меня так и осталось загадкой. Сначала не хотели нас пустить во Францию, а затем – разрешив въезд, выезд из Франции не разрешали! Возможно, это было проявление тех «дипломати-

ческих осложнений» в связи с целью нашей поездки, которые предвидела Государыня Императрица Мария Федоровна.

«4-го июня я получил предписание от контр-адмирала Погуляева: «Отправиться в распоряжение Российского Военного Агента в Лондон, для дальнейшего затем следования в Сибирь в качестве офицера-курьера от Генерала Деникина, к Адмиралу Колчаку». (Документ № 15).

В Лондоне вновь начались хлопоты о визах на Дальний Восток. К тому же пароходов было мало, и все места были расписаны за полгода вперед. Каким образом мне, при почти полном незнании тогда английского языка (те японцы, с которыми я вел переговоры в их пароходной компании, по-французски не говорили) удалось достать два места на пароходе, причем условия были таковы, что до Сингапура мы должны ехать в третьем классе, я совершенно не представляю.

Примерно 12–13-го июня на переполненном пассажирами японском пароходе мы, наконец, отбыли на Дальний Восток. – Перед отъездом нас изволила принять Государыня Императрица Мария Федоровна, если не ошибаюсь, во Дворце Вдовствующей Королевы Англии.

Ее Величество благословила нас, пожелав благополучного путешествия... Там же во Дворце, я получил небольшую сумму в английских фунтах – от кого она исходила, мне не было известно.

В Гонконге мы впервые услышали страшную весть о гибели Государя Императора и о том, что якобы Царская Семья большевиками «вывезена» в неизвестном направлении. Потрясенные этим ужасом, мы стремились скорее достигнуть цели нашего путешествия, в надежде удостовериться в том, что эта кошмарная весть – ложная, и распространяется большевиками.

Не задерживаясь в Японии, непосредственно прибыли во Владивосток 8-го августа. (На моем документе, подписанном

контр-адмиралом Погуляевым значится: «В Комендантском Отделении Штаба Владивостокской крепости 8 августа 1919 года явлен и в книгу под № 965 записан. Исп. об. Коменданта города Владивостока подпоручик – подпись не разборчива.) – Во Владивостоке упорно распространялся слух, что вместе с Государем в Екатеринбурге, до взятия его армией Адмирала Колчака 25 июля, в ночь с 16 на 17 (с 3 на 4) июля, погибла вся Царская Семья...

С трудно передаваемым словами душевным страданием, продолжили наш путь в Омск, куда и прибыли 23-го августа и явились в Штаб Верховного Главнокомандующего Адмирала Колчака. От Начальника Штаба генерал-лейтенанта Дитерихса 26-го августа я получил приказание отправиться в распоряжение Судебного Следователя по Особо важным делам Соколова».

(Документ **№** 16).

СЕКРЕТНО

Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего
26 августа 1919 г. № 14.

Кубанского Гвардейского Дивизиона Есаулу Грамотину. – Приказываю Вам с получением сего отправиться в распоряжение Судебного Следователя по особо важным делам Соколова и состоять при нем по выполнению возложенных на него волей Верховного Правителя обязанностей по производству предварительного следствия особой важности.

Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего
Генерального Штаба Генерал-Лейтенант Дитерихс[252].

---

[252] Приказом Главнокомандующего Добровольческой Армии, офицеры Гвардии были «уравнены» в чинах с офицерами Армии. На основании приказа Генерала Деникина от 27-го сентября 1918 года за № 6 и по Дивизиону от 26-го января 1919 г. офицеры в чине подъесаула «переименованы» в чин есаула.

Наставник Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича П. Жильяр в своей книге «Император Николай II и Его Семья» (стр. 214–216.) указывает, что тотчас же после взятия войсками Адмирала Колчака Екатеринбурга было приступлено к дознанию об «исчезновении» Царской Семьи – «но нити были так запутаны, что разобраться в них становилось очень трудно. Предварительное следствие подвигалось очень медленно». – «Оно началось при чрезвычайно трудных обстоятельствах, т. к. между 17 и 25 июля большевицкие комиссары имели время уничтожить почти все следы своего преступления».

«Следствие было поручено члену Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергееву. Оно протекало нормально, но трудности были значительны. Сергеев все больше и больше склонялся к мысли о гибели всех членов Семьи, но тел обнаружить не удавалось, и показания известного числа свидетелей подтверждали предположение о переведении Государыни и Детей. Эти показания – как было установлено впоследствии – исходили от агентов большевиков, оставленных ими нарочно в Екатеринбурге, чтобы запутать расследование. Их цель была отчасти достигнута, т. к. Сергеев потерял драгоценное время и долго не замечал, что идет по ложному пути. *Проходили целые недели, не принося с собою новых данных*». – «Отдавая себе отчет в исторической важности следствия, производившегося *об исчезновении* Царской Семьи и желая знать его результат, адмирал Колчак поручил *в январе 1919 г.* генералу Дитерихсу привезти ему следственное производство, а также все найденные вещи». – «*5-го февраля* он вызвал следователя по особо важным делам Н. А. Соколова и предложил ему ознакомиться с расследованием. Два дня спустя министр юстиции Старынкович поручил ему продолжить дело, начатое Сергеевым».

Следователь Соколов, на основании полученного им следственного материала, хотя и не имел уже никакой надежды

на то, что Царская Семья жива, окончательно убедился в этом и узнал все подробности о мученической смерти всей Царской Семьи только после показания одного из главных убийц – чекиста Павла Медведева. Медведев был взят в плен в Перми и доставлен в Екатеринбург.

В это время следователь Н. А. Соколов находился в Омске, и Медведева *25-го февраля 1919 года* допрашивал член Екатеринбургского Окружного Суда Сергеев. – *На этом допросе установлено, что вся Царская Семья была зверски убиенна совместно с Государем Великомучеником в ночь с 16-го на 17-е июля 1918 года (с 3 на 4 ст. ст.)*

П. Жильяр (стр. 216) пишет: «*...Медведев признал совершенно точно гибель Царской Семьи, но он не мог или не хотел дать никаких указаний относительно того, что сделали с телами после убийства...» Следовательно, как свидетельствует П. Жильяр: I. Полное расследование «об исчезновении» Царской Семьи, Следователь по Особо Важным Делам Н. Соколов, по поручению Верховного Правителя Адмирала Колчака, начал только 7-го февраля 1919 года. II. Гибель Государыни Императрицы, Государя Наследника Цесаревича и Великих Княжон совместно с лицами, при Них находившимися, следственными властями точно установлена 25-го февраля 1919 года.*

Эти даты подчеркнуты для того, чтобы разъяснить то естественное недоумение, которое возникает при сравнении других дат, а именно: I. Екатеринбургское злодеяние было совершено *в ночь с 3/16 на 4/17-е июля 1918 года.*

II. Документ о командировке в Сибирь офицера Конвоя, по желанию Государыни Императрицы Марии Федоровны, подписан Помощником Главнокомандующего Добровольческой Армии Юга России *29-го января 1919 г.*

Объяснением тому, что эта командировка произошла через пять с лишним месяцев после совершенного злодеяния, служит то, что *до 25-го февраля 1919 года, кроме вести о мучени-*

ческой кончине Государя Императора, не было еще точных сведений о судьбе всей Царской Семьи не только на Юге России, но и в самой Сибири.

«Перед нашим прибытием в Омск (вспоминает А. А. Грамотин) большевики летом 1919 года перешли в большое наступление и, вновь овладев Пермью, угрожали Екатеринбургу. Предстояла эвакуация и Омска. В последних числах августа (т. е. вскоре после нашего поступления в его распоряжение) Следователь Соколов из Омска переехал в Читу. Мы с Булыгиным его сопровождали и охраняли весь его следственный материал. Соколов и все, кто с ним работал, трепетно переживали кошмар Екатеринбургского злодеяния, подробности которого точно были установлены следственными властями».

В этом вечном общерусском позоре Екатеринбургского злодеяния виновна вся Россия! Одной частной инициативы и попытки установить связь с Царской Семьей было мало. Нужны были активные действия не единиц и отдельных групп, а всех верных Государю воинских чинов Русской Императорской Армии, привыкших повиноваться тем начальникам, кто стоял во главе их. Нужен был зов этих вождей и их «смелое слово»! Но... этого зова со стороны старших начальников не было. Младшие же проявить свою собственную общую организованность не смогли. Ошеломленные неожиданным для них отречением от Престола Государя Императора, были они тогда еще «скованы» воинской дисциплиной и, как следствие того, верили и ждали призыва тех, кому продолжали повиноваться…

Есаул Грамотин 3 февраля получил предписание от Походного Атамана Дальне-Восточных Казачьих Войск «отправиться в Лондон и Париж курьером с депешами и возвратиться обратно в Россию». – В марте 1920 года Следователь Соколов,

в связи с общей обстановкою, сложившейся в Сибири, принужден был оставить Читу и выехать в Харбин. Капитан Булыгин и есаул Грамотин его сопровождали. Из Харбина же Соколов и Булыгин, в 20 числах марта, с документами и найденными во время производства следствия Реликвиями Царской Семьи, отбыли в Европу, а А. Грамотин вынужден был остаться в Харбине.

Так печально закончилась командировка есаула Грамотина! *Но сам факт, подтвержденный приложенными документами, что офицер Конвоя был командирован в Сибирь по Личному желанию Государыни Императрицы Марии Федоровны, а также и то, что даже во время пребывания Государыни вне России, Ею было выражено пожелание иметь при Себе одного из офицеров Конвоя, свидетельствует о том, что доверие Ее Величества к Конвою ни совершившейся революцией, ни порожденной ею клеветою на Конвой, никогда не было поколеблено!*

В 1921 году Государыня Императрица Мария Федоровна выразила пожелание иметь при Себе одного из офицеров Конвоя, бывших при Ней в Киеве в дни революции.

В то время А. И. Рогожин командовал Л.-Гв. Терской сотней и находился в строю Дивизиона. Е. М. Ногаец, будучи тяжелораненым во время десанта на Кубань, был в одном из госпиталей города Константинополя. После своего выздоровления Е. Ногаец, при содействии Главнокомандующего Русской Армией Генерала П. Врангеля, отбыл в Данию к Ее Императорскому Величеству.

Резиденцией Государыни была Ее дача «HVIDÖRE» в окрестностях Копенгагена. При Государыне состояли: Фрейлина Ее Величества графиня З. Менгден, генерал князь С. Долгорукий и адмирал князь Вяземский, бывший командир Императорской яхты: «Полярная Звезда».

Офицер Конвоя Е. Ногаец имел квартиру на другой даче, в непосредственной близости к Государыне. Старший уряд-

ник Конвоя Тимофей Ящик, камер-казак Ее Величества, постоянно находился при Государыне и сопровождал Государыню при всех Ее выездах и выходах.

Урядник Ящик в обычные дни носил черкеску цвета бордо, но в дни праздника Собственного Его Величества Конвоя, 4/17 октября, по Личному желанию Государыни Императрицы, он имел на себе полную форму Конвоя. В эти дни есаул Ногаец и его супруга неизменно приглашались Государыней на дачу Видёр.

В 1923 году генералом В. Э. Зборовским было получено письмо от Великой Княгини Ольги Александровны: «*...В день дорогого Праздника 4-го Октября мысленно буду с вами, милыми бывшими Конвойцами. Сколько связано хороших воспоминаний с вами...*

Мама моя вас благодарит за память, вспоминаем сегодня вместе милый любимый Конвой – и шлет она вам лучшие пожелания и привет. Любящая вас Ольга. 4/17 окт. 1923». (Документ № 17.)

Офицер Конвоя Е. Ногаец находился в Дании в течение 7-ми лет до самой смерти Государыни Императрицы. В эти годы он имел честь быть часто приглашаем на дачу к Государыне к Высочайшему столу, а также и сопровождать Ее Величество во время Ее прогулок. Но самую большую честь Государыня Императрица оказала офицеру Конвоя тем, что изволила быть Крестной Матерью его дочери, родившейся в Копенгагене в 1924 году. Крестным отцом был полковник Н. А. Куликовский – супруг Великой Княгини Ольги Александровны, которая замещала Государыню во время обряда св. крещения.

Государыня Императрица Мария Федоровна в Бозе почила 14-го октября 1928-го года, на своей даче Видёр.

Торжественные похороны Ее Величества состоялись в Датской Королевской Усыпальнице в Копенгагене, в присутствии Представителей Российского Императорского Дома,

Датской Королевской Семьи, Дипломатического Корпуса, представителей русских воинских и общественных национальных организаций и большого числа лиц, пришедших проводить к месту вечного упокоения Августейшую Мать Государя-Мученика.

От Гвардейского Объединения на похороны Государыни Императрицы из Парижа прибыл полковник Кирасирского Его Величества полка С. Сафонов. От Конвоя на похоронах присутствовали есаул Е. Ногаец и старший урядник Т. Ящик.

Документ № 17 – поздравление к празднику Конвоя в 1923 году Государыни Императрицы Марии Федоровны и Великой Княгини Ольги Александровны указывает, сколь велико было Высочайшее внимание ко всему Конвою, а не к кому-либо в отдельности из его чинов, что подчеркнуто словами: «*...вспоминаем сегодня вместе милый любимый Конвой...*»

Этот исторический документ, в котором совершенно определенно и ясно говорится об отношении самой Государыни Императрицы и Великой Княгини ко всему Конвою, как воинской части (спустя 6 лет после революции) *также является ответом всем* клеветникам и тем, кто на основании их клеветы сомневался в достойном поведении Конвоя в дни революции.

В долгие годы существования Дивизиона Конвоя в Югославии, Великие Княгини Ксения и Ольга Александровны оказывали неизменное внимание его чинам.

Прибыв в Америку, офицеры Конвоя имели счастье вновь восстановить прерванную войною письменную связь с Великими Княгинями, получать Их письма и ежегодные приветствия к дню Св. Иерофея – дню праздника Конвоя. Великая Княгиня Ольга Александровна, зная, что Дивизион Конвоя сосредоточен в двух группах (в районе Нью-Йорка и в Калифорнии), была столь милостива, что помимо поздравлений командиру Дивизиона, посылала и другие, непосредственно

его помощнику, находящемуся с калифорнийской группою Дивизиона.

Все эти письма являются драгоценными документами и, Бог даст, в будущем будут служить историческим материалом для создания полной истории Конвоя.

Но в данное время поместить их всех в издаваемой книге о Конвое не представляется возможным, а потому объявляется содержание только лишь нескольких Высочайших поздравлений.

Почтотелеграмма. Полковнику Рогожину.

Сердечно поздравляю Дивизион Собственного Его Величества Конвоя с днем Вашего праздника. Да пошлет вам всем Господь, столь пострадавшим – бодрость духа, силы и терпение. *Да будет вам поддержкой и дорогое светлое прошлое, в верности которого вы не поколебались.*

Ксения.

5-го окт. 1952. Hampton Court. (Документ № 18).

Письмо Великой Княгини Ольги Александровны помощнику командира в 1957 г.

В день праздника дорогого Собств. Е. В. Конвоя буду мысленно с вами «Калифорнийскими» Казаками. Дай Господь вам терпение переносить свою участь вне дома и Родины. Желаю всем здоровья на многие годы.

Любящая вас Ольга. (Документ № 19).

Письмо Великой Княгини Ксении Александровны командиру Дивизиона.

15/2 Окт. 58 г.

Полковнику Рогожину.

Поздравляю Вас и в Вашем лице всех чинов Дивизиона Собственного Его Величества Конвоя с

праздником. Всей душой благодарю за глубоко тронувшие меня молитвенные пожелания. Мысленно с Вами.

Да хранит вас Господь! Ксения. (Документ № 20).

Письмо Великой Княгини Ольги Александровны помощнику командира.

29 сент. (12 окт. 1959).

Буду с вами душой и мыслями 4-го Окт. в день Конвойного праздника – желаю приятно проводить день – начиная с молитвами о душах всех тех казаков – когда-нибудь служивших в Конвое Его Величества. Сколько лиц я вспоминаю с детства в Гатчинском Дворце – и слышится мягкий звук их ног в чувяках – топая (в ногу) ночью по коридорам при смене ... – В особенности приятно ночью знать, что около нас наши любимые казаки! Некоторые очень любили душиться, употребляя хорошее мыло! – и этот запах помню еще. Даже в госпитале во время войны лежали временами много терцев, а покупали и мылись таким же пахучим мылом! А седла, оружие, папахи – ни за что не отдавали «на хранение» – мне приходилось умолять нашего старшего врача оставить все это у них... Писали Государю письма верноподданные – давали мне, а я посылала «чтобы в Руки» попало... Так много трогательного было ... И все ушло...

Вот кончаю свое поздравительное письмо – вышло что-то вроде «мемуаров». Господь с вами любящая вас Ольга. (Документ № 21).

Великая Княгиня Ольга Александровна, узнав о подготовляющемся составлении очерка о Конвое, не только интересовалась всеми деталями этой работы, но, «*желая защитить Конвой от злых языков*» (письмо от 15-го ав. 1957 г.), изволила в

нем принять *Л*ичное участие своим советом, сведениями и указаниями.

> Я знаю, что вы трудитесь над краткой историей Конвоя – это очень трудно – не осталось «стариков» – кого можно было спросить... Я бы с радостью помогла, – но не знаю, что именно вы хотели бы знать. Знаю, сколько постов было в Гатчинском Дворце. Смутно помню еще когда были «хевсуры» (?) в кольчугах – в 1880 году. – Но если могу помочь, напишите вопросы – если *знаю* отвечаю да или нет.
>
> Рада что «старики» довольны были деньгами – могут себе позволить купить чего не хватает – всегда приятно – когда кто-нибудь помнит их – одиноких. Тороплюсь отправить сие и еще раз прошу, спрашивайте что хотите, постараюсь помочь чем могу вспомнить...
>
> Документ № 22 – письмо Великой Княгини Ольги Александровны от 27-го июля 1958-го года.

Великая Княгиня Ольга Александровна, возмущенная повторением в зарубежной печати неправды о Конвое, в своем письме (27-го июля 1958 года) пишет дословно: «*...Да я сержусь и болею до тошности читая ту ложь – что пишут про Конвой – столько лжи въезде слышишь –, а скажешь правду никто не слушает кк. например – годами подымают вопрос о нашей Анастасии – это такая гадость – ложь и находятся русск. люди, утверждающие, что «знают ее» – а сами близко не были... И зачем все это...*» (Документ № 22.)

Указание Великой Княгини Ксении Александровны о том, что верность Конвоя не была поколеблена и сообщение Великой Княгини Ольги Александровны о своих переживаниях при чтении лжи о Конвое, для истории его имеют величайшее, никакими словами неоценимое, значение, а для тех, кто повторяет ложь – служат укором Родной Сестры Государя Императора.

На основании разрешения Великой Княгини Ольги Александровны: «прошу спрашивайте, что хотите» (док. № 22.), помощник командира Дивизиона доложил Ее Императорскому Высочеству о душевных страданиях офицеров Конвоя, бывших в борьбе с большевиками на юге России, а не в Сибири. – Ответ Великой Княгини: – «9 Авг./27 июля 1959».

> «...Получила ваши оба письма и попробую вам объяснить то, что я думаю и чувствую. Знаю как мои дорогие племянницы и я – всегда с самого детства любили офицеров и казаков Конвоя. Мы радовались когда встречали, когда разговаривали с вами – одним словом смотрели как на близких людей. Конечно *еще* больше вспоминали – когда сидели запертые, хотели писать и *поддержать* вас и сказать вам как часто мысли были с вами, зная что вы где то *на фронт.* Вы совсем с чистой совестью и такой же чистой совестью встретитесь с Ними – на Том Свете. Их мучения и смерть – они перенесли чтобы спасти Родину – так суждено. – Они теперь у престола Бога – молятся за Россию.
>
> Я смотрю на Них как на Святых Мучеников и их молитва крепка. Я плохо пишу – непонятно может быть – но говорю вам, что ваша совесть чиста. Не мучьтесь – вы за них молитесь – и они это знают. *Не все* так глубоко чувствуют и не переживают как Вы! Всякие люди бывают... милый Зерщиков – хотел и начал свои записки – и вы теперь кончите эту работу... Но если еще есть вопросы – всегда буду рада чем могу помочь – увы! мало могу и не знаю, что именно вы хотите знать. Жила 1918–1920 на Кубани в Новоминской станице и на линии в Темижбэкской встречалась с бывш. Конвойцами трогательно относились. *Последний* урядник – вот забыла его фамилию! нарочно приезжал навестить и рассказать как было – в ставке и очень горевал... Пока

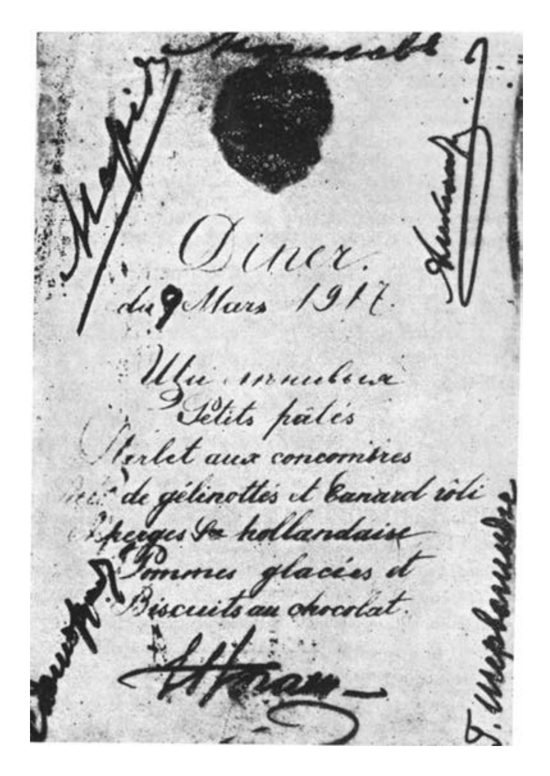
все. Я считаю Вас чистым. – Храни Вас Господь. *Любящая вас Ольга.*» (Документ № 24).

Глава, посвященная опровержению клеветы на Конвой, заканчивается приложенными историческими документами. Они неоспоримы! – Содержание их опровергает всю неправду о Конвое, созданную с провокационной целью, в дни революции и повторяемую в зарубежной печати и рассеивает легенду – «о переходе Конвоя Его Величества на сторону новой власти».

Всем должно быть ясно, что Августейшая Мать Государя, Государыня Императрица Мария Федоровна, Супруга Его – Государыня Императрица Александра Федоровна, Родные Сестры Великие Княгини Ксения и Ольга Александровны и Дети Их Величеств – Великие Княжны, не могли быть неискренними, называя: «любимыми», «дорогими», «старыми друзьями», «всегда помнить» и быть мысленно с теми, кто этого не заслужил и благословлять тех, кто не оправдал веры в их преданность!

Эта книга о Конвое начата словами Государыни и Великой Княгини Ольги Александровны. Словами же Ее Императорского Высочества она и заканчивается: «...Вы все чисты перед своей совестью, передо Мною, перед теми, кто знает истину, и перед дорогими. – При встрече, будет ли это в этом мире или другом – Вы можете смотреть в глаза, и только с этим давайте считаться!..»

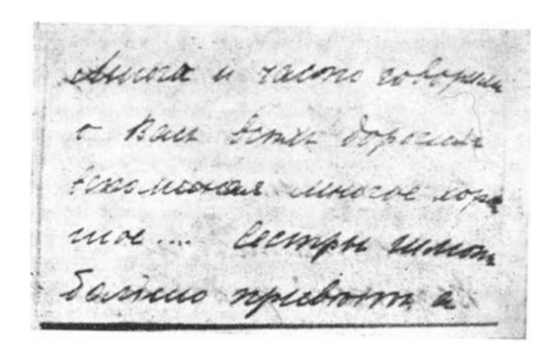
Исторические документы

Dîner
du 9 Mars 1917.

Щи ленивыя
Petits pâtés
Sterlet aux concombres
de gélinottes et Canard rôti
Asperges Sce hollandaise
Pommes glacées et
Biscuits au chocolat.

Документ № 1

мною и часто говорим
о Вас в эти дорогие
незабвенные многое хоро-
шое .... Сестры шлют
большой привет и

Документ № 2

1916 Kiew 1917

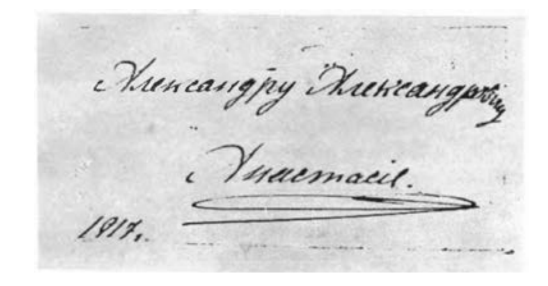
Мария

Ольга

Déjeuner
du 19 Mars 1917

Potage [illegible]
Petits pâtés
[illegible] au beurre
[illegible]
[illegible] au champagne
Filets de gelinottes [illegible]
Tarte aux cerises et
Glace pistache

Документ № 3

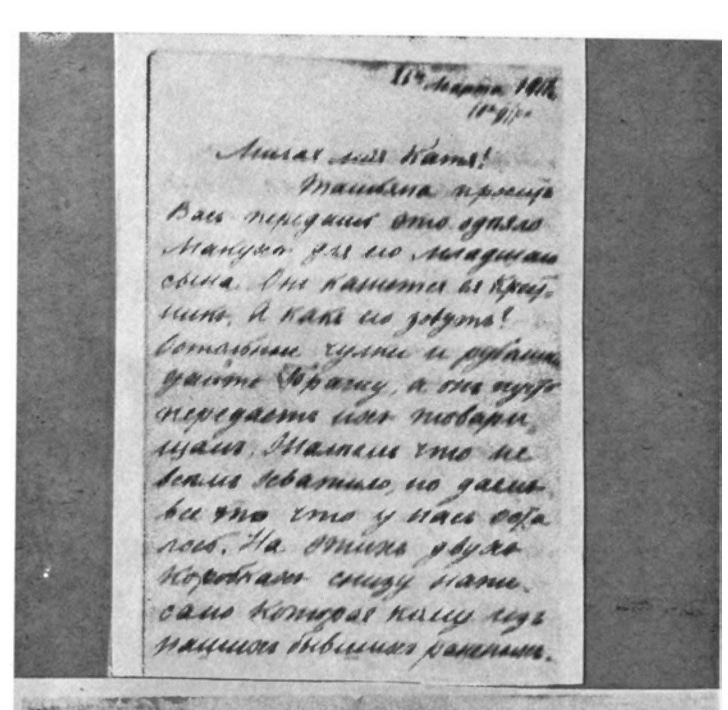

Александру Александровичу

Анастасия.

1917 г.

Документ № 4

11го Марта 191[illegible]
10ч. у[illegible]

Милая моя Катя!
Татьяна просит Вас передать это одеяло Манушке(?) для ее младшаго сына. Он кажется в Крупинке(?). А как его зовут? Остальные чулки и рубашки дайте Бражу(?), а он пусть передаст их товарищам. Жалеем что не всем хватило, но дали все что что у нас осталось. На [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Мария еще лежит, а я вчера встала, чему очень рада т.к. пролежала около 4х недель, но слабость еще есть в ногах. Пожалуйста попросите еще [illegible] вернуть нам группы которые мы Вам передали в последний раз. Очень часто всех вспоминаем и [illegible] [illegible] [illegible]. Пишите нам, милая Катя, как все поживают и т.д. всегда радуемся иметь известия. Желаю здоровья и веселья. Кланяйтесь Сидоровым. Маме и Брату сердечный привет. Всего хорошего. Крепко Вас целую Ваша

Анастасия.

Эти образа от Мамы всем офицерам.

Документ № 5

25-е Июня 1917. И. А.

Спасибо Вамъ сердечное за милое письмо, которому такъ обрадовалась. Мы тоже все помнимъ, и постоянно объ этомъ говоримъ... У насъ весь день распределенъ, поэтому время идетъ довольно скоро. – Помните 14е Августа на "Звезде" и 11е Июля?!.. Каждый день ходимъ гулять, поливаемъ нашъ огородъ и обыкновенно обливаемся т. к. очень [illegible] еще бываемъ обливаемъ изъ насоса

ПИСЬМО.

Какъ [illegible] ...ваютъ все [illegible]. Сижу сейчасъ на окне и пишу Вамъ. – надо будетъ идти на уроки, не очень весело, ну но я [illegible] надо кончать писать. Желаю Вамъ всего, всего хорошаго. [illegible] Васъ

Шлю самыя горячiя пожеланiя и привѣтъ. О.

всегда [illegible] Помню, и часто вспоминаю. Желаю Вамъ всего самаго хорошаго. Шлю большой привѣтъ. М.

Желаю всего хорошаго, шлю сердечный привѣтъ. [illegible]

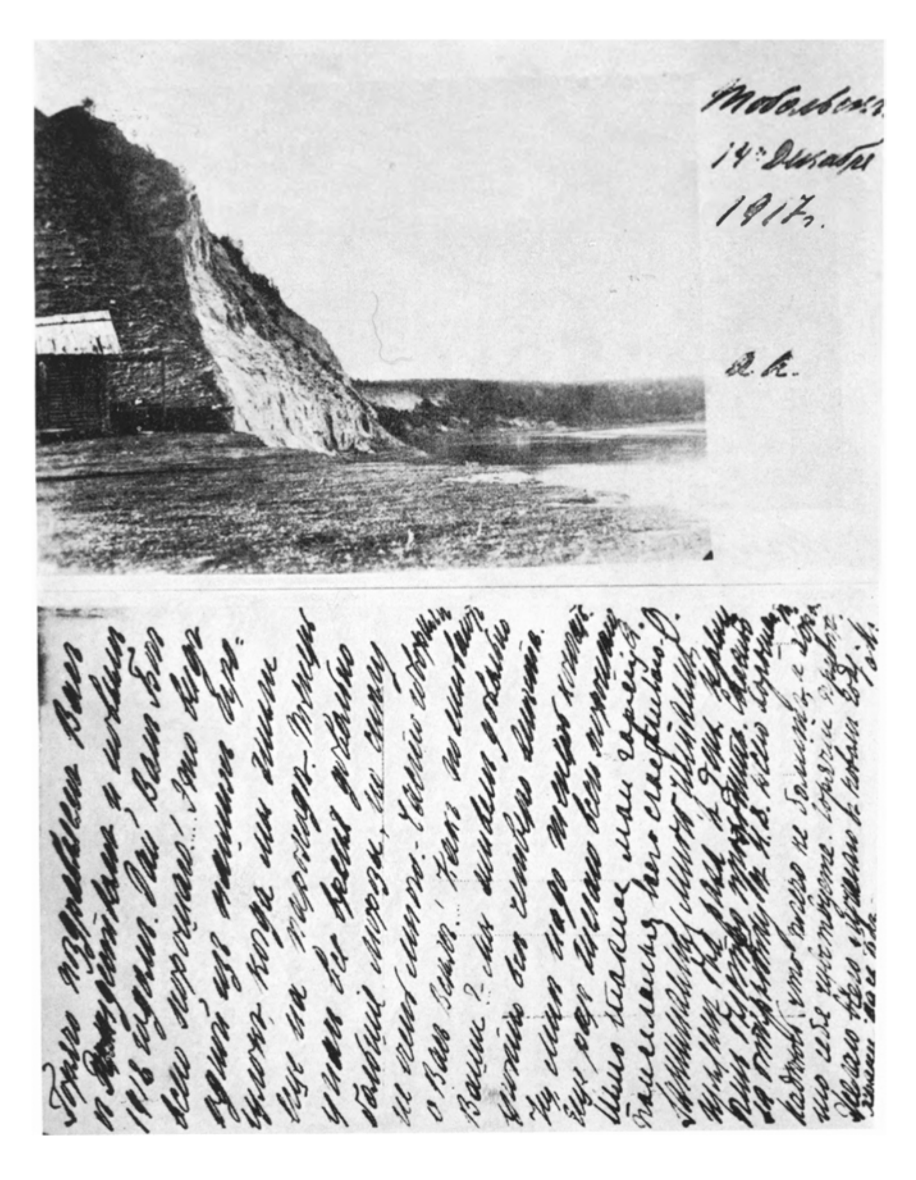
Документ № 6

Тобольск. 13 октября 1917. [illegible]

Всего хорошего дорогая [illegible] и сердечно поздравляем с днем рождения а также с наступающим днем ангела. Вспоминали и говорили о Вас очень часто. На этой [illegible] [illegible] мы живем. На этаже балкон мы много сидим. Одно окно кот. выходит сюда, наша комната. Наши окна выходят на другую сторону на улицу. В общем живем тихо себе... Погода у нас эти дни холодная. Солнце есть, но не много. Мы каждый день занимаемся. Часто вспоминаем милого больного [illegible]... Мы [illegible] что [illegible] с нашего [illegible] и [illegible] [illegible]. Привет [illegible] и [illegible] и Влад. Желаю всего [illegible]. Мы [illegible] Вам. Помним о Вас.

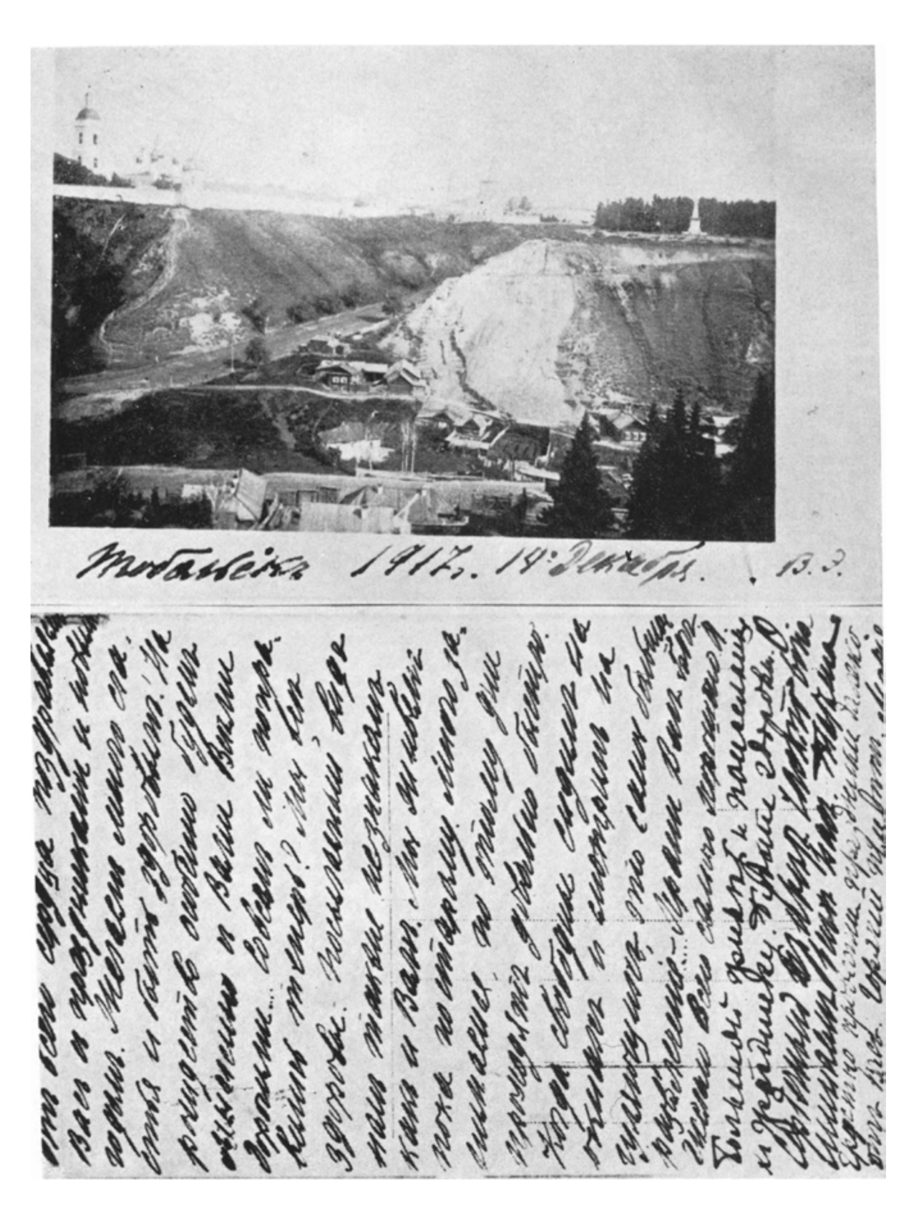
Документ № 7

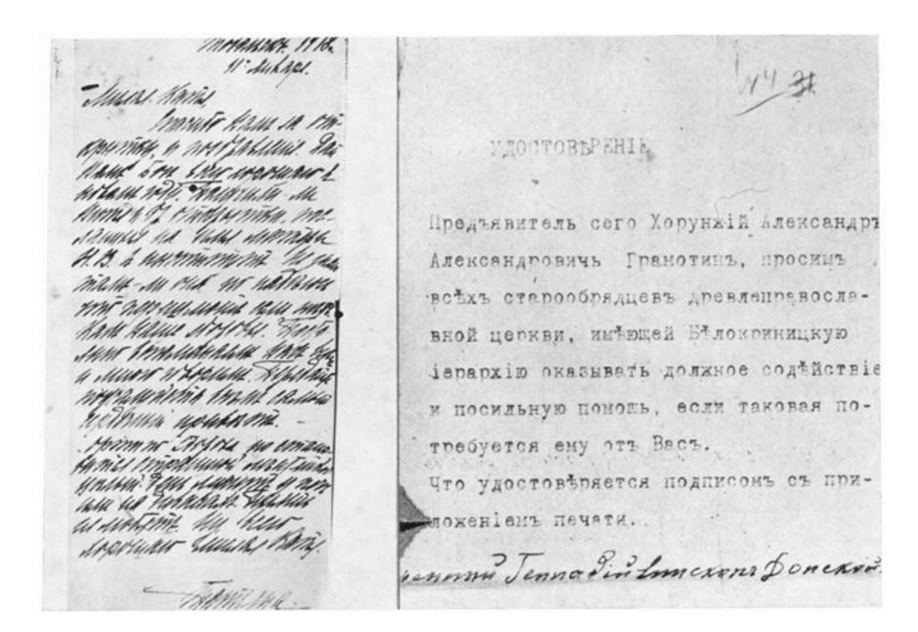
Тобольскъ.
14 Декабря
1917 г.

О. Н.

Документ № 8

Документ № 9

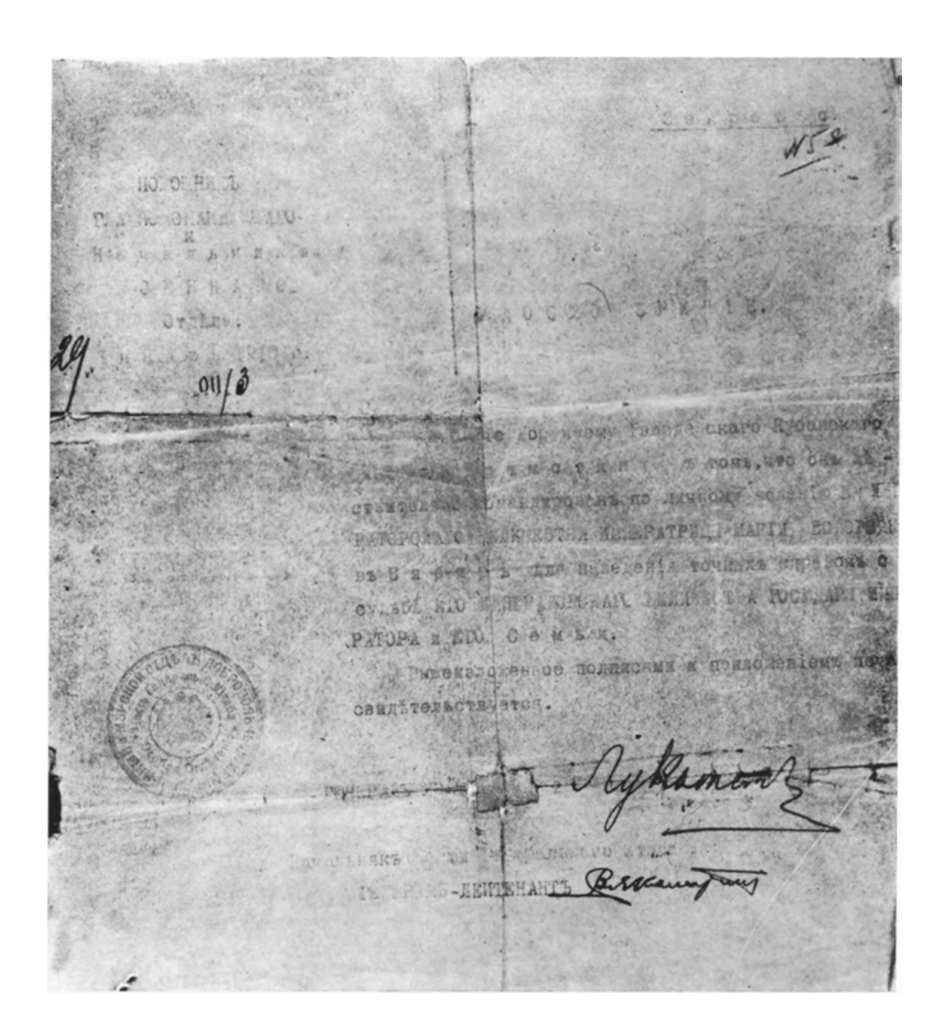
№ 31

УДОСТОВѢРЕНІЕ

Предъявитель сего Хорунжій Александръ Александровичъ Грамотинъ, просимъ всѣхъ старообрядцевъ древлеправославной церкви, имѣющей Бѣлокриницкую Іерархію оказывать должное содѣйствіе и посильную помощь, если таковая потребуется ему отъ Васъ.
Что удостовѣряется подписомъ съ приложеніемъ печати.

...ренный Геннадій Епископъ Донской

Документ № 10 Документ № 11

С е к р е т н о

[illegible]

Отдѣлъ.

29. [illegible] 911/3

[illegible]остовѣреніе.

[illegible]е хорунжему Гвардейскаго [illegible]

[illegible] въ томъ, что онъ [illegible]

[illegible]командированъ по личному [illegible]

[illegible] Величества Императрицы Марiи [illegible]

въ Сибирь для выведенiя точныхъ справокъ о

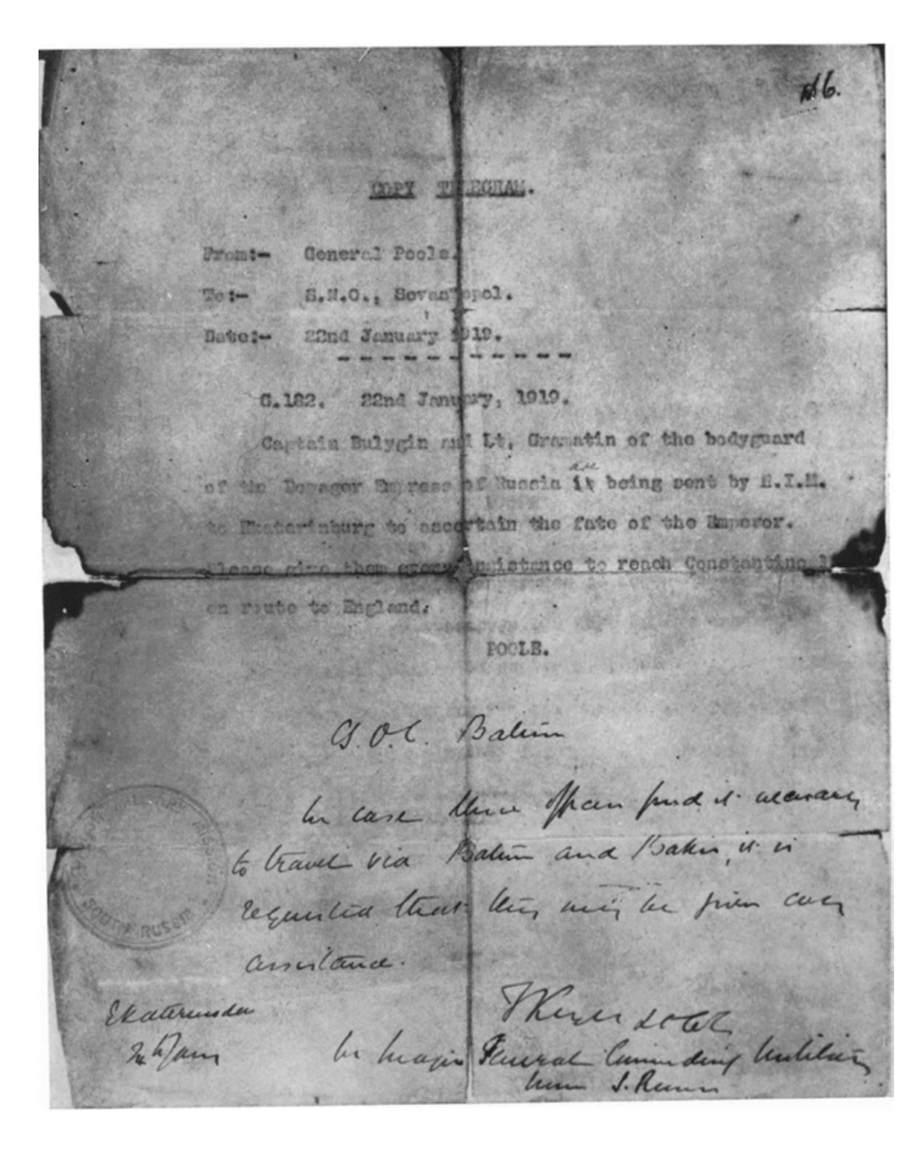
судьбѣ Его [illegible] Государя [illegible]ратора и Его Семьи.

Вышеизложенное подписями и приложенiемъ печ[illegible] свидѣтельствуется.

[illegible]

Генералъ-Лейтенантъ [illegible]

Документ № 12

46.

COPY TELEGRAM.

From:- General Poole.

To:- S.N.O., Sevastopol.

Date:- 22nd January 1919.

- - - - - - - - - - -

G.182. 22nd January, 1919.

Captain Bulygin and Lt. Gramatin of the bodyguard of the Dowager Empress of Russia ~~it~~ are being sent by H.I.M. to Ekaterinburg to ascertain the fate of the Emperor. Please give them every assistance to reach Constantinople en route to England.

POOLE.

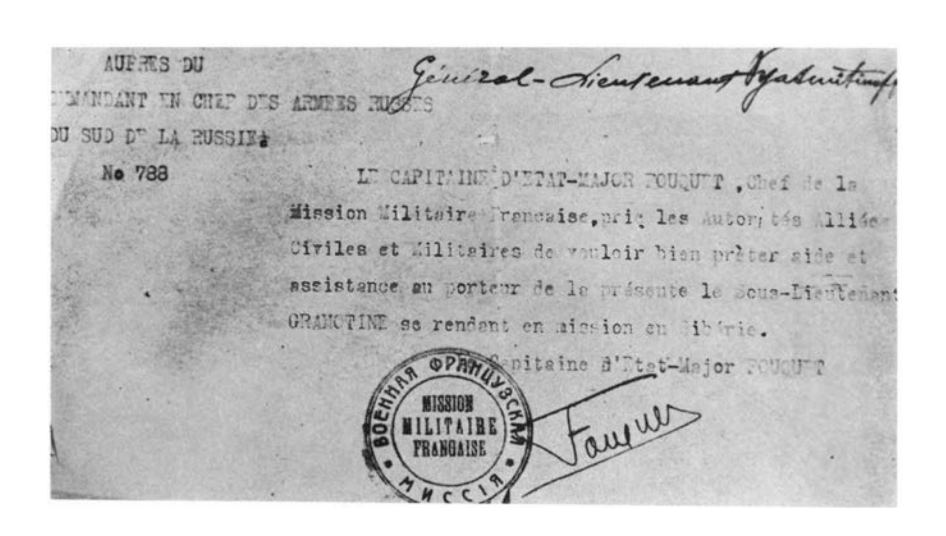
G.O.C. Batum

In case these officers find it necessary to travel via Batum and Baku, it is requested that they may be given every assistance.

Ekaterinodar
24th Jan

T Keyes Lt Col
for Major General Commanding Military
Mission S. Russia

Документ № 13

AUPRES DU
COMMANDANT EN CHEF DES ARMEES RUSSES
DU SUD DE LA RUSSIE

No 788

Général-Lieutenant [illegible]

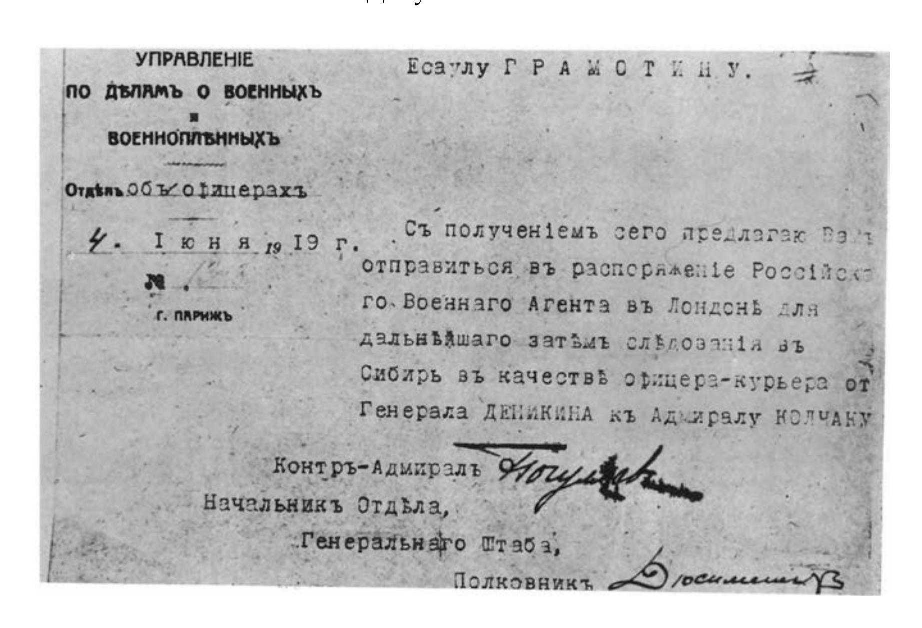
LE CAPITAINE D'ETAT-MAJOR FOUQUET, Chef de la Mission Militaire Française, prie les Autorités Alliées Civiles et Militaires de vouloir bien prêter aide et assistance au porteur de la présente le Sous-Lieutenant GRAMOTINE se rendant en mission en Sibérie.

Capitaine d'Etat-Major FOUQUET

ВОЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ МИССИЯ
MISSION MILITAIRE FRANÇAISE

[illegible]

Документ № 14

УПРАВЛЕНІЕ
ПО ДѢЛАМЪ О ВОЕННЫХЪ
и
ВОЕННОПЛѢННЫХЪ

Отдѣлъ объ офицерахъ

4. Іюня 1919 г.

№

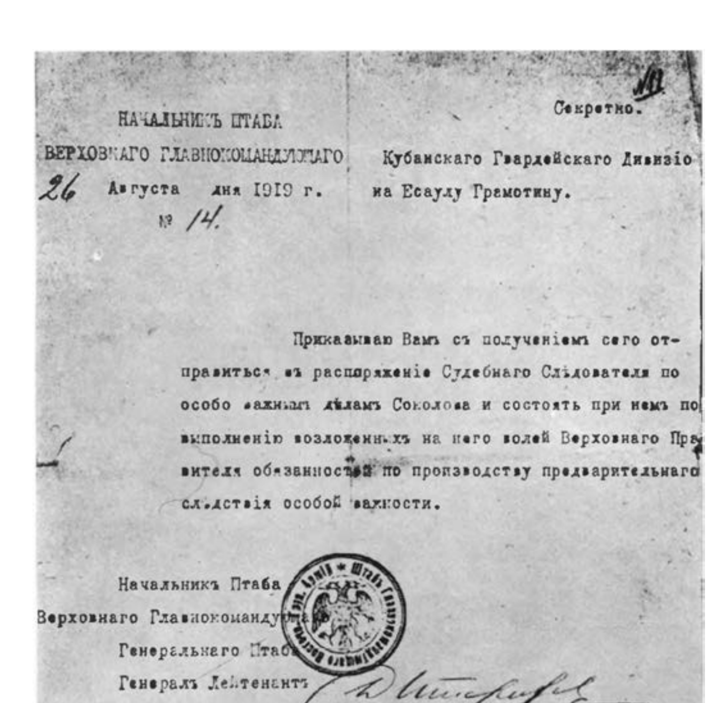
г. ПАРИЖЪ

Есаулу ГРАМОТИНУ.

Съ полученіемъ сего предлагаю Вамъ отправиться въ распоряженіе Россійскаго Военнаго Агента въ Лондонѣ для дальнѣйшаго затѣмъ слѣдованія въ Сибирь въ качествѣ офицера-курьера от Генерала ДЕНИКИНА къ Адмиралу КОЛЧАКУ

Контръ-Адмиралъ [illegible]
Начальникъ Отдѣла,
Генеральнаго Штаба,
Полковникъ [illegible]

Документ № 15

№ 11

НАЧАЛЬНИКЪ ШТАБА
ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО
26 Августа дня 1919 г.
№ 14.

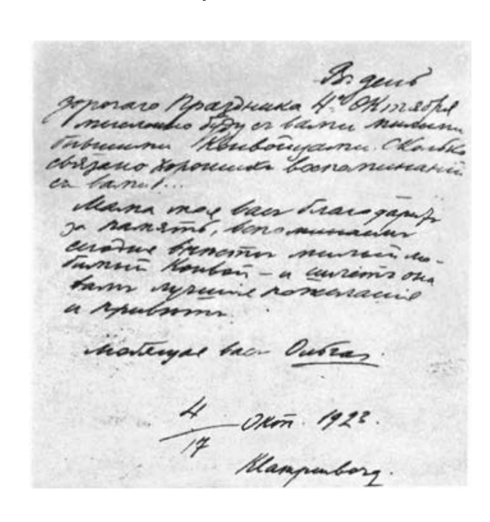
Секретно.

Кубанскаго Гвардейскаго Дивизиона Есаулу Грамотину.

Приказываю Вамъ съ полученiемъ сего отправиться въ распоряженiе Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Соколова и состоять при немъ по выполненiю возложенныхъ на него волей Верховнаго Правителя обязанностей по производству предварительнаго слѣдствiя особой важности.

Начальникъ Штаба
Верховнаго Главнокомандующаго
Генеральнаго Штаба
Генералъ Лейтенантъ [signature]

Документ № 16

Въ день дорогого Праздника 4го Октября мысленно буду съ вами милыми бывшими Конвойцами. Сколько связано хорошихъ воспоминаний съ вами...

Мама тоже васъ благодаритъ за память, вспоминаетъ сегодня вмѣстѣ милый любимый Конвой — и шлетъ она вамъ лучшие пожелания и привѣтъ.

Любящая васъ Ольга.

4/17 Окт. 1923.
[illegible]

Документ № 17

Почтъ-телеграмма

Полковнику Галушкину

Сердечно поздравляю
Доблестный Собственный
Его Величества Конвой
съ днемъ Вашего
праздника.
Да поможетъ Вамъ
Всемилостивый Господь, — чтобы
всегда сохранялись — бод-
рость духа, силы
и здоровье.
Да будетъ Вамъ
поддержкой и дорогое,
святое прошлое
въ вѣрности [illegible]
въ это все [illegible].

Ксения

5 Окт: 1952.
Hampton Court.

Документ № 18

Въ день праздника дорогаго Собст. Е. В. Конвоя буду мысленно съ вами "Калифорнскими" Казаками. Дай Господь вамъ терпѣнiе переносить свою участь вне дома и Родины. Желаю всѣмъ здоровья на многiе годы.

Любящая васъ Ольга

Документ № 19

15/2 Окт. 58 г.

PHONE: MOLESEY 2522.

WILDERNESS HOUSE.
HAMPTON COURT PALACE.

Глубокоуважаемый Господинъ –

Поздравляю Васъ и въ Вашемъ лицѣ всѣхъ чиновъ дивизiона Собственнаго Его Величества Конвоя съ праздникомъ. Васъ всѣхъ благодарю за глубоко тронувшiя слова и многочисленныя поздравленiя. Мысленно съ Вами.

Да хранитъ Васъ Господь!

Ксенiя

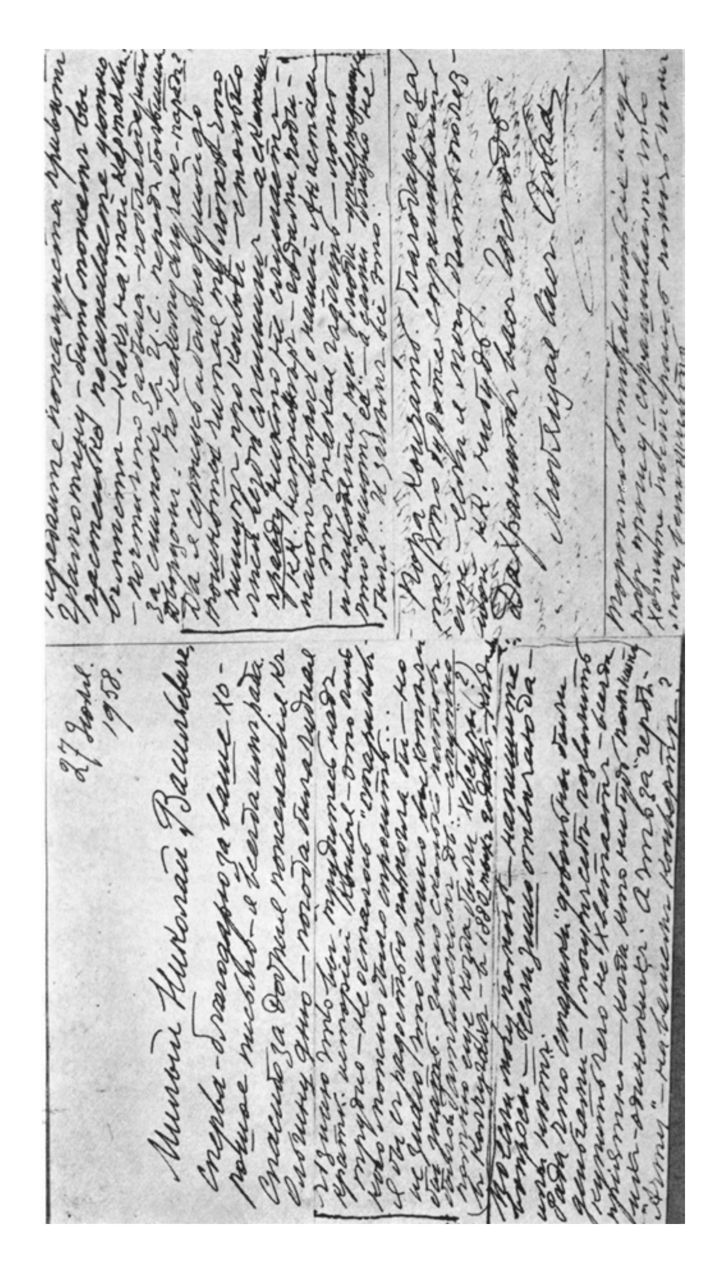
Документ № 20

29 сент.
12 окт.
1959.

Милый Николай Васильевичъ

Буду съ вами душой и мыслями
4-го Окт. въ день Конвойнаго праздника,
желаю приятно проводить день
— вспоминая съ молитвами о душахъ
всѣхъ тѣхъ казаковъ когда-нибудь
служившихъ въ Конвоѣ Его Величества.
Сколько могу я вспоминаю съ
дѣтства въ Гатчинскомъ дворцѣ
— и слышится мягкiй звукъ шаг-
ногъ въ чувякахъ — топаютъ (въ ногу)
нѣжно по коридорамъ при смѣнѣ.
Въ особенности приятно было знать
что около насъ наши любимые
казаки! Нѣкоторые очень любили
душиться, употребляя хорошое
"мыло" — и этотъ запахъ помню
еще. Далее въ госпиталѣ во
время войны лежали временами
много терцевъ — а покупали и мылись
такимъ все пахучимъ мыломъ!...
А седла, оружiе, папахи — ни за что
не отдавали "на храненiе" — мнѣ
приходилось уговорить нашего
старшаго врача оставить все это
у нихъ... Писали Государю письма
вѣрноподданные — давали мнѣ-
а я посылала "чтобы въ Руки" по-
лично.. Такъ много трогательнаго
было... И все ушло.
Вотъ кончаю свое поздравительное
письмо — вашего что-то вроде
"мемуаровъ".
Господь съ вами
Любящая васъ Ольга

Документ № 21

27 Июля 1958.

Милый Николай Васильевич,

Документ № 22

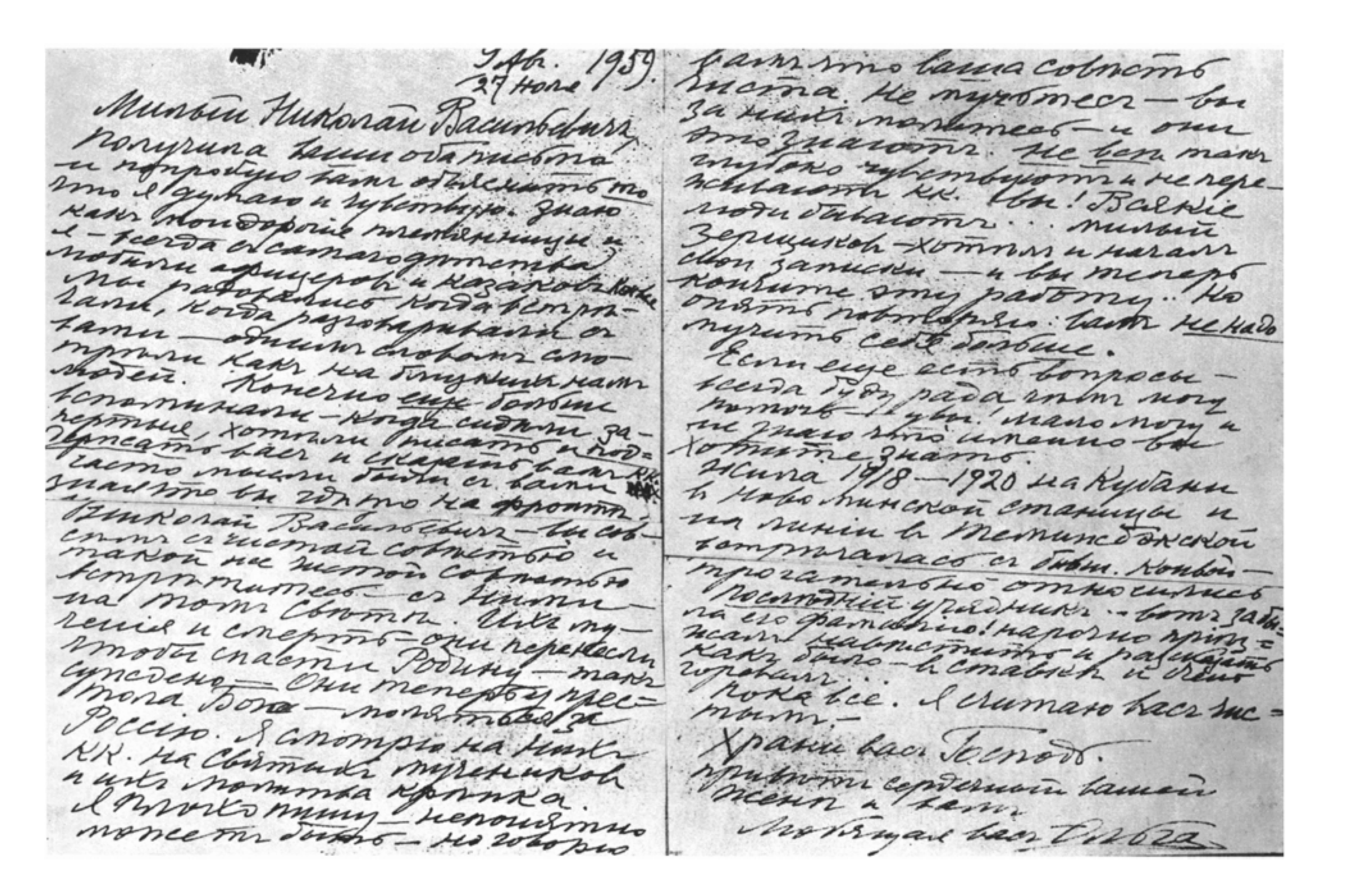
1) Въ Гатчинскомъ дворцѣ — все вопросы написали: внутр. караулъ, 9 постовъ и прочее.. Площадки у винтовой лестницы "На мезонинѣ" (где жили братъ М.А. и я) 1 постъ, у столовой парный пост, 1 постъ, внизу винтовой лест. 1 постъ у двери въ спальню нашего дальше у подъезда 1 постъ — гаражъ - арсеналъ на главномъ подъездѣ 1 постъ
итого 6 постовъ.

2) въ Аничков. Дв. по одной главн. лестницѣ былъ двойной постъ (столько почему-то [illegible]) у входа въ залъ — межъ къ лестницѣ. Второй одиночный постъ по другой лестницѣ у входа въ комнаты брата М.А. — и 1 постъ у собственнаго подъезда..
итого 3 поста.

3) Ёлка для казаковъ и Сводн. полка всегда въ манежѣ Царскосельской — раньше при отцѣ — въ Гатчинѣ ёлка всегда была въ манежѣ Кирасирскаго полка. Послѣдніе года — во дворцѣ.. Присутствовали только мы съ М.А. иногда Сестра присутствовала и ея дѣти.

4) по воскреснымъ днямъ отъ 3 ч. до 9 ч. отпускали ко мнѣ въ домъ на Сергіевской ул. 46. моихъ 4 Х. [illegible] — [illegible] и играли въ разныя игры — бывали Унгернъ Ш. Е. Шкуропадскій, Федюшкинъ, Шведовъ. Скворцовъ, Зерцаковъ и Золотаревъ — они [illegible] — Зборовскій, Шведовъ-Федюшкинъ всегда были — (постоянными особенно любимы) (Викторъ Эр, Шурикъ, Юзикъ)

Документ № 23

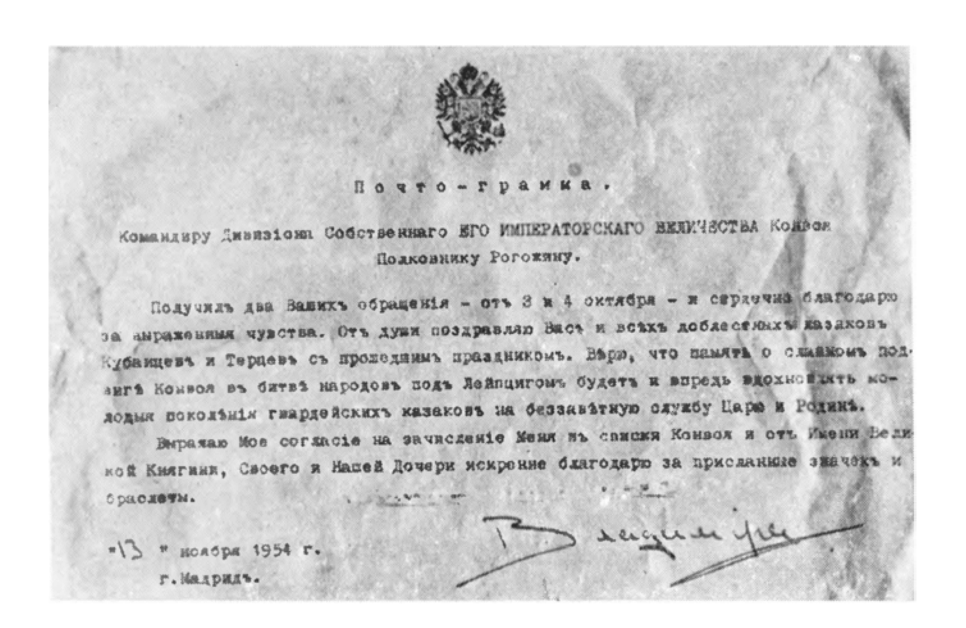

9 Ав. 1959.
27 июля

Милый Николай Васильевич,
получила ваши оба письма
и попробую вам объяснить то
что я думаю и чувствую. Знаю
как [illegible]
я — всегда [illegible]
[illegible] офицеров и казаков [illegible]
ли, когда [illegible] когда встре-
чали — одним словом сто-
[illegible] как на [illegible]
людей. Конечно [illegible] больше
вспоминали — когда сидели за-
[illegible], хотели писать и под-
писать вас и сказать вам
часто мысли были с вами
знали что вы где то на фронте
Николай Васильевич — вы сво-
[illegible] совестью и
такой не [illegible]
[illegible] — с [illegible]
на тот Свет. [illegible]
ления и смерть — они перенесли
чтобы спасти Родину — так
суждено — Они теперь у пре-
стола Бога — молятся за
Россию. Я смотрю на них
кк. на Святых мучеников
и их молитва крепка.
Я [illegible] — непонятно
может быть — но говорю

вам что ваша совесть
чиста. Не мучьтесь — вы
за них молитесь — и они
это знают. Не все так
глубоко чувствуют и не пере-
живают кк. вы! Какие
люди бывают... Милый
Зерщиков — хотел и начал
свои записки — и вы теперь
кончите эту работу. Но
опять повторяю: вам не надо
мучить себя больше.
Если еще есть вопросы —
всегда буду рада чем могу
помочь — Увы! мало могу и
не знаю что именно вы
хотите знать.
Жила 1918—1920 на Кубани
в Новоминской станицы и
на линии в Тимашевской
встречалась с [illegible]
трогательно относились
[illegible] на его [illegible]! нарочно [illegible]
[illegible] и рассказать
как было — [illegible]
[illegible]
Пока все. Я считаю вас [illegible]
Храни вас Господь.
Привет сердечный вашей
жене и вам.
Любящая вас [illegible]

Документ № 24

Почто-грамма.

Командиру Дивизіона Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя
Полковнику Рогожину.

Получилъ два Вашихъ обращенія – отъ 3 и 4 октября – и сердечно благодарю за выраженныя чувства. Отъ души поздравляю Васъ и всѣхъ доблестныхъ казаковъ Кубанцевъ и Терцевъ съ прошедшимъ праздникомъ. Вѣрю, что память о славномъ подвигѣ Конвоя въ битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ будетъ и впредь вдохновлять молодыя поколѣнія гвардейскихъ казаковъ на беззавѣтную службу Царю и Родинѣ.

Выражаю Мое согласіе на зачисленіе Меня въ списки Конвоя и отъ Имени Великой Княгини, Своего и Нашей Дочери искренне благодарю за присланные значекъ и браслеты.

Владимиръ

«13» ноября 1954 г.
г. Мадридъ.

Документ № 25

Постановлением «Военного Совета» от 27-го апреля 1917 г. Конвой переформирован в два отдельных Гвардейских Дивизиона – Кубанский и Терский. На территории своих Войск Дивизионы сразу же вступили в вооруженную борьбу с большевиками. Старые Конвойцы и их молодая смена – чины Гвардейских Дивизионов (впоследствии соединенных в один Дивизион), как в годы гражданской войны, в рядах Добровольческой, затем Русской Армии, так и во время Второй Мировой Войны, вновь вступив в вооруженную борьбу против безбожного коммунизма, честно исполнили последний завет Государя Императора – служить верно Родине!

В этой боевой службе Дивизион потерял в боях и походах более 2-х сот казаков и 24 офицера, из коих:

Убиты – Полковник Г. Рашпиль, генерал В. Зборовский (смертельно ранен), есаул Е. Шкуропатский, есаул Н. Шкуро-

патский, есаул Б. Ногаец, есаул Н. Протопопов, есаул Л. Донсков, хорунжий К. Павленко, хорунжий А. Ветер и прикомандированный лейтенант Д. Литвинский.

Расстреляны – Полковник Б. Макухо, хорунжий Ф. Пилипенко и хорунжий Р. Протопопов. Также расстреляны старые казаки Конвоя: Махлаев, Консул, Муравицкий, Яцына, два брата Шелих и все четыре брата Поповы.

Умерли в тюрьмах – сотник А. Шведов и есаул С. Лавров.

Выданы большевикам – Полковник М. Свидин, полковник В. Скляров, есаул П. Ергушев и взят большевиками из госпиталя раненый Войсковой Старшина Н. Шрамко и чины Дивизиона – Т. Талакольников, М. Маловек и П. Хоружий. Последние оба с ампутированными ногами.

Умерли от ран и болезней в походах – Полковник Ф. Киреев, полковник Г. Татонов, полковник К. Зерщиков, есаул К. Панкратов и сотник С. Вертепов[253].

Уйдя с Армией Генерала Врангеля на чужбину офицеры и казаки Конвоя, под сенью своих трех Георгиевских Штандартов, в течение 20 лет хранили родной Дивизион в облике строевой части, что засвидетельствовано Рескриптом Великого Князя Владимира Кирилловича, приказами Главнокомандующего Русской Армией и генералов, возглавлявших Русский Общий Воинский Союз.

> «...Жива Славная Часть Российской Императорской Армии...» (Из приказа Генерала Врангеля от 10 августа 1926 г. № 83).
>
> «...С гордым чувством полного удовлетворения любовался молодецким видом Дивизиона, во время перенесения праха Главнокомандующего в Белграде...» (Из приказа Генерала Кутепова от 13-го октября 1929 года).

[253] Убито – 10. Расстреляно – 3 и 10 вахмистров и урядников. Умерло в тюрьмах – 2. Выдано большевикам – 7 (4 офицера). Умерло в походах – 5.

«...После эвакуации и до сих пор Дивизион, несмотря на тяжелые и совершенно необычные условия существования, не расстроил своих рядов, а остался крепкой воинской частью и дружной семьей, могущей служить отличным примером для всех других частей...» (Из приказа Генерала Миллера от 30 мая 1936 г. № 11).

«...Блестящее состояние возглавляемой Вами войсковой части Российской Императорской Армии, сохранившейся до сих дней, свидетельствует о жертвенной службе чинов Дивизиона, силе традиции и крепости духа усвоенной Вами, офицерами и казаками...» (Из Рескрипта Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Кирилловича на имя командира Дивизиона полковника Рогожина, от 26-го декабря 1938 года).

Как только представилась возможность возобновить вооруженную борьбу с коммунизмом, Дивизион в полном своем составе, со своими Штандартами, с сохраненным холодным оружием и со своим хором трубачей, прибыл в Русский Корпус. – «*...Ушел от нас Гвардейский Дивизион – образец доблести и дисциплины, но дух его живет среди нас...*» (Из информации генерала Драценко, от 20 ноября 1941 года).

«...В Белграде прибыл наш Славный Гвардейский Дивизион, за 20 лет эмигрантского безвременья своим существованием совершивший своеобразный воинский подвиг. Обостренное чувство долга, преданность и верность своим Штандартам, как символу утерянной Родины, вписали в историю Русской Армии и Казачества бессмертную страницу...» (Из приказа Походного Атамана Куб. Каз. Войска ген. Ткачева, от 30 окт. 1941 г. № 24).

В боях Русского Корпуса Дивизион вновь понес жестокие потери. Оставшиеся в живых офицеры и казаки Дивизиона почти все переранены в боях (некоторые по несколько раз)[254].

Период гражданской войны на Юге России, существование Дивизиона Конвоя вне России и в Югославии, как в мирной, так и в боевой обстановке Второй Мировой Войны, и преданность всех чинов Дивизиона своим Штандартам и своей родной Части в настоящее время, составляет содержание четвертой части очерка о Конвое, которая будет издана дополнительно. К глубокому сожалению, четвертую часть очерка поместить в эту книгу не удалось. Главная причина – трудность издания книги при условиях нашей современной жизни.

Все затруднения технического характера, из-за которых книга не могла быть изданной к намеченному сроку, преодолеть при помощи и содействии опытного книжного издателя Б. В. Чарковского. Но, несмотря на жертвенность принявших участие в огромном расходе по изданию первых трех частей книги, «затруднения материального характера», не могли быть преодолеть целиком. От издания всех четырех частей очерка о Конвое в одной книге пришлось отказаться, с надеждою на то, что с распространением первых трех частей, изданных в настоящей книге, будут собраны средства для необходимого издания последней, четвертой части очерка об истории Конвоя.

Преклоняясь молитвенно перед Светлой и незабвенной памятью в Бозе почившей, дорогой нашей Покровительницы, Великой Княгини Ольги Александровны, принимавшей

---

[254] Командный состав Дивизиона: К-р полк. А. Рогожин, помощник К-ра полк. Н. Галушкин, адъютант есаул Д. Вертепов. Командиры сотен: полк. А. Лекторский, К. Щербаков, есаул кн. М. Голицын. Командир Л.-Гв. 2-й Куб. сотни Войск. Старшина П. Луговский умер в 1953 году.

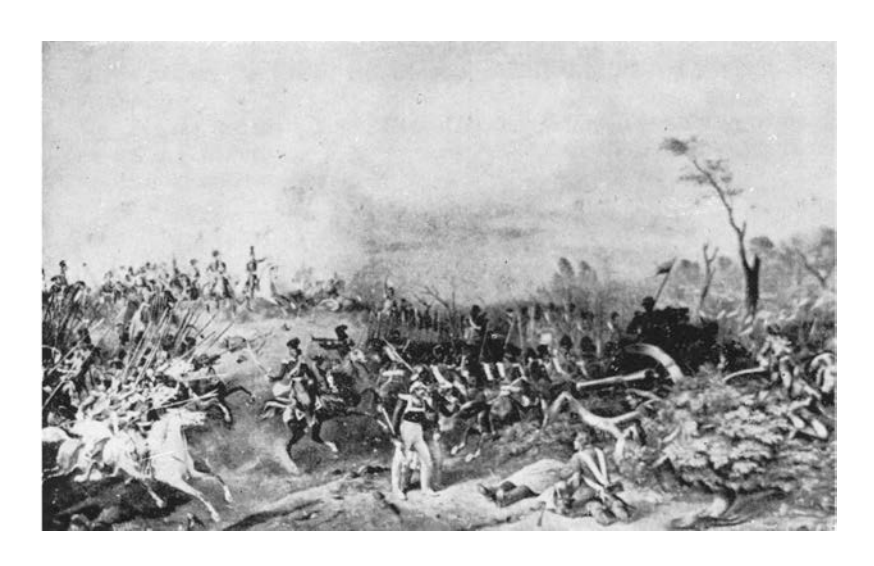
личное участие в создании книги о Конвое, считаю своим долгом отметить и то, что без общей помощи офицеров и казаков Конвоя, сохранивших свои записи и исторические документы, я бы не смог выполнить свой долг перед родной Частью. О том, как я исполнил взятую на себя задачу, судить не мне.

Я выполнил ее, как смог!

Николай Галушкин.

Государь Император
Александр I Павлович
Державный Основатель
Гвардейской Черноморской Казачьей Сотни

Атака Императорского Конвоя под Лейпцигом в день 4/17 октября 1813 года

Казаки Л.-Гв. Черноморского каз. эскадрона. 1813–1824 гг.

Первый командир, полковник
Афанасий Феодорович Бурсак 2-й

Парадная форма
обер-офицера
Подъесаул И. А. Ветер

Обер-офицеры Л.-Гв. Казачьего полка и Л.-Гв. Черноморского эскадрона. 1813–1824 гг.

Оберъ-офицеръ **Унтеръ-офицеръ**

Л.-Гв. Черноморского казачьего эскадрона 1811–1824 гг.

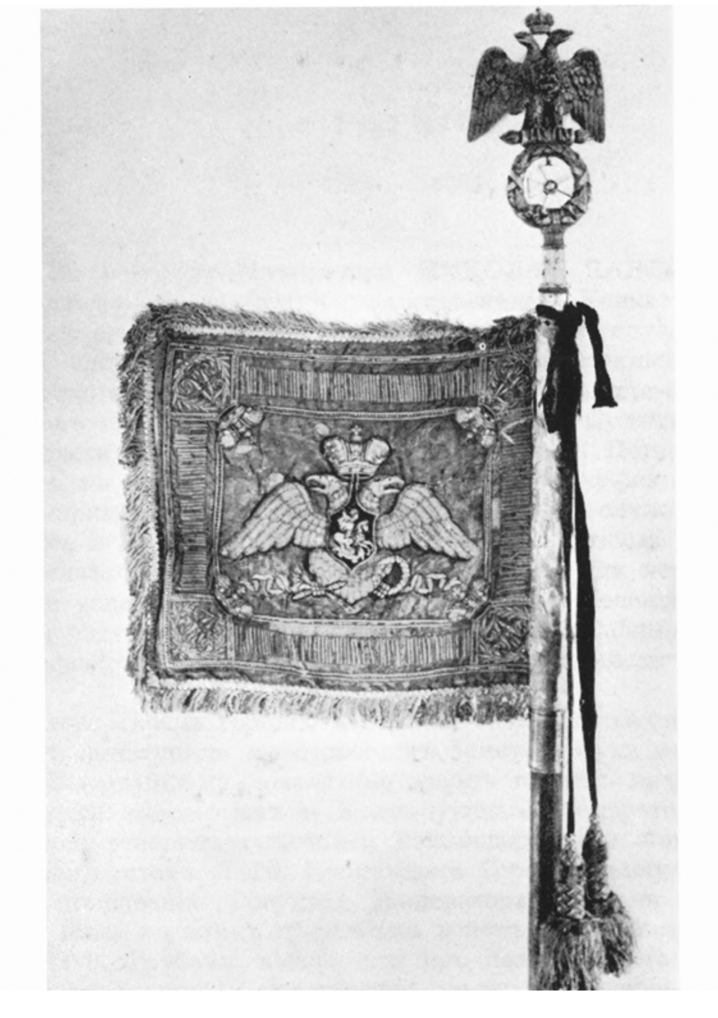
Рядовые Унтер-офицер
Черноморского эскадрона Л.-Гв. Казачьего полка 1816 года

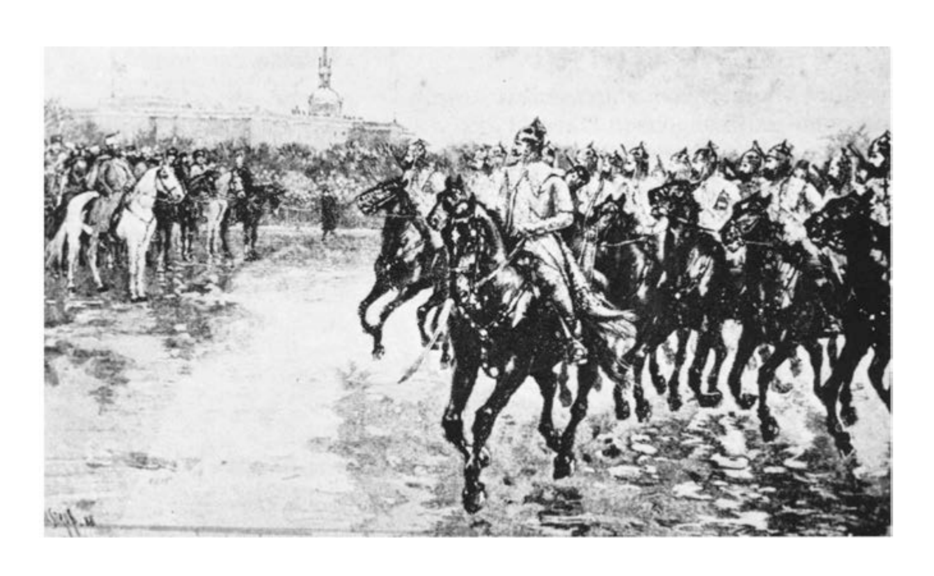
Казаки Л.-Гв. Черноморского эскадрона 1825 год

ВЫСОЧАЙШЕ ПОЖАЛОВАННЫЙ ИМПЕРАТОРОМ
АЛЕКСАНДРОМ II
30 августа 1856 года

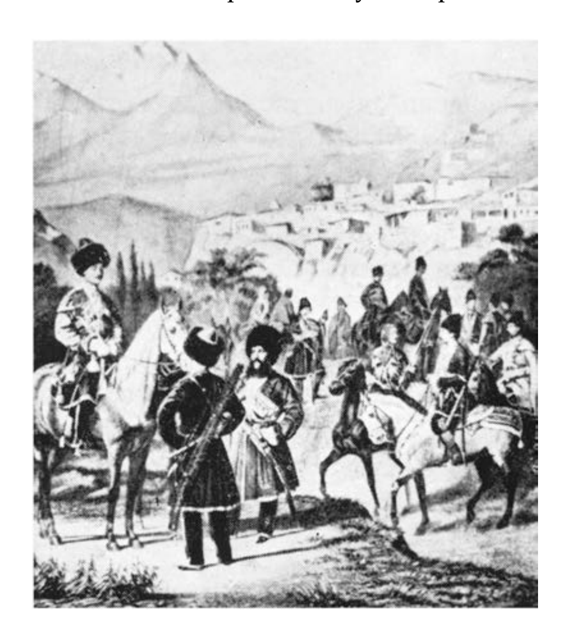
1861 **1961**

Георгиевский Штандарт Л.-Гв. Черноморского Казачьего Дивизиона
С 2-го февраля 1861 года Штандарт
Собственного
Его Императорского Величества Конвоя

Л.-Гв. Кавказский Горский полуэскадрон. 1882 год

Горцы и казаки Конвоя. 1858 год

Офицеры Горцы 1857 г.

Сын Шамиля Шафи-Магомет и дочери Шамиля Надживат и Нафисато[255]

Горец Конвоя Его Величества 1882 г.

[255] Корнет Шафи-Магомет Шамиль, по Высочайшему повелению, назначен в Конвой Его Величества 8 апр. 1861 года. 14 мая 1885 г. – ген.-майор, и зачислен в запас по Гв. Кавалерии.

Государь Император Николай I Павлович
в форме Л.-Гв. Кавказского Линейного Казачьего эскадрона
Собственного Его Величества Конвоя

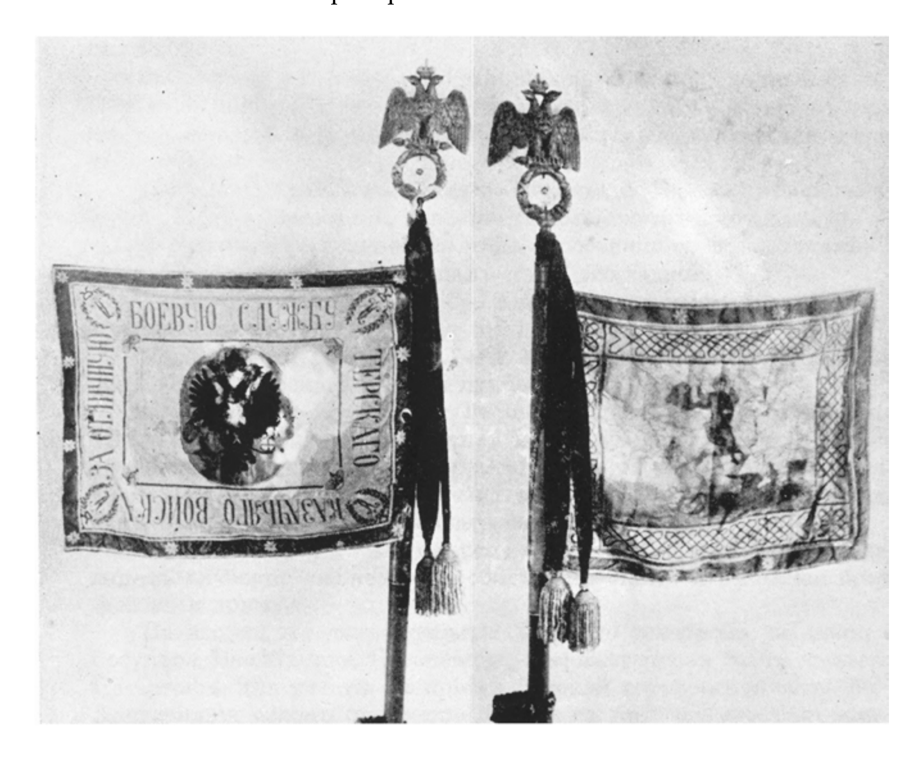
Государь Император Александр II Николаевич
Изволил числиться в Собственном Конвое с 13-го июня 1861 года

Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь
Николай Александрович в Бозе почивший в Ницце в 1865 году

Георгиевский Штандарт
Л.-Гв. Кавказского Терского Казачьего эскадрона Собственного
Его Императорского Величества Конвоя

Высочайше пожалованный Государем Императором
Александром II Николаевичем 8-го октября 1868 года

Его Императорское Высочество
Великий Князь Михаил Николаевич
Числился в списках Конвоя Его Величества с 20-го января 1863 года

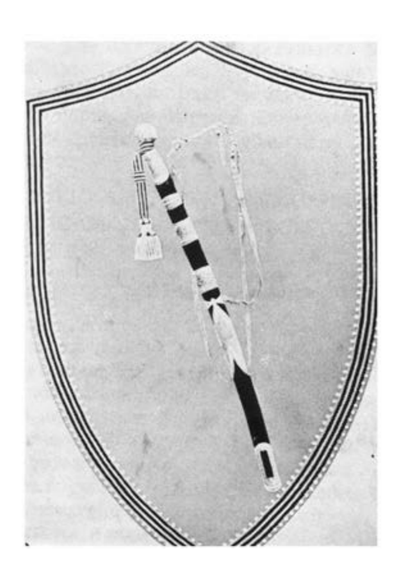
Конная атака Л.-Гв. Терского казачьего эскадрона
Собственного Его Императорского Величества Конвоя
на турецкую пехоту под Ловчею, в день 22-го августа 1877 г.

Казак Его Величества Конвоя
1840 год

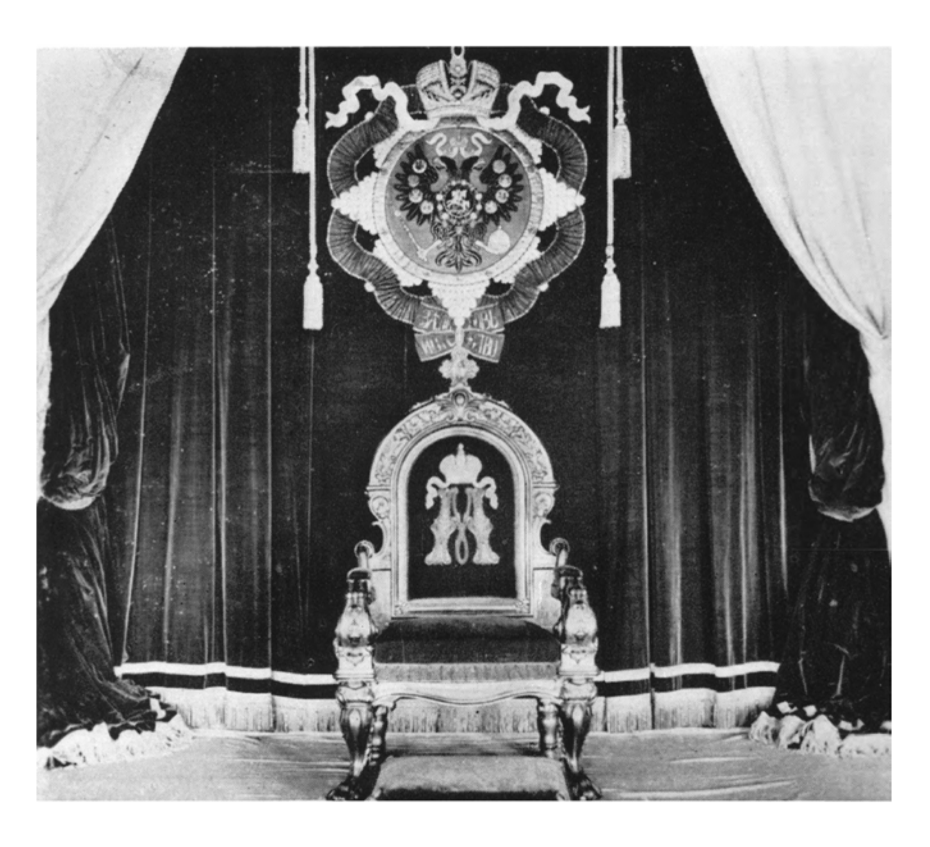
Конвойцы в царствование Императора Александра II

Шашка Императора Александра II,
поднесенная Ему офицерами Конвоя

Государь Император Александр III Александрович
Изволил числиться в Собственном Конвое с 29-го мая 1859 года
В Бозе почил 20-го октября 1894 года

Москва. Трон Государыни Императрицы Марии Феодоровны
в Екатерининском зале Николаевского Дворца

Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь
Николай Александрович
1886 год (18 лет)

Государь Император Николай II Александрович
и Высоконареченная Невеста Государя Императора
Великая Княжна Александра Феодоровна. 1894 г.

Императорский Зимний Дворец в С.-Петербурге

Андреевский Тронный зал. Николаевский Дворец в Москве

Собственный Его Императорского Величества Конвой в Москве
перед началом Коронационного парада 26-го мая, 1896 года

Ее Императорское Величество Государыня Императрица
Александра Феодоровна

Дочь Великого Герцога Гессенского Людовика IV и супруги его Принцессы Алисы, дочери Королевы английской Виктории. Рождена 25-го мая 1872 года в г. Дармштадте. При крещении наречена: Алиса, Виктория, Елена, Луиза, Беатриса. Прибыла в Россию 8-го октября 1894 г. С 21-го октября, приняв православие – Великая Княжна Александра Феодоровна. С 14-го ноября – Русская Императрица. 14-го мая 1896 г. увенчана Короной Русских Императриц. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года завершила Свой жизненный путь тяжелым страданием, и со всей Своей Царской Семьей увенчана терновым венцом, приняв мученическую смерть в городе Екатеринбурге

Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич со Своими Августейшими Сестрами, Государынями и Великими Княжнами Марией Николаевной, Ольгой Николаевной, Анастасией Николаевной и Татьяной Николаевной

Праздник Собственного Его Императорского Величества Конвоя в Царском Селе 4-го октября 1904 года

Внизу фотографии надпись: «4-го октября 1904 г. Царское Село», сделана Собственноручно Государем Императором. Фотография вывезена из Царского Села во время Второй Мировой войны.

На фотографии Их Величества, Государь Император Николай II Александрович и Государыня Императрица Александра Феодоровна, офицеры и дамы Конвоя. – (Слева направо).

1-й ряд, сидят на ковре: подъесаул Кулебякин, сотник Чермоев, сотник Тускаев, сотник Токарев, сотник князь Амилахвари, сотник Шапринский, есаул Федюшкин.

Второй ряд (сидят): сестра сотника Тускаева, супруга подъесаула Гажеева, супруга есаула Петина, Министр Двора барон Фредерикс, Государыня Императрица и Государь Император, супруга командира Конвоя баронесса Мейендорф, сестра сотника Тускаева, супруга сотника Токарева.

Третий ряд (стоят): подъесаул Гажеев, полковник Скакун, командир Конвоя Свиты Его Величества генерал-майор барон Мейендорф, есаул Петин, есаул Астахов, сотник Поляков, сотник принц Риза-Кули-Мирза, сотник Долгов.

Четвертый ряд (стоят): есаул Перепеловский, доктор Поляков, сотник Абациев, подъесаул Логвинов, полковник Старицкий, делопроизводитель Камешков, младший врач Рикерсен и сотник Рашпиль.

Офицеры Собственного Его Императорского Величества Конвоя (1908 г.): 1 ряд стоят: подъес. Долгов, сот. Савицкий, сот. Гудыга. 2 ряд стоят: подъес. Тускаев, подъес. принц Риза-Кули-Мирза, подъес. Свидин, подъес. Шапринский, подъес. Жуков, подъес. Токарев, сот. Поляков, подъес. князь Амилахвари. 3 ряд сидят: ес. бар. Унгерн-Штернберг, ес. Кулебякин, полк. Перепедовский, ком. Конвоя Свиты Его Величества ген.-м. князь Трубецкой, полк. Петин, ес. Федюшкин, ес. Логвинов. 4 ряд сидят: подъес. Абациев, сотп. Татонов, хор. Харанов, сот. Хаджи-Мурат

С
СТОЛѢТІЕ
СОБСТВЕННАГО КОНВОЯ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
1811
1911
Н. САМОКИШЪ.

Офицерское собрание Собственного
Его Императорского Величества Конвоя.
Личный подарок Государя Императора

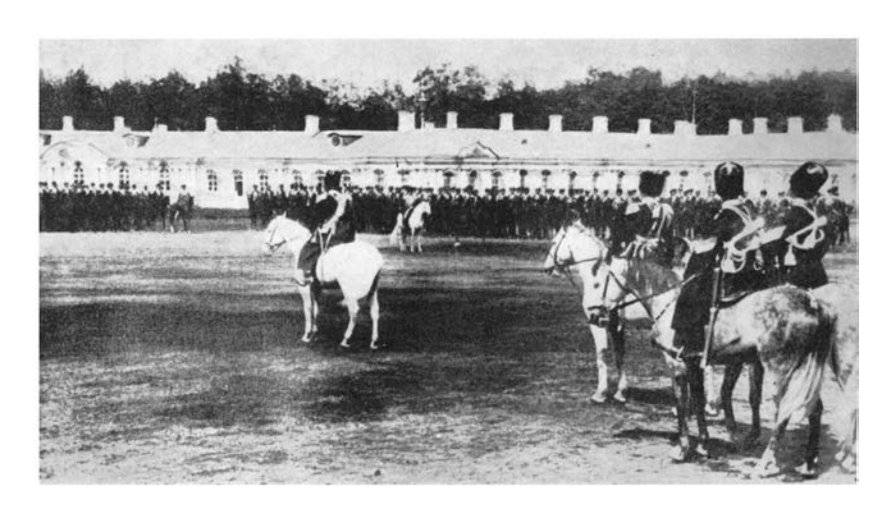
Угловая башня – кабинет Его Величества

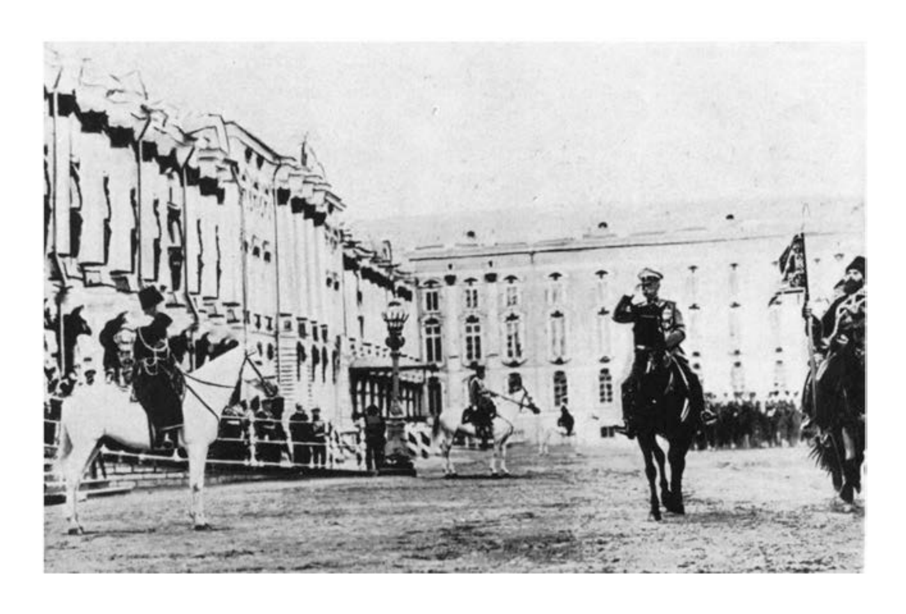
Юбилейный Штандарт
Собственного Его Императорского Величества Конвоя.
Пожалован Государем Императором
Николаем II Александровичем
18-го мая 1911 г.

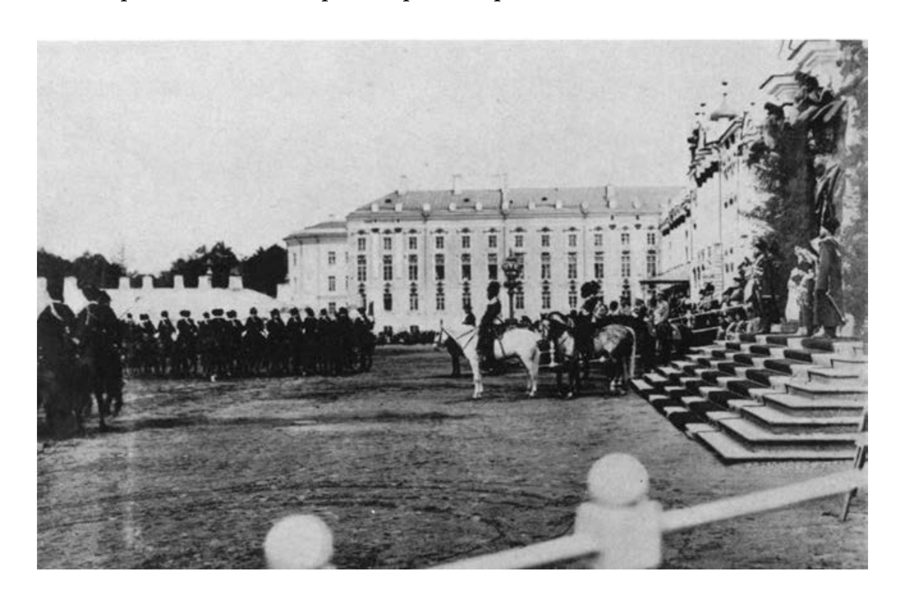
Прибытие Государя Императора на Юбилейный парад Конвоя

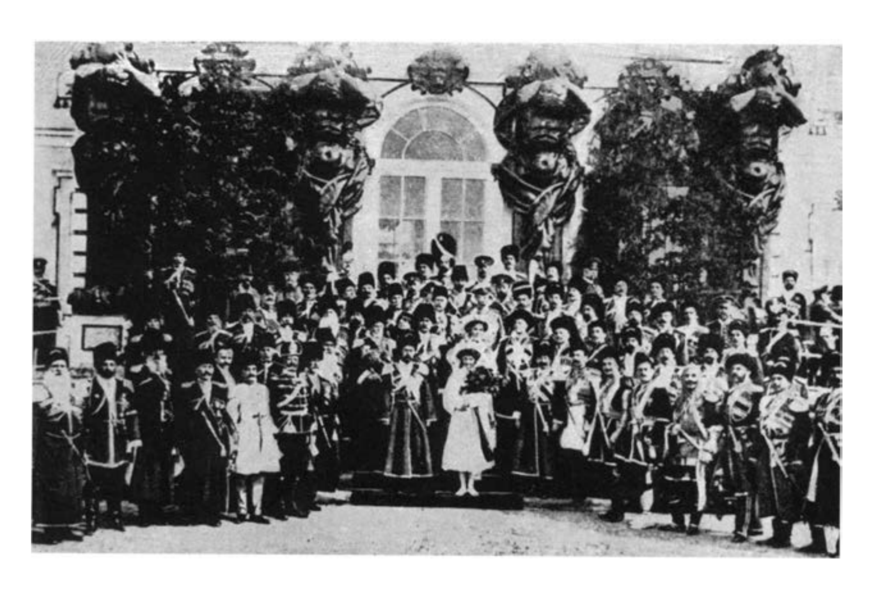
Государь Император поздравляет Свой Конвой
со столетним Юбилеем
18-го мая 1911 г.

Церемониальный марш. Государь Император у среднего подъезда Екатерининского Дворца. Правый фланг Конвоя Его Величества

Прохождение сотен Конвоя перед Государем Императором
18-го мая 1911 года

Его Величество Государь Император, Великая Княжна
Ольга Николаевна, Великая Княжна Татьяна Николаевна,
Войсковые делегации и офицеры Конвоя перед Екатерининским
Дворцом, после Высочайшего завтрака

Офицеры и их гости: Войсковые делегации, представители
воинских частей и старики конвойцы, прибывшие с Кавказа
на Столетний Юбилей Собственного Его Императорского
Величества Конвоя, перед Офицерским собранием

Освящение Юбилейного Штандарта Собственного
Его Величества Конвоя

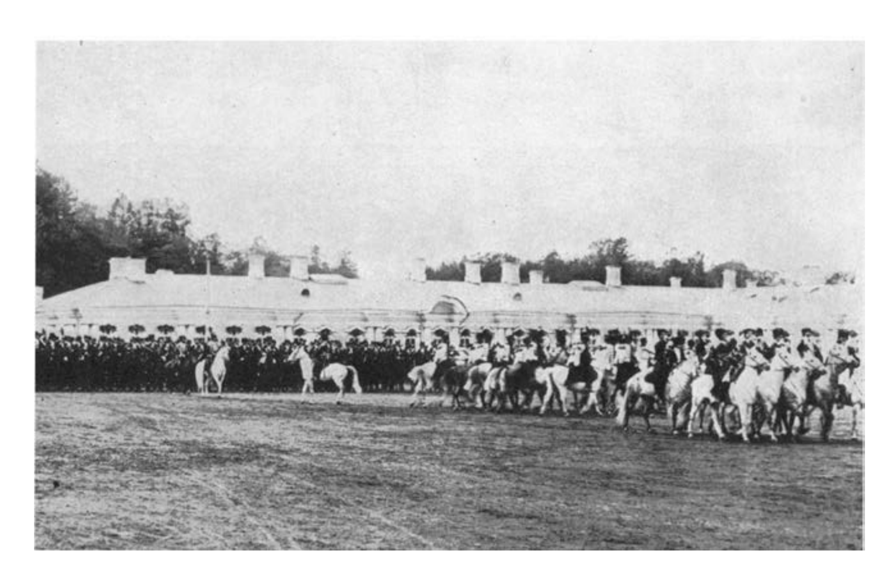
Присяга Юбилейному Штандарту. 18-го мая 1911 г.
...«От команды и Знамени, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизон, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду...»

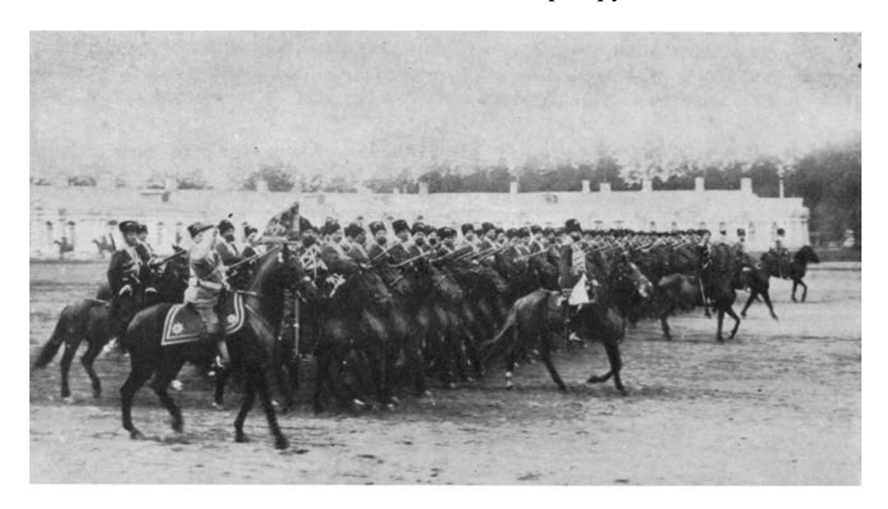
Командир Конвоя, преклонив колено, принимает Высочайше пожалованный Юбилейный Штандарт из рук Его Величества. Штандартный подхорунжий, крестясь, принимает новую Святыню Государева Конвоя

Прием Высочайше пожалованного Штандарта адъютантом Конвоя подъесаулом А. Жуковым

Трубачи Конвоя открывают Церемониальный марш. Трубачи Л.-Гв. Гусарского Его Величества полка следуют на положенное место для хора трубачей

Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня в развернутом строю проходит Церемониальным маршем. На правом фланге сотни, правее Штандарта, Министр Императорского Двора генерал-адъютант барон Фредерикс

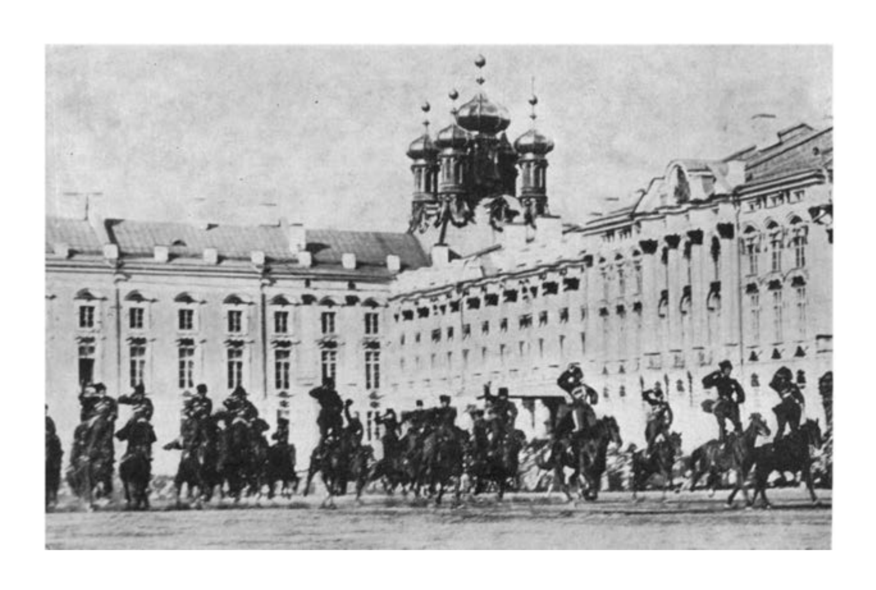

Офицеры и казаки Конвоя в исторических формах на Юбилейных торжествах 100-летия Конвоя Его Величества (слева направо):

1-й ряд. Сидят на ковре казаки в формах: Мусульманского, Грузинского, Лезгинского и Горского взводов Л.-Гв. Кавказского эскадрона.

2-й ряд. Сидят офицеры в формах: Подъесаул Ветер, Л.-Гв. Черноморский казачий эскадрон – 1811 год. Подъесаул князь Амилахвари, Грузинский взвод – 1857 год. Подъесаул Долгов, Л.-Гв. Черноморский казачий эскадрон – 1832 год. Подъесаул принц Риза-Кули-Мирза, Мусульманский взвод – 1857 год. Сотник Скворцов, Л.-Гв. Черноморский казачий Дивизион – 1842 год. Сотник Хоранов, Команда Крымских Татар – 1863 год.

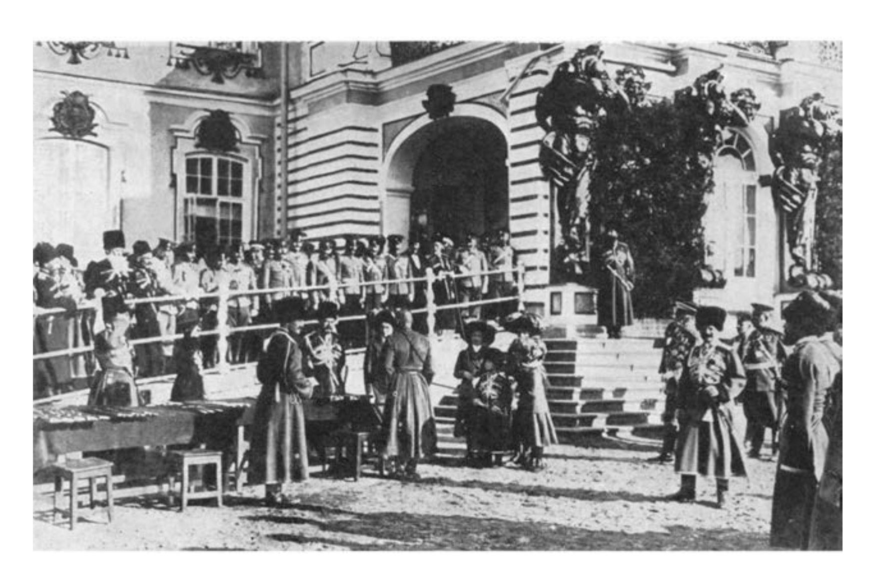
3-й ряд. Стоят: подъесаул Шапринский, Л.-Гв. Черноморский казачий Дивизион – 1850 год. Урядник, Л.-Гв. Черноморский казачий Дивизион – 1850 год. Урядник, Л.-Гв. Черноморский казачий эскадрон – 1811 год. Урядник, Л.-Гв. Кавказский казачий эскадрон – 1855 год. Сотник Федюшкин, Лезгинский взвод – 1857 год. Подъесаул Панкратов, Л.-Гв. Кавказский казачий эскадрон – 1855 год. Урядник, Л.-Гв. Команда Крымских Татар – 1863 год. Урядник, Л.-Гв. Черноморский казачий эскадрон – 1832 год. Подъесаул Хаджи Мурат, Горцы Л.-Гв. Кавказского эскадрона – 1857 год.

Джигитовка Конвоя на площади перед Екатерининским Дворцом
19-го мая 1811 года

Войсковые делегации перед Офицерским собранием (слева направо): 16 Стрелкового Императора Александра III полка. Л.-Гв. Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка. Л.-Гв. Казачьего Его Величества полка. Кубанского и Терского Казачьих Войск, во главе с Наказными Атаманами генералами Бабичем и Михеевым (в центре группы) и Атаманы станиц – старые конвойцы – георгиевские кавалеры

Раздача призов за джигитовку. Его Величество Государь Император и Великая Княжна Ольга Николаевна разговаривают с казаком Конвоя, получившим приз

Государь Император благодарит командира Конвоя за лихую джигитовку казаков – Своих конвойцев

Братина-Литавра Государеву Конвою от Братьев Кубанцев
и Братина от Терского Казачьего Войска

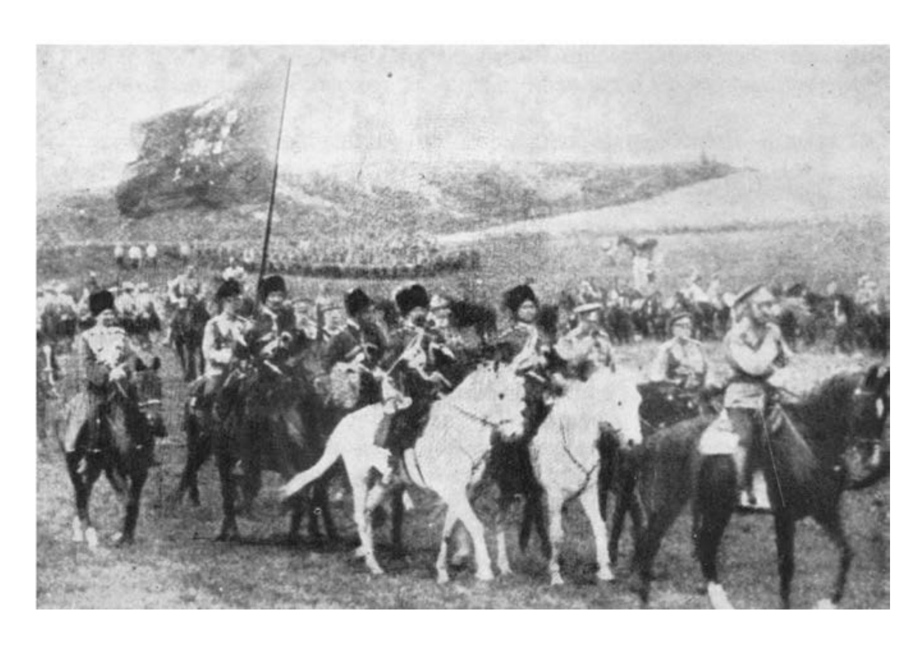
Поднесенные Конвою Братины (слева направо):
1-го Железнодорожного полка. Л.-Гв. Кирасирского Ея Величества
Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка
и Собственного Его Величества Сводно-Пехотного полка

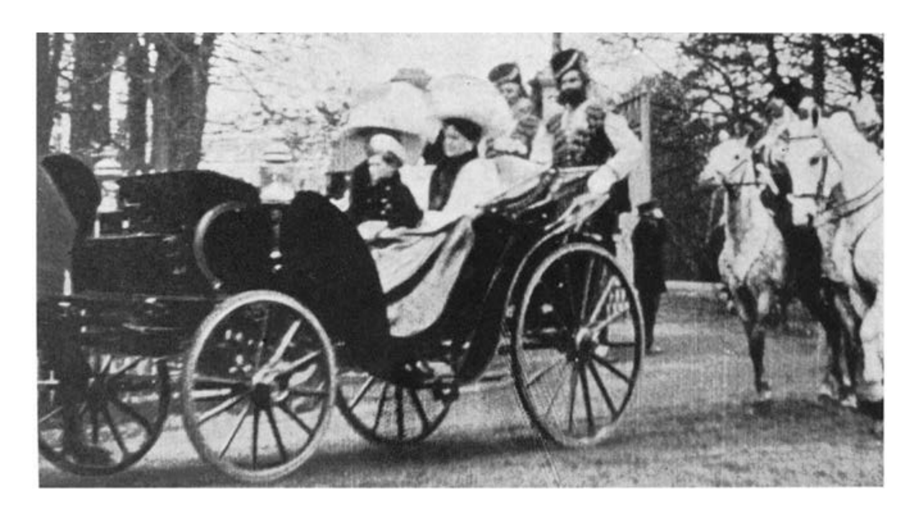
Икона Св. Николая Чудотворца, Благословение дам Конвоя.
Адреса, поднесенные Конвою от Кубанского Казачьего Войска,
Терского Казачьего Войска и 16 Стрелкового Императора
Александра III полка

Юбилейные подарки Конвою (слева направо): от старых офицеров
Конвоя Кубанцев, Л.-Гв. от Казачьего Его Величества полка
и от старых офицеров-Терцев

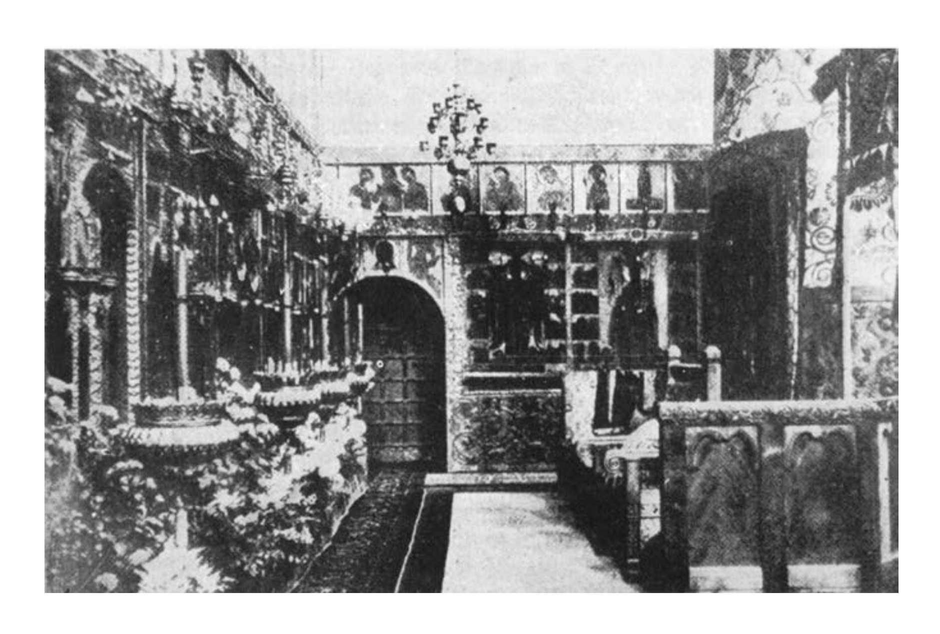
Высочайший объезд войск. Непосредственно за Государем следуют трубачи Его Величества, урядник ординарец и урядник с Императорским Штандартом

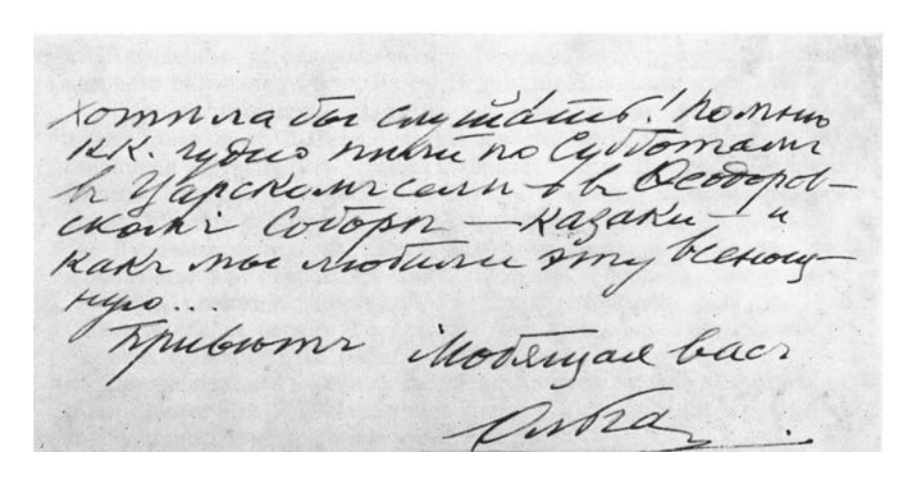
Выезд Государыни Императрицы с Наследником Цесаревичем. У задних колес коляски два камер-казака Ее Величества

Выход Государя Императора со Своей Августейшей Семьей
из Троицкого Собора Ипатьевского монастыря.
Государь Наследник Цесаревич на руках ординарца Его Величества,
старшего урядника Скорикова. Кострома. Май 1913 год

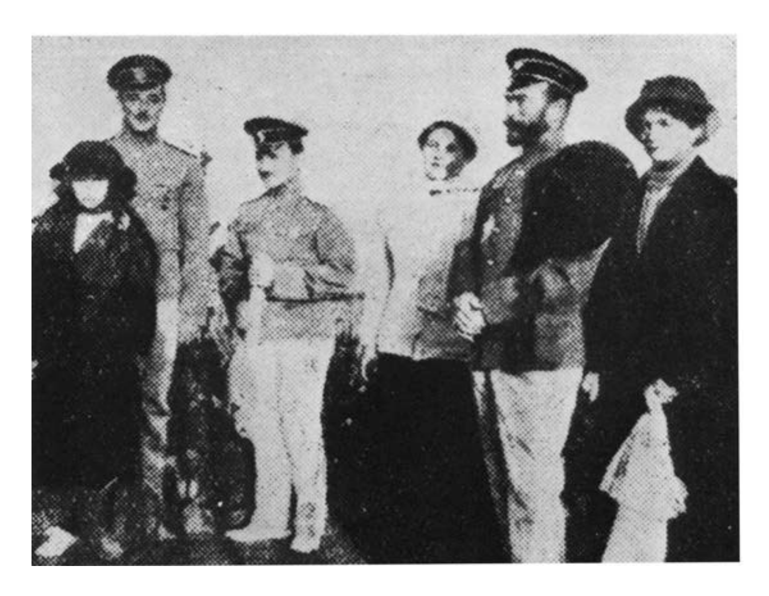

«Пещерный» храм Феодоровского Собора в Царском Селе

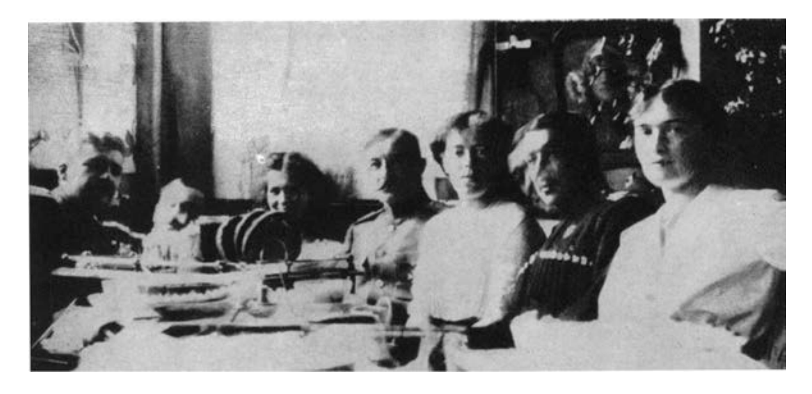

хотѣла бы слушать! Помню
к.к. чудно пѣли по Субботамъ
въ Царскомъ селѣ и въ Феодоров-
скомъ Соборѣ — казаки — и
какъ мы любили эту всенощ-
ную...
Привѣтъ Любящая васъ
Ольга.

Письмо Ее Императорского Высочества Великой Княгини
Ольги Александровны от 29-го апреля 1957 г.

В Новом Петергофе. Государь Император с Великими Княжнами Ольгой Николаевной и Анастасией Николаевной на теннисной площадке дачи «Александрия».
На снимке А. А. Вырубова и офицеры Конвоя – подъесаул Шведов и сотник Зборовский

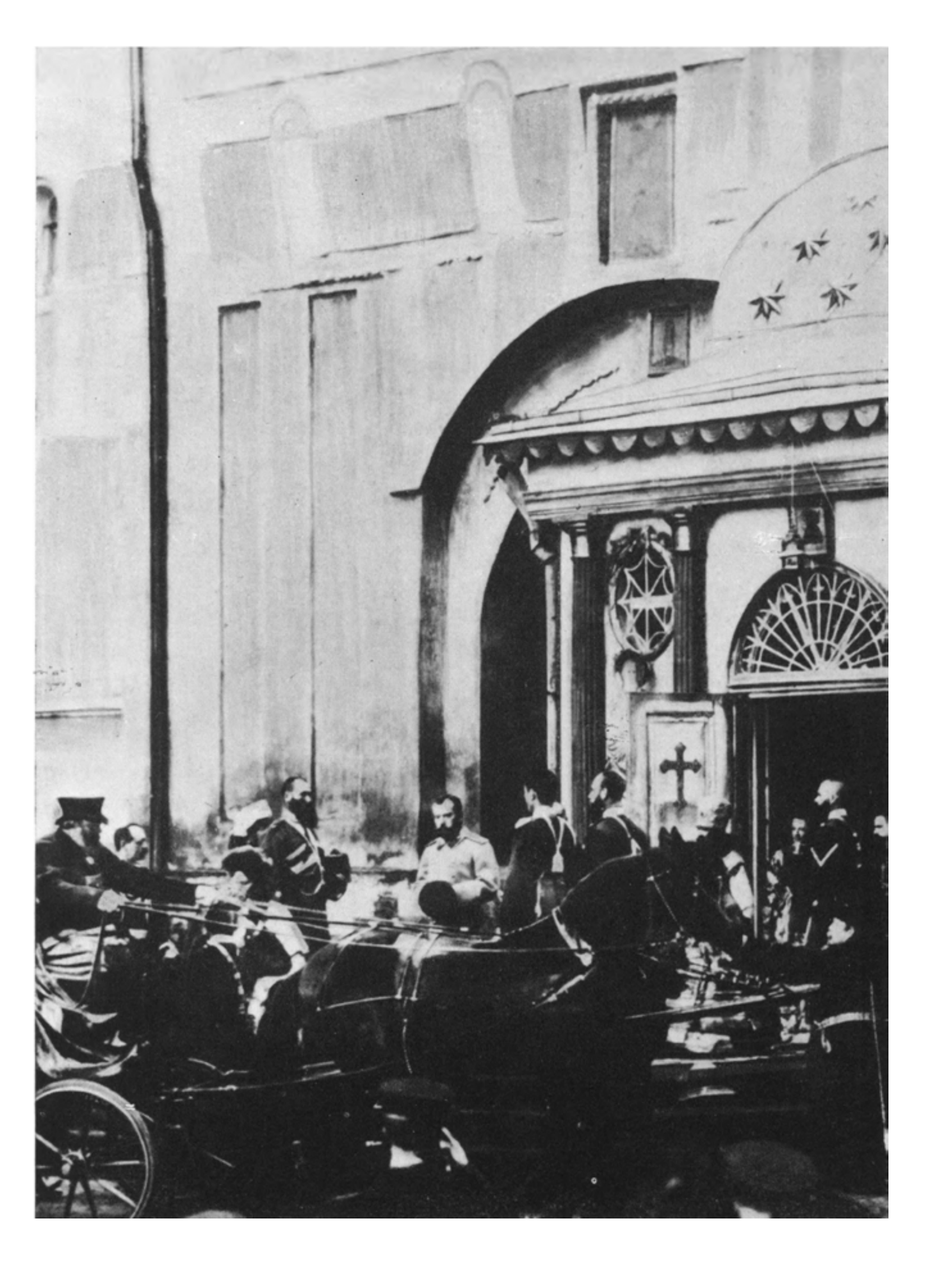
Чай у Великой Княгини Ольги Александровны. По правую руку Ее Императорского Высочества: полковник Унгерн-Штернберг, Великая Княжна Мария Николаевна, сотник Зборовский и офицер Сводного полка. По левую – подъесаул Шведов и Великая Княжна Ольга Николаевна

Крым. Рыбная ловля. Государь Наследник Цесаревич
и Его наставник, господин П. Жиляр. Слева на фотографии урядник
Конвоя – ординарец Его Величества

Их Императорские Величества
Государь Император Николай II Александрович,
Государыня Императрица Александра Феодоровна
и Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич
и Великий Князь Алексей Николаевич

Выход Их Императорских Величеств из часовни Иверской Божьей Матери. Дежурный офицер Конвоя сотник Н. Золотарев. Москва. 4-го августа 1914 года

Шествие Их Императорских Величеств в Чудов Монастырь.
Государь Наследник Цесаревич на руках у урядника Конвоя –
ординарца Его Величества.
Москва. 5-го августа 1914 года

Августейшие Сестры Милосердия. Государыня Императрица Александра Федоровна и Великие Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна.
Царское Село 1914 г.

ПРИКАЗЪ
АРМІИ и ФЛОТУ

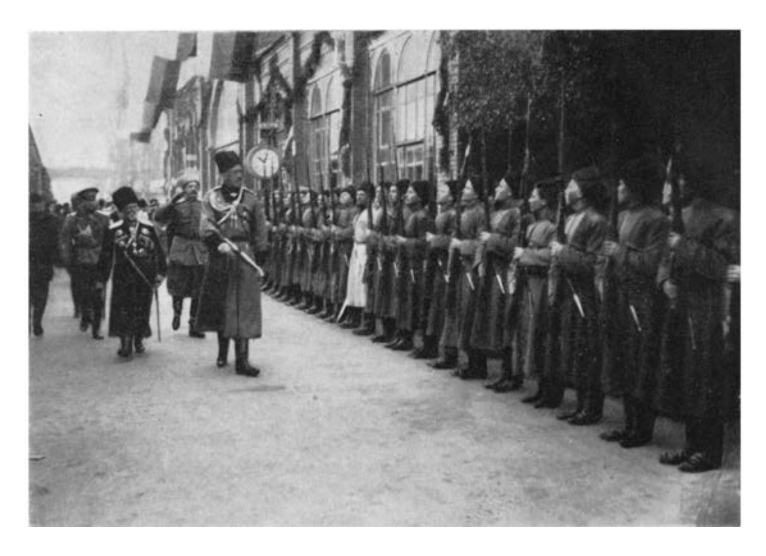
23-го августа 1915 года.

Сего числа Я принялъ на СЕБЯ предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Съ твердою вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимою увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ земли Русской.

Николай

Высочайший Приказ Армии и Флоту 23-го августа 1915 года

Прибытие в Екатеринодар в 1915 году Наместника Кавказа и Войскового Атамана Кавказских Казачьих Войск. Великий Князь Николай Николаевич принимает почетный караул от Кубанского Пластунского каз. батальона

Великий Князь Николай Николаевич у Юбилейного Георгиевского Знамени Кубанского Казачьего Войска. Правее Его Наказный Атаман генерал-лейтенант М. Бабич. Екатеринодар, 1915 год

Царская Ставка. 4 октября 1915 г. Праздник Конвоя Его Величества. Государь Император, в сопровождении Государя Наследника Цесаревича и командира Конвоя Свиты Его Величества генерал-майора графа Граббе, обходит фронт сотен Конвоя. Перед строем сотник Зборовский

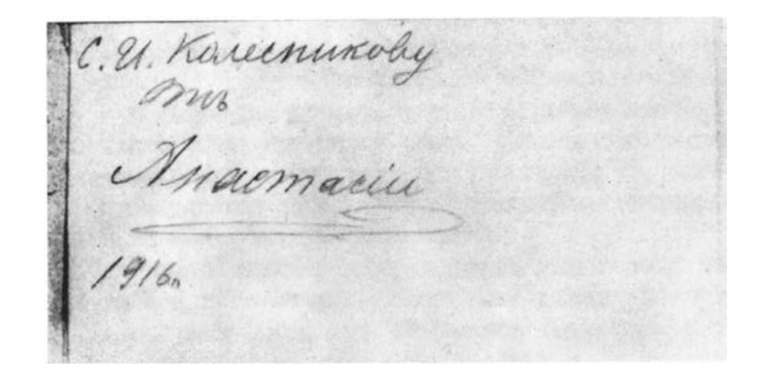
Царская Ставка. 1915 г. Государь Наследник Цесаревич и Его наставник П. Жиляр на военной платформе. У вагона поезда Литера «А» офицер и казаки Конвоя

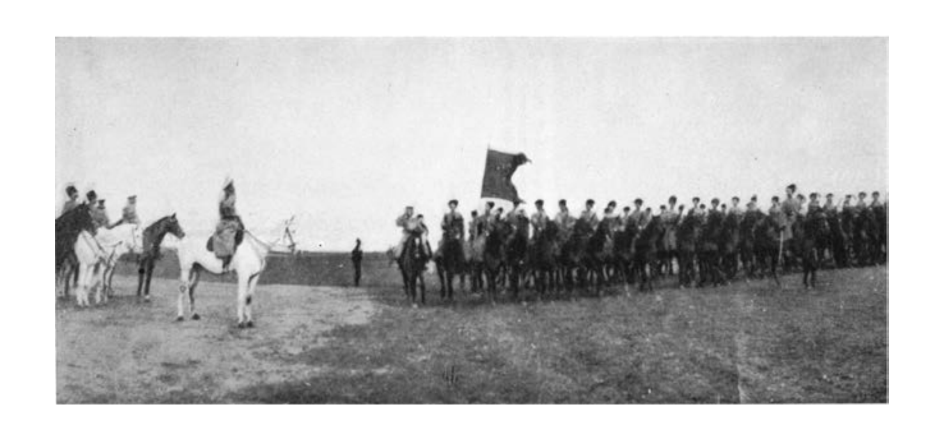

Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь
Алексей Николаевич со своей любимой собакой «Джой».
Царское Село.

Конвойцы у вагона Государя Императора. Дежурный офицер хорунжий С. И. Колесников. Снимок Великой Княжны Анастасии Николаевны

На оригинале Собственноручная Ее подпись. 1916 год

Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня Собственного Его Императорского Величества Конвоя на Высочайшем смотре войск Юго-Западного фронта, в районе Хотина в 1916 году. Всем 4-м сотням Конвоя были положены сотенные значки большого образца. По размерам, они были равны полковым. На фланге сотни виден этот сотенный значок. (1-я сотня алый, 2-я синий, 3-я белый, и 4-я зеленый цвета. Каждый сотенный значок окаймлен узкой черной полосой).

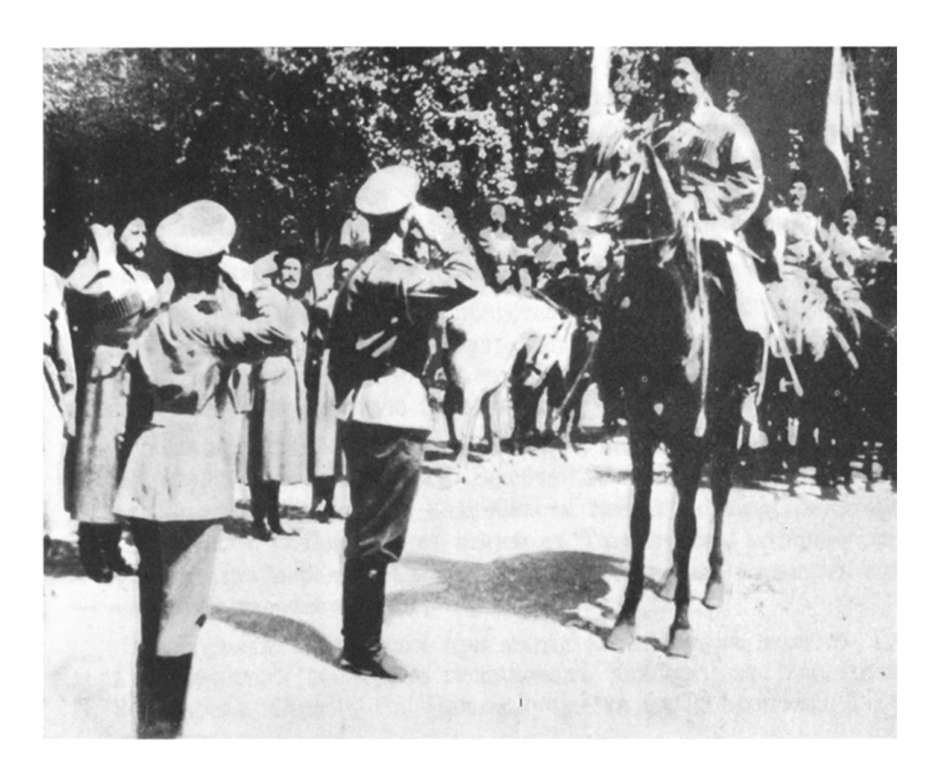
...«Мы в восторге, что Ты видел нашу Сотню!..»
Слова Государыни Императрицы в письме к Государю Императору.
«Письма Императрицы Александры Федоровны».
Перевод с английского В. Д. Набокова. 1922 год. Стр. 60

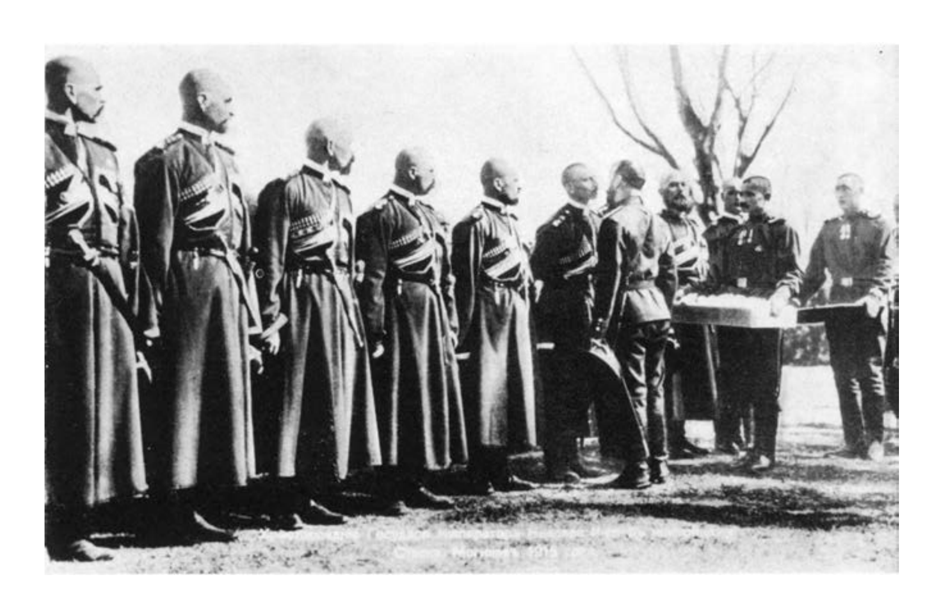
Государь Император, в сопровождении Государя Наследника Цесаревича, встречает вернувшуюся с фронта Л.-Гв. 1-ю Кубанскую сотню. На фотографии справа Флигель-Адъютант Князь Игорь Константинович. Царская Ставка, июнь 1916 года

Командир Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни есаул Г. Рашпиль. Убит в конной атаке под Екатеринодаром 31-го марта 1918 года

Прибытие с фронта Л.-Гв. 4-й Терской сотни в Царскую Ставку.
1916 год.
Государь Император в сопровождении Государя Наследника Цесаревича принимает рапорт командира сотни есаула Татонова

Христосование Государя Императора с Казаками Своего Конвоя.
Царская Ставка

Вензель Государыни Императрицы на пасхальном яйце

Высочайшее поздравление офицерам Конвоя, бывшим на фронте.
Письмо подъесаулу М. А. Скворцову. 1916 г.

1916

[illegible] [illegible]
вспоминай меня [illegible]
и вспоминай [illegible]
любовь.
Ваня

[illegible]

Праздник Собственного Его Императорского Величества Конвоя
Царская Ставка. 4-го октября 1916 года.
Государь Император поздравляет с переводом в Свой Конвой,
вызванных из строя, прикомандированных офицеров.
При Государе Императоре Государь Наследник Цесаревич
и командир Конвоя Свиты Его Величества генерал-майор
граф Граббе. Офицеры (слева направо): сотник Н. Галушкин,
сотник А. Грамотин и сотник П. Ергушев

Праздник Собственного Его Императорского Величества Конвоя
Царская Ставка. 4-го октября 1916 года.
Государь Император Николай II Александрович,
Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь
Алексей Николаевич и Великие Княжны (слева направо)
Великая Княжна Анастасия Николаевна,
Великая Княжна Ольга Николаевна,
Великая Княжна Татьяна Николаевна
и Великая Княжна Мария Николаевна,
мученически убиенные в ночь с 16-го на 17-е июля 1918 года
в Екатеринбурге.

Офицеры Конвоя (слева направо): Е. Д. Шкуропатский – убит,
Ф. М. Киреев – умер в походе, М. И. Свидин – выдан большевикам,
М. А. Скворцов, А. Н. граф Граббе – умер, И. А. Ветер – умер,
Г. А. Рашпиль – убит, А. К. Шведов – умер в тюрьме, С. Г. Лавров –
умер в тюрьме, В. З. Зборовский – смертельно ранен,
Н. В. Галушкин, А. А. Грамотин,
П. Г. Ергушев (выдан большевикам)

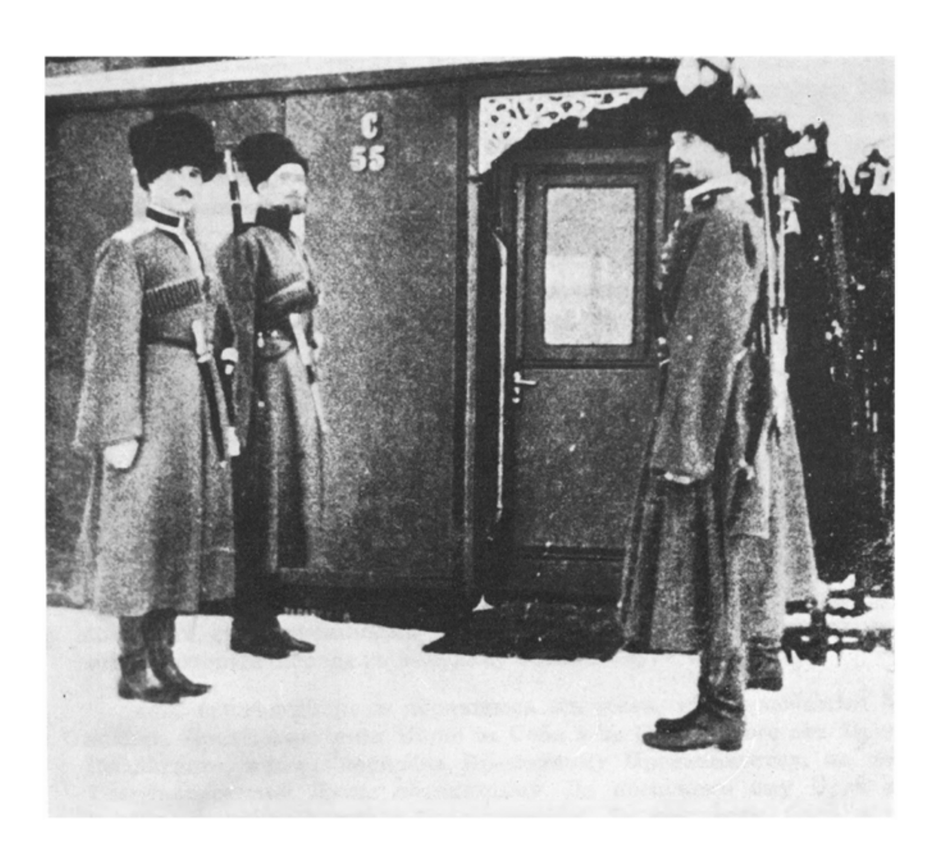
Великая Княжна Мария Николаевна после болезни. 1917 год.
Слева от Нее Великая Княжна Анастасия Николаевна
и справа Великая Княжна Татьяна Николаевна

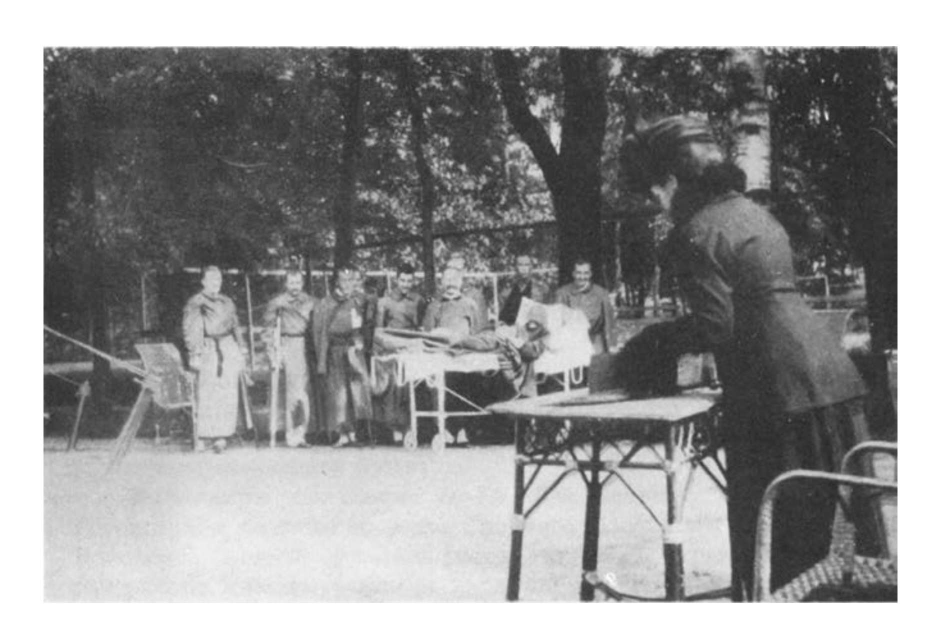
Их Императорские Высочества Великая Княжна Ольга Николаевна
и Великая Княжна Татьяна Николаевна.
На правой руке Великой Княжны Ольги Николаевны виден браслет
с нагрудным знаком Конвоя. Государыне и Великим Княжнам эти
браслеты были поднесены офицерами Конвоя в 1911 году.
Снимок с фотографии, пожалованной одному из офицеров Конвоя

Государь Император в пластунской черкеске, которую Он имел на Себе в Пскове – в роковые дни 1-го и 2-го марта 1917 года и в последние дни пребывания в Могилеве.
Личный снимок Государыни Императрицы Александры Феодоровны

В последний день пребывания Государя Императора в Ставке.
Хорунжий Е. Ногаец, урядник и казаки Конвоя ожидают прибытия
Его Величества у вагона Государыни Императрицы
Марии Феодоровны, перед прощанием Государя
со Своей Августейшей Матерью и отбытием в Царское Село.
Могилев, 8-го марта 1917 года

Государыня Императрица Мария Феодоровна фотографирует группу раненых, при посещении одного из Киевских госпиталей. Киев, 1916 год

Государыня Императрица Мария Феодоровна при закладке железнодорожного моста через Днепр.
Дежурный офицер Конвоя хорунжий Е. Ногаец

Государыня Императрица Мария Феодоровна, Великий Князь Александр Михайлович (третий слева) и лица, состоявшие при Государыне: Фрейлина Государыни графиня З. Г. Менгдель, Командир роты Сводного полка капитан В. Богенский, генерал кн. С. Долгорукий, Инспектор Императорских поездов Д. Ст. Сов. Ежов, Обер-гофмейстер кн. Г. Шервашидзе, Завед. Дворцом Д. Ст. Сов. Псиол, гофмаршал пол. бар. Боде, Командир полусотни Конвоя подъесаул А. Федюшкин, Сводного полка Шт. Кап. Н. Завалишин, офицер Конвоя хорунжий Е. Ногаец и Сводного полка поручик Ф. Озаровский.
Киев, 1916 год

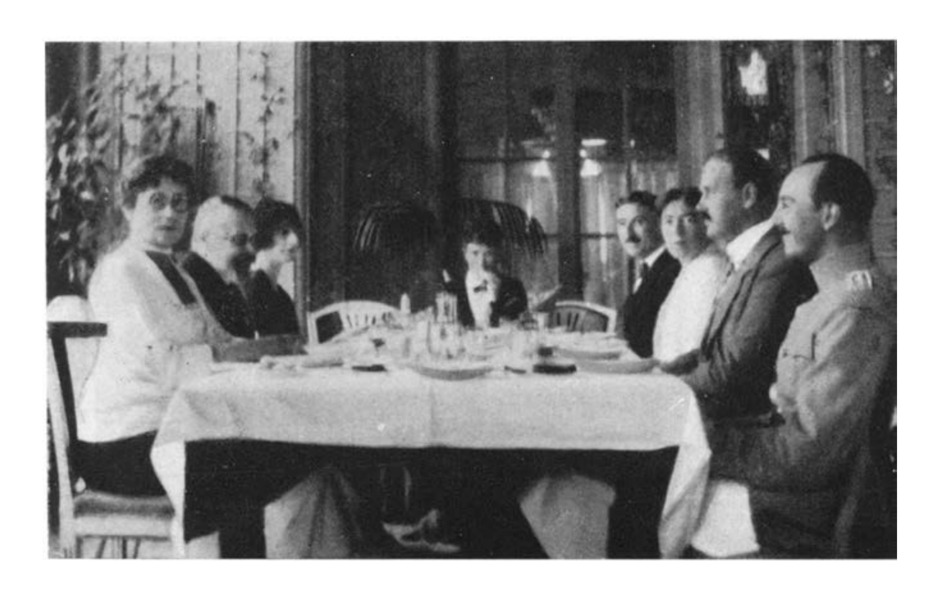
Государыня Императрица Мария Феодоровна, Великая Княгиня
Ксения Александровна, Великий Князь Александр Михайлович,
Князь Феодор Александрович и (слева направо) пор. Ф. Озаровский,
шт. кап. Н. Завалишин, Д. Ст. Сов. Псиол, пол. бар. Боде,
офицер Конвоя хорунжий А. Рогожин, кн. Шервашидзе,
ген. кн. Долгорукий, оф. Конвоя хор. Е. Ногаец и инж. Ежов

Государыня Императрица Мария Феодоровна и Великая Княгиня Ксения Александровна в Киевском Дворце, 1916 год. На полу у ног Ее Величества К-р полусотни Конвоя хор. А. Рогожин и К-р роты Сводного полка кап. В. Богенский. Вправо от Великой Княгини – офицер Конвоя хор. Е. Ногаец

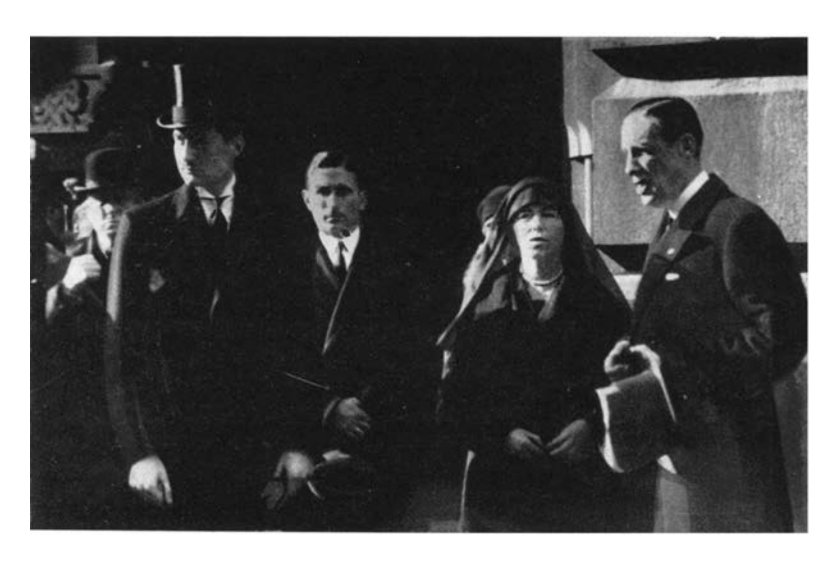
Портрет Государыни Императрицы Марии Феодоровны
с Собственноручной подписью, пожалованный Ее Величеством
офицерам Конвоя А. Рогожину и Е. Ногайцу, при прощании
с ними 23-го марта 1917 года

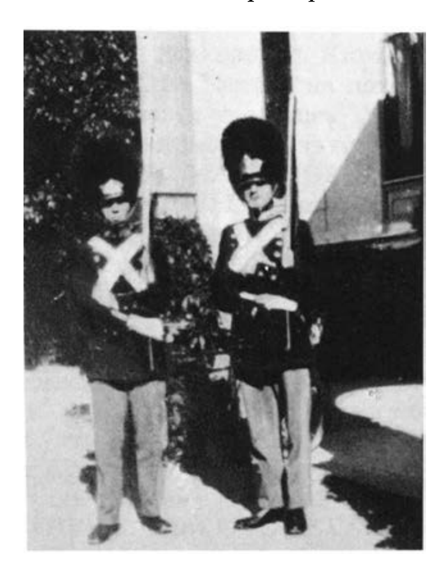
На даче «HVIDÖRE» («Видёр»). Дания 1921 год.
По левую руку Государыни Императрицы Марии Феодоровны – офицер Конвоя Е. Ногаец, Великая Княгиня Ольга Александровна, Ее супруг полковник Н. А. Куликовский, Принц Виго-Эрик, сын Брата Государыни Императрицы Принца Вальдемара. По правую руку – Принцесса Маргарита, адмирал кн. Вяземский и Великая Княгиня Ксения Александровна

Государыня Императрица Мария Феодоровна.
За Государыней Великие Княгини Ксения Александровна
и Ольга Александровна (в шляпе). Между ними полковник
Н. А. Куликовский. Остальные (слева направо):
фрейлина Государыни гр. З. Г. Менгден, офицер Конвоя
Е. Ногаец и его супруга. На веранде дачи «HVIDÖRE» 1921 г.

Великая Княгиня Ольга Александровна на похоронах Государыни Императрицы Марии Феодоровны. Копенгаген. 1928 год. Правее Великой Княгини офицер Конвоя Е. Ногаец

Часовые Датской Королевской Гвардии у подъезда дачи «HVIDÖRE» – резиденции Государыни Императрицы Марии Феодоровны

Содержание

Собственный Его Императорского Величества Конвой

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *Е. Романова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru